

ВОЛЬДЕМАР БАЛЯЗИН

САМОДЕРЖЦЫ

ЛЮБОВНЫЕ ИСТОРИИ ЦАРСКОГО ДОМА

1

ИСТОРИЧЕСКОЕ
ДОСЬЕ

СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ»

Вольдемар Балязин
**САМОДЕРЖЦЫ.
ЛЮБОВНЫЕ ИСТОРИИ
ЦАРСКОГО ДОМА**
Книга первая

Москва
«ОЛМА—ПРЕСС»
1999

ББК 67.99(2)8
Б21

Исключительное право публикации книги Вольдемара Балязина «Самодержцы. Любовные истории царского дома» принадлежит издательству «ОЛМА-ПРЕСС».

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

Балязин В.

Б21 Самодержцы. Любовные истории царского дома: В 2 кн. Кн. 1 — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. — 608 с.; ил. — (Серия «Историческое досье») ISBN 5-224-00173-0

ББК 67.99(2)8

Истории любви интересны всегда, а истории царской любви любопытны вдвойне. В своей новой книге известный автор исторических произведений В.Балязин рассказывает о любовных перипетиях российских самодержцев. Прочитав эту книгу, Вы узнаете тайны сердец и дум властителей Государства Российского.

ISBN 5-224-00168-4
ISBN 5-224-00173-0

© В. Балязин, 1999
© Издательство «ОЛМА-ПРЕСС», 1999
© В. Шербань, оформление, 1999
© В. Горин, дизайн серии, 1999

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вашему вниманию, уважаемый читатель, я предлагаю двести занимательных, во многих случаях основательно забытых историй из жизни семьи Романовых — второй после Рюриковичей царствовавшей на Руси династии.

Выдающийся русский филолог Владимир Иванович Даль определил понятие династии так: «Род, дом, говоря о государе; поколение, из которого вышло несколько последовательно царствовавших лиц»¹.

В этой книге вы прочитаете об огромной семье, управлявшей гигантской страной на протяжении трех веков и давшей России семнадцать «последовательно царствовавших лиц».

Вместе с тем, повествование о роде Романовых я начну не с той поры, когда на Московском троне оказался первый царь из этого дома, а за полтора века до того, когда переплелось яркое и диковинное соцветие трех блистательных династий, уходя мощными корнями в темную глубину баснословных времен.

Первой династией были Рюриковичи. Они пришли на Русь в IX столетии по Рождеству Христову из полношных скандинавских стран, еще не приобшившись к Учению Иисуса и его церкви.

Палеологи стали императорами Византии в XIII столетии, а на Русь попали двумя веками позже. Первый полулегендарный предок Романовых появился на Москве, придя не то из Литвы, не то из Пруссии, чуть позже того времени, когда Михаил VIII Палеолог занял константинопольский трон.

И все же в центре внимания окажутся Романовы, потому что их историческая роль в судьбах России первостепенна, и если сравнивать их с другими русскими царями — Борнсом

Годуновым или Василием Шуйским, со Лжедмитрием I и Лжедмитрием II, — то такое сопоставление еще убедительнее докажет несоизмеримость заслуг Романовых с каким-либо иным царским родом.

Почему же возникла необходимость рассказать обо всем том, что собрано в этой книге? Да потому, что, пока семья Романовых оставалась правящей династией, всякая попытка приподнять завесу над ее тайнами и интимными секретами считалась разглашением государственной тайны или даже изменой Родине. Поэтому жизнеописания отдельных членов и всей семьи Романовых грешили верноподданническим умилением и утрированным преклонением перед добродетелями августейших особ. Изредка оппозиционная пресса пыталась сдобрить елейную патоку служнических излиятий ложкой дегтя, но объективного описания все равно не получалось. А после октябрьского переворота 1917 года тенденциозность историков и литераторов-очернителей усилилась во сто крат, а потом и вся тема стала запретной. И, таким образом, в отечественной истории возник некий вакуум, который начал заполняться лишь в самые последние годы. Однако публикации на эту тему чаще всего либо повторяли старые официозные версии, либо пропагандировали антимонархические взгляды.

Создалось парадоксальное положение: об истории родственных Романовым династий существует огромная литература, в которой рассказывается о Датском королевском доме — герцогах Ольденбургских и Глюксбургских, которые, породнившись с Романовыми, занимали престолы в Англии и Норвегии, в Дании и Греции; о Шведском королевском доме и доме герцогов Шлезвиг-Голштейн-Готторпских, чьи отпрыски занимали троны Швеции и многих германских королевств, герцогств и княжеств; об Английском королевском доме, имевшем своих представителей и на тронах Германской империи, и на троне Испании. Родственники Романовых правили и в Болгарии, и в Голландии, и в Черногории, и даже в Мексике.

И если о Габсбургах и Гогенцоллернах, об испанских и французских Бурбонах, о Виндзорской династии и прочих — менее значительных династиях — мы знаем довольно много, то о российской царской и императорской династии осведомлены гораздо меньше, да и то часто весьма предвзято и извращенно. Жизнь этой семьи не освещалась, а политические оценки того, что происходило в стране и в мире по воле Романовых или, во всяком случае, при их активном участии, переносились на их семью и личности. А ведь при всем этом августейший дом Романовых оставался обычной семьей — дедушками и бабушками, отцами и матерями, сы-

новьями и дочерьми, братьями и сестрами, дядьями и тетками, племянниками и племянницами... Великое хитросплетение политики и обычных человеческих взаимоотношений безмерно осложняло жизнь семьи Романовых. Борение страстей то достигало шекспировских высот, то опускалось до интриг и пошлостей. И все же любовь и ненависть, симпатии и неприязни, гениальность и бездарность, расточительность и скопидомство, ум и глупость, доброта и жестокость, простодушие и хитрость, чистосердечие и коварство выглядели здесь более отчетливо, более выпукло и контрастно, чем в обычных семьях.

Все, что относилось к жизни и делам августейшего семейства, было окружено глубочайшей секретностью. И это касалось не только дел политических, дипломатических, военных и государственных, но и чисто семейных — женитьб и замужеств, рождений и смертей, завещаний и распоряжений. В равной мере скрывались и чувства, бытующие между членами семьи: симпатии и антипатии, дела финансовые и хозяйственные и т.п. Историки же часто недооценивали влияние чувств и личных взаимоотношений на развитие многих событий в царской семье и вне ее. И потому автор попытается восполнить этот пробел: читатель окупется в половодье страстей, где на первом месте царит любовь во всех ее проявлениях — от самых высоких до самых низменных.

Но прежде сделаем небольшое отступление.

В 1870 году в Санкт-Петербурге вышла первая книга трехтомного сочинения Кондратия Биркина «Временщики и фаворитки». Под именем Биркина скрывался историк театра Петр Петрович Каратыгин — сын известного драматурга и племянник великого актера-трагика.

Каратыгин прямо поставил вопрос о роли любви в истории, отбросив ханжество и ложную стыдливость.

Он писал: «Внимательно перечитывая летописи былых времен, наши и иностранные, невольно приходишь к убеждению, что... и любовь играла не последнюю роль во многих мировых событиях и весьма часто оказывала немаловажное влияние на судьбы народов и целых государств. К сожалению, к этому вопросу — о значении любви в истории — с должным вниманием доньше относились весьма немногие... В чем искать причины равнодушия новейших историков к этому фазису домашней, закулисной жизни монархов? Не в опасении ли вводить скандальный элемент в такую строгую, серьезную науку, какова история? Если так, то подобный взгляд, узкий и слишком односторонний, напоминает жеманницу, отворачивающуюся от наготы античных статуй...

От историка, посвятившего свое перо жизнеописанию фавориток, никто и не потребует сальных анекдотцев; в биографии фаворита или временщика не должно быть страниц, напоминающих Аретина, Боккачио или Лафонтена. Если к любви в истории отнестись единственно как к источнику добра и зла, если на любовь посмотреть только как на силу слабых и слабость сильных, тогда биография временщика или фаворитки бесспорно может иметь смысл и значение»².

Следуя примеру Каратыгина и отбросив ложный пуританизм, признаем, наконец, что и в нашей отечественной истории эротико-сексуальные мотивы весьма нередко просматриваются при изучении тех или иных событий. Но автору все же не хотелось бы превратить их в некую доминанту, долгие годы хранившуюся в сундуке ханжества за семью печатями лицемерного служения экономическому материализму.

Да, согласимся с Каратыгиным, любовь и ненависть движут людьми, хотя и не являются главными силами общественного развития. Они играют в истории роль одной из составных частей сложнейшего явления, называемого жизнью человечества. И потому в этой книге немало страниц будет посвящено любви и страстям, равно как и другим эмоциональным константам человеческого бытия — уму и глупости, благородству и подлости, силе и слабости, добру и злу, великодушию и жестокости, романтизму и холодной расчетливости. Это не значит, что все сюжеты книги посвящены любви. Нет, читатель найдет здесь рассказы и о дворцовых заговорах, и о тайнах рождений и смертей, о покушениях на царствующих особ, о таких чертах героев, как самоотверженность и смелость, любовь к Родине, об их чисто человеческих качествах — щедрости и доброте, поисках истины и смысла жизни, жестокости и необузданности нравов, богобоязненности и безбожии, трудолюбии и лени, чванливости и скромности, мудрости и глупости — в общем, обо всем, что составляет жизнь любого человека, будь он царь или пастух.

Автор хотел бы закончить это вступление отрывком из книги Георга-Адольфа-Вильгельма фон Гельбига «Русские избранные».

Гельбиг жил в Петербурге в конце XVIII столетия и был сначала секретарем саксонского, а потом прусского посольства. Он имел широкий круг знакомств и благодаря этому собрал большую и разнообразную информацию о жизни петербургского двора. О его деятельности, выходящей за рамки официальных обязанностей, знали многие. Знала и Екатерина Великая, почему и не любила слишком любопытного секретаря.

«Вы восторгаетесь моим тридцатитрехлетним царствованием, — писала Екатерина II своему старому другу и многолетнему зарубежному корреспонденту барону Фридриху Гримму, — между тем, как ничтожный секретарь саксонского двора, давно уже находящийся в Петербурге, говорит и пишет о моем царствовании все дурное, что только можно себе представить... Раз двадцать я уже извещала саксонский двор, чтобы его убрали отсюда, но саксонский двор находит, по-видимому, его сообщения прелестными, так как не отзывает его; ну, если и после последней попытки, сделанной мною по этому поводу, его не уберут отсюда, я прикажу посадить его в кибитку и вывезти за границу, потому что этот негодяй слишком дерзок»³. Чтобы не доводить дело до скандала, Гельбига отозвали в Дрезден, но вскоре он вновь приехал в Петербург, на сей раз секретарем посольства Пруссии. Это позволило ему прожить в России еще несколько лет и окончить сбор сведений о «людях случая». В завершённом виде эти материалы увидели свет в 1809 году, когда в Тюбингене вышла его книга, содержащая 110 биографий от Франца Лефорта до Ивана Кутайсова — от начала и до конца XVIII века. Сначала ее почти не заметили, но с течением времени многие очерки в переводе на русский язык появились в разных московских и петербургских изданиях, и к концу XIX века уже не было историка, который не использовал бы материалы Гельбига. Наконец, в 1900 году в Берлине книга вышла и на русском языке.

В ней говорилось: «Перед нами нарождаются, живут, действуют и умирают «птенцы» Петра и «орлы» Екатерины рядом с конюхами Анны и певчими Елизаветы до лакея в ливрее, преображенного в графа Кутайсова.

Тут и литовские крестьянки, переименованные в графинь Ефимовских или Гендриковых, и курляндские конюхи, ставшие герцогами Биронами, и истопники Тепловы или Шкурины, и кучера Возжинские; тут швейцарец Лефорт и еврей Шафиров, армянин Лазарев и неаполитанец Рибас, француз Лесток, поляк Понятовский и немцы без конца, и тут рядом рука об руку с ними Румянцевы-Задунайские и Суворовы-Италийские, которых заслоняют Орловы, Потемкины, Зубовы. Эта пестрая толпа царедворцев проходит перед нами уже не в конюшенных поддевах, не в лакейских ливреях, а в бархатных епанчах — широких круглых плащах — и шитых золотом камзолах, с алмазными тресилами — подвесками — и изумрудными аграфами — застежками, — обвешанная всевозможными звездами от польского Белого Орла до русского Андрея Первозванного, пожалованная разнообразными титулами от немецкого барона до римского князя.

Ближе сживаясь... с этими деятелями прошлого века, видишь, что в этих головах, придавленных напудренными париками, зарождались и созревали грандиозные планы, потрясавшие Европу, что кружевные камзолы не мешали мозолистым рукам строить города, созидать флоты, двигать промышленность и торговлю. Вспомним, что ими, этими деятелями XVIII века, присоединены к России Остзейский край, Финляндия, Литва и Белоруссия — вся пограничная черта с Западной Европой, куда были устремлены взгляды и пожелания, где усматривали они тот великий светоч, при помощи которого они совлекали с себя ветхого человека и приобщались к общечеловеческим идеалам...»⁴

Ограничимся сказанным и перейдем к истории российского царского и императорского дома.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — Т. I. — С. 437.
- ² Биркин К. Временщики и фаворитки. — СПб., 1870. — Ч. I. — С. 5—6.
- ³ Сборник Русского исторического общества. — СПб., 1878. — Т. 23. — С. 674.
- ⁴ Гельбиг Г. Русские избранники. — Берлин. 1900. — С. 11—13.

Глава первая

СВЯЗЬ ВРЕМЕН И СУДЕБ

НОВЕЛЛА ПЕРВАЯ

Иван и Софья

22 ноября 1440 года у великого князя Московского Василия Васильевича Темного и жены его Марии Ярославны родился сын, названный при крещении Иваном.

Предки Ивана Васильевича шесть веков правили Русью по праву крови и первородства, принадлежавших им, ибо были они первыми в доме Рюриковичей. И потому считали всю Русь своей отчиной и дединой — своим государством. Они числили в роду первых русских святых Крестителя Руси равноапостольного великого князя Киевского Владимира Святославича, князей Бориса и Глеба и многих прочих — Александра Невского, Дмитрия Донского и иных. Рюриковичами были великие законодатели Ярослав Мудрый и Владимир Мономах, прославленные воители Святослав Игоревич и Даниил Галицкий, и уже упомянутые святые воины Невский и Донской.

Род Рюриковичей уходил корнями в такую толщу — вообразить страшно. Московские книжные люди — летописцы — выводили его от римского императора Августа, в царствование которого явлен был миру Христос. От брата Августа — Пруса — и пошли, по их писаниям, Рюриковичи.

Лестно было европейским королям и герцогам породниться со столь знатной фамилией. И потому сидели прапрабабки Ивана Васильевича королевами и во Франции, и в Норвегии, и в Чехии, и в Венгрии, и в иных землях и государствах.

Но было так до покорения Руси Ордой. Согнули татарские багатуры гордые выи Рюриковичей и два с половиной века брали с них дань — и золотом, и серебром, и мехами, и железом, и скотом, и людьми. И платили потомки императора Августа «ордынский выход». Сами собирали его и с поклоном вручали добро баскакам — ханским сборщикам дани. И с тех пор перестали европейские короли брать невест из Москвы, ибо кому было лестно иметь женою дочь татарского раба, хотя бы носил на себе этот раб жемчуга и алмазы и титул великого князя? И потому не выдавали своих доче-

рей в Московию христианские государи, и потому же помолвили Ивана Васильевича, как исполнилось ему семь лет, обручив, с пятилетней девочкой — дочерью великого князя Тверского Бориса Александровича — Марией, а 4 июля 1452 года двенадцатилетний Иван и десятилетняя Мария стали мужем и женой.

Их супружество продлилось пятнадцать лет. Мария Борисовна через шесть лет после свадьбы, когда ей пошел семнадцатый год, родила великому князю сына. Первенца, как и отца, назвали Иваном. Однако мальчику не исполнилось еще десяти лет, как остался он сиротой — Мария Борисовна умерла, как говорили, не то от колдовства, не то от яда.

Чтобы сохранить для сына московский великокняжеский трон, Иван III Васильевич, с 1462 года наследовавший великое княжение от своего отца, стал писать Ивана Ивановича «великим князем», в отличие от своих братьев, именуемых просто князьями.

Овдовев в 1467 году, двадцатисемилетний Иван Васильевич через некоторое время решил жениться еще раз. Выбор его остановился на греческой принцессе Зое Палеолог — племяннице последнего византийского императора Константина XI Драгаса, геройски погибшего в бою с турками при штурме Константинополя 29 мая 1453 года.

Ее отец — брат погибшего императора Фома Палеолог — в 1460 году вынужден был бежать из своих владений в Морею, как тогда назывался древний Пелопоннес. Сначала он уплыл на остров Корфу, оставив там жену, двух сыновей — Андрея и Мануила — и двенадцатилетнюю дочь Зою. Сам же отправился в Рим искать защиты и покровительства у папы.

Вот здесь-то и перекрестились дороги Палеологов и Энеа Сильвио Пикколомини.

Фома явился в Ватикан не с пустыми руками. Он преподнес папе Николаю V бесценную христианскую святыню — голову апостола Андрея Первозванного, распятого и похороненного в городе Патры. Голову апостола при необычайном стечении народа с величайшей торжественностью и пышностью положили в храме Святого Петра — главном святилище католического мира, а Фома Палеолог удостоился папского расположения, почета и ежегодной пенсии в шесть тысяч золотых экю.

Николай V вскоре умер, передав тиару и посох святого Петра в руки Каликста III, тоже недолго пробывшему на папском престоле. И при Николае V, и при Каликсте III первым кардиналом Ватикана был Энеа Сильвио. Именно он чаще других имел дело с Палеологами и заботился об их благополу-

чии. Собственное расположение к Палеологам он передал и своему преемнику на папском троне — Павлу II.

Фома Палеолог скончался через три года после того, как появился в Риме. Он так и не дождался детей, которые незадолго перед тем похоронили на Корфу свою мать и уже были на пути в Италию.

Когда Андрей, Мануил и Зоя Палеологи появились в Риме, к ним перешла пенсия отца и вместе с нею благорасположение нового папы — Павла II, занявшего ватиканский престол после смерти Пия II в 1464 году.

Семнадцатилетней Зое предложили руку кипрский король Яков II и князь Парачиола, знаменитый не только своим благородным происхождением, но и еще более — своими несметными богатствами. Однако судьбе было угодно распорядиться иначе. Зоей заинтересовался Иван III и выбор был сделан ею в пользу великого князя Московского.

Один из проживавших в Москве итальянцев, мастер на Монетном дворе, рассказал о прелестях византийской принцессы великому князю. Величали его Иваном Фрязином. На самом же деле его звали Джованни Баттиста делла Вольпе. Это в Москве имя его переименовали на русский лад — «Джованни из Италии», ибо здесь всех итальянцев называли «фрязи», так как Италия именовалась на Руси «фряжской страной».

Так вот, Ивана Фрязина великий князь и послал в Рим, чтобы познакомиться с невестой и привезти ее «парсуну» — портрет.

Вольпе поручение выполнил, привез и портрет и согласие на брак. После этого он снова уехал в Рим, чтобы забрать принцессу в Москву. Здесь, в Риме, в присутствии многих князей церкви и аристократов, среди которых была и королева Боснии Екатерина, Зою обручили с Вольпе, представлявшего персону Ивана III. Современники восхищались пышностью и богатством этой церемонии и красотой двадцатичетырехлетней невесты.

Новый папа Сикст IV, надеявшийся на содействие Зои — «королевы русской» — в борьбе с турками-османами, дал ей 6000 дукатов, богатую, довольно многочисленную свиту и обоз, в котором шло около ста лошадей и несколько десятков телег.

24 июня 1472 года процессия вышла из Рима и направилась на север. Один из историков Ватикана — обладавший немалой фантазией, — впоследствии заметил, что над караваном, сопровождавшим Зою Палеолог, парил двуглавый византийский орел, которого она направляла в Москву для того,

чтобы этот орел стал новым гербом Третьего Рима — московской Руси.

Перед отправлением в путь Зоя переменяла прозвание свое и выехала в Москву под именем Софии.

* * *

Через Сиенну и Флоренцию, Болонью и Виченцу Зоя приближалась к границе северной Италии. Ее путь по итальянской земле был путем триумфа и непрерывного двухмесячного праздника.

«Невысокого роста, — пишет один из очевидцев, — с восточным пламенем в очах, когда необычайная белизна ее кожи говорила о знатности ее рода, она воистину была очаровательна. Когда она показывалась в народе, плащ из парчи и собелей, покрывающий пурпурное платье, развевался на ее плечах; сверкающее золотое украшение с жемчугом было у нее на голове. Драгоценный камень не ее левой руке привлекал к себе взоры всех. Ее кортеж составляли самые знатные молодые люди. Честь держать под узцы ее лошадь была предметом споров».

В Виченце — родном городе Джованни Вольпе — праздник превзошел все ожидания: в честь Зои было устроено грандиозное шествие, во главе которого шли местные атлеты, неся на плечах 23-хметровую башню, украшенную аллегорическими фигурами и живописными полотнами...

Затем через Альпы, минуя Австрию, Зоя прибыла в Нюрнберг, а потом в Любек — главный город купеческого союза Ганзы.

Отсюда «королева русская» со свитой ушла в море, и вскоре ее эскадра бросила якоря в Ревеле — нынешнем Таллинне. Это был последний нерусский город.

11 октября 1472 года свою будущую повелительницу встречали лучшие граждане-псковичи и бояре, приславшие ей навстречу шесть больших кораблей, украшенных коврами и наполненных подарками.

Встретив Зою на берегу реки Эмба, псковичи поднесли ей «кубки и роги злащенные с медом и вином, и пришедшие к ней челом ударили»¹, сообщает Псковская летопись.

Переплыв озеро Пейпус и Псковское озеро, караван поднялся по реке Великой и, наконец, Зоя оказалась во Пскове.

Здесь с воспитанницей пап и кардиналов произошла мгновенная и глубокая перемена — цареградская принцесса истово отстояла долгий молебен в Троицком соборе псковского кремля и, вызвав восторг своих подданных искренним

православным благочестием, не оставила никаких надежд на переход в католичество у сопровождавшего ее католического епископа Антона Бонумбре.

Проследовав через Новгород Великий, Зоя 12 ноября въехала в Москву, где все уже было готово к обряду венчания.

Зое пришлось перенести сильное потрясение из-за парадокса, который на первых порах она не смогла объяснить: встречавшие ее князья и бояре сверкали золотом и драгоценными камнями, а церковь Успения в Кремле — первый по значению храм Московской Руси, где служил митрополит и происходило венчание на царство, — была деревянной.

Митрополит при встрече с Софьей Фоминичной ограничился лишь тем, что благословил ее и православных греков, сопровождавших царицу, а затем отправил невесту к матери великого князя, где она и увидела впервые своего жениха.

Там, в присутствии матери Ивана III Марии Ярославны, молодых обручили и в тот же день, в четверг, обвенчали.

Торжественную литургию отслужил митрополит, а венчание произвел коломенский протопоп Иосия.

* * *

Софья приехала из страны, залитой солнцем, в слякоть и морозы засыпанной снегом Московии. Оливковые рощи и виноградники сменились бесконечными болотами и уже облетевшими мокрыми лесами. Вместо камня и мрамора дворцов и замков Европы встретила ее тысячеверстная избяная Русь, где от деревни до деревни ехала она порой по несколько дней.

Она не принесла в приданное ни земель, ни золота. Она дала своему мужу призрачное право на византийский трон, ибо трон этот, стоявший в Царьграде-Константинополе, вот уже два десятилетия принадлежал туркам-османам, перед которыми трепетал весь христианский мир. Она принесла в дар Ивану III ничего не стоившую в этих условиях эмблему — герб своих предков, императоров Византии — двуглавого орла, символ минувшего могущества, ибо орел смотрел и на Восток, и на Запад.

Софья Фоминична привезла с собою несколько подвод книг и три десятка ловких, быстроглазых слуг.

О привезенной Софьей библиотеке сразу же заговорили книжные люди Москвы, а затем и Руси. И чем больше проходило времени, тем большей становилась слава этого древлехранилища. Называли книги Эллады и языческого Рима, Византии и христианской Италии. Говорили, что там есть неве-

домые никому манускрипты и недавно появившиеся инкунабулы, и, конечно же, книги Данте и Боккаччо. Были там, наверное, и книги Энео Сильвио.

Но через два поколения — при внуке Софьи Фоминичны, Иване, прозванным Грозным, — библиотека пропала и до сих пор не удается отыскать ее, сколько ни бьются над этим кладоискатели и археологи.

Вместе с Софьей Фоминичной приехали и наученные грамоте и бусурманским языкам слуги и привезли привычные для них, но неизвестные в Москве порядки и нравы полусказочного Царьграда.

С приездом лукавых греков бисером рассыпались по двору тонкие интриги, двусмысленные слова, хитрые улыбки, загадочные взоры. Однако Софья Фоминична недооценила новой, варварской, как она считала, страны, ибо эта страна и этот двор были не менее коварны и лукавы, чем Царьград и Рим, и здесь с первых же минут завязались вокруг нее нити интриг, не менее опасные, чем в Византии или Италии, поскольку в ней видели опасную соперницу, способную разделить власть и, главное, передать ее потенциальному наследнику, которого она должна была подарить своему венценосному мужу.

Ее опорой прежде всего стал сам великий князь и приехавшие с нею греки — Ралевы, Траханиоты, Ховрины, а также итальянцы, для которых вскоре Москва стала второй родиной. Это были выдающиеся зодчие, преобразившие к концу века кремль, воздвигнувшие Архангельский собор, Грановитую палату и Каменный государев дворец и все те стены и башни Кремля, что стоят и поныне.

Опорой Софьи были и ученые монахи-греки, занимавшие в московской епархии немало ключевых мест, переписчики книг, купцы и мастера — литейщики, ювелиры, лекари.

Софья привезла с собою книги, которых в Москве было очень мало, и это заставило считать ее просвещенной государыней. А так как сочинения эти были, главным образом, церковными, то к ее репутации прибавилось и слава велемудрой и благочестивой.

Греки очень скоро почувствовали себя в Москве лучше, чем дома, став повсюду своими людьми. Православные — они были желанными собеседниками у московских иерархов, видевших в них носителей древнего благочестия, почитавших в них свет афонской благодати и мудрости. Тароватые, были они незаменимыми советниками у торговых людей, не бывавших со своими обозами дальше Сурожа в Крыму да Казани на Волге. Книгочеи и грамотеи, стали они толмачами и писцами

у думных государевых дьяков, вершивших дела с иноземцами. Цифирные и численные, знали они лучше многих ремесло денежных менял, искусство сбора податей, дела мытные да ростовщические.

Софья Фоминична вскоре после приезда занедужила близорукостью и глухотой, и они — ее слуги — стали для своей госпожи и глазами ее и ушами. И благодаря им никто во всем государстве Московском не знал больше, чем она.

Вскоре всезнающие и вездесущие слуги принялись рассказывать Софье Фоминичне о приближенных великого князя, о первых сановниках государства — администраторах и воеводах.

И почти сразу отметила она среди бояр московских знатных, богатых и многочисленных потомков старого вельможи Андрея Ивановича Кобылы, появившегося в Москве за два века до того, как приехала она сюда, и коих звали теперь Захарьиными или же по-старому — Кошкиными.

Со временем, когда перезнакомилась царица со всеми важнейшими сановниками, узнала она и то, что по семейному преданию были они выходцами из «прусской земли», откуда вели свою родословную многие знатные русские фамилии. Чаще это было чистым баснословием, иногда же — полуправдой, и крайне редко — истиной.

Как бы то ни было, но Захарьины-Кошкины считали основателем своего рода Андрея Ивановича, прозванного «Кобылой», откуда и потомки его в стародавние времена стали известны как «Кобылины».

Одни историки, занимавшиеся генеалогией этого рода, считают, что это было не более чем прозвище, сопоставимое с Волковыми, Козловыми, Быковыми, Барановыми и т. п.

Андрей Иванович Кобыла оставил после себя пять сыновей, младшим из которых был Федор, прозванный «Кошкой». И здесь ситуация повторилась — вновь одному из представителей рода дали прозвище, связанное с домашним животным.

Известный исследователь русских фамилий Борис Унбегаун считает, что «большинство переносных прозвищ возникло стихийно под влиянием каких-то случайных ассоциаций, которые нельзя реконструировать»².

Однако есть и более реальная версия и происхождения рода Кобылиных-Кошкиных, и возникновения прозвищ. Сторонники данной версии исходят из того, что по сведениям «Истории» Карамзина и «Географического словаря Русского государства», изданного в 1808-1809 годах Максимовичем и Щекатовым, у Чудского озера находились два городка — Кобылин и Кошкин. И тогда имена Кобылы и Кошки следует

производить не от прозвищ, а от названий принадлежащих им городов, так же как и в случае с князьями Шуйскими — из Шуи, Воротынскими — из Воротынска, Ярославскими — из Ярославля и т. п.

Не менее правдоподобно истолкование прозвища «Кобыла» — от имени отца Андрея, которого до приезда в Россию звали Гланда-Камбила Дивонович. Он был князем одного из литовских или прусских племен и бежал из своих владений не то из-за агрессии Тевтонского ордена, не то из-за междоусобных распрей, вспыхнувших в литовских землях после смерти великого литовского князя Миндовга, когда в Новгороде и Пскове оказалось до трехсот семей вынужденных изгнанников, так что даже одна из улиц Новгорода стала называться «Прусской»,

Тогда по созвучию с именем отца Андрея — Камбила — русские могли прозвать и сына «Кобылой», а отчество «Иванович» он получил после того, как Гланда-Камбила Дивонович обратился в православие и при крещении получил имя Иван.

Романовы говорили, что их предок возведен был в сан боярина чуть ли не самим родоначальником московских князей — Даниилом Александровичем, родным сыном великого воина и святого Александра Невского. Если это было и не так, то во всяком случае уже при великом князе Московском и Владимирском Семене Гордом Андрей Иванович боярином, несомненно, был. И столь же определенным являлось и то, что, по крайней мере, один из его пяти сыновей — Федор Андреевич, прозванный «Кошкой», — был ближайшим сподвижником племянника Семена Гордого, тоже святого и полководца — Дмитрия Донского.

Когда великий князь Московский Дмитрий Иванович Донской отправился против Мамаю на Куликово поле, он оставил своего боярина Федора Андреевича «блюсти град Москву и охранять великую княгиню и все семейство его».

А через одиннадцать лет выдал Федор Кошка одну из своих дочерей — Анну — за сына великого князя Тверского Михаила Александровича, — Рюриковича, одного из могущественнейших русских князей. Сына Михаила Александровича Тверского звали Федором, который по принадлежащему ему городу Микулину, расположенному в сорока верстах от Твери, назывался князем Микулинским, отчего и потомки его и княгини Анны носили фамилию Микулинских.

Следующим знаменитым государственным мужем из потомства Андрея Кобылы был Иван Федорович Кошкин — наместник Новгорода Великого, боярин и казначей великого

князя Московского Василия Дмитриевича, сына Дмитрия Донского.

Знатность рода подтверждалась тем, что каждое новое поколение все теснее сплеталось и роднилось с Рюриковичами: внучка Федора Кошки — Мария — стала женой князя Ярослава Владимировича Боровского — прямого потомка Ивана Даниловича Калиты, а дочь Марии и Ярослава Боровских была великой Московской княгиней — женой Василия Темного. А их сыном и был муж Софьи Палеолог — великий князь Московский Иван III Васильевич.

Обо всем этом не сразу, но зато с полной достоверностью и узнала Софья Фоминична.

Династийное родство было самым верным средством занять при дворе видное положение, и потомки Федора Кошки использовали это благоприятное обстоятельство как могли. (Впрочем, точно так же извлекали пользу из своего родства и свойства ближнего и дальнего и все другие придворные.)

При Василии Васильевиче Темном, коего числили уже по монаршему счету Василием II, был боярином и родственник великой княгини, доведившийся Федору Кошке внуком Захарий Иванович Кошкин. А когда Софья Палеолог приехала в Москву, боярами ее мужа были сыновья Захария Ивановича, коих именовали уже не Кошкиными, а Захарьиными.

Сыновей Захария Ивановича звали Юрием и Яковым, и они стали родоначальниками двух ветвей родословного древа Захарьиных — Захарьиных-Юрьевых и Захарьиных-Яковля. Именно Захарьины-Юрьевы и стали впоследствии той ветвью рода, которая подарила России новую правящую династию.

Однако Захарьины оставались Захарьиными, а Софья Фоминична, как только переступила порог Успенского собора и стала женой великого князя, неотступно думала о том, как укрепиться в новом своем положении и стать настоящей царицей. Она понимала, что для этого ей нужно поднести великому князю такой подарок, какой не мог бы сделать ему никто иной в мире: она должна была родить ему сына.

Вскоре после того, как их обвенчали, она почувствовала, как под сердцем сладко повернулся теплый родной комочек — ее первенец, ее чадушко. Ощувив это, она от счастья лишилась сознания. А придя в себя, подумала: «Не Рюрикович ожил во мне. Это — Палеолог: и Византийский император, и Московский великий князь».

Однако же судьба больно ударила Софью Фоминичну: ее первенцем оказалась дочь, нареченная Еленой, которая, не прожив и нескольких недель, померла.

Спустя год родилась еще одна девочка, и она почти сразу же отдала Господу свою ангельскую душу.

Софья Фоминична плакала, молила Пречистую дать ей наследника-сына, горстями раздавала убогим милостыню, кисами жертвовала на храмы — и услышал Вседержитель ее молитвы: снова, в третий раз, в теплой тьме ее естества завязалась новая жизнь.

Кто-то беспокойный, пока не человек, а только еще неотторжимая часть ее тела, требовательно ткнул Софью Фоминичну в бок — резко, упруго, ощутимо. И похоже, это было не то, что случалось с нею уже дважды, а совсем иного порядка: сильно толкался младенец, настойчиво, часто.

«Мальчик, — уверовала она, — мальчик!»

Ребенок еще не родился, а она уже начала великую битву за его будущее. Вся силу своей воли, всю византийскую изощренность ума, весь арсенал великих и малых хитростей, веками копившихся в темных лабиринтах и закоулках константинопольских дворцов, каждый день пускала в ход Софья Фоминична, чтобы обойти, оттереть в сторону, бросить тень, уличить и оставить ни с чем ненавистное ведьмино семя — сына Марии Борисовны Тверской — Ивана Молодого, а потом, когда Иван Молодой — соправитель отца — в 32 года умер, Софья оплела интригами и его вдову — Елену Волошанку — и их сына Дмитрия.

Но все это будет потом, а тогда, «в лето 6987 (1479 от Рождества Христова) марта 25 в восемь час ночи родился великому князю сын, и наречено бысть имя ему Василий Парийский, и крести его архиепископ ростовский Васиян в Сергееве монастыре в Вербную неделю».

Этому мальчику предстояло стать великим государем, продолжив дело отца, собравшего вокруг Москвы и подчинившего своей власти Ярославль и Ростов Великий, Новгород и Тверь, Вятку и Чернигов, Гомель и Брянск.

И все же самым главным достижением Ивана III стало не присоединение этих земель, но воистину эпохальное событие — освобождение Руси от татаро-монгольского ига, продолжавшегося два с половиной столетия. А Василию Ивановичу предстояло свершить не менее значительные дела, но об этом — в свое время и на своем месте.

Что же касается Ивана III и Софьи Палеолог, то прожили они вместе 30 лет. За это время Софья родила еще четырех сыновей — Юрия, Дмитрия, Семена и Андрея, и пять дочерей. Софья была Ивану не только верной женой и хорошей матерью его детям, но и доброй советчицей и преданным другом. На протяжении всей жизни была она Ивану крепкой опорой

и шла рука об руку с ним до самой своей смерти, случившейся 17 апреля 1503 года...

Похоронив жену, Иван III вскоре составил завещание — духовную грамоту, — по коей пожаловал старшему сыну Василию 66 городов, а четверем младшим всем вместе — 30, да и то владения Андрея и Семена до их совершеннолетия передавались их опекуну, тому же Василию.

Уже тяжело больным, за полгода до смерти, Иван III решил женить своего старшего сына и в августе 1505 года приказал привезти в Москву полторы тысячи красивых и здоровых девиц из лучших семей Руси для того, чтобы выбрать из них одну и надеть ей обручальное кольцо, провозгласив великой княгиней Московской.

Грядущая свадьба была необходима и потому, что симпатии большей части боярства были на стороне Дмитрия — внука Ивана III, которого поддерживали и его дядя — братья Василия, считавшие, что трон должен перейти именно к нему, так как Дмитрий был сыном старшего сына Ивана III — великого князя Тверского Ивана Ивановича Молодого и дочери молдавского господаря Стефана — Елены Волошанки.

В феврале 1498 года Иван III венчал пятнадцатилетнего Дмитрия на великое княжение, официально провозгласив его наследником престола и соправителем. А когда Дмитрию исполнилось девятнадцать, то судьба его круто переменилась — дед приказал арестовать его вместе с матерью, Еленой Стефановной, и посадить «за пристава», то есть под стражу. Здесь не обошлось без интриг Софьи Фоминичны и ее всесильных земляков — греков. Арест Елены и Дмитрия произошел весной 1502 года, а в апреле 1503 года Софья Фоминична умерла, оставив своего старшего сына наследником трона.

Елену умертвили в тюрьме зимой 1505 года, а ее несчастный сын так и оставался в узилище, где суждено было ему умереть через четыре года.

Меж тем и сам Иван III тяжело и неизлечимо заболел, и, находясь на смертном одре, велел Василию подумать о женитьбе.

По совету печатника — хранителя Большой государственной печати — грека Юрия Траханиота, прозывавшегося в Москве «Малым», заведовавшего также государевым архивом и великокняжеской канцелярией, — Василий должен был выбрать невесту не из иноземок, а из числа собственных подданных. Юрий Малый надеялся, что избранницей станет его собственная дочь, но, чтобы соблюсти приличия, решил обставить выбор невесты необычным декором — свезти в

Москву сотни молодых русских девиц-красавиц и устроить всем им смотрины.

Василий согласился. Из Москвы во все стороны государства помчались бирючи, созывая в столицу прекрасных претенденток.

НОВЕЛЛА ВТОРАЯ

Василий, Соломония и Елена

Из полутора тысяч притязательниц отобрал Василий Иванович десять девушек — самых пригожих и прелестных. Облюбовывал он их так: стоял за ширмой, глядел, как входили в покои взволнованные, залитые румянцем или же как снег побледневшие, претендентки на его сердце, искательницы своего неожиданного счастья, в роскошных сарафанах, в жемчугах и лалах, в кокошниках, в сафьяновых сапожках и, затаив дыхание, садились на лавки, что стояли напротив ширмы. Догадывались, что жених откуда-то подглядывает за ними, старались сесть так, чтобы выглядеть попригожей, показать товар лицом. Иные сидели затаив дыхание, опустив глаза, другие же играли взором, глядели, распахнув дивные очи, чуть улыбаясь, приоткрывая в томлении крохотные алые ротики и представляя жениху ровные жемчужные зубки. Ежели у соревновательниц особо хороши были руки, то привлекали они внимание к рукам, положив их на колени и чуть пошевеливая перстами; ежели особенно красивой оказывалась грудь, то и к персям привлекали они внимание, глубоко и порывисто дыша и садясь боком, чтобы и государь мог порадовать взор свой сими прелестями; а если была девица хороша станом, то обращала она внимание и на эту привлекательность, еще только подходя к лавке, и усаживалась так, чтобы видна была и эта соблазнительная приманчивость, ибо все девицы знали, что жениху идет двадцать седьмой год, и в прелестях девиц и жен понимает он толк сообразно своему возрасту.

Так прошли перед Василием Ивановичем все соревновательницы, и отобрал он из всех только десять, а уже тех повели в баню опытейшие бабки-повитухи, чтобы выведать главное: не была ли сокрыта какая нелепость или порок, какая хворь или недуг, и сможет ли молодая принести мужу потомство?

Разумеется, при том жениха не было, а те из десяти, что были признаны пригодными к продолжению рода, представлялись потом княжичу, и он останавливал свой выбор на одной-единственной. Этой единственной оказалась дочь боярина Юрия Константиновича Сабурова Соломония, чей отец,

дед и прадед верой и правдой служили великим князьям Московским и наместниками и воеводами.

Свадьбу сыграли 4 сентября 1505 года, а через полтора месяца скончался отец Василия — Иван III. Двадцатишестилетний великий князь Московский Василий III Иванович взошел на прародительский престол.

Молодые жили в любви и доверии, надеясь на появление первенца, но Соломония почему-то не беременела, и это ввергало супругов в сугубую печаль. Уезжая из Москвы по монастырям с молебствиями о даровании наследника, Василий оставлял жену правительницей и с нетерпением ждал возвращения домой. Однако же год за годом шел, а наследника все не было.

А у Романовых во всех семьях детей было по полдюжины, а то и более. И хотя Захарию Ивановичу послал Господь всего лишь двух сыновей, но только один из них — Юрий — одарил деда Захария шестью внуками.

14 июня 1500 года побил Юрий Захарьин вместе с другими московскими воеводами литовских людей на берегу Ведроши, и с этого момента звезда его взошла в зенит.

В ноябре 1510 года сын его Михаил Юрьевич Захарьин был отправлен во главе посольства в Литву в канун назревающей войны между Россией и Великим княжеством Литовским.

Опасаясь удельных князей-рюриковичей из-за того, что многие из них могли претендовать на московский престол, Василий III стал сближаться со старыми боярскими родами, и прежде всего с Захарьиными-Юрьевыми. Михаил Юрьевич в связи с этим становится человеком все более и более посвященным в самые тайные дела Василия III.

С давних пор в московском плену находился казанский хан Абдыл-Летиф, судьба которого постоянно менялась: он был то почетным узником, то владетельным князем. Однако его положение зависело от взаимных отношений Москвы с Казанью и Крымом, на престолах которых сидели родные братья Абдыл-Летифа.

Абдыл-Летиф правил Каширой, а еще один его брат — Куйдакул, в крещении Петр, был зятем Василия III — мужем сестры московского великого князя.

Осенью 1517 года Василию донесли, что Абдыл-Летиф составил заговор, чтобы убить его. Явных улик не было, и Василий пригласил татарского царевича на охоту. Тот приехал и был тотчас же схвачен. Обвинение было более чем смехотворно: Абдыл-Летифу ставили в вину то, что он приехал на охоту с оружием. После ареста его отправили в Серпухов, куда повез

его Михаил Юрьевич Захарьин. По приезде в Серпухов Захарьин устроил пир, и первым тостом на этом пиру была здравница за Василия Ивановича. Абдыл-Летиф от такого тоста, конечно же, отказаться не мог. Однако в вино был добавлен яд, от которого казанский царевич и умер.

Через полтора года после этого, в январе 1519 года, Захарьин по поручению Василия III посадил на казанский трон угодного Москве хана Шиг-Алея. В 1521 году стал Михаил Юрьевич боярином. А в 1523 году, когда на престоле казанского ханства оказался враждебный Руси хан Саип-Гирей, Михаил Юрьевич отправился с великокняжеской ратью под Казань и заложил на реке Суре крепость Васильград, позднее названную Васильсурск. Весной следующего года Михаил Юрьевич принял участие в походе на Казань, командуя всей русской артиллерией.

Были Захарьины удачливы и в ратной службе, и в хозяйственных делах, и в многочисленных детях своих. А Василию Ивановичу и жене его Соломонии Бог чада не дал.

Летом 1523 года, через восемнадцать лет после свадьбы, сорокачетырехлетний Василий в очередной раз отправился в объезд по городам и святыням, решив снова прибегнуть к помощи высших сил, чтобы не оставить пустующим прародительский трон.

Дело ко всему прочему осложнялось тем, что братья Василия — Дмитровский удельный князь Юрий, Углицкий — Дмитрий, Калужский — Семен и Любужский — Андрей, — становились претендентами на престол, что могло ввергнуть страну в межкняжеские усобицы.

В июле 1523 года Василий отправился в паломничество по святым обителям, взяв всех четырех братьев с собою, а после того, как 15 сентября возвратился в Москву, разрешил им разъехаться по уделам.

И как только это случилось, он, по выражению летописи, «начаша думати со своими бояры о своей великой княгине Соломоние, что неплодна бысть»³. И Василий, опять же по словам летописи, говорил боярам: «Кому по мне царствовать на Русской земле и во всех градах моих и пределах: братьям ли дам, но ведь братья и своих уделов не умеют устраивать». И говорили ему бояре: «Разойдись с Соломонией, государь, и вступи в новый брак, ибо неплодную смоковницу посекают и выбрасывают из виноградника»⁴.

Хотя в 1523 году дело до развода не дошло, Василий стал потихоньку отстранять от себя родственников Соломонии, занимавших важные посты в государстве, и привлекать других вельмож. Вместе с Сабуровыми подверглись опале и их сто-

ронники — священнослужители Максим Грек и Вассиан Патрикеев.

Осенью 1525 года, когда Василию уже шел сорок седьмой год, да и Соломонии было около сорока, великий князь решил на развод. Самой большой сложностью в расторжении брака был вопрос юридический — в истории Рюриковичей не было прецедента, когда при живой жене задумывалась бы новая свадьба.

Австрийский дипломат барон Сигизмунд Герберштейн, подолгу живший среди русских и хорошо знавший их обычаи, писал в своих «Записках о Московии»: «Если же кто-нибудь женится на второй жене и, таким образом, становится двоебрачным, то они это хоть и допускают, но не считают законным браком. Жениться в третий раз они не позволяют без уважительной причины. Четвертой же жены они никому не разрешают, считая даже, что это не по-христиански».

И все же, опираясь на содействие митрополита Даниила, сторонника и друга Василия, разрешение на развод было получено.

Вслед за тем возникло дело о колдовстве, ловко подстроенное пособниками Василия.

23 декабря 1525 года после оговора Соломонии в «волховании» был произведен «обыск» и было установлено, что по ее просьбе некая ворожея Стефанида для того, чтобы приворожить к постылой жене ее мужа, вместе с Соломонией «смачивали заговоренной водой сорочку, порты и чехол и иное платье белое». После этого Василий III, не предавая «колдунью» церковному суду, велел отправить ее в Рождественский монастырь, что на Рву, и там подготовить к пострижению. Оттуда Соломонию отвезли в суздальский Покровский монастырь, где насильно остригли ей волосы и надели монашеский повой. Соломония плакала, кричала и вырывалась из рук экзекуторов. А когда она сорвала с головы апостольник, бросила его на пол и растоптала, то главный из дворцовых чинов, доставивших ее в Суздаль, Иван Юрьевич Шигона-Поджогин, любимец Василия III, ударил ее плеткой и вскричал во гнев:

— Неужели ты противишься воле государя? Неужели медлишь исполнить его повеление?

После этого Соломония, нареченная при постриге «старшей Еленой», громко заявила:

— Повой надели мне против воли моей и по принуждению, и прошу Господа покарать моих обидчиков и помочь мне.

Несчастную великую княгиню оставили в женском Покровском монастыре. Василий, по-видимому, в глубине души

раскаивался в содеянном, и, желая загладить этот грех, менее чем за год пожаловал бывшей жене два села, лежащих неподалеку от Суздаля — Павловское и Вышеславское — «до ее живота», то есть до конца жизни.

Резко переменил великий князь и свои отношения с прежним своим любимцем Шигоней-Поджогиным, отстранив его от себя и подчеркнуто охладев к нему, показал тем самым, что при высылке из Москвы Соломонии Шигона перестарался, проявив в холопском рвении усердие не по разуму.

Но все эти акты милосердия по отношению к суздальской затворнице Василий проявит весной и осенью будущего 1526 года, а через два месяца после пострижения Соломонии — 21 января — состоялась для многих совершенно неожиданная свадьба сорокашестилетнего великого князя с двадцатилетней синеокой красавицей — княжной Еленой Васильевной Глинской.

* * *

По отзывам современников, была Елена при необычайной красоте умна, весела нравом и, по меркам того времени, прекрасно образована. Она знала немецкий и польский языки, говорила и писала по-латыни.

Ее муж буквально потерял голову из-за всего этого. Желая понравиться Елене, Василий Иванович сбрил бороду и переменил полувизантийскую-полутатарскую одежду на щегольский польский кунтуш и, подобно молодому боярскому франту, переобулся в красные сафьяновые сапоги с загнутыми вверх носами.

Возле Василия появились совсем новые люди — более всего родственники, друзья и подруги его юной жены — веселые, молодые, сильно непохожие на степенных, молчаливых, скучных бояр, окольных, стольников, окружавших его недавно — старых, бородатых, одетых в длиннопольные ферязи. Это были братья Елены — Михаил и Иван, их жены — Акси́нья и Ксения, и целый выводок молодых красавиц — боярынь да боярышень великой княгини — сестер Челядниных, Третьяковых, княжен Волынской и Мстиславской.

Ближе прочих была Глинской Елена Федоровна Челяднина — родная сестра князя Ивана Федоровича Овчины-Телепнева-Оболенского — красавца, храбреца и удачливого военачальника, украдкой бросавшего восхищенные взоры на молодую великую княгиню.

Герберштейн писал, что Василий III взял себе в жены Елену Глинскую, желая, во-первых, иметь от нее детей; во-вто-

рых, из-за того, что по матери вела она род от сербского православного рода Петровичей, бывшего в ту пору магнатским венгерским родом, переселившимся из Сербии в Трансильванию и игравшего первые роли при короле Яноше Запольяи; и в-третьих, потому, что дядей Елены был Михаил Глинский — опытный дипломат и выдающийся полководец, который смог бы лучше других защитить своих внучатых племянников, если бы возникла такая необходимость.

Михаил Львович Глинский — родной дядя Елены старший брат ее отца Василия Глинского и признанный глава славной фамилии — был главным виновником переезда рода Глинских из Литвы в Москву.

До того, как оказаться при дворе великого Литовского князя Александра Казимировича, прошел Михаил Львович огни, и воды, и медные трубы. В детстве попал он ко двору германского императора Максимилиана, получив там европейское образование, после чего оказался в Болонском университете и, окончив медицинский факультет, стал первым дипломированным русским врачом.

Вслед за тем перешел Глинский в католичество и вступил в военную службу к своему другу — саксонскому курфюрсту Альбрехту.

Служил он и под знаменами императора, получив из его рук орден Золотого Руна за победы, одержанные им в Фрисландии, и стал, таким образом, первым русским кавалером ордена.

Другом Глинского был не только саксонский курфюрст, но и другие князья-электоры, магистры рыцарских орденов, епископы и кардиналы являлись его сторонниками и приятелями.

Приехав в начале 90-х годов XV века в Литву, он стал командиром придворной гвардии и наместником Бельским.

В 1508 году Михаил Львович возглавил мятеж против польского короля Сигизмунда, желая превратить восточные области Великого княжества Литовского, населенные православными русскими и белорусами, в самостоятельное государство со столицей в Смоленске. Разумеется, главой этого государства — герцогом Борисфенским — а Борисфеном на античных картах назывался Днепр — должен был стать он сам.

Василий III, крымский хан и молдавский господарь помогли ему, но Сигизмунд оказался сильнее, и Михаил Львович, несмотря на то, что был опытным и талантливым полководцем, войну проиграл и вынужден был «отъехать» в Москву вместе со своими многочисленными родственниками и сторонниками. При дворе Василия III князь Михаил встал во

главе антипольской партии и сделал все, чтобы великий князь московский вступил в борьбу за Смоленск, который был обещан Глинскому, как только он возьмет его. 1 августа 1514 года после третьего похода и третьей осады Смоленск был взят, однако Василий и не подумал отдавать город своему полководцу. Обиженный Глинский перешел на сторону Сигизмунда, но по пути в польский лагерь был схвачен русскими, закован в цепи и отправлен в Москву. Девять лет мятежный князь провел в тюрьме, и лишь когда его племянница стала русской царицей, у Глинского появилась надежда, что его освободят.

В самом конце апреля 1526 года в Москву прибыли цесарский посол барон Сигизмунд Герберштейн и папский посланник Леонгард Нугарола. Официально они были должны предложить Василию III вступить в европейскую антитурецкую лигу, но кроме того имели от императора Максимилиана Габсбурга еще одно поручение: попросить великого князя Московского отпустить на волю Глинского.

От вступления в антитурецкую лигу Василий отказался, но желая продемонстрировать дружеские чувства к императору, а заодно и угодить молодой жене, пообещал князя Михаила Львовича освободить.

Правда, прежде чем вышел тот на волю, взял великий князь крестоцеловальную запись у сорока семи бояр и детей боярских, поручившихся за Михаила Львовича пятью тысячами рублей. Если бы старый мятежник сбежал за рубеж, эти деньги были бы с поручников взысканы в государственную казну, и, таким образом, Василий Иванович и в этом случае в накладе не оказался бы.

Сначала Глинского выпустили из кремлевского застенка, сбили с него кандалы и перевели в более благоустроенные палаты, — там же, в Кремле, посадив его «за сторожи». И вдруг по Москве, и в Кремле в это самое время заговорили о невероятном — о рождении в Покровском монастыре у старицы Елены мальчика.

Всезнающий Герберштейн писал: «Вдруг возникла молва, что Соломония беременна и скоро разрешится. Этот слух подтвердили две почтенные женщины, супруги первых советников — Юрия Траханиота и постельничего Якова Ивановича Мансурова — и уверяли, что они слышали из уст самой Соломонии признание в том, что она беременна и скоро родит. Услышав это, государь сильно разгневался и удалил от себя обеих женщин, а супругу Траханиота даже побил за то, что она своевременно не сообщила ему об этом. Затем, желая узнать дело с достоверностью, он послал в монастырь, где содержалась Соломония, дьяка Григория Путятина и Федора Багра-

кова, поручив им тщательно расследовать правдивость этого слуха.

...Некоторые же клятвенно утверждали, что Соломония родила сына по имени Георгий, но никому не пожелала показать ребенка. Мало того, когда к ней были присланы некие лица — то есть Баграков и Путятин — для расследования истины, она ответила им, что они недостойны видеть ребенка, но когда он облечется в величие свое, то отомстит за обиду матери».

(Герберштейн — очень точный в передаче фабулы — здесь ошибается, называя одного из дьяков Баграковым, на самом же деле это был Третьяк Раков.) После поездки в Суздаль государевых дьяков слухи не умолкли, а напротив, имели свое продолжение: говорили, что спасая сына Соломонии, названного Георгием, верные ей люди переправили младенца в заволжские скиты к старцам-отшельникам, жившим на реке Керженец. Через два десятка лет прошла молва, что Георгий стал неуловимым и отчаянным атаманом — мстителем за бедных и обиженных — прозванным Кудеяром⁵.

Так как Соломония была со всех точек зрения законной великой княгиней, ставшей невинной жертвой интриг и козней коварной католички, то и сын ее имел ничуть не меньше прав, чем будущие дети Глинской. И, таким образом, Кудеяр в сознании народа становился законным наследником престола, а отнюдь не будущие дети Глинской и Василия Ивановича.

28 февраля 1527 года вышел Глинский и из «за сторожи» и почти сразу уехал в вотчину свою — Стародуб, стоявший у самой литовской границы в глубине брянских лесов.

Василий наслаждался счастьем с молодой красивой женой, а Елена Васильевна все чаще и чаще выказывала свое очевидное равнодушие к Ивану Федоровичу Овчине-Телепневу-Оболенскому, чей род был знатен, воинствен и многолюден.

После отъезда Глинского в Стародуб не прошло и полугода, как Елена Васильевна уговорила своего августейшего супруга вернуть любимого дядюшку в Москву. А еще через два месяца женился он на дочери князя Ивана Васильевича Оболенского-Немого Анастасии и тем породнился с многолюдным семейством, в котором без числа было и воевод, и наместников, и иных сильных и знатных вельмож. И среди прочих стал ему родней и Иван Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский.

Судьбе было угодно, что именно в тот год, когда Михаил Львович женился, родич Глинских князь Овчина был постав-

лен государем во главе большой московской рати, вышедшей осенью супротив сорокатысячной крымской орды хана Ислам-Гирея.

Овчина, не в пример другим русским воеводам — его предшественникам, — не стал ждать татар на северном берегу Оки, а переправился на южный берег и у Зарайска, возле Никольского монастыря сам напал на басурман. И как писали летописцы, «бысть сеча зла и велика и множество поганых погибоша». И первым из удалцов называли князя Ивана Федоровича. И когда он въехал на улицы Москвы во главе своей осиянной славою победоносной рати в сверкающих доспехах, на белоснежном коне, молодой, могучий и красивый, тысячи встречавших войско москвичей уверовали в то, что такого витязя не могла не полюбить великая княгиня.

А через три года после победы под Зарайском, в ночь на 25 августа 1530 года над Москвой разразилась невиданная гроза. Еще с вечера стали копиться тучи, густые, тяжелые, чернее воронова крыла, и когда смеркалось, то непонятно стало, от чего опустился мрак: то ли ночь наступила, то ли тучи вконец обволокли Москву?

Предчувствуя беду, замолчали птицы. Даже воронье, беспрестанно кричавшее над старыми садами и кладбищами, и то смолкло. Зато пугливо заржали кони, тревожно замычали коровы, зашлись лаем и воем бесчисленные городские собаки.

И вдруг — враз — дюжина огненных сполохов распорол тьму, и, будто повинувшись поданному молниями знаку, со всех сторон рванулись к Москве сокрушительные потоки воздушных вихрей. Сначала буря сорвала с деревьев листья и сухие ветки, потом согнула молодые деревца, одновременно подняв с земли сор и солому, сено и рогожи, жерди и доски, и всякий мелкий скарб, валявшийся во дворах. А вслед за тем стали падать заборы и старые деревья, и полетели с ветхих изб крыши, и сами собой стали раскачиваться церковные колокола, вплетая гул и звон в собачий вой и вопли выбегавших на улицу до смерти напуганных людей. Ветер не унимался, молнии огненными стрелами пробивали мглу, и от этого сразу во многих местах загорелись избы и сараи, риги и хлевы. И над всем этим оглушающим треском и гомоном встал над Москвой огненный колокол Великого Пожара.

В эту ночь в селе Коломенском Елена Васильевна родила своего первенца, на десятый день нареченного Иваном.

4 сентября наследника русского престола привезли в Троице-Сергиев монастырь. Его крестили не в Кремле, а в Троице, потому что основал эту обитель святой Сергей Рад-

нежский — один из самых почитаемых русских святых. До пострижения его звали Варфоломеем, а в день рождения наследника — 25 августа — церковь праздновала память святых Варфоломея и Тита.

И ползали под ногами юродивые и кричали:

— Родился Тит — широкий ум!

Люди же, опасаясь доносчиков, шепотом говорили друг другу:

— Не бывало никогда такой грозы. Видать, родился на горе нам грозный царь.

И еще передавали, что у новорожденного был полон рот зубов, и будто проезжавшая через Москву казанская ханша сказала:

— Родился, де, царь, и ему съесть и нас, и вас.

А когда крещение кончилось, вышел на паперть Троицкого собора протодьякон и возгласил громогласно:

— Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа! Крешен ныне Великого государя и Великой государыни сын и наречен Иоанном!

Это был будущий Иван IV — Грозный.

И тут же разлетелись по Москве слухи, что отцом Ивана является не пятидесятилетний муж Елены, а молодой красавец-воевода, князь Иван Федорович Овчина. Потом, когда после смерти Василия III стал он откровенным фаворитом и невенчанным мужем Елены Васильевны — великой княгини, регентши и правительницы, — слухи эти нашли, как всем казалось, еще большее подтверждение.

Но это будет потом, а в первые годы после развода старица Елена жила в монастыре, где и скончалась 18 декабря 1542 года, пережив на девять лет и своего венценосного супруга, и его вторую жену, которая хотя и была младше ее на двадцать лет, умерла на четыре года раньше несчастной Соломонии.

И тогда воскресла молва о сыне Соломонии Георгии, законном наследнике престола, все еще скрывающемся в Керженских лесах под спасительной сенью угодных Господу воложских старцев.

* * *

А затем случалось разное. Шли один за другим засушливые голодные годы: высушал на корню хлеб, горели вокруг Москвы леса и болота, от снего дыма, ползущего над мостовыми, нечем было дышать. Падали наземь опаленные птицы. Для подбиравших их москвичей было это несказанной удачей, ибо из-за великой бескормицы ворона стояла на Торгу

столько, сколько раньше хорошая курица. Там же золото шло за серебро, серебро — за медь, а медные деньги почти сплошь были поддельными.

Голод привел за собой болезни, татьбу и разбой. Ежедень из пыточных застенков тащили на плаху лихих людей: за татьбу рубили руки, за разбой — голову, фальшивомонетчикам заливали в горло расплавленный металл.

В малых городах, где власть была послабее, начинались гиль и воровство.

Первые вельможи государства ударились в бега, а братья государя — Юрий и Андрей — напустили своих холопов на государевы вотчины, творя насилия и бесчинства. Дело дошло до того, что Юрий дерзнул взять на щит Рязань, а Андрей попытался захватить Белоозеро, где хранилась великокняжеская казна. Братьев усмирили, взяли от них новые крестоцеловальные записи, но страх перед мятежами остался, осталась боязнь и перед крымчаками.

И снова безбожный Ислам-Гирей приходил на Оку, подступал к Рязани, но Бог миловал: отогнал его князь Овчина. А кроме этого ничего доброго и не было. И удачи никакой никому не было тоже.

Несчастье не обошло и великого князя. 30 октября 1532 года Елена Васильевна разрешилась вторым сыном — Юрием, но вскоре выяснилось, что младенец лишен даже самого малого разума и поврежден во всех членах.

На следующий, 1533 год, в ночь на 4 июля над Москвой встала огненная хвостатая звезда и долго никуда не уходила, а еще через два с половиной месяца, 19 августа, среди дня погасло Солнце, и хоть на малое время, но опустилась на город ночь.

Чего же хорошего стоило ждать после всего этого?

* * *

В конце сентября того же года Василий III охотился в лесах под Волоком-Ламским и вдруг заметил, что у него на левом бедре появилась багровая язвочка величиною с пшеничное зерно. Через десять дней к Василию приехали два лекаря-немца — Николай и Теофил. Однако лечение в прок не шло. Через две недели государя на носилках доставили в Волоколамский монастырь. Язва стала столь глубока и обширна, что за сутки выходило из нее полтаза гноя.

Больной потерял аппетит и таял на глазах. 26 октября дьяк Путятин и постельничий Мансуров привезли Василию из Москвы его старое завещание и духовную грамоту его отца

Ивана III. Больной приказал старое завещание сжечь и продиктовал новое. Царство русское завещал он своему сыну Ивану, а его самого двум регентам — боярину Дмитрию Федоровичу Бельскому и Михаилу Львовичу Глинскому, которые поклялись Василию Ивановичу «отдать за великого князя Ивана Васильевича всю кровь свою до последней капли, а тело отдать на раздробление».

3 декабря у постели великого князя, умирающего в Кремле, собралась в полном составе Боярская дума и все родственники. Посоветовавшись с Шигоной и Путятиным, Василий еле внятно попросил привести жену и детей.

Елена вошла, запрокинув голову, сцепив пальцы на горле. За нею боярыня Челяднина вела за руку трехлетнего Ивана. Забыв чин, Елена почти бегом пересекла покой и рухнула перед постелью мужа на колени. Утопив лицо в одеяле, бормотала что-то бессвязное. Глинский бережно обнял племянницу за плечи, поставил на ноги и подвел к изголовью. Елена перевела дух и, сдерживая плач, произнесла с горечью, разрывающей сердце:

— Государь мой, князь великий! На кого ты меня оставляешь? Кому детей наших приказываешь?

Василий Иванович, собрав последние силы, ответил громко и ясно, чтоб слышали все собравшиеся:

— Благославляю ныне сына своего Ивана государством и великим княжением, а другого сына — Юрия — городом Угличем. Тебе же, жена моя, как и прежде то бывало и в духовных грамотах отцов наших и прародителей прописано, жалую по достоянию вдовий твой удел.

Услышав слова «вдовий твой удел», Елена зарыдала столь безудержно и неутешно, что даже недруги почувствовали и боль ее и муку, ибо не только муж ее умирал сейчас, но и по многим статьям для нее, — почти отец.

— Отче Даниил, подойди, — приказал умирающий митрополиту Московскому. — И вы, братья, тоже подойдите...

Андрей и Юрий испуганно и поспешно приблизились и быстро поцеловали наперсный крест, пробормотав слова клятвы верно служить своему трехлетнему государю.

Вслед за тем все, кто был в покое, потянулись ко кресту, целуя его и повторяя слова клятвы. И как только последний из них поцеловал крест, Василий Иванович успел еще назвать семь именитейших мужей, которые должны все дела решать заодно до совершенного возраста Ивана — пятнадцати лет. И это были: Захарьин-Юрьев Михаил Юрьевич, да его дядя Михаил Васильевич Тучков, да братья Шуйские — Михаил и

Иван, да Глинский Михаил, да Воронцов Михаил и, напоследок, Иван Юрьевич Шигона-Поджогин.

* * *

А дальше все пошло безумной круговертью.

Василий Иванович умер 4 декабря 1533 года, и в тот же день тело его перенесли в Архангельский собор. Над гробом еще читали псалмы и служили непрерывную панихиду, а уже 6 декабря в соседнем Успенском соборе митрополит Даниил венчал на великое княжение трехлетнего Ивана. Дивно было слышать, как из разверстых дверей стоящих рядом храмов несутся на Соборную площадь и заунывный похоронный плач об упокоении души усопшего отца, и радостные голоса певчих, возглашающих многолетие сыну.

И опять испуганно шептались москвичи: виданное ли дело — отца еще не схоронили, а сына уже венчают на царство? И предрекали: много погубленных христианских жизней примет на душу великий князь Иван Васильевич, если надевают на него шапку Мономаха под погребальный звон и зауспокойные молитвы.

А через пять дней стало известно, что бояре Шуйские сговариваются посадить на трон брата покойного Василия Ивановича — князя Дмитровского Юрия.

Елена Васильевна, узнав об этом, велела тут же схватить еще не уехавшего из Москвы Юрия и доброхотов его — Андрея и Ивана Шуйских — и посадить в кремлевский подвал.

Еще через месяц, когда наступил день поминовения по Василию — сороковины, — приехал из Старицы другой брат покойного — Андрей. Он попросил Елену убрать из его городов всех великокняжеских ревизоров и пытчиков, но Елена отказалась сделать это, сказав своему деверю в присутствии Овчины, двух своих братьев, их жен и иных гостей, собравшихся за ее столом:

— Я, Андрей Иванович, сирая вдовица. Государство покойным мужем не мне завещано, а сыну моему, великому князю Ивану Васильевичу.

— Что же, прикажешь мне собственные мои грады и земли у несмышлениша просить? — наливаясь злобой, просипел князь Андрей.

— Подожди двенадцать лет, пока вступит великий князь в совершенный возраст, тогда и проси. А уж если тебе совсем невтерпеж, тогда бей челом боярам, кои оставлены покойным мужем моим блюстителеми государства.

Сорвавшись, князь Старицкий закричал:

— Мне, Рюриковичу и Палеологу, челом бить?! Мой отец и старший брат — последние великие государи всея Руси! Мой дед был византийским императором! И я стану перед Федькой Мишуриным и Васькой Головиным шапку ломать?

И Андрей Иванович, потеряв всякую степенность, побежал из покоя вон.

У самой двери настиг его насмешливый крик невестки:

— Захочешь именья да пожитков — поклонисься!

А злыдня Овчина, ехидна постельная, добавил, будто нож в спину воткнул:

— Император Старицкий — Андрей Палеолог!

* * *

Надежда у Андрея была одна — крамола и заговор. Первым попытался он сманить Глинского, которого вскоре после смерти Василия Ивановича обошли Дмитрий Бельский и Федор Мстиславский, да и тех подмял под себя любодей Овчина, ставший и первым боярином в думе и конюшим — командиром дворцовой конницы. Однако Глинский на сговор не пошел. Тогда князь Андрей с тем же намерением поехал к своему племяннику Дмитрию Бельскому, но и тот его не поддержал.

А два других его племянника — Семен и Иван Бельские — поддержали князя Старицкого. К ним вскоре примкнул наместник Новгорода Великого Михаил Семенович Воронцов, и напоследок — Глинский с тремя недавно пришедшими на службу в Москву западнорусскими князьями — Ляцким, Воротынским и Трубецким. Они думали захватить Кремль, когда Овчина с войсками уйдет на Оку встречать татар.

Был назначен день мятежа — 25 августа 1534 года.

Но Овчина был извещен о задуманной крамоле и, повернув часть войск от Серпухова, повел свой отряд к Москве. Действуя быстро и решительно, он арестовал главных заговорщиков. Елена не пощадила никого. Даже родного дядю — Михаила Львовича — велела оковать многопудовыми цепями и надеть на голову тяжкую железную шапку. Ему не давали есть, а воду подносили, чтобы подольше продлить мучения. И он — семидесятилетний страстотерпец — умер 15 сентября 1534 года — на сороковой день после начала пытки.

* * *

Андрей Старицкий только потому не был среди мятежников, что отъезжал в ту пору в Старицу, но, как позднее писал летописец, «учал на великого князя и на его матерь гнев дер-

жати». И когда в конце 1536 года казанский хан Сафа-Гирей двинулся на Муром и Нижний Новгород, князь Андрей против него не выступил, а когда Елена велела ему ехать в Москву, чтобы дать за это ответ, то гневный вотчинник, сказавшись больным, в Москву не поехал.

Но после того, как к нему прибыл князь Борис Щепин-Оболенский и потребовал выступления старицких полков с воеводами к Коломне, Андрей приказ Елены выполнил и оказался из-за этого сильно ослабленным.

Андрей понял, что допустил ошибку, однако замысла о мятеже не оставил и решил привлечь на свою сторону Новгород Великий, предлагая себя новгородцам в князья.

Пока «прелестные грамоты» старицкого князя шли в Новгород, в Москву прилетели сообщения о его измене.

Овчина тотчас же пошел к Старице, чтобы «поймать» переметчика, а князь Никита Оболенский быстро пошел к Новгороду, чтобы воспрепятствовать мятежнику засесть за его стенами.

Да и сами новгородцы не только не поддержали князя Андрея, но и вышли с войсками ему навстречу на подмогу московской рати.

Не оказали содействия Андрею и его собственные воеводы, стоявшие у Коломны, а те, кто отправился с ним в поход, убегали из его войска один за другим.

Осталась, по словам летописца, лишь малая кучка его сторонников, которые «упились безумьем своим яко пьяни».

Мятеж окончился поражением князя Андрея. Сам он был казнен точно так же, как и Глинский, умерев «под шляпою железной». А более тридцати новгородцев, примкнувших к мятежу, были повешены вдоль дороги из Москвы в Новгород.

Но и Елена Васильевна, погубившая своего дядю и двух братьев своего покойного мужа, прожила после князя Андрея меньше года: она внезапно заболела какой-то нераспознанной и неизлечимой болезнью и 3 апреля 1538 года умерла.

Кончено же, сразу пошел гулять слух, что тридцатилетнюю великую княгиню отравили, что она стала жертвой боярского заговора.

Однако даже сын ее Иван IV, губивший тысячи невинных и подозревавший всех и вся, ни разу не обвинил никого в скоропостижной смерти матери.

Причина смерти ее остается тайной и сегодня.

НОВЕЛЛА ТРЕТЬЯ

Упырь на троне

В 1551 году, когда Ивану IV шел двадцать первый год, в Москве заседал церковный собор с участием царя и Боярской думы. Этот собор вошел в историю под названием «Стоглавого», так как принял решения, поделенные на сто глав.

В третьей главе Стоглава сохранилось «Рукописание» царя к собору, в котором Иван IV так рассказывает о своем детстве:

«Бояре и вельможи, верные моему отцу и любимые им, делали передо мною вид, что мне желают добра, на самом же деле были заняты только тем, что усиливали собственное самовластие. И как омраченные умом, дерзнули поймать и убить братьев моего отца, и когда вспоминаю их насильственную смерть и жестокие мучения, весь обливаюсь слезами и прихожу в покаяние и прошу у них прощения за юность мою и поведение. И после смерти дядьев моих вскоре умерла и мать моя. И отсюда постигала нас горькая скорбь: мне сиротствующему, а царству вдовствующему. И из-за этого бояре наши улучили себе время и сами овладели всем царством, не позволяя никому делать ничего неугодного им.

И моим грехом, и сиротством, и молодостью были допущены междоусобные беды и зло»⁶.

Обвиняя во всех бедах бояр, Иван ни словом не обмолвился о вине Елены, по приказу которой были убиты его дядья Юрий и Андрей.

Как только Елена Васильевна умерла, все ее недоброжелатели были выпущены из тюрем, и во главе государства стали братья Шуйские — Василий и Иван, рюриковичи, потомки Александра Невского.

Их кратковременный союзник — князь Иван Овчина, — как только Шуйские вошли в силу, тут же ополчился на братьев, но был ими арестован на восьмой день после смерти своей возлюбленной и умер в темнице традиционной смертью — «под шляпою железной».

Шуйские «свели» митрополита Даниила и отправили его в Волоколамский монастырь, а сами стали полновластными хозяевами Кремля.

Однако через два года владычеству Шуйских пришел конец. Победителем оказался их враг — князь Иван Кубенский, троюродный брат Ивана IV по матери, освободивший из неволи Бельского и возвративший его в Москву.

Так в борениях и интригах, в арестах и заговорах, казнях и опалах шел год за годом, а маленький Иван рос и мужал, сильно горевал, когда увезли его мамку — сестру Овчины. — страдал, узнав, что Овчина в тюрьме, и негодовал, увидев как один из Шуйских валялся на кровати его отца, даже не сняв сапог.

Шуйские еще раз вернули себе власть и стали пользоваться ею совершенно бесконтрольно, отправляя своих противников на виселицу и под топор.

Конец их произволу пришел абсолютно неожиданно. 16 сентября 1543 года тринадцатилетний Иван поехал по подмосковным монастырям и в конце декабря вернулся в столицу. За время этого продолжительного путешествия сопровождавшие его бояре и слуги рассказали великому князю, какие бесчинства и произвол чинят Шуйские, и Иван, возвратясь в Москву, велел своим псарям схватить Андрея Шуйского и обезглавить, что и было ими сделано прямо в Кремле без всякого промедления. Тут, по замечанию летописца, «начали бояре от государя страх имети и послушание».

И страх этот с самого начала был настолько велик, что обезглавленное нагое тело Андрея Шуйского два часа валялось на земле у Курятных ворот, и никто не смел подобрать его.

С этого времени начинается бесконечная череда казней, закончившаяся лишь через сорок лет, когда их главный виновник — Иван Грозный — умер.

Одним из первых таких актов был следующий.

Летом 1546 года пятнадцатилетний Иван с войском стоял у Коломны, ожидая набега крымцев. Однажды он выехал из лагеря поохотиться и увидел, как к нему приближается полсотни пищальников, крича, что они из Новгорода и хотят подать ему челобитную. Иван велел страже их отогнать, но новгородцы вступили в бой. В результате, и с той и с другой стороны оказались убитыми по пять-шесть человек.

Иван ускакал в свою ставку. Пищальников разогнали, арестовав пятнадцать зачинщиков. Следствие установило, что виновными в этой «замятне» были воеводы-братья Федор и Василий Воронцовы, князь Иван Кубенский и конюший Иван Петрович Федоров. Воронцовым и Кубенскому отрубили головы. После казни Иван IV надел саван и ходил на ходулях вокруг эшафота. Считалось, что если такой ритуал будет проделан, то человек, исполнивший его, никогда не умрет насильственной смертью.

Конюшего же Федорова ободрали кнутом и сослали на Белоозеро.

Жестокость была рано подмечена в характере Ивана окружающими его вельможами и слугами. И одним из первых подметили это и решили использовать на пользу себе в политической борьбе родные братья Елены Васильевны, его дядья Юрий, Иван и Михаил Васильевич Глинские.

Так, например, в одном из источников того времени сообщается: «Тое же зимы генваря (1547 года) велел князь велики казнити князя Ивана Дорогобужского, да князя Федора Овчинникова-Оболенского (сына Овчины) повелением князя Михаила Глинского и матери его, княгини Анны. И князя Федора посадили на кол на лугу за Москвою рекою против города, а князю Ивану голову секли на льду».

Рано была подмечена и другая склонность порочного отрока — любострастие. Еще в 1543 году посланник тринадцатилетнего Ивана к польскому королю Сигизмунду Борис Иванович Сукин должен был сказать: «Государь наш, великий государь Иван, Божиею милостью в мужеский возраст входит, а ростом совершенного человека уж есть, а з Божьей волею помышляет уже брачный закон принять».

Иван был высок ростом и в тринадцать лет и впрямь выглядел «совершенным», то есть взрослым и полностью сформировавшимся мужчиной. К этому времени он уже познал плотские утехы, и две страсти — стремление к жестокости и к удовлетворению чувственности. Уже в отроческие годы страсти эти стали господствующими в становлении его характера.

Как только Иван познал первую радость плотской любви, боярские приспешники, желая отвлечь его от учения и политики, стали наперебой поставлять ему «гулевых девиц», из-за чего мимолетные любовницы менялись у сластолюбивого отрока чуть ли ни каждый день. Историк С. Горский утверждал, что за четыре года до свадьбы Иван познал несколько сот девиц, искушенных в блуде и старавшихся завлечь царя наигранной страстью и большой опытностью в любовных утехах⁷.

Итальянский судебный психиатр Чезаре Ломброзо — основатель антропологической школы уголовного права — утверждал, что антропологические признаки человека определяют его психику и нравственные качества. По Ломброзо, делившего преступников на три категории — убийц, воров и насильников, — каждой группе соответствуют определенные черты физиономии. Убийцы, чаще всего, имеют холодный взгляд, в гневе же их глаза наливаются кровью. Нос убийц большой, орлиный, загнутый книзу.

Кажется, что Ломброзо дает здесь портрет Ивана Грозного — настолько это словесное описание совпадает с портретом царя.

В книге «Преступный человек» Ломброзо утверждал также, что раз человек отведал крови, то убийство становится для него потребностью. Кровь повелительна настолько, что ей не-

возможно противиться. И это тоже полностью подходит к описанию Ивана Грозного.

И, наконец, абсолютно соответствует характеристике царя-тирана и еще одно наблюдение итальянского ученого: чувственная любовь нередко сплетается с жадной крови — один ее вид необычайно мощно возбуждает половую страсть, а за кровавыми сценами всегда следует проявление самого неистового разврата.

И поэтому, когда в послании к архимандриту и монахам Кирилло-Белозерского монастыря Иван называет себя «смердящим псом, и нечистым и скверным душегубцем, живущим в пьянстве, блуде, убийстве, разбое, в ненависти, во всяком злодействе», он ничуть не преувеличивает и не сгущает красок, характеризуя себя таким образом.

Конечно, в 15-16 лет он таким еще не был, но уже прочно стоял на пагубном пути, с коего не сошел до самой смерти.

Однако в конце 1546 года шестнадцатилетний великий князь решает жениться и проводит три совещания — первое с митрополитом Макарием, а второе и третье — с Макарием и с Боярской думой. В ходе этих совещаний было решено одновременно с женитьбой совершить и высокотожественный обряд венчания на царство, получая впервые в истории государства титул «царя и великого князя всея Руси».

* * *

В небольшой книжечке «Известия о браках царя Иоанна Васильевича», изданной по ряду признаков во второй половине XVIII века, сообщается, что первой его женой была Анастасия Романовна Захарьина и что свадьба состоялась 3 февраля 1547 года вскоре после коронации Ивана IV, происшедшей 16 января того же года. Анастасия Романовна, кроме нескольких дочерей, родила и двух сыновей — Ивана и Федора⁸.

Второй женой царя была дочь черкесского князя Темрюка Айдаровича — Мария, крещенная этим именем в Москве. А ее брат получил имя Михаила. И Мария, и Михаил «скончали жизнь свою в 1568 году неблагополучно».

Третья супруга — Марфа Васильевна Собакина — сочеталась браком в конце октября 1571 года, а 14 ноября скончалась. «Царь Иоанн Васильевич утверждал, что он не совершил с нею супружеского союза, и, объявив сей брак недействительным, сочетался вновь с позволения церкви.»⁹

Четвертой его супругой была Анна Васильчикова, сочетавшаяся с ним браком в 1575 году. «Обстоятельных о том известий нет и год ее кончины не показан.»¹⁰

Пятая супруга «из какого дому была неизвестно. В монастырской книге сказано только, что она называлась Мариєю, а в инокинях Марфою.»¹¹

Шестую жену звали Дарьей Ивановной Колтовской. Неизвестен ни год ее бракосочетания, ни год развода, но доподлинно, что государь сослал ее в Тихвинский монастырь, где она и жила до 1626 года, и там же в монастыре погребена при церкви. При бракосочетаниях царя Михаила Федоровича Романова в 1624 и 1626 годах оба раза после венца посланы были к ней дары, а сие доказывает, что она была признана и почитаема как вдовствующая царица¹².

Седьмая, и последняя супруга была Мария Федоровна, дочь Федора Афанасьевича Нагого. Царь Иван Васильевич браком сочетался с нею в 1581 году. На другой год она родила несчастного царевича Дмитрия и овдовела в 1584 году.

Далее в книге «Известия о браках царя Иоанна Васильевича» идет перечень «супружеских намерений царя к иностранным принцессам» и сообщается, что его внимания в 1560 году удостоилась польская принцесса Екатерина, но сватовство оказалось неудачным, и через два года Екатерина стала женой герцога Финляндского Иоанна, брата короля Швеции Эрика XIV-го. Несмотря на это, еще при живой Марии Темрюковне, Иван Грозный потребовал, чтобы Екатерина стала его женой, но и эта попытка успеха не имела.

В конце жизни при живой Марии Федоровне Нагой сватался Иван за племянницу английской королевы Елизаветы — графиню Марию Гастингс, однако, и это сватовство кончилось ничем.

Вот, собственно, и все, чем располагали русские историки в конце XVIII века, когда речь заходила о матримониальных связях и намерениях Ивана Грозного.

Сегодня дело существенно переменялось, хотя и ныне мы немного знаем об Иване IV и его женах. Однако данные современных историков сильно отличаются от того, что Вы только что прочли. Итак...

* * *

16 февраля 1547 года, завершив древний обряд выбора невесты из многих сотен претенденток, свезенных в Москву со всей Руси, Иван сыграл свою первую свадьбу. Его женой стала Анастасия Романовна Захарьина — дочь окольного Романа Юрьевича, чьи потомки стали впоследствии носить фамилию Романовых и под этой фамилией три века занимали российский престол.

Теперь придется вспомнить несколько персонажей, с которыми познакомились мы в Новелле Первой, когда речь зашла о Захарьиных-Юрьевых и Захарьиных-Романовых, — внуках главы рода Захария Ивановича Кошкина и сыновьях Юрия Захарьевича Кошкина, коего стали звать и «Захарьиным».

Вспомним, что у Юрия Захарьевича и жены его — Ирины Ивановны, урожденной боярыни Тучковой, — было шесть сыновей и две дочери. Из сыновей же более прочих прославились второй — Михаил, которого умирающий Василий III оставил среди опекунов своей вдовы и сирот, и четвертый — Роман, вошедший в историю России из-за того, что именно его потомки — трое сыновей и две дочери (до того, как, выйдя замуж и получив фамилии своих мужей) — носили фамилию Романовых.

Так вот, именно младшая дочь Романа Юрьевича Захарьина-Юрьева, Анастасия Романовна, носившая по отцу родовое имя Романовой, и стала женой царя Ивана.

Несомненно, выбор царем жены именно из этого дома был прежде всего актом политическим, хотя определенную роль — возможно и весьма немаловажную — на первых порах играли и чувства Ивана, столь для него несвойственные в годы перед женитьбой.

Анастасия пленила Ивана своей мягкой женственностью и необыкновенной красотой. Если красавицы бывали у Ивана и прежде, то по нраву ни одна из них не могла сравниться с Анастасией ни на йоту.

У царицы Анастасии были сестры — Анна и Евфимия — и три брата — Даниил, Долмат и Никита. Только Долмату даровал Господь недолгую жизнь — он умер за два года до того, как стала Анастасия Романовна московской царицей. Остальные же пережили ее.

Разумеется, наибольшим почетом пользовались на свадьбе братья царицы — Даниил и Никита.

Забегая чуть вперед, скажем, что Даниил, как и его сестра, сразу же полюбился Ивану Васильевичу и сразу же после свадьбы стал боярином, получив при этом должность дворецкого, что соответствовало потом министру императорского двора, в ведении которого находилось и все богатейшее дворцовое хозяйство, и многочисленный придворный штат.

Но истинную славу познал Даниил Романович на полях ратной брани. Он был впоследствии и героем походов на Казань, и доблестным воеводой в войне с Ливонией. Даниил Романович пережил Анастасию на пять лет, скончавшись 27 ноября 1565 года.

И Даниил, и Долмат потомства не оставили, и потому вся надежда Захарьиных-Юрьевых возлагалась на младшего из братьев — Никиту, которому в день свадьбы Анастасии было около тридцати лет.

Он то и стал продолжателем рода бояр Романовых, хотя первая его жена — Варвара Ивановна Ховрина-Головина — оказалась бесплодной, но зато дело поправилось после ее смерти, когда женился Никита Романович во второй раз.

Через два года после свадьбы Анастасии с царем стал Никита Романович окольниковым, и был ему этот чин дан не только из-за того, что волею случая стал он царским шурином, а за успешную службу, в коей состоял он еще со времени великого князя Василия III.

Почетными гостями на царской свадьбе были и двоюродные братья Анастасии, сыновья Михаила Юрьевича Захарьина — Иван Большой и Иван Меньшой (в описываемое здесь время нередко два, а то и три родных брата могли в семье иметь одно и тоже имя), которые на предстоящей свадьбе должны были занимать первенствующее положение.

Иван Большой был дружкой новобрачного, так же, как за двадцать лет перед тем отец его — Михаил Юрьевич Захарьин — на свадьбе Василия III с Еленой Глинской.

А младший брат, Иван Михайлович Юрьев-Захарьин, нес из церкви свечу к столу, за которым сидели августейшие супруги.

Прошла первая неделя после необыкновенно пышной свадьбы, и царь совершенно переменялся. Не было больше пьяных оргий, перестали травить медведями людей, приуныли шуты, попрятались карлы, вывели из дворца многочисленных девок — плясиц и певуний. Сам царь стал подолгу молиться, раздавал щедрую милостыню и даже выпустил на волю сотни колодников.

Однако хватило его лишь на две недели. В самом начале марта он позвал в опочивальню, где еще не одетой лежала рядом с ним Анастасия, боярина Семена Оболенского.

— Что ты делаешь, государь? — воскликнула Анастасия. — Ведь я еще не прибрана, да и гоже ли мужчине видеть царицу в ее опочивальне?

— Это ты-то царица? — зло рассмеялся Иван. — Была ты Настька Захарьина, ей и осталась. Захочу — сегодня же будешь в монастыре, а я себе другую женку найду.

Анастасия тихо заплакала, а в это время на пороге опочивальни — ни жив, ни мертв, — замер, опустив глаза, боярин Оболенский.

— Скажи там, чтоб медведей на потеху приготовили, — молвил царь. — Поиграть охота.

И сколько ни плакала, сколько ни просила Анастасия отказать от кровавой потехи, Иван только похахатывал да поддразнивал ее.

Тем временем царские слуги поехали на постоянные дворы, где останавливались челобитчики, приходившие в Москву искать правды в судах да в приказах. Слуги говорили:

— Государь Великий, царь всея Руси Иоанн Васильевич пожаловал вас, рабов его, милостью: велел вам явиться перед его светлые царские очи, чтоб могли вы, холопишки его, челобитные свои государю подать.

Ходоки с радостью бросались к саням и мчались в Кремль.

Их проводили сквозь густую толпу к Красному крыльцу, возле которого немо стояли многочисленные стрельцы с бердышами и копьями. Челобитчиков ставили перед крыльцом, и те, ожидая государя, стояли на коленях.

В это время на самом верху крыльца устанавливали большое красивое кресло с высокой спинкой, и тут же в богатой, крытой бархатом шубе выходил из покоев государь. Над площадью неслись радостные клики. Государь, улыбаясь, ласково кивал головой и, махнув платком, опускался в кресло.

Челобитчики ликовали: ласков государь да милостив, тотчас же разрешит дела по правде — истине и справедливости.

Вдруг, к их изумлению, стрельцы быстро становились вокруг них.

На нижних ступенях Красного крыльца появлялся богато одетый царский слуга и громко провозглашал:

— Великий государь, царь всея Руси Иоанн Васильевич жалует вас, холопишек своих, игрой перед его светлыми очами.

Хотя челобитчики слышали все, но ровным счетом ничего не понимали: «Что за милость? Что за игра?»

Да враз и прозревали: прямо к ним, сквозь строй расступившихся стрельцов, царские псары и конюхи вели на цепях, продетых сквозь ноздри, трех огромных медведей. Введя зверей в круг, поводыри тут же выпускали цепи из рук и прятались за спины стрельцов, вновь смыкавших кольцо и ошетиливавших бердышами и копьями.

Дальше челобитчики уже ничего не помнили. Медведи катали их по снегу, грызли и рвали, сдирали с головы скальпы. Слышался только хруст костей и придушенные вопли несчастных... И над всем этим — безумный смех юного государя.

Снова во дворце появились непотребные девки, причем многие пришли к царю по своей воле, чтобы снискать себе его милости и расположение к своим близким, ибо были среди девок дочери и племянницы и сестры добродородных людей — стольников, окольных, даже князей и бояр. Анастасия впадала в немилость. Царь только изредка допускал ее к себе и редко когда исполнял ее просьбы.

9 апреля 1547 года Анастасия попросила принять на службу во дворец своего родственника Василия Захарьина, и царь, почему-то рассмеявшись, согласился принять его завтра же.

На следующий день Иван велел быть Анастасии к столу, и она пришла, не увидев за столом ни одной женщины, зато сразу же усмотрела в углу столовой палаты одинокую фигуру в дурацком наряде и колпаке с бубенчиками.

Шут стоял, опустив голову и закрыв руками лицо.

— Васька Захарьин! — крикнул Иван шуту. — Подойди к столу, поблагодари царицу за милость. Это она упростила меня взять тебя в службу.

Шут, подойдя, произнес:

— Спасибо тебе, матушка-царица! Пожаловала и превозвысила ты и меня, и весь наш род. Однако же и ты, и сам государь зело горазды шутить, и вам бы обоим пристало шутами быть.

Анастасия упала в обморок, а Василий Захарьин сразу же после обеда был выставлен один на один против самого свирепого медведя и умер в страшных мучениях.

Слух о происшедшем в тот же день вылетел из стен Кремля, и когда назавтра, 11 апреля, вспыхнул в Москве пожар, его почли за наказание Господне, ибо преступление было и кошунственным, и ужасным, и столь же ужасной должна была быть и кара.

Так оно и случилось: этот пожар оказался страшнее всех других. Вся Москва, горевшая два месяца, превратилась в пепел и прах. Даже в Кремле сгорели дворцы, взорвалась пороховая башня. Погибли тысячи людей, и во всем этом винили царя Ивана. И он, трусливый и суеверный, стал беспрерывно молиться, долгие часы проводил в душеспасительных утешениях и беседах, продал часть своих сокровищ для помощи погорельцам. Иван считал, что бог продолжает карать его и долгие годы после пожара. И через шесть лет, в 1553 году, дал обет посетить с царицей и своим сыном — царевичем Дмитрием, родившимся в октябре 1552 года, главнейшие святыни Руси.

Дмитрий был третьим ребенком Анастасии и Ивана. До него родились две девочки — Анна и Мария, но обе умерли.

не дожив и до года. Сын-первенец родился в то время, когда войска Ивана взяли Казань, и царь узнал об этом при победоносном возвращении в Москву.

Иван надеялся именно ему передать престол. Однако, возвращаясь с богомолья тщедушный, не достигший и года младенец умер. Эту смерть Иван воспринял как наказание Божие. Правда, 28 марта родился еще один сын — Иван, а через четыре года и их последыш — Федор, но Анастасии суждено было пестовать их очень недолго, ибо и сама она умерла 7 августа 1560 года.

Из-за того, что она болела всего три дня и лекари не могли сказать, какой недуг свел царицу в могилу, тут же пополз слух, будто ее отравили.

Иван страдал искренне и глубоко. Видя его печаль, плакали и бояре, и митрополит. Целую неделю провел царь взаперти в посте и в молитве. На восьмой день он вышел к боярам, и те ужаснулись: перед ними стоял согбенный желтолицый старик с ввалившимися, горящими недобрым огнем глазами.

Он велел накрыть праздничные столы, за ними вновь оказались десятки гулен, снова рекой потекло вино, участвующие в застолье мужчины должны были по окончании трапезы участвовать в оргии.

Вслед за тем начались столь многочисленные и столь жестокие казни, что все предыдущие перед ними померкли...

* * *

Чтобы обуздать неистовства этого вурдалака, бояре решили женить Ивана вторично. 18 августа 1560 года они официально попросили его об этом. Иван ответил, что он и сам уже думал о женитьбе и желал бы взять в жены родную сестру польского короля Сигизмунда II Ягеллона — Екатерину. Однако, Сигизмунд категорически воспротивился этому, прежде всего по политическим соображениям.

Тогда взор Ивана устремился от Варшавы к Кавказу, потому что там, как ему сказали, жила девушка сказочной красоты — Кученей, дочь черкесского князя Темрюка. Царь отправил к нему послов и те пригласили князя Черкесского и Кученей в Москву. Дикая красота черкешенки поразила Ивана, и он объявил ее своей невестой, хотя она не знала русского языка и по рождению была магометанкой. Подучившись языку и крестившись, девушка приняла имя Марии и 21 августа 1561 года обвенчалась с Иваном.

Но как только новая царица вышла из церкви, зачинщики свадьбы готовы был кусать себе локти, досадуя на допущен-

ную оплошность: и взглядами, и тоном, и манерами Мария сразу же дала понять, что теперь она госпожа, и никто, кроме ее мужа, не смеет становиться на одну ступеньку с нею.

Часто бывавший в Московии английский дипломат Джером Горсей писал: «После этого (смерти Анастасии) он (Иван) женился на одной из черкесских княжен, от которой, насколько известно, у него не было потомства. Обряды и празднества, сопровождавшие эту женитьбу, были столь странными и языческими, что трудно поверить, что все это происходило в действительности.»¹³

Мария с восторгом разделяла все досуги мужа. Она с наслаждением наблюдала за медвежьими потехами, с горящими глазами смотрела на то, как ломали на колесе руки и ноги одним казнимым, как других сажали на кол, а третьих заживо варили в кипятке.

Когда бывший постельничий царя Алексей Адашев почтительно заметил Ивану, что негоже царице Московской бывать на таких забавах, боярина тут же отправили в казематы Юрьевской крепости, а его брата Даниила Адашева, командующего русской артиллерией в Ливонии, тут же возвратили в Москву. Здесь, на Красной площади, легли на плаху и сами опальные вельможи и еще пятнадцать их родственников.

Если Анастасия пыталась удержать Ивана страхом наказания Господня, кротостью и любовью, то Мария, напротив, привязывала царя тем, что потакала самым низким и грязным его порокам и склонностям.

Она окружила себя самыми красивыми развратницами Москвы, превратив их в подобие фрейлин, и всячески способствовала сближению своего мужа с любой из них.

Вокруг нее собирались и новые люди при дворе царя — Малюта Скуратов-Бельский, Федор Басманов, Богдан Бельский — племянник Малюты, Василий Грязной, князь Афанасий Вяземский и несколько других — жестоких, алчных распутных и коварных эгоистов, не признававших никаких резоннов, кроме собственной выгоды, и не гнушавшихся ничем ради ее достижения.

Забегая немного вперед, заметим, что после того, как в декабре 1563 года умер восьмидесятилетний митрополит Макарий, на место царского духовника стал родной брат Василия Грязного — Левкий, архимандрит кремлевского Чудова монастыря. От него Василий Грязной мог узнавать буквально все, ибо Иван, более всего боявшийся преисподней, едва ли скрывал что-либо важное от своего духовного отца и исповедника.

В результате лучшие друзья царя, его духовник и жена сотворили вокруг Ивана такое плотное кольцо, что никто кроме них не имел возможности оказывать прямое влияние на него. Более того, все они постоянно создавали у Ивана впечатление, что он вместе с ними, — его верными друзьями и телохранителями, — окружен сонмом врагов — злобных и беспощадных, — и нужна великая осторожность и проницательность, чтобы не стать их жертвами.

Они же предложили Ивану создать особую дружину рыцарей для борьбы с боярской опасностью, в которую первыми вошли бы они — Малюта Скуратов «со товарищи». Вскоре после того, как Вяземский высказал такую мысль, их же стараниями оказался раскрыт огромный боярский заговор, направленный против жизни царя. А вслед за тем началось грандиозное действие: взяв жену и детей-сирот Ивана и Федора, царь бежал сначала в Коломенское, затем — в Александровскую слободу, куда 3 января 1565 года явилась к нему делегация от бояр и митрополита Афанасия, умоляя его вернуться в Кремль.

Иван отказывался ровно месяц, но потом милостиво согласился, выговорив себе особые условия возвращения, которые он предъявит им всем в Москве. Делегаты ничего не имели против. И вот через неделю Иван эти условия объявил. Он точно топором разрубил Русь на две части, назвав одну — «земщиной», а другую — «опричниной».

В опричнину вошло почти два десятка богатых российских городов, многие московские слободы и территории, богатые рудой и лесом, пастбищами и «мягкой рухлядью». С этих земель и градов должен был кормиться царь, его двор и тысяча избранных телохранителей-опричников.

Не переставая пугать Ивана заговорами, Малюта, Вяземский, Грязной и другие приспешники, ставшие во главе опричнины, привели Ивана к мысли о необходимости переезда из Москвы в Александровскую слободу. Однако на сей раз Марию Темрюковну Иван с собой не взял.

* * *

Покинутая царем Мария дала волю своим порочным инстинктам. Собирая к застолью молодых мужчин и женщин, она выходила к ним с непокрытой головой, что по тем понятиям было столь же неприличным, как если бы сегодня женщина явилась к гостям голой. Иногда она ходила в черкесском платье, выгодно подчеркивающим ее формы.

Будто стараясь укорить Марию, Иван в Александровской слободе создал мужской монастырь, провозгласив себя игуменом, князя Вяземского келарем, а Малюту Скуратова параклисиархом. Игуменом называли начальника монастыря, на отце-келаре лежали хозяйственные заботы, впоследствии келаря стали звать «экономом», а вот параклисиарх зажигал светильники во время богослужения. Если это было только шутством, то оно было кощунственным.

Александровская слобода представляла собой одновременно и монастырь и крепость: из бойниц выглядывали пушечные жерла, по стенам стояли стрельцы и пищальники, которые то облачались в воинские доспехи, то меняли их на монашеские одежды.

Их было три сотни, этих воинов-монахов, отобранных из тысячи опричников. Жизнь их в монастыре являла чудовищную смесь иноческого аскетизма, поста, многочасовых молитв и приходящих им на смену непрерывных оргий. В этом угаре разнузданности и смирения, пьянства и воздержания плоти, на ум, разгоряченный видениями сатанинских грехов, а затем охлаждаемый раскаяниями, могло прийти все, что угодно.

Иван, подстрекаемый своими собутыльниками-сомолитвенниками, приказал приставить к Марии Темрюковне надежный караул и не выпускать ее из дворца.

Сам же решил еще раз попытать счастья, снова посватавшись к дочери польского короля Сигизмунда II Ягеллона — Екатерине которая, отвергнув его первое сватовство, через два года вышла за Иоанна, герцога Финляндского, брата шведского короля Эрика XIV, но вскоре осталась одна, ибо брата своего король посадил в тюрьму.

Эрик XIV, — умный, энергичный, властолюбивый, великолепно образованный, — астроном, математик, историк и прекрасный музыкант, — был неплохим полководцем и выдающимся администратором.

В 1561 году, ввязавшись в Ливонскую войну, он изгнал русские войска из Лифляндии и занял Ревель (Таллинн).

Вместе с массой несомненных достоинств обладал он и множеством столь же очевидных пороков. Эрик сильно напоминал Ивана Васильевича — был тоже жесток, коварен, подозрителен, мстителен и суеверен. Больше всего боялся потерять трон, ибо понимал, что вслед за тем наступит неминуемая расплата, и потому на всякий случай, для большей безопасности, и посадил в тюрьму младшего брата.

В России, внимательно следившей за стокгольмским двором, тут же узнали о случившемся, и Иван немедленно послал

к Эрику боярина Никиту Воронцова, приказав ему сосватать за него соломенную вдову герцога Иоанна. Жених обязывался навеки уступить Швеции эстляндские земли с Ревелем, который, правда, не был им взят, хотя русские войска стояли недалеко от города.

Шведские дипломаты передали посылку Ивана королю. Эрик с радостью согласился, однако, Государственный совет Швеции отверг эту затею и сделал все, чтобы не допустить Воронцова к королю.

Боярин Никита прожил в Стокгольме одиннадцать месяцев. Но приема у короля так и не добился и вынужден был ни с чем возвращаться. Он еще ехал в Москву, а Иван уже знал о постигшей его неудаче, которую царь воспринял как личное оскорбление. Его ярости не было предела. Кремлевский дворец затих и вымер. Даже Малюта Скуратов боялся попасть ему на глаза. Наконец Воронцов вернулся. Иван принял его ласково и при всех стал хвалить за все, что он сделал на царской службе. Свою речь закончил Иван совершенно неожиданно:

— За то, что пробыл ты, Никита, в городе Стокгольме год, а приехал ни с чем, жалую тебя дураком, потому как за морем, в земле Свейской, явил ты себя таковым.

И, махнув рукой, велел вынести шутовской наряд с бубенцами.

Воронцов метнулся в угол палаты и выхватил из-за пояса нож.

— Не дамся! Убью! Никогда Воронцовы в шутах не ходили! — закричал он.

И как только к нему приблизились, Воронцов, не ожидая, когда слуги Ивана отберут у него нож и наденут шутовской наряд, ударил себя ножом в сердце.

Вскоре после этого умерла и неистовая царица Мария Темрюковна. Это случилось 1 сентября 1569 года.

* * *

Два последующих года прошли в непрерывных набегах опричников на города и села, усадьбы и деревни «Земщины». Грабежи, убийства, насилия и пожары повсюду сопровождали царя и присных его на их страшном пути.

К этому времени Иван стал уже полусумасшедшим. Он приходил в необузданную ярость по малейшему поводу, а то и без всякой причины. Он бился в падучей, на губах у него выступала пена, глаза закатывались. Он хрипел, потом загнанно дышал и в конце концов затихал, впадая в тяжелый сон.

После сна начинались галлюцинации: сонмы истерзанных и замученных им людей окружали его, и видел царь убитых им даже на куполе Троицкого собора Александровской слободы.

Те месяцы и годы, когда возле него не было законных жен, Иван проводил в своем гареме, состав которого постоянно менялся. Наложницы сопровождали его круглые сутки. По утрам они относили своего повелителя в мыльню, потом одевали его и вели к трапезе. Из-за пиршественного стола, где всегда были заморские и русские яства, пьяного, всем пресытившегося старика они же уносили в спальню, а оттуда — вечером или посреди ночи — снова к столу.

Иван обрюзг, тело его стало студенистым, кожа обвисла, сморщилась, совершенно голый череп пожелтел, лицо стало отдавать в прозелень... Только зубы оставались белыми, ровными и очень крупными, но когда Иван улыбался, раздвигая толстые синие губы, казалось, что это кривится вылезший из могилы вурдалак.

Наконец, в голову Ивана, Бог весть почему, пришла мысль сыграть еще одну свадьбу.

И снова были смотрины. Согбенный, облысевший, опирающийся на посох Иван обходил ряды невест — молодых, ядреных, крепкотелых, пышущих здоровьем, и точно коршун выискивал себе добычу.

Наконец остановился.

— Как звать тебя? — спросил он девушку, понравившуюся ему более всех.

— Марфа Васильевна дочь Собакина, — ответила невеста.

Иван пошел дальше, но обойдя всех, ни одной лучше не нашел и велел объявить, что царицей Московской, а себе — женой называет он боярышню Марфу Васильевну Собакину.

Отец ее — обычный коломенский дворянин — сразу же стал боярином, а три ее брата — окольничими.

28 октября 1571 года в Троицком соборе Александровской слободы состоялось венчание Ивана и Марфы, и в тот же день была отпразднована свадьба.

Своему новому тестю — Василию Собакину — Иван подарил неподалеку от Шуи село Ильинское-Телетово. Собакины тотчас же поехали в Ильинское. Здесь их потомки жили до последней четверти XIX столетия.

Марфа занемогла сразу после свадьбы, а скончалась через полмесяца — 13 ноября. Похоронили ее со всеми почестями в Кремле в Вознесенском женском монастыре.

По розыску из-за «злой порчи» было замучено и казнено девятнадцать Собакиных. Синодик — список для поминания

в молитвах, — хранящийся в Ивановском областном архиве, содержит имена всех «убиенных».

Сохранилась и копия карандашного рисунка, сделанного художником М.Л. Шафом с недошедшего до нас фамильного портрета Собакиной. Здесь она изображена в богатом русском костюме, украшенном драгоценными камнями. Копия рисунка Шафа хранится в Государственной публичной библиотеке России. Несчастливая Марфа стала героиней оперы Римского-Корсакова «Царская невеста».

Смерть Марфы не обошла стороной и родственников Марии Черкасской. Ее брата — Михаила — обвинили в том, что он подносил Марфе накануне смерти отравленные засахаренные фрукты, из-за чего она и скончалась. Михаил на пытке не сознался в злодеянии, но все равно был посажен на кол, а его мнимые соучастники были обезглавлены.

Иван, как утверждают летописцы, тяжело переживал смерть своей красавицы-невесты. Царь клялся, что из-за болезни Марфы он не поднимался на брачное ложе и не дотронулся до нее, и она после венчания осталась невестой и умерла невинной. Из-за этого он просил иерархов церкви не засчитывать ему третий брак, которого фактически не было, и разрешить вступить в следующий, считая его не четвертым, а третьим.

Такого рода признание было для Ивана крайне важным, ибо церковь категорически запрещала четвертый брак, независимо от произошедших до него причин, по которым распались предыдущие браки.

Иван вынужден был созвать церковный собор и просил о позволении сыграть еще одну свадьбу. Покорные епископы и архимандриты разрешили четвертый брак, попросив царя принести покаяние и принять епитимью — сто поклонов перед иконами ежедневно в течение одного года...

* * *

Четвертой женой Ивана, венчавшейся с ним в церкви, была Анна Алексеевна Колтовская. Свадьбу сыграли 28 апреля 1572 года. Анна во многом напоминала Анастасию, а кое в чем — Марию Темрюковну. На черкесскую княжну походила она силой воли и умением навязывать Ивану удобные ей решения. Анна окружила царствующего супруга юными красавицами, которые ничего не делали без ее соизволения, и, таким образом, новая царица крепко держала в своих руках сластолюбивого деспота.

Не без ее влияния были отодвинуты на второй план многие опричники, и именно в 1572 году опричнина была слита с земщиной и прекратила свое существование. Конечно же, некоторые опричники при этом были казнены.

Однако Иван не привык покоряться кому бы то ни было. Осенью этого же 1572 года он отправил Анну в монастырь. Там она против воли, как и за полвека перед тем Соломония Сабурова, была насильно пострижена и из московской царицы стала инокиней Дарьей. Но на том обряд пострижения не закончился: через час ее постригли в схимонахини, надев на нее схиму — черную грубо тканную рясу с белым черепом на груди, что означало смерть всех земных радостей для постриженной и одиночество до последнего дня жизни.

Схимонахиню Дарью отвели в подземную келью, где она и пребывала в одиночестве много лет. После смерти Ивана ее выпустили из подземелья, но она оставалась в монастыре до самой смерти. Скончалась дарья в августе 1626 года, через тринадцать лет после того, как на царском троне появился первый из Романовых — Михаил Федорович.

* * *

Несчастливая схимонахиня Дарья только вступила во второй год своего иночества, как ее бывший супруг решил сыграть пятую свадьбу. Он хорошо понимал, что если снова созвать церковный собор, то это будет для него чистым позорищем и посмешищем, даже если иерархи и на сей раз разрешат ему новый брак, в чем он вообще-то в глубине души сомневался. Поэтому Иван решил сделать все необходимое без благословения архипастырей.

Высмотрев очередную невесту, — на сей раз ею оказалась семнадцатилетняя красавица-княжна Мария Долгорукая, — пятидесятитрехлетний жених тайно договорился с настоятелем Спасо-Преображенского собора протопопом Никитой, до того служившим в опричниках, о предстоящем венчании. Никита, преданный помазаннику до предела, а пуще того, страшющийся его больше погибели собственной души, тотчас же согласился.

Тогда Иван в открытую объявил о намечавшейся свадьбе. В Москву он созвал всю русскую знать. После того, как все съехались и день свадьбы был назначен точно, на улицы столицы выкатили бочки с вином и брагой, расставили столы с угощением и стали звонить во все колокола, радуясь вместе с царем-батюшкой.

На редкость веселым был свадебный пир. Но, к недоумению приближенных и слуг, после брачной ночи молодой супруг вышел из спальни печальным и вскоре велел закладывать санный поезд в Александровскую слободу.

Иван ехал в первом возке вместе с юной женой, с любопытством прильнувшей к оконцу и наслаждавшейся тем, как по обе стороны дороги валяются на колени ее новые подданные. Впереди кареты мчались конные вершники и кричали: «Пади!»

Но Мария не знала, что перед тем, как вывезли ее из Кремля, вперед к Александровской слободе умчались легковерхие гонцы с приказанием спешно выдолбить посередь Царского пруда большую полынью. Для чего надобно было долбить лед на пруду, того гонцам не сказали.

Царь и царица подъехали к дворцовому крыльцу. Не сказавший за всю дорогу царице ни единого слова, Иван вместе с нею ушел во дворец. К вечеру полынья была готова. На берегу пруда появилось знакомое всем обитателям Александровской слободы высокое кресло, сидя в котором государь следил за медвежьими потехами, кулачными боями, пытками, кнутобойством и казнями. На сей раз, видать, захотелось благодетлю половить из полыни рыбки.

Но раскрылись ворота государева двора, и из них верхом на коне выехал царь. За ним показались сани, а в них — опеленутая веревками, будто спящая молодая царица. Не то была она мертва, не то просто обмерла и от страха лишилась сознания.

Лошадь подвели к краю полыни, и вышедший вперед Малюта Скуратов громко проговорил, обращаясь к столпившимся на берегу слободчанам:

— Православные! Ныне узрите, как карает Великий государь измену. Князя Долгорукие обманым воровским обычаем повенчали государя с девкой, коя до венца слюбилась с неким злодеем и пришла во храм в скверне блудодеяния, о чем государь не ведал. И за то злое, изменное дело повелел Великий государь ту девку Марийку в пруду утопить!

К лошади подошли люди, — все бывшие опричники, — и стали копиями теснить коня к полынье. Испуганная окровавленная лошадь, жалобно заржав, ринулась, не видя света, к проруби и тут же пошла ко дну вместе с тяжелыми розвальнями.

Подождав, пока вода в пруду успокоилась, Иван поднялся с кресла и поехал во дворец, где его уже ждали десятки блудниц...

Малюта схватил брата утопленной — княжича Петра Долгорукого, и стал выпытывать у него имя злодея, похитившего невинность у его сестры. Петр или не знал любимого Марии, или не хотел губить его, но так ничего и не сказал. Он и умер, твердя одно и то же:

— Сестру погубил один сущий лиходей — царь Иван Васильевич.

* * *

А в 1575 году Иван увидел Анну Васильчикову — дочь Григория Борисовича Васильчикова¹⁵ — дворянина московского, и на следующий день заслал к отцу сватов. История не сохранила ни даты их венчания, ни имени венчавшего их попа, ни названия храма, где это происходило. Известно было только, что Анна прожила в браке три месяца и умерла, как было велено говорить, «от грудной болезни». Как могла молодая здоровая женщина за три месяца дойти до гробовой доски, остается только угадывать. Ее гроб увезли в Суздаль, в Покровский женский монастырь, и там предали земле. Иван ни версты не ехал за гробом, даже на поминках откровенно пьянствовал и веселился.

* * *

И еще три года жил Иван Васильевич в безбрачии, не имея жены, но истязая себя с непотребными девками, роившимися вокруг него, как пчелы вокруг диковинного цветка.

Однажды заехал царь в дом к своему стремянному — Никите Мелентьеву, и увидел жену его Василису — дородную, статную, большеглазую и веселонравную. Василиса хотя и блюла все приличия, но поглядывала на царя так зазывно, что он и повеселел, и подобрел. Принимая из рук Василисы чарку, он сказал:

— Буди здрава и ты, хозяйюшка. А тебе, Никита, укор: пошто этакую красу до сего часа от нас скрывал? Приходи, красавица, нынче вечером ко мне во дворец.

Вечером Василиса в царский дворец не явилась. Не вышел на службу и Никита. Когда же Иван поинтересовался, что случилось, ему ответили, что муж и жена больны.

Иван и Малюта поехали к Мелентьевым. Царь привез для своего стремянного снадобье, которое и дал ему отведать из собственных рук. Никита лекарство принял и тотчас же скончался.

На третий день после похорон Никиты Василиса пришла во дворец, да так и осталась там на целых два года. Она сумела взять над Иваном такую власть, какой не обладала над ним ни одна женщина. Василиса выгнала всех царских одалисок и стала единовластной хозяйкой двorca.

Через год Василису объявили царицей. Но, как сообщает одна из легенд, — а достоверных сведений о Василисе Мелентьевой очень мало, — царь нашел на ее половине спрятавшегося молодого красавца. По одним известиям, это был царский оружничий князь Иван Тевекелев, по другим — сокольничий Иван Колычев. А дальше обе легенды сливаются в один поток: царь тут же, на месте, убил соперника жезлом и велел похоронить вместе с Василисой в одной могиле.

На другой день в Александровскую слободу из Кремля повезли два гроба. На краю кладбища выкопали большую могилу и опустили в нее обе домовины, поставив их рядом. Отпевавшему прах священнику имен усопших не назвали, а велели помянуть их как просто «рабов Господних».

На отпевании присутствовал один из опричников; он стоял молча, и, когда поп замолкал, ему слышался тихий шорох, доносящийся, как ему казалось, из одного из гробов. Это еле шевелилась и замученно дышала живая Василиса с кляпом во рту, вся опеленутая веревками...

* * *

И вновь Иван окунулся в разгул, оргии, беспробудное пьянство, пока не услышал, что у опального боярина Федора Нагого в его вотчине, где отбывал Федор ссылку, выросла дочь, — невиданной красоты и стати. Царь тут же приказал немедленно возвратить Нагого со всем семейством в Москву.

Когда он увидел дочь Федора — Марию, у него бешено заколотилось сердце. Мария была высока и стройна, полна в той степени, какая делала ее необычайно привлекательной. Пепельная коса — тяжелая и густая — падала ниже пояса, а большие серые глаза смотрели ласково, выявляя ум и добрую душу девушки.

Царь сказал:

— Мария Федоровна будет царицей московской.

При этих словах невеста упала в обморок. Нагому ничего не оставалось, как сказать, что его дочь потеряла сознание от неожиданного счастья: не от вида же согбенного и плешивого желто-зеленого старца.

Через неделю, 6 сентября 1580 года в Спасо-Преображенском соборе молодых венчал тот же протопоп Никита, кото-

рый ставил под венец и несчастную Марию Долгорукую, утопленную после первой брачной ночи.

Примечательным на свадьбе Марии Нагой с Иваном Васильевичем было то, что посаженным отцом жениха был собственный его сын — двадцатитрехлетний Федор, дружкой жениха — двадцативосьмилетний князь Василий Шуйский, а дружкой со стороны невесты выступал ровесник Шуйского — Борис Годунов, зять Малюты Скуратова и буквально завтрашний шурин царевича Федора, ибо на сестре Годунова — Ирине — царевич должен был жениться на следующий день — 7 сентября 1580-го года.

«А что ж в том примечательного?» — спросите Вы, читатель.

И я отвечу Вам: «А в том, что все они стали после смерти Ивана Грозного один за другим русскими царями».

Мария Федоровна Нагая явилась свидетельницей подлинно глубокой драмы в жизни царя: в ноябре 1581 года он убил своего старшего сына — наследника престола царевича Ивана Ивановича.

По разному рассказывают об этом теперь, но в народной памяти отложилась такая версия убийства. Двадцативосьмилетний царевич заступился за свою беременную жену Елену Шереметьеву — кстати, уже третью, первая и вторая его жены были давно в монастырях. Не терпевший «встречи», то есть возражений, отец в пылу гнева ударил своего первенца в висок посохом. По одной версии царевич умер мгновенно, по другой — через два дня, по третьей — через десять, но дата смерти Ивана Ивановича называется точно — 19 ноября.

Царь не хотел убивать наследника и от горя едва не помер: так во всяком случае казалось окружающим. После похорон сына он долго не мог прийти в себя — плакал, молился и, сдаётся, совсем лишился и сил, и желания грешить.

Но как только чуть-чуть полегчало, он тут же взялся за прежнее. Однажды, почувствовав прилив необузданного вожделения, он схватил за руки сидевшую рядом невестку — Ирину, жену царевича Федора, и пытался повалить ее на постель, но Ирина убежала.

Этот порыв похоти Иван принял за еще одно возвращение к молодости, и в голове у него возник новый матримониальный проект: сватовство к племяннице английской королевы Елизаветы — графине Марии Гастингс.

* * *

Начиная новый сюжет, мы должны вернуться более чем на четверть века назад.

23 мая 1553 года из Англии вышла эскадра из трех исследовательских кораблей и взяла курс на северо-восток. В задачу мореплавателей входило открытие неизвестных земель и неизведанных путей к норд-осту от Британии.

Когда корабли вышли к берегам Норвегии, жестокая буря разметала их, и они потеряли друг друга из вида. Один из кораблей — «Доброе приключение», — находившийся под командой кормчего эскадры сэра Ричарда Ченслера, продолжал свой путь в одиночку. Обогнув Скандинавию, он вошел в какую-то бухту. На плоском берегу англичане увидели несколько рыбацких кочей. Оказалось, что они вошли в устье Северной Двины, а земли по обоим ее берегам и побережье моря, которое местные жители называли Белым, принадлежали, как оказалось, московскому государству.

Холмогорский воевода тут же известил царя о случившемся. Иван пригласил мореплавателей в Москву. Ченслер довольно быстро добрался до столицы, удостоился аудиенции с царем и, пробыв две недели, выехал обратно. Он увез с собою дружественное послание Ивана английскому королю Эдуарду VI.

Вскоре Ченслер снова отправился в Россию вместе с сыном, а также Ричардом Греем и Джорджем Киллинворсом, полномочными агентами «Московской компании», спешно созданной в Лондоне для торговли с Россией. По дороге в Москву Ченслер узнал, что два других корабля его первой экспедиции выбросило на берег Белого моря, и все матросы погибли. Тем не менее английский капитан продолжил новое путешествие в Москву, чем и положил начало взаимным торговым отношениям Англии и России.

21 июня 1556 года в Англию под командой Ченслера вышли четыре корабля, нагруженные товарами. На флагманском корабле вместе с Ченслером плыл и первый русский посол, вологодский наместник Осип Григорьевич Непея, вложивший все свое состояние в этот торговый караван.

Однако несчастье опрокинуло надежды на благополучное окончание плавания: новая буря раскидала караван. Три корабля из четырех утонули. Остался на плаву лишь «Доброе приключение», получив сильнейшие повреждения.

Через три месяца корабль Ченслера достиг берегов Шотландии, но еще одна буря вынесла его на скалы. Спасая Осипа Непею и сопровождавших его русских купцов, сам Ченслер с собственным своим сыном погибли. Непея чудом остался жив, добрался до Лондона и был необычайно торжественно и пышно встречен лордом-мэром Лондона и сотнями богатейших английских негоциантов.

Получив от короля исключительные привилегии на торговлю с Англией, Непея в мае 1557 года отправился на родину на корабле известного мореплавателя Антония Дженкинса, служившего в «Московской компании». Благополучно добравшихся до Москвы Непея и Дженкинса принял царь, весьма довольный тем, что связи его страны с Англией начинают развиваться и крепнуть.

Однако не только потому был доволен Иван дружбой, возникшей с одной из самых могущественных держав мира. Были еще и кое-какие другие обстоятельства весьма личного свойства.

* * *

Когда Дженкинс еще находился в России, в Англии умерла королева Мария, и престол перешел к ее двадцатипятилетней сестре Елизавете — умной, хитрой, скрытной, великолепно образованной, но вместе с тем грубой и гневной, и еще незамужней. Может быть, именно тогда в больном воображении Ивана возникла идея найти себе убежище от сонма недругов, укрывшись на берегах Темзы.

Тем не менее, реализовать эту идею Иван решил лишь в 1567 году, когда после многолетних странствий Дженкинс возвращался в Англию. Именно он оказался самой подходящей фигурой для передачи такого довольно щекотливого предложения, и, кажется, оно было сделано.

После этого Иван и Елизавета вступили в многолетнюю переписку, где поочередно предлагали друг другу убежище в Москве и Лондоне в случае, если политическая борьба с противниками заставит их прибегнуть к этому.

В 1581 году союзнический проект получил неожиданный поворот: лейб-медик королевы Джек Робертс, присланный Елизаветой для Ивана, как-то намекнул пятидесятилетнему сластолюбцу, что он вполне мог бы жениться на племяннице Елизаветы — графине Гастингс. Посла смущало, конечно, что Иван совсем недавно вступил в седьмой брак с Марией Нагой, но это ничуть не обескуражило жениха, ответившего, что Нагая — боярыня, а не особа царской крови, и что за жену ее можно не считать.

С этого и началась новая, и последняя в жизни Ивана, матримониальная авантюра.

* * *

Иван решил действовать быстро, решительно и, даже для него крайне бесцеремонно. Началось с того, что он сообщил

об этом своему новому тестю Федору Нагому и именно ему поручил вместе с другими боярами расспросить Робертса об английской невесте. Царский тесть, скрепя сердце, начал унизительные расспросы, понимая, каким жалким посмешищем и ничтожеством он выглядит в глазах бояр и царского лекаря.

Положение Нагого осложнилось еще и тем, что незадолго до того, а именно 19 октября 1581 года, у Марии и Ивана Васильевича родился сын. — царевич Дмитрий. После смерти в прошлом году наследника престола Ивана Ивановича для царя это была самая большая радость, потому что слабоумный Федор был плохим помощником отцу и совсем непригодным наследником. Таким образом, Дмитрий становился очевидным претендентом на трон.

И вдруг возник такой неожиданный и крайне неприятный для Федора Нагого и его дочери поворот событий, при котором все первоначальные и совсем недавние благие намерения царя могли рассыпаться в прах.

А между тем дело, задуманное сумасшедшим женихом, шло вперед — Иван энергично продвигал его.

В июле 1582 года московский посланник Федор Иванович Писемский отправился к Елизавете с наказом августейшего жениха-старца: во-первых, повидать «Хантинскую княжну», как переводили титул графини Гастингс царские толмачи, и хорошенько разглядеть, хороша ли она, какого роста, бела ли, дородна ли. Во-вторых, выведать, какого Мария рода и подлинно ли близка по крови королеве. В-третьих, он должен был привезти ее портрет и точную мерку на бумаге.

Переводчиком при Писемском ехал Джек Робертс, получивший особое поручение — сообщить Елизавете о намерении Ивана тайно посетить Англию.

Писемского, прибывшего в Лондон в октябре 1582 года, долго не принимали, и лишь через два месяца ему была дана торжественная аудиенция в Вестминстере, на которой присутствовал и отец Марии — лорд Гонтингтон, граф Гастингс. Королева была весела, любезна и повторяла, что любит царя Ивана как брата, будет рада его визиту и готова заключить с ним союз.

В январе 1583 года Писемский и Робертс неожиданно были приглашены в Ричмонд на бал. Королева покинула гостей и уединилась с послом и переводчиком, чтобы поговорить о Марии Гастингс. Писемский пересказал данную инструкцию. Елизавета, деланно смутившись, ответила, что была бы рада войти в родство с царем, но Мария нехороша собой, а ей, Елизавете, известно, что Иван любит красавиц. Что же касается

портрета, то и здесь придется повременить, так как Мария только что переболела оспой.

Через некоторое время Писемскому заявили, что в Англии располагают доподлинными сведениями, что Мария Нагая родила царю сына, названного Дмитрием, и это новое обстоятельство затрудняет переговоры о сватовстве.

Русский посол, и до того наделавший немало ошибок, стал отрицать сказанное англичанами, утверждая, что недруги царя распускают ложные слухи, желая поссорить королеву с его государем. Однако такой аргумент был более чем несостоятелен — сын Ивана и Марии — Дмитрий — родился 19 октября 1581 года, то есть тогда, когда Писемский и Робертс еще находились в Москве, а лейб-медик Ивана едва ли оставался в неведении о положении дел в царской семье.

И все же 17 мая Писемскому и Роджерсу предложили поехать в загородную резиденцию лорда Бромлея, пообещав показать Марию Гастингс. Лорд встретил посла с большим пиететом и подчеркнутым радушием. Он провел своих гостей в сад, где был накрыт изысканный, и по блюдам, и по посуде, стол. Угощение только началось, как в одной из аллей появилась группа нарядно одетых женщин, впереди всех шла высокая, русоволосая и белолицая, худая девица лет около тридцати, с серыми глазами, прямым носом и тонкими длинными пальцами.

— Это и есть Мария Гастингс, — сказал лорд Бромлей. — Она готова, чтобы с нее написали портрет.

Царская невеста понравилась Писемскому, но когда на очередной аудиенции у королевы зашла речь о Марии, Елизавета еще раз сказала:

— Сожалею, что моя племянница столь некрасива, что никак не сможет понравиться царю.

В середине июня портрет невесты был готов, и Писемский после того, как побывал на параде королевского флота, поразившего его своей мощью и красотой — 24 линейных корабля с 70-80-ю пушками и тысячью матросов на каждом — отплыл в Россию. Вместе с ним вышел в море посол королевы сэр Джером Боус. Одновременно с проблемами военными, торговыми и дипломатическими он должен был поставить точку и в вопросе о сватовстве.

Во время аудиенции, данной ему Иваном, Боус сказал, что Мария Гастингс больна, некрасива, не хочет менять религию, а кроме того, из всех племянниц королевы она по родству отстоит от королевы дальше всех.

— У королевы, — сказал Боус, — есть еще десяток более близких и более красивых родственниц.

— Кто же они? — с живостью и неподдельным интересом прервал его царь.

— Я не уполномочен говорить об этом, — ответил сэр Джером.

При последующих встречах Иван с маниакальным упорством требовал назвать этих родственниц королевы по именам и выказывал желание получить их портреты.

Дело кончилось тем, что Боусу был назначен последний прием и названа дата — 20 февраля. Но накануне Иван заболел и аудиенцию отложили до его выздоровления.

Стоя на краю могилы, но надеясь на выздоровление, в самой середине марта 1584 года, когда Грозный уже знал о крахе своего сватовства к Марии Гастингс, он задумал новый вариант еще одной женитьбы — на шведской принцессе, и за день до смерти послал в Стокгольм сватом боярина князя Василия Шуйского. Однако, Василий не успел отъехать от Москвы и ста верст, как его догнал гонец и вернул обратно, известив, что жених только что умер, а на престол восходит великий государь Федор Иванович.

Среди тех, кто оказался возле больного царя в день его смерти, был один из агентов английской «Московской компании», сэр Джером Горсей. С бухгалтерской книгой он управлялся не хуже, чем со шпагой, и в низменных денежных и торговых делах разбирался лучше иного купца.

Из-за этого своего, тогда нечастого для аристократа, свойства он сблизился и с торговыми людьми, и с боярами. Через семь лет его патроном стал сам Борис Федорович Годунов, брат жены царевича Федора — Ирины.

Горсей, прозванный в Москве на русский лад Еремеем Ульяновичем, возглавил английскую «Московскую компанию» и повел дела так, что компания стала процветать.

Знакомство с Годуновым привело англичанина в царские палаты, и он имел несколько встреч с царем Иваном, причем последним приемом царь удостоил сэра Джерома в день своей смерти.

После того, как в 1591 году сэр Джером вернулся на родину, он двадцать лет писал книгу «Путешествие в Московию», где рассказал и о смерти Ивана Грозного, очевидцем чего стал он сам вместе с лейб-медиком царя Джоном Эйлофом.

Сэр Джером сообщал, что накануне смерти царя, случившейся 18 марта 1584 года, Грозный позвал Горсея к себе и показывал ему свои сокровища, объясняя при этом свойства драгоценных камней:

— Вот прекрасный коралл и прекрасная бирюза, возьмите их в руки, их природный цвет ярок, а теперь положите их на

мою ладонь. Я отравлен болезнью, вы видите — они предсказывают мою смерть. Принесите мой царский жезл, сделанный из рога единорога с великолепными алмазами, рубинами, сапфирами, изумрудами и другими драгоценными камнями... Этот жезл стоил мне семьдесят тысяч марок, когда я купил его у Давида Гауэра, доставшего его у богачей Аугсбурга. Найдите мне несколько пауков.

Он приказал своему лекарю Джону Эйлофу обвести на столе круг, пуская в этот круг пауков, он видел, как некоторые из них убежали, другие подышали.

— Слишком поздно, он не уберег меня, — сказал Иван¹⁶.

18 марта в полдень Иван пересмотрел свое завещание, «не думая, впрочем, о смерти, так как его много раз околдовывали, но каждый раз чары спадали, однако тут дьявол не помог». Иван приказал Эйлофу приготовить все необходимое для развлечения и бани, и пока его приказ выполняли, велел Бельскому идти к колдуньям и узнать о предзнаменовании созвездий, ибо предсказанный ими день его смерти уже наступил, а царь жив и даже весел.

— Скажи им, — наказывал Бельскому Иван, — что если они соврали, то я их сегодня же велю сжечь живьем или же живыми зарю в землю.

Бельский передал это колдуньям, и старшая из них ответила:

— Не сердись, господин. Ты ведь знаешь, что день кончается, когда сядет солнце.

В три часа пополудни Ивана унесли в баню, а в семь часов его вынесли оттуда, посвежевшего и окрепшего. Он сел на постель, в рубахе, чулках и халате, и позвал своего любимца, ближнего дворянина Родиона Петровича Биркина, чтобы сыграть с ним в шахматы. За этой партией следили несколько слуг и приближенные Ивана — Борис Годунов, Богдан Бельский, Горсей и лекарь Эйлоф. Вдруг царь повалился навзничь. Произошло большое замешательство и крик, — одних послали за водкой, других — к аптекарям за ноготковой и розовой водой, третьих — за лекарями, четвертых — за духовником царя — архимандритом Феодосием Вяткой.

И когда все слуги разбежались, потерявшего сознание тирана задушили оставшиеся с ним Борис Годунов и Богдан Бельский.

Несколько причин заставило Годунова убить Ивана. Во-первых, если бы состоялась женитьба на Марии Гастингс, то права на московский трон перешли бы к ее потомству, а не к детям его сестры Ирины Федоровны. Не мог забыть Годунов и того, как жестоко избил его царь Иван, когда Борис попы-

тался заступиться за своего шурина Ивана Ивановича, оказавшись свидетелем страшной сцены сыноубийства.

Не мог простить Годунов и покушения царя на честь его сестры, когда уже тяжело больной Грозный попытался изнасиловать собственную сноху — сестру Бориса — Ирину.

Не менее серьезные причины желать смерти злодею и сыноубийце были и у племянника Малюты Скуратова — Богдана Яковлевича Бельского, потому что царь подчинил ему и лекарей, и знахарей, и колдунов, говоривших ему разное, а он не знал, чему отдать предпочтение, не в силах предугадать, какое из предсказаний окажется по нраву царю, а какие вызовут его ярость.

Когда Ивану донесли, что бояре согласны с его сватовством к Марии Гастингс, он приказал привезти с берегов Ледовитого океана живших между Холмогорами и Лапландией шестьдесят кудесников и колдуний, почитавшихся наилучшими, — и посадить в Москве «за сторожи». Бельский каждый день ходил к ним, а затем сообщал Ивану их предсказания. Но однажды все они сообщили в один голос: Иван умрет 18 марта. Бельский знал, что если кто-нибудь донесет больному тирану, панически боявшемуся смерти без причащения и покаяния, что он скрыл предсказание, то и он, и все его родственники окажутся на плахе, а волхвы пойдут на костер.

И потому названный колдунами день смерти Грозного и стал днем его кончины.

Уже над окоченевшим трупом Феодосий Вятка произвел пострижение, назвав покойного «смирненным иноком Ионой».

Это было сделано по завещанию Ивана, желавшего обмануть даже царя небесного, ибо по церковному канону монаху в момент пострига прощаются все прежние грехи, а отвечает он лишь за новые, которые совершит после пострижения. Поэтому уходя в монахи человек менял имя и становился как бы совершенно другим человеком.

Так царь Иван Васильевич Грозный, убивший и замучивший десятки тысяч людей, захотел предстать перед престолом Всевышнего совершенно безгрешным иноком Ионой, ибо даже апокалипсический преступник, каким всю жизнь был Иван, не мог согрешить после того, как его задушили.

НОВЕЛЛА ЧЕТВЕРТАЯ

Федор-Филарет Романов — патриарх всея Руси

В момент смерти Ивана Грозного у него оставалось двое сыновей — Федор, сын первой жены Анастасии Романовой, — двадцатисемилетний, «убогий в главе и членах», хотя уже и

женатый, но все еще бездетный, и сын Марии Нагой — полуторагодовалый Дмитрий.

Новый царь всегда просыпался среди ночи. — чаще всего в четвертом часу утра, и первым делом звал священника с крестом и иконой того святого, чей праздник отмечался в грядущий день. После молитвы и окропления святой водой посылал он постельничего узнать, хорошо ли почивала царица — Ирина Федоровна. А после того, как царицу одевали и умывали, шел к ней в опочивальню и с нею вместе шествовал в церковь.

Простояв на заутрене не менее часа, Федор уходил, чтобы принять самых близких бояр, затем пожаловать к двухчасовой обедне.

Отобедав и поспав три-четыре часа, шел он в баню или же на созерцание кулачного боя. Более жестоких забав царь Федор не терпел оттого, что был добр и очень боялся Бога.

Возвратившись домой, отправлялся он к вечерне, а оттуда — в покои царицы, где окружали царя кувыркающиеся и дерущиеся шуты и шутихи, — многочисленные карлы, дураки и дуры.

Каждую неделю навещал Федор Иванович один из ближайших монастырей.

Однако ж, если встречался на пути его какой-нибудь коленапоклоненный челобитчик, то грамоту или словесную мольбу Федор Иванович от него не принимал, а отсылал его к своему шурина — Борису Годунову, чья сестра была его женой. Из-за родственной близости стал Годунов почти сразу после воцарения Федора первым человеком, оттеснив других бояр, в том числе и Никиту Романовича.

«Престолоблудителем» при недужном государе стал старейший из бояр, дядя царя Федора, — Никита Романович, с которым мы расстались в 1549 году, когда через два года после свадьбы его сестры — Анастасии с Иваном Грозным стал он окольным.

Вскоре после того Никита Романович овдовел и женился еще раз. Теперь его женой стала княжна Евдокия Александровна Горбатая-Шуйская, цветущая и молодая девушка, оказавшаяся к тому же необычайно плодovitой.

Правда, Анастасия Романовна дождалась появления на свет лишь первых двух мальчиков — Федора и Александра а если бы прожила она еще лет пятнадцать, то стала бы теткой семи племянникам и шести племянницам.

После смерти сестры-царицы Никита Романович остался у великого князя в милости и на третий год был возведен им в

сан боярина. Вскоре превратился Никита Романович в одного из самых приближенных к царю вельмож.

Когда Иван Грозный почувствовал приближение смерти, что случалось с ним не один раз, то для сбережения трона и своих детей создал он регентский совет из пяти бояр — Никиты Романовича, Бориса Годунова, Богдана Бельского и князей — Федора Мстиславского и Ивана Шуйского. Причем главой совета и «оберегателем государевых чад» был назначен Никита Романович.

Высочайший государственный пост сохранил он и после того, как Федор Иванович вступил на престол, хотя и был уже двадцатилетним мужчиной. Это объяснялось тем, что был Федор, как мы уже знаем, «убог во главе и членах».

Первое, что сделали бояре-регенты, было сотворено ими в первую же ночь после смерти Грозного.

С видимым единодушием приняли они решение арестовать Марию Нагую, маленького царевича и многих родственников царицы, что и учинили под покровом ночи, посадив всех в кремлевские застенки.

Однако это привело к тому, что племянник Малюты Скуратова, боярин Богдан Яковлевич Бельский, входивший в регентский совет, решился на мятеж в пользу царевича Дмитрия. И многие родственники Марии, и сам Бельский были активнейшими опричниками, и в них засела непримиримая ненависть к родовитому боярству. Когда в 1580 году Иван Грозный играл свадьбу с Марией Нагой, Богдан Яковлевич был «дружкой» жениха, и с тех пор оставался его главным любимцем, став к концу жизни царя единственным фаворитом.

Поэтому с Бельским и его покойным дядей — первым опричником и главным палачом Малютой Скуратовым, — москвичи связывали все ужасы опричного террора.

Узнав о замыслах Бельского, не бояре из регентского совета, а горожане — стрельцы, ремесленники, бессословная беднота и прочий мелкий люд — собрались у стен Кремля и потребовали выдать им Бельского.

Толпу в Кремль не пустили, но во избежание нового бунта тайно вывезли Богдана Яковлевича из Москвы, поставив воеводой Нижнего Новгорода.

А за неделю до венчания Федора Ивановича на царство, 24 мая 1584 года, Нагих и Дмитрия увезли в Углич, завещанный царевичу отцом.

Маленький Углич, находившийся в двухстах верстах от Москвы, на берегу Волги, стал с этих пор напоминать столицу опального удельного князя с многочисленными родственниками овдовевшей царицы и не очень-то многочисленным

дворцовым штатом. Но и жители Углича, и родственники Марии Федоровны знали — хоть в опале, не гласной, правда, а скрытой, потаенной, пребывает вдова покойного грозного царя, а все же и сын ее и его — не удельный князь, а наследник трона, ибо иных наследников на российский трон нет.

Никита Романович оказался вторым из пяти членов регентского совета, кому суждено было покинуть его вслед за Бельским.

Тому было две причины. — болезнь, приключившаяся с ним в конце 1584 года, и то, что практически первым человеком в Боярской думе, а заодно и в сердце Федора Ивановича стал Борис Годунов.

Никита Романович, убеленный сединами, необыкновенно гордый, всегда привыкший играть при царе первую роль, не мог смириться с тем, что зять Малюты Скуратова, незнатный костромской дворянин Бориска Годунов, к тому же ровесник его старшего сына Федора, очаровав полубезумного государя, делает, что хочет, и пользуется благодаря этому невиданной до толе властью, не меньшей, чем царская.

Никита Романович, вступивший уже в восьмой десяток лет, презрел мирскую суету и, оставив Кремль, ушел в монастырь, получив при пострижении имя Нифонта и приняв схиму, высшую степень монашества, после чего инок особенно строго соблюдал монастырские правила, умерщвлял плоть долгими постами и непрерывными молитвами и даже в одежде был отличен от простой братии; на куколе, края которого спускались на ветхую и грубую черную рясу, нашиты были белые череп и кости, «адамова голова», а под рясой носил схимник жесткую, колючую рубашку — власяницу — и железные цепи — вериги.

Не прожив в монастыре и четырех месяцев, схимонах Нифонт 23 апреля 1585 года умер, не дождавшись свадьбы своего старшего сына — Федора, коему было тогда около тридцати лет.

О нем-то, Федоре Никитиче Романове, которого в Москве почитали первым женихом, и пойдет наш рассказ дальше.

Голландский путешественник и купец Исаак Масса, оставивший интереснейшие записки о Москве начала XVII века, так характеризовал род Романовых и Федора Никитича: «Они (Романовы) не совершали ничего дурного, жили всегда очень скромно и были всеми любимы, и каждый из них держал себя как царь. Старшим из братьев был Федор Никитич, красивый мужчина, очень ласковый ко всем и такой статный, что в Москве вошло в поговорку у портных говорить, когда платье сидело на ком-нибудь хорошо: «Второй Федор Никитич»; он так

ловко сидел на коне, что всяк, видевший его, приходил в удивление; остальные братья, которых было немало, походили на него.»¹⁷

С воцарением Федора, его тезка Романов в 1586 году получил чин боярина, став самым молодым из всех, кто носил тогда этот сан.

В 1590 году Федор Никитич, наконец, женился, необычайно поздно для того времени — в тридцать пять лет. Его женой стала дочь небогатого костромского помещика, полкового головы Ивана Шестова — Ксения. Она полностью соответствовала крылатому древнерусскому выражению, «аще дарует Бог жену добру, дражайши есть камни многоценного».

Ксения была вдвое моложе своего мужа, однако, к ней применима была и еще одна поговорка: «Молода годами жена, да стара умом».

Это прекрасное качество дополнялось у нее и негибавшей волей, которая помогла ей в дальнейших жизненных обстоятельствах.

Но это произойдет через десять лет, а пока счастливые супруги, — богатые, здоровые и красивые, пользовавшиеся сердечным расположением своего родича — царя Федора Ивановича, — преуспевали во всем.

Федор Иванович и Федор Никитич доводились друг другу двоюродными братьями, ибо мать царя — Анастасия и отец боярина — Никита, были родными сестрой и братом и, таким образом, имели одних и тех же дедушку и бабушку — Романа Юрьевича и Юлианию Федоровну Захарьиных.

Положение царского кузена казалось столь же прочным, как и положение самого Федора Ивановича, и это определяло позицию и поведение Федора Никитича в Боярской думе, — он стоял в стороне от всех склок и дразг, не позволяя втягивать себя и своих родственников в свару и междоусобные ссоры различных враждующих друг с другом группировок.

Когда против Бориса Годунова возник заговор, во главе которого оказался князь Иван Федорович Мстиславский, и стало известно, что крамольники, по словам летописца, «умыслили в дому свему пир сотворити и, Бориса призвав, тогда его и убити.»¹⁸

Однако Борис опередил Мстиславского и его сторонников -Воротынских, Головиных, Колычевых и некоторых членов фамилии князей Шуйских. Мстиславского против его воли постригли в монахи и отправили в Кириллов монастырь на Болоозеро, а его подручных и главных «заводчиков смуты», по свидетельству того же летописца, — «поима и по городам разосла, а иных в темнице затвори.»¹⁹

Очень хорошо был осведомлен этот летописец, да и как могло быть иначе, если известно, что причастным к написанию летописи, о которой здесь идет речь, был сам Федор Никитич. А уж кому, как не ему все это было досконально известно.

Вслед за тем, в начале 1587 года, против Бориса Годунова выступили оставшиеся на свободе Шуйские. Они обвинили в «неплодии» жену царя Ирину, делая вид, что озабочены делами династии.

Удар по Ирине, — сестре Годунова, Борис не мог расценивать иначе, как попытку свалить и его самого.

Шуйские вовлекли в свой заговор московского митрополита Дионисия и вдову убитого Грозным сына его Ивана, жившую в суздальском Покровском монастыре под именем старицы Прасковьи. В девичестве звали ее Еленой Шереметьевой, и за ее спиной стоял могущественный клан бояр Шереметьевых.

Шуйским удалось вовлечь в движение массы московских «торговых мужиков» — лабазников, приказчиков, мелких и средних торговцев, которых в Москве была не одна тысяча.

Годунов устоял и на этот раз. Верные ему и царю стрельцы разогнали бунтарей, побросали в застенки «заводчиков гили и воровства», а главу заговора, — князя Ивана Петровича Шуйского сослали к Ледовитому океану и 16 ноября 1588 года задушили.

С конца 1588 года власть Годунова становится абсолютной, и решением Боярской думы он получает право сношений с иноземными государствами. Царь и дума преподносят Годунову неслыханный дотоле на Руси титул «правителя, слуги, и конюшего, боярина, и дворового воеводы, и содержателя великих государств, царств Казанского и Астраханского». Сравнивая его с известными государственными деятелями Запада, чаще всего уподобляли Годунова лорду-протектору Англии.

Не имевший систематического образования и даже не умевший читать, Борис был необыкновенно умен, проницателен и обладал большим талантом организатора.

Выдающийся русский историк Сергей Михайлович Соловьев, собрав множество отзывов современников о Годунове, удостоил его такой оценки: «Он цвел благолепием, видом и умом всех людей превзошел: муж чудный и сладкоречивый, много устроил он в Русском государстве достохвальных вещей, ненавидел мздоимство, старался искоренять разбой, воровство, кормчество (продажа водки), но не мог искоренить:

был он светлодушен, милостив и нищелюбив; но в военном деле был не искусен.

Цвел он, как финик листвию добродетели, и если бы терн завистливой злобы не помрачал цвета его добродетели, то мог бы древним царям уподобиться»²⁰.

Все было бы хорошо и дальше, но случилось нечто такое, что в единый миг потрясло все Московское царство.

Началось все с того, что в 1590 году в Углич приехал государев дьяк Михаил Битяговский. Послан он был для надзора за Нагими и так как ему приказали следить за опальной семьей постоянно и не несколько дней, а из года в год, то привез с собою дьяк жену и сына и поселился в Угличе прочно и основательно. Нагие встретили дьяка с нескрываемой враждебностью, которая возросла еще более после того, как они узнали, что прислан Битяговский не только следить за Нагими, но только сообщать обо всем, что происходит при их дворе, но и давать им государево жалование — денежное содержание на прожитье и прокорм. Можно представить, как это раздражало и даже унижало Нагих, — в грезах уже несколько лет мнивших себя венценосцами.

С приездом Битяговских в Угличе возник второй центр — двор и дом государева дьяка, и волей-неволей началась необъявленная война за первенство. Все в этой войне было то же самое, что бывало и прежде в Кремле, — сплетни, провокации, оговоры, ведовство, интриги, подстрекательства, но все это был настолько же меньше и мельче, насколько Углич был меньше Москвы.

Посадским — в их массе далеким и от Нагих, и от Битяговского — было все равно, кто возьмет верх в непримиримой распре, однако угличские «верхи» принимали близко к сердцу все происходящее и по разным причинам поддерживали либо царскую вдову, либо ее супротивника — государева дьяка, хотя Битяговский с самого начала никакого зла к Нагим не питал и недругом отнюдь не был.

Но со временем склока и грызня разрослась и окрепла. Все, кто держал сторону Нагих, стали врагами Битяговского, кто был за дьяка, оказался врагом Нагих.

И только одно отрадное исключение было в этой обычной провинциальной сваре: у мамки царевича Дмитрия Василисы Волоховой был сын — Осип, который подружился со своими сверстниками из враждебного стана — с сыном Битяговского Данилой и племянником государева дьяка — Никитой Качаловым.

Разумеется, это стало известно Нагим. Мария Федоровна начала косо смотреть на Василису. Дело осложнилось тем, что

братья вдовствующей царицы — Григорий и Михаил, жившие здесь же, в Угличе, были люди совершенно неотесанные, глупые, склонные к скандалам и пьянству. Наиболее распущенным из них был Михаил Нагой, который, выпив сверх меры, являлся требовать у Битяговского деньги помимо отпущенного ему оклада.

Все это видел маленький Дмитрий. Конечно же, он становился на сторону матери, вечно обиженной, нервной и озлобленной. В душе мальчика поселились демоны мщения. Однажды, когда сверстники Дмитрия по его приказу налепили добрую дюжину снежных баб, царевич кинулся на снежные изваяния с игрушечной сабелькой и стал сечь их, называя каждую бабу чьим-либо боярским именем. Потом, утомившись, изрек:

— Вот что сделаю я, как только стану царем!

Все, знавшие царевича, единогласно подтверждали, что Дмитрий был крайне нервным и часто страдал припадками «падучей», то есть эпилепсией. И немудрено — наследственность со стороны отца — психопата и пьяницы, — вполне объясняла происхождение болезни. Припадки сопровождались потерей рассудка, и тогда Дмитрий кусал за руки всех, кто его держал, грыз без разбора все вокруг, а однажды перед приступом взял он в руки нож и, когда припадок случился, стал тыкать ножом во все стороны. В среду 12 мая 1591 года Дмитрий заболел, но через два дня поправился. Мария Федоровна взяла его с собой к обедне. Возвратившись из церкви домой, она отпустила Дмитрия погулять во дворе. Вместе с царевичем пошли три его мамки Василиса Волохова, Орина Жданова-Тучкова и Мария Самойлова. К царевичу тут же подбежал сын Тучковой и с ним еще три подростка — сверстники Дмитрия и товарищи по играм.

Дети облюбовали задний двор и стали играть там в «тычку», или «свайку». Игра заключалась в том, что надо было, бросив нож, воткнуть его в центр очерченного на земле круга.

Вдруг до судачивших мамок донесся крик. Они бросились на задний двор и увидели бьющегося на земле Дмитрия, окровавленного, с перерезанным горлом. Первой подбежала к царевичу Oriна Тучкова и подняла его. На руках у нее Дмитрий и умер.

Тотчас же из дворца выскочила Мария Федоровна и, увидев мертвого сына, схватила валявшееся на земле полено и стала бить им по голове няньку Василису, крича, что ее сын и сыновья Битяговского и Качалова зарезали царевича.

Ударили в колокола. На двор к Нагой стали сбегаться угличане. Не зная, что случилось, прибежал и государев дьяк со

своими близкими. Он хотел расспросить народ о происшедшем, но примчавшийся верхом на коне раньше его Михаил Нагой — по обыкновению, пьяный — натравил толпу на Битяговского и трех обвиненных в убийстве пареньков — Данилу Битяговского, Осипа Волохова, Никиту Качалова. Толпа тут же растерзала их всех. Кроме того, было убито еще восемь человек.

Вскоре из Москвы приехали следователи. Затем подошли войска. Нагих разослали по дальним медвежьим углам. Марию Федоровну постригли и увезли в Белоозеро, в пустынь на реке Выксе.

Угличанам рубили головы, резали языки, некоторых бросали в тюрьмы, остальных же сослали в Пелым. В Сибирь увезли и мятежный колокол, который созывал толпу на двор к царевичу. Колоколу «урезали» одно ухо и такого вот покалеченного отправили в ссылку.

Через шесть с половиной лет после смерти своего младшего брата Дмитрия скончался и царь Федор — последний в мужском колене потомок Ивана Калиты — внука Александра Невского, чьи потомки правили Русью три века.

Царь Федор Иванович умер 7 января 1598 года, не оставив наследников. Московский трон, таким образом, предстояло занять боярину, конюшему и единственному из вельмож, носившему титул «государева слуги». Такой титул присваивал сам государь тому, кто был «честнее всех бояр и за многие службы». Им был Борис Годунов.

Так внезапная смерть больного эпилепсией мальчика переменяла династическую судьбу России, приведя через полтора десятилетия на качающийся московский престол родственников Федора Ивановича — бояр Романовых.

* * *

А были эти пятнадцать лет заполнены и радостью, и горем: Ксения Ивановна за первые десять лет замужества родила шестерых детей, всякий раз испытывая чувство лучезарного счастья, смешанное со страхом, ибо из шести детей четверо умерли во младенчестве. Из двух же оставшихся в живых только пятый их ребенок — Михаил — будущий первый царь из новой династии Романовых — дожил до сорок девяти лет, сестра же его — Татьяна — выйдя совсем молодой замуж за князя Иван Михайловича Катырева-Ростовского, вскоре скончалась, не оставив потомства²¹.

Но смерть детей хотя и была большим горем для их родителей, все же воспринималась ими как воля Божья, а вот в 1600 году на дом их пала кара не Божья, но Кесарева.

Это случилось почти через три года после того, как 7 января 1598 года умер царь Федор, и на московском троне оказался Борис Годунов, поддержанный патриархом, боярами и многочисленными москвичами и людьми из других земель и городов.

Однако произошло это не сразу, потому что Федор умер довольно неожиданно, и потому Боярская дума, не желая междоусорства, тотчас же присягнула жене покойного — царице Ирине. Но она не хотела властвовать, более всего радея о спасении собственной души, и на девятый день по смерти мужа ушла в Новодевичий монастырь, где и приняла постриг под именем старицы Александры.

За нею последовал в монастырь и ее брат.

Власть в государстве перешла в руки патриарха Иова, который был искренне убежден в том, что на Руси есть только один человек, достойный царского венца — шурин покойного Федора Ивановича, — Борис Годунов.

Патриарх и Боярская дума созвали Земской собор, и тот провозгласил царем Бориса, но вдруг возникло непредвиденное препятствие — Борис категорически отказался от короны. И лишь на четвертые сутки 21 февраля, под угрозой отлучения от церкви, согласился принять царский титул.

Борис вначале не проявлял очевидной враждебности к Романовым, но современники знали, что зять Малюты Скуратова, — мстительный и подозрительный, как и его покойный тесть, — давно уже держит камень за пазухой, собираясь кинуть его в ненавистных ему «Никитичей».

Тот же всеведущий Исаак Масса писал, что однажды, когда царь Федор готовился к походу на богомолье в Троице-Сергиев монастырь, вперед были посланы царские слуги и холопы разных бояр и князей, чтобы приготовить места для стоянок, ночлегов и отдыха своих господ.

Случилось так, что в село Воздвиженское, где был царский путевой дворец, одновременно приехали холопы Александра Никитича Романова и Бориса Годунова, которым приглянулась одна и та же изба.

Завязалась драка, в которой холопы Годунова одержали верх. Побитые нажаловались своему господину, а тот — царю Федору.

Федор принял сторону Романовых и попенял Борису, сказав, что он часто своевольничает и что это — негоже. По словам Массы, Борис поклялся отомстить за это Романовым.

Удобный для преследования «Никитичей» случай представился в конце 1600 года, когда по доносу на Александра Никитича Романова слуга его и казначей Бартенев Второй

заявил, что Александр Никитич хранит у себя на подворье «воровское коренье», коим злоумышляет на жизнь государя.

Двор Александра Никитича был обыскан. И в одной из кладовых обнаружили мешок со «злым зельем». Александра Никитича жестоко пытали трижды, но не добившись от него признания, сослали и его, и всех братьев Романовых в самые глухие места царства.

Александра привезли к Белому морю и там удушили в бане.

Василий Романов, не вынеся тягот заключения, умер.

Михаила Никитича привезли в деревню Ныроб. — в 47 верстах от Чердыни — в глухой кибитке, скованного по ногам и по рукам трехпудовыми цепями. Его посадили в землянку, а вход в нее завалили, оставив для прохода воздуха и подачи воды и хлеба лишь отдушину в крыше.

Через год он умер и был похоронен в Ныробской церкви, а в 1607 году прах его перевезли в Москву, в Новоспасский монастырь, где покоится он и ныне.

Умер в неволе и зять Романовых — князь Иван Сицкий, насильно постриженный в монахи под именем Ионы.

Малолетние сын и дочь Федора и Ксении — Михаил и Татьяна — были отправлены с тетками — Марфой Никитичной Черкасской, Анастасией Никитичной, урожденной Романовой, и женой Александра Никитича Романова — к Белому морю.

Кара не обошла и Ксению Ивановну: ее тоже постригли и под именем Марфы сослали в Заонежье, в Егорьевский погост Толвуйской волости.

Ксения Ивановна не знала, где ее дети — Татьяна и Михаил, — и от этого страдала так сильно, что у нее начались припадки, оставшиеся до конца жизни.

В Толвуе жила она не в монастыре, а по крестьянским избам, где относились к ней с почетом, заботой и жалостью. Особенно заботился о знатной инокине местный поп Ермолай Герасимов. Он-то и стал связующим звеном между Ксенией и Федором Никитичем, томившимся в Сийском монастыре.

(За это в свое время царь Михаил Романов перевел Ермолая в Москву и сделал его «ключарем», то есть отцом-экономом кремлевского Архангельского собора)²².

Постригли не только Ксению Ивановну, но и сестру Федора Никитича — Евфимию Никитичну, бывшую замужем за ненавистным Годунову князем Иваном Васильевичем Сицким.

Евфимии дали имя старицы Евдокии и отправили в пустынь Сумского острога.

К Федору Никитичу Борис оказался более милостивым — его лишь насильно постригли в монахи и отправили в Антониев Сийский монастырь на Северной Двине, неподалеку от Холмогор. Было тогда Федору сорок пять лет. И как всякому монаху дали ему новое имя, что означало, что начинается он новую жизнь. И стал Федор отныне Филаретом, и, несмотря на то, что пострижение было произведено без его согласия, до конца жизни не мог он быть никем, кроме монаха.

Тем самым Борис избавлялся от него, как от возможного — даже и в будущем, — претендента на трон.

В том, что Федор Никитич был арестован, пострижен и сослан, была и еще одна причина — на его подворье незадолго перед тем жил беглый монах Чудова монастыря расстрига Григорий Отрепьев.

Именно из гостеприимного дома Федора Никитича бежал Отрепьев в Польшу и там выдал себя за царевича Дмитрия, чудом спасшегося от убийц и нашедшего приют в доме Федора Никитича Романова. Это обстоятельство, как мы потом узнаем, сыграет важную роль в жизни Филарета.

К Филарету в монастыре был приставлен для доносов о каждом его слове и поступке дворянин Воейков. Он исправно исполнял свое дело и, в частности, писал, что Филарет говорил: «Милые мои детки, маленькие, бедные остаются, кто-то будет их кормить, поить! А жена моя, бедная, наудачу жива ли? Чаю, где-нибудь туда ее замчали, что и слух не зайдет. Ох, мне лихо, что жена и дети: как помянешь их, так словно рогатиной в сердце кольнет. Хоть бы их раньше Бог прибрал. Чаю, жена сама тому рада, чтобы им Бог дал смерть, а мне бы уже не мешали. Я бы стал промышлять один своею душой»²³.

Однако же мир оказался не без добрых людей, и крестьяне Толвуйской волости сообщали Филарету о его жене, а ей передавали весточки от мужа. (Когда их сын, Михаил Федорович, занял престол, он навечно освободил потомков крестьян Толвуйской волости от всех государственных повинностей и податей).

Лишь в марте 1602 года Борис Годунов указал снять со всех попавших в опалу Романовых позорные имена «злодеев».

Иван Никитич Романов и князь Черкасский были возвращены на службу: Федор Никитич мог встречаться с богомольцами, приходившими в Сийский монастырь, от которых он и получал известия о жене и детях.

Марфу Никитичну Черкасскую с Михаилом и Татьяной перевезли с Белого моря в вотчину Романовых — село Клин.

Туда же из Заонежья привезли и их мать — инокиню Марфу, которая во все время своих мытарств в монастырях так и не побывала, но к своему иночеству относилась свято, а с этой поры стала умело сочетать обязанности матери с поведением монахини.

Поздней осенью 1604 года Филарет узнал, что на Руси объявился царевич Дмитрий, что он идет на Москву, желая вернуть себе трон, узурпированный Годуновым.

Вслед за тем дошли до монастыря слухи, что на юге России забунтовали мужики, и что царевич стал во главе их и вместе со своей армией, которая состояла преимущественно из шляхтичей и казаков, ведет их на Москву.

А весной 1605 года узнали монахи, что 13 апреля Борис умер, а его войско, вышедшее навстречу царевичу, перешло неподалеку от Орла на сторону Дмитрия.

В июне дошла до монастыря весть, что в Москве произошел мятеж, что бояре, поддерживавшие Годунова, перебиты или изгнаны, и что царевич беспрепятственно идет к столице.

В это время Филарету уже сообщили, что царевич Дмитрий — не кто иной, как Григорий Отрепьев, живший у него на подворье перед тем, как царь Борис «опалился» на весь их романовский род.

Старец Филарет, узнав это, стал совсем другим, и Воейков, по-прежнему исполнявший должность соглядата и доносчика, писал в Москву: «Живет старец Филарет не по монастырскому чину, неведомо чему смеется; все говорит про птиц ловчих да про собак, как он в миру живал. Старцев бранит и бить хочет и говорит им «Увидите, каков я впредь буду»²⁴.

В июле в монастырь примчались гонцы из Москвы, оповестив монахов, что 20 июня российский престол занял царь Дмитрий Иванович.

Он же повелел быть Ивану Никитичу Романову — боярином, а Филарету Никитичу — занять митрополичью кафедру в Ростове Великом.

Царствование «царевича Дмитрия» — на самом деле — Григория Богдановича Отрепьева — длилось недолго: 17 мая 1606 года его убили, после чего на престоле оказался новый царь — боярин Василий Шуйский.

Однако, тут появился еще один самозванец, выдававший себя за чудом спасшегося Дмитрия. Вышел он, как и первый «вор», из Польши и тоже шел на Москву.

Его поход происходил во время большой гражданской войны, главную силу которой составляла крестьянская рать, возглавляемая Иваном Болотниковым.

В августе 1606 года крестьянская армия, которую поддерживали стрельцы, казаки и часть дворян, настроенных против Василия Шуйского, в двух сражениях — под Кромами и под Ельцом — разбила царские войска, которыми командовали воеводы Василия Шуйского — князя Трубецкой и Воротынский — и двинулась к Москве.

В октябре восставшие осадили столицу, но 2 декабря 1606 года были разгромлены царскими воеводами у подмосковной деревни Котлы.

Восстание все-таки продолжалось и было подавлено лишь в октябре 1607 года.

Пока главные силы Болотникова сражались с войсками Василия Шуйского, отдельные отряды повстанцев влились в армию нового самозванца — Лжедмитрия II.

В мае 1608 года самозванец разбил царских воевод неподалеку от Орла, под Болховом, и вслед за тем подошел к Москве, остановившись в подмосковном селе Тушино.

Филарет сохранял верность Василию Шуйскому, но 11 октября в Ростов Великий ворвались сторонники нового самозванца и захватили митрополита, несмотря на то, что в это время он был в церкви.

С Филарета сорвали митру и ризу, надели на него сермягу из грубого, некрашеного сукна, а на голову — татарскую шапку и босого, несмотря на наступившие уже холода, повезли в Тушино, к самозванцу.

«Тушинский вор», как называли Лжедмитрия II его враги, принял Филарета Никитича с великой честью и нарек его патриархом. Пикантность ситуации состояла в том, что в Москве жил патриарх Гермоген, а на Руси, в отличие от Рима, двух первосвященников одновременно пока еще не бывало.

Гермоген был открытым и принципиальным врагом «Тушинского вора» и тех князей, бояр и воевод, которые ему служили. Но несмотря на то, что живший в Тушине Филарет в церковных службах называл царем Дмитрия, а не Василия Шуйского, Гермоген не проклинал Филарета Никитича, а молился за него, говоря пастве, что Романов находится в Тушине не по своей воле, а удерживается там силой.

В августе того же 1608 года в Тушино прибыла с большим польским отрядом жена Лжедмитрия I Марина Мнишек, публично признала в Лжедмитрии II своего первого мужа и тайно с ним обвенчалась.

К этому времени огромные реквизиции и откровенный разбой и грабеж, которыми сопровождалась все операции польских войск, привели к тому, что Лжедмитрий II бежал в Калугу и там 11 декабря 1610 года был убит.

Но раньше, чем это произошло, 17 июля был свергнут с престола и пострижен в монахи Василий Шуйский.

Василия Шуйского с братьями — Дмитрием и Иваном Шуйскими — поляки увезли в деревню Мокотова в семи верстах от Варшавы и поместили во дворец знатного шляхтича Георгия Бирбаха.

Однако вскоре дворец сгорел, и пленников перевели в Гостынский замок, располагавшийся от Варшавы в ста сорока верстах. Там Шуйских разместили порознь друг от друга. Василий жил в особой палате над воротами замка, Дмитрий — с женой своей Екатериной Григорьевной — на первом этаже, а неподалеку от них помещался юный князь Иван.

Шуйских содержали строго, но в достатке и даже при русских слугах. И все же в один и тот же 1612 год все они — кроме Ивана умерли.

Иван остался служить Сигизмунду, а гробы Шуйских через восемь лет были перенесены в Варшаву в великолепный мавзолей²⁵.

А Филарет и князь Василий Голицын возглавили русское посольство, которое отправилось к польскому королю Сигизмунду просить на русский трон его сына Владислава.

Теперь же возвратимся в год 1611, когда все кончилось тем, что 13 апреля Филарета и его товарищей поляки арестовали, их слуг перебили, а знатных пленников увезли в Польшу, в Мариенбург (нынешний Мальборк) — бывшую резиденцию магистров Тевтонского ордена и поместили их в Средний замок, в то крыло, которое называлось «Витольд», в память о том, что здесь был заточен великий князь Литовский Витовт Кейстутович.

Филарет жил в почете, мог гулять по всему замку и в его дворе и садах. Приставом при нем был князь Лев Сапега, который в 1614 году однажды даже возил его в Варшаву и там принимали Филарета как почетного гостя.²⁶

* * *

Время, наступившее в России после смерти Федора Ивановича, стали называть «Смутным временем» или просто — «Смутой».

И в то время, когда Филарета увезли в Польшу, «нестрое-ние, и тревога, и всяческое смущение, и гиль, и воровство» достигли в России своей наивысшей точки.

Много книг было написано о Смуте, но, пожалуй, лучше всех сказал о ней современник происходивших событий дьяк Иван Тимофеев — историк-патриот, мыслитель и гражданин:

«За какие грехи наказана наша земля? — писал он. — Нет места, где бы горы и холмы не поливались христианской кровью, и долины и леса наполнились ею, и вода, окрасившись кровью, сгустилась, и звери и птицы насытились человеческими телами».

«Почему произошло это?» — спрашивал себя дьяк Иван, и отвечал: «Наказаны мы за дерзость клятвопреступлений, за гордыню, за отказ от упорного труда, за любовь к наградам, за чрезмерное обжорство и пьянство, за злопамятство к близким своим. К этому присовокуплю ненасытную любовь к деньгам, хвастовство одеждою и приобретение множества ненужных вещей. И последнее, нестерпимое зло, навлекшее на Русь гнев Божий, — произношение матерных скверных слов, ибо ими мы оскверняем сами себя и матерей наших. И Матерь Божия, заступница наша, отвращает от нас лицо свое пребывает к нашим молитвам глуха».

Сердце наше окаменело, и мы не ждем над собою суда. И родина наша, как вдова, сидящая при дороге и одетая в траурные одежды и страдающая от многих окруживших ее врагов»²⁷.

Описывая обстоятельства, при которых Шуйский занял московский трон, Тимофеев писал: «Зависть к царствованию возникла и у Шуйского, и, как стрелю, подстреленный властолюбием, он неосмотрительно и спешно сел на престол. Он создал себе дом и не углубил в землю, но основал его на песке. Он поднялся внезапно, по собственному побуждению, и без согласия всей земли поставил себя царем и этим возбудил к себе ненависть всех городов своего государства. И началось по всей земле нашей непослушание, и самовластие рабов, и осада городов, и сам Василий со всем своим родом был в Москве бунташными холопами заперт и затворен как птица в клетке».

Неожиданно пришли из своей земли под мать городов русских — Москву богопротивные люди, все латины (то есть католики), и осадили ее, как некогда при Ное вода потопа внезапно пришла и затопила землю. По всем городам умножились злые начальники и самовластие, и среди людей пылал неукротимый пламень гнева».

И в конце Шуйские сами отломались от маслины и вскоре, по писанию, «низложены были с престола», а царь Василий со всем родом своим во власянице и в худых рубищах был отправлен в страну чужезверных, в далекий плен, и там сошел под землю, получив сноп жатвы своей, сноп зависти и других своих зол. И не осталось никого из рода его»²⁸.

Четыре года поляки, удерживая Филарета в плену, не признавали его сына московским государем, а на пятый год король Владислав, которому шел уже двадцать третий год, отправился в Россию во главе армии, чтобы силой отобрать у Михаила трон, который, как считали в Польше, по праву принадлежит Владиславу.

20 сентября 1618 года поляки, переметнувшиеся к Владиславу воеводы Дорогубужа и Вязьмы и двадцать тысяч днепровских казаков, возглавляемых гетманом Сагайдачным, подошли к Москве.

Но взять Москву неприятели не смогли, и дело кончилось тем, что в соседнем с Троице-Сергиевым монастырем, селе Деулине 1 декабря 1618 года было заключено перемирие, один из пунктов которого был посвящен размену пленных. Согласно этому Филарета отпустили из плена, и 14 июня 1617 года он торжественно въехал в Москву. А еще через десять дней был возведен в сан патриарха Московского и всея Руси. Торжественный обряд интронизации провел находившийся в Москве патриарх Иерусалимский Феофан.

С этого времени патриарх Филарет, носивший, как и его сын, титул «великого государя», по сути дела стал фактическим русским царем, ибо его огромный опыт, большой ум и сильная воля были теми выдающимися качествами, которыми если Михаил и обладал, то в гораздо меньшей степени. Иностранцы вручали Филарету свои грамоты, не было ни одного важного государственного дела, которое прошло бы мимо патриарха и «великого государя».

И это положение сохранил Филарет до дня своей смерти — 12 октября 1633 года, когда ему было около восьмидесяти лет.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Псковские летописи. — М., 1941. — Т. I. — С.72.
- 2 Унбегаун Б.О. Русские фамилии. — М., 1989. — С.146.
- 3 Смирнов И.И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. — М.; Л., 1958. — С.22.
- 4 Там же.
- 5 Выдающийся этимолог—русист Макс Фасмер производит прозвище “Кудеяр” от персидских слов — “Кулай” — бог, и “уяр” — друг, то есть “друг бога”. См. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — М., 1966. — Т. II. — С.400.
- 6 Стоглав. — Казань, 1862. — С.34—35.
- 7 Горский С. Жены Ивана Грозного. — М., 1912. — С.12.
- 8 Известия о браках царя Ивана Васильевича. — Б. м., б. г. — С.103.
- 9 Там же.
- 10 Там же.
- 11 Там же.

- 12 Там же. — С.104.
- 13 Горсей Дж. Записки о России. XVI -- начало XVII в. — М., 1990. — С.52.
- 14 Никонов В.Ф. Героиня оперы “Царская невеста” в реальной жизни. // Вопросы истории. — 1965. — № 4. — С.217–218.
- 15 Петров П.Н. История родов русского дворянства. — М., 1991. — Кн. II. — С.227.
- 16 Корецкий В.И. Смерть грозного царя.// Вопросы истории. — 1979. — № 9. — С.93–103.
- 17 Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII века. — М., 1937. — С.42.
- 18 Новый летописец.// Полное собрание русских летописей. — СПб., 1910. — Т. XIV. — Часть I. — С.36.
- 19 Там же.
- 20 Соловьев С.М. Об истории древней России. — М., 1992. — С.269.
- 21 Петров П.Н. Указ. соч. — Кн. I. — С.206.
- 22 Хрушова Н.П. Ксения Ивановна Романова. — СПб., 1877. — С.39.
- 23 Костомаров Н.И. Господство дома святого Владимира. — М., 1993. — С.756.
- 24 Там же. — С.756–757.
- 25 Устамович М.П. Митрополит Филарет и царь Василий Шуйский в польском плену. — Варшава, 1913. — С.16–23.
- 26 Там же. — С.11–12.
- 27 Временник. — М.; Л. — С.22.
- 28 Там же. — С.26.

Глава вторая

НАЧАЛО ДИНАСТИИ

НОВЕЛЛА ПЯТАЯ

Михаил Федорович и три его избранницы

А теперь остановимся на исключительно важном сюжете, без которого все дальнейшее повествование лишается одного из краеугольных своих камней и уподобляется дому, стоящему не на прочном фундаменте, а на зыбучем песке.

Речь пойдет об одном из сыновей Федора Никитича и Ксении Ивановны Романовых — Михаиле, которому судьбою было предопределено стать первым венчанным на царство российским самодержцем из новой династии — Романовых, занявших русский трон на три века.

Михаил Федорович Романов родился 12 июля 1596 года и приходился двоюродным племянником царю Федору Ивановичу — последнему прямому потомку Ивана Калиты из династии Рюриковичей.

Мы уже знаем, что Федор Иванович умер 6 января 1598 года бездетным, когда Мишеньке Романову шел второй год.

Мы знаем, как сложилась судьба его родителей, его родственников, его сестер и братьев, а также и его собственная судьба, когда четырехлетним разлучили его с отцом и матерью и отправили на Белое озеро, а потом в Клин, Юрьевского уезда.

Когда же исполнилось Михаилу девять лет, то был он возвращен в Москву соизволением нового русского царя Лжедмитрия I, потому что тот в свое время нашел прибежище во дворе отца Михаила — боярина Федора Никитича Романова, укрывшего от преследования тогдашнего беглого монаха кремлевского Чудова монастыря Григория Богдановича Отрепьева.

Лжедмитрий I, выдавший себя за чудом спасшегося сына Ивана Грозного, царевича Дмитрия Ивановича, занял московский престол, вернул из ссылки всех оставшихся в живых Романовых, в том числе и уже не раз упоминавшегося нами, отца Михаила — бывшего боярина Федора Никитича, а тогда совершившего монашеский постриг и принявшего имя

Филарета, и возведенного патриархом на Велико—Ростовский митрополичий стол.

Однако Лжедмитрий I процарствовал менее года, был убит восставшими против него москвичами, и трон российский перешел к князю Василию Шуйскому. Формально Василий Шуйский был на царство избран волею народа, когда кучка его сторонников, собравшихся на Красной площади 16 мая 1606 года, выкрикнула его на царство — он, как мы уже тоже знаем, процарствовал в непрерывной войне четыре года, был схвачен поляками и их сторонниками, насильно пострижен в монахи и увезен в Польшу.

И тогда на помощь Москве двинулось Народное ополчение, созданное в Нижнем Новгороде земским старостою Кузьмою Захарьевичем Мининым и князем Дмитрием Михайловичем Пожарским.

Нижегородцы собрали тысячи рублей на ополчение, призвали к себе ратных людей из других городов России и в марте 1612 года выступили на освобождение Москвы. Остановившись в Ярославле, нижегородские отчизнолюбцы создали “совет всей земли”, в который вошли и священники и дворяне, и члены боярской думы, и посадские люди.

Во главе “совета” стояли Пожарский и Минин, а их десяти тысячная рать включала и казаков, и крестьян, и отряды народов Поволжья. В августе ополченцы вошли в Москву и в конце октября освободили столицу от интервентов и их пособников. Когда на заключительном этапе боев Кремль был освобожден, то перед победителями предстала ужасная картина: в бочках лежали расчлененные на части засоленные трупы умерших с голода обитателей Кремля, которые служили пищей для осажденных.

Среди оставшихся в живых оказался и шестнадцатилетний Михаил Романов и его мать — Ксения Ивановна. Их отправили в одну из романовских вотчин — село Домнино, находившееся неподалеку от Костромы. Однако прожили сын и мать в Домнино совсем немного; из—за того, что вокруг беспрестанно шныряли шайки интервентов—поляков, вскоре переехали они в костромской Ипатьевский монастырь.

А оставшиеся в Москве победители—ополченцы решили создать общероссийское правительство, облеченное всенародным доверием. Для этого в январе 1613 года в Москве собрался Земский собор, на котором присутствовали все те, кто формировал “Совет всей земли” и, кроме того, представители крестьян.

Прежде всего Собор единогласно постановил: “никого из немецкой веры и никаких иноземных государств, на Москов-

ское государство не избирать”. Когда же одного за другим об-суждали отечественных претендентов — князей Пожарско-го, Трубецкого, Голицына, Мстиславского, то все они были почему-либо отвергнуты, и как некое чудо вдруг появилось имя Михаила Романова, притом, что оно пришло не из рядов членов Собора, а от людей, стоявших за стенами кремлевских палат.

Имя Михаила Романова было предложено во многих письмах дворян, купцов, обывателей Северских городов, казаков и поддержано участниками Земского собора.

Когда же Михаил был избран на Соборе царем, то его с восторгом поддержала огромная толпа москвичей, собравшихся на Красной площади.

Вслед за тем в Кострому направилось большое посольство из разных выборных людей во главе с рязанским архиепископом Феодоритом и боярином Федором Ивановичем Шереметевым.

Ксения Ивановна и Михаил встретили их перед воротами Ипатьевского монастыря и Феодорий вручил им просьбу Земского собора об избрании Михаила на царство.

Михаил очень разнервничался и даже заплакал, решительно заявив, что ни за что не станет царем.

Было ясно, что просьба эта не застала Михаила врасплох, потому что мать его, Ксения Ивановна, обстоятельно обосновала отказ сына, сказав делегатам, что сын ее в несовершеннолетних годах, а с таким государством и взрослый законный государь не управится, потому что Московского государства всяких чинов люди измалодушествовались и стали клятвопреступниками и убийцами, а еще нельзя соглашаться на престол, ибо разграблены все царские сокровища, все поместья разорены и опустошены, а служилые люди вконец обедняли и жалования им платить не из чего, почему они и против многочисленных недругов стоять не могут.

Много часов уговаривали посланцы мать и сына, и только когда сказали они, что глас народ есть глас с Божий, а всякий, кто глас Божий не послушает, — навлечет на себя Его гнев, лишь тогда Ксения Ивановна согласилась и велела дать согласие и сыну.

Вскоре Михаил и царица—мать выехали из Костромы в Москву, и ехали туда целый месяц, по дороге рассылая грамоты, в которых царь требовал от бояр и “начальных людей”, чтоб стояли они “в крепости разума своего”, служили бы честно и прямо, не признавали бы царями никаких самозванцев, призывал их беспощадно карать воров и разбойников и быть меж собою в единстве и любви.

Получавшие такие грамоты воеводы и начальные люди рассылали их своим подчиненным с такими же призывами и требованиями, прилагая к ним “присяжные записи”, и тем самым приводя всех свободных людей государства к присяге новому царю.

А сам Михаил Федорович ехал к Москве с великим смыслом: его путь шел через Ярославль, Переяславль—Залесский, Ростов—Великий, Троице—Сергиев монастырь — самые авторитетные и сильные города и обители, лежащие между Костромой, чье население только что показало себя в борьбе со Смутой с самой лучшей стороны, и в каждом из этих мест он заручался поддержкой их жителей, разъясняя, что он намерен делать, обосновавшись в Кремле.

2 мая 1613 года Михаил Федорович торжественно въехал в Москву под звон всех колоколов, а 11 июля произошло его венчание на царство.

Михаил создал правительство, в котором были представлены все, кого следовало примирить после окончания многолетней Смуты, и кому хотел он дать, дать каждому и всем послужить на благо Отечества. К чести нового царя следует отметить, что никто не попал в опалу, ни один человек не был казнен, но любому была предоставлена возможность показать, на что он способен в деле возрождения России. И все же и над Михаилом Федоровичем довлело то, что было неотъемлемым принципом самодержавия — ключевые посты в правительстве занимали его родственники — ближние и дальние, но все же принадлежавшие к дому Романовых: сами Романовы, Салтыковы, Шереметевы, Черкасские, Лыковы, Оболенские, Троекуровы, Катыревы—Ростовские и пр. Отмечены были и руководители народного ополчения — Пожарский стал боярином, Минин — думным дворянином, князь Трубецкой получил богатую вотчину.

Внутри страны воеводы нового царя подавили остатки мятежных отрядов, а также пошли под Смоленск, Новгород и Астрахань, которые все еще были заняты поляками, шведами и “бунташными” казаками. А к иностранным государям отправились лучшие московские дипломаты, чтобы привлечь на свою сторону и австрийского императора, и голландского штатгальтера, и английского короля.

При помощи последнего — Якова I Стюарта, удалось подписать мир со Швецией. И хотя был он для России очень тяжел, все же из Новгорода шведы ушли.

Таким образом, за первые годы сделано было немало. А меж тем приступало Михаилу Федоровичу уже к двадцати и пора было подумать о женитьбе.

В предыдущей новелле, где познакомились мы с Федором Никитичем Романовым, ставшим митрополитом Ростовским, а потом патриархом Всея Руси, довели мы рассказ до дня кончины его, случившейся в 1633 году.

А теперь вернемся назад, в год 1616, когда Михаилу Федоровичу шел двадцатый год, а отец его все еще находился в польском плену.

Тогда-то и началась первая брачная история первого царя из новой династии.

По обычаю почти всех своих предшественников, Михаил Федорович предпочел иноземным принцессам самую лучшую соотечественницу. Во все грады и веси государства Российского поехали бирючи скликать невест, а кроме того, воеводам и иным начальным людям были отписаны грамоты, в коих было строго указано «слать в Москву девок пригожих, дородных и собою лепых».

На смотре в 1616 года победительницей оказалась Мария Ивановна Хлопова, девушка из не очень знатной и не очень состоятельной семьи.

Михаила обручили с его избранницей, но невеста вдруг заболела, и чтобы не рисковать, дело до свадьбы не довели, а сослали Марию и нескольких ее родственников в Тобольск, по пословице: «С глаз долой, из сердца вон».

Михаил Федорович не решился затевать новые смотрины, пока в 1617 году не вернулся из Польши его отец Филарет.

Взяв бразды управления страной в свои руки, Филарет не оставил без внимания и историю с Хлоповой. Беспристрастное следствие показало, что царская невеста стала жертвой оговора двоюродного брата царя Михаила Михайловича Салтыкова, который из-за ссоры с близкими невесты и сплел всю эту интригу.

Филарет приказал вернуть Хлопову в Москву и ее безвинных родичей в Нижний Новгород, а Салтыкова сослать, отобрав имение.

Филарет попытался найти для своего уже более чем зрелого сына какую-нибудь иноземную принцессу, но эти попытки успехом не увенчались, и выбор пал на княжну Марию Владимировну Долгорукову, дочь князя и боярина Владимира Тимофеевича Долгорукова, воеводы и администратора, чей род по знатности не уступал Романовым.

Свадьбу сыграли 19 сентября 1624 года, но, к несчастью, менее чем через четыре месяца Мария Владимировна умерла.

На следующий год Михаил Федорович женился на Евдокии Лукьяновне Стрешневой.

Этому предшествовали события трогательные и высоко романтические. Как и всегда, в Москву прибыли сотни красавиц. Самые лучшие из них поселились в кремлевских теремах, с нетерпением ожидая решения своей участи.

В это время Михаил Федорович никуда из Москвы не уезжал, ибо он, крепкий тридцатилетний мужчина, тоже ждал свою суженую, ходившую по одному с ним кремлевскому двору, да пока еще неведомую ему. И вот однажды увидел царственный жених двух девушек, шедших по двору.

Михаил был одет попросту, и можно было принять его за сына боярского или княжича средней руки, зашедшего на государев двор. Опасаясь спугнуть девушек, Михаил тихонько пошел сзади, чуть сбоку, изредка на них взглядывая, надвинув на брови шапку и опустив голову.

Одна из них — набеленная и насурмленная сверх всякой меры, плыла лебедью, высоко подняв голову и заносчиво поглядывая вокруг. Другая, на чьем лице не было и следа румян и белил, шла чуть позади, потупив глаза, стараясь не отстать от своей спутницы. Михаилу бросилось в глаза и то, что первая была роскошно одета, как, впрочем, и почти все претендентки на его руку; вторая же была одета бедно, блекло и, по видимому, к числу царских невест не относилась. Она походила на служанку, сопровождавшую свою госпожу на прогулке. Но когда царь пригляделся к девушке, то увидел сказочной красоты лицо и удивительно ясные и добрые глаза. И лицо ее и глаза были еще более прекрасны оттого, что прелести девушки не нужно было спорить с красотой ожерелий, монист, с блеском золота и переливами жемчуга — простая одежда еще сильнее оттеняла ее неземную красоту. Царь остановился, пораженный и очарованный. А потом, стараясь остаться незамеченным, пристроился за спиной у служанки и молил Бога, чтобы кто-нибудь не спугнул их, признав его.

Девушки вошли в церковь. Михаил, радуясь, что теперь-то они не потеряются, незаметно проскользнул следом и увидел одного из ближних своих слуг — кравчего Никиту Вельяминова. Царь попросил узнать, кто эти боярышни, особенно же выведать о той, что похуже одета, и сделать так, чтоб о том они остались безвестны. И с тем оставил и девиц, и Никиту, выйдя сторожко во двор.

Через час Никита доложил ему, что выведал все досконально, dokonно, и верные люди довели, что бедная красавица прозывается Евдокией Лукьяновной Стрешневой, служит при боярышне не то сенной девушкой, не то живет в доме у ее отца из милости. Боярышню привезли в Москву из Можайска

по его, государеву, указу на смотрины, а Евдокию отправили с нею служанкой.

— А кто отец ее? — спросил Михаил, и расторопный, ловкий Никита, знавший, что царь обязательно спросит его о родителях невесты, был готов к ответу и на этот вопрос.

— Можайский дворянин Стрешнев Лукьян Степанович, — выпалил Вельяминов и добавил: — Бают, государь, что ныне тот Стрешнев — однодворец.

Государь ответ вроде бы не расслышал, но на Никиту посмотрел ласково и, сняв с руки небольшой перстень, протянул кравчему.

Вельяминов обомлел: награда была совсем уж несоответственна заслуге. Но перстень взял и, низко поклонившись, пятясь вышел из горницы.

* * *

Три дня и три ночи пребывал Михаил Федорович будто в бреду: не шла из очей его и из сердца и из самой души его прекрасная Евдокия. Тошно было ему глядеть на других красавиц, которые казались теперь щипанными павами либо раскрашенными живыми куклами.

За эти дни он сумел узнать, что Евдокия осталась сиротой, когда была еще отроковицею, и когда отец ее ушел на войну с поляками, то упросил дальних родственников ее покойной матери взять девочку в дом свой на воспитание. А когда через несколько лет вернулся обратно, то нашел свой дом опустевшим, раскраденным и разоренным, поля заросшими бурьяном, а деревеньку свою вконец обезлюдившей. Сказалась Смута и на его вотчине. И остался в деревеньке всего один двор, и сидел на том дворе единственный его холоп — стражник-бобыль Каллистрат, у коего, как и у его барина, не было ни семьи, ни скарба, ни рухляди.

Вздыхнул помещик Лукьян Степанович Стрешнев и поехал в Можайск поглядеть на свою дочь. А приехав, и возрадовался, и опечалился. Возрадовался от того, что увидел юную красавицу, а поговорив, узнал, что Евдокиюшка и грамотна, и умна, и сердцем добра. И тем более было ему досадно, что в доме том была она ни то служанка, ни то приживалка из милости. Еще более огорчился Лукьян тем, что троюродная сестра Евдокиюшки была сварлива, спесива и зла, и хотя собою отменно хороша, но только красота ее не грела и не радовала, ибо холодна была и не привлекала к себе, но отвращала. И подумал несчастный отец забрать дочь с собою, да тут же передумал — куда брать-то? — под дырявую соломенную крышу, под

коей стол да лавка? Осталась Дусенька у богатых злыдней, чтобы слезами своими радовать вечно всем недовольную молодую боярышню.

Когда узнал Михаил про это, то решился на невиданное и дотоле неслыханное — попросил отца-патриарха и мать-царицу выслушать его по делу великому — о суженой его, и судьбу их решить, как будет угодно им и Господу. Он знал, что разговор легким не будет, но поклялся Богу, и самому себе, что от намерения своего не отступит и скорее примет схиму, чем откажется от бедной сироты.

* * *

Поближе к вечеру пришел он на половину патриарха Филарета Никитича, где была уже и матушка его — царица Ксения Ивановна.

Поближе к утру вышел он оттуда.

А в полдень отправился к Можайску царский поезд, и везли в нем подарки будущему тестю — дворянину Лукьяну Степановичу Стрешневу.

Когда тяжелые царские рыдваны подкатили к одинокой покосившейся избе, кою после долгих расспросов с немалым трудом отыскивали посланцы Михаила Федоровича, нашли они избу пустой. Походив вокруг, поозиравшись да покричав, хотели они ехать к следующей такой же избенке, как вышел из избы нечесанный мужичонка, босой, в посконине, и медленно побрел им встречу. Мужичонка оказался тем самым Каллистратом — единственным крепостным помещика Стрешнева, что остался у него в услужении после минувшей Смуты. Он тачал гнилую сбрую для опять же единственной у него и у барина лошаденки, на которой ныне его помещик пахал землю, надев на одра не ременную, в веревочную упряжь. Плохо понимая, что это за люди и для чего им понадобился барин, Каллистрат повел их в недалекое от избы поле.

Бояре, окольниковы, стольники пошли пешком, оставив в каретах шубы и шапки, распарившись от долгой дороги и поисков. Не прошло и четверть часа, как увидели они лошадь, тащившую по пашне деревянную соху, а за сохою — пахаря. Тот шел босиком, в старой рваной рубахе и таких же портах. Заметив господ, пахарь остановил лошадь и пошел им навстречу.

И Каллистрат, и его барин несказанно удивились, когда все господа стали низко кланяться Лукьяну Степановичу и даже Каллистрату, ласково и дружелюбно улыбаться. Старший из них сказал, что отныне Лукьян Степанович — царский

тесть, а патриарху сват. Стрешнев начал молить их Христом, чтобы перестали шутить над ним, просил поискать кого-нибудь другого, того самого, к кому они и ехали. Но господа стояли на своем... Взяв его под руки, повели к избе.

А там стояли всего две лавки. На одной барин спал, накрывшись зипуном, на другой — присаживался к столу. Были в избе и еще несколько вещей: старый ковер, висевший на стене рядом с косою и конским седлом, образок Богородицы, да лежала на столе книга — молитвенник в кожаном переплете.

Самые важные гости сели на лавки, остальные встали вдоль стен и на крыльце. Лишь когда слуги начали вносить подарки от государя, от царицы-матери, от патриарха Филарета, Стрешнев начал верить в то великое чудо, о котором говорили ему московские гости.

* * *

А в эти часы Михаил Федорович готовился к встрече со своим тестем, известив о том и его дочь, а свою невесту — Евдокию Лукьяновну. Пока обставляли мебелью и завозили все необходимое царскому тестю в купленный для него в Китай-городе богатый дом, невесту готовили к встрече с отцом и матерью царя.

Зачем описывать ее волнение, то, что думала она, чего боялась? Евдокия понравилась и патриарху, и царице, заставив тем самым Михаила Федоровича полюбить ее еще сильнее, и не просто полюбить, но и возгордиться, ибо она держалась так, будто родилась во дворце, но ни капли заносчивости при этом не было ни в ее речах, ни во взорах, ни в любом из жестов.

В последнем жених убедился, когда пришла она прощаться с товарками после того, как по всей форме и во все услышание была объявлена царской невестой. Одиннадцать девушек, живших вместе с нею и ее троюродной сестрой, стали поздравлять Евдокию и прощаться с нею. Последней подошла ее барыня и вдруг зарыдала. Она опустилась на колени и начала сбивчиво, захлебываясь и от слез, и от волнения, и от страха, — шутка ли, перед царицею стояла! — просить у Евдокии прощения за все те горечи, каким была виновницей, живя с нею в Можайске. А бывало всякое — и унижала сестра Евдокию, и бранила без причин, и сердце на ней, безответной, срывала, и издевалась над безропотной сиротой, выказывая дурной нрав и прирожденную злобу, нередко и бивала в сердцах тихонравную. Михаил Федорович был при том, потому что, как

познакомился с милой его сердцу Евдокиюшкой, то и часу без нее оставаться не мог и в нарушение обычая ходил на ее половину и гулял с нею по дворцу как заколдованный и будто опеленутый какими-то волшебными путами. И он увидел, как его завтрашняя жена подняла с колен свою злонравную родственницу, поцеловала ее, сказала ласково и тихо:

— И ты меня, сестра, прости, коли и я чем тебе досадила.

* * *

Когда вскоре же приехал новый царский тесть, то оказалась справедливой пословица, что яблоко не далеко от яблони падает.

При встрече с ранее неизвестными родственниками и он держался свободно и просто, не без волнения, конечно, но и подобострастия никто в нем не заметил: воин и пахарь и во дворце оставался самим собой.

А когда привели Стрешнева в новый дом, для него купленный и всем обставленный, и полный серебряной посуды и дорогого оружия, и одежды парчовой, и шуб и шапок горлатых, прошел он в спаленный покой и попросил оставить его одного.

И когда все ушли, и остался он один, то позвал к себе Каллистрата, и они вынесли кровать, застеленную перинами, и поставили у стены широкую деревянную лавку, покрыв ее старым ковром, доставшимся Лукьяну Степановичу в наследство. Потом повесили они по стенам сермяжный кафтан, в каком пахал Стрешнев землю в своей вотчине, разместили рядом косу да цеп. Вслед за тем повесил он в углу образ Богородицы, также привезенный с собой, а под ним приколотил маленькую полочку, на которую ставили под образ свечи. И положил на ту полочку молитвенник, тоже доставшийся ему от родителей.

А вслед за тем вышел Стрешнев из спаленного покоя к слугам. Спросил перо и чернил. С немалым смущением старый слуга ответил:

— Не гневись, боярин Лукьян Степанович, в избе твоей чернил нет.

— Что за беда, — ответил Стрешнев. — Изба — не приказ, чернил-перьев в ней может и не быть. А все ж раздобудь, принеси.

Слуга сбегал до ближайшего повытья, принес и чернил и перьев. Боярин от него все сие взял и сказал:

— А теперь ступай прочь, живи, где прежде жил, и другим слугам то же самое передай.

С тем и ушел в спаленную палату, оставив при себе одного Каллистрата.

Слуги в недоумении покинули дом, не без страха гадая: за что такая немилость? А немилости не было. Не нужны были челядинцы царскому тестю, просто-напросто он даже и не знал, что ему с ними делать.

Лукьян Степанович подошел к столу, раскрыл молитвенник и на обратной стороне обложки начертал: «Лукьян! Помни, кем был!»

Евдокия Лукьяновна и Михаил Федорович любили друг друга всю жизнь.

Они прожили вместе двадцать лет, имели десять детей — семь дочерей и трех сыновей. Из мальчиков дожил до совершеннолетия только один — Алексей — будущий русский царь, а из девочек — трое.

Михаил Федорович и Евдокия Лукьяновна умерли друг за другом — в июле и августе 1645 года. Жена пережила мужа всего на три недели и ушла в иной мир, так и не успев сыграть ни одной свадьбы детям.

Волею судьбы продолжателями рода Романовых стал их сын — Алексей Михайлович. Во время смерти родителей ему шел семнадцатый год.

НОВЕЛЛА ШЕСТАЯ

Алексей Михайлович, Милославские и Нарышкины

Алексей был третьим ребенком в семье и первым из сыновей. Он родился 19 марта 1629 года и рос крепким, здоровым мальчиком. Научившись чтению, письму, счету и началам богословия и церковной истории, Алексей стал знакомиться с географией, историей России и своей династии, а так же и с основами ратного строя. К двенадцати годам у царевича уже была маленькая библиотека, в которой имелись «Лексикон», «Грамматика», и «Космография». Мальчика обучали музыке и правилам поведения во дворце и церкви.

Алексей преуспел в катехизисе, церковной истории, началах богословия и особенно полюбил церковный и дворцовый чин — порядок отправления церковных служб и проведения дворцовых церемоний.

С пяти лет его дядькой — воспитателем — стал ближний боярин Борис Иванович Морозов — пятидесятилетний царедворец, сосредоточивший в своих руках многие нити государственного управления. Морозов был просвещенным человеком, не чурался общения с европейцами и даже наряжал своего воспитанника в немецкое платье.

После того как умерли отец и мать Алексея, шестнадцатилетний царь доверился своему дядьке, который сразу же возглавил руководство четырьмя важнейшими приказами: Стрелецким, Большой казны, Новой Четверти, ведавшим сбором кабацких денег, и Аптекарским, также весьма важным, ибо в нем готовились лекарства для царской семьи и двора и велись дела иноземных лекарей и фармацевтов, лечивших московскую знать и богачей.

Возле Морозова собрался тесный кружок людей, таких же любомудров и книгоцеев, каким был и сам Борис Иванович. Главные роли в кружке играли богатый русский гость (купец) Назарий Чистый, первый дьяк приказа Большой казны, а затем и дьяк Польского приказа, неоднократно бывавший за границей, купец и заводчик голландец Андрей Виниус, еще один дьяк Посольского приказа Афанасий Ордин-Нащокин, а чуть позже — царский постельничий Федор Ртищев и думный дворянин Артамон Матвеев.

Все они оставили по себе добрую память своими делами в развитии просвещения и дипломатии, промышленности и торговли в европейском духе. Виниус строил железодельные и литейные заводы. Ртищев открыл первую в Москве больницу и создал кружок ревнителей благочестия, остальные по мере сил совершенствовали административную и финансовую системы.

Через два года после восшествия на престол Алексей Михайлович решил жениться и, действуя как и его отец, велел привезти в Москву самых красивых девушек. Их привезли более двухсот, и жених выбрал дочь знатного, но бедного дворянина Евфимию Всеволожскую. Как только имя невесты было оглашено, сильно переволновавшаяся девушка потеряла сознание и упала.

Ее родных тут же обвинили в том, что они скрыли болезнь Евфимии — падучую (так называлась в то время эпилепсия), и сослали на Север вместе с больной невестой.

Наконец, через год, свадьба Алексея Михайловича все-таки состоялась. Его выбор пал на дочь мелкопоместного дворянина Ильи Даниловича Милославского — двадцатидвухлетнюю красавицу Марию. Отец невесты был настолько беден, что не мог содержать своих дочерей у себя дома. Поэтому Мария жила в услужении у дьяка Посольского приказа Ивана Грамотина. Ее сестры зарабатывали на жизнь тем, что летом и осенью собирал в лесу грибы, а потом продавали их на базаре, покупая на вырученные деньги хлеб и квас.

Алексей Михайлович оказался в доме Грамотина благодаря стараниям Морозова. Мария Милославская попала на гла-

за царю тоже не случайно: Морозов знал ее и решил сосватать за нее своего воспитанника, поскольку сам влюбился в сестру Марии — Анну.

Морозов был уверен, что Илья Милославский не откажет ему в браке с Анной, и тогда, если Алексей Михайлович женится на Марии, то они породнятся, став свояками.

Расчет Морозова оправдался: царь женился на Марии, а через неделю сыграл свадьбу и Борис Иванович. Как только это произошло, стали говорить, что болезнь Евфимии Всеволожской — дело рук Морозова, уже тогда замышлявшего свою и царя женитьбу на сестрах Милославских.

Как бы то ни было, но Мария Ильинична стала царицей и за двадцать лет родила тринадцать детей — восемь девочек и пять мальчиков. Из них впоследствии только трое сыграют свои роли в истории — царица Софья и царицы Федора и Ивана. Четверо детей умерли в детстве, а остальные пятеро следа в истории не оставили.

Все, кто знал Алексея Михайловича и писал о нем, единодушно утверждали, что он был красив, хотя и не высок, имел благородную осанку, обладал большой силой, а к концу жизни пополнел. Он отличался искренним благочестием и глубокой нравственностью. Сохранилось лишь одно свидетельство о его внебрачной связи: о романе с женой боярина Мусина-Пушкина, у которой от царя, якобы, был сын — Платон.

Гораздо больше осталось свидетельств о любви царя к своей жене и детям. Уцелело письмо Алексея Михайловича к домочадцам, в котором он, находясь при армии, приглашал их приехать в Вязьму. В нем были такие строки: «Я радуюсь свиданию с вами, как слепой радуется увидеть свет».

Мягкий характером, редко вспыльчивый, любящий отец и муж — таков Алексей Михайлович в семейной жизни. Таков он — по крайней мере — в начале царствования — и в отношениях со своими приближенными. Его звали Тишайшим, однако в сфере политической деятельности он таковым не был. При нем были жестоко подавлены городские волнения, соляной и медный бунты, наконец, восстание Степана Разина.

Но не только этими событиями известно царствование Алексея Михайловича. При нем в Москве появился первый театр, построен первый военный корабль — «Орел», созданы полки нового строя — прообраз будущей регулярной армии, увеличилось число школ и мануфактур.

Все эти нововведения не обходились без помощи западных купцов, мастеров, инженеров, аптекарей, врачей, офицеров, обосновавшихся в разных московских слободах, а более всего в Немецкой слободе на берегу Яузы.

Иноземный быт с его опрятностью, комфортом, картинами и зеркалами, заморскими яствами, механическими музыкальными шкатулками и часами оказался привлекательным и для русских дьяков и купцов, имевших дело с иноземцами в Москве, либо бывавшими за границей. И они, первыми из соотечественников, стали вводить в домашний обиход наиболее привлекательные элементы западной жизни и культуры. Алексей Михайлович, любивший умную беседу за столом, пробовавший писать стихи, интересовавшийся архитектурой и живописью, быстро почувствовал вкус к иноземным новациям.

С годами менялось царское окружение: Ртищев отошел от государственных дел, Виниус и Назарий Чистый бывали в Москве наездами. И случилось так, что ближе прочих стал Алексею Михайловичу тихий скромник и неутомимый труженик Артамон Сергеевич Матвеев.

Он был женат на Евдокии Петровне Гамильтон, происходившей из знатного шотландского рода, переселившегося в Россию при Иване Грозном. (Впоследствии фамилия Гамильтон в России трансформировалась в Хомутовых.)

В какой-то мере благодаря жене, а скорее из-за личных пристрастий и европейской образованности Матвеева часто навещали иностранцы. Этому способствовала и его служба в Посольском приказе. Дом Матвеева казался залетевшим в Китай-город осколком Немецкой слободы: комнаты украшали венецианские зеркала и картины западных мастеров; оригинальности его часов, изысканности посуды и богатству библиотеки дивились даже избалованные иноземцы.

Алексей Михайлович стал чаще, чем прежде, навещать Матвеева, приводя тем в недоумение многих своих сородичей и заставляя их теряться в догадках о причинах столь малопривязанности.

Эти визиты еще более участились после кончины 4 марта 1669 года Марии Ильиничны. Алексей Михайлович тяжело переживал смерть любимой жены, с которой прожил двадцать лет.

Несколько месяцев он постился, пребывая в глубоком трауре, подолгу молился за упокой души рабы Божией Марии, но как-то, однажды снова заехал к Матвееву и обратил внимание на красивую молодую девушку, жившую на хлебах у своего богатого родственника. Ее звали Натальей Кирилловной, ей было двадцать лет; и так же, как и первый тесть царя Илья Данилович Милославский, отец девушки Кирилл Полиектович Нарышкин был бедным дворянином. Однако, благодаря протекции Матвеева, он стал полковником стрелецкого

полка в бытность Артамона Сергеевича головой московских стрельцов. Наталья Нарышкина к тому же доводилась дальней родственницей жене Матвеева.

Девушка была не только красива, но образована и хорошо воспитана, а кроме того умна, любознательна и добра. Все это сокрушило сердце сорокалетнего вдовца, и он вскоре решил взять ее в жены.

Однако, чтобы соблюсти приличия и обычаи старины, царь, объявив о намерении жениться, имени невесты не назвал, а для пушего сокрытия тайны назначил сбор невест для смотрин. На сей раз они продолжались семь месяцев — с конца ноября 1669 по май 1670 годов.

Пересмотрев сотни претенденток, царь остался верен своему первому выбору, и 22 января состоялось венчание Алексея Михайловича и Натальи Кирилловны.

Спустя семь месяцев, в ночь на 29 августа 1671 года московский звездочет и астролог, монах Симеон Полоцкий заметил недалеко от планеты Марс новую, невиданную им дотоле звезду. Симеон был первым в России придворным стихотворцем и главным воспитателем детей Алексея Михайловича. Кроме того он считался авторитетнейшим богословом, чьи книги признавались иерархами православной церкви «жезлом из чистого серебра Божия слова».

Симеон имел свободный доступ к царю и на следующее утро явился к Алексею Михайловичу, чтобы сообщить ему о новой звезде, а заодно истолковать увиденный сон.

Беря на себя изрядную смелость, звездочет объявил царю, что его молодая жена зачала в эту ночь сына и, стало быть, родит его 30 мая 1672 года. Симеон не ограничился этим, а высказал и некое пророчество о царевице: «Он будет знаменит на весь мир и заслужит такую славу, какой не имел никто из русских царей. Он будет великим воином и победит многих врагов. Он будет встречать сопротивление своих подданных и в борьбе с ними укротит много беспорядков и смут. Искореня злодеев, он будет поощрять и любить трудолюбивых, сохранит веру и совершит много других славных дел, о чем непременно свидетельствуют и что совершенно точно предзнаменуют и предсказывают небесные светила. Все это я видел, как в зеркале, и представляю все сие письменно».

С этой минуты осторожный и подозрительный Алексей Михайлович приставил к дому ученого монаха караул и снял его только тогда, когда убедился, что его жена действительно забеременела.

28 мая у царицы начались предродовые схватки и Алексей Михайлович призвал Симеона к себе. Роды были трудными.

Однако Симеон уверил царя, что все окончится благополучно, а новорожденного следует наречь Петром. Все так и произошло.

Вот как об этом эпизоде писал историк Погодин: «При начале родильных скорбей Симеон Полоцкий пришел во дворец и сказал, что царица будет мучиться трое суток. Он остался в покоях с царем Алексеем Михайловичем. Они плакали вместе и молились. Царица изнемогала так, что на третий день сочли нужным приобщить ее Святых тайн, но Симеон Полоцкий приободрил всех, сказав, что она родит благополучно через пять часов. Когда наступил пятый час, он пал на колени и начал молиться о том, чтоб царица помучилась еще час. Царь с гневом рек: «Что вредно просишь?» «Если царевич родится в первом получасе, — отвечал Симеон, — то веку его будет 50 лет, а если — во втором, то доживет до 70.»

И в эту минуту принесли царю известие, что царица разрешилась от бремени, и Бог дал ему сына...»².

Это случилось в Кремлевском дворце 30 мая 1672 года, в день преподобного Исаакия Далматского, в четверг, «в отдачу часов ночных», то есть перед рассветом³.

Ребенок был длиной в одиннадцать, а шириной в три вершка, т.е. длиной в пятьдесят, а шириной — в четырнадцать сантиметров. Младенца крестили в кремлевском Чудовом монастыре в храме Чуда Михаила Архангела, где до него были крещены цари Алексей Михайлович и Федор Алексеевич Романовы, а после Петра — в 1818 году — здесь же крестили и царя-освободителя Александра II.

Мальчик рос и воспитывался так же, как в свое время его старшие братья (по их матери — Милославские). До семи лет он находился под опекой мамок и нянек, а после этого перешел в мужские руки. Его первыми воспитателями стали боярин Родион Матвеевич Стрешнев и стольник Тимофей Борисович Юшков. Среди воспитателей Петра был и другой Стрешнев — Тихон Никитич, которого молва называла подлинным отцом царевича Петра. Этот слух распускала старшая сестра Петра — Софья Алексеевна, бывшая всего на шесть лет младше своей мачехи и не любившая ее.

Приводя потом доказательства особых отношений между Петром и Тихоном Никитичем Стрешневым, Софья отмечала сильную любовь Петра к последнему, а также тот факт, что он в письмах называл Тихона Никитича отцом. Однако, это не совсем так. Петр называл Стрешнева «Святым Отцом». Это было шутливое обращение, скорее прозвище, прижившееся в кругу друзей Петра в более поздние годы.

Однако версия об отцовстве Стрешнева была не единственной. Более нелепой, хотя и стойкой оказалась сплетня об отцовстве патриарха Никона — собинного (особенного) друга Алексея Михайловича. Верившие этой сплетне отмечали сильное сходство Петра с Никоном, в том числе высокий рост, указывали на крайне доверительные и близкие отношения патриарха и Натальи Кирилловны.

Могло быть, наверно, и так, если бы не следующее обстоятельство: Никона за четыре года до рождения Петра сослали на север — в Ферапонтов монастырь, откуда он никогда более в Москву не возвращался, а умер, когда Петру было девять лет.

Что касается династических событий в детские годы Петра, то следует отметить неожиданную смерть Алексея Михайловича, последовавшую 29 января 1676 года. Она повлекла за собою опалу Нарышкиных, так как на престоле оказался Федор Алексеевич, чьей матерью была покойная Мария Ильинична Милославская.

* * *

В день смерти Федору было четырнадцать лет. Он выглядел не просто болезненным, но очень больным человеком: его водили под руки, он быстро уставал, плохо видел и слышал. Он был худым и высоким, безусым и с редкой бородкой в годы зрелости, что тогда считалось признаком недужности. Федор был воспитанником Симеона Полоцкого и потому образован в церковной истории, знал польский язык и латынь, а также постиг начала стихосложения. Когда учение завершилось, воспитателем и наставником Федора стал уже знакомый нам Артамон Сергеевич Матвеев. Стараниями Милославских и их сторонников у Матвеева отняли Аптекарский, а затем и Посольский приказы, а его самого сослали в Пустозерск.

В восемнадцать лет Федор женился, причем, не по старому обычаю, а довольно романтично. Однажды, во время крестного хода он заметил девушку, которая ему очень понравилась. Он велел узнать, кто она, где живет. С того момента его внимание было приковано к ней — Агафье Семеновне Грушецкой, жившей в доме одного из думных дьяков.

Симпатия переросла в любовь, и в июле 1680 года Агафья Семеновна стала московской царицей. Однако, замужество оказалось для нее недолгим: она умерла родами ровно через год после свадьбы, а рожденный ею мальчик прожил лишь полторы недели.

Через семь месяцев Федор женился вторично. На сей раз его избранницей стала Марфа Матвеевна Апраксина, но ее замужество было еще короче: 27 апреля 1682 года на двадцать первом году жизни умер царь Федор, и царица Марфа осталась вдовой. Но еще до этого, во время болезни Федора резко обострилась борьба между Милославскими и Нарышкиными, так как в самой ближайшей перспективе должна была зайти речь об обладании престолом. Забегая чуть вперед, скажем, что трон остался за Милославскими, — его заняла старшая сестра Федора — Софья, так как царевичи Иван и Петр были еще юны: Петру исполнилось десять лет, а Ивану, хотя и шел шестнадцатый год, но по здоровью он недалеко ушел от покойного Федора, а по уму очень сильно ему уступал. И, таким образом, нужно было останавливать выбор на одной из дочерей Алексея Михайловича.

«В тереме царя Алексея, — писал историк Иван Егорович Забелин — было шесть девиц, уже возрастных, стало быть способных придавать своему терему разумное и почтительное значение. В год смерти их брата, царя Федора, старшей царевне Евдокии было уже 32 года, младшей Феодосии 19 лет... Третьей царевне Софье было около 25 лет... Все такие лета, которые полны юношеской жизни, юношеской жажды. Естественно было встретить в эти лета и юношескую отвагу, готовность вырваться из клетки на свободу, если не полную готовность, то неудержимую мечту о том, что жизнь на воле была бы лучше монастырской жизни в тереме.»⁴

Добавим, что все сестры Милославские были обречены на полуиноческую жизнь. Боязнь греха, соблазна, искушения, порчи, сглаза — все это заставляло держать царевен взаперти. Само их происхождение, принадлежность к царствующему дому, не допускали замужества за подданными, а найти иностранных принцев было трудно, так как по понятиям тогдашнего православного благочестия брак с неправославным считался греховным. Поэтому даже болезнь царствующего брата была воспринята сестрами-царевнами, как нечаянно возникшая возможность, хотя бы на время, хоть в чем-то и как-то переменить свою скучную жизнь. Особенно преуспела в этом Софья. Она решила покинуть терем и круглые сутки проводила у постели умирающего брата. В глазах окружающих ее поступок выглядел подвигом благочестия и милосердия, и царица сумела завоевать этим изрядную популярность среди придворных.

Внешне Софья была непривлекательна. А ведь известно, что люди склонны симпатизировать душевным добродетелям красивых людей, а к некрасивым относятся значительно про-

хладнее. Софья же не отличалась красотой. По свидетельству французского эmissара Де ла Невилля Софья была большеголовой, очень полной, абсолютно бесформенной, со следами волчанки (туберкулез кожи) на лице. В ее годы ей можно было дать сорок. Однако, эти недостатки компенсировались необычайно живыми умными глазами, и быстрым, тонким умом. Софья любила беседовать с просвещенными людьми, а ими чаще всего были лица духовного звания. Она умела читать и писать и тем выгодно отличалась от большинства женщин ее времени.

Болезнь Федора Алексеевича оказалась для Софьи прекрасным поводом, чтобы покинуть терем. Возле постели больного она познакомилась с монахом Сильвестром Медведевым — великим книгочеем и эрудитом, любимым учеником, а потом и секретарем Симеона Полоцкого. Одновременно Медведев трудился на Печатном дворе и в Заиконоспасском монастыре, где преподавал языки и грамматику. Там же познакомилась она с полководцем, боярином и князем, начальником Пушкарского и Владимирского судного приказов Василием Васильевичем Голицыным.

Голицын знал латынь, греческий, немецкий и польский языки, принимал в своем доме, обихоженном по-европейски, иноземцев, занимался проектом реформ, по которым Россия должна была преобразоваться на европейский лад.

Софья была молода и темпераментна и влюбилась в тридцативосьмилетнего Голицына.

В день похорон Федора все шесть его сестер, в нарушение вековых традиций царского дворцового ритуала, пошли за гробом рядом с братьями Иваном и Петром, оттеснив пятнадцатилетнюю вдову Марфу Апраксину и вдовствующую царицу Наталью Кирилловну.

НОВЕЛЛА СЕДЬМАЯ

*Софья Алексеевна, князь Василий Голицын
и стрелецкий голова Федор Шаковитый*

Сразу же после похорон Федора на заседании духовных и светских сановников царем был провозглашен десятилетний Петр, несмотря на первородство царевича Ивана, который был не только нездоров, но и слабоумен. Однако это отстраняло Милославских от власти, и поэтому Софья приняла меры к тому, чтобы стать регентшей-правительницей при брате.

Оперевшись затем на московских стрельцов, многочисленные клеветы Софьи подняли открытый бунт против Нарышкиных и потребовали удаления их из Кремля. Это про-

изошло 15 июня 1682 года. Стрельцам был выдан брат Натальи Кирилловны — Иван, они изрубили его на части, а голову его вздели на копье. Стрельцы потребовали пострижения в монахи отца Натальи Кирилловны и ссылки всего рода Нарышкиных. Был убит сторонник Нарышкиных князь Михаил Юрьевич Долгоруков и ближайшие сподвижники царя Алексея Михайловича — Языковы и Лихачевы. Погиб и Артамон Сергеевич Матвеев, незадолго перед тем вернувшийся из ссылки в Москву для подавления мятежа.

Эти убийства и зверства произошли на глазах юного Петра. Он был настолько напуган и потрясен увиденным, что с ним случился первый эпилептический припадок. Впоследствии такие припадки сопровождали Петра всю жизнь. До последних дней сохранил он и ненависть к бунтовщикам, беспощадно карая мятежников.

Получив около трехсот тысяч рублей и имущество побитых ими бояр, стрельцы послали начальника Стрелецкого приказа князя Ивана Андреевича Хованского потребовать воцарения старшего брата — Ивана Алексеевича, объявив его первым царем, а Петра — вторым.

Стрельцы разгромили Судный и Холопий приказы, уничтожая прежде всего кабальные записи.

Правительство Софьи из-за своеволия стрельцов потеряло контроль над столицей, и поэтому 13 июля двор во главе с ней покинул Москву и перебрался в Троице-Сергиев монастырь. Правда, скоро все они вернулись в Москву, но ненадолго — в августе снова пришлось ехать в Троицу.

Тем временем власть над стрельцами полностью перешла к Хованскому, энергично отстаивавшему интересы своих подчиненных. Стрельцы намерены были посадить его на престол, но он проявил нерешительность, чем тут же воспользовалась Софья. Она собрала к Троице дворянское ополчение, вызвала Хованского с сыном Андреем на заседание боярской думы, в которую входил и Хованский. Когда отец и сын приехали, Софья велела их схватить и казнить без суда по обвинению в государственной измене. Заговор был обезглавлен и стрельцы покорились воле правительницы.

Во всех этих делах главные роли сыграли сторонники Софьи и ее фавориты — один в настоящем, а второй — в будущем — Василий Васильевич Голицын и Федор Леонтьевич Шакловитый.

В одном из интереснейших источников того времени — «Гистории о царе Петре Алексеевиче», написанной князем Борисом Ивановичем Куракиным, хорошо осведомленном о семейных делах царствующего дома, немалое место уделено

этим людям. Первое упоминание о Василии Васильевиче Голицыне относится к тому времени, когда Софья отправилась с верными ей войсками в Троице-Сергиев монастырь.

«И тогда же она, царица Софья Алексеевна, — пишет Куракин, — по своей особой инклинации (склонности) к амуру, князя Василия Васильевича Голицына назначила дворцовым воеводою войски командовать и учинила его первым министром и судьей Посольского приказу, который вошел в ту милость через амурные интриги. И почал быть фаворитом и первым министром, и был своею персоною изрядный, и ума великого, и любим ото всех.»⁵

Возвратившись в Москву, Софья стала участвовать во всех дворцовых и церковных церемониалах наравне с царями Иваном и Петром. Она приказала чеканить золотые монеты со своим портретом, надевала царскую корону и давала официальные аудиенции иноземным послам в Золотой палате Московского Кремля.

Куракин писал: «Что принадлежит до женитьбы с князем Василием Голицыным, то понимали все для того, что оный князь Голицын был ее весьма голант (любовник); и все то государство ведало и потому чаяло, что прямое супружество будет учинено. По вступлении в правление, царица Софья для своих плезиров (удовольствий) завела певчих из черкас (украинцев), также и сестры ее по комнатам, как царицы: Екатерина, Марфа и другие, между певчими избирали себе голантов и оных набогачали, которые явно от всех признаны были»⁶

Из-за того, что правительство Софьи и православная церковь преследовали раскольников, не подчинявшихся официальным духовным властям, в Москве из их кругов распространялись слухи, порочившие обитательниц кремлевского терема. Так, староверы говорили: «Царица Софья была блудница и жила блудно с боярами, да и другая царица, сестра ее. И бояре ходили к ним, и робят те царицы носили и душили, и иных на дому кормили». (Т.е. после родов убивали, а некоторых, оставив в живых, выкармливали, спрятав в разных домах.)

Правда, к подобным сообщениям вряд ли можно относиться с доверием, они появлялись из-за ненависти к правящей династии, стремления опорочить ее. А вот сообщение Куракина о певчих гораздо более правдоподобно, ибо известно, что Голицын устраивал у себя в доме званые куртаги. На них играл орган, а певчие пели по новым, линейным, нотам. Таким образом общение Софьи и ее молодых сестер с певчими вне Кремля получает подтверждение.

После подавления «хованщины» Голицын стал фактическим главой русского правительства, проводил военную реформу, определял внешнеполитический курс России. Он стремился заключить союз с западными странами и обратить оружие против Крыма и Турции.

Правда, Голицын лишь начал преобразования в армии, но ему удалось заключить «вечный мир» с Польшей, подписанный в Москве 21 апреля 1686 года.

Отныне российские государи официально писались в международных документах и челобитных как «всея Великия и Малыя и Белья России самодержцы».

Подписание «вечного мира» сильно укрепило авторитет Голицына. Иностранцы, посещавшие Посольский приказ, писали, что российское дипломатическое ведомство занимает четыре огромных каменных здания с множеством просторных и высоких залов, убранных на европейский манер.

Сам Голицын поражал их необычайной роскошью своей одежды, усыпанной алмазами, сапфирами, рубинами и жемчугом. Говорили, что у него не менее ста шуб и кафтанов, на которых каждая пуговица стоит от 300 до 700 рублей, а если бы канцлер продал один свой кафтан, то на эти деньги мог бы одеть и вооружить целый полк.

Уже упоминавшийся французский эмиссар Невиль, писал о князе Голицыне: «Разговаривая со мною по латыни о делах европейских и о революции в Англии, министр потчевал меня всякими сортами крепких напитков и вин, в то же время говоря мне с величайшей ласковостью, что я могу и не пить их. Этот князь Голицын, бесспорно, один из искуснейших людей, какие когда-либо были в Московии, которую он хотел поднять до уровня остальных держав. Он любит беседовать с иностранцами, не заставляя их пить, да и сам не пьет водки, а находит удовольствие только в беседе. Не уважая знатных людей по причине их невежества, он чтит только достоинства и осыпает милостями тех, кого считает заслуживающими их»⁷.

Повернув острие русского меча на юг, Голицын вскоре вынужден был взяться и за его рукоять. В начале 1687 года боярская дума приговорила: «быть князю Василию большим воеводой и Крым зносити». Летом Голицын встал в главе сотысячной армии и двинулся в поход. Однако засуха, жара, отравленные колодцы и бескормица не позволили Голицыну дойти до Крыма, и он предпочел возвратиться с половины пути.

Сделав выводы из постигшей его неудачи, Голицын сразу же по возвращении в Москву стал готовиться ко второму походу в Крым, который был объявлен 18 сентября 1688 года, но

начался лишь 17 марта следующего года, ибо подготовка к нему была основательной и серьезной. В походе участвовало 80 тысяч солдат и рейтар и 32 тысячи стрельцов — уже по этим цифрам видно, как далеко зашла военная реформа Голицына.

Однако решительного сражения не произошло и на этот раз, а армия Голицына, дойдя до Перекопа и постояв несколько дней, двинулась обратно.

В Москве же с нетерпением ждали известий из армии. И не только о делах ратных. В переметных сумках гонцов вместе с официальными реляциями доставлялись и личные письма Софье, а от нее — Голицыну. Два из них приводит в книге «История царствования Петра Великого» академик Устрялов.

В первом из них Софья пишет: «Свет мой, братец Васенька, здравствуй, батюшка мой, на многие лета... А мне, свет мой, веры не имеется, что ты к нам возвратишься. Тогда веру займею, как увижу в объятиях своих тебя, света моего. Всегда того прошу, чтобы света моего в радости видеть. По сем здравствуй, свет мой, о Христе на веки несчетные...»⁸

А вот выдержка из второго письма: «...Велик бы мне день тот был, когда ты, душа моя, ко мне будешь. Если бы мне возможно было, я бы единым днем тебя поставила пред собою. Письма твои вручены Богу, к нам все дошли в целости из под Перекопу, из Каирки и с Московки. Я брела пеша из Воздвиженского, только подхожу к монастырю Сергия Чудотворца, к самым Святым воротам, а от вас отписки о боях: я не помню, как взошла, читала идучи; не ведаю чем его света благодарить за такую милость его и мать его, пресвятую Богородицу, и преподобного Сергия Чудотворца, Милостивого... Бог, свет мой, ведает как желаю тебя, душа моя, видеть...»⁹

Но не станем спешить с окончательными выводами об отношениях Софьи и Голицына. Прочитав письма Софьи Алексеевны к ее «братцу», «свету» и «душе» Васеньке. Можно было бы по-хорошему позавидовать великой любви, поселившейся меж царевной и ее полководцем.

Однако, не столь безоблачной была эта любовь. Уже упоминавшийся князь Куракин писал: «Надобно ж и от том упомянуть, что в отбытие князя Василия Голицына с полками в Крым Федор Щегловитой (Шакловитый) весьма в амуре при царевне Софии профитовал, и уже в тех плезирах ночных был в большей конфиденции при ней, нежели князь Голицын, хотя не так явно. И предусматривали все, что ежели правление царевны Софии еще продолжалось, конечно бы князю Голицыну было от нее падение или бы содержан был для фигуры за первого правителя, но в самой силе и делах был бы упомянутый Щегловитой»¹⁰.

Главой Стрелецкого приказа стал после казни князя Хованского Федор Леонтьевич Шакловитый, и с тех пор его имя все чаще и чаще стали упоминать в разговорах о важнейших государственных делах и семейных коллизиях в доме Романовых. Это было тем более дивно, что сравнительно недавно никто не сказал бы об этом человеке ничего определенного.

Знали только, что за десять лет перед тем был Шакловитый площадным подъячим — «чернильным семенем», «приказной строкой», самым маленьким чиновником, писавшим бумаги за малую мзду, не брезговавшим и медными деньгами.

В 1673 году, неведомо за какие заслуги, Шакловитый был принят в Тайный приказ, на первых порах оставаясь все тем же младшим подъячим. Тайный приказ, или Приказ тайных дел, существовавший с 1654 года, не только ведал розыском по делам о государственных преступлениях, но и представлял собой личную царскую канцелярию, через которую осуществлялось руководство центральными и местными государственными учреждениями. Для человека ловкого, умного и последовательного здесь было немало возможностей сделать карьеру. Подъячие Тайного приказа включались в посольства, сопровождали воевод в походах, наблюдая за ними и докладывая обо всем виденном и слышанном лично царю. Поэтому послы и воеводы старались угождать подъячим и подкупать их. Находясь в центре важнейших государственных дел, подъячие часто досконально знали сокровенные тайны, при случае приводили в движение нужные им пружины бюрократического механизма, завязывали выгодные знакомства, участвовали в дворцовых интригах.

Связав свою судьбу с Милославскими, Шакловитый верой и правдой служил им. Именно он, 17 сентября 1682 года зачитал в заседании боярской думы доклад по делу князя Хованского, а после его казни был назначен царевной Софьей начальником Стрелецкого приказа. Действуя разумно и энергично Шакловитый перевел наиболее активных бунтарей в отдаленные от Москвы города, а остальных усмирил суровыми мерами.

Софья приблизила к себе Шакловитого после того, как он решительно поддержал ее намерение венчаться на царство и единолично занять трон.

Голицын в это время находился в походе, и Шакловитый не только стал первым сановником в государстве, но и сделался сердечным другом Софьи, ее фаворитом.

Он оставался в фаворе и после того, как в Москву в июле 1689 года возвратился из очередного неудачного похода в Крым Голицын. Хотя Софья и встретила его как победителя и

осыпала наградами и подарками, былого сердечного расположения к «свету Васеньке» царевна не вернула — в ее сердце прочно укрепился худородный ярыжка Федька Шакловитый.

Опасаясь еще большего усиления Шакловитого, а вместе с ним и Софьи, враги Федора Леонтьевича решили опереться на семнадцатилетнего царя Петра и в ночь на 8 августа 1689 года донесли, что начальник Стрелецкого приказа злоумышляет на жизнь Петра и его матери. (Впоследствии все восемь доносчиков получили по тысяче рублей — огромные деньги, если учесть, что срубить и поставить избу, стоило тогда один рубль.)

Петр поверил извету и тотчас же бежал из подмосковного села Преображенского в Троице-Сергиев монастырь, за мощными стенами которого семь лет назад скрывалась царевна Софья.

Совет укрыться в Троице дал Борис Алексеевич Голицын, двоюродный брат Василия Васильевича Голицына. В ту пору Борис Алексеевич Голицын был одним из ближайших сподвижников Петра и имел на него сильное влияние. Петр примчался в Троицу почти один: лишь несколько человек сопровождало его. Но уже на следующий день к нему приехала мать, любимая сестра Наталья и молодая жена — царица Евдокия.

«Откуда сие?» — спросит читатель и будет прав, недоумевая, ибо мы расстались с десятилетним Петром в 1682 году, когда на глазах у него взбунтовавшиеся стрельцы подняли на копья и изрубили на куски нескольких его родственников. А с тех пор прошло семь лет, но снова почти в прежних обстоятельствах Петру угрожают смертью все те же стрельцы, и снова он должен был спастись от них.

Что же происходило с ним за эти годы? Что же произошло, и почему события приняли именно такой грозный и трагический оборот?

НОВЕЛЛА ВОСЬМАЯ

Мужание орленка

Петр рос крупным, крепким мальчиком, подвижным и любознательным. Одним из его первых учителей был дьяк Посольского приказа Никита Моисеевич Зотов, выучивший царевича грамоте и началам российской истории.

В одиннадцать лет Петр, по свидетельству секретаря шведского посольства Кемпфера, выглядел шестнадцатилетним: «Лицо у него открытое, красивое, молодая кровь играла в нем... Удивительная красота его поражала всех предстояв-

ших, а живость его приводила в замешательство степенных сановников московских»¹¹.

Именно в это время начинает Петр увлекаться «марсовыми потехами». 30 мая 1683 года, когда исполнилось ему одиннадцать лет, в подмосковном селе Воробьево артиллерийский капитан Симон Зоммер впервые учинил перед Петром «пошешную огнестрельную стрельбу» из настоящих орудий. Зоммер был одним из первых иностранцев, с которыми свела судьба юного царя, и не без его влияния Петр обратил внимание на других иноземцев, живших, как и Зоммер, на берегах ручья Кукуй в Немецкой слободе.

Военные игры положили начало формированию потешного полка, первым солдатом которого 30 ноября 1683 года стал сорокалетний придворный конюх Сергей Леонтьевич Бухвостов. Потом он прослужил тридцать лет, выйдя в отставку майором артиллерии. Петр так любил Бухвостова, что приказал скульптору Бартоломео Растрелли (старшему) сделать еще при жизни Сергея Леонтьевича его статую.

Однако не Бухвостову, как баловню фортуны, выпала на долю наибольшая известность. В особом фаворе, как тогда говорили, «в кредите у Фортуны», оказался другой человек — сын дворцового конюха Александр Данилович Меншиков. Петр познакомился с ним в доме швейцарца Франца Яковлевича Лефорта, где тот был казачком — мальчиком на посылах. Было ему в ту пору десять лет. Через три года после первого знакомства Меншиков стал денщиком Петра. Сметливый, расторопный, веселый, смелый, с удовольствием разделявший все утехи своего государя, Меншиков вскоре стал любимцем юного царя, ни на час не отлучаясь от него, и ловко угождая всем его прихотям.

Вокруг Петра образовался кружок сверстников, а также людей более зрелых, однако готовых потакать его фантазиям и причудам, а потом и необузданным вожделениям. И в этом Меншиков был первым и неистощимым на выдумки.

«Марсовы потехи» составляли главное занятие Петра и его денщика. Столь же неразлучны и единоклужны были они и в других делах и забавах. В 1693 году в селе Преображенском появился одноименный, пока еще вроде бы и потешный, но хорошо обученный и обмундированный, а впоследствии первый гвардейский полк России, увенчанный всеми наградами империи.

Петр проходил службу в полку рядовым, испытывая на себе все перипетии и тяготы солдатской службы, которая закалила его и рано сделала взрослым мужчиной. Эта служба сблизила Петра с иностранцами-офицерами, которых моло-

дой царь пригласил в Преображенский полк на командные должности.

В 1685 году Петр приказал построить в Преображенском на берегу Яузы потешный городок-крепость Прешбург, чтобы обучать солдат осаде, обороне и штурму городов. Ах, как жестоко пошутила потом судьба с этой игрушечной крепостью! Пройдет восемь лет, и именно здесь разместится страшный Преображенский приказ — место пыток и казней государевых, петровых супротивников.

«Потешную фортецию» строили все те же иноземцы, еще больше разжигая интерес Петра к европейским премудростям. Игра перерастала уже в реформирование войска. Весной 1687 года Петр начал создавать второй потешный полк — Семеновский, названный по имени села, где он формировался.

И здесь не обошлось без иноземцев, которые кроме фрунта, экзерциций, парадов и военной музыки приохотили пятнадцатилетнего бомбардира и к партикулярной музыке, табаку, пиву, вину, а затем познакомили с юными прелестницами из Немецкой слободы.

Веселые молодые девицы и женщины, любившие потанцевать, выпить вина, пофлиртовать с молодым и красивым царем, намеренно и откровенно соблазняли его своими прелестями — обнаженными руками и плечами, полуоткрытыми бюстами и спинами, затянутыми в рюмочку талиями, сверкающими, зовущими глазами. Они были полной противоположностью молчаливым и скромным московским невестам-боярышням, не поднимавшим глаз, укутанным в тяжелые златотканые одежды.

Кукуйские девы кружили голову не хуже вина и представлялись Петру живым воплощением первозданного плотского греха — влекущего, сладкого и пока еще неизведанного.

Петр, никогда не игравший вторых ролей, всегда старавшийся не уступать никому ни в чем, хотел быть первым и в застольных утехах и в амурных делах. Уже с этого времени пирушки с иностранцами и близкими соотечественниками стали неотъемлемой чертой жизни и быта Петра, сопутствуя ему до самой смерти.

А когда ему исполнилось шестнадцать лет, затеял царевич строить на Плещеевом озере, в Переяславле-Залесском, первую флотилию, положив тем самым начало российскому кораблестроению. Эта очередная потеха заставила Петра заняться арифметикой и геометрией, освоить различные астрономические и корабельные инструменты. Флотскому делу

обучали его тоже иноземцы — голландцы Франц Тиммерман и Карстен Брант.

Месяцами стал он пропадать на озере, чем приводил Наталью Кирилловну в великое смятение. Мать боялась, что ее Петруша утонет, и не знала чем бы привязать сына к Москве. Новая затея казалась ей еще хуже и опаснее, чем потешные игры возле Преображенского и ночные кутежи в поганом Кукуе.

И тогда Наталья Кирилловна надумала женить сына на молодой красавице и стала присматривать будущую невестку среди лучших московских невест.

В конце концов она остановила свой выбор на девятнадцатилетней дворянке Евдокии Лопухиной, девушке красивой, доброй и нежной, из хорошей семьи. Свое решение она приняла не сразу и не без политического расчета.

Уже упоминавшийся нами Куракин в «Гистории о царе Петре Алексеевиче» утверждал, что противная князю Голицыну партия Нарышкиных и Тихон Стрешнев не допустила женитьбы царя Петра на родственнице Голицына и добилась того, что 27 января 1689 года шестнадцатилетний Петр женился на Евдокии Федоровне Лопухиной. Свадьба была скромной. Новая царица происходила из среднего дворянства, а ее многочисленные родственники, оказавшись при царском дворе, тут же обнаружили самые дурные качества. Куракин писал, что были Лопухины «люди злые, скупые, ябедники, умов самых низких и не знающие нимало в обхождении дворовом... И того ж часу все их возненавидели и стали рассуждать, что ежели придут в милость, то всех погубят и всем государством завладеют. И, коротко сказать, от всех были возненавидимы и все им зла искали или опасность от них имели».

Что же касается самой Евдокии Федоровны, то Куракин отмечал: «И была принцесса лицом изрядная, токмо ума посредного и нравом не сходная к своему супругу, отчего все счастье свое потеряла и весь свой род сгубила... Правда, сначала любовь между ими, царем Петром и супругою его, была изрядная, но продолжалася разве токмо год. Но потом пресеклась; к тому же царица Наталья Кирилловна невестку свою возненавидела и желала больше видеть с мужем ее в несогласии, нежели в любви. И так дошло до конца такого, что от сего супружества последовали в государстве Российском великие дела, которые были уже явны на весь свет...»¹².

Медовый месяц с молодой женой продолжался недолго: еще не успел по весне сойти лед, как Петр поменял супружеское ложе на походную карету и помчался к любимому озеру,

где всю минувшую зиму его мастера достраивали и отделявали его, государевы, корабли.

В это время Петр все чаще стал интересоваться государственными делами, что насторожило и испугало Софью и ее окружение. В Кремле видели, что орленок расправляет крылья, но видели также и то, что противная ему сторона — прежде всего сама Софья и Шакловитый, а также и Голицын — не намерены уступать власть молодому царю. Следствием начавшейся борьбы и явились события, происшедшие в ночь на 8 августа 1689 года, когда Петр бежал в Троицу.

* * *

На следующий день, следом за матерью, женой и сестрой Петра к воротам монастыря подошел большой и сильный отряд, который привел полковник Франц Лефорт. Так как ему в этой книге отведено не последнее место, познакомимся с его жизнью подробнее.

Швейцарец Франц Лефорт появился в России за 14 лет до описываемых событий.

25 августа 1675 года он приплыл в Архангельск на голландском купеческом корабле в группе офицеров-иноземцев. Первые два с половиной года он прожил в Москве на счет голландских купцов, полюбивших его за разгульный характер и острый ум. Затем последовал его брак с богатой и красивой девушкой Елизаветой Сугэ, родственницей двух генералов русской службы — Гордона и фон Бокговена. При содействии Гордона стройный и высокий двадцатипятилетний красавец и весельчак был принят в военную службу в чине капитана и стал командиром роты. Лефорт отлично стрелял, фехтовал и великолепно держался в седле.

Более двух лет прослужил он в Киеве под началом князя Василия Васильевича Голицына и почти сразу же добился его расположения. В 1682 году его представили десятилетнему царю Петру, а так как дядькой Петра был двоюродный брат Василия Васильевича Голицына князь Борис Алексеевич Голицын, то на следующий год Лефорт стал уже подполковником. Он участвовал в первом крымском походе Голицына, безотлучно находился при главнокомандующем и по возвращении в Москву был произведен в полковники.

Он-то и привел своих солдат на помощь Петру в Троице-Сергиев монастырь. Лефорт тотчас же поставил пушки против всех ворот и организовал круговую оборону. Его солдаты оставались в Троице-Сергиевой обители до тех пор, пока опасность совершенно миновала. Именно с этого времени

Петр облек верного друга Франца неограниченным доверием и одарил исключительной привязанностью. А за то, что он одним из первых офицеров-иноземцев примчался на помощь, Петр произвел его в генералы.

Вслед за Лефортом в монастырь прибыли и другие офицеры-иностранцы и оставшийся верным Петру стрелецкий Сухарев полк. Сюда потянулись телеги с порохом, ядрами, картечью, пушками и мортирами, а к концу августа пришли со всеми урядниками пять стрелецких полков.

Патриарх Иоаким, посланный в Троицу царевной Софьей для того, чтобы помирить ее с братом, не только не стал миротворцем, но дал понять Петру, что держит его сторону.

Почувствовав, что сила на его стороне, Петр потребовал выдать ему Шакловитого головой. Софья, промешкав неделю, все же выдала своего любимца, хотя при этом обливалась слезами.

Федора Леонтьевича поставили на пытку. Мучили его жестоко, и он сознался во всем, в чем его обвиняли, хотя на второй день от показаний отказался, и был приговорен к смерти.

Шакловитого не повезли в Москву, опасаясь, что там найдется немало его сторонников, способных к мятежу и готовых освободить своего начальника силой. Однако и в стенах Троице-Сергиева монастыря — духовной святыни России — казнить его тоже было неудобно. Тогда 12 сентября 1689 год Шакловитого вывели из монастырских ворот и отрубили голову на обочине Московской дороги.

А тремя днями раньше в Троице-Сергиевом монастыре появился и другой фаворит Софьи — Голицын. На заседании боярской думы его обвинили в нерадении во время последнего крымского похода, в умалении чести царей Петра и Ивана, а также в сговоре с Шакловитым и приговорили к лишению боярства и ссылке на север. Голицын с женой и детьми оказался сначала в Мезени, а затем в еще большей глуши — селе Кологоры на Пинеге, где он и умер спустя четверть века в 1714 году семидесяти лет от роду.

Падение Шакловитого и Голицына привело к немедленному отстранению от власти Софьи. Петр написал брату Ивану письмо, в котором сообщал, что не намерен более терпеть Софью в качестве соправительницы, называя ее «третьим зазорным лицом». «Срамно, государь, — писал Петр, — при нашем совершенном возрасте, тому зазорному лицу государством владеть мимо нас!»

В сентябре Софью поселили в Новодевичьем монастыре, а сам обряд пострижения ее в монахини состоялся лишь через девять лет, 21 октября 1689 года.

Софья прожила в Новодевичьем монастыре пятнадцать лет и умерла там 3 июля 1704 года на сорок седьмом году жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Все даты даются по старому стилю.
- ² Погодин М.П. Первые семнадцать лет в жизни императора Петра Великого. — М., — 1875. — С.6—7.
- ³ В честь святого Исаакия, в день поминовения которого родился Петр, в 1710 году рядом с Адмиралтейством была построена деревянная церковь. В ней 19 февраля 1712 года он венчался с Екатериной. Потом на том же месте был построен каменный собор, но из-за того, что строился быстро, вскоре пришел в ветхость. И, наконец, в 1818—1858 гг. здесь был воздвигнут самый большой и красивый храм Санкт-Петербурга — Исаакиевский собор.
- ⁴ Забелин Н.Е. Домашний быт русских царств в XVI и XVII столетиях. — Новосибирск. — 1992. — С.85.
- ⁵ Архив князя Ф.А.Куракина. — СПб., — 1870. — Кн. — I. С.48
- ⁶ Там же. — С.54.
- ⁷ Цит. по: Богданов А.П. Василий Васильевич Голицын. “око всей великой России”. — М., — 1989. — С.218.
- ⁸ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. — СПб., — 1858. — С.382—383.
- ⁹ Там же. — С.383—384.
- ¹⁰ Архив князя Ф.А.Куракина. — Кн. I. — С.48.
- ¹¹ Погодин М.П. Первые семнадцать лет в жизни императора Петра Великого. — С.103—104.
- ¹² Архив князя Ф.А.Куракина. — Кн. I. — С.56.

Глава третья

ПЕТР ВЕЛИКИЙ

НОВЕЛЛА ДЕВЯТАЯ

Первые шаги в царстве Венеры и в царствах Европы

После победы над Софьей и ее сторонниками Петр стал единовластным, самодержавным государем. Возвратившись в Москву, он с головой погрузился в государственные дела, впервые ощутив тяжесть шапки Мономаха. Титул царя обязывал Петра претерпевать многие, связанные с ним неудобства, но тяжелее всего ему давались сдержанность и благолепие, ибо молодость и жгучий темперамент оказывались сильнее разума и строгих канонов дворцового и церковного чина. Особенно нетерпимыми для сторонников благочестия были наезды царя в еретическую Немецкую слободу, где правил бал его друг Лефорту.

Одним из тех, кто решительно противился дружбе юного царя с иноземцами-иноверцами, видя в этом пагубу его душе, был патриарх Иоаким. Но 17 марта 1690 года он умер, и Петр, никем не сдерживаемый, пустился во вся тяжкая.

Через две недели после смерти патриарха Петр впервые переоделся в немецкое платье, уже сшитое специально для него. Он облачился в камзол, штаны, чулки и башмаки, перекинул через плечо шитую золотом перевязь, прицепил к ней шпагу, надел парик и поехал к Лефорту. Там его всегда ждала прекрасная компания, где можно было услышать множество любопытных и полезных историй, свободно пообщаться с молодыми красивыми женщинами. Уже тогда появилась у него любовь к разгульным застольям, сохранившаяся до самой смерти.

Историки, изучавшие жизнь Петра, утверждают, что великий преобразователь России, не придававший значения моральным канонам, не видел различия между служанками и принцессами, россиянками и иноземками, руководствуясь в выборе только одним — страстью.

Лейб-медик Петра, Вильбуа, сказал как-то об этой стороне петровского характера: «В теле его величества сидит, должно быть, целый легион бесов сладострастия». И многие современники, свидетели царской разнузданности, приводят нема-

ло историй самого скабрёзного свойства. Встречаются и утверждения о том, что Петр делил ложе не только с женщинами. Известны, например, два уголовных дела, по ним проходили капитанармус Бояркинский в 1705 году и управляющий именьями Ивана Кикина Дуденков в 1718 году. Оба рассказывали своим знакомым, что царь Петр и князь Меншиков живут в противоестественной связи и творят «блядское дело».

Допрошенных в Преображенском приказе, обоих признали виновными, но ни одному не урезали язык, а Бояркинский остался даже не бит батогами, его просто-напросто отправили служить в Азов рядовым солдатом. Дуденкова били кнутом, а затем сразу же освободили подчистую. «Это снисхождение, — писал историк Г. В. Есипов, — бросается в глаза.»¹

Однако, не этот род утех и приключений является предметом нашего внимания. Таким образом, мы пройдем мимо и тех женщин-служанок в трактирах, скотниц и огородниц, дворянок, бюргерш, пасторских жен и дочерей, купчих и прачек, — которые были лишь мимолетной услугой царя. И потому дальше речь пойдет о женщинах, оставивших след в жизни Петра и ставших его любовницами. Причем следует заметить, что он никогда не удовлетворялся связью с одной из них, а всегда имел несколько любовниц в одно и то же время.

Первым проводником Петра в мир любовных утех стал великолепный и неотразимый Лефорт. Это он познакомил своего питомца с его первой, довольно мимолетной привязанностью — дочерью ювелира Боттихера. Он же свел Петра со своей собственной любовницей, первой красавицей Кукуя, дочерью ювелира и виноторговца Иоганна Монса — Анной.

Семейство Монсов, в «Списках замечательных лиц русских», составленных П. Ф. Карабановым, названо семьей «нидерландца, Московского золотых дел мастера Менса», а его сына Вилима там же называют «Мем де ла Круа».

Как сообщал австрийский посол Гвариент императору Леопольду I, Анна Монс, став любовницей Петра, не оставила своего прежнего галанта Лефорта, деля ложе то с тем, то с другим². Петр знал о взаимоотношениях Лефорта и Анны, но поскольку любил их обоих, то прощал им этот грех. Он мог, как мы увидим потом, делить женщин с сердечными друзьями, но посягательство на них посторонних приводило его в бешенство, и тогда гнев его был страшен.

А между тем Евдокия Федоровна менее чем через год после свадьбы — 18 февраля 1690 года — родила царю сына, названного в честь деда Алексеем, а в 1691 и в 1692 годах еще двух мальчиков — Александра и Павла, однако наследники умерли, не прожив и году.

Евдокия была нежной и любящей матерью, но более всего страдальцей: и из-за того, что муж бросил ее, и из-за того, что их первенец и наследник престола — был так же не мил Петру, как и она сама.

Петр Алексеевич, находясь в Москве, никогда не бывал с нею и уж тем более не делил супружеского ложа, но все ночи проводил в Немецкой слободе: либо с роскошном доме Лефорта, где только в главном пиршественном зале могли разместиться полторы тысячи гостей, либо в собственном доме Монсов, построенном на его деньги. Впоследствии для Петра стало традицией последний день перед отъездом из Москвы и первый день по возвращении в столицу проводить в доме любезного друга Франца.

Так было в 1693 году, когда Петр ездил в Архангельск посмотреть большие торговые корабли на море, так было и весной 1694 года, когда уехал он во второе путешествие в Архангельск. Так было и во время летних воинских маневров, и перед отправлением и после возвращения русских войск из первого и второго походов под Азов летом 1695 и летом 1696 годов. Так, наконец, было и в начале марта 1697 года, когда 250 человек отправились за границу в составе так называемого Великого посольства.

Великими послами именовались три человека — Франц Лефорт, Федор Алексеевич Головин и Прокопий Богданович Возницын, но фактически возглавлял посольство сам Петр, скрывавшийся под именем Петра Михайлова. Его сопровождал и бомбардир Преображенского полка Александр Меншиков, получивший чин четыре года назад и сравнивавшийся с Петром — бомбардиром того же полка.

Еще с 1693 года Меншиков сопровождал Петра повсюду, безотлучно находясь при нем и оставаясь, по мнению многих, возможным соперником Лефорта. Однако, умный и осторожный Меншиков предпочитал дружить с любезным Францем Яковлевичем и терпеливо ждал своего часа.

Путешествуя по европейским странам — Курляндии, Пруссии, Бранденбургу, Голландии, Англии, Австрии — Петр не только учился западной культуре и наукам, но и исподволь готовил перемены в личной жизни. Так, он поручил дяде Льву Кирилловичу Нарышкину и боярину Тихону Никитичу Стрешневу во время его отсутствия склонить Евдокию Федоровну к добровольному принятию монашества. Вторую часть своего плана Петр утаил: после пострижения Евдокии и заточения ее в монастырь, он хотел жениться на Анне Монс. Однако Нарышкин и Стрешнев в этом не преуспели.

Все, вроде бы шло хорошо, как вдруг заботы о семейных делах отступили на второй план: в середине августа 1698 года Петр получил известие, что в Москве произошел еще один Стрелецкий бунт. В тот же день он оставил Вену, и 25 августа уже примчался в Москву.

НОВЕЛЛА ДЕСЯТАЯ

Казни стрельцов и заточение Евдокии

Мчась в Москву, Петр уже знал, что мятеж, вспыхнувший 6 июня, был совершенно подавлен через две недели и что немедленно были казнены 57 главных его заводчиков, а четыре тысячи участников сосланы. Однако этого ему показалось совсем недостаточно, и он решил начать новое следствие. Оно привело на плаху и виселицу более тысячи человек, сотни стрельцов были изувечены, брошены в тюрьмы, усланы в медвежьи углы царства.

«Царь, Лефорт и Меншиков взяли каждый по топору. Петр приказал раздать топоры своим министрам и генералам. Когда же все были вооружены, всякий принялся за свою работу и отрубал головы. Меншиков приступил к делу так неловко, что царь надавал ему пощечин и показал, как должно отрубать головы»³ — свидетельствовал уже знакомый нам Георг Гельбиг.

Александр Данилович, способный к любому делу, тут же, на глазах у царя, немедленно исправился и к концу дня отрубил двадцать стрельецких голов да еще пристрелил одного из колесованных, чтобы прекратить его мучения. Последнее милосердное деяние, произвел он, впрочем, не по собственной инициативе, а по приказу Петра⁴. Как-то Петр с гордостью сказал, что он знает четырнадцать ремесел. Если это и так, то еще одно ремесло — ремесло палача — он тоже хорошо знал.

Петр лично участвовал в допросах и пытках, организовывал казни, но между этими занятиями не забывал и о своих личных делах.

Пробыв в первый день по приезде у Анны Монс, он лишь через неделю встретился с Евдокией. Причем не в ее кремлевских покоях и не у себя, а в доме одного из своих ближайших сотрудников — думного дьяка Андрея Андреевича Винуса. Разговор с женой ни к чему не привел — Евдокия наотрез отказалась уходить в монастырь и в тот же день попросила о заступничестве патриарха Адриана.

Патриарх заступился за царицу, но Петр накричал на семидесятилетнего иерарха, заявив, что это не его дело, и он, царь, никому не позволит вмешиваться в его семейные дела.

Через три недели Евдокию Федоровну посадили в закрытую карету и два солдата-преображенца отвезли ее в Суздаль. Есть свидетельство, что Петр даже хотел казнить Евдокию, но за нее заступился Лефорт и дело ограничилось заточением в монастырь⁵.

Ее силой постригли под именем Елены и, не обращая внимания на крики и слезы, заперли в тесную келью Покровского девичьего монастыря. Ей не дали ни копейки на содержание, и она была вынуждена просить деньги у своих опальных и обнищавших родственников: «Здесь ведь ничего нет: все гнилое. Хоть я вам и прискушна, да что же делать. Покамест жива, пожалуйста, поите, да кормите, да одевайте, нищую»⁶.

Со временем дела ее немного наладились — родственники сумели установить связь через ее духовника и местного архимандрита Досифея и стали регулярно пересылать ей деньги и вещи. Окружавшие несчастную царевну монахини прониклись к ней искренним сочувствием. Особенно тяжело переживала она разлуку с любимым сыном.

Так, в страданиях и обиде, без радостей надежд, прожила инокиня Елена первые десять лет своего монастырского заточения.

А теперь я намеренно нарушу хронологическое изложение событий и расскажу о том, что произошло через десять лет. А случилось вот что. Однажды дверь ее кельи открылась и на пороге появился духовник Евдокии Федоровны, бывший к тому же и ключарем-экономом монастыря, Федор Пустынный, а рядом с ним стоял высокий и статный тридцатисемилетний офицер-преображенец Степан Богданович Глебов. Евдокия знала его с раннего детства: Глебовы и Лопухины жили по соседству на Солянке, рядом с Ивановским монастырем. Евдокия и Степан были ровесниками, а их родственники служили Милославским — царю Ивану Алексеевичу и его жене Прасковье Федоровне, урожденной Салтыковой. Салтыковы и Глебовы так же были родней друг другу и потому, Степан Глебов, его родной брат Федор, два двоюродных брата, а также родной брат царицы Прасковьи Авраам Федорович и ее двоюродный брат Федор Лопухин одновременно служили стольниками царицы Прасковьи.

После того, как она овдовела и ее двор сильно сократился, все ее стольники перешли в другие службы, в том числе и ко двору Евдокии Федоровны, а Степан Богданович Глебов был поверстан в Преображенский полк подпоручиком и с 1693 года стал офицером.

В 1709 или в 1710 году, уже в звании майора, Глебов оказался в Суздале по делам службы: он приехал сюда набирать

рекрутов и заодно навестил свою сверстницу и давнюю знакомую. Глебов расспросил Евдокию о ее жизни и рассказал о своем неудачном браке, который длился уже шестнадцатый год, не принося ему никакой радости из-за болезни жены. «Болит у нее пуп и весь прогнил, все из него течет, жить с ней нельзя», — говорил Степан.

После первого свидания он передал Евдокии через Федора Пустынника две шкурки песцов, две шкурки соболей и отрез парчовой ткани. Посылки от него стали регулярно поступать несчастной узнице. А вскоре к Евдокии и Степану пришла любовь... О ней знали многие монахини, но ни одна из них не выдала любящих, понимая, чем все это может для них обернуться, если вдруг каким-либо образом бывшая царица снова окажется на престоле.

Год шел за годом, а любовь Евдокии и Степана все более крепла и расцветала, несмотря на то, что Глебов часто уезжал из Суздаля в разные концы России, то в свои подмосковные и костромские деревни, то на Украину, то в другие места. Но сердце его всегда оставалось с Евдокией — в келье Покровского девичьего монастыря. Она же безмерно скучая, писала ему письма, и в каждом из них звала: «Не покинь ты меня, ради Господа Бога, сюда добивайся!» Евдокия Федоровна мечтала, чтобы бывший стольник, а ныне майор гвардии Степан Богданович Глебов вымолил бы у царя место воеводы в Суздале и тогда они были бы счастливее всех на свете. Но годы шли, а Глебов оказывался возле нее не так-то уж часто...

НОВЕЛЛА ОДИННАДЦАТАЯ

«Всешутейшие и всепьянейшие соборы»

А теперь, оставив Степана Глебова и Евдокию Федоровну, возвратимся к царю Петру, к тому времени, когда он заточил ненавистную ему жену в монастырь, а сам с головой окунулся в сугубый разгул.

Своим пьяным развлечениям Петр придал некое устроение, собственноручно написав устав своеобразного шутовского ордена и назвав его «сумасброднейшим, всешутейшим и всепьянейшим собором». Петр сам сочинил и чины, то есть порядок и обряды избрания и поставления новых членов «собора», и всякий раз составлял программу очередного собрания, вдаваясь в мельчайшие детали его проведения.

Первый такой «собор» прошел после смерти десятого и последнего патриарха Адриана — ярого сторонника старины и откровенного противника петровских новшеств. Петр платил Адриану откровенной неприязнью и не побоялся после

его смерти упразднить патриаршество, заменив этот институт Святейшим Синодом, да и то через двадцать лет. А чтобы унижить Адриана, учинил издевательское действо, поставив во главе «собора» князь-папу Никиту Моисеевича Зотова, наряженного в патриаршие ризы. В этом шутовском звании он пробыл до дня смерти, последовавшей в 1717 году. Затем до 1723 года князь-папой был Петр Иванович Бутурлин. Вторым лицом «собора» стал князь-кесарь Федор Юрьевич Ромодановский, одетый в гротескный царский средневековый наряд. Папу и кесаря окружал целый синклит придворных и многочисленный причт в шутовских и маскарадных костюмах.

Забегая вперед, отметим, что, когда в 1714 году первому князь-папе, а тогда уже графу, тайному советнику и генерал-президенту Тайной канцелярии Зотову было велено готовиться к свадьбе, расписанной Петром по обычаям «собора», в перечне одеяний, в которых должны были явиться гости, значились следующие: жених — в кардинальском, кесарь — в царском, Меншиков, Апрашкин, Брюс, Вейде, Фицтум — в платье гамбургских бурмистров, господин вице-адмирал (т.е. сам Петр), Бутурлин, Трубецкой, Склеяев — в платьях разной манеры. Далее шел перечень князей, графов, баронов, генералов и иностранных резидентов в китайских, венецианских, турецких, немецких, венгерских, польских, русских, калмыцких, норвежских, армянских, тунгусских, македонских и лопарских платьях. Особо оговаривалось, кому быть в нарядах скороходов, архиепископов, рудокопов, немецких пастухов, ассесоров, лифляндских рыцарей, офицеров, докторов, матросов, корабельных мастеров, прусских почтальонов, старообрядцев, дровосеков, немецких крестьян, монахов-бернардинцев, рудокопов, рыбаков, шкиперов, китобоев, попов, и лютеранских пасторов. Оговаривалось поименно, кто из ряженных должен играть на рылейках (трехструнных гусях), дудочках, свирелях, рожках и больших рогах, на модных тарелках, скрипках, цитрах, флейтах, а также свистеть соловьями.

В перечне приглашенных значилось около двухсот мужчин и тридцать семь дам во главе с царицей Екатериной I. Особо отмечены в приглашении «госпожа архиерейша Бутурлина и госпожа князь-игуменя Ржевская».

Петр не только составил список приглашенных на свадьбу князь-папы Зотова, но и велел большинству из них, проживавших тогда в Петербурге, ехать в Москву. В первопрестольной почти весь январь 1715 года прошел в маскарадных шествиях, забавах и шутовстве. На улицы Москвы выставили сотни бочек вина и пива и длинные ряды столов с разными яст-

вами. Гостей к столам скликали отборнейшие заики, причем текст приглашения тоже написал Петр.

В день венчания звонили колокола всех московских церквей, и их звон сливался с какофонией огромного оркестра ряженных, шедших в Архангельский собор. Там девяностолетний священник обвенчал молодых, и они выехали из Кремля под звуки оркестра, гул колоколов и рев пьяной толпы: «Патриарх женился!»

На свадьбе присутствовали все члены «собора» и другие приглашенные. Примечательно, что женитьба Зотова состоялась, когда ему исполнилось семьдесят лет. Он очень устал от своей весьма своеобразной службы и просил Петра отпустить его в монастырь. Однако вместо этого царь велел Зотову жениться и приказал выбрать будущую жену из московских вдов.

Его женой стала Анна Еремеевна Стремоухова, урожденная Пашкова, офицерская вдова, ненамного моложе своего нового мужа. Когда он через три года умер, Анна Еремеевна вышла замуж в третий раз, остановив свой выбор на новом князь-папе — Петре Ивановиче Бутурлине. Однако и здесь Анну Еремеевну постигла неудача — в середине 1723 года, опившись и объевшись на очередном «соборе», и третий ее муж умер.

За сорок дней до собственной смерти, 19 декабря 1724 года, Петр вновь намеревался созвать «собор», чтобы произвести «чин нового избрания». «Всесвятейшим, всешутейшим патриархом Кукуйским, Прешбургским, Заяузским и от великих Мытищ» Петр планировал избрать одного из основателей «собора», графа и сенатора Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина. Однако, выполнить монаршее предначертание Мусин-Пушкин не успел — помешала смерть главного затейника всех этих дел — «смирненного протодиакона Петра Михайлова».

Вторым чином на иерархической лестнице «собора» был князь-кесарь. Сначала этот сан носил Федор Юрьевич Ромодановский, называвшийся еще и «потешным генералиссимусом четырех выборных потешных полков и прешбургским королем».

Вспомним крепость Прешбург, построенную возле села Преображенского на реке Яузе в 1685 году. Именно там нередко и собирался «сумасброднейший, всешутейший и всепьянейший собор». Вспомним также, что в селе Преображенском размещался пыточный Преображенский приказ, начальником которого тоже был Федор Юрьевич. А уж в последнем своем качестве он навел ужас на всю Москву, и в особенности, в отсутствие Петра, когда князь-кесарь замещал царя.

Не случайно, все другие члены «собора» страшились Ромодановского и заискивали перед ним.

Ромодановский и Зотов умерли в одном и том же году. О преемнике Зотова мы уже знаем, а место князь-кесаря Петр

попросил заступить сына умершего — Ивана Федоровича. Ему же был поручен и Преображенский приказ.

Иерархия внутри «собора» напоминала церковную — после двух первых лиц шли митрополиты — владыки различных городов, после них — протодиаконы, диаконы, и т.д. По мере роста заслуг в шутовстве и пьянстве «собор» коллегиально повышал своих членов. Так, сам царь был «протодиаконом Петром Михайловым», а митрополитом «царствующего и великого града Санкт-Петербурга, Ижорской и Кроншлотской Ингерманландии» числился по 1717 год Петр Бутурлин.

Состав «собора», действовавшего более четверти века, конечно же менялся. Однако можно назвать тех, кто состоял в нем почти все время его существования: Лефорт, Меншиков, Готовцев, Семен Бехтеев, П.И. и И.И. Бутурлины, брат Меншикова — Гаврила, Г.И. Головкин, И.А. Мусин-Пушкин, Ф.П. Шереметев, Ю. Шербатов, М. Кольчев, М. Собакин, Я. Лобанов, М.А. Головин, В. Ржевский, А. Савелов, И. Денисов, Ф. Протасьев, М.В. Оболенский, И.Р. Стрешнев, Л. Воейков, И. Чириков, П. Муханов, Ф.М. Апраксин, А.Я. Хилков, Н.И. Репнин, Ф.А. Головин, Шемякин, П.И. Прозоровский, Т.Б. Юшков, Я. Тургенев, Колтовский, Б. Полибин, Губин, Тиматов, Ключарев, Козырев, Г. Кашнин, Траханиотов, И. Лосев, О. Метлин⁷.

Даже беглое знакомство со списком свидетельствует о простоте состава «собора». Если Бутурлин почти ничем кроме шутовства и пьянства не отличился, то его племянники — Иван Иванович и Александр Борисович стали известными военачальниками. Первый дослужился до чина генерал-аншефа, второй стал генерал-фельдмаршалом, московским генерал-губернатором, получив в 1760 году титул графа. (Далее мы узнаем и о том, что Александр Борисович был одним из любовников цесаревны Елизаветы Петровны, что сказалось и на его служебной карьере.)

Не менее убедительны и имена Лефорта, Меншикова, Ромодановских, Головина, Головкина, Шереметева, Мусина-Пушкина, Апраксина, Репнина и некоторых других, бывших подлинными сподвижниками Петра.

А теперь о женской части «собора».

Князь-игуменьей была Дарья Гавриловна Ржевская, урожденная Соковнина, разбитная, бойкая на язык, угодливая баба-шутиха, пользовавшаяся благоволением Петра и ставшая его доверенным лицом при молодой жене царевича Алексея Петровича Софье-Шарлотте.

Софья-Шарлотта много раз просила своего августейшего тестя убрать от нее эту пьяницу и доносчицу, специально при-

ставленную для сбора сплетен и соглядатайства, но Петр всякий раз оставлял ее просьбы без ответа.

Распущенную, почти всегда пьяную князь-игуменью Дарью Гавриловну Ржевскую, едва ли не превзошла такими же качествами ее родная дочь Евдокия. В 1708 году пятнадцатилетней девочкой попала Евдокия в постель к Петру, а через два года Петр пристроил ее, выдав замуж за своего любимца, бывшего денщика, а в ту пору тридцативосьмилетнего бригадира Григория Петровича Чернышова, родоначальника графской фамилии. Муж Евдокии был храбр, честолюбив и прославился многими подвигами в Северной войне: участвовал в штурмах десятка крепостей, взял в плен коменданта Нарвы генерала Горна, был много раз ранен. Свою женитьбу на царской фаворитке он расценивал как награду за боевые подвиги. Евдокия принесла бедному бригадиру немалое приданое, да и Петр одарил молодых богатыми подарками. Петр и потом долгие годы сохранял с нею прежнюю связь и, как утверждали, был отцом шести ее детей — трех сыновей и трех дочерей. Однако, учитывая необыкновенно легкий нрав Евдокии, отцом этих детей мог быть и любой другой из ее угодников.

Первый сын Евдокии, названный Петром, родился в Петербурге 24 марта 1712 года, и его крестным отцом стал царь Петр Алексеевич. Мальчику еще не было четырех лет, когда его уже зачислили в Преображенский полк «во внимание к родителям». Детство свое провел он при голштинском дворе, а, вернувшись в Россию, нес одновременно придворную и дипломатическую службу, добившись в последней немалых успехов. Петр Григорьевич был русским послом в Дании, Пруссии, Англии и Франции. Постоянное благоволение к нему преемников Петра — Анны Ивановны, Петра III и Екатерины II служило для многих доказательством его высокого происхождения.

Второго сына Евдокии — Захара — тоже не без оснований причисляли к сыновьям Петра I. Он родился 18 марта 1722 года, и его карьера напоминала путь, пройденный старшим братом. Он дослужился до чина генерал-фельдмаршала, был главнокомандующим Москвы и наместником в Белоруссии. Захар Григорьевич заслужил особое к себе расположение великой княгини Екатерины Алексеевны — будущей императрицы Екатерины II. Однако, об этом — в свое время и на своем месте.

Третий сын Евдокии Чернышовой, появившийся уже после смерти Петра I, Иван Григорьевич, тоже не уступил своим братьям в карьере — он дожил почти до конца века и в семьдесят лет стал президентом Адмиралтейской коллегии и генерал-фельдмаршалом от флота.

Отношение Петра и Евдокии Чернышовой, носившей во «всешутейшем и всепьянейшем соборе» кличку «Авдотьи бой-бабы», сильно переменялись в худшую сторону после того, как Петр посчитал ее виновницей своей болезни — гонореи. Царь велел мужу Евдокии выпороть ее за то, что она его заразила.

И все же Евдокия Чернышова не была второй дамой в «соборе». Она упомянута здесь после князь-игуменьи только потому, что являлась ее родной дочерью.

Второй дамой была ее величество государыня князь-цесаревна Ромодановская, третьей — архиигуменья Стрешнева, ставшая после смерти Ржевской князь-игуменьей; затем шла игуменья — княгиня Анастасия Петровна Голицына, урожденная княжна Прозоровская, и, наконец, госпожа адмиральша Михайлова, то есть царица Екатерина I.

Здесь названы важнейшие «старицы», а кроме них в женскую часть входили послушницы и богомолки, смиренные грешницы, завлекаемые в этот содом от случая к случаю.

Через него прошли многие сестры, дочери и жены самих членов «собора», их дальние родственницы и просто знакомые девицы и женщины, если они отличались миловидностью и могли понравиться «протодиакону Петру Михайлову» и его причту.

Участницами «собора» были и девицы Аресеньевы, и сестры Меншиковы, и многие иные «инокини».

О легкости нравов, царивших в «соборе», свидетельствуют рассказы современников и некоторые, правда, немногочисленные, документы. Вот один из них, показавшийся автору достаточно красноречивым. Это покаянное письмо петербургского митрополита Петра Бутурлина, носившего прозвище Корчага, «протодиакону Петру Михайлову» от 15 февраля 1708 года: «Преосвященный Петро Корчага провинился в том, что против своего обещания, уже в другой ряд занял двор, против указу, и ныне в том просит прощения, с таким закладом: ежели паки также провинится, то отдает в послужение, на несколько времени, во всякую волю жену свою Аксинью Михайловну, которую пред тем в крайнем угождении имел окольный Иван Иванович Чаадаев, несмотря на то, что она ему невестка была. Петр Бутурлин.»⁹

А теперь, вкратце, о чине избрания и чине поставления. Обе церемонии были разработаны самим Петром. В них участвовали: 1) искусные свистуны, подражатели птичьему пению, набранные из разных мест; 2) синодальные певчие; 3) певчие государевы; 4) подстенная братия; 5) диаконы; 6) попы; 7) монахи знатные; 8) архимандриты и суфреганы (епископы).

скопы-викарии); 9) князь-папинские служители; 10) Бахус, несомый монахами великой обители, и ковш, несомый от плешивых; 11) архижрецы по одному.

К собравшимся выходили три претендента на вакансию князь-папы и «да посалятся в особой каморе на прорезанных стульях. Тогда от собора посылаются папины — архидиакон, ключарь и протодиакон (последний — сам Петр) свидетельствовать их крепким осязанием. Они же, осязая, воскликнут: «Габет, габет, габет — форамен!»

Такая церемония, как полагали некоторые историки — Вольтер, Е. Гримм, В. А. Бильбасов и другие, — изображала пародию на избрание римских пап. После того, как в 855 году на ватиканском троне под именем Иоанна VIII оказалась женщина — немка из Майнца по имени Гильберта, ловко выдавшая себя за монаха-мужчину, было решено впредь проверять пол новых претендентов на папский престол. Именно это и делалось на «всешутейшем и всепьянейшем соборе».

Убедившись, что все три претендента имеют мужское естество, члены «собора» шли к князь-игуменье, держа в руках по два куриных яйца «одно — белое, а другое — черное» и, явившись, целовали «оную в перси».

Голосование проводилось яйцами. Кто из претендентов получал наименьшее число черных яиц, тот и становился князь-папой.

На избранного надевали папскую митру и мантию, и плешивые, посадив его в носилки, несли на своих головах к трону, после чего пели ему многолетие.

Князь-папа, сидя на троне, держал в руках орла — огромный кубок с вином. Остальные подходили к нему, целуя руку, а «такое ж и в ... под лоном»¹⁰. «И пьют из десницы в знак присяги верности закона.»

После этого сажали новоизбранного в огромный ковш и провожали всем «собором» к его дому. А там опускали князь-папу в чан, наполненный пивом и вином, «и пив из онаго, расходятся».

На вопрос князь-кесаря: «Какое содержиши закон Бахусов, и во оном подвизаешься?», новый папа отвечал: «Восстав по утру, еще в потемках, а иногда и в полночь, испиваю две, или три чары. И продолжающееся время препровождаю таким же образом. Когда же придет время обеда, пью по чашке немалой, переменяя разные пития, паче же вином, так как оно — лучшее и любезнейшее Бахусово питье, и им я чрево свое, как бочку добре наполняю; так что иногда и еду проношу мимо рта из-за дрожания десницы моей, и из-за того, что пью до потемнения в очах моих и собственной руки от этого

не вижу. И так всегда творю. И учить такому же паству мою обещаю. Мыслящих же по-другому — отвергаю, и отчуждаю от себя, и матерю всех пьяноборцев. А я, как только что говорил, все это буду совершать до скончания моей жизни с помощью отца нашего Бахуса.

В нем же живем, а иногда и с места не движемся, и есть ли мы, или нет нас — не ведаем. А я желаю тебе, отцу моему, и всему нашему собору все это получить. Аминь»¹¹.

После этого князь-кесарь говорил: «Пьянство Бахусово да будет с тобою, затемневающее, и дрожающее, и валяющее, и безумствующее тебя во все дни жизни твоей!», а новый князь-папа, упав на колени, клал голову, руки и грудь на лежащую перед ним винную бочку и слушал песнь Бахусову. Затем архи-жрецы облачали его в папский наряд, кропили ему лицо, голову, руки и читали молитву: «Во имя всех кабаков, во имя всех табаков, во имя всех водок, во имя всех вин, во имя всех каразинов, во имя всех браг, во имя всех бочек, во имя всех ендов, во имя всех ковшей, во имя всех плошек, во имя всех чарок, во имя всех стаканов, тако же во имя собранных вкупе канарейки, синицы, жаворонка, снегиря, соловья, чайки сойки, грача, лебедя, ворона, сокола, кречета, орла великого, корабля и кита, носящего их». (Имена птиц носили разномерные сосуды, предназначенные для питья вин.)

И наконец, надев на князь-папу митру, сажали его на трон, а он вкушал из орла вино и подавал кубок всем присутствующим.

Так проходили чин избрания и чин поставления, а прочие возлияния по разным поводам мало чем отличались друг от друга.

НОВЕЛЛА ДВЕНАДЦАТАЯ

Девушка Анна Монс

А теперь вернемся в 1698 год, когда Петр подавил стрелецкий мятеж, заодно расправившись и с опостылевшей Евдокией. Заточение законной супруги в монастырь развязало руки Петру, и он стал серьезно помышлять о женитьбе на Анне Монс. Осенью того же года Петр уехал на кораблестроительные верфи под Воронеж, а за себя в Москве оставил «любезного друга Франца».

По возвращении Петра начались пиры и праздники в честь подавления бунта. Они проходили в новом дворце Лefорта, построенном во время путешествия царя по Европе и по его распоряжению архитектором Аксалитовым в лучших традициях русского зодчества, в стиле «нарышкинского ба-

рокко». Главная часть дворца, с центральным залом высотой более двадцати метров была обращена в сад. Множество других залов напоминали музей искусств: в них были собраны китайские вазы и коллекции фарфора, батальная живопись и модели кораблей, образцы оружия и доспехов...

12 февраля 1699 года необычайно пышно и торжественно было отпраздновано новоселье, а еще через десять дней Лефорт заболел горячкой, а точнее общим заражение крови, и 2 марта умер.

Петр сильно горевал, смерть лишила его преданнейшего и любимейшего соратника и друга. Но она же и положила конец двусмысленным отношениям с Анной Монс. Она теперь, кажется, стала полностью принадлежать Петру.

Звезда Лефорта угасла, но тут же на дворцовом небосклоне круто поднялось в зенит новое светило — Меншиков. Сохраняя безусловную верность и преданность Петру, Александр Данилович придерживался и тех, кто был мил сердцу царя, но мгновенно отказывался от своих привязанностей, как только таковые менялись у царя. Пока царь любил Анну Монс, Меншиков столь же пылко ее обожал, всячески разжигая их чувства друг к другу.

В конце апреля 1699 года Петр в последний раз отправился под Азов. От этого времени сохранилось пять писем Анны к нему.

В письмах Анна Монс предстает расчетливой, холодной, предприимчивой мещанкой. Ее послания содержат ходатайства и просьбы, чаще всего имущественного или юридического характера. Она просит за одних, за других, не забывая, впрочем, и себя со своими родственниками.

Возвращение Петра в Москву ничего не изменило в его отношениях с Анной, и если бы не начавшаяся вскоре война со Швецией, то, может быть, Анна Ивановна и стала бы русской царицей, как немного позже случилось это с другой возлюбленной Петра — Мартой Скавронской, вошедшей в историю под именем Екатерины I.

Итак, 19 августа 1700 года Россия объявила войну Швеции, начав самую продолжительную в своей истории Северную войну, длившуюся двадцать один год. 22 августа Петр отправился на театр военных действий к Нарве. 19 ноября русские войска потерпели там серьезнейшее поражение, но Петр не опустил рук и с еще большей энергией продолжал начатое дело. Тема этой книги не позволяет подробно останавливаться на истории военной или политической, если, по крайней мере, события не связаны с перепитиями личной жизни наших героев. Поэтому и сейчас речь пойдет об одном эпизоде.

без которого не случилось бы крутого поворота в отношениях Петра и Анны Монс.

Однажды, в апрельский вечер 1703 года, царь прогуливался с саксонским посланником Кенигсеком возле стен осажденной шведской крепости Нотебург (потом Петр переименовал ее в Шлиссельбург). Вдруг Кенигсек поскользнулся на бревне, переброшенном через ручей, и на глазах Петра рухнул в воду лицом вниз. К нему на помощь тут же кинулись солдаты, но опоздали — саксонский посланник захлебнулся и откачать его не удалось.

Когда утопленника вытащили из ручья, у него в карманах обнаружили целую пачку писем Анны Монс, в которых, как писал академик Герард Фридрих Миллер, она «слишком ясно выражала свою преступную любовь к Кенигсеку»¹². У Кенигсека оказался и миниатюрный живописный портрет Анны.

Петр тотчас же приказал приставить к дому Анны Монс крепкий караул и никого к ней не пускать. Догадываясь о причине немилости, Анна пыталась во что бы то ни стало вернуть к себе расположение царя и пробовала сделать это при помощи колдовства, чародейства, приворотных зелий, заговоренных перстней и тому подобной каббалистики.

Опала над всем семейством Монсов продолжалась до 1707 года и прекратилась из-за вмешательства прусского резидента Георга Иоганна фон Кайзерлинга, который, как и Кенигсек, сопровождал Петра на войне. 10 июля 1707 года неподалеку от Люблина, где стояла тогда главная квартира русской армии, Кайзерлинг объявил Петру, что Анна Монс — его невеста и потому он просит разрешения на брак с ней.

Петр ответил ему так:

— Я воспитывал девицу Монс для себя, с искренним намерением жениться на ней, но так как она вами прельщена и развращена, то я ни о ней, ни о ее родственниках ничего ни слышать, ни знать не хочу.

Присутствовавший при этом Меншиков добавил:

— Девка Монс действительно подлая, публичная женщина, с которой я сам развратничал столько же, сколько и ты.

В ответ Кайзерлинг полез драться, но Петр и Меншиков спустили его вниз по лестнице.

Упрямый пруссак все же добился своего, но только четыре года спустя после этого происшествия. Он обвенчался с Анной в июне 1711 года, однако через полгода умер. Анна пережила его не намного: она скончалась в Немецкой слободе 15 августа 1714 года.

НОВЕЛЛА ТРИНАДЦАТАЯ

Марта Трубачева-Скавронская-Веселевская

Может показаться удивительной та легкость, с которой Петр отнесся к неверной Анне и еще более необъяснимой мягкость, проявленная к ней. Но если проанализировать психологический контекст отношений Петра к близким ему людям, то бросится в глаза, что он умел прощать тех, кого искренне любил, хотя за гораздо меньшие проступки прежде всего карал немилых, опостылевших ему людей, от которых желал избавиться. Видимо, поэтому многие его поступки казались немотивированными. Если же прибавить к этому необузданность нрава, абсолютную власть над жизнью и смертью подданных и иступленную жестокость в сочетании с непоколебимой уверенностью в божественности его монаршей воли карать и миловать, то многое становится на свои места и получает объяснение.

А применительно к случаю с Анной Монс следует иметь в виду и то обстоятельство, что тогда Петр был очень занят военными делами, потом закладкой новой Петропавловской крепости, из которой выросла будущая столица России — Санкт-Петербург. Затем последовал и главный роман в жизни Петра — встреча и любовь с Екатериной, будущей женой и императрицей.

Существует несколько версий происхождения Екатерины и начала их знакомства. Одну из них излагает француз Франц Вильбуа, служивший в русском флоте с момента его создания, а впоследствии — вице-адмирал.

Он оставил интересные «Записки», касающиеся многих событий первой четверти XVIII века, свидетелем которых был сам, или о которых ему довелось слышать. Вильбуа был близок Петру и Екатерине, долго служил у царя адъютантом. Петр сосватал и женил француза на фрейлине Екатерины, старшей дочери пастора Эрнста Глюка — Елизавете, с которой будущая русская царица росла с трех до шестнадцати лет в семье Глюка, удочерившего маленькую сироту Марту¹³. Вильбуа дружил и с семьей младшей сестры своей жены — Дарьи Глюк, вышедшей в России замуж за обергофмейстера царского двора Дмитрия Андреевича Шепелева.

Таким образом, у Вильбуа оказалась уникальная информация о детстве и юности Екатерины, в католическом крещении — Марты. По свидетельству Вильбуа, родители Марты умерли от чумы, когда девочке было три года. Ее подобрал протестантский пастор города Мариенбурга Даут и взял к себе в дом. Однако эпидемия чумы выкосила и эту семью: оста-

лась в живых лишь сирота Марта. И во второй раз девочку подобрал священник, приехавший в Мариенбург принять опустевший приход. Это был Эрнст Глюк.

В семье пастора Марта находилась на положении полувоспитанницы-полуслужанки: вместе с тремя дочерьми пастора училась чтению и письму по-немецки, рукоделию и ведению хозяйства.

Уже знакомый нам Гельбиг несколько по иному описывает начальный период жизни первой русской императрицы. Некоторые разночтения вносит в этот сюжет и известный историк Казимир Валишевский, но все они вместе — Вильбуа, Валишевский и Гельбиг, дополняя друг друга, рисуют следующую картину.

Относительно происхождения будущей русской царицы Екатерины I существует несколько версий, но точные сведения до сих пор отсутствуют. Одна из наиболее распространенных состоит в том, что ее мать была крепостной немецкого дворянина Альвендаля и от мимолетной связи со своим господином понесла будущую российскую императрицу. По сообщению Гельбига отец Екатерины — литовский крестьянин по имени Самуил — не имел фамилии, как и большинство крепостных в Литве и Польше, а, стало быть, и его дочь тоже была бесфамильной. Он жил в одной из деревень графов Сапега неподалеку от ливляндской границы. У Самуила было четверо детей — сын Карл и дочери Марта, Христина и Анна, — крещенные по католическому обряду.

Вскоре после рождения последней дочери Самуил умер и его осиротевшая семья переехала в Ливляндию, принадлежавшую тогда Швеции, в деревню Ленневарден на речке Румбе.

По довольно достоверным источникам Марта родилась 5 апреля 1686 года. Из-за бедности мать устроила девочку к лютеранскому пастору в местечко Рооп, а затем к пастору Эрнсту Глюку¹⁴ в Мариенбург (ныне латвийский город Алуксне).

Из-за того, что вопрос о происхождении Екатерины невыяснен и многие данные противоречивы, дальнейшее повествование может показаться и нелогичным, и не согласующимся. И все же я предложу главные версии, существующие на сегодня в исторической науке.

По свидетельству современников, в молодости Екатерина не отличалась особой красотой, была смуглой, коренастой, полной, но необычайно симпатичной, располагающей с себе девушкой, которая нравилась многим мужчинам. Не отличалась она и чрезмерной строгостью, почему целомудренный пастор Глюк решил положить конец фривольным приключениям своей воспитанницы и предложил ей найти себе жени-

ха. Марта выбрала парня, который ей нравился, да и ему она была по душе. Таким образом состоялся брак по любви, и была сыграна небогатая, но веселая свадьба.

Муж Марты — Иоганн Крузе, — судя по фамилии и имени, немец, — служил в местном гарнизоне. И, очевидно, был трубачом, потому что сразу после свадьбы Марту стали называть «Трубачевой». Это прозвище на первых порах заменяло ей фамилию. Но их семейная жизнь продолжалась лишь несколько дней — Иоганн ушел со своим отрядом в поход, а вскоре, 25 августа 1702 года, в Мариенбург вошли войска Бориса Петровича Шереметева, и, волею случая, Марта оказалась в его доме. Молодая служанка ненадолго стала любовницей пятидесятилетнего фельдмаршала, но тот вскоре уступил ее своему гостю — женолюбу и сладострастнику Меншикову, которому прекрасная Марта попала на глаза. (Известный русский историк князь П. В. Долгоруков, перечисляя любовников Марты в Мариенбурге, называет последовательно генерала Родиона Христиановича Бауэра (Боура), Шереметева и Меншикова).

Когда Меншиков привез Марту в Москву, ее именовали Веселевской. Разгадка тому содержится в письме П. М. Бестужева-Рюмина, посланном Екатерине 25 июня 1715 года. Он писал, что отыскал «в Крымборхе фамилию Веселевских». В частности, у некоего курляндца Вильгельма Гана были четыре сестры. Первая — Екатерина — вышла замуж за Яна Веселевского; вторая — Доротея — «была за Сковородским», т. е. Скавронским. У Доротеи были сыновья — Карл и Фридрих — и четыре дочери Анна, Доротея, еще Анна и Екатерина. Эта-то Екатерина и жила в Кройсбурге (он же Крышборк, Крымборх, Крейсбурх) «у тетки своей Марии-Анны Веселевской, которую в двенадцать лет возраста взял в Лифляндии шведский мариенбургский пастор». Далее Бестужев сообщал сведения и о других членах этой фамилии, причем отмечал, что многие из них умерли в поветрие, т. е. во время чумы¹⁵.

Так, мало-помалу, вырисовывались забытые и самой Мартой эпизоды ее раннего детства. А может быть, ей и не очень-то хотелось, чтобы горькая и суровая правда о первых годах ее нищенской и сиротской жизни сделалась достоянием князей и генералов, окружавших трон ее мужа, пока еще невенчанного с ней.

Все это выяснялось потом, а в 1703 году Меншиков с гордостью показывал свою новую служанку-наложницу, приходившим к нему в дом друзьям и собутыльникам, но усиленно скрывал ее от Петра, так как понимал, что попадись Марта на глаза царю, он тотчас лишится своей услады.

Но однажды Меншиков во время попойки с царем проболтался о прелестной любовнице. Петр велел немедленно показать ему девушку. Тут-то и увидел Петр свою суженую — шестнадцатилетнюю, пухленькую, с необычайно живыми черными глазами и совершенно необъятным бюстом. Девушка мыла окна и, не замечая царя, легко перескакивала с подоконника на подоконник.

Царь увез Марту с собой, спрятав ее от всех в маленьком домике на окраине столицы. Только наиболее близкие ему люди знали, кем на самом деле является для их государя эта юная с тужанка, официально значившаяся женой придворного конюха. Скоро Марта была введена Петром и Меншиковым в круг близких друзей и родственниц царя и его фаворита.

Скрупулезный и добросовестный историк Г.В.Есипов, исследовав все доступные ему источники, также считает, что знакомство Шереметева с Мартой Скавронской произошло в Мариенбурге, а вот уход ее от старого фельдмаршала к Меншикову относит к концу 1703 года, когда Меншиков, приехав в Москву, оказался в гостях у Шереметева. Знакомство же Петра с Мартой Есипов определяет 1 марта 1704 года, ссылаясь на ее письмо к Петру от 8 апреля 1717 года, в котором говорилось: «Желаю ведать, изволили ли ваша милость в 5-е число апреля (день рождения Екатерины) выкушать по рюмке водки, так же как в 1-е число марта. А я чаю, что изволили запомнить: прошу мне отписать»¹⁶.

Новый роман Петра не походил ни на один из его предыдущих: от шестнадцатилетней литовской крестьянки тридцатидвухлетний царь потерял голову. Он не считал ее простой наперсницей, но видел в ней будущую жену, тем более, что она скоро забеременела и родила близнецов — Петра и Павла, умерших в младенчестве. И потому уже в 1705 году Петр предложил своей будущей жене и матери двух сыновей принять православие.

К этому времени и сама она прекрасно понимала, что Россия стала для нее новой родиной, где ей предстоит прожить еще очень долго. «Для того, — писал историк К.И.Арсенев, — оставила веру своей родины и приняла православие; усердно начала изучение русского языка и скоро преуспела в нем так, что казалось, будто всегда принадлежала к великой семье русского народа.»¹⁷

Решив крестить Марту Скавронскую по православному обряду, Петр уже в 1705 году имел на нее далеко идущие планы, намереваясь в дальнейшем сделать ее и своей женой и русской царицей. Об этом красноречиво свидетельствует хотя бы то, что крестным отцом Марты, получившей новое имя

Екатерины, стал сын Петра — пятнадцатилетний царевич Алексей, а крестной матерью — сводная сестра царя Екатерина Алексеевна — сорокасемилетняя дочь Алексея Михайловича и Марии Милославской. Отчество Екатерины получила от имени крестного отца — Алексеевна.

С этого времени все, кто знал ее, резко изменили отношение к ней, ибо теперь перед ними была крестная дочь царевича и царевны и, наверное, будущая государыня.

Даже Меншиков изменил тон, и, оставаясь ближайшим другом Екатерины, стал вместе с тем и почтительным подданным.

А между тем новообращенная Екатерина и ее прежние товарищи продолжали жить одной компанией сначала при дворе любимой сестры Петра — Натальи Алексеевны, а потом во дворце Меншикова. Они не были домоседками и часто уезжали к царю в Нарву, Смоленск, Витебск, Петербург.

В эту тесную, сплоченную и веселую корпорацию входили сестры Меншикова — Марья и Анна Даниловны, две сестры Арсеньевы — Дарья и Варвара Михайловны, Анисья Кирилловна Толстая. Из них Дарья Арсеньева была в связи с Меншиковым. В сентябре 1705 года Меншиков писал к ней: «Для Бога, Дарья Михайловна, принуждай сестру, (сестру Меншикова) чтоб она училась непрестанно как русскому, так и немецкому ученью, чтоб даром время не проходило».¹⁸

А 6 октября 1705 года в письме к Петру подписались: «Анна Меншикова, Варвара (Арсеньева), Катерина сама третья¹⁹, Тетка несмышленная (Толстая), Дарья Глупая (Арсеньева). За сим Петр и Павел благословления твоего прося, челом бьют»²⁰.

Известно, что в это время Меншиков еще не оставлял надежды обручить Петра с одной из своих сестер, но судьба уже благоволила Екатерине Алексеевне. В 1707 году у нее родилась первая дочь — Екатерина, скончавшаяся через год, а затем на свет появились еще две девочки: 27 января 1708 года — Анна, а 18 ноября 1709 года — Елизавета. Первой из них было суждено занять трон в голштинском герцогстве, а второй — стать российской императрицей.

НОВЕЛЛА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Служение Амуру и Марсу

А тем временем на северо-западе России продолжалась бесконечная война с конфузиями и викториями, штурмами и осадами крепостей, закладкой и строительством новых кораблей и фортеций.

Были взяты Шлиссельбург и Ниеншанц, а в мае 1703 года заложен Санкт-Петербург и тогда же одержана и первая мор-

ская победа, за которую капитан Петр Михайлов и поручик Александр Меншиков удостоены одинаковой награды — ордена Андрея Первозванного, первого и единственного российского ордена.

В октябре 1703 года Меншиков приехал в Москву и перевез девиц Арсеньевых в свой дом, где уже жили его сестры. Марию Даниловну Меншикову в декабре того же года выдали замуж за Алексея Алексеевича Головина, а за другую сестру — Анну — посватался один из денщиков Петра — Антон Эммануилович де Виейра, португальский еврей, в русских документах известный как Девиер. В юности он служил матросом на португальском корабле, оказавшемся в Голландии, когда там находился Петр I. Девиер прельстился придворной службой и начал ее скороходом у Меншикова. Однако скоро перешел к Петру, определившему ловкого еврея в гвардию, а затем и в свои денщики. Здесь Девиер настолько укрепился, что даже посмел свататься к сестре Меншикова.

Денщики Петра несли службу офицеров-ординарцев, числясь в свите государя. Звание денщика считалось выше камер-юнкерского, и многие из царских денщиков были офицерами гвардии. Пользуясь близостью к царю и его доверием, многие из них стали впоследствии сенаторами и генералами. Денщиками Петра были А.Б.Бутурлин, А.Д.Меншиков, И.М.Орлов, П.А.Толстой, Н.Ю.Трубецкой, В.И.Суворов, Г.П.Чернышов, П.И.Ягужинский, три брата Татищевых и др. Впоследствии положение и обязанности царских денщиков соответствовали званию и обязанностям флигель-адъютантов.

Тем не менее Меншиков отклонил сватовство Девиера, но тот не отступал, заявив, что девица Анна уже беременна от него и следует спешить с венчанием, чтобы не опозорить фамилию Меншиковых. Александр Данилович в ответ велел схватить жениха и бить его батогами. Избитый Девиер отправился к Петру с жалобой и просил у царя защиты. Петр взял сторону денщика и велел Меншикову вести сестру и Девиера в церковь на обручение. А чтобы доказать свое расположение к Девиеру и упрочить его положение, Петр сделал зятя Меншикова Санкт-Петербургским генерал-полицмейстером.

Что же касается Меншикова, то Петр велел и ему самому жениться на Дарье Михайловне Арсеньевой и обвенчал их 18 августа 1706 года в Киеве. Женитьба Меншикова на Арсеньевой уменьшала опасность интимной связи Александра Даниловича с Екатериной Алексеевной.

Через день Петр вместе с Екатериной и Анисьей Толстой уехали в Петербург. Супруги же Меншиковы остались при

войсках и начали осеннюю кампанию 1706 года в Польше и Саксонии.

В этой кампании 18 октября Меншиков разбил под Калишем корпус шведского генерала Мардефельдта, что ускорило пожалование ему союзным России австрийским императором титула Светлейшего князя Римской империи. Причем, в грамоте, подписанной императором Иосифом I, утверждалось происхождение нового князя от благородной литовской фамилии, что затем было перенесено из австрийской грамоты в русскую, которую Меншиков получил уже как русский князь.

Весь 1707 год Екатерина провела вместе с Петром в Польше, а весной следующего года приехала в Петербург. Петр же и Меншиков оставались на Украине, где в последующие полтора года одержали решающие победы над шведами в сражениях при Лесной, под Полтавой и Переволочной.

Перелом в Северной войне наступил в 1709 году. Небо Москвы в этот год не раз озарялось победными фейерверками. В июне 1710 года русские войска взяли Выборг, в июле — Ригу, в сентябре — Ревель (Таллинн).

А в Петербурге в это время происходили события, хотя и не имеющие отношения к военным делам, но касающиеся Прибалтийского региона. На авансцене семейной жизни Романовых появилась племянница Петра, семнадцатилетняя Анна Ивановна, которую тот решил выдать замуж за владельца соседней с Петербургом Курляндии — герцога Фридриха-Вильгельма — потомка последнего магистра Ливонского ордена Кеттлера. В августе 1710 года жених прибыл в Петербург. Петр подарил Фридриху-Вильгельму четыреста кавалеристов, а Меншиков — пятьдесят телохранителей, драгоценный сапфир и турецкого жеребца необычайной красоты.

Венчание молодых состоялось 31 октября. Празднества были нескончаемы, тем более, что началась другая свадьба — любимого карлика Петра — Якима Волкова. По приказу Петра из Москвы в Петербург привезли более тридцати лилипутов обоего пола, и они стали героями еще одного, двухнедельного, праздника. Рослого Петра забавляло, что он окружен такими маленькими людьми, и он всячески подчеркивал эту контрастность в шествиях, церемониях и гуляниях.

Среди этого разгула бесшабашного веселья 22 декабря 1710 года в Петербург пришло известие, что турецкий султан объявил войну России.

17 января 1711 года, оставив Меншикова в Петербурге, Петр и Екатерина выехали в Москву. Им предстояло серьезнейшее испытание — необычайно трудный и, как вскоре оказалось, несчастливый Прутский поход.

25 февраля в Успенском соборе был зачитан манифест об объявлении войны Османской империи. Но еще месяцем раньше из Риги на юг двинулись полки Шереметева, чуть позже выехал и сам командующий, а 6 марта из Москвы направился на театр военных действий и Петр.

В этот же день Петр тайно обвенчался с Екатериной, и теперь в поход с ним она впервые отправилась не как любовница Петра Михайлова, а как законная супруга царя. Правда, об этом знали только самые близкие Петру и Екатерине люди. Официально же Петр венчался с Екатериной почти через год — 19 февраля 1712 года после возвращения из Прутского похода и поездки в Польшу и Германию.

Необычайно сильная привязанность Петра к Екатерине объяснялась не только силой чувств, которые он долгие годы испытывал к ней.

Прусский резидент в Петербурге граф Г. В. Бассевич писал в своих «Записках»: «Она имела и власть над его чувствами, власть, которая производила почти чудеса. У него бывали иногда припадки меланхолии, когда им овладевала мрачная мысль, что хотят посягнуть на его особу. Самые приближенные к нему люди должны были трепетать его гнева. Появление их узнавали по судорожным движениям рта. Императрицу немедленно извещали о том. Она начинала говорить с ним, и звук ее голоса тотчас успокаивал его, потом она сажала его и брала, лаская, за голову, которую слегка почесывала. И он засыпал в несколько минут. Чтобы не нарушать его сна, она держала его голову на своей груди, сидя неподвижно в продолжении двух или трех часов. После того он просыпался совершенно свежим и бодрым. Между тем, прежде нежели она нашла такой простой способ успокаивать его, припадки эти были ужасом для его приближенных, причинили, говорят, несколько несчастий и всегда сопровождалась страшной головной болью, которая продолжалась целые дни. Известно, что Екатерина Алексеевна обязана всем не воспитанию, а душевным своим качествам. Поняв, что для нее достаточно исполнять важное свое назначение, она отвергла всякое другое образование, кроме основанного на опыте и размышлении»²¹.

Отправившись к армии, Петр находился в пути более трех месяцев. Столь долгое его путешествие от Москвы до Прута объяснялось тем, что по дороге он подолгу останавливался в разных городах, решая вопросы грядущей кампании и особенно основательно подготавливая и проводя дипломатические акции. К тому же из-за внезапной болезни пришлось остановиться в Луцке.

В Галиции, в местечке Ярославле, Петр встретился с молдавским господарем Дмитрием Кантемиром и 11 апреля 1711 года подписал с ним союзный договор, направленный против турок. Здесь же, 30 мая, Петр подписал договор с польским королем Августом II, специально для этого приехавшим в Ярославль.

И еще одно дело решилось во время пребывания Петра и Екатерины в Галиции: в местечке Яворово 19 апреля состоялось подписание брачного соглашения о женитьбе царевича Алексея Петровича на Софье-Шарлотте Брауншвейг-Вольфенбюттельской. По условиям договора невеста оставалась в своей прежней лютеранской вере, а будущим детям предстояло креститься по православному обряду.

В то время, когда Петр и Екатерина находились в походе, Алексей жил в семье своей семнадцатилетней невесты, в увеселительном замке Зальцдален около Брауншвейга, и писал своей мачехе: «Герцог-отец, дед и мать герцогини, моей невесты, обходятся со мною zelo ласково»²².

12 июня Петр и Екатерина прибыли в лагерь русских войск на Днестре, но полки Шереметева и он сам еще были в пути. Их марш к Днестру оказался очень трудным: стояла сильная жара, высушившая не только ручьи и озера, но и колодцы. К тому же саранча пожрала траву и от бескормицы пало множество лошадей, замедляя тем самым движение артиллерии и обозов. Провианта не хватало, ибо край подвергся разорению турками и союзными им татарами.

Наконец, дивизии Шереметева, Вейде и Репнина — общей численностью в 38 246 человек — соединились на берегу Прута и построили укрепленный лагерь. Скоро вокруг него сосредоточились неприятельские силы, в три раза превосходящие русские и союзные им молдавские войска князя Дмитрия Кантемира.

После двух штурмов, предпринятых турками 9 и 10 июля и с трудом отбитых русскими, Петр решил послать к великому визирю Махмет-паше парламентаря с предложением прекратить боевые действия и заключить перемирие. Великий визирь склонялся к миру, но крымский хан и генерал Понятовский — представитель Карла XII — настаивали на обратном.

Объективно, положение русских было катастрофическим: в лагере уже три дня не было ни куска хлеба, ни фунта мяса, а против 120 русских орудий неприятель выдвинул более 300. Петр очень нервничал. Он приказал Екатерине покинуть лагерь и скакать в Польшу, но она наотрез отказалась оставить мужа.

Между тем великий визирь сохранял молчание, и тогда в турецкий лагерь отправился Петр Павлович Шафиров. В инструкции, данной ему, Петр писал: «В трактовании с турками дана полная мочь господину Шафирову, ради некоторой главной причины...»²³ А этой главной причиной было спасение армии. Петр соглашался отдать туркам все завоеванные у них города, вернуть шведам Лифляндию и даже Псков, если того потребуют турки. Кроме того, Петр обещал дать Махмет-паше 150 тысяч рублей, а другим начальным людям еще более 80 тысяч.

Однако обещание выплаты столь огромной суммы было нереальным. В армейской казне таких денег не было. И тогда, спасая положение, Екатерина отдала на подкуп турецких сановников все свои драгоценности, а стоили они десятки тысяч золотых рублей²⁴.

Шафиров вручил эти драгоценности и деньги туркам, и они подписали мир на условиях, о которых Петр и не мечтал: дело ограничилось возвращением Турции Азова, Таганрога и еще двух городов да требованием пропустить в Швецию Карла XII. А турки обязались пропустить в Россию русскую армию.

В подтверждение готовности выполнить эти условия Шафиров и сын Шереметева — Михаил Борисович — должны были оставаться заложниками у турок. 11 июля они приехали в турецкий лагерь, а на следующее утро русская армия двинулась в обратный путь. Она шла медленно, сохраняя постоянную готовность к отражению внезапного нападения. 1 августа армия перешла Днестр, и уже ничто более ей не угрожало.

А Петр и Екатерина отправились сначала в Варшаву для свидания с Августом II, а затем в Карлсбад, на воды, и, наконец, в Торгау, где должна была состояться свадьба царевича Алексея Петровича и принцессы Софьи-Шарлотты, доводившейся свояченицей австрийскому императору.

НОВЕЛЛА ПЯТНАДЦАТАЯ

Странствия и страдания царевича Алексея

Теперь наступило время подробнее рассказать о царевиче Алексее Петровиче.

Когда его мать Евдокию Федоровну отвезли в монастырь, царевичу шел восьмой год. Он редко видел отца, и потому влияли на него, мать, бабушка и их, преимущественно женское, окружение. С шести лет Алексея учил грамоте князь Никифор Конратьевич Вяземский, но круг чтения ограничивался духовными книгами, и потому мальчик полюбил церковные службы, рассказы о святых и великомучениках, молитвы и заповеди. Это не устраивало Петра, и он передал

сына в руки немца Мартина Нойгебауэра — юриста, историка и знатока латыни. Однако, главным воспитателем Алексея по воле Петра значился все тот же Меншиков, сам не умеющий ни читать, ни писать. Это настроило Нойгебауэра по отношению к Александру Даниловичу на враждебный лад. Дело кончилось тем, что в июле 1702 года «иноземца Нойгебауэра за многие его неистовства от службы отказать, и ехать ему без отпуска, куда хочет». Но Нойгебауэр еще два года прожил в Москве, домогаясь какой-нибудь должности и даже просил, «чтобы послану ему быть посланником в Китай».

Ничего не добившись в Москве, он уехал к себе на родину и издал там памфлет о нравах россиян и ужасах российского быта. Карьера привела его в стан шведского короля Карла XII, сделавшего Нойгебауэра своим секретарем, а потом и канцлером шведской Померании²⁵.

Об этом можно было бы и не упоминать, если бы не появился контрпамфлет: «Пространное обличение преступного и клеветами наполненного пашквиля, изданного под титулом «Письмо знатного офицера», написанное в 1705 году на немецком языке и принадлежавшее перу доктора прав барона Генриха фон Гюйсена.

Автор контрпамфлета, решительно защищавший Петра и Россию, стал новым воспитателем царевича Алексея, сменив отставленного Нойгебауэра. Гюйсен составил хорошо продуманный план образования Алексея, отводя место «нравственному воспитанию, изучению языков французского, немецкого и латинского, истории, географии, геометрии, арифметики, слога, чистописания и военных экзерциций». Завершалось образование изучением предметов «о всех политических делах в свете и об истинной пользе государств в Европе, в особенности пограничных».

Сохранились свидетельства современников, что сначала Алексей учился охотно и хорошо, но его нередко отрывал от учения отец, забирая с собою на войну, в походы и поездки, а Гюйсена посылая с миссиями за границу.

Оставаясь в Москве, Алексей все теснее сближался с Нарышкиными, Вяземским и многими священниками, среди которых ему был особенно близок его духовник — протопоп Верхоспасского собора Яков Игнатъев. Духовник поддерживал в Алексее память о его несчастной матери, осуждал беззаконие, допущенное по отношению к ней, и часто называл царевича «надеждой Российской».

В начале 1707 года Игнатъев устроил Алексею свидание с матерью в Суздале, о чем сразу же доложили Петру, находившемуся в Польше. Петр немедленно вызвал сына к себе, но не

стал учинять разноса, а решил привлечь его к государственной деятельности. Семнадцатилетнего Алексея он назначил ответственным за строительство укреплений вокруг Москвы, поручал ему набор рекрутов и поставки провианта, а в 1709 году отправил в Дрезден для дальнейшего совершенствования в науках. Вместе с царевичем поехали князь Юрий Юрьевич Трубецкой, граф Александр Гаврилович Головкин и Гюйссен.

В Дрездене царевич жил инкогнито и помимо ученых занятий увлекался музыкой и танцами. Тогда же начались переговоры о женитьбе Алексея на принцессе Софье-Шарлотте Брауншвейг-Вольфенбюттельской. Пока они шли Алексей Петрович переехал в Краков, где занимался фортификацией, математикой, геометрией и географией.

Близко знавший Алексея граф Вильген писал, что царевич вставал в четыре часа утра, молился, а затем читал. Его занятия с учителями начинались в семь часов и продолжались с перерывом на обед до шести часов дня. Спать Алексей ложился не позже восьми часов. В свободное время его любимым занятием были прогулки и посещение церквей.

В марте 1710 года Алексей побывал в Варшаве, был принят Августом II и через Дрезден поехал в Карлсбад. В местечке Шлакентверт неподалеку от Карлсбада он впервые увидел свою невесту, и кажется, молодые понравились друг другу. Во всяком случае Алексей писал Якову Игнатьеву: «Мне показалось, что она человек добр и лучше ее мне здесь не сыскать».

В сентябре Алексей решил сделать Софье-Шарлотте официальное предложение и запросил на то разрешение Петра. Петр согласие дал, и в мае 1711 года царевич отправился в Вольфенбюттель для знакомства с родителями невесты и обсуждения с ними брачного договора. Для выяснения некоторых его спорных пунктов в июне к Петру был направлен тайный советник герцога Брауншвейгского Шляйниц, вскоре отыскавший царя и царицу в галицийском местечке Яворово.

Мы уже знаем, что произошло после этого, знаем о поездке Петра и Екатерины в Варшаву и Карлсбад.

В то время, как царская чета разъезжала по Польше и Чехии, в Брауншвейге завершилась подготовка к бракосочетанию царевича Алексея и герцогини Софьи-Шарлотты.

13 октября 1711 года Петр и Екатерина приехали в саксонский город Торгау, и на следующий день во дворце польской королевы было совершено венчание и отпразднована довольно скромная свадьба.

19 октября Петр уехал из Торгау, наказав Алексею в течение полугода заказать провиант для тридцатитысячного русского корпуса, стоявшего в Померании.

Через полгода в Померанию прибыл Меншиков и взял Алексея на театр военных действий.

В конце 1712 года Алексей по приказу отца поехал в Петербург, оставив молодую жену в Брауншвейге. К лету Софья-Шарлотта приехала в Петербург, но не застала мужа, так как он в мае вместе с Петром ушел на корабле в Финляндию, а как только вернулся, тотчас же был отправлен на заготовки корабельного леса в Старую Русу и Ладогу.

Однажды между отцом и сыном разыгралась трагикомическая сцена. Петр попросил Алексея принести чертежи, которые тот делал, обучаясь в Германии. Алексей чертил плохо, и за него делали эту работу другие. Испугавшись, что Петр заставит его чертить при себе, царевич решил покалечить правую руку и попытался прострелить ладонь из пистолета. Однако пуля пролетела мимо, а ладонь сильно обожгло порохом. Когда Петр спросил, как это случилось, Алексей из страха перед отцом не сказал правды. Это был уже не первый случай, когда он обманывал отца.

Попав в старое российское окружение, Алексей почти сразу же отошел от молодой жены, пристрастился к рюмке. Вскоре обнаружился у него туберкулез, и врачи посоветовали царевичу ехать в Карлсбад. Летом 1714 года Алексей уехал на воды, оставив Софью-Шарлотту в Петербурге на последнем месяце беременности.

12 июля она родила дочь, названную Натальей. Царевич возвратился домой в конце года, а 12 октября 1715 года великая княгиня родила сына — будущего императора Петра II. А еще через десять месяцев молодая мать умерла, судя по описанию врачей, от общего заражения крови. Алексей в момент ее смерти был рядом и несколько раз падал в обморок.

Причиной душевной слабости Алексея была не только кончина жены. Незадолго до ее смерти царевич завел роман с крепостной служанкой своего первого учителя Никифора Вяземского — Ефросиньей Федоровной. Не исключено, что в ту трагическую минуту его мучили угрызения совести.

Это был единственный любовный сюжет в жизни Алексея Петровича, влюбившегося в Ефросинью до такой степени, что впоследствии он просил даже позволения жениться на ней, предварительно выкупив Ефросинью и ее брата Ивана на волю у их хозяина.

Софья-Шарлотта, зная о связи мужа в Ефросиньей, на смертном одре с горечью проговорила, что «найдутся злые люди, вероятно, и по смерти моей, которые распустият слух, что болезнь моя произошла более от мыслей и внутренней печали»²⁶.

Петру, конечно же, передали слова невестки, и царевич страшно боялся отцовского гнева. Но еще более стал Алексей опасаться ярости Петра, когда на поминках Софьи-Шарлотты отец сам вручил ему грозное письмо. Он писал Алексею, что радость побед над шведами «едва не равная снедает горесть, видя тебя, наследника, весьма на правление дел государственных непотребного»²⁷. Петр упрекал сына в том, что тот не любит военного дела и других, необходимых для государства сфер деятельности.

«Сие представляя, — писал Петр, — обращаю паки на первое, о тебе рассуждая: ибо я есмь человек и смерти подлежу, то кому насажденное и взращенное оставлю? Тому ленивому рабу евангельскому, закопавшему талант свой в землю? Еще и то вспомяну, какого злого нрава и упрямства ты исполнен! Ибо сколь много за сие тебя бранил, и даже бивал, к тому же сколько лет, почитай, не говорю с тобою, но ничто на тебя не действует, все даром, все на сторону, и ничего делать не хочешь, только бы дома жить и им веселиться. Однако ж всего лучше безумный радуется своей беде, не ведая, что может от того следовать не только ему самому, то есть тебе, но и всему государству? Истинно пишет святой Павел: «Как может править церковь тот, кто не радеет и о собственном доме?»

Обо всем этом с горестью размышляя и видя, что ничем не могу склонить тебя к добру, я посчитал за благо написать тебе сей последний завет и подождать еще немного, если нелицемерно обратишься. Если же этого не случится, то знай, что я тебя лишу наследства, яко уд гангранный. И не мни себе, что один ты у меня сын и что все сие я только в острастку пишу: воистину исполню, ибо если за мое Отечество и людей моих не жалел и не жалею собственной жизни, то как смогу тебя, непотребного, пожалеть? Пусть лучше будет хороший чужой, нежели непотребный свой.»²⁸

Отвечая отцу, Алексей во всем соглашался с ним и просил лишить его права наследования престола, ссылаясь на слабость здоровья и плохую память, утверждая, что «не потребен к толикого народа правлению, где требует человека не такого гнилого, как я»²⁹.

Когда Алексей писал это письмо, он уже знал, что Екатерина Алексеевна родила очередного ребенка. Это был мальчик, и Алексей просил отца назначить наследником престола новорожденного брата. В заключение Алексей клялся в том, что никогда не заявит своих прав на престол, а для себя просил лишь «до смерти пропитания».

Это письмо он писал по совету своих ближайших друзей — Александра Кикина и князя Василия Долгорукого. Причем,

последний сказал Алексею: «Давай писем хоть тысячу. Еще когда это будет. Старая пословица: «Улита едет коли-то будет». Это не запись с неустойкой, как мы прежде давали друг другу». Долгорукий намекал на то, что отказ от престола — пустая отговорка и что только реальный ход событий определит на чьей стороне окажется фортуна.

Петр, по-видимому, узнал и об этом. 19 января отправил Алексею еще одно письмо, в котором не верил клятвам сына, полагая, что если бы тот и сам хотел поступать честно, то сделать это ему не позволят «большие бороды, которые ради тунейства своего, ныне не в авантаже обретаются, к которым ты и ныне склонен зело. К тому же, чем воздаешь за рождение отцу своему? Помогашь ли в таких моих несносных печалях и трудах, достигши такого совершенного возраста? Ей, николи! Что всем известно есть, но паче ненавидишь дела мои, которые я делаю для своего народа, не жалея своего здоровья. И, конечно же, после меня ты разорителем этого будешь. Того ради, так остаться, как желаешь быть, ни рыбою, ни мясом, невозможно, но, или перемени свой нрав и неллицемерно удостои себя наследником, или будь монах...»³⁰

Когда Алексей прочитал это письмо Кикину, тот сказал: «Да ведь клобук-не гвоздем к голове прибит». И после этого Алексей попросил отца отпустить его в монастырь.

Еще через неделю Петр вновь отправился на воды в Карлсбад, взяв с собою между прочим и Александра Кикина. Перед отъездом он навестил сына и еще раз попросил его, не торопясь, в течение полугода обдумать: быть ему наследником или монахом? И Кикин, прощаясь с Алексеем, шепнул тому, что, находясь в Европе, найдет царевичу какое-нибудь потайное место, где тому можно будет укрыться, бежав из России.

26 августа 1716 года Петр послал Алексею письмо все с тем же вопросом. И написал, что если Алексей хочет остаться наследником, то пусть едет к нему, сообщив дату своего выезда из Петербурга, а если — монахом, то скажет о сроке принятия пострига.

Алексей решил ехать к Петру и, взяв с собою Ефросинью Федоровну, ее брата Ивана и трех слуг, 26 сентября 1716 года оставил Петербург. По дороге он встретился в Либаве с Кикиным, сообщившим, что царевича ждут в Вене и австрийский император примет его как сына, обеспечив ежемесячной пенсией в три тысячи гульденов. После беседы с Кикиным Алексей решил: проехав Данциг, он исчез.

Через два месяца Петр распорядился начать поиски беглеца. Генерал Адам Вейде, стоявший с корпусом в Мекленбурге, русский резидент в Вене Абрам Веселовский, майоры

Шарф и Девсон отправились на поиски Алексея. Более прочих повезло Веселовскому. Хорошо зная европейские обычаи, он везде расспрашивал — конечно же, за денежную мзду — о русском офицере с женой и четырьмя служителями. Двигаясь от Данцига на юг, Веселовский обнаружил следы Алексея, ехавшего под именем подполковника Кохановского и останавливавшегося в разных городах и гостиницах. Во Франкфурте на Одере царевич жил в «Черном орле», в Бреслау — в «Золотом гусе», в Праге — в «Золотой горе». Наконец, в Вене 20 февраля 1717 года Веселовский нашел человека — референта Тайной канцелярии Дольберга, который сказал, что Алексей находится во владениях австрийского императора инкогнито.

Алексей и его спутники приехали в Вену в ноябре 1716 года. Не останавливаясь в гостинице, царевич явился в дом вице-канцлера Шенборна, который уже лег спать. Алексея долго не пускали, предлагая подождать до утра, но царевич так боялся погони и ареста, что добился встречи с Шенборном среди ночи. Бега по комнате, где происходило рандеву, Алексей кричал:

— Император должен спасти меня и обеспечить мои права на престол! Я слабый человек, но так воспитал меня Меншиков, с намерением расстраивая мое здоровье пьянством. Теперь, говорит мой отец, я не гожусь ни для войны, ни для правления, однако же у меня достаточно ума чтобы царствовать. А меня хотят заточить в монастырь, куда я идти не хочу! Император должен спасти меня!

Алексей более всего рассчитывал на свое родство с императором, который был женат на родной сестре его покойной жены Софьи-Шарлотты и, таким образом, доводился ему шурином, а дети Алексея — Наталья и Петр — были племянниками императрицы.

Карл VI Габсбург немедленно собрал тайную конференцию, на которой решили сохранить пребывание Алексея в секрете. Он распорядился отвезти царевича сначала в местечко Вейербург под Веной, а оттуда в крепость Эренберг в тирольских Альпах.

Объясняя причину своего столь бедственного положения, Алексей сводил все к проискам непомерно честолюбивых и властолюбивых главных его врагов — Екатерины и Меншикова, поставивших своей целью во что бы то ни стало погубить его, чтобы на троне после смерти Петра оказалась Екатерина или кто-то из ее детей, а Меншиков был бы при них верховным управителем.

Для сохранения тайны Алексея и его спутников переодели простолюдинами и на крестьянских телегах, настрого наказав соблюдать в пути абсолютное инкогнито и ни слова не произносить по-русски, отправили в Альпы.

Однако же, останавливаясь на ночлеги, Алексей и вся его компания много пили, шумели и тем привлекали к себе внимание австрийцев. Наконец, на восьмой день пути, проехав 600 верст, они добрались до крепости Эренберг, одиноко возвышавшейся на вершине высокой и крутой горы. Крепость располагалась вдали от больших дорог и была идеальным местом для укрытия царевича от любопытных глаз. Эренбергский комендант, генерал Рост, получил от императора инструкцию о строжайшей изоляции «некоторой особы». Причем, эта «особа» ни с кем не должна общаться, выходить из крепости, место ее пребывания должно оставаться непроницаемой тайной. Император предупредил Роста, что в случае нарушения приказа хоть в чем-то, он будет лишен имений, чести и жизни.

Инструкция предписывала не менять ни одного солдата в гарнизоне пока узники там находятся; под страхом смерти всем солдатам и их женам запрещалось выходить из крепости. «Некоторой особе» разрешалось писать письма, но отправлять их имел право только сам комендант через Вену.

Меж тем Веселовский от своего агента — референта тайной конференции Дольберга — узнал о месте пребывания Алексея и 23 марта 1717 года сообщил об этом, приехавшим в Вену денщику Петра капитану Александру Румянцеву и трем офицерам, сопровождавшим его. Румянцев немедленно выехал в тирольские Альпы и там доподлинно узнал, где скрывают царевича.

О цели поиска Румянцева узнали и австрийцы и, спасая Алексея, предложили тому тайно переехать в Неаполь, оставив слуг и Ивана Федоровича в Эренберге, поскольку передвижение целой группой скрыть бы не удалось.

Переодев Ефросинью в одежду мальчика-пажа, Алексей вместе с ней в три часа ночи выехал из Эренберга. Но все старания обмануть бдительных петровских соглядатаев оказались напрасными: Румянцев уже несколько дней находился под чужим именем в соседней с Эренбергом деревне Рейтин, где проживал и комендант крепости генерал Рост. От одного из гостей Роста — офицера из Вены — Румянцев узнал, что таинственного узника увезли в Неаполь. Румянцев отправился за ним по пятам.

Алексея и Ефросинью поместили в замке Сент-Эльм, стоящем на вершине горы, господствующей над городом, где они и прожили пять месяцев — до осени 1717 года.

Скоро им стало ясно, что их новое убежище раскрыто: в июле в Вене появились тайный советник, граф Петр Андреевич Толстой и капитан Румянцев. Они передали императору Карлу VI письмо Петра с просьбой о выдаче сына.

НОВЕЛЛА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Странствия и наслаждения царя Петра

Мы расстались с Петром в конце января 1716 года, когда он, простившись с Алексеем, отправился в самое длительное в его жизни путешествие, продолжавшееся более полутора лет. Поэтому все, что случилось с Алексеем, происходило в то время, когда Петр был за границей. Петр остановился в Данциге, где состоялась его встреча с польским королем Августом II. Там же находились русские генералы из корпуса Шереметева, командовавшие многочисленными отрядами. На рейде Данцига стоял сильный русский флот, и потому Петр чувствовал себя здесь хозяином. Он вел себя с Августом надменно и нередко грубо, удивляя находившихся там иностранцев.

8 апреля 1716 года царь и Екатерина отпраздновали свадьбу двадцатичетырехлетней племянницы Петра Екатерины Ивановны — третьей дочери его брата Ивана Алексеевича. Ее выдали за герцога Карла-Леопольда Мекленбург-Шверинского, сильно нуждавшегося в поддержке Петра, ибо герцог был в крайне неприязненных отношениях со шведами, англичанами, австрийским императором и собственными дворянами. Хорошо понимая это, Петр весьма пренебрежительно обращался со своим новым родственником.

Приехав через некоторое время в столицу герцогства — Шверин, Петр весьма удивил встречавших его придворных и самого молодого супруга весьма дерзким пассажем.

Завидев свою миловидную молодую племянницу, Петр побежал ей навстречу и, не обращая внимания на ее мужа и его свиту, обхватил Екатерину Ивановну за талию и увлек в спальню. «Там, — пишет осведомленный двумя очевидцами этого происшествия барон Пельниц, — положил ее на диван, не запирая дверей, поступил с нею так, как будто ничто не препятствовало его страсти.»³¹ Едва ли подобное могло случиться, если бы дядя и племянница не были до того в любовной кровосмесительной связи.

Правда, не только амурные шалости происходили в эти дни в Шверине. Между забавами Петр провел встречу с прусским королем Фридрихом I, после чего уехал в Гамбург, где состоялись его переговоры с датским королем Фридрихом IV.

Петр сумел убедить своего союзника в необходимости проведения совместной десантной операции против Швеции, предложив собрать союзные флоты и сухопутные войска в Копенгагене и высадить затем большой десант в Шонии — южной провинции Швеции.

Переговоры в Гамбурге завершали серию дипломатических акций, направленных на то, чтобы поставить Карла XII в безвыходное положение, переиграв его не только на полях сражений, но и в дипломатии.

С 26 мая по 15 июня Петр лечился на прекрасном бальнеологическом курорте Пирмонт, но и здесь не оставлял политических дел. Как только он почувствовал себя лучше — тут же уехал в Росток, сел на военный корабль и во главе большой галерной эскадры пошел к Копенгагену. Туда же шла русская эскадра, снаряженная в Англии и возглавляемая адмиралом Бредалем, и еще одна — из Ревеля. А по суше двинулся в Данию тридцатитысячный русский корпус.

В начале июля Петр прибыл в Копенгаген, где встречен был с необычайной торжественностью и пышностью. Так же встречали и Екатерину, вызванную вскоре Петром из Пирмонта. Однако же на сем успехи и завершились — союзники потеряли время, еще в большей мере разошлись в намерениях, и высадка в Шонии не состоялась.

Поздней осенью 1716 года, Петр снова поехал в Шверин, где опять вел переговоры: теперь уже о возможности сепаратного мира со Швецией. А тем временем приближался срок очередных родов Екатерины.

Заметим, что Екатерина за пятнадцать лет жизни с Петром родила десятерых детей и почти непрерывно была беременна. Правда, почти все ее дети умирали, но такой была участь большинства женщин того времени.

Из Шверина Петр поехал на очередное свидание с прусским королем, чтобы подписать союзный договор. На радостях Фридрих I подарил русскому царю великолепную яхту и знаменитый «Янтарный кабинет». Петр пообещал королю прислать в подарок пятьдесят русских великанов для службы в прусской гвардии³².

6 декабря 1716 года Петр приехал в Амстердам, где получил печальное известие: 2 декабря в ганноверском городе Везеле Екатерина разрешилась сыном, который скончался при родах. Это произошло из-за неприятностей, случившихся с царицей в пути: сопровождавших ее людей приняли за разбойников и избили многих возниц и слуг. Потом всех повезли в Везель под охраной, не давая ни есть, ни спать. В результате роды оказались очень тяжелыми и несчастными³³.

Екатерина приехала в Амстердам в начале февраля и находилась там с Петром до конца марта. 24 марта царь, оставив Екатерину в Амстердаме, отправился в Париж. Путешествие во Францию произвело на Петра тяжелое впечатление — страна показалась бедной, особенно в сравнении с богатой и цветущей Голландией.

Петра поселили в одном из лучших дворцов Парижа — Ледигьер, принадлежавшем воспитателю юного короля Людовика XV маршалу Вильруа. На следующий день к Петру явился с визитом герцог Орлеанский, а еще через два дня привезли и семилетнего короля. После этого Петр нанес визит августейшему отроку.

Когда карета Петра подъехала к дворцу Тюильри, на крыльце уже стояли министры и маршалы Франции во главе с королем. Людовик побежал навстречу русскому царю, а Петр выскочил из кареты, схватил мальчика на руки, поцеловал его и понес, прижав к себе, вверх по лестнице.

Сохранилось предание, что когда Петр вошел в Тюильри, то продолжал держать Людовика на руках, потом понес по лестнице на второй этаж. В это время он сказал: «Я несу на руках Францию».

В Париже Петр проявлял необыкновенную любознательность ко всему. Он побывал в астрономической обсерватории, в анатомическом институте, в Парижской библиотеке, в картинной галерее Лувра, в Опере, на фабрике гобеленов. Он наблюдал за строительством моста через Сену, за чеканкой монет, за печатанием книг, присутствовал на диспуте в Сорбонне, на заседании в Академии наук, где был избран в ее члены.

Он побывал в двух десятках дворцов и замков, поражаясь немыслимой роскоши их убранства и поразительному богатству одежды и украшений парижских аристократов. Это не нравилось Петру, который удивлял всех скромностью костюма и неприязательностью. Оставляя Францию 9 июня 1717 года, Петр проронил: «Жалею о короле и о Франции: она погибнет от роскоши»³⁴.

Впереди Петра ждал популярный в то время бельгийский курорт Спа, известный своими минеральными источниками.

Своим визитом Петр превратил Спа в знаменитый и необычайно модный курорт, что сказалось на его процветании. Город Спа навсегда сохранил память о Петре, воздвигнув ему в 1856 году у минеральных источников оригинальный памятник, подаренный потомком уральских заводчиков Демидовых, Анатолием Демидовым, женатым на племяннице Наполеона Бонапарта Матильде. Купив княжество Сан-Дonato, Демидов стал именоваться князем Сан-Дonato.

В Спа местные врачи запретили Петру, исцелявшему мочеполовую систему «всякие домашние забавы». Поэтому, чтобы не искушать себя, Петр отправил в Амстердам взятую им, не без ведома Екатерины, любовницу. Она же отвезла Екатерине его письмо.

В нем Петр признавался жене: «А понеже во время пития вод домашней забавы дохтуры употреблять запрещают, того ради я метресу свою отпустил к вам, ибо не мог бы удержаться, ежели бы при мне была».

Получив письмо, Екатерина ответила на него так: «Что же изволите писать, что вы метресишку свою отпустили сюда для своего воздержания. что при водах невозможно с нею веселиться, и тому я верю; однако ж больше мню, что вы оную изволили отпустить за ее болезнью, в которой она ныне пребывает и для лечения изволила поехать в Гагу (Гаагу), и не пожелала бы я (о чем Боже сохрани!), чтобы и галан (галант, т.е. сам Петр) той метресишки таков здоров приехал, какова она приехала»³⁵. Чем болела «метресишка», можно только догадываться, но, кажется, сделать это не трудно.

Закончив четырехнедельное лечение в Спа, Петр в конце июля вновь приехал в Амстердам, где ждала его Екатерина. Там уже ожидал его и русский посол во Франции князь Куракин.

Еще до приезда царя Куракин встречался со шведскими дипломатами, желавшими прекратить войну, длившуюся уже семнадцать лет, но из-за неуступчивости и непомерных требований шведов, переговоры ни к чему не привели.

В Амстердаме Петр, как и в Париже, осматривал достопримечательности города, интересовался постановкой торговли, банковским делом и коммерческим флотом. Досуг же заполнял посещением художников, картинных галерей, покупкой картин, скульптур, различных раритетов и целых коллекций.

Наконец осенью 1717 года, Петр отправился в Россию. Путь его лежал через Магдебург, Берлин, Данциг, Ригу, Ревель и Нарву. В октябре он увидел Петербург после более чем полуторагодового отсутствия. Скоро сюда пришла депеша от Толстого о том, что царевич Алексей Петрович согласен возвратиться в Россию.

НОВЕЛЛА СЕМНАДЦАТАЯ

Капкан

Депеше этой предшествовали многие попытки захватить царевича и доставить в Россию. Толстой и Румянцев начали операцию по извлечению Алексея из замка Сент-Эльм 1 июля 1717 года, когда Петр находился в Спа. 10 июля Петр вручил

им письмо к Карлу VI, в котором просил австрийского императора передать царевича в руки графа Толстого, приводя убедительные юридические и моральные доводы.

29 июля Толстой вручил письмо императору, но Карл VI нашел его недостаточно понятным и просил какое-то время, чтобы принять решение.

На следующий день Толстой заехал к матери покойной жены Алексея Софьи-Шарлотты. Герцогиня, по мысли Толстого, могла через свою вторую дочь, жену Карла VI, повлиять на решение императора. Герцогиня, выслушав Толстого, обещала сделать все возможное, чтобы помирить Петра и Алексея, но Толстой предупредил, что примирение возможно только в единственном случае — если Алексей согласится вернуться в Россию.

7 августа Карл VI собрал своих тайных советников, и после обсуждения этого вопроса они согласились, что все следует предоставить воле царевича. А 12 августа Толстому и Румянцеву разрешили ехать в Неаполь для встречи с Алексеем. Из-за сильных и непрерывных дождей агенты Петра добрались до цели лишь 24 сентября.

На следующий день их принял вице-король Неаполя. Он устроил встречу царевича Алексея с Толстым и Румянцевым в своем дворце, пытаясь придать ей непринужденный характер. Однако, несмотря на присутствие гостеприимного хозяина дома, царевич трепетал от страха, а посланцы Петра с места в карьер потребовали от Алексея покориться отцовской воле и немедленно ехать в Россию.

Понадобились еще четыре встречи, во время которых ласками, посулами и угрозами, наконец, удалось уговорить царевича ехать домой. Толстому пришлось даже сказать, что Петр не остановится перед применением силы против Австрии, если вопрос возвращения Алексея не будет решен.

Алексей просил только об одном — разрешить ему обвенчаться с Ефросиньей, которая была на четвертом месяце беременности. Согласие на это было дано от имени Петра, поскольку именно Ефросинья уговорила Алексея возвратиться в Россию.

Съездив в недалекий от Неаполя город Бари и поклонившись там мощам святого чудотворца Николая Мирликийского, Алексей 14 октября отправился на родину. Ефросинья ехала вместе с ним, но потом отстала, чтобы продолжить путь не спеша и не подвергать себя опасности выкидыша или неблагоприятных родов.

Алексей с дороги писал ей письма, пронизанные любовью и заботой. Он советовал Ефросинье обращаться к врачам и аптекарям, беспокоился: удобный ли у нее экипаж, тепло ли

она одета; посылал ей немалые деньги, а потом и бабок-повитух, которые могли бы хорошо принять роды.

31 января 1718 года Алексей прибыл в Москву, а Ефросинья в середине апреля — в Петербург. К сожалению, никаких известий о том, когда состоялись роды и кто родился, до наших времен не дошло.

Зато хорошо известно, как ждал Ефросинью Алексей Петрович, как надеялся, что отец все-таки разрешит им обвенчаться и позволит жить вместе в одной из деревень под Москвой. Но этому не суждено было стать. Как только Ефросинья вернулась в Петербург, ее тут же арестовали, заключили в крепость и приступили к допросам. Ее не пытали, а Петр всячески выказывал ей свои симпатии, чтобы добиться ее искренности. Данные Ефросиньей показания окончательно погубили царевича. Ее свидания с Алексеем проходили только на очных ставках в застенках Преображенского приказа.

Первое свидание Алексея с отцом состоялось 3 февраля. Царь приказал собраться в Столовой палате Кремлевского дворца церковным иерархам, сенаторам, другим высшим чинам. Вошел царевич вместе с Толстым и, увидев царя, повалился ему в ноги. Он просил простить его, даровав жизнь, и отрекся от всех прав на престол.

«Я окажу тебе милость, — сказал Петр, — но только с тем, чтобы ты показал самую истину и объявил о своих согласниках, которые тебе присоветовали бежать к цесарю.»³⁶

Алексей тут же назвал имена многих своих соучастников и после этого Петр немедленно начал розыск в трех городах — Москве, Петербурге и Суздале, где жила Евдокия Федоровна.

В Преображенском приказе оказались главные сообщники Алексея — Александр Кикин, Никифор Вяземский, Иван Афанасьев, Василий Долгоруков и Семен Нарышкин, а вслед за ними допросам и пыткам подверглись более пятидесяти человек.

Следствие проходило до середины июня 1718 года, когда на очных ставках Алексея и Ефросиньи установили сугубую вину царевича, а он сам попал в каземат Петропавловской крепости и был подвергнут пыткам, во всем уподобившись своим сообщникам, и в конце-концов разделил участь большинства из них.

НОВЕЛЛА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Мученица Евдокия и великомученик Степан

В Суздаль был направлен капитан-поручик Преображенского полка Григорий Скорняков-Писарев с командой солдат за бывшей женой царя Евдокией. 10 февраля он прибыл в Покровский монастырь, оставив солдат неподалеку от обители.

Скорняков сумел незамеченным пройти в келью Евдокии и застал ее врасплох, отчего она смертельно испугалась. Евдокия была в телогрейке и повойнике, что потом ставилось ей в вину, ибо было нарушением монашеского устава.

Оттолкнув, бледную и потерявшую дар речи Евдокию, Скорняков коршуном бросился к сундукам и, разворошив лежащие там вещи, нашел два письма, свидетельствующие о переписке Евдокии с сыном.

После этого в Благовещенской церкви нашли записку, в которой Лопухину поминали «благочестивейшей великой государыней, царицей и великой княгиней Евдокией Федоровной» и желали ей и царевичу Алексею «благоденственное пребывание и мирное житие, здравие же и спасение и во всем благое поспешение ныне и впредь будущие многие и несчетные лета, во благополучном пребывании многая лета здравствовать»³⁷.

14 февраля, арестовав Евдокию и многих ее товарок, нескольких священников и монахов, Скорняков привез их всех в Преображенский приказ в Москву. 16 февраля начали строгий розыск, прежде всего обвиняя Евдокию в том, что она сняла монашеское платье и жила в монастыре не по уставу — миряночкой. Отпираться было нельзя, ведь Скорняков и впрямь застал Евдокию в мирском платье. А дальше дела пошли еще хуже, — привезенная вместе с другими монахинями старица-казначей Маремьяна рассказала о том, что к Евдокии много раз приезжал Степан Глебов и бывал у нее в келье не только днем, но и оставался на всю ночь до утра.

Показания Маремьяны подтвердила и ближайшая подруга Евдокии монахиня Каптелина, добавив, что «к ней, царице-старице Елене, езживал по вечерам Степан Глебов и с нею целовались и обнимались. Я тогда выхаживала вон; письма любовные от Глебова она принимала и к нему два или три письма писать мне велела»³⁸.

После этого Глебова арестовали, а при обыске нашли конверт, на котором было написано: «Письма царицы Евдокии». В нем оказалось девять писем.

Евдокия просила Глебова уйти с военной службы и добиться места воеводы в Суздале, советовала, как добиться успеха в том, или ином деле. Общий тон и содержание писем свидетельствовали о взаимной любви и полном единомыслии Евдокии и Степана.

«...Где твой разум, тут и мой; где твое слово, тут и мое; где твое слово, тут моя и голова: вся всегда в воле твоей!»³⁹ — писала в одном из писем Евдокия.

Сохраняя слог и орфографию подлинников, приведу несколько отрывков из ее писем. Пожалуй, мне не приходилось

встречать в эпистолярном любовном наследии ничего подобного. Может быть, я и не прав, ибо за тысячу лет томлений и вздохов, сколько было сказано разных фраз, и сколько и каких было написано слов!.., и все же, письма Евдокии Глебову, безусловно, — выдающийся образец этого великого жанра. Впрочем, судите сами.

Письма не датированы и установить их последовательность затруднительно, поэтому я привожу их в том порядке, в каком расположены они в книге академика Устрялова «История царствования Петра Великого», где они впервые опубликовались в 1859 году.

«Чему-то петь, быть, горесть моя, ныне? Кабы я была в радости, так бы меня и дале сыскали; а то ныне горесть моя! Забыл скоро меня! Не умилиствовали тебя здесь мы ничем. Мало, знать, лице твое, и руки твоя, и все члены твои, и суставы рук и ног твоих, мало слезами моими мы не умели угодное сотворить...»

«Не забудь мою любовь к тебе, а я уже только с печали дух во мне есть. Рада бы была я смерти, да негде ее взять. Пожалуйте, помолитесь, чтобы Бог мой век утратил. Ей! рада тому!..»

«Свет мой, батюшка мой, душа моя, радость моя! Знать уж злопроклятый час приходит, что мне с тобою расставаться! Лучше бы мне душа моя с телом расталась! Ох, свет мой! Как мне на свете быть без тебя, как живой быть? Уже мое проклятое сердце да много послышало нечто тошно, давно мне все плакало. Аж мне с тобою, знать, будет расставаться. Ей, ей, сокрушаюся! И так Бог весть, каков ты мне мил. Уже мне нет тебя милее, ей Богу! Ох, любезный друг мой! За что ты мне таков мил? Уже мне ни жизнь моя на свете! За что ты на меня, душа моя, был гневен? Что ты ко мне не писал? Носи, сердце мое, мой перстень, меня любя; а я такой же себе сделала; то-то у тебя я его брала... Для чего, батюшка мой, не ходишь ко мне? Что тебе сделалось? Кто тебе на меня что намутил? Что ты не ходишь? Не дал мне на свою персону насмотреться! То ли твоя любовь ко мне? Что ты ко мне не ходишь? Уже, свет мой, не к тому тебе будет и придти, или тебе даром, друг мой, я. Знать, что тебе даром, а я же тебя до смерти не покину; никогда ты из разума не выдешь. Ты, мой друг, меня не забудешь ли, а я тебя ни на час не забуду. Как мне будет с тобою расстаться? Ох, коли ты едешь, коли меня, батюшка мой, ты покинешь! Ох, друг мой! Ох, свет мой, любонка моя! Пожалуй, сударь мой, изволь ты ко мне приехать завтра к обедне переговорить, кое-какое дело нужное. Ох, свет мой! Любезный мой друг, лапушка моя; скажи, пожалуй, отпиши, не дай мне с печали умереть... Послала к тебе галздук, носи, душа моя! Ничего ты моего не носишь, что тебе ни дам я. Знать, я тебе не мила! То-то

ты моего не носишь. То ли твоя любовь ко мне? Ох, свет мой; ох, душа моя; ох, сердце мое надселося по тебе! Как мне будет твою любовь забыть, будет как, не знаю я; как жить мне, без тебя быть, душа моя! Ей, тошно, свет мой!»

«Послала я, Степашенька, два мыла, что был бы бел ты...»

«Ах, друг мой! Что ты меня покинул? За что ты не меня прогневался? Что чем я тебе досадила? Кто мя, бедную, обиде? Кто мое сокровище украде? Кто свет от очию моею отгине? Кому ты меня покидаешь? Кому ты меня вручаешь? Как надо мною не умилился? Что, друг мой, назад не поворишься? Кто меня, бедную, с тобою разлучил?... Ох, свет мой, как мне быть без тебя? Как на свете жить? Как ты меня сокрушил!.. Ради Господа Бога, не покинь ты меня, сюды добивайся. Ей! Сокрушаюся по тебе!»

«Радость моя! Есть мне про сына отрада малая. Что ты меня не покидаешь? Кому меня вручаешь? Ох, друг мой! Ох, свет мой! Чем я тебя прогневала, чем я тебе досадила? Ох, лучше бы умерла, лучше бы ты меня своими руками схоронил! Что я тебе злобствовала, как ты меня покинул? Ей, сокрушу сама себя. Не покинь же ты меня, ради Христа, ради Бога! Прости, прости, душа моя, прости, друг мой! Целую я тебя во все члены твои. Добейся, ты, сердце мое, опять сюды, не дай мне умереть... Пришли, сердце мое, Стешенька, друг мой, пришли мне свой камзол, кой ты любишь; для чего ты меня покинул? Пришли мне свой кусочек, закуся... Не забудь ты меня, не люби иную. Чем я тебя так прогневала, что меня оставил такую сирую, бедную, несчастную?»⁴⁰

Эти письма были приобщены к делу в качестве тяжкой улики против Евдокии и Глебова. Мне кажется, что нет смысла их комментировать, ибо они говорят сами за себя устами и сердцем несчастной царицы-инокини.

20 февраля в селе Преображенском, в застенке, была учинена очная ставка Глебову и Евдокии. Сохранились протоколы допросов и описания следственного порядка.

Глебова спрашивали: почему и с каким намерением Евдокия скинула монашеское платье? Видел ли письма Евдокии от царевича Алексея? Не передавал ли письма от сына к матери и от матери к сыну? Говорил ли о побеге царевича с Евдокией? Через кого помогал Евдокии? Чем помогал? Зачем письма свои писал цифирной азбукой? (то есть шифром).

В отчетах записано: «По сим допросным пунктам Степаном Глебововым 22 февраля розыскивано: дано ему 25 ударов. С розыску ни в чем не винулся кроме блудного дела...»⁴¹

От блудного дела при наличии писем и показаний десятков свидетелей отпереться было невозможно, остальное Глебов отрицал.

Тогда приступили к розыску. Глебова раздели донага и поставили босыми ногами на острые, но не оструганные деревянные шипы. Спиной он упирался в толстую доску с шипами, поставленную между ним и столбом, к которому он был прикован. На плечи ему положили тяжелое бревно, и под его тяжестью шипы пронзили ступни Глебова. Истязаемый ни в чем кроме блуда не сознавался.

Палачи стали бить его кнутом, по пословице: «Кнут не Бог, но правду сыщет». Считалось, что после этого любой человек скажет все, что от него ждут. Кожа летела клочьями, кровь брызгала во все стороны, но Глебов стоял на своем.

Тогда к окровавленному, истерзанному телу стали подносить угли, а потом и раскаленные клещи. Глебов, теряя сознание, сползал со столба, но вину оставлял за собой. Его пытали трое суток, оставляя в покое лишь на время беспамятства.

И все это видела Евдокия.

Глебов отрицал все и не дал палачам ни малейшей возможности обвинить Евдокию в чем-либо, кроме очевидного греха — блудодеяния.

После трехсуточного розыска Глебова отнесли в подвал, положили на шипы, которыми был усеян пол и стены камеры, а потом снова водили на правез, но так ничего и не добились.

И тогда в дело вмешались врачи. Они вступились за Глебова, предупреждая, что он при смерти и может скончаться, не дожив до казни.

Вняв их предупреждению, 14 марта Глебову вынесли приговор: в котором не говорилось, как он будет казнен, но указывалось «Учинить жестокую смертную казнь».

О казни Глебова и его пособников в блудодеянии сохранилось свидетельство австрийского посланника Плейера императору Карлу VI.

Плейер писал, что Глебова привезли на Красную площадь в три часа дня 15 марта. Стоял тридцатиградусный мороз, и чтобы наблюдать длительную и мучительную казнь до конца, Петр приехал в теплой карете и остановился напротив места казни. Рядом стояла телега, на которой сидела Евдокия, ее стерегли два солдата. Они должны были держать Евдокию за голову и не давать ей закрывать глаза.

Глебова раздели до нага и посадили на кол.

Здесь автор приносит извинения за то, что должен будет пояснять вещи, относящиеся к inferнальной, то есть, адской сфере.

Кол мог быть любых размеров — тонкий или толстый, гладко обструганный или шершавый, с занозами; мог иметь острый или тупой конец.

Если кол был острым, гладким и тонким, да еще смазанный жиром, то палач, должным образом повернув жертву, мог сделать так, что кол за несколько мгновений пронзал казнимого и входил ему в сердце. При желании казнь умышленно затягивали. Все сказанное относится к турецкому колу. А был еще и кол персидский. Последний отличался тем, что рядом с колом с двух сторон аккуратными столбиками складывали тонкие дощечки, почти достигавшие конца кола.

Приговоренного сначала подводили к столбу, заводили руки назад и сковывали их наручниками. Потом приподнимали и сажали на кол, но кол входил неглубоко — жертву удерживали столбики из дощечек. Через какое-то время палачи убирали две верхних дощечки, после чего кол входил глубже. Так, убирая дощечки одну за другой, палачи опускали жертву все ниже и ниже. При этом они следили за тем, чтобы кол, проходя в теле, не затрагивал жизненно важные центры и мучительная казнь продолжалась как можно дольше.

Глебова посадили на неструганный персидский кол, а чтобы он не замерз, надели на него шубу, шапку и сапоги. Причем одежду дал им Петр, наблюдавший за казнью из теплой кареты до самого конца. А умер Глебов в шестом часу утра 16 марта, оставаясь живым пятнадцать часов.

Но и после его смерти Петр не уехал. Он велел колесовать и четвертовать всех сообщников Глебова и Евдокии. После казни их тела подняли на специально сооруженный помост высотой в три метра и посадили в кружок, поместив в центре скрюченный, черный труп Глебова.

Плейер писал, что эта жуткая картина напоминала собеседников, сосредоточенно внимавших, сидящему в центре Глебову.

Однако и этого Петру было мало. Он велел предать анафеме любовника своей бывшей жены и поминать его рядом с расколуучителями, еретиками и бунтовщиками наивысшей пробы — протопопом Аввакумом, Тимошкой Анкудиновым и Стенькой Разиным.

А Евдокию Федоровну собор священнослужителей приговорил к наказанию кнутом. Ее секли публично и отослали в северный Успенский монастырь на Ладого, а потом заточили в Шлиссельбургскую тюрьму. И все же, пережив и Глебова и Петра, и смертельно ненавидевших ее Екатерину и Меншикова, которых многие справедливо считали главными винов-

никами ее несчастья, опальная царица умерла на воле, в почете и достатке, прожив шестьдесят два года.

Ограничимся пока сказанным, так как впереди нас еще ждут встречи с ней. Вернемся к царевичу Алексею.

НОВЕЛЛА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Сыноубийство

14 июня Алексея привезли из Москвы в Петропавловскую крепость, в Трубецкой бастион. Через пять дней его начали пытать и за неделю пытали пять раз. Больной, слабый духом и смертельно напуганный Алексей сознавался и в том чего не было, стараясь, чтобы пытки прекратились как можно скорее. Он даже наговорил на себя, что хотел добыть престол, используя армию австрийского императора.

24 июня верховный суд, состоявший из 137 человек, единогласно постановил предать царевича смерти, выбор казни был отдан на усмотрение отца.

Уже после вынесения смертного приговора, Петр приехал в Трубецкой бастион, чтобы еще раз пытать сына.

По одним данным на последней пытке присутствовали Петр, Меншиков и другие сановники, по другим — только Петр и генерал-аншеф Адам Адамович Вейде.

Немец Вейде начал службу в первом потешном полку — Преображенском. Он был сразу же замечен Петром и вошел к нему в особое доверие, Вейде сопровождал Петра почти во всех походах и путешествиях: дважды бывал под Азовом, а под Нарвой попал в плен к шведам.

В 1710 году его разменяли на шведского генерала Штремберга, а в 1711 году он участвовал в Прутском походе. В 1714 году Вейде командовал галерой в сражении при Гангуте. На этой галере находился Петр, наградивший, Вейде орденом Андрея Первозванного.

В 1718 году он стал президентом Военной коллегии и принял деятельное участие в процессе царевича Алексея, присутствуя на всех допросах и пытках. Иной раз Вейде был единственным, кто находился в застенке кроме палачей.

По одной из версий, Вейде присоветовал Петру отравить царевича. Петр согласился, и Вейде заказал аптекарю сильный яд. Царь и Вейде вместе отнесли яд Алексею, но царевич наотрез отказался принимать снадобье. Тогда они повалили Алексея на пол, оторвали половицу, чтобы кровь могла стекать под пол, и топором обезглавили потерявшего сознание царевича, истощенного мучениями и страхом. Существует версия, что на этом трагедия не окончилась: на авансцене ис-

тории появился еще один персонаж — Анна Ивановна Крамер, пользовавшаяся у Петра не меньшим доверием, чем генерал Вейде.

Крамер — дочь купца, члена Нарвского магистрата, в 1704 году была увезена в Казань, где стала любовницей местного воеводы. С ним она приехала в Петербург, и тот ввел ее в дом генерала Балка — мужа Матрены Ивановны Монс, и здесь Анна Крамер задержалась ненадолго, перейдя в дом фрейлины Гамильтон, где ее и увидел Петр. Он был очарован ею, и чтобы видеть чаще и беседовать с ней, определил ее камерюнгферой Екатерины.

Анна была в особом кредите у Петра. Он поверял ей то, чего не мог доверить никому другому. Именно она приехала вместе с Петром и Вейде в Петропавловскую крепость, где передела мертвого царевича в приличествующий случаю камзол, штаны и башмаки, а затем искусно пришила к туловищу его отрубленную голову, замаскировав страшный шов большим галстуком.

По другой версии, 26 июня на последнюю трехчасовую пытку царевича Алексея приехали сам Петр, Меншиков и другие сановники, а через семь часов после пытки царевич скончался. Есть свидетельства, что по приказу Петра Алексея удушили подушками четверо офицеров, а руководил всем этим известный нам Александр Иванович Румянцев.

Академик Устрялов, посвятивший изучению жизни царевича четырнадцать лет, приводит девять версий его смерти. Наиболее достоверной ему представляется смерть в результате пыток от последовавшего затем апоплексического удара. (Ныне апоплексический удар принято называть инсультом.)

Но нельзя полностью игнорировать и другие объяснения происшедшего. Во всяком случае 13 декабря 1718 года Румянцев был пожалован сразу двумя чинами — майора гвардии и генерал-адъютанта и ему были отданы две деревни, ранее принадлежавшие сторонникам убитого царевича.

Царского благоволения за особые заслуги была удостоена и Анна Крамер. Она стала фрейлиной Екатерины, а затем и первой дамой при принцессе Наталье Петровне — самой младшей дочери Петра и Екатерины, скончавшейся, впрочем, сразу же после смерти своего отца. Как только Петра похоронили, Анна Крамер уехала в свою родную Нарву, где и прожила до 1770 года, умерев на семьдесят шестом году.

Желая показать, что смерть Алексея для него ничего не значит, Петр 27 июня, на следующий день после его гибели, пышно отпраздновал девятую годовщину Полтавской битвы. В официальных бумагах все чаще стало появляться имя един-

ственного сына Петра и Екатерины — трехлетнего великого князя Петра Петровича. Родители видели в нем законного наследника престола и радовались тому, что мальчик растет крепким, веселым и разумным. Но судьба распорядилась иначе: после недолгой болезни 25 апреля 1719 года мальчик умер. На траурной службе по умершему неосторожно рассмеялся родственник Евдокии Лопухиной — Степан Лопухин. Причину смеха объяснили тем, что теперь наследником мог стать царевич Петр Алексеевич, внук Петра, ровесник своего умершего дяди Петра Петровича. В глазах очень многих он имел все права и основания на наследование российского престола.

Разумеется был розыск и пытки, но последовали и выводы — Петр I решил сделать все, чтобы трон не достался Лопухиным и их родственникам.

Однако прошло почти три года пока царь сумел воплотить задуманное в официальный документ — «Устав о наследии престола», по которому царствующий государь мог отдавать после себя престол кому угодно из родственников, игнорируя права по рождению.

Устав был издан 5 февраля 1722 года, однако лишь 15 ноября 1723 года появился манифест о предстоящей коронации императорской короной Екатерины. И хотя в нем не говорилось, что именно Екатерина становится наследницей престола, было ясно, что Петр тем самым делает важный шаг на пути к реализации «Устава о наследии престола» в пользу своей жены.

Поэтому, когда в мае 1724 года в главном храме России — Успенском соборе Московского Кремля — состоялась коронация Екатерины, французский посол Кампредон особо отметил следующее: «над царицей совершен был, против обыкновения, обряд помазания так, что этим она признана правительницей и государыней после смерти императора, своего супруга»⁴³. Императорскую корону на голову Екатерины возложил сам Петр.

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТАЯ

Дело Марии Гамильтон

В ряду различных событий того времени было еще одно, приковавшее к себе внимание не только современников, но и многие поколения потомков. Это — судебный процесс над фрейлиной Екатерины девицей Марией Гамильтон. Среди девиц и дам, участниц «всешутейших и всепьянейших соборов», после 1715 года пальма первенства принадлежала молодой незамужней красавице Марии Даниловне Гамильтон. Мы уже встречались с этой фамилией, когда речь шла об Артамо-

не Сергеевиче Матвееве, чьей женой была Евдокия Петровна Гамильтон, дальняя родственница Натальи Кирилловны Нарышкиной — матери Петра I. Таким образом, Мария Даниловна Гамильтон доводилась Петру какой-то еще более дальней родственницей.

Петр не обошел своим вниманием Марью Даниловну, как и некоторых других фрейлин Екатерины. Как сообщает знаток быта и нравов петровской эпохи историк Михаил Иванович Семеновский, в это время любовницами Петра были кроме Гамильтон, Анна Крамер, генеральша Матрена Балк — сестра Анны Монс, Авдотья Чернышова, Мария Матвеева и княжна Мария Кантемир. Две последние отличались хорошим образованием, европейскими манерами и аристократическим воспитанием.

Мария Гамильтон любовницей Петра стала скорее по принуждению, чем по любви. Настоящие чувства она испытывала к одному из денщиков Петра — Ивану Михайловичу Орлову, который вместе с ней сопровождал Екатерину в большом путешествии за границу в 1716 — 1717 годах. Иван Орлов часто бывал пьян, ругал Марию грязными словами, а иногда и бивал, но фрейлина продолжала его беззаветно любить.

Во время этого путешествия Гамильтон забеременела и 15 ноября 1717 года, уже возвратившись в Петербург, родила мальчика. От него, как от незаконнорожденного, она решила избавиться и удушила его, однако была изобличена.

Во время следствия про делу «девки Гамонтовой» при обыске, кроме окровавленного белья, нашли несколько алмазных вещей, принадлежавших царице, и Мария Даниловна призналась в их краже. К ней применили дыбу и кнут. Ее пытали и спрашивали о том, знал ли Иван Орлов о ее беременности и убийстве ребенка. Она категорически отрицала осведомленность своего любовника, всю вину беря на себя. Орлов же без пытки, без строгого розыска во всем винил Марию Даниловну, оговаривал ее и других, и даже врал, больше всего боясь мучений в застенке.

Наконец, 27 ноября 1718 года, состоялся суд и детоубийца была приговорена к смерти, но приговор долго не приводили в исполнение.

Екатерина и некоторые придворные много раз просили Петра помиловать осужденную, но царь оставался неумолим.

Тогда за дело взялась царица Прасковья Федоровна — вдова брата Петра — Ивана. Петр уважал ее, и все надеялись, что заступничество Прасковьи спасет Марию Гамильтон. Однако участь ее была решена. Ей надлежало умереть. Гельбиг считал, что неумолимость царя объяснялась тем, что отцом убитого ребенка был сам Петр⁴⁴.

14 марта 1719 года Мария Даниловна взошла на эшафот. Петр приехал на место казни, и Гамильтон до последнего момента надеялась на помилование. Она шла на эшафот, одетая в нарядное, белое шелковое платье, украшенное черными лентами. Зачитали приговор: Гамильтон казнить смертью, а ее соучастницу, не донесшую на убийцу, бить кнутом и потом на десять лет сослать в работы на прядильный двор.

Мария Даниловна упала перед Петром на колени, умоляя простить ее. Петр подошел к ней, обнял, шепнул что-то, поцеловал и велел положить голову на плаху. Гамильтон покорилась, улыбнулась, ибо верила в помилование, и, не закрывая глаз, следила за Петром. А Петр вдруг подошел к палачу и тоже что-то сказал тому на ухо. Все, в том числе и Гамильтон решили, что теперь палач занесет топор и ударит не по шее ей, а по плахе. Но... топор свернул и голова девицы скатилась на помост.

Петр поднял отрубленную голову и поцеловал ее в губы.

Затем он прочитал присутствующим краткую лекцию по анатомии человеческой головы, поцеловал ее еще раз, бросил на землю, перекрестился и уехал с места казни.⁴⁵

А голову казненной — необычайно красивую голову — Петр приказал положить в банку со спиртом и хранить в кунсткамере. Через пять лет там же появилась еще одна голова — на сей раз мужская, и тоже необыкновенно красивая. Но об этом потом...

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Ассамблеи

За день до суда над Гамильтон Петр написал указ «О порядке собраний в частных домах и о лицах, которые в оных участвовать могут», учреждая знаменитые ассамблеи по примеру таковых собраний, полюбившихся ему в Париже.

На одной из первых ассамблей Петр увидел молодую красивую девушку Марию Андреевну Матвееву — дочь русского резидента в Вене и Гааге Андрея Артамоновича Матвеева, одного из наиболее просвещенных русских людей, давшего хорошее образование и своей дочери.

И здесь автор должен напомнить, что рядом с именем Гамильтон, имя Матвеева тоже только что промелькнуло, в связи с родством Артамона Сергеевича Матвеева с Евдокией Гамильтон. А Андрей Артамонович был сыном Артамона Сергеевича Матвеева и прославился удачной дипломатической деятельностью. С 1699 до 1712 года был он русским послом в Голландии, одновременно ведя переговоры с Францией и выполняя функции посла в Лондоне.

В 1712 — 1715 годах был Андрей Артамонович Матвеев по-слон в Вене, а потом вместе с семьей вернулся в Петербург, привезя с собою и семнадцатилетнюю красавицу-дочь Марию, которая безвыездно жила за границей, научившись французскому, немецкому и голландскому языкам. Появившись на первой ассамблее, она пленила Петра и красотой, и умом, и знанием языков, особенно его любимых — голландского и немецкого. Девятнадцатилетняя прелестница вскружила голову сорокашестилетнему царю, однако, испорченная вольными европейскими нравами, вовсе не считала обязательной для себя верность своему августейшему покровителю.

Мария Андреевна была первой танцовщицей, интересной собеседницей, любительницей игры в карты и мастерицей флирта. Петр не был ее единственным любовником, как и она у него. Однажды царь застал Марию Андреевну на месте преступления — во дворце, в одной из комнат, расположенных на втором этаже. Соучастник — молодой дворцовый лакей, — один из тех, о которых говорят: «Молодец, хоть во дворец», — увидев царя, выскочил в окно. Петр подбежал к окну и увидел, что его счастливый соперник лежит со сломанной ногой. Пробормотав: «Он сам себя наказал», — Петр повернулся к оторопевшей Матвеевой и, схватив ее за волосы, стал бить по лицу.

— Я накажу тебя так, что ты больше никогда не захочешь блудить, — пообещал он Матвеевой.

Схватив ее за руку, Петр потащил ее из дворца, сел вместе с ней в карету и поехал к новоиспеченному генерал-адъютанту Румянцеву. Там он и сосватал Матвееву за него. Румянцев был крут характером, и Петр надеялся, что у такого строгого и свирепого мужа молодая жена не загуляет.

10 июля 1720 года сыграли свадьбу. Царь наградил молодых богатыми подарками и немалыми деньгами.

Мария Андреевна впоследствии родила трех дочерей и одного сына, названного Петром. Мальчик родился 4 января 1725 года, за четыре недели до смерти Петра I. Это был будущий фельдмаршал Румянцев-Задунайский, учитель Суворова и Кутузова, первый из «стаи славной Екатерининских орлов».

Говорили, что Петр Румянцев в действительности — сын царя Петра, что находило косвенное подтверждение в особо благожелательном отношении к нему всех членов дома Романовых.

Мария Андреевна дожила до 1786 года, став статс-дамой и получив европейскую известность тем, что танцевала на балах со всеми российскими императорами от Петра I и до его правнука Павла.

Знакомство Петра с Матвеевой, которое произошло на ассамблее, и последующая связь с нею, были явлением более

чем типичным, свидетельствовавшим, что ассамблеи в известном смысле стали продолжением традиционных «всепьянейших и всешутейших соборов», только более респектабельных и облагороженных. «Соборы» же все еще продолжали существовать для тех, кому ассамблеи казались слишком чопорными и пресными, хотя нравы и на ассамблеях нельзя было назвать пуританскими.

Баронесса Шафирова рассказывала своей дочери, в замужестве княгине Анне Алексеевне Гагариной, что когда она была совсем молоденькой девочкой, Петр I приказал ей выпить смесь вина с возбуждающим ликером. Девочка отказалась и получила от Петра очень горький укор.

Сохранились свидетельства и о других любовных историях, случавшихся с Петром на ассамблеях, но их так много, и все они столь однообразны, что ничего нового читателю не добавят.

И все же еще одна любовная история Петра несомненно должна быть упомянута.

После неудачи Петра в Прутском походе молдавский господарь Дмитрий Кантемир лишился своих владений в Молдавии и переехал со всей семьей в Петербург. Женой Дмитрия Кантемира была хорошо образованная красавица по имени Кассандра, урожденная княжна Кантакузин, дальняя родственница византийских императоров. В пору их знакомства с Петром у нее было четыре сына — самый младший из них, Антиох Кантемир, стал впоследствии известным поэтом и дипломатом — и две дочери — Смарагда и Мария.

Говорили, что в Петербурге царь удостоил своей близостью красавицу княгиню. Однако в 1713 году Кассандра умерла.

Петр не оставил без внимания осиротевшую семью и стал любовником Марии Кантемир. Сначала новую связь не принимали всерьез, считая, что это не более, чем мимолетное увлечение. Может быть, так думал и Петр, но с годами его чувства к Марии становились все серьезнее, сильнее и глубже, а в момент своего апогея, даже заставили волноваться Екатерину за целостность царской семьи и свою собственную судьбу.

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

От Стокгольма до Дербента

Но перейдем к делам государственным. Летом 1721 года генералы Петра провели серию карательных операций на шведской территории, высаживая десанты, доходившие до окрестностей Стокгольма, и захватили на своем пути 4 города и 509 деревень. В Россию вывозились тысячи пудов хлеба, ме-

ди, железа. Тысячи беженцев появились на улицах Стокгольма, самым фактом своего пребывания склоняя шведских министров к поиску мира.

В результате шведские дипломаты 30 августа 1721 года подписали мирный договор. По имени финского городка, где шли переговоры, договор назвали Ништадтским. С русской стороны его подписали Яков Брюс и Андрей Остерман. По Ништадтскому миру Россия получила Эстляндию с Ревелем (Таллинн) и Нарвой, Лифляндию с Ригой, Ингерманландию с Петербургом и Кронштадтом, часть Карелии с Выборгом и Кексгольмом и острова Эзель и Даго.

Заключение мира со Швецией было триумфом Петра I, итогом его многолетних и многотрудных ратных и иных дел. Оно отмечалось в Москве и Петербурге с необычайной торжественностью и пышностью.

22 октября Сенат поднес Петру титулы Императора Всероссийского и Отца Отечества.

Однако мир, пришедший на русскую землю, оказался недолгим. Уже следующим летом Петр начал войну с Ираном, отправив по Волге и через Каспий к Тереку 274 корабля с 22 000 солдат и 6 000 матросов. Туда же по суше двинулись 49 000 регулярной конницы, казаков и калмыков. После взятия Дербента 23 августа 1722 года в Петербурге был подписан мирный договор в Персии, по которому России отходили южное и западное побережье Каспия с городами Дербентом и Баку и с провинциями Астрабад, Гилян и Мазендаран.

В тот год Петру исполнилось пятьдесят лет. Казалось бы, страсти могли поостыть, но не тут-то было. Именно в это время достиг апогея многолетний роман императора с Марией Кантемир. Она забеременела, а отцом будущего ребенка был Петр. Он настолько привязался к Марии, что не захотел оставлять ее в Петербурге даже во время похода. Она отправилась на войну вместе с ним и Екатериной.

Однако в ожидании скорых родов Марии пришлось остаться в Астрахани. К тому времени, как мы уже знаем, у Петра не осталось сыновей, а ему страстно хотелось иметь мальчика. Поэтому с беременностью Марии Петр связывал определенные надежды. Поговаривали, что если Мария родит Петру сына, то он может так же решительно избавиться от Екатерины, как двадцать лет назад избавился от Евдокии.

Но у Марии произошел выкидыш — уверяли, что это было подстроено друзьями Екатерины — и надеждам Петра не суждено было сбыться. Тем не менее Петр продолжал любить молдавскую княжну, хотя о женитьбе на ней уже не было и речи.

А теперь необходимо вспомнить, что между завершением войны со Швецией и началом войны с Персией, Петр 5 февраля 1722 года обнародовал «Устав о наследии престола», по которому наследником мог быть объявлен любой человек, пригодный по мысли Петра к исполнению этой должности. Однако время шло, а кандидата на трон император не называл. И только через двадцать месяцев — 15 ноября 1723 года появился Манифест, в котором сообщалось о предстоящей коронации Екатерины. А в мае 1724 года в Успенском соборе сам Петр возложил на ее голову императорскую корону.

Казалось, что в семье Петра воцарился покой и стабильность, и ничто не предвещало неожиданностей, как вдруг вечером 8 ноября 1724 года был арестован камергер двора императрицы Виллим Иванович Монс...

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Виллим Монс

А теперь нам предстоит познакомиться с одним из трех братьев Анны Монс — Виллимом Ивановичем — новым героем нашего повествования. Следует сразу же отметить, что опала Анны Монс никак не отразилась на карьере ее брата. Петр с самого начала полюбил Виллима и доверял ему.

Виллим Монс начал военную службу волонтером в двадцать лет. Это было в 1708 году. Затем был он зачислен в Преображенский полк, откуда его забрал к себе адъютантом генерал Родион Христианович Боур — швед, перешедший на службу к Петру еще до сражения под Нарвой.

Через три года Боур свел Монса с Петром, чьим адъютантом он и стал в 1711 году. С этих пор Виллим Монс — красавец и весельчак — все время находился при Петре, выполняя самые разные его поручения. Виллим проявил себя храбрым и расторопным офицером в сражениях при Лесной, под Полтавой и Фридрихштадтом. Он выполнял дипломатические поручения в Польше и Дании и всегда, при малейшей надобности, оказывался под рукой у государя. Карьера Монса круто пошла вверх.

Разумеется, он с самого начала хорошо знал и Екатерину Алексеевну. Они понравились друг другу, и через пять лет после начала службы у Петра, в 1716 году, Монс стал камер-юнкером при дворе Екатерины. В то время ему было 28 лет, Екатерине — 32, а ее августейшему супругу 44 года. Став камер-юнкером, Монс начал играть при дворе царицы первую роль. Он ведал финансами, дворцовым хозяйством, закупал все, что было необходимо, держал в руках десятки управляющих, эконо-

номов, служителей, следил за жизнью монастырей, которым Екатерина покровительствовала, и, наконец, организовывал и обеспечивал частые и дорогостоящие праздники и гуляния, до которых царица была весьма охоча.

Монс сопровождал Екатерину в поездках по России и за границу, хлопоча об удобствах в пути, о размещении в гостиницах, допуская к царице челобитчиков и извлекая немалый профит из своего посредничества. Нетрудно представить, какие возможности представлялись молодому красавцу, к тому же имевшему успех у множества женщин.

Оставаясь с Екатериной в гостиницах, участвуя в празднествах, организовывая пиры, путешествия и ночлеги, мог ли Виллим Иванович вести себя как евнух? Можно даже поставить вопрос по-иному: позволила ли бы ему тридцатидвухлетняя, часто одинокая, но очень склонная к разврату и пьянству Екатерина, вести себя по-монашески?

Очень и очень сомнительно, чтобы это было столь идиллически.

К тому же Петра часто не бывало с Екатериной, а она хорошо знала, чем занимается муж, когда ее нет рядом. Не последним обстоятельством был и сам треугольник — Петр, Виллим Монс, Екатерина, к которому незримо примыкала и Анна Монс. Если царю Петру и Анне Монс можно было любить друг друга, или, по крайней мере, не скрывая ни от кого, делить ложе, то почему то же самое, к тому же тайно, нельзя делать царице Екатерине и Виллиму Монсу? Так оно и случилось.

Монс и Екатерина были настолько осторожны и опасливы, что их связь долгое время оставалась в тайне. И, как это бывает чаще всего, обманутый супруг узнал обо всем последним.

Звезда Виллима Монса взошла в зенит после коронации Екатерины. Торжество ознаменовалось раздачей наград и милостей. И одним из первых был отмечен верный Виллим, ставший отныне камергером двора, что соответствовало по петровской «Табели о рангах» званию генерал-аншефа или действительного тайного советника по статской службе.

Казалось, звезда Монса так и будет стоять в зените, как вдруг 5 ноября 1724 года дворцовому лакею Ширяеву некий незнакомец, встретив его на Невском проспекте, вручил письмо, сказав, что письмо это с почты. Когда Ширяев распечатал конверт, оказалось внутри находится еще одно письмо — на имя государя.

Ширяев покрылся холодным потом, ибо всем дворцовым служителям под страхом батогов и изгнания со службы наистрожайше запрещалось принимать чьи-либо челобитные и письма на имя государя. Но здесь был другой случай — Ширя-

ев не знал, что находится внутри пакета, и это его вполне оправдывало. У лакея хватило ума не распечатывать конверт, адресованный Петру, и он отнес его к кабинет-секретарю императора Макарову, объяснив как письмо попало к нему.

Как впоследствии выяснилось, Петра извещали — конечно, анонимно, — что Виллим Монс, Иван Суворов, — брат Василия Ивановича Суворова и дядя будущего, тогда еще не родившегося, великого полководца, — а вместе с ними царский шут Балакирев, и особо доверенный Виллима Монса, стряпчий Егор Столетов, говорили анонимному доносителю о некоем тайном злоумышлении новоиспеченного камергера на жизнь и здоровье императора.

В конце концов письмо оказалось у Петра. Полагали, что в нем шла речь и о любовной связи Виллима Монса с Екатериной Алексеевной, а также о взятках, которые, пользуясь служебным положением, брали сам Монс, его сестра, царский шут Балакирев, стряпчий Столетов и другие.

10 ноября в величайшей тайне Петр сам отправился допрашивать Монса. Как только он вошел в комнату, где Виллим Иванович ждал допроса, тот упал в обморок и долго не приходил в себя. Казнь Глебова и его сообщников еще была свежа в памяти, и Монс понимал, что если Петр так поступил с любовником своей бывшей, к тому же нелюбимой жены, то как же он поступит с безумцем, совратившим его любимую жену?

Монс — не Глебов и запыряться не стал. На вопросы он отвечал пространно, чистосердечно признаваясь во всем. Писавший протокол Черкасов фиксировал далеко не все вопросы Петра и ответы Монса. Виллим Иванович подробно перечислил все подарки и подношения, которые брал за заступничество перед царем и царицей, за представление им челобитных и иных бумаг.

Затем допрашивали его сестру Матрену Ивановну Балк. И ей предъявили обвинения во взяточничестве, и она тоже во всем чистосердечно призналась.

Число взятокдателей оказалось столь велико и многообразно, что Петр приказал пройти по улицам Петербурга отряду преображенцев с барабанами. С ними шли бирючи-глашатаи, они призывали жителей столицы дать чистосердечные показания: приносил ли кто из них взятки Виллиму Монсу и его сестре. За утайку и плутовство обещалось строгое наказание. Страх пред Петром был столь велик, что до самой смерти императора, случившейся через два месяца, к Санкт-Петербургскому полицмейстеру Девиеру приходили с повинной десятки лиц всех состояний. Больше было представителей высшей знати — царевны Анна Ивановна и Прасковья Ивановна.

князя Репнины, Троекуровы, Вяземские, и даже от самого светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова тоже пришла повинная.

Верховный суд, не разбирая всех материалов, ограничился установлением трех бесспорных фактов мздоимства. А так как по Указу от 25 октября 1723 года взяточничество на государственной службе каралось смертью и конфискацией имущества, то Монс был приговорен к смертной казни, его сообщники — к наказанию кнутом и ссылке. Петр приговор утвердил.

15 ноября Монса, Столетова, Балакирева и Матрену Балк перевели в Петропавловскую крепость. Сообщников Монса приговорили к наказанию кнутом и ссылкой. Ивану Суворову удалось оправдаться.

В ночь перед казнью Виллим Монс написал стихи на немецком языке. Их подстрочный перевод звучит так:

Итак, любовь — моя погибель,
В груди моей горел огонь страстей
И он — причина моей смерти...
Моя гибель мне известна,
Я отважился полюбить ту,
Которую должен был лишь уважать.
И все же я пылаю к ней страстью.⁴⁶

Даже если бы Монс не оставил этих стихов, современники и потомки вряд ли считали бы дело Монса борьбой со взяточничеством, было понятно, что это прежде всего акт мести за прелюбодеяние с императрицей.

Уже известный нам Вильбуа записал со слов одной из фрейлин, девушки-француженки, прислуживавшей принцессам Анне и Елизавете, оказавшейся невольной свидетельницей возвращения царя из Петропавловской крепости после допроса Монса: «Приступ гнева Петра против Екатерины был таков, что он едва не убил детей, которых имел от нее». Далее Вильбуа писал: «Он имел вид такой ужасный, такой угрожающий, такой вне себя, что все, увидев его, были охвачены страхом. Он был бледен, как смерть, блуждающие глаза его сверкали. Его лицо и все тело, казалось, было в конвульсиях. Он несколько минут походил, не говоря никому ни слова, и, бросив страшный взгляд на своих дочерей, он раз двадцать вынул и спрятал свой охотничий нож, который носил обычно у пояса. Он ударил им несколько раз по стенам и по столу. Лицо его искривлялось страшными гримасами и судорогами. Эта немая сцена длилась около получаса, и все это время он лишь тяжело дышал, стучал ногами и кулаками, бросал на пол свою

шляпу и все, что попадалось под руку. Наконец, уходя, он хлопнул дверь с такой силой, что разбил ее». ⁴⁷

Вильбуа утверждал, что Петр хотел казнить и Екатерину, поступив с нею «так, как поступил Генрих VIII, английский король, с Анной Болейн»⁴⁸. Петра отговорили от этого А.И.Остерман и П.А.Толстой. Они сказали, что если казнить Екатерину за супружескую неверность, то встанет вопрос о том, кто подлинный отец ее дочерей? И тогда ни один из европейских принцев не сможет жениться на русских великих княжнах.

А именно в эти дни шли переговоры о женитьбе голштинского герцога Карла-Фридриха на какой-либо из дочерей Петра и Екатерины. Этот резон Петр посчитал для дела решающим и сумел смириться.

16 ноября 1724 года всех обвиняемых привели на Троицкую площадь к только что выстроенному эшафоту. Монс, одетый в нагольный тулуп, шел твердым шагом и спокойно поднялся на эшафот.

Он отдал сопровождавшему его пастору золотые часы с портретом Екатерины на крышке, снял тулуп и лег на плаху. Когда отрубленную голову красавца-камергера воткнули на заранее приготовленный высокий шест, внизу поставили сестру казненного Матрену и, обнажив ей спину, пять раз ударили кнутом; кровь с головы брата в это время стекала по шесту на ее плечи.

Затем пятнадцать ударов кнутом получил Егор Столетов, а шестьдесят ударов батогами получил Балакирев. Однако Петр не был бы самим собой, если бы сразу и решительно предал забвению происходящее. Голштинский посол в России, граф Геннинг-Фредерик Бассевич в оставленных «Записках» утверждал, что император привозил Екатерину на место казни Монса и заставлял смотреть на его отрубленную голову.⁴⁹

Через несколько дней Столетова и Балакирева отправили в крепость Рогервик (ныне — эстонский город Палдиски), а Матрену Балк — в Тобольск.

Эта история имела продолжение. Петр приказал отрубленную голову красавца-камергера положить в банку со спиртом и привезти к нему во дворец. Там он принес свой трофей Екатерине и поставил на столик в ее спальне. Петр долго гневался на Екатерину и перестал спать с ней в одной постели.

Так продолжалось несколько дней, пока Екатерина, заплавав, не упала перед мужем на колени, во всем винясь и прося прощения. Утверждают, что она простояла на коленях три часа и сумела вымолить у него отпущение грехов. И только после этого голова Монса была отправлена в кунсткамеру, где и оказалась рядом с головой Марии Даниловны Гамильтон.

Головы эти хранились в подвале в особых банках, куда время от времени наливали новый спирт. В 1780 году, более чем через полвека после происшедшего, президент Академии наук княгиня Екатерина Романовна Дашкова заинтересовалась, куда уходит так много спирта? И получила ответ, что спирт идет на сохранение двух человеческих голов — Гамильтон и Монса.

Дашкова рассказала об этом Екатерине II, и та велела принести и показать ей эти головы. Все, видевшие их, удивлялись и тому, что головы хорошо сохранились, но еще более — их необыкновенной красоте.

После этого Екатерина II приказала предать головы земле.

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Последние дни первого императора

А в 1724 году сановный и родовитый Санкт-Петербург скоро уже жил другой новостью — 22 ноября был подписан брачный контракт между голштинским герцогом Карлом-Фридрихом и великой княжной Анной Петровной, а еще через несколько дней состоялось их обручение.

Торжества сопровождались балами и фейерверками, зваными обедами в домах вельмож и Зимнем дворце. Петр и Екатерина, показываясь вместе, производили впечатление спокойных, веселых и любящих супругов. Казалось, тучи развеялись и ничто не грозит более их союзу и семейному покою. Однако судьбе было угодно решить иначе.

Еще во время коронационных торжеств Екатерины Петр простудился и болел с перерывами до глубокой осени. И все же он вел прежний образ жизни — много пил, ел все, что ему хотелось, и почти не слушал докторов.

Дело Монса и вовсе подорвало его здоровье. Казалось, что он сознательно ищет смерти. 21 ноября — на пятый день после казни Монса — Петр первым в столице, рискуя жизнью, переехал по льду через Неву, вставшую лишь накануне. Начальник береговой стражи Ганс Юрген хотел арестовать нарушителя, но им оказался сам император.

20 декабря Петр участвовал в грандиозной попойке, устроенной по случаю избрания нового князь-папы «всепеньейшего собора», потом, в январе 1725 года бурно отгулял на свадьбе своего денщика Василия Пospelова и на двух ассамблеях — у графа Толстого и вице-адмирала Корнелия Крюйса.

Особенно же поразил всех больной император, когда 6 января, в мороз, прошел во главе Преображенского полка маршем по берегу Невы, затем спустился на лед и стоял в течение

всей церковной службы, пока святили Иордань. Все это привело к тому, что Петр слег, сильно простудившись, и с 17 января стал испытывать страшные мучения.

Простуда усугублялась застарелыми недугами. О них существует несколько версий. Французский посол в России Кампредон сообщал в Париж, что царь призвал к себе одного итальянского доктора (доктора Азарити), с которым посоветовался наедине. Далее Кампредон писал, что, по словам Азарити, «царь страдал задержкой мочи, а это является следствием застарелой венерической болезни, от которой в мочевом канале образовалось несколько небольших язв». ⁵⁰

Лечивший Петра врач Блюментрост был против хирургического вмешательства, а когда хирург-англичанин Горн операцию все же провел, то было уже поздно, и у Петра вскоре начался антонов огонь (гангрена). Последовали судороги, сменявшиеся бредом и глубокими обмороками. Последние десять суток, если больной и приходил в сознание, то страшно кричал, ибо мучения его были ужасными.

Относительно диагноза последней болезни Петра мнения специалистов расходятся. Автор фундаментального труда «История медицины в России» В.Рихтер считал, что Петр умер из-за воспаления, вызванного задержкой мочи, не упоминая о том, что было причиной этого воспаления. Другой видный историк медицины Н.Куприянов полагал, что смерть Петра наступила от воспаления мочевого пузыря, перешедшего в гангрену, и от задержания урины. И, наконец, небезынтересно и заключение, сделанное в 1970 году группой московских венерологов, изучивших все сохранившиеся документальные свидетельства о болезни и смерти Петра. Профессора Н.С.Смелов, А.А.Студницын, доктор медицинских наук Т.В.Васильева и кандидат медицинских наук О.И.Николова пришли к заключению, что Петр «по-видимому, страдал злокачественным заболеванием предстательной железы или мочевого пузыря, или мочекаменной болезнью». ⁵¹

В краткие минуты облегчения Петр готовился к смерти и за последнюю неделю трижды причащался. Он велел выпустить из тюрем всех должников и покрыть их долги из его сумм, амнистировать всех заключенных, кроме убийц и государственных преступников, и просил служить молебны о нем во всех церквах, в том числе иноверческих.

Екатерина находилась у его постели, не покидая умирающего ни на минуту. Петр I умер 28 января 1725 года в начале шестого утра. Екатерина сама закрыла ему рот и глаза и вышла из маленькой комнатки-кабинета, или конторки, как ее назы-

вали. в соседний зал, где ее ждали, чтобы провозгласить премницей Петра.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Русский архив. — 1875. — Кн. 7. — С.236.
- 2 См.: Семевский М.Н. Царница Катерина Алексеевна, Анна и Вильям Монс. — СПб., — 1884. — С.24.
- 3 Гельбиг Г. Русские избраники. — С.21.
- 4 См.: Русский архив. — 1875. — Кн. 7. — С.235.
- 5 См.: Русский вестник. — 1860. — Т. 28. — С.182.
- 6 Цит. по: Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. — СПб., — 1859. — Т. 3. — С.187.
- 7 Восстановить шпильеры упомянутых в документах членов “собора” трудно, так как все они имели родственников и однофамильцев и не ясно о ком идет речь.
- 8 См.: Долгоруков П.В. Записки. — М., — 1909. — Ч. I. — С.175.
- 9 Там же. — С.854.
- 10 В тексте документа, публиковавшегося в журнале “Русская старина” (1872, № 6. С.866) стоит отточие. А так как слово “доно” имеет множественный смысл — по Дашю это “грудь, перси, недра, утроба, колени”, то трудно сказать, о чем именно идет здесь речь.
- 11 Русская старина. — 1872, № 6. — С.868–869.
- 12 Семевский М.Н. Царница Катерина Алексеевна, Анна и Вильям Монс. — С.30.
- 13 См.: Никифоров Л.А. Общество и государство феодальной России. Записки Вильбуа. — М., — 1975. — С.220.
- 14 См.: Гельбиг Г. Русские избраники. — С.48–49.
- 15 См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. — М., — 1963. — Т. 9. — С.644.
- 16 Русский архив. — 1875. — Кн. 7. — С.241.
- 17 Арсеньев К. И. Царствование Екатерины I. — СПб., — 1856. — С.68.
- 18 Соловьев С.М. История России с древнейших времен. — Т. 9. — С.370.
- 19 Подпись Екатерины “сама третья” означает, что подписывается она и ее первенцы—младенцы Петр и Павел.
- 20 Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 9. С.370.
- 21 Бассевич Г.Ф. Записки о России при Петре Великом, извлеченные из бумаг графа Бассевича. — М., — 1866. — С.27.
- 22 Цит. по: Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. — Т. 6. — СПб., — 1859. — С.312.
- 23 Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 8. С.386.
- 24 В 1714 году, в память об этом поступке своей жены, Петр учредил орден Святой Великомученицы Екатерины. Он был единственным дамским орденом России и вручался только особам царской крови и ближайшему окружению российских самодержцев. Девизом ордена были слова “За любовь и Отечество”, а пояснительная надпись гласила: “Грудями сравнивается с супругом”.
- 25 См.: Пекарский П.П. Наука и литература при Петре Великом. — Т. I. — СПб., — 1862. — С.64–90.
- 26 Цит. по: Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. — Т. 6. — С.43.
- 27 Там же. — С.346.

- 28 Там же. — С.346—348.
- 29 Там же. — С.349.
- 30 Там же. — С.50—51.
- 31 Валишевский К. Петр Великий. — М., — 1989. — С.240.
- 32 См.: Брикнер А.К. История Петра Великого. — Т. 2. — СПб., — 1882. — С.527.
- 33 См.: Письма русских государей и других особ царского семейства (далее — Письма русских государей). — Т. I. — М., — 1861. — С.58.
- 34 Штелин Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом. — Ч. I. — М., — 1829. — С.254.
- 35 Цит. по: Валишевский К. Царство женщин. — М., — 1989. — С.22—23.
- 36 Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. — Кн. 3. — М., — 1992. — С.833.
- 37 Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. — Т. 6. — С.205.
- 38 Там же. — С.208.
- 39 Там же. — С.328.
- 40 Там же. — С.329—334.
- 41 Там же. — С.210—211.
- 42 Там же. — С.280—293.
- 43 Сб. РИО. — Т. 52. — С.220.
- 44 См.: Семевский М.И. Слово и дело. — СПб., — 1885. — С.259.
- 45 Там же. — С.261.
- 46 Семевский М.Н. Царица Катерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс. — С.215.
- 47 Никифоров Л.А. Общество и государство Феодальной России. Записки Бильбуа. — С.225.
- 48 Там же. — С.223. Генрих VIII обвинял Анну Болейн в неверности, за что она была обезглавлена.
- 49 См.: Бассевич Г.Ф. Записки. — М., — 1866. — С.170.
- 50 Сб. РИО. — Т. — 52. — С.415.
- 51 См.: Павленко Н.И. Петр Великий. — М., — 1990. — С.557.

Глава четвертая

ЕКАТЕРИНА I И ПЕТР II

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Придворный калейдоскоп

Петр I умер, не оставив завещания. Наследниками престола могли считаться, во-первых, сын казенного Алексея — Петр, во-вторых, дочери Петра I и Екатерины — Анна и Елизавета, в-третьих, родные племянницы Петра I, дочери его старшего брата Ивана Алексеевича — Анна, Екатерина и Прасковья. Анна занимала в это время герцогский трон в Курляндии, Екатерина была герцогиней в Меклебурге, а Прасковья жила в Москве, не будучи замужем. И, наконец, наиболее вероятной наследницей престола считалась Екатерина Алексеевна.

Через три часа после смерти Петра I собрались сенаторы, члены Святейшего Синода и генералитет — военный и статский. Они встретились по собственному почину, как только узнали о смерти императора. Однако, когда все они пришли в соседний с конторкой зал, там уже были офицеры обоих гвардейских полков, стоявшие тесной группой в одном из углов.

Споры о праве на опустевший трон развернулись мгновенно. Каждый из сановников так или иначе выражал свои симпатии и антипатии, но офицеры хранили молчание.

Противники Екатерины зароптали, не желая видеть рядом с собою гвардейских офицеров, но присутствовавший в зале подполковник Преображенского полка Иван Бутурлин подошел к окну, толкнул раму и махнул рукой. Через распахнутое окно в зал донесся барабанный бой...

Этот аргумент оказался самым веским, перечеркнул все соображения сановников о преимуществах родства и праве претендентов на трон. Немаловажным было и то обстоятельство, что вторым подполковником преображенцев был Светлейший князь Александр Данилович Меншиков, в чьих симпатиях к Екатерине никто из присутствующих не сомневался.

* * *

Сорок дней прощался с мертвым, забальзамированным телом императора весь Петербург: сановники, духовенство,

купцы, дворяне, их многочисленная челядь, иные простые люди.

А через три недели, 22 февраля, умерла младшая из дочерей Петра — девятилетняя Наталья, и в Зимнем дворце еще одним громом стало больше.

Когда продумывали церемониал похорон, оказалось, что гроб с телом императора не проходит в дверь из конторки, и тогда по приказу главного распорядителя похорон генерал-фельдцейхмейстера, сенатора и кавалера, графа Якова Брюса в дверь превратили одно из окон, а к нему снизу возвели просторный помост, с обеих сторон которого шли широкие лестницы, задрапированные черным сукном.

В полдень 10 марта 1725 года три пушечных выстрела известили о начале похорон императора. Мимо выстроившихся вдоль берега Невы полков гроб Петра I снесли по лестнице на набережную, и восьмерка лошадей, покрытых попонами из черного бархата, провезла гроб к причалам главной пристани, а оттуда на специально сооруженный на льду Невы деревянный помост, ведущий к Петропавловской крепости.

За гробом Петра несли более тридцати знамен. И первыми из них были: желтый штандарт Российского флота, черное, с золотым двуглавым орлом, императорское знамя и белый флаг Петра I с изображенной на нем эмблемой — стальным резцом скульптора, вырубаящим из камня еще незавершенную статую, символизирующую преобразующуюся Россию.

А перед этой знаменной группой за гробом шли члены семьи покойного и сенаторы. Порядок, в каком они следовали, о многом говорил и сановникам, и иностранным дипломатам, ибо он точно отражал расстановку сил и значение каждого из этих людей при дворе.

Первой шла вдовствующая императрица Екатерина Алексеевна. С обеих сторон ее поддерживали: Светлейший князь Меншиков и великий канцлер граф Головкин.

Следом шли дочери Петра и Екатерины — семнадцатилетняя Анна и пятнадцатилетняя Елизавета, затем племянницы — царевна Прасковья Ивановна и мекленбургская герцогиня Екатерина Ивановна, а за ними — родственники по матери покойного — Нарышкины. Вместе с ними шел девятилетний внук покойного Петр, сын казненного Алексея, и жених Анны Петровны — голштинский герцог Карл-Фридрих.

Не пройдет и десяти лет, как почти все эти люди умрут. Долгожителями окажутся лишь великий канцлер Головкин и дочь Петра I — Елизавета.

Гроб Петра поставили в Петропавловском соборе, который тогда еще строили, и он стоял там непогребенным шесть лет. И только после этого тело покойного предали земле...

* * *

Царствование Екатерины I продолжалось чуть больше двух лет — она скончалась 6 мая 1727 года, едва перешагнув рубеж своего сорокалетия.

Наиболее значительным событием в ее царствование была свадьба старшей дочери Петра и Екатерины — Анны Петровны, состоявшаяся 21 мая 1725 года. Зятем императрицы стал двадцатипятилетний голштинский герцог Карл-Фридрих из дома Шлезвиг-Гольштейн-Готторпов. Именно этот брак положил начало господству, практически новой династии. Формально сохранив за собой прежнюю фамилию Романовых, императорская семья, фактически, стала династией Романовых-Гольштейн-Готторпов, так как подавляющее большинство женихов и невест для Российского императорского дома рекрутировалось из Северной Германии, которая вследствие этого часто именовалась «племенной конюшней дома Романовых».

Однако первый же жеребец из новой конюшни сразу же вполне определенно и недвусмысленно заявил о своих статях: проведя первую ночь в одной постели с молодой женой, Карл-Фридрих три последующие ночи там не появлялся.

В то время высшая бюрократия разделилась на явных сторонников Екатерины I и ее скрытых недоброжелателей. Возле первого человека в государстве — Меншикова — оказались его сподвижники — начальник Тайной канцелярии П.А.Толстой, генерал-адмирал Ф.М.Апраксин и канцлер Г.И.Головкин. Их поддерживала большая и могущественная группа сановников — военных и дипломатов.

Скрытая оппозиция опиралась на правительствующий Сенат, состоявший из одиннадцати членов, и поэтому Екатерина и Меншиков стремились к тому, чтобы отобрать у Сената функции правительствующего органа. Это было сделано 8 февраля 1726 года учреждением Верховного тайного совета. В его состав входили: Меншиков, Толстой, Апраксин, Головкин и князь Д.М.Голицын. Возглавляла Верховный тайный совет, не входя в него, сама императрица. Ведению совета подлежали все дела внешней политики и дела, «которые до ее величества собственного решения касаются», то есть те, которые не подлежали ведению Сената. Сам Сенат перестал официально именоваться «правительствующим» и был переиме-

нован в «Высокий Сенат.» Самым же существенным было то, что три важнейшие коллегии — Иностранных дел, Военная и Адмиралтейская — изымались из подчинения Сенату и передавались в ведение Верховного тайного совета, получив в отличие от прочих коллегий название государственных.

Из других событий важнейшим можно считать официальное открытие в декабре 1725 года Академии наук и художеств, а из правительственных распоряжений — ряд указов, сокращающих непомерно тяжелое налоговое бремя и государственные расходы.

И тем не менее эти расходы все же оставались весьма существенными. В первую очередь это касалось затрат на содержание двора.

Датский посланник в Петербурге Вестафль утверждал, что за два года царствования Екатерины I при ее дворе было выпито заграничных вин и водок на миллион рублей, в то время как весь государственный бюджет достигал десяти миллионов.¹

Пьянство во дворцах было повальным. Как и прежде, отличались в нем не только мужчины, но и дамы, а среди них — неувядаемая и негнибемая княгиня-игуменья Анастасия Петровна Голицына. Только за одну неделю — с 12 по 19 октября 1725 года она получила от императрицы сначала 20, а потом 15 золотых червонцев за то, что выпивала на глазах у нее по два кубка вина. А ведь петровский кубок вмещал три литра!

Екатерина после смерти мужа стала в полном смысле слова веселой вдовой. Она обзавелась сразу несколькими фаворитами: ими стали Сапега, Левенвольде и Девиер. Не чуралась она и другими кратковременными счастливыми, среди которых оказывались даже дворцовые служители. Сам Светлейший князь Меншиков, приходя поутру в спальню императрицы, начинал беседу с вопроса: «А чего бы нам выпить?»

Вскоре в Петербурге все чаще стала мелькать и еще одна фигура — курляндская герцогиня Анна Ивановна. Мы встречались с нею в 1710 году, когда она стала женой племянника прусского короля курляндского герцога Фридриха-Вильгельма. На пути со свадьбы в Курляндию герцог с перепоя скончался, и Анна стала вдовой в семнадцать лет. Теперь ей уже перевалило за тридцать.

После скоропостижной смерти мужа Анна Ивановна горевала недолго — молодость и пылкость натуры взяли свое, и она вскоре утешилась тем, что стала все чаще появляться в Петербурге, который не шел ни в какое сравнение со столицей Курляндии — бедной захолустной Митавой (ныне Елгава).

Более всего Анну Ивановну петербургский двор привлекал своими беспрерывными празднествами и богатством. От

природы она была крепка здоровьем и склонна к самым разнообразным наслаждениям. Правда, она весьма спокойно относилась к питиям и брашням, обходясь двумя-тремя рюмками венгерского в день, но отличалась изрядным неравнодушием к амурным утехам.

Посланником герцогини Курляндской в Петербурге, или, как тогда говорили, резидентом, был швед Рейнгольд-Густав Левенвольде, бывший офицер Карла XII, перешедший на русскую службу после поражения шведов под Полтавой. Он был одним из любовников Анны Ивановны и честно соблюдал ее интересы в Петербурге, ибо в значительной мере эти интересы были и его собственными. Левенвольде пользовался расположением и императрицы Екатерины, и потому, как порядочный человек, офицер и дворянин, соблюдал и ее интересы.²

Он происходил из древнего, аристократического немецкого рода, осевшего в Ливонии еще в XIII веке. Как и Виллим Монс, Левенвольде сначала был камер-юнкером Екатерины, а при ее восшествии на трон стал камергером.

24 октября 1726 года Рейнгольд-Густав Левенвольде и его брат Карл-Густав получили титул российских графов. Вслед за тем Рейнгольд стал кавалером ордена Александра Невского и получил осыпанный бриллиантами портрет Екатерины для ношения на шее.

Кроме шведа Левенвольде Анна Ивановна приблизила к себе уже известного нам шурина Меншикова Девиера, а затем еще и польского магната, молодого красавца Петра Сапегу. То, что Девиер и Сапега, подобно Левенвольде, состояли в разряде галантов императрицы, потом сыграло немаловажную роль в судьбе Анны Ивановны.

В это время Екатерина I все чаще стала болеть, а государственными делами целиком занимался Меншиков. А сама она предпочитала устраивать свои собственные семейные и амурные дела.

Как мы уже знаем, ее первым галантом был Рейнгольд-Густав Левенвольде, деливший свои привязанности между Анной Ивановной и императрицей.

Другим фаворитом Екатерины I в конце ее жизни стал только что упоминавшийся князь Петр Сапега. Его отец Ян-Казимир Сапега еще в начале XVIII века претендовал на корону Польши, а потом, отказавшись от борьбы за трон для себя, стал ревностным поборником Станислава Лещинского и столь же ярким врагом еще одного соискателя короны — Августа II Сильного. Из-за того, что Август II был союзником России, Сапега воспринимался Петром I как политический противник, и Екатерине нужно было резко переменить отношение к нему

и его сыну в сознании петербургского двора. Сапеги появились в Петербурге, когда Ян-Казимир вновь попытался добиться королевского титула и решил привлечь на свою сторону Россию. С этой целью в начале 1726 года он посватал своего сына Петра за дочь Меншикова Марию, обещая со своей стороны помочь Александру Даниловичу стать герцогом Курляндским.

Меншиков благосклонно воспринял эту идею и пригласил Петра Сапегу приехать к себе. Светлейший князь поселил двадцатилетнего жениха у себя в доме, чтобы получше узнать будущего зятя, а следом за женихом приехал и его отец.

Ян-Казимир Сапега 10 марта 1726 года, за два дня до объявленного обручения его сына с Меншиковой, был пожалован чином российского фельдмаршала, а его сын в тот же день стал камергером. В списке фельдмаршалов, с момента учреждения этого чина Петром I, Сапега был седьмым, но в отличие от всех своих предшественников не имел перед Россией никаких военных заслуг и ни дня не служил под ее знаменами. Говорили, что Екатерина I удостоила его этого звания за то, что он помог сыскать в Литве ее родственников, но гораздо вероятнее, что чин фельдмаршала был дан Сапеге стараниями Меншикова в расчете на то, что новый фельдмаршал в случае, если возникнет необходимость воевать за Курляндию, встанет во главе русской или объединенной русско-польской армии.

12 марта Екатерина I в присутствии всего двора сама обручила Петра Сапегу с княжной Марией Меншиковой и в тот же день влюбилась в чужого жениха, отличавшегося необычайной красотой.

Екатерина подарила Петру Сапеге полностью меблированный роскошный дом и огромные поместья, но сделала все, чтобы расстроить намеченную свадьбу. А для искусного прикрытия подлинной причины отказа от свадьбы с Марией Меншиковой, подставила молодому красавцу свою племянницу — графиню Софью Карловну Скавронскую. Однако эта свадьба состоялась уже после смерти императрицы, 19 ноября 1727 года.

Так как положение бывшего фаворита оказалось очень непрочным, Петр Сапега продал дом и поместья за два миллиона рублей серебром и уехал вместе с женой в Литву.

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

*Сиятельные графы Скавронские, Гендриковы
и Ефимовские*

А теперь настал черед рассказать о жене Сапеги Софье Карловне, в девичестве графини Скавронской, и о ее родст-

венниках — братьях, сестрах, племянниках и племянницах Екатерины I.

Первой из двадцати родственников российской императрицы предстала перед нею ее родная сестра Христина. Это случилось в мае 1721 года, когда Петр и Екатерина были в Риге.

Там к Екатерине пришла крепостная крестьянка помещика фон Вольфеншильда-Ленневарда. Она назвалась Христиной Скворощанкой, родной сестрой русской царицы, и Екатерина, увидев ее, тут же признала своей сестрой, а при расставании дала ей двадцать золотых червонцев. По приказу Петра I фельдмаршал князь Никита Иванович Репнин, тогдашний Лифляндский генерал-губернатор, начал долгие, весьма осторожные поиски родственников Екатерины. Розыск тянулся с конца 1722 по январь 1726 года и завершился уже после смерти Петра.

За это время были найдены родные братья императрицы Карл и Фридрих Скавронские и еще одна родная сестра Анна с семьями. Однако никто из них, кроме Фридриха, не соглашался ехать в Петербург. Тогда всех их под конвоем перевезли в окрестности столицы и поселили на мызе Стрельня в недавно построенном дворце на берегу Финского залива.

Карл Скавронский с женой, двумя дочерьми и тремя сыновьями переехал из Стрельни в Петербург в конце 1726 года. Екатерина подарила ему роскошный и богато меблированный дом с окнами на Неву. И вот именно его старшая дочь — Софья, ставшая фрейлиной Екатерины, вышла замуж за Петра Сапегу.

Средняя дочь — Анна — была замужем за графом Михаилом Илларионовичем Воронцовым, дослужившимся до высшего гражданского чина — канцлера — и возглавившего Коллегию иностранных дел.

Из трех сыновей Карла Скавронского, что-то заметное представлял из себя только один — Мартын. В царствование Екатерины II он стал обер-гофмейстером и генерал-аншефом. Отзывы же о самом Карле Скавронском и его жене Марии Ивановне — единодушны и однообразны: даже на фоне распущенного и вечно пьяного окружения Екатерины I они прослыли сугубыми пьяницами, а Мария Ивановна, как деликатно заметил Гельбиг, прославилась еще и «необузданными излишествами относительно мужчин».³

Карл и все его семейство 5 января 1727 года получили титулы графов, а глава семьи еще и придворный чин камергера, соответствовавший по «Табели о рангах» армейскому полковнику. Второй брат императрицы — Фридрих Скавронский, — сразу же переделавший свое немецкое имя на русское Федор,

был возведен в «графское Российской империи достоинство» в тот же день, что и его старший брат Карл.

Федор был бездетен, но у его жены было двое дочерей от первого брака. Однако и жена Федора Скавронского и его падчерицы наотрез отказались ехать в Петербург и остались жить в своей деревне.

Федор, получив графский титул, стал владельцем вотчин около Москвы, а потом, овдовев, женился на Екатерине Родионовне Сабуровой, происходившей из древнего и знатного рода, откуда вышли и две московские царицы: жена Василия III — Соломония — и жена старшего сына Ивана Грозного, Ивана Молодого — Евдокия.

Новоявленный граф ненадолго задержался в Петербурге, вскоре уехав в одну из своих подмосковных деревень.

Графских титулов были удостоены и члены семейств двух сестер Екатерины — Христины и Анны.

Христина, вышедшая замуж за крепостного крестьянина Симона-Генриха, не имевшего фамилии, приехав в Петербург стала именоваться графиней Гендриковой. Нетрудно догадаться, что фамилия ее была произведена от имени мужа.

Симон не знал грамоты и потому не мог быть определен в какую-либо службу. Он, как и графы Скавронские, получил большие поместья и чин камергера.

У Симона и Христины было две дочери и два сына. Все они породнились со знатнейшими русскими фамилиями, однако только один из сыновей — Иван — сделал блестящую карьеру, став генерал-аншефом и командиром корпуса кавалергардов. Брат же его Андрей, как и отец, удостоился придворного чина камергера, не служив ни одного дня ни по военной части, ни по статской.

Другая сестра Екатерины — Анна — была замужем за польским крестьянином Иоахимом, бесфамильным, как и все крепостные. В русской транскрипции это имя произносилось Ефим, и потому в России фамилия сестры Екатерины и ее мужа была — Ефимовские. В отличие от своих сородичей графский титул Ефимовские получили в царствование Елизаветы Петровны 25 апреля 1742 года. Когда же Симон и Иоахим появились в России, то, подобно Скавронскому и Гендрикову, получили все тот же придворный чин камергера, роскошные дома и богатые поместья. Четверо сыновей Ефимовских ничем особым не отличились, хотя и сделали придворную карьеру благодаря своему происхождению.

Нравы во всех четырех семействах новоявленных графов были самыми низменными, а отношения между братьями и сестрами необычайно скандальными. Часто, живя в одних и

тех же деревнях, которые были пожалованы им в общее владение по частям, они дрались друг с другом, писали в суды жалобы и завоевали дурную славу стяжателей и ябедников.

Их второе и третье поколения были уже другими людьми, но словно какой-то рок преследовал и Скавронских, и Ефимовских, и Гендриковых. В Россию приехали двадцать братьев, сестер, племянников и племянниц Екатерины, а к 1800 году все три фамилии пресеклись, не оставив ни одного продолжателя рода.

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Предсмертная конвульсия

Между тем, из-за того, что Екатерина совершенно устранилась от государственных дел, сила и влияние Меншикова продолжали расти. Это заставило верховников опасаться того, что он скоро превратит их в марионеток.

Врагами Меншикова оказались Толстой и Голицын, а вне среды верховников — все еще очень влиятельный Девиер.

В апреле 1727 года Екатерина тяжело заболела и Меншиков нашел повод показать своим противникам, что шутки с ним плохи. К тому же он был злопамятен, и это почувствовал прежде всего Девиер: всесильный временщик так и не простил своему непрошеному шурина брака с сестрой, состоявшегося вопреки его воле.

И когда в апреле 1727 года Екатерина заболела, Девиер по приказу Меншикова был арестован и обвинен в том, что он во время болезни императрицы «не только не был в печали, но и веселился, и плачущую Софью Карлусовну (Скавронскую) вертел вместо танцев и говорил ей: «Не надо плакать». В другой палате сам сел на кровать... говорил ее высочеству цесаревне Анне Петровне: «О чем печалишься? Выпей рюмку вина». И говоря то, смеялся, и пред ее высочеством по рабской своей должности не вставал и респекта не отдавал... А были при том многие персоны, которые, когда спрошены будут, объявят о всех его непотребных словах и злых поступках, и в какой силе вышеупомянутые злые слова говорил, и где, и с кем, и когда был в совете, и какое злое намерение имел, о всем может объявить при допросе и при розыске». Девиер при допросах и во время пыток не переставал утверждать, что он не умышлял никакого зла интересу ее императорского величества и никаких сообщников не имеет, но говорил с Бутурлиным, Толстым, Нарышкиным, Долгоруким и Скорняковым-Писаревым о свадьбе великого князя на княжне Меншиковой. Потребованные к ответу Писарев и Толстой показали еще и на Ушакова. Из речей их открылось, что все они более

или менее опасались силы Меншикова и советовались между собою, как бы воспрепятствовать сватовству великого князя на его дочери.»⁴

Переход трона к Петру Алексеевичу грозит и тем, говорил Девиер и его сообщники, что он «без сомнения возвратит из заточения бабу свою царицу Евдокию, а она нраву особливо-го, жестокосердна, захочет выместить злобу.»⁵

6 мая 1727 года, в последний день своей жизни, Екатерина подписала указ о наказании Девиера и его сообщников. Приговор суда определял смертную казнь Девиеру и Толстому, а остальным — битье кнутом и ссылку в Сибирь. Екатерина заменила смертную казнь на кнут и ссылку, а Скорнякову-Писареву предписала кнут, лишение имений, чинов и ссылку в Тобольск, а остальных — Бутурлина, Нарышкина, Долгорукова и Ушакова — понизила в должностях и удалила от двора.⁶

Через несколько часов после подписания приговора Екатерина I умерла. Главный врач Блюментрост, представляя Верховному тайному совету медицинское заключение о причине ее смерти написал, что с нею «фебра приключилась и повреждение в легком быть надлежало, и мнение дало, что в легком имеет быть фомика, которая за четыре дня до смерти ее величества явно оказалась... и от той фомики 6-го дня мая с великим покоем преставилась.»⁷

Приговор Девиеру и его соучастникам, хотя и был одним из последних актов, подписанных Екатериной, но все же не самым последним. Гораздо более важным документом было оставленное и должным образом оформленное завещание, по которому наследником трона объявлялся Петр Алексеевич — двенадцатилетний внук Петра I. Завещание гласило: «Великий князь Петр Алексеевич имеет быть сукцессором» (самодержцем). Однако, регентом при нем назначался не Меншиков, как можно было ожидать, а «обе цесаревны, герцоги и прочие члены Верховного совета, который обще из девяти персон состоять имеет.»⁸

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Между похоронами и свадьбой

Когда Екатерина I умерла, великому князю Петру Алексеевичу шел тринадцатый год. Он был мягок душой, красив, достаточно развит и весьма не глуп для своих лет, напоминая покойную мать Софью-Шарлотту. С самого начала своего неожиданного воцарения мальчик попал в очень непростую ситуацию, ибо кроме него претенденткой на трон могла оказать-

ся и восемнадцатилетняя дочь Петра I и Екатерины I — Елизавета Петровна — его родная тетка.

Сторонники Елизаветы прочили ей в мужа незаконного сына польского короля Августа II Сильного и графини Авроры Кенигсмарк — красавца и ветреника Морица Саксонского, перед тем неудачно посватавшегося к Анне Ивановне. (Об этом пассаже еще будет рассказано.) Сторонники же Петра II сватали ребенка-императора за дочь Меншикова — Марию.

Желая примирить обе партии, кто-то выдвинул фантастический проект женитьбы Петра Алексеевича и Елизаветы Петровны — племянника и тетки. Но Меншиков упредил всех, увез Петра к себе во дворец и там сосватал его за свою дочь.

12 мая, когда тело Екатерины еще не было погребено, Петр II возвел Меншикова в звание генералиссимуса, дав ему очевидное преимущество перед пятью жившими и действовавшими в ту пору фельдмаршалами.

16 мая 1727 года Екатерину похоронили, а уже 24-го во дворце Меншикова на Васильевском острове была необычайно пышно отпразднована помолвка Петра II и Марии. Меншикову эта великая удача не вскружила голову, и он демонстративно протянул руку примирения и дружбы ненавидевшим его Голицыну и Долгорукову. После этого враждебными ему остались лишь Анна Петровна и ее муж голштинский герцог Карл, но и от них вскоре избавился умный и ловкий генералиссимус: пообещав супругам миллион флоринов и выдав им для начала всего 140 тысяч, он отправил Анну и Карла в Голштинию. Им была обещана ежегодная пенсия в сто тысяч флоринов и поддержка России в деле присоединения к Голштинии соседнего Шлезвига. 25 июля герцогская чета отплыла из Петербурга в Киль, сопровождаемая небольшой группой придворных, в том числе и лицами, близкими к российской императорской фамилии.

Среди них прежде всего следует отметить девятнадцатилетнюю Мавру Егоровну Шепелеву. Ее дядя Дмитрий Андреевич Шепелев был женат на родственнице пастора Глюка — Дарье Ивановне и из-за этого был близок Петру и Екатерине. Свое положение сохранил он и во все последующие царствования, особенно возвысившись при Анне Ивановне. Его-то родственница — Мавра Егоровна — и отправилась в Голштинию, выполняя двойную роль: будучи фрейлиной Анны Петровны, в душе она оставалась неизменной сердечной подружкой Елизаветы Петровны. Находясь в Киле, она сообщала Елизавете Петровне обо всем, происходившем во дворце и городе. Образчиками ее писем могут служить, например, такие:

«Сестрица ваша ездила в санях по Килью, и все люди дивовались русским саням». ⁹ Или: «Еще ж доношу, что у нас балы были — через день, а последний был бал у графа Бассевича, и танцевали мы там до десятого часу утра. и не удовольились в комнатах танцевать, так стали польской танцевать в поварне и в погребе. И все дамы кильские также танцевали, а графиня Кастель, старая, лет пятьдесят, охотница великая танцевать, и перетанцевала всех дам, и молодых перетанцевала». В этом же письме Шепелева просила «поздравить с кавалериею», то есть с награждением орденом одного из первых любовников Елизаветы Петровны — Александра Борисовича Бутурлина. ¹⁰

В письмах от 12 и 19 февраля 1728 года Шепелева сообщает о рождении у Анны Петровны сына Карла-Петра-Ульриха — будущего российского императора Петра III и о церемонии его крестин.

Не успели письма Шепелевой дойти до Петербурга, как в Киле случилось несчастье: скоропостижно умерла молодая мать новорожденного — Анна Петровна. А дело было так. По случаю рождения принца Карла-Петра-Ульриха устроили великие празднества, завершившиеся грандиозным фейерверком. Анна Петровна недомогала после родов и лежала у себя в опочивальне, не участвуя в торжествах. Когда же она увидела за окнами спальни всполохи огней и звездные россыпи фейерверка, то не удержалась от соблазна, встала с постели и настезь распахнула окно. Холодный ветер ворвался в комнату — за окном стоял февраль, — и герцогиня простудилась. На следующий день она заболела воспалением легких и через десять дней умерла.

Торжества в Киле сменились глубоким трауром, особенно же скорбел овдовевший Карл-Фридрих, ибо со смертью жены сильно уменьшились его собственные шансы на возвращение в большую европейскую политику, так как петербургский двор становился для него почти недосягаем.

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Крушение полудержавного властелина

А в Петербурге все более укреплялся всемогущий Меншиков. Избавившись от голштинской герцогской четы и спровадив остальных неугодных ему сановников, он, казалось, достиг вершины могущества, но вдруг неожиданно заболел и на несколько недель отошел от государственных дел.

Этого времени оказалось достаточно, чтобы Петр II, рано созревший и чувственный юноша, прочно подпал под влияние своей столь же чувственной и весьма распутной семнадцатилетней тетки Елизаветы Петровны, которая ни на шаг

не отходила от племянника, всячески поощряя его к разврату и пьянству. Ей помогали в этом друзья юного императора — такой же, как и он, подросток Александр Меншиков и восемнадцатилетний Иван Долгоруков.

О них рассказывали невероятные вещи, приписывая им всевозможные пороки. А когда Александр Меншиков официально был награжден орденом святой Екатерины, которого удостоивались только женщины, то пересуды об его отношениях с императором приобрели вполне определенное направление, получив вроде бы серьезное фактическое подтверждение.

Все это привело к тому, что Петр II совершенно остыл к Марии Меншиковой — девушке нравственной и холодной, носившей среди юнцов прозвище «мраморная статуя». Когда же будущий тесть попробовал приструнить распоясавшегося юнца, то тринадцатилетний император закусил удила и пошел на открытый разрыв со всемогущим еще вчера временщиком.

Петр II повелел забрать из дома Меншикова императорские экипажи и свои личные вещи, а 7 сентября 1727 года приказал арестовать Светлейшего князя. Через два дня и сам Александр Данилович, и несостоявшаяся невеста Мария Меншикова, и все семейство генералиссимуса были отправлены в ссылку: пока еще в Рязанскую губернию, в роскошное имение князя — Раннебург.

11 сентября 1727 года Меншиковы отправились из Петербурга, сопровождаемые 127 слугами и обозом в 33 экипажа.¹¹ В изгнании оказался самый влиятельный вельможа империи, о чем свидетельствовал принадлежавший ему в то время титул: «Светлейший князь Святого Римского (Германской империи) и Российского государств, князь и герцог Ижорский в Добровне, Горках и Почепе граф, наследный господин Ораниенбаумский и Батуринский, его императорского величества Всероссийского над войсками командующий генералиссимус, Верховный тайный действительный советник, рейхсмаршал, Государственной военной коллегии президент, адмирал красного флага, генерал-губернатор губернии Санкт-Петербургской, подполковник Преображенский, лейб-гвардии подполковник над тремя полками, капитан Компании бомбардирской, орденов Святого Апостола Андрея и (Святого) Александра Невского, Слона, Белого и Черного Орлов кавалер».¹²

Соответственно титулу было и состояние Меншикова, впрочем, почти сразу же полностью конфискованное в казну. О размерах и составе его владений и имущества можно судить по перечню, сделанному специально созданной для этого правительственной комиссией. Она определила, что Менши-

кову принадлежало: 90 тысяч душ крестьян, 6 городов, 4 миллиона рублей наличными и 9 миллионов в лондонском и амстердамском банках, бриллиантов и других драгоценностей еще на один миллион рублей, серебряной посуды три перемены, каждая из 288 тарелок и приборов и 105 пудов, т.е. 1680 кг. золотой посудью.¹³

Однако в Раннебурге Меншиковы пробыли недолго: 15 апреля 1728 года их всех отправили в Березов — богом забытый сибирский городишко, закинутый в болота и тундру более чем на тысячу верст севернее Тобольска.

Сначала Меншиковы жили в тюрьме, но потом сам Александр Данилович срубил дом и даже пристроил к нему часо-венку. Однако жить ему оставалось совсем немного. 12 ноября 1729 года он умер, разбитый параличом. А еще через месяц скончалась и его дочь Мария — бывшая царская невеста. Двое других детей Меншикова — сын и дочь — впоследствии были возвращены из ссылки только потому, что в банках Лондона и Амстердама хранилось девять миллионов рублей, которые могли быть выданы лишь прямым наследникам Меншикова. Это обстоятельство и заставило русское правительство вернуть брата и сестру Меншиковых в Петербург, и все же львиная часть вкладов в конце концов оказалась в руках государства и его высших сановников.

НОВЕЛЛА ТРИДЦАТАЯ

Мотылек над огнем

Избавившись от всесильного временщика, Петр II пустился во вся тяжкая. Саксонский посланец Лефорт — племянник Франца Лефорта — в декабре 1727 года писал: «Император занимается только тем, что целыми днями и ночами рыскает по улицам с царевной Елизаветой и сестрой, посещает камергера¹⁴, пажей, поваров и Бог весть еще кого.

Кто бы мог представить, что эти безумцы¹⁵ способствуют возможным кутежам, внушая царю привычки последнего русского. Мне известно помещение, прилегающее к бильярдной, где помощник воспитателя приберегает для него запретные забавы. В настоящее время он увлекается красоткой, бывшей прежде у Меншикова, и сделал ей подарок в пятьдесят тысяч рублей... Ложатся спать не раньше семи часов утра».¹⁶

Беспрерывные попойки и ночные оргии не только подрывали не очень-то крепкое здоровье Петра II, но и деформировали его характер. Он стал вспыльчивым, капризным, жестоким и упрямым.

Уже на следующий день после ареста Меншикова Петр II подписал манифест о коронации, а 9 января 1728 года выехал в Москву, чтобы по традиции совершить обряд венчания на царство в Успенском соборе Московского Кремля.

По дороге в первопрестольную Петр заболел корью и две недели пролежал в постели, остановившись в Твери.

4 февраля совершился его торжественный въезд в Москву, где старая русская аристократия, в большинстве своем ненавидевшая Петра I и благоговевшая перед памятью великомуученика Алексея, встретила нового императора с неподдельной радостью и восторгом.

На волне этого приема самыми близкими людьми для Петра II оказались князья Долгорукие — Василий Лукич и Алексей Григорьевич, введенные в состав Верховного тайного совета, а любовь юного императора к Москве оказалась столь велика, что он официально объявил ее единственной столицей.

Петр, его старшая сестра Наталья и их тетка Елизавета Петровна, приехав в Москву, встретились и с Евдокией Федоровной Лопухиной, освобожденной сразу же после смерти Екатерины I и проживавшей в Вознесенском женском монастыре. Однако, хотя внуки и пожаловали бабушке 60 тысяч рублей в год на содержание и приставили к ней небольшой придворный штат, Евдокия Федоровна осталась в монастыре, правда, в совершенно ином, чем до этого, качестве.

После коронации Петр продолжал кутить и «сгорать пламенем кровосмесительной любви» к своей юной и прелестной тетке.

Но тут на пути Петра возник неожиданный соперник — князь Иван Долгоруков, в объятиях которого он однажды, внезапно для него и себя, застал Елизавету Петровну. Однако ревность к сопернику скоро угасла, так как князь Иван стал волочиться за замужней княгиней Трубецкой. Петр, в свою очередь, увлекся княжной Екатериной Алексеевной, сестрой своего друга Ивана Долгорукова. Все это происходило в Москве и ее окрестностях, откуда Петр совершенно не спешил уезжать, и где девять месяцев продолжалась царская охота, проходившая как непрерывный праздник.

Время от времени Петр оставлял охоту и приезжал в богатую подмосковную усадьбу Алексея Григорьевича Долгорукова — Горенки, где его с нетерпением ждала новая невеста.

Елизавета Петровна была оставлена своим ветреным августейшим племянником, но тут же утешилась в объятиях новых возлюбленных.

А Екатерина Долгорукова все крепче прибирала к своим рукам вечно пьяного подростка. И тому причиной была не только

ее податливость, ласковый по отношению к жениху нрав, но и несомненный ум княжны и прекрасное для девушки образование. Детство царской невесты прошло в Варшаве, в доме ее деда, русского посла при польском дворе — князя Григория Федоровича Долгорукова, умного и хорошо образованного человека.

Теперь уже княжна Долгорукова ни на минуту не оставляла Петра, сопутствуя ему на охоте, в бесконечных переездах и во время столь же бесконечных кутежей, развлечений и танцев.

О масштабах царских охот можно судить по таким цифрам: осенью 1729 года Петр взял с собою шестьсот гончих и борзых и за несколько дней его егеря затравили четыре тысячи зайцев, пятьдесят лисиц и убили трех медведей и пять волков.

19 ноября 1729 года в присутствии всех членов Верховного тайного совета и генералитета, собравшихся в Лефортовском дворце Петр объявил о своем намерении жениться на княжне Долгоруковой, а еще через десять дней обручился с ней. При этом, кроме сановников, присутствовала Евдокия Федоровна Лопухина, Елизавета Петровна, одиннадцатилетняя внучка царя Ивана Алексеевича — Анна Леопольдовна (ее мать Екатерина Ивановна в 1718 году была выдана за владетельного германского князя Карла-Леопольда Мекленбург-Шверинского). С Анной Леопольдовной мы еще встретимся, так как через одиннадцать лет она станет регентшей при своем годовалом сыне Иване Антоновиче — императоре Иване VI.

Сразу же после обручения Петра II с княжной Долгоруковой решил жениться и фаворит юного императора, его новопеченный шурин — князь Иван Алексеевич Долгоруков, в распутстве превосходивший всех своих друзей и подруг.

Его выбор пал на одну из самых красивых и богатых невест России — дочь фельдмаршала и графа Бориса Петровича Шереметева — Наталью. Было решено, что обе свадьбы сыграют в один день и два жениха со своими невестами будут сидеть за общим пиршественным столом. Свадьбу назначили на 19 января 1730 года. Но ей не суждено было состояться — 7 января Петр II сильно простудился одновременно заболел оспой и 18 января умер, не приходя в сознание и поэтому не подписав никакого завешания.

НОВЕЛЛА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Меж Петербургом и Митавой

В момент смерти Петра II возле него в Лефортовском дворце, кроме родственников, находились шесть человек: трое Долгоруковых — Алексей Григорьевич, Василий Лукич и Михаил Владимирович, барон Андрей Иванович Остерман.

князь Дмитрий Михайлович Голицын и генерал-адмирал Федор Матвеевич Апраксин — брат царицы Марфы, жены царя Федора Алексеевича. Посоветовавшись друг с другом, они решили пригласить для обсуждения создавшейся ситуации еще трех генерал-фельдмаршалов — князей Василия Владимировича Долгорукова, Михаила Михайловича Голицына, Ивана Юрьевича Трубецкого, а также мorganатического мужа царевны Прасковьи Ивановны сенатора и генерал-поручика Ивана Ильича Дмитриева-Мамонова.

Первым заговорил Дмитрий Голицын, заявивший, что дети Екатерины I не более чем выблядки Петра I и никаких прав на престол не имеют. Он же назвал в качестве претендентки на престол курляндскую герцогиню Анну Ивановну. 19 января в десять часов утра Сенат, Синод и генералитет единогласно подтвердили принятое решение. После этого семь членов Верховного тайного совета выработали условия, так называемые кондиции, которые, по их мысли, должна принять Анна Ивановна прежде, чем стане императрицей. По этим кондициям Анна Ивановна обязывалась: править страной вместе с Верховным тайным советом; без его согласия не начинать войны и не заключать мира; передать в подчинение Верховному тайному совету командование гвардией; не присваивать своей властью никаких чинов выше полковничьего; не употреблять государственные доходы для собственного пользования; не казнить без суда, по собственному произволу, никого из дворян; не выходить замуж и не назначать себе преемника без согласия Верховного тайного совета.

Кондиции завершались фразой: «А буде чего по сему обещанию не исполню, то лишена буду короны Российской».

Добавив к кондициям письмо о том, что они одобрены Сенатом, Синодом и генералитетом, Василий Лукич Долгоруков поехал в Митаву к Анне Ивановне.

Нам уже известно, что в 1727 году, сразу после смерти Екатерины I, один из ее любовников, граф Рейнгольд-Густав Левенвольде уехал на свою родину — в Ливонию. Брат же его — Карл-Густав Левенвольде — остался в Петербурге и сделал после смерти Екатерины I неплохую карьеру. Карл-Густав был камергером при Петре II, благодаря чему имел доступ ко многим государственным тайнам. Был он осведомлен и о замысле верховников, ограничить самодержавную власть Анны Ивановны.

Как только Карл-Густав узнал об этом намерении, он тотчас же написал письмо своему брату Рейнгольд-Густаву, жившему под Ригой, и отправил письмо с быстроконным нарочным, который примчался к адресату, на сутки обогнав депутацию верховников, медленно ехавших в каретах.

Рейнгольд-Густав, прочитав письмо и тоже не теряя ни минуты, сам понесся в Митаву к Анне Ивановне и во-время предупредил ее о планах Долгоруковых «с товарищи».

Рейнгольд-Густав не только передал письмо, но и посоветовал Анне Ивановне подписать кондиции, не показав вида, что она знает о чем-либо, а потом, в Петербурге, уничтожить эту бумагу. Анна не забыла этой услуги братьев Левенвольде и, став императрицей, произвела Рейнгольд-Густава в обер-гофмаршала, а Карла-Густава в генерал-поручики и генерал-адъютанты.

28 января 1730 года Анна Ивановна подписала кондиции и на следующий день выехала из Митавы в Москву.

НОВЕЛЛА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Герцогиня Курляндская

Анна Ивановна была второй дочерью царя Ивана Алексеевича и царицы Прасковьи Федоровны, урожденной Салтыковой. Она родилась в Москве 28 января 1693 года и сразу же попала в обстановку весьма для нее неблагоприятную. Отец постоянно болел, а мать почему-то невзлюбила Аннушку, и она оказалась предоставленной самой себе да опеке богомольных и темных нянек и приживалок.

Уже в детстве девочке сказали, что она вовсе и не царская дочь, потому что Иван Алексеевич бесплоден, а отцом ее является спальник Прасковьи Федоровны Василий Юшков. (Спальником называли дворянина, который стерег сон царя или царицы, находясь в покое рядом с опочивальней.)

Когда девочка подросла, к ней были приставлены только два учителя: учитель немецкого и французского языков Дитрих Остерман — брат вице-канцлера барона Андрея Ивановича Остермана — и танцмейстер француз Рамбур. Из-за этого Анна Ивановна осталась полуграмотной и в дальнейшем не очень-то увлекалась науками. Девочка была рослой — на голову выше сверстников, — полной и некрасивой.

После скоропостижной смерти мужа она, как мы уже знаем, навещая Петербург, делила свои сердечные привязанности с разными соискателями ее любви, но в Митаве ее серьезным поклонником, а потом и фаворитом стал мелкий дворцовый чиновник Эрнст-Иоганн Бюрен. (В России его звали Бироном, да и он сам называл себя так, настаивая на своем родстве с французским герцогским домом Биронов.)

Впервые Бирон появился перед герцогиней Курляндской в двадцать восемь лет. Его отец — немец-офицер — служил в польской армии, но, кажется, не был дворянином. Во всяком случае, когда Анна Ивановна попыталась добиться признания

своего фаворита дворянином курляндский сейм отказал ей в этом. Что же касается матери будущего герцога, то ее дворянское происхождение бесспорно.

Эрнст Бирон был третьим сыном. В юности он стал студентом Кенигсбергского университета, но не закончил его, потому что чаще чем в университетских аудиториях сидел в тюрьме за драки и кражи. Двадцати четырех лет он приехал в Петербург и попытался вступить в дворцовую службу, но не был принят из-за низкого происхождения. В 1723 году Анна Ивановна женила своего фаворита на безобразной, глухой и болезненной старой деве Бенгине-Готлибе фон Тротта-Трейден, происходившей, впрочем, из старинного и знатного немецкого рода.

Однако женитьба ничего не изменила в отношениях герцогини и фаворита. Более того, когда 4 января 1724 года у Бирона родился сын, названный Петром, то сразу же поползли упорные слухи, что матерью мальчика была не жена Бирона, а Анна Ивановна. Когда мальчик подрос обнаружилось его сильное сходство с Анной Ивановной.¹⁷

Между женитьбой Бирона и поездкой в Москву с Анной Ивановной произошло несколько амурных историй, связанных со сватовством, но ничем не кончившихся. Одна из историй — в высшей степени романтическая. Однако все по порядку. После скоропостижной смерти мужа Анны Ивановны, герцога Фридриха-Вильгельма, Петр I решил выдать юную вдову замуж еще раз.

В 1717 году претендентом на ее руку был герцог Саксен-Вейсенфельский Иоганн-Адольф, но сватовство расстроилось. Не состоялся брак и со следующим женихом — принцем Карлом Прусским. Затем, еще при жизни Петра I, в качестве претендентов появились четыре германских принца, но дальше брачных переговоров дело не пошло.

Наконец, в сентябре 1725 года, через полгода после смерти Петра I, Анне Ивановне, бывшей тогда в Санкт-Петербурге, сообщили о новом суженом — блестящем кавалере, храбрце и красавце, покорителе дамских сердец от Варшавы до Парижа — графе Морице Саксонском, внебрачном сыне польского короля. К тому же он был на три года моложе невесты, перешагнувшей тридцатилетний рубеж. Поэтому, еще не увидев графа Саксонского, Анна Ивановна заочно влюбилась в него.

Ее не смущало, что Мориц слыл не только выдающимся бабником, но и столь же замечательным дуэлянтом, мотом и картежником, за которым к моменту сватовства накопилась куча долгов. Анну Ивановну не останавливало и то, что граф Саксонский по рождению не был августейшей особой. И, казалось, что полдела уже сделано; однако и на сей раз ни брач-

ных переговоров, ни сватовства не последовало, хотя потенциальная невеста делала все, что было возможно.

Прошло около года прежде чем Мориц решился на активные действия со своей стороны. Будущий знаменитый маршал Франции и выдающийся военный теоретик, отличавшийся дерзостью и быстротой маневра, он и при осуществлении грядущей матримональной операции избрал именно такой образ действий.

Бросив все свои версальские дела и утехы, собрав со своих богатых парижских любовниц и уже сильно обедневшей матери все, что только мог, он помчался в Митаву.

Чтобы стать мужем Анны Ивановны, Морицу надлежало получить согласие дворянского курляндского сейма, имевшего право выбирать герцога по своему усмотрению. И здесь счастье сопутствовало Морицу — его избрали герцогом. Дальше волеизъявление сейма подлежало утверждению королем Польши и российской императрицей, так как Курляндия по юридическому статусу зависела от этих двух стран. Казалось, что отец Морица, занимавший трон Польши, несомненно утвердит его избрание, но не тут-то было: политика взяла верх над родительскими чувствами, и Август II воздержался от одобрения.

И уж совсем никаких надежд не мог связывать Мориц с русской императрицей, поскольку ситуация не соответствовала ее политическим планам: Екатерина I решила, что герцогом Курляндии должен стать Меншиков, который и отправился в Ригу с внушительным кавалерийским отрядом. В Митаву же для переговоров с сеймом приехал Василий Лукич Долгорукий — влиятельный член Верховного тайного совета и опытный дипломат.

Вскоре в Митаву приехал и Меншиков, где встретился со своим соперником на курляндский трон. Желая сразу же поставить Морица на место, Меншиков первым делом спросил:

— А кто ваши родители?

Мориц ответил вопросом на вопрос:

— А кто были ваши?

Курляндское дело кончилось в конце концов ничем для обоих соискателей. Причем, Мориц потерпел двойное фиаско: он не только лишился перспективы завладеть троном, но и получил отказ в своих матримониальных намерениях. Последнее же обстоятельство связано с комическим эпизодом, более смахивающим на фарс.

В Митаве Мориц жил во дворце своей невесты, в одном из его крыльев. Ожидая благополучного исхода сватовства, пылкий кавалер не оставлял без внимания и молодых придворных красавиц. Одной из его пассий оказалась фрейлина

Анны Ивановны, которую граф Саксонский среди ночи провожал домой. Во дворе замка лежал глубокий снег, и Мориц понес свою любовницу на руках. Внезапно он споткнулся, поскользнулся и упал, выронив фрейлину в снег. И вдруг он услышал пронзительные женские крики. Это кричала испуганная фрейлина и еще кто-то другой. Оказалось, что Мориц упал, споткнувшись о спящую пьяную кухарку с черной дворцовой кухни. Обе женщины, испугавшись, стали пронзительно и громко кричать. Во дворце возник переполох, проснулись его обитатели и в том числе Анна Ивановна, получившая очевидное доказательство того, каков ее жених.

И все же, несмотря на скандал, Мориц остался в Митаве. Неизвестно сколько бы он жил там, если бы туда ни пришли четыре русских полка, присланных специально для того, чтобы изгнать докучливого претендента на курляндский трон. Мориц бежал из замка, на рыбацкой лодке переправился через реку Лиелупе и затем добрался до Данцига.

Так завершилась очередная неудачная для Анны Ивановны попытка замужества.

Все это рассказано для того, чтобы читатель мог представить, кого ожидал в России императорский трон, кого пригласили в Петербург не очень-то дальновидные верховники.

Как бы то ни было, но будущая российская императрица, выехав из Митавы 29 января 1730 года, 10 февраля приехала в Москву, объявленную покойным Петром II, как уже упоминалось, единственной столицей России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: Валишевский К. Царство женщин. — С.28.
- 2 См.: Долгоруков П.В. Правда о России. — Париж, — 1861. — Ч. 2. — С.225.
- 3 Гельбиг Г. Русские избранники. — С.163.
- 4 Цит. по: Арсеньев К.И. Царствование Екатерины I. — СПб., — 1856. — С.85—86.
- 5 Там же. — С.63.
- 6 См. там же. — С.67.
- 7 Там же. — С.91. Фебра (лат.) — лихорадка; фомика (лат.) — нарыв, язва.
- 8 Цит. по: Валишевский К. Царство женщин. — С.41.
- 9 Русская старина. — СПб., — 1870. — Т. I. — С.404.
- 10 Там же. — С.404—405.
- 11 См.: Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России. — СПб., — 1874. — С.146.
- 12 Там же. — С.151—152.
- 13 Там же. — С.157.
- 14 Камергером Петра II был Иван Долгорукий, игравший при нем ту же роль, какую исполнял юный А.Д.Меншиков при царе Петре I.
- 15 Безумцами Лефорт называл Долгоруких.
- 16 Цит. по: Валишевский К. Царство женщин. — С.108.
- 17 См.: Гельбиг Г. Русские избранники. — С.194.

Глава пятая

АННА ИВАНОВНА И БРАУНШВЕЙГСКАЯ ФАМИЛИЯ

НОВЕЛЛА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Опала Долгоруких

Встретившие Анну Ивановну верховники с удовлетворением отметили, что Бирон не приехал, о чем специально просил ее Василий Лукич Долгоруков. Зато жена Бирона и его дети сопровождали Анну Ивановну, что было дурным предзнаменованием — вслед за женой, в Москве мог появиться и муж.

На следующий день, 11 февраля состоялись похороны Петра II, которые откладывались в ожидании приезда новой императрицы.

Когда похоронная процессия выстроилась за гробом, Екатерину Долгорукову просто-напросто не подпустили к покойному, и порушенная невеста, как стали ее называть, осталась вся в слезах во дворце, а потом уехала домой. Ее брата князя Ивана поставили в середину процессии, хотя, как ближайший друг покойного, он порывался встать сразу за гробом.

Все это красноречиво свидетельствовало о том, что звезда Долгоруковых закатилась.

20 февраля в Успенском соборе Кремля Анна Ивановна приняла присягу высших сановников империи и князей церкви, а 25 февраля при стечении московских дворян и гвардейских офицеров на клочки изорвала кондиции, но все же пригласила верховников к пиршественному столу, накрытому в Грановитой палате.

Во главе стоял малый императорский трон, и пока собравшиеся устраивались на своих местах императрица встала и сошла к князю Василию Лукичу Долгорукову. Вплотную приблизившись к нему, Анна Ивановна взяла князя двумя пальцами за большой нос и повела вокруг опорного столба, подерживавшего своды Грановитой палаты. Она остановила его против портрета Ивана Грозного и спросила:

— Князь, Василий Лукич, ты знаешь, чей это портрет?

— Знаю, государыня, царя Ивана Васильевича.

— Ну, так знай, что я хотя и баба, но как он буду. Вы, семеро дураков, собирались водить меня за нос, да прежде-то я тебя провела...

Через десять дней специальным манифестом Анна Ивановна упразднила Верховный тайный совет, а с течением времени все его члены оказались либо в ссылке, либо на плахе.

Прежде всего пострадали Долгоруковы с их женами и детьми. Фамилия была велика, и потому проследим судьбу лишь камергера покойного Петра II князя Ивана Алексеевича, его невесты Натальи Борисовны Шереметевой и царской порушенной невесты Екатерины Алексеевны Долгоруковой с ее семейством.

Мы уже говорили, что незадолго до смерти Петр II и его собинный друг Иван Долгоруков договорились 19 января 1730 года сыграть общую свадьбу. Однако 18 января Петр II умер, и, таким образом, речь могла идти только об одной свадьбе — Ивана Долгорукова и Натальи Шереметевой.

Уже на похоронах Петра II стало ясно, что их недолгая песенка спета и с каждым днем все отчетливее вырисовывается мрачная перспектива опалы.

Богатая и красивая Шереметева могла бы отказаться от венчания, но она любила своего жениха. И когда ее родственники говорили: «Откажись от него — он тебе еще не муж, помолвлен, да не венчан!» — Наталья Борисовна отвечала: «Войдите в рассуждение: какое это мне утешение, и честна ли совесть, когда он велик, так я с радостью за него шла, а как стал несчастлив, так и отказать ему?»

Наталья Борисовна все-таки стала Долгоруковой, перенесла вместе с мужем невероятные лишения и страдания. «Во всех злополучаях, — писала она потом, — была я моему мужу товарищем, и теперь скажу самую правду: никогда не раскаивалась я, что пошла за него. Он тому свидетель. Все, любя его, сносила еще и его, сколь могла, подкрепляла.»¹

После похорон Петра II дом старого князя Алексея Григорьевича Долгорукова и дома его родственников, как и Шереметевой, оказались словно пораженные чумой — никто не проезжал и не заходил и в гости к себе не звал.

Скоро князь Алексей Григорьевич уехал из Москвы с чадами и домочадцами и поселился в пятнадцати верстах от города, в усадьбе Горенки, в большом каменном доме с оранжереей, с церковью, с прудами в парке. Сюда к Ивану Долгорукову приехала и Наталья Шереметева. Молодых обвенчали в усадебной церкви, а короткая и тихая свадьба больше походила на поминки. Когда на третий день новобрачные собрались

в Москву, чтобы нанести визиты другим Долгоруковым, вдруг появился сенатский секретарь с именным императорским указом, повелевавшим всему дому Долгоруковых отправляться в ссылку. И вместо Москвы поехали новобрачные, куда велено им было — за восемьсот верст, в одну из их пензенских вотчин.

Стоял апрель, таяли снега, и дорога была нелегкой.

В Коломне нагнал их офицер и отобрал у старого и молодого князей ордена Андрея Первозванного. В пути начались меж Долгоруковыми раздоры. Невестку семья невзлюбила сразу же и отделила Ивана и Наталью от своего кошта: даже палатку на ночь ставили им где-нибудь обочь, не на самом удобном месте. Обоз то и дело плутал и ночевать приходилось то в лесу, то в поле.

Через три недели доехали Долгоруковы до села Селище, под Касимовым, которое тоже принадлежало их семье. Не успели они передохнуть, как в тот же день нагнали их солдаты и велели, не мешкая, менять путь и отправляться в Сибирь. Под строгим караулом не объявляя пункта назначения, семью погрузили на струг и по Оке и Каме через месяц доставили в Соликамск, а потом погнали пешком через Уральские горы. Местность была совершенно пустынная, и спать приходилось под открытым небом. В Тюмени их снова погрузили на судно — на сей раз это была старая, дырявая расшива — и повезли по Иртышу, на север. Через месяц плавания расшива причалила к острову между реками Сосьвой и Вогулкой, на котором в землянках, в курных избах жили дотоле невиданные ими люди: они ездили на собаках, ели сырую рыбу и носили на голом теле одежду из невыделанных оленьих шкур. И изб таких были сотни, а людей поболее тысячи, да церковь, да острог.

Это был печально знаменитый Березов, где умер Меншиков и где теперь предстояло жить и Долгоруковым.

Их заперли в острог, и от всего пережитого в пути и увиденного в Березове старый князь через неделю умер. Только успели его схоронить, как следом за ним умерла и его жена.

Наталья Борисовна, бывшая уже на сносях, тихо плакала. Иван же пребывал в постоянной печали, а порушенная невеста Екатерина неистовствовала, срывая досаду и зло на мягкосердечной и безответной невестке.

Со временем положение ссыльных чуть улучшилось — их стали выпускать из острога, а воинский начальник, майор Петров, и местный воевода Бобровский иной раз приглашали в гости. Когда же у Натальи родился сын Михаил, то Петров даже стал его крестным отцом. Все было бы более менее благополучно, если бы Иван Алексеевич не подружился с отстав-

ным моряком, пьяницей Овцыным, который стал волочиться за бывшей царской невестой, а князь Иван пустился в загул и во хмелю стал говорить своему новому другу невесть что. Он рассказывал об оргиях Елизаветы, о ее связи с Шубиным, утверждал, что и сам был любовником цесаревны.

Слухи об этих пьяных сплетнях поползли по Березову и вскоре отозвались доносом в Петербург. На первых порах велено было всех Долгоруковых вновь запереть в острог и в город не выпускать. За первым доносом пошел второй, после чего Ивана Алексеевича отделили от семьи и посадили в землянку под замок.

В мае 1738 года в Березове появился под чужой фамилией капитан Ушаков — родственник начальника Тайной канцелярии. Он перезнакомился со всеми и особенно сошелся с Екатериной Долгоруковой, которая наговорила ему такого, что брата ее схватили и отправили в Тобольск.

«Отняли у меня жизнь мою, беспримерного моего милостивого отца и мужа, с кем я хотела свой век окончить и в тюрьме была ему товарищ; эта черная изба, в которой я с ним жила, казалась мне веселее царских палат... Что я делала? Кричала, билась, волосы на себе драла; кто ни попадет встречу всем валюсь в ноги, прошу со слезами: «Помилуйте, когда вы христиане, дайте только взглянуть на него и проститься.» Но не было милосердного человека, никто не утешил меня и словом, а только взяли меня и посадили в темницу. А там через два месяца родился у меня и второй сын — Митенька»², — вспоминала потом Наталья Борисовна.

В Тобольске Ушаков и генерал-поручик Василий Иванович Суворов — отец будущего великого полководца — попытками довели князя Ивана до того, что он сошел с ума. Из Тобольска его увезли в Шлиссельбург, где уже сидели в казематах его двоюродные братья и дядья Долгоруковы. Ивана приговорили к колесованию, а его трех дядьев, братьев его покойного отца — Василия, Сергея и Ивана, — к отсечению головы.

На казнь их всех увезли в Новгород. Когда Ивану ломали руки и ноги, он читал молитву, вздрагивая при каждом новом переломе... А двух других братьев Ивана — Александра и Николая — ободрали кнутом, отрезали языки и заточили в вологодском остроге. Еще одного брата — Алексея — сослали на Камчатку. Екатерину же отправили в Томский женский монастырь, где она жила в одной келье с монашками-нищенками, питавшимися подаванием.

Тем временем Наталья Борисовна подала Анне Ивановне прошение. Она просила, если муж ее жив, позволить ей быть с ним в тюрьме, а если мертв, то отпустить в монастырь. Им-

ператрица разрешила, и Наталья Борисовна, неся на руках младшего, Митеньку, пошла с восьмилетним Мишенькой из Березова. Они вышли в дорогу 17 июня 1740 года и ровно через четыре месяца, 17 октября, пришли в Москву. Они не знали, что именно в этот самый день, в Петербурге, умерла их гонительница, злой гений их семьи — императрица Анна Ивановна...

Чтобы закончить эту историю, скажем, что Наталья Борисовна окончила свои дни в одном из киевских женских монастырей. Там-то она и написала свои «Памятные записки», в надежде, «что всякая христианская душа обрадуется моей смерти, подумав: она перестала плакать».

НОВЕЛЛА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Эрнст-Иоганн-Бирон

Желая досказать историю Ивана и Натальи Долгоруковых, мы забежали вперед. Вернемся теперь к началу царствования Анны Ивановны, когда она, сокрушив верховников, стала самодержавной императрицей.

Укрепляя доставшуюся ей власть, Анна Ивановна восстановила Сенат, а 18 октября 1731 года по инициативе Остермана был образован Кабинет министров «для лучшего и порядочнейшего отправления всех государственных дел, подлежащих рассмотрению императрицы». Кабинет министров обладал широкими правами в области законодательства, управления, суда и контроля за всеми государственными учреждениями в столице и на местах.

В его состав вошли три кабинет-министра: граф Гавриил Иванович Головкин, родственник Натальи Кирилловны Нарышкиной, канцлер при Петре I и президент Коллегии иностранных дел; князь Алексей Михайлович Черкасский, сенатор и один из активнейших врагов верховников; и граф Андрей Иванович Остерман, фактический руководитель русской внешней политики во все годы правления Анны Ивановны.

В 1735 году по указу императрицы подписи трех кабинет-министров равнялись ее собственной. После смерти Головкина его место в Кабинете занимали последовательно Павел Иванович Ягужинский, Артемий Петрович Волынский и ближайший сподвижник Бирона Алексей Петрович Бестужев-Рюмин. По властным прерогативам Кабинет министров стал верховным учреждением государства, отодвинув Сенат на второе место.

Сделавший более прочих для укрепления самодержавной власти Анны Ивановны офицер-преображенец Семен Анд-

реевич Салтыков, родственник императрицы по ее матери - Прасковьи Салтыковой, на следующий же день после переворота стал генерал-лейтенантом, а вскоре и генерал-аншефом. Кроме того он получил придворный чин гофмейстера и имение с десятью тысячами душ.

Теперь и Бирон мог приехать к своей возлюбленной, что он вскоре и сделал.

Анна Ивановна снова перенесла столицу в Петербург и со всем двором переехала на берега Невы, оставив Салтыкова генерал-губернатором и Главкомандующим Москвы, а 9 февраля 1732 года пожаловала ему титул графа.

И все же Салтыков не стал первым сановником империи. Им несомненно являлся обер-камергер Эрнст-Иоганн Бирон, пока еще остававшийся Бюреном.

И тогда в Митаве, и в Москве и в Петербурге, Бирон и его семейство всегда жили в одном дворце с Анной Ивановной. И до женитьбы Бирона, и после, спальни герцогини Курляндской и ее фаворита находились рядом и соединялись дверью. Так стало и в России. Казалось бы, фаворит обязан был сохранять абсолютную верность своей государыне или, во всяком случае, скрывать от нее свои похождения. Однако не тут-то было. Правда, первое время Бирон был осторожен и не подавал императрице поводов к ревности. Но когда Анна Ивановна стала стареть и все чаще болеть, он увлекся по-прежнему влиятельной confidentкой — доверенной подругой и наперсницей Елизаветы Петровны, уже знакомой нам Маврой Егоровной Шепелевой, которая после смерти Анны Петровны возвратилась из Киля в Петербург и снова перешла к цесаревне Елизавете в прежнем качестве фрейлины. Шепелева была умна, богата, но некрасива, хотя последнему ее качеству мало кто из мужчин придавал значение, вполне довольствуясь двумя первыми. Кроме того она слыла большой искусницей в альковных делах, а эту сторону женского нрава мужчины всегда считали наименее значительнейшей. Что же касается ее влияния на Елизавету Петровну, то здесь Мавра Егоровна не имела себе равных.

Этого в совокупности оказалось достаточно, чтобы Эрнст Бирон, имевший свои виды на цесаревну, стал любовником Шепелевой, а вскоре искренне, насколько мог, полюбил ее.

Анна Ивановна знала об их романе, сердясь, называла Шепелеву Маврушкой, но ничего поделать не могла, хотя однажды не постеснялась прибегнуть к помощи нелюбимой кузины, чтобы образумить изменника. В одном из немногих писем Елизавете Петровне раздосадованная Анна Ивановна писала: «Герцог и Маврушка окончательно опошлись. Он ни

одного дня не проводит дома, разъезжает с нею совершенно открыто в экипаже по городу, отдает с нею вместе визиты и посещает театры».³

Разумеется, амурные похождения фаворита были не самым важным его делом: для Бирона на первом месте всю жизнь стояла «одна, но пламенная страсть» — обладание властью. Все иные свои стремления, увлечения и привязанности он ставил в прямую зависимость от того, способствуют ли они достижению его главной цели — безграничной, практически, самодержавной власти. Он хорошо понимал, что одного влияния на императрицу, хотя бы и беспредельного, недостаточно, как недостаточно и признания его первым сановником империи со стороны российских министров и фельдмаршалов. Он желал, чтобы о его власти знали и при важнейших иноземных дворах.

Курляндское заолустье не способствовало его известности в Европе. Но когда Анна возвысила его в России, она вслед за этим выхлопотала ему у австрийского императора титул графа и, наконец, наградила фаворита орденом Андрея Первозванного. Иноземные дворы, союзные России, заметили временщика, и последовали примеру Австрии, поднося ему ордена и иные знаки отличия.

После того, как Эрнст-Иоанн в 1737 году стал герцогом Курляндским, французский герцог Бирон учтиво поздравил своего самозванного родственника, но все же спросил, в каком родстве находятся их герцогские династии. Эрнст-Иоанн не ответил на это письмо.

Следом за фаворитом приехали в Россию и два его брата.

Старший из них — Карл — еще в ранней молодости вступил в русскую службу, но вскоре попал в плен к шведам. Он бежал из плена и, вступив в польскую армию, дослужился до подполковника. Как только Анна Ивановна стала императрицей, Карл приехал в Россию, был удостоен чина генерал-аншефа и должности военного коменданта Москвы. Однако образом дисциплины военный комендант не был: из-за постоянных драк в пьяном виде он получил так много ран и увечий, что стал инвалидом и вследствие этого оказался неспособным к службе.⁴

Младший брат герцога — Густав Бирон — приехал в Россию тоже из Польши. Сначала ему был дан чин майора гвардии, а потом, очень скоро, и генерал-аншефа. Густав не отличался ни умом, ни храбростью, и если бы ни его знаменитый брат, то о нем не осталось бы следов в истории.

Крушение фаворита повлекло за собою арест и ссылку обоих его братьев, которые и потом разделяли участь Эрнста-Йоаганна.

НОВЕЛЛА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Роскошь и удовольствия

Вырвавшись из митавского захолустья, Анна Ивановна с головой окунулась в роскошь и удовольствия. Однако они были грубыми и довольно однообразными, напоминая скорее утеху средневековых восточных владык, нежели европейский политес XVIII века. Единственно, чем отличалась Анна Ивановна от своих предшественников на троне в лучшую сторону, это тем, что не любила пьянства.

Двор был забит юродивыми и приживалками, ворожеями и шутами, странниками и предсказателями. В шуты не гнушались идти князя Голицын и Волконский, родственник царицы Апраксин, гвардейский офицер Балакирев.

День новой императрицы проходил так. Вставала она в семь утра, ела за завтраком самую простую пищу, запивая ее пивом и двумя рюмками венгерского вина. Гуляла за час до обеда и перед ужином, а затем полтора часа ужинала и в десять часов ложилась спать.

День ее был заполнен игрой в карты, разговорами и сплетнями с приживалками и гадалками, разбором драк шутов и дураков.

Очень любила она стрельбу из ружей и была столь в ней искусна, что била птицу на лету. Во всех ее комнатах стояло множество заряженных ружей, и Анна стреляла через открытые окна в сорок, ворон и даже ласточек, пролетавших мимо.

В Петергофе был заложен для нее зверинец, в нем содержалось множество зайцев и оленей, завезенных из Германии и Сибири. Если заяц или олень пробегали мимо ее окон, участь их была решена — Анна Ивановна стреляла без промаха.

Для нее соорудили тир, и императрица стреляла по черной доске даже зимой при свечах. Остаток дня проводила она в манеже, обучаясь верховой езде, в чем ей очень способствовал Бирон, пропадавший в манеже и конюшне целыми днями.

Летом же Анна Ивановна превращалась в страстную охотницу, выезжавшую со сворой гончих на травлю зайцев и лисиц, ловлю зверей в силки и капканы, чтобы затем перевести своих четвероногих пленников в дворцовый зверинец.

Государственные дела были у Анны Ивановны в таком же загоне, как и у Екатерины I и Петра II. Ими занимались Бирон, Остерман, Миних и Волынский.

О фактическом правителе России — герцоге Бироне — уже и при его жизни сложилось противоречивое мнение. Одни считали его глупцом и грубияном, другие — истинно государственным человеком.

Австрийский посол при Петербургском дворе граф Остейн сказал как-то о Бироне: «Он о лошадях говорит, как человек, а о людях, как лошадь». Однако, было бы чересчур опрометчиво полагать, что Бирон был глуп или бездарен. Сохранилось много доказательств его высокой образованности, ума, а иногда и такта.

НОВЕЛЛА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Остерман и Миних

Теперь настала пора чуть подробнее рассказать о Генрихе-Иоаганне, на русский манер Андрее Ивановиче, Остермане и фельдмаршале Бурхарде-Христофоре Минихе.

Остерман поступил на русскую службу еще в 1703 году в Амстердаме. Он был одним из самых образованных сотрудников Посольского приказа, а впоследствии сделал блестящую дипломатическую карьеру, подписав Ништадтский мир и став в тридцать семь лет вице-президентом Коллегии иностранных дел. Он своевременно отошел от верховников и тем сохранил свое влияние на Анну Ивановну и Бирона.

Миних, прозывавшийся на русский лад Христофором Антоновичем, начал службу в России в 1721 году. Петр I сразу же дал ему звание инженер-генерала и поручил строительство шлюза на реке Тосна и прокладку двух каналов — Обводного и Ладожского. В 1728 году Миних был назначен генерал-губернатором Ингерманландии, Карелии и Финляндии и пожалован графским титулом, а с воцарением Анны Ивановны стал фельдмаршалом и президентом Военной коллегии, обойдя по должности шестерых фельдмаршалов, имевших перед ним преимущество в старшинстве. Миних обладал крутым характером, был смел, жесток, талантлив в воинском деле.

Он командовал русской армией в Польше, и его победы способствовали приходу к власти удобного России Августа III, предоставившего трон герцогства Курляндского Бирону. На юге, действуя против татар и турок, армия Миниха захватила Крым. Прорвавшись через Перекоп, русские войска 17 июня 1736 года заняли столицу Крымского ханства Бахчисарай, но из-за недостатка провианта, воды и начавшихся болезней

отошли на Украину. Следующим летом Миних взял Очаков и Азов. Правда, из-за эпидемии чумы русские войска вынуждены были вновь вернуться на Украину. И все же по Белградскому мирному договору, подписанному 18 сентября 1739 года, России был возвращен Азов, и она получала право на строительство крепости на Дону.

Войны уносили много сил и средств, а денег в русской казне почти не было. Ежегодные рекрутские наборы плохо помогали увеличению армии, потому что каждый восьмой солдат был в бегах, а каждый третий — болел. В 1732 году не собрали налогов на 15 000 000 рублей золотом и по градам и весям были разосланы для сбора недоимок воинские команды.

Еще больше команд боролось с преступниками — разбой и грабежи выросли невероятно. Сотни нищих и бродяг ходили по Москве, пока их не стали ловить и отдавать в солдаты, а то и в каторжные работы. За один 1736 год только отряд подполковника Реткина выловил 825 воров, а всего за десять лет царствования Анны Ивановны было сослано и казнено около 40 000 человек.

В 1734 и 1735 годах был сильный голод из-за хлебного недорода, тогда же в Москве случился страшный пожар — практически сгорел весь город, в том числе и Кремль. В огне погибли более двух с половиной тысяч домов, сто две церкви, одиннадцать монастырей, семнадцать богаделен, четыре дворца. Пожар довершился повальным грабежом, оставшихся целыми домов.

А на фоне этого апокалипсиса по-прежнему пышно расцветала немыслимая роскошь императорских балов, фейерверков, празднеств и маскарадов. Все это не могло не вызвать раздражения у многих подданных императрицы. А таких было девяносто из ста. И даже среди немногих избранных, вхожих во дворец императрицы, находились люди, разделявшие чувства обедневших дворян и простолюдинов.

НОВЕЛЛА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Артемий Петрович Волынский

К концу 30-х годов эти люди сгруппировались вокруг кабинет-министра Артемия Петровича Волынского, единственного сановника, имевшего право доклада кабинетских дел императрице.

Волынский принадлежал к числу младших сподвижников Петра I и свою закуску государственного человека получил в годы его царствования. Продвижению Волынского по службе

способствовала его активная деятельность в подготовке Персидского похода. Он был тогда губернатором в Астрахани, где сосредоточились главные силы армии и флота. Волынский сделал многое для того, что привело бы этот поход к успеху, а его самого возвысило в глазах Петра I. Еще более упрочила его авторитет женитьба на двоюродной сестре императора — Александре Львовне Нарышкиной. Когда Волынский осмелился сделать ей предложение, а оно было принято, он был уже генерал-адъютантом Петра I.

Не только звания и должность позволили Волынскому претендовать на руку кузины императора: по происхождению Артемий Петрович был куда знатнее ордынских выходцев Нарышкиных, ведя свой род от Боброка-Волынского и сестры Дмитрия Донского — Анны Ивановны. Так как Боброк — герой Куликовской битвы — был литовским князем из рода Гедиминовичей, а Анна Ивановна — из рода Рюриковичей, то в истоках семьи Волынских смешалась кровь двух великокняжеских династий, что переполняло Артемия Петровича честолюбивыми помыслами и отличало непомерной гордыней.

В 1738 году бывший губернатор Астрахани и Казани стал кабинет-министром и попытался свалить ненавистного многим русским сановникам все сильного герцога Бирона.

С этой целью у себя в доме Волынский собирал три десятка единомышленников. Не все они были посвящены в конечную цель, преследуемую Волынским, полагая, что собираются для обсуждения наиболее насущных и болезненных вопросов внутренней политики России.

Среди членов этих собраний были: советник Адмиралтейства Андрей Федорович Хрущов — самый близкий и наиболее доверенный конфидент Волынского, главный архитектор Петербурга Петр Михайлович Еропкин, историк и администратор Василий Никитич Татищев, известный географ и картограф Федор Иванович Соймонов, поэт и дипломат Антиох Кантемир и многие другие русские патриоты, обеспокоенные крайне неблагоприятным состоянием дел в государстве, причиной которого считали немецкое засилье и неограниченное самодержавие императрицы.

Все они — офицеры, администраторы, ученые — подолгу служили вместе и хорошо знали друг друга. Волынский не побоялся однажды при всех назвать Анну Ивановну «дурой» и утверждал, что она ничего не смыслит в государственных делах.

Собираясь по вечерам у Волынского, они до утра обсуждали проекты государственного устройства, спорили по поводу прочитанных иноземных книг, истолковывая труды Тацита,

Маккиавели, других древних и средневековых авторитетов применительно к окружавшей их российской действительности.

Наибольший интерес у конфиденентов вызывали сочинения хозяина дома. Главнейшими из них были: «Генеральное рассуждение о поправлении внутренних государственных дел», «О гражданстве», «Каким образом суд и милость государям иметь надобно». Никакой особой крамолы эти трактаты не содержали, более того, Волынский собирался прочесть отрывки из трактата «О поправлении внутренних государственных дел» самой Анне Ивановне, желая и ее обратить в свою веру.

Так что ночным сборищам в доме Волынского можно было бы и не придавать значения, если бы Артемий Петрович не стал на пути Бирона, возмечтавшего женить своего сына на племяннице императрицы мекленбургской принцессе Анне Леопольдовне.

Тогда-то не на шутку встревожившийся Бирон и его окружение представили дело таким образом, будто речь идет о подготовке государственного переворота, и настояли на аресте Артемия Петровича.

Предлогом же для ареста Волынского и нескольких его товарищей послужил конфликт с поэтом Василием Кирилловичем Тредиаковским, возникший во время строительства так называемого Ледяного дома и маскарадных празднований в нем. Вся эта эпопея имела под собой такую основу.

Князь Михаил Алексеевич Голицын, прозванный «Квасником», в юности был любимцем Петра I и по его воле поехал учиться во Францию в Парижский университет — знаменитую Сорбонну. Потом Голицын переехал в Италию и там принял католичество.

Анна Ивановна, вступив на престол и разогнав Верховный тайный совет, отправила многих родственников Голицына в ссылку, а князя-католика велела привезти в Петербург. И здесь, в наказание за измену вере, обратила в шута, а в 1739 году велела женить его на своей любимой калмычке-шутихе Евдокии Ивановне Бужениновой. Для их-то свадьбы и был построен на льду замерзшей Невы Ледяной дом. Он был выложен из плит чистого льда, облитых для крепости водой. Дом имел шесть метров в высоту, шестнадцать — в длину и пять — в ширину. Он был украшен ледяными статуями, фонарями и часами. Перед домом были изваяны ледяные дельфины, слон, восемь пушек и мортир. Все убранство двух больших комнат в доме также было сделано из льда. В стороне была построена ледяная баня, обогревавшаяся горящей соломой.

Для празднества из всех губерний России были присланы по паре инородцев, которые вместе с придворными составили свадебный кортеж в триста персон. Они ехали к Ледяному дому с музыкой и песнями на оленях, верблюдах, свиньях, козах, собаках. А затем была свадьба, и поэт Василий Кириллович Тредиаковский, соперник Кантемира и Ломоносова, читал свои стихи.

Из-за них-то и разгорелся весь сыр-бор. И вот почему.

Незадолго до шутовской свадьбы один из сподвижников Бирона — князь Куракин — подговорил Василия Кирилловича написать шуточные стихи на Волынского, и поэт охотно выполнил это поручение. Волынскому передали эпиграмму Тредиаковского, и тот решил при случае отплатить зубоскалу. Такой случай вскоре представился. Волынского назначили главой комиссии по строительству Ледяного дома и поручили организацию «маскерадного действия», а кабинет-министр приказал Тредиаковскому написать стихи на открытие Ледяного дома.⁵

Вот как все события излагает сам поэт в отчете «Профессора Тредиаковского в Императорскую Академию Наук» от 10 февраля 1740 года. (Привожу в сокращенном виде.) Он писал, что 4 февраля домой к нему явился кадет Криницын и объявил, что поэт должен немедленно идти к ее императорскому величеству, а привел его к кабинет-министру Волынскому, который находился «в камере, где маскарад обучался». И Волынский стал бить поэта «по обеим щекам, всячески браня, правое ухо оглушил, а левый глаз подбил, что он и изволил чинить в три или четыре приема. Сие видя, помянутый господин кадет стал бить меня по обеим же щекам публично; потом с час времени спустя его превосходительство (Волынский) приказал мне спроситься зачем я призван у господина архитектора и полковника Петра Михайловича Еропкина, который и дал мне на письме самую краткую материю, и с которой должно мне было сочинять приличные стихи к маскараду.»⁶

Наутро Тредиаковский решил пожаловаться Бирону, но в приемной герцога его застал Волынский, вновь отхлестал по щекам, затем вытолкал в шею и велел дежурному сержанту посадить под караул, что и было сделано.

«Потом, — писал Тредиаковский, — несколько времени спустя, его превосходительство прибыл и сам... и браня меня всячески, велел снять с меня шпагу, с великой яростью всего оборвать, и положить, и бить по голой спине толь жестоко и немилостиво, и дано мне было семьдесят ударов, а потом дал мне еще палкой тридцать ударов. Потом всего меня изнемог-

шего велел поднять и обуть, а разодранную рубашку зашить и отдал меня под караул, где я ночевал в ночь на среду и твердил наизусть стихи, хотя мне уже не до стихов было, чтоб оные прочесть в потешной зале.

В среду под вечер приведен я был в маскарадном платье и в маске под караулом в оную потешную залу, где тогда мне повелено было прочесть наизусть оные стихи. По прочтению оных и по окончании маскарадной потехи отведен я паки в комиссию под караул, где и ночевал я на четверг. В четверг призван я был по утру часов в десять в дом к его превосходительству, где был много бранен, а потом объявил мне, что расстаться со мною хочет еще побивши меня, что я услышав, с великими слезами просил еще его превосходительство умиловаться надо мною всем уже изувеченным, однако не преклонил его сердце на милость, так что тотчас велел он меня вывести в переднюю и караульному капралу бить меня палкою еще десять раз, что и учинено. Потом велел мне отдать шпагу и освободить из под караула.»⁷

Придя домой Третьяковский пустил себе кровь, но облегчения не почувствовал, и думая, что умирает, написал завещание и одновременно рапорт обо всем случившемся на имя президента Академии наук графа Германа-Карла Кайзерлинга, тот доложил обо всем случившемся императрице, и она назначила следствие. И совершенно неожиданно для Волынского и всех современников этот эпизод перерос в дело о государственной измене.

В апреле 1740 года Волынского привезли в следственную комиссию и обвинили в том, что он — ни более, ни менее — собирався взойти на престол, отравив перед тем императрицу. И вот здесь-то древнее и благородное происхождение Волынского от Рюриковичей и Гедиминовичей из предмета великой гордости превратилось в отягчающее вину обстоятельство.

Все дело было ловко состряпано Бироном, который видел в Волынском своего главного и очень опасного соперника. Волынский даже на дыбе не признал себя виновным в государственной измене, согласившись только с тем, что виноват во взяточничестве и мошенничестве. Тем не менее его приговорили к смерти и 27 июня привезли на место казни с окровавленным кляпом во рту, потому что перед казнью ему вырвали язык.

По делу Волынского были казнены и два его мнимых сообщника — Хрущов и Еропкин, — а еще несколько человек наказаны кнутом и сосланы в Сибирь.

НОВЕЛЛА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Анна Леопольдовна и Антон-Ульрих

Императрица Анна Ивановна ненадолго пережила своего кабинет-министра. 5 октября того же года она слегла, страдая сразу воспалением костей, цингой, подагрой и каменной болезнью в почках. Досаждали ей не только физические страдания, но и мучительные раздумья: кому оставить трон в случае смерти?

Из-за острой и стойкой неприязни к цесаревне Елизавете Петровне умирающая считала единственно приемлемой наследницей свою племянницу Анну Леопольдовну — дочь родной сестры Екатерины Ивановны и герцога Мекленбург-Шверинского Карла-Леопольда.

Екатерина Ивановна — дочь царя Ивана Алексеевича и племянница Петра I — как мы знаем, была выдана замуж в 1716 году, когда ей исполнилось двадцать четыре года. Вскоре после свадьбы к ней в Шверин, пожаловал ее дядюшка Петр Алексеевич и совершенно бесцеремонно утащил ее на глазах молодого мужа в спальню, о чем уже сообщалось в этой книге.

Этот эпизод и некоторые другие пассажи такого же свойства не могли способствовать любви Карла-Леопольда к жене. К тому же герцог был мелочен, сварлив и деспотичен, а Екатерина Ивановна — вольнолюбива, независима и горда своим происхождением. Поэтому уже на первых порах жизнь супругов перемежалась почти непрерывными ссорами и склоками.

7 декабря 1718 года у них родилась дочь, которую крестили по протестантскому обряду и нарекли Елизаветой-Христиной. После ее рождения семейная жизнь супругов вконец разладилась, и через три года мучений Екатерина Ивановна забрала с собою трехлетнюю дочь и уехала в Россию.

Петр встретил ее неприветливо, и Екатерина Ивановна поселилась у своей матери Прасковьи Федоровны, урожденной Салтыковой.

И дочь и мать были необразованы, суеверны, почитали за грех чтение богопротивных, еретических книг, и потому маленькую Елизавету-Христину обучили только православному катехизису и началам богословия, готовя к перемене религии и крещению по православному обряду.

Так дело и шло до восшествия на престол ее родной тетки, бездетной Анны Ивановны, которая сохраняла старый, полувековой, но все еще непреодоленный антагонизм между Милославскими и Нарышкиными. Будучи сама по-матери Милославской, она хотела сохранить трон за своей кровной родней, отказывая в этом Нарышкиным.

Поэтому, вступив на престол, Анна Ивановна приблизила к себе племянницу и стала готовить ее к наследованию престола. В православии ее наставником был уже известный нам Феофан Прокопович — образованный богослов, один из иерархов русской церкви, впоследствии автор «Истории об избрании и восшествии на престол государыни Анны Ивановны», которую он считал продолжательницей дела Петра Великого.

С другими науками дело обстояло похуже. Елизавета-Христина выучила немецкий и французский языки, пристрастилась к чтению светских книг, но дальше дело не пошло — девочка плохо усваивала и географию, и арифметику, и историю.

Когда ей исполнилось двенадцать лет, встал вопрос о грядущем замужестве. Поиском жениха занялся Левенвольде и вскоре представил две кандидатуры — маркграфа Бранденбургского Карла и принца Брауншвейг-Беве́рн-Люнебургского Антона-Ульриха. Из политических соображений Карл был отвергнут, ибо за ним стояла Пруссия, а за Антоном-Ульрихом — Австрия, так как он доводился племянником австрийскому императору Карлу VI. Выбор был сделан в пользу Австрии, и 28 января 1733 года Антон-Ульрих приехал в Россию. 12 мая того же года жених присутствовал при крещении невесты по православному обряду, когда Елизавета-Христина получила имя Анны, разумеется, в честь крестной матери — императрицы Анны.

Однако со свадьбой не торопились из-за совершенно очевидной холодности и даже враждебности Анны Леопольдовны к навязанному ей жениху. Сторонники принцессы объясняли это юностью невесты — ей шел всего лишь пятнадцатый год, а жениху — девятнадцатый. На этом основании решили отложить свадьбу до совершеннолетия невесты. А дело было не в возрасте, а во вкусах Анны — Антон-Ульрих был невысокого роста, хрупок, женоподобен, сильно заикался, а его мягкость и податливость воспринимались как бесхарактерность и трусость.

Но императрица считала, что со временем все образуется и жених с невестой привыкнут друг к другу. А пока решили отдать принца в военную службу, где обнаружилось, что он и расторопен, и смел, и любим своими солдатами.

Когда Анне шел семнадцатый год, она вдруг влюбилась в тридцатипятилетнего саксонского посланника при петербургском дворе, красавца и щеголя, графа Линара. Екатерина II, увидевшая Линара через пятнадцать лет, так обрисовала его: «По внешности это был в полном смысле фат. Он был вы-

сокого роста, хорошо сложен, рыжевато-белокурый, с нежным, как у женщины, цветом лица. Говорят, что он так ухаживал за своей кожей, что каждый день перед сном покрывал лицо и руки помадой и спал в перчатках и маске. Он хвастался, что имел восемнадцать детей и что все их кормилицы могли заниматься этим делом по его милости. Граф Линар носил одежду самых светлых цветов — небесно-голубого, абрикосового, лилового, телесного.»⁸

А ведь когда Екатерина писала это, речь шла о пятидесятилетнем селадоне! Можно догадываться, каков был Линар пятнадцатью годами раньше.

Разумеется Анна Ивановна вскоре узнала о чувствах племянницы и выслала графа обратно в Саксонию.

Между тем Антон-Ульрих дослужился до чина полковника и стал командиром кирасирского полка. В 1737 году он, поступив под команду фельдмаршала Миниха, принял участие в войне с Турцией и отличился при штурме Очакова. Принц все более укреплялся во мнении императрицы, как достойный претендент на руку ее племянницы, и, наконец, 3 июля 1739 года, после шестилетнего пребывания в России в ранге жениха, он стал законным супругом Анны Леопольдовны.

12 августа 1740 года у Антона-Ульриха и Анны Леопольдовны родился сын, названный Иваном. Его крестной матерью стала императрица, чем подчеркнула его близость к своей августейшей особе. После крестин Анна Ивановна забрала младенца к себе во дворец и поместила в покои рядом с собственной спальней. 5 октября, когда мальчику еще не было и двух месяцев, Анна Ивановна слегла в постель, потеряв всякую надежду на выздоровление. И первое, что она сделала, почувствовав себя на пороге смерти, — объявила в манифесте, что Иван Антонович является великим князем с титулом императорского высочества и объявляется наследником российского престола.

Еще через одиннадцать дней, чувствуя, что кончина совсем близка, императрица подписала новый манифест, которым объявляла регентом при Иване Антоновиче герцога Бирона. Не отец младенца — герцог Брауншвейг-Люнебургский Антон-Ульрих — и не его мать — великая княгиня Анна Леопольдовна — были объявлены регентами, а курляндский выходец сомнительного происхождения, к тому же не пользовавшийся симпатиями многих сановников империи.

В этом была заложена мина замедленного действия, и она вскоре сработала.

Подписав манифест, Анна Ивановна попрощалась с каждым из собравшихся у ее постели, последним удостоив Миниха.

— Прощай, фельдмаршал. Простите все... — сказала она и умерла.

На следующий день, 18 октября 1740 года, все присягнули новому императору-младенцу и его регенту. На этом благополучное для Бирона развитие событий кончилось. Гвардия роптала и открыто призывала к его свержению, называя регентами при Иване VI или мать, или отца императора. Антон-Ульрих и Анна Леопольдовна в душе и негласно согласились с требованиями гвардейцев. А первым и важнейшим лицом дворцового переворота сделался главный соперник Бирона фельдмаршал Миних.

Он действовал решительно и энергично. В ночь на 9 ноября Миних с тремя десятками преображенцев и со своим адъютантом Манштейном пришел в Летний дворец, где жили регент и его жена, и арестовал их. В ту же ночь был арестован и младший брат Бирона Густав и его немногочисленные сторонники. А через несколько дней, в Москве был арестован и его старший брат — Карл.

Все совершилось без единого выстрела. Уже в восемь утра всех взятых под стражу в арестантских каретах отвезли в Шлиссельбург.

Регентство Бирона, продолжавшееся двадцать два дня, закончилось. На смену ему пришло новое правление, в котором главную роль должна была играть Анна Леопольдовна. Правда, и ее властвование оказалось недолгим...

Как только Бирона и его прозелитов отвезли в Шлиссельбург, тотчас же приступили к конфискации их имущества. Утверждали, что Бирон накопил денег и драгоценностей на 14 000 000 рублей. Среди вещей был у его жены и туалетный стол из чистого золота, украшенный драгоценными камнями. Все дома Бирона в Курляндии опечатали, но дружественно настроенный к опальному герцогу польский король Август III попросил пока имущество не трогать. Король просил о высылке Бирона в Курляндию, но получил отказ, ибо, как ему было сказано, «вины Бирона велики и неисчислимы».

Наконец был составлен приговор, его читали народу в церквах три воскресенья подряд. Бирон обвинялся во многих грехах, но прежде всего в том, что он покушался на жизнь покойной императрицы, сам написал акт о передаче ему регентства, а также в многократных случаях превышения власти. 8 апреля 1741 года его приговорили к четвертованию, но Анна Леопольдовна заменила мучительную смерть вечной

ссылкой на Северный Урал в Пелым, за три тысячи верст от Петербурга.

Там, по чертежам, сделанным лично Минихом, быстро выстроили четырехкомнатный дом для ссыльного и его семьи. Не думал и не гадал фельдмаршал, что в этом доме вскоре придется очутиться ему самому и прожить там двадцать лет. В соседних домах были поселены шестеро слуг, а содержание от казны оказалось весьма щедрым — 450 рублей в месяц.

Очередная «коронная перемена» отдала судьбу России в руки двадцатидвухлетней женщины — ленивой, чувственной и весьма недалекой.

Анна Леопольдовна почти все время валялась в постели, читая душещипательные романы и постоянно беседуя со своей возлюбленной фрейлиной Юлианой Менгден. Ходил упорный слух, что она и регентша — лесбиянки. Возможно такой слух распространился из-за того, что Анна Леопольдовна могла сутки напролет проводить время в одной постели с Юлианой Менгден. И хотя многие современники утверждали, что женщин связывали лишь платонические чувства двух близких друг другу душ и сердец, все же находились и такие, которые утверждали обратное. Как бы то ни было, но обе женщины не могли и часа провести друг без друга.

Как только Анна Леопольдовна стал первой персоной в государстве, она позволила себе то, чего раньше не разрешала покойная императрица. В Петербурге немедленно появился граф Линар. На сей раз его амурная игра была несколько усложнена: граф продолжал при каждом удобном случае изображать глубочайшую влюбленность в Анну Леопольдовну, но одновременно откровенно волочился и за Юлианой Менгден.

Наконец, с благословения регентши, он сделал предложение ее фрейлине, но было обусловлено, что пока они останутся втроем, ибо невозможно двум любящим женщинам разлучиться сразу. Таким образом возник необычный треугольник.

Скоро Линар уехал в Дрезден, взяв с собою кучу денег и шкатулку с бриллиантами, которые, как говорили, он повез дрезденским ювелирам, чтобы заказать корону для Анны Леопольдовны, желавшей превратиться из регентши и Великой княгини в Российскую императрицу.

Линар регулярно получал нежнейшие письма от Анны Леопольдовны, а в Петербурге уже видели в нем нового Бирона и полагали, что Антон-Ульрих скоро станет не более, чем марионеткой в руках фаворита.

Пока Линар общался с ювелирами, в верхних этажах власти начались новые баталии. Миних, занявший пост первого

министра и оставаясь президентом Военной коллегии, стал внушать Остерману и его сторонникам большие опасения из-за почти необъятной власти, сосредоточившейся в его руках. Чтобы создать фельдмаршалу достаточно серьезный противовес, Антону-Ульриху присвоили звание генералиссимуса, князю Алексею Михайловичу Черкасскому — генерал-адмирала, и, таким образом, Миних перестал быть бесспорно первым военным России. Воспользовавшись тем, что 57-летний Миних в декабре 1740 года заболел, Остерман сумел внушить регентше мысль, что старик-фельдмаршал нуждается в покое и уходе от непосильных для него государственных дел.

С этого момента брауншвейгская чета начала откровенно пренебрегать Минихом: регентша не принимала его, отсылая к мужу, а тот, если и удостоивал фельдмаршала краткой и холодной аудиенцией, то вел себя с ним, как с подчиненным, давая понять старому воину, что перед ним не только герцог, но и генералиссимус. Не выдержав нового для себя унижительного положения, Миних в марте 1741 года подал в отставку, и она была немедленно принята.

За всеми этими коллизиями внимательно следили противники брауншвейгской фамилии. Ими прежде всего стали гвардейские офицеры. Они сделали ставку на цесаревну Елизавету Петровну и составили комплот, как на старофранцузский манер именовали тогда заговор.

НОВЕЛЛА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Заговор

Брауншвейгская фамилия, ее немецкие и русские сторонники располагали кое-какими сведениями о готовящемся заговоре, но недооценивали его опасности. Остерман знал, что одним из заговорщиков является французский посланник маркиз Иоахим-Жак де ла Шетарди, имевший прямое указание своего правительства всячески способствовать приходу к власти Елизаветы Петровны. Другим дипломатом, ориентированным на то же самое, был швед Нолькен.

Хуже обстояло у правительства дело с осведомленностью об отечественных заговорщиках. По-видимому, подозреваемых было много, так как в гвардии каждый второй мог считаться сторонником Елизаветы, и потому никаких действий до поры до времени российские власти не предпринимали.

Весной 1741 года в Петербурге распространились слухи о раскрытии заговора, ожидаемом заключении Елизаветы в монастырь и даже возможной ее казни. Говорили, что Елизавета и ее очередной фаворит — Семен Кириллович Нарышкин —

тайно обвенчались и теперь у новой августейшей четы появилось намерение овладеть российским тронem. Дело кончилось, однако, не тюрьмой, а высылкой Нарышкина в Париж.⁹

Разговоры утихли, когда 24 июля 1741 года началась очередная война России со Швецией и общественное мнение отвлек ход военных действий. А тем временем в заговор потихоньку вовлекались все новые люди, среди которых немало важную роль стал играть еще один иностранец — Арман Лесток — лейб-медик Елизаветы Петровны.

Француз-протестант Иоганн-Герман Лесток, на французский лад — Арман, в России — Иван Иванович, — родился в Ганновере, куда его родители уехали из-за религиозных преследований. Его отец — искусный хирург, ставший в Ганновере врачом герцога Люнебургского, — обучил своему ремеслу и сына. Однако молодому Лестоку было тесно в немецкой провинции, и он уехал в Париж, вступив во французскую армию. Здесь молодому, красивому, жадному до удовольствий и бедному лекарю хронически не хватало денег, особенно на амурные приключения. Страдая от бедности и невозможности удовлетворить свои желания, он отправил в 1713 году письмо в Петербург, предлагая свои услуги хирурга, и получил приглашение из аптекарской канцелярии при Коллегии иностранных дел. По приезде в Россию его представили Петру I, которому он понравился своим нравом, внешностью и образованностью, и тут же был назначен лейб-хирургом его величества. Лесток вскоре стал своим человеком в окружении царя и в 1716 году сопровождал Петра и Екатерину в их путешествии за границу, давая немало поводов к пересудам.

Однако скоро за свои похождения Лесток попал в немилость и, отсидев под караулом четыре месяца, оказался в ссылке в Казани. Закончилась ссылка уже в царствование Екатерины I, которая вернула его в столицу и приставила лейб-медиком к цесаревне Елизавете Петровне. С этих пор Лесток прочно вошел в высший петербургский свет, сохранив прекрасные отношения и со старой московской знатью.

Он умел ладить с Бироном, Остерманом, Волинским, который конфиденциально читал ему свой трактат «О поправлении внутренних государственных дел». Не попав вместе с Волинским на плаху и даже избежав ссылки, Лесток опасался новой опалы и потому примкнул к заговору, составленному соратниками Елизаветы.

По роду своей профессии он был вхож в любой дом, а благодаря хорошему знанию нескольких языков незаменим в сношениях с иностранцами. Из-за этого он стал посредником между французским и шведским посланниками, которые по указанию

своих правительств всемерно содействовали свержению брауншвейгской фамилии и переходу власти к Елизавете Петровне.

Маркиз Де ла Шетарди прибыл в Петербург в 1739 году, а сблизился с Елизаветой после падения Бирона, но и тогда вел себя с ней крайне сдержанно и осторожно. От союзного Франции шведского посла Нолькена Шетарди узнал, что на организацию заговора Швеция ассигновала сто тысяч червонцев. И хотя солидность суммы говорила об основательности намерений, посланники долго колебались, прощупывая обстановку в столице. Так продолжалось до последней декады ноября 1741 года, когда они уверились в том, что на их стороне испытанное средство неожиданных и насильственных перемен — петербургская гвардия.

Толчком к совершению дворцового переворота послужили два обстоятельства. Во-первых, 23 ноября на куртаге (торжественном приеме), состоявшемся в Зимнем дворце, Анна Леопольдовна сказала Елизавете, что попросит отозвать Шетарди во Францию, а Лестока прикажет арестовать. Во-вторых, 24 ноября гвардии было приказано выступить в поход к Выборгу, где шли боевые действия против шведов.

Конечно же, гвардейцы, не желали уходить в самом начале зимы из теплых петербургских квартир, а участники заговора не без оснований опасались, что в отсутствие гвардии заговор будет немедленно разгромлен.

И в этих обстоятельствах решающую роль сыграли, как это ни парадоксально, не трезвый расчет или решимость заговорщиков, а трусость Лестока, более всего боявшегося пыточного каземата Петропавловской крепости. Он ежечасно торопил Елизавету с выступлением и пугал тем, что и она либо разделит его участь, либо будет насильно пострижена и навечно заточена в монастырь, если не обратится немедленно за помощью к гвардии.

Лесток рассказывал, что поздним вечером 24 ноября 1741 года, когда заговорщики в последний раз пришли к Елизавете, он положил перед ней две игральные карты: на одной из них он нарисовал цесаревну в короне и мантии, на другой — в монашеском клобуке и черной рясе, стоящей под виселицей. Взглянув на рисунки Лестока, Елизавета решилась. Переворот начался.

НОВЕЛЛА СОРОКОВАЯ

Дочь Петра Великого

А теперь нам придется прервать последовательность повествования и возвратиться к тому времени, когда мы расстались с Елизаветой Петровной. А это произошло в дни корона-

ции Анны Ивановны, которая настолько не любила свою племянницу, что готова была арестовать ее и заточить в крепость. Ее отговорили Бирон и Остерман, а Миних, наоборот, подстрекал к этому.

Зная о неприязни к себе императрицы, Елизавета удалилась от двора и проживала в своих подмосковных владениях, пока Анна Ивановна не повелела ей переселиться в Петербург. Елизавета должна была являться на балы и куртаги императрицы и там блистала своей необыкновенной красотой.

Особого образования и воспитания она не получила, лучше других предметов преуспела во французском языке. Это дало основание графу Никите Ивановичу Панину написать в своих «Записках»: «Государыня эта была очень умна от природы, но столь мало образована, что недостатком образования выделялась даже среди женщин».¹⁰

Зато внешне цесаревна была необыкновенно хороша и по справедливости считалась одной из красивейших женщин России. По словам одного из современников, во время коронации Анны Ивановны принцессу Елизавету разглядел некий гамбургский профессор, который «от красоты ее сошел с ума и вошел обратно в ум, только возвратившись в город Гамбург».¹¹

Восторг цесаревной, приведшей профессора к безумию, разделяли почти все, кто ее видел. Русский историк, отличный знаток XVIII века В.А. Бильбасов так писал о Елизавете Петровне: «Стройная, с густою каштановою косою и темными бровями, оттеняющими большие голубые глаза, с привлекательною улыбкой, легко переходившей в шаловливый смех, выказывавший строй белых зубов, всегда приветливая с чужими, ласковая с близкими, живая, любезная, веселая, царевна Елизавета Петровна производила чарующее впечатление.

Враждебно относившийся к царевне испанский посланник герцог Де Лириа называл ее красоту сверхъестественной. Французские резиденты Лави и Кампредон считали ее красавицей...

Трудно перечислить все проекты брачных союзов, составившихся ради Елизаветы Петровны, всех искателей ее руки и счастливых, избранных ее сердцем».¹²

Во всяком случае ее сватали и за короля Людовика XV, и за трех французских герцогов, и за семь германских принцев, и за наследника португальского престола, и за сына персидского шаха Надира, не считая отечественных претендентов — ее племянника Петра II и князей Ивана Долгорукова и Алек-

сандра Александровича Меншикова — единственного сына всесильного фаворита.

Что же касается «счастливых, избранных ее сердцем», то среди них были не только короли и принцы, а нередко и люди простого звания.

Первым галантом цесаревны считается Александр Борисович Бутурлин, солдат гвардии, определенный в Морской шляхетский корпус. Выпущенный из него мичманом Бутурлин был взят царем Петром в денщики. После смерти Петра Екатерина I обратила на него свое благосклонное внимание и в 1725 году сделала гоф-юнкером двора собственной дочери.

В ту пору Елизавете было шестнадцать лет, а Бутурлину шел тридцать первый год. Ох сохранял хорошие отношения и с окружением императора и со сторонниками царевича Алексея Петровича.

Поэтому, когда Петр II взошел на престол, он отблагодарил Бутурлина за расположение к своему отцу, наградив его орденом Александра Невского и пожаловав чины действительного камергера и генерал-майора. Однако благополучию Бутурлина пришел конец, как только Петр II узнал об его истинных отношениях с Елизаветой, в которую юный император был тогда влюблен. Бутурлина отправили на Украину, в армию князя Голицына. Это произошло еще и потому, что в политической борьбе при дворе он занял сторону Бестужева, своего старого друга и единомышленника, и именно из-за этого враждебные Бестужеву князья Долгоруковы донесли Петру II о близости Елизаветы с Бутурлиным. В 1729 году император отослал своего счастливого соперника еще дальше — на границу с Персией.

Столь же неудачным оказался и роман Елизаветы Петровны с обер-гофмейстером императорского двора Семеном Кирилловичем Нарышкиным. В 1739 году его даже прочили в мужья Елизавете Петровне, а потом из-за слухов о произошедшем тайном венчании отослали в Париж, о чем уже говорилось.

Перед отъездом в Париж Нарышкину было строго наказано соблюдать инкогнито, проживая во Франции под фамилией дворянина Тенкина.

Вернуться в Россию Семену Кирилловичу удалось лишь после вступления Елизаветы на престол, когда ему уже ничто не могло угрожать. Вскоре после возвращения в Петербург именно он встречал в 1744 году принцессу Ангальт-Цербстскую Софью-Шарлотту — будущую российскую императрицу Екатерину II. А во все время царствования Елизаветы Петров-

ны был гофмаршалом и пользовался ее симпатией и расположением.

Разлученная с Нарышкиным, Елизавета Петровна утешилась в бурной и искренней страсти с Алексеем Яковлевичем Шубиным — прапорщиком лейб-гвардии Семеновского полка. Он привлек Елизавету своей сказочной красотой, ласковым и ловким обхождением, веселостью нрава.

Цесаревна уехала со своим новым возлюбленным на его родину, в окрестности Александровой слободы, и там, наслаждаясь любовью, с утра до вечера гуляла по полям и лугам, водила хороводы с деревенскими девушками, играла в горелки с парнями и очень любила щеголять в тесно обтягивавшем ее офицерском мундире.

Эта связь почему-то особенно не понравилась императрице Анне Ивановне, и она приказала сослать Шубина на Камчатку, повелев женить его там на камчадалке. Поговаривали, что ссылка Шубина не обошлась без Бирона, тайно любившего красавицу Елизавету.

А между тем, весьма возможно, что ссыльный прапорщик был едва ли ни самым любимым мужчиной в жизни Елизаветы. Быть может, только два будущих ее фаворита — Алексей Разумовский да Иван Шувалов — сравнимы с ним в какой-то степени. Во всяком случае Шубин был единственным возлюбленным, которому цесаревна посвятила собственные стихи:

Я не в своей мочи огонь утушить
Сердцем болею — да чем пособить,
Что всегда разлучно
И без тебя скучно.
Лучше бы ты не злати
Нежели так страдати
Всегда по тебе¹³.

Не будем строго судить стихи Елизаветы — они написаны во времена Кантемира и Тредиаковского, которые, ей Богу, писали не лучше.

По восшествию Елизаветы на престол только после двух-летних поисков Шубина нашли на Камчатке. Причем, ни сам он, ни жители его стойбища не знали, что в России уже два года царствует Елизавета Петровна — в столь глубокой глуши они жили. Привезя Шубина в Петербург, его «за невинное претерпение» произвели в генерал-майоры и наградили орденом Александра Невского. Получив богатые поместья в Ярославском и Нижегородском уездах и очередной чин генерал-

поручика, Шубин через год вышел в отставку и удалился на покой в одну из своих деревень.

А пока ее возлюбленный пребывал в ссылке, Елизавета Петровна с истинно поэтическим легкомыслием утешалась в объятиях целой череды кратковременных любовников. Среди них были: конюх Никита Андреевич Возжинский, не имевший фамилии из-за своего «подлого» происхождения и получивший ее от названия одного из атрибутов своей профессии: юный прелестник, камер-паж Пимен Лялин; столь же юный кучерский сын Ермолай Скворцов.

Все трое, как только Елизавета оказалась на троне, мгновенно стали камергерами, получив и значительные поместья, и потомственное дворянство.

Милым сердцу Елизаветы оказался и дворцовый истопник Василий Васильевич Чулков. В отличие от соперников природа не одарила его ни красотой, ни ростом. Но у Чулкова было и очевидное преимущество — он обладал исключительно обостренным слухом, даже когда дремал. Елизавета очень боялась ночного ареста, и потому Чулков все ночи проводил в кресле перед ее спальней, подремывая, но не засыпая. Оттого-то и он, знавший о всех галантах своей госпожи, проходивших мимо него в ее опочивальню, также, как и они, удостоился интимных милостей. Причем, оценен был потом более щедро. Если другие фавориты стали камергерами, то истопник Чулков вдобавок получил орден Александра Невского, чин генерал-поручика и богатые поместья.¹⁴

Однако и Лялин, и Возжинский, и Скворцов оказались не более чем мотыльками-однодневками по сравнению с новым их соперником, прочно завладевшим сердцем цесаревны.

В 1731 году из Венгрии возвратился в Петербург полковник Федор Степанович Вишневский, куда он ездил покупать вино для Анны Ивановны. Он привез императрице не только обоз с вином, но и прекрасного лицом и статью двадцатидвухлетнего казака-украинца Алексея Розума, встреченного им по дороге из Венгрии у села Чемер, что неподалеку от города Глухова на пути из Киева в Чернигов. Полковник, остановившись на роздых, услышал как поет Розум и упросил чемерского дьячка, у которого Алексей жил, отпустить певца в Петербург. Там парня представили обер-гофмаршалу Рейнгольду Левенвольде, и тот поместил его в дворцовый хор императрицы Анны Ивановны. А оттуда забрала Розума к себе цесаревна Елизавета, пораженная и дивным голосом и сказочной красотой певчего.

Маркиз Де ла Шетарди, хорошо осведомленный об интимных делах двора, писал в 1742 году о событиях, произо-

шедших за десять лет до того: «Некая Нарышкина, вышедшая с тех пор замуж, (речь идет об Анастасии Михайловне Нарышкиной, вышедшей замуж за генерал-майора Василия Андреевича Измайлова и ставшая затем статс-дамой Екатерины II), женщина, обладающая большими аппетитами и приятельница цесаревны Елизаветы. была поражена лицом Разумовского, случайно попавшегося ей на глаза. Оно действительно прекрасно. Он брюнет с черной, очень густой бородой, а черты его, хотя и несколько крупные, отличаются приятностью, свойственной тонкому лицу. Он высокого роста, широкоплеч... Нарышкина, обыкновенно, не оставляла промежутка времени между возникновением желания и его удовлетворением. Она так искусно повела дело, что Разумовский от нее не ускользнул. Изнеможение, в котором она находилась, возвращаясь к себе, встревожило цесаревну Елизавету и возбудило ее любопытство. Нарышкина не скрыла от нее ничего. Тотчас же было принято решение привязать к себе этого жестокосердого человека, недоступного чувству сострадания».¹⁵

К этому времени Шубин уже томился в неволе, а конюхи и истопники не шли ни в какое сравнение с неожиданно появившимся могучим чернобородым певчим.

Елизавета пришла в восторг от альковных утех с ним и огромной силы его страсти. Приближая Разумовского к своей особе, она сначала переименовала его из певчих в придворные бандуристы, а затем он стал и гоф-интендантом, получив под свое начало двор и все имения благодетельницы.

Розум, став влиятельным придворным и превратившийся в Алексея Григорьевича Разумовского, остался добрым, скромным, умным человеком, каким был и прежде. Он любил свою мать, заботился о брате и трех сестрах, посылая им деньги, принимал своих деревенских земляков приезжавших в Петербург, и старался никому не делать зла.

Алексей Разумовский был чужд дворцовых интриг, политических игр, коварства, хитростей, борения страстей и не изменил себе на протяжении всей своей жизни. Этими качествами он снискал уважение многих сановников и аристократов. В числе его друзей оказались многие родственники Елизаветы Петровны, и сама она, казалось, приняла образ жизни и характер отношений, свойственный ее «другу нелицемерному», как в одном из писем называла она своего возлюбленного. Алексей Разумовский и Елизавета Петровна были необычайно сладострастны, молоды и сильны, и обуревавшую их страсть ставили на первое место среди всех прочих чувств.

В разгар событий, на которых мы остановились, кода разговор вот-вот должен был разразиться, случился эпизод, крас-

норечиво свидетельствующий как о взаимных чувствах Елизаветы и Разумовского, так и о подлинных отношениях цесаревны к Лестоку. Об этом в довольно изысканной манере, хотя и не без натуралистических подробностей, информировал прусского короля Фридриха II его посол Мардефельд: «Особа, о которой идет речь соединяет в себе большую красоту, чарующую грацию и чрезвычайно много приятного с большим умом и набожностью, исполняя внешние обряды с беспримерной точностью».¹⁶

Добавим, что эта набожность Елизаветы, любовь к церковным службам и особенно к их обрядовой стороне, как и сердечная склонность к русским песням, хороводам и простонародной пище, приводила в восторг патриотов, негодовавших против засилья немцев, руководивших страной, но не знавших даже ее языка.

Далее Мардефельд продолжал: «Родившаяся под роковым созвездием, то есть в самую минуту нежной встречи Марса с Венерой, она ежедневно по несколько раз приносит жертву на алтаре матери Амура, значительно превосходя такими набожными делами супруг императора Клавдия и Сигизмунда.¹⁷ Первым жрецом, отличенным ею был подданный Нептуна, простой рослый матрос¹⁸ Теперь эта важная должность не занята в продолжении двух лет. До того ее исполняли жрецы, не имевшие особого значения. Наконец, нашелся достойный, в лице Аполлона с громовым голосом, уроженец Украины, и должность засияла с новым блеском. Не щадя сил, он слишком усердствовал, и с ним стали делаться обмороки, что побудило однажды его покровительницу отправиться в полном дедабилье (нижнем белье) к Гиппократу (подразумевается лейб-медик Лесток), посвященному в тайны, чтобы просить его оказать помощь больному. Застав лекаря в постели, она усе-лась на край ее и упрашивала его встать. А он, напротив, стал приглашать ее позабавиться. В своем нетерпении помочь другу сердечному она отвечала с сердцем: «Сам знаешь, что не про тебя печь топится!» «Ну, — ответил он грубо, — разве не лучше бы тебе заняться этим со мной, чем со столькими из подонков?» Но разговор этим ограничился, и Лесток повиновался».¹⁹

Из письма Мардефельда следует, что несмотря на известную зависимость Елизаветы от Лестока, как одного из главных участников заговора, она не ответила на его притязания, хотя легкость ее нрава подавала лейб-медику основательные к тому надежды.

Можно полагать, также, что в это время на первое место у цесаревны выступили вполне понятные политические амбиции и мотивы, раньше стоявшие на отдалении.

А теперь экстремальные обстоятельства, при которых неотвратимой реальностью могли стать и тюрьма и плаха, все чаще заставляли Елизавету вспоминать, что она — не кто-нибудь, а родная дочь первого российского императора.

НОВЕЛЛА СОРОК ПЕРВАЯ

Дворцовый переворот

Так проходила жизнь дочери Петра Великого, пока ни наступила ночь дворцового переворота, когда волею судьбы рядом с цесаревной Елизаветой Петровной оказались врач-француз Арман Лесток, русский аристократ, камер-юнкер Михаил Воронцов, мелкий служитель из Академии наук Карл Шварц и рядовой Преображенского полка крещеный еврей Петр Грюнштейн.

Об Армане Лестоке мы уже знаем.

Что же касается Михаила Илларионовича Воронцова, то здесь дело обстояло следующим образом.

Михаил Воронцов был камер-юнкером Елизаветы с четырнадцати лет. В трудных для цесаревны финансовых обстоятельствах он ссужал ей деньги, которые давал ему старший брат Роман Воронцов, женатый на богатой купчихе Марфе Ивановне Сурминой. Эта сторона их отношений тщательно скрывалась и придавала им оттенок дружеской доверительности.

Христофор-Якоб — на русский манер Карл Иванович — Шварц был вначале трубачом в Семеновском полку, но из-за скудности заработка играл еще на свадьбах и похоронах, безуспешно пытаясь стать дворцовым музыкантом.²⁰

Не добившись успеха в Петербурге, Шварц попытался поправить свои дела в иных краях, и ему удалось оказаться в составе русской дипломатической миссии, отправлявшейся в Китай 1 сентября 1725 года. Глава миссии «действительный статский советник, чрезвычайный посланник и полномочный министр» граф Савва Лукич Владиславич-Рагузинский подал в Коллегию иностранных дел доношение, в коем просил включить в состав уезжающих с ним в Китай людей и четырех музыкантов — двух валторнистов и двух трубачей. Среди этих музыкантов значился трубач Семеновского полка Христофор Шварц.²¹ Музыканты, по-видимому, умели играть и на иных инструментах, потому что посол запросил скрипки, виолончель, флейты, гобой и другие инструменты. Из после-

дующих донесений Владиславича-Рагузинского мы узнаем, что «Шварц в Швеции инженерству учился и в практике фортецы строил, хотя ныне и трубачем при мне обретается». ²² Когда посольство доехало до Селенги, Шилки и Амура, Шварц после долгих поисков нашел отличное место для строительства двух новых крепостей — Селенгинской и Нерчинской — и составил чертежи для их строительства. Владиславич-Рагузинский сообщал также, что Шварц раньше «при швецких и дацких войсках в инженерном деле служил и рассказывает, что такому делу из младенчества обучался». ²³

Когда Шварц вернулся из Китая в Россию, Лесток построил его в Академию наук, но не смог добиться для своего протеже приличного оклада. Он же предложил Шварцу войти в число заговорщиков, надеясь использовать его прежние связи в гвардии для агитации солдат и офицеров в пользу Елизаветы. Шварц согласился, ревностно принялся за дело и стал получать от цесаревны и Лестока довольно значительные суммы, которые передавал их сторонникам. ⁵

Последний участник упомянутого квартета — рядовой Преображенского полка, крещеный еврей Петр Грюнштейн вместе со Шварцем вел агитацию в пользу Елизаветы Петровны в гренадерской роте, которая и стала впоследствии главной силой в совершении дворцового переворота.

Именно Грюнштейн с друзьями гвардейцами и Лесток пришли к Елизавете вечером 23 ноября, пытаясь своим красноречием побудить цесаревну к решительным действиям до выступления гвардии в поход к Выборгу. Было решено, что на следующую ночь гвардейцы арестуют Антона-Ульриха и Анну Леопольдовну. Чтобы быть уверенным в успехе, Грюнштейн предложил цесаревне выдать деньги на жалованье гвардейцам. Их у Елизаветы не оказалось, но утром она отдала петербургским ювелирам свои бриллианты под залог и получила необходимую сумму.

На следующий день Грюнштейн с двенадцатью гвардейцами вновь пришли к цесаревне и заявили о готовности совершить переворот.

Елизавета собрала у себя людей, которым абсолютно доверяла: Лестока, Шварца, Разумовского, троих Шуваловых — Петра, Александра и Ивана, Воронцова, дядю Анны Ивановны Василия Салтыкова, и собственных дядьев — Карла и Фридриха Скавронских, Симона Гендрикова, Михаила Ефимовского, а также принца Эссен-Гомбургского с женой. Все собравшиеся были единодушны в намерениях, но сама главная героиня заговора — Елизавета — все еще колебалась.

Именно тогда Лесток положил перед Елизаветой уже знакомые нам две игральные карты с рисунками и, когда она решилась, надел ей на шею орден Святой Екатерины, учрежденный в память о мужестве и предприимчивости ее матери. дал в руки серебряное распятие и вывел из дворца к ожидавшим у ворот саням.

Усадив в них цесаревну, Лесток сел рядом, а Михаил Воронцов и Иван Шувалов встали на запятки. За ними следом помчались Грюнштейн с товарищами, Разумовский, Салтыков и Шуваловы.

Заговорщики остановились возле кордегардии Преображенского полка и попытались пройти дальше, но часовой ударил в барабан, выбивая сигнал тревоги. Тогда Лесток ударом кинжала пробил барабанную шкуру, а Грюнштейн с товарищами побежали поднимать преображенцев. Они жили не в казармах, а в отдельных избах, и их военный городок представлял из себя деревню. Свободные от службы офицеры ночевали по своим особнякам в городе. Заговорщики разбудили всех, и Елизавета вышла к собравшимся с распятием в руках.

Она взяла у них клятву в верности и приказала никого не убивать. Солдаты поклялись, и 364 человека пошли по Невскому проспекту к Зимнему дворцу. У Адмиралтейства заговорщики остановились. Лесток отобрал ударную группу из двадцати пяти человек, а из их числа выбрал восемь солдат, которые, изобразив ночной патруль, подошли к четверем часовым, стоявшим у входа в Зимний дворец, и быстро и умело разоружили их.

Затем заговорщики вошли во дворец, арестовали Анну Леопольдовну и Антона-Ульриха, а младенца Ивана передали на руки Елизавете Петровне. Она бережно завернула ребенка в теплое одеяло и повезла к себе во дворец, приговаривая: «Бедный, невинный крошка! Во всем виноваты только твои родители!» Разумеется, это было бесспорно, да только «бедный невинный крошка» после этого двадцать два года просидел в разных секретных тюрьмах и в конце концов 4 июля 1764 года в возрасте двадцати четырех лет был убит стражей при попытке освободить его из Шлиссельбургской крепости подпоручиком Смоленского пехотного полка Василием Яковлевичем Мировичем... Но об этом в свое время.

Елизавета привезла в свой дворец не только низложенного императора-младенца, но и его родителей где их взяли под арест. Кроме герцогской четы были арестованы Юлиана Менгден, Головкин, Остерман, Миних, Левенвольде и Лопухин.

Забегая вперед, скажем, что сначала Антона-Ульриха и Анну Леопольдовну с детьми решили выслать на родину, но.

довея до Риги, посадили там в крепость, а затем стали перевозить как арестантов из одного острога в другой.

Анна Леопольдовна умерла от неудачных родов 7 марта 1746 года в Холмогорах на двадцать восьмом году жизни. После нее на руках Антона-Ульриха осталось пятеро детей — Иван, Петр, Алексей, Елизавета и Екатерина. (Как видим, имена детей были родовыми, царскими, и одно это могло таить в себе определенную опасность.)

Мертвую Анну Леопольдовну, по приказу Елизаветы, привезли в Петербург и там торжественно похоронили в Благовещенской церкви Александро-Невского монастыря, объявив причиной смерти огневицу (горячку), а не роды, чтобы скрыть появление на свет еще одного претендента на трон.

А в 1756 году у оставшегося под арестом Антона-Ульриха забрали шестнадцатилетнего Ивана и увезли в Шлиссельбург, в одиночный каземат, не сказав, разумеется, несчастному отцу, куда и зачем увозят сына.

Когда в 1762 году на трон взошла Екатерина II, Антону-Ульриху была предложена свобода при условии, что все его дети останутся там же где и жили — в Холмогорах. Однако Антон-Ульрих отказался оставить детей и не поехал в Данию, где королевой была его родная сестра Юлиана-Мария. Он предпочел неволю с детьми одинокой вольной жизни. От горя и нервных потрясений, от страданий и тоски по своему первенцу — Ивану Антоновичу, о чьей судьбе ему ничего не было известно — Антон-Ульрих ослеп. Он умер 4 мая 1774 года в Холмогорах в возрасте шестидесяти лет. Место его захоронения неизвестно.

О судьбе Ивана Антоновича речь будет впереди, а что касается двух его братьев и сестры, то судьба их такова: проведя сорок лет в заточении и ссылке, в 1780 году они были освобождены и отправлены из Ново-Двинской крепости в датский город Горенс. Там они и стали жить, получая ежегодную пенсию от Екатерины II по восемь тысяч рублей в год каждый. Это позволяло им доживать жизнь в достатке и без забот. Да только через два года умерла Елизавета, еще через пять — Алексей. Петр прожил на свободе восемнадцать лет, скончавшись в 1798 году. Последней осталась одинокая, глухая и кособокая Екатерина, к тому же умевшая говорить только по-русски. Она долго просилась обратно в Россию, чтобы умереть монахиней в одном из монастырей, ибо и по крещению была православной, но ей было отказано. Екатерина умерла 9 апреля 1807 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Русский архив. — 1867. — Т. I. — С.16.
- 2 Там же. — С.61.
- 3 Цит. по: Яворский Ф. Петр III, его дурачества, любовные похождения и кончина. — Лондон, — 1899. — С.3.
- 4 См.: Гельбиг Г. Русские избранники. — С.202.
- 5 Стихи под названием “Сказание, говоренное Васильем Тредьяковским при дурацкой свадьбе” опубликованы в его “Сочинениях” (Т. I.—СПб., — 1849. — С.754–755).
- 6 Там же. — С.796–797.
- 7 Там же. — С.800–801.
- 8 Записки Екатерины II. — СПб., — 1907. — С.301.
- 9 См.: Сб. РИО. — Т. 20. — С.121–123.
- 10 Русский архив. — 1879. — Кн. I. — С.363.
- 11 Цит. по: Эйцельман Н.Я. Твой 18–й век. — М., — 1991. — С.53.
- 12 Бильбасов В. А. История Екатерины Второй. — СПб., — 1890. — Т. I. — С.23.
- 13 Цит. по: Андреев В.В. Представители власти в России после Петра I.—СПб., — 1871. — С.101.
- 14 См. Гельбиг Г. Русские избранники. — С.264–265.
- 15 Цит. по: Валишевский К. Дочь Петра Великого. — М., — 1989.— С.102–103.
- 16 Цит. по: Валишевский К. Царство женщин. — С.407.
- 17 Римский император Клавдий (41–54 гг. н. э.) был женат на необычайно развратной патрицианке Агриппине, его собственной племяннице, матери знаменитого императора Нерона. Агриппина отравила Клавдия, чтобы привести к власти сына, но и сама была отравлена сыном.
Император Священной Римской империи Сигизмунд I (1410–1437) был женат на дочери венгерского короля Лайоша Великого Марии, отличавшейся крайней распущенностью и неразборчивостью в интимных связях.
- 18 Имеется в виду кадет Морского шляхетского корпуса Александр Борисович Бутурлин — первый любовник юной цесаревны.
- 19 Цит. по: Валишевский К. Царство женщин. — С.407–408.
- 20 С.М. Соловьев называет Шварца даже “старым учителем музыки Елизаветы Петровны”, См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. — М., — 1963. — Т. II. — С.124.
- 21 См. Русско–китайские отношения в XVIII веке. — М., — 1990. — С.113.
- 22 Там же. — С.560.
- 23 Там же.
- 24 См.: Пекарский П.П. Маркиз Де ла Шетарди в России 1740–1741 годов. — СПб., — 1862. — С.398.

Глава шестая

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА

НОВЕЛЛА СОРОК ВТОРАЯ

Награды и милости

Новое царствование началось с раздачи наград и милостей фаворитам и заговорщикам и гонениями на сторонников брауншвейгской фамилии. Этого и следовало ожидать от победительницы, которую еще вчера мог ждать каземат, монастырь или даже эшафот. Фамилии друзей и врагов Елизаветы были известны, и потому ни для кого не были неожиданными милости по отношению к тем, кто возвел ее на трон — солдатам и офицерам — преображенцам.

Гренадерская рота лейб-гвардии Преображенского полка, завоевавшая Елизавете престол, указом императрицы от 31 декабря 1741 года была поименована лейб-компанией, а все солдаты и сержанты произведены в офицеры, получив еще и щедрые подарки. Сама же Елизавета стала капитаном лейб-компаний.

Триста grenадер стали поручиками, двенадцать капратов — капитанами, шесть вице-сержантов — премьер-майорами, подпрапорщик и квартирмейстер — секунд-майорами, восемь сержантов — подполковниками.

Еще большие повышения ожидали офицеров: прапорщик стал полковником, адъютант — бригадиром, два подпоручика — генерал-майорами, два поручика — генерал-лейтенантами, командир роты — капитан-поручик получил чин генерал-аншефа.

Солдаты не из дворян получили права потомственных дворян, поместья и крепостных крестьян. Все они получили гербы с одним и тем же девизом «За верность и ревность», особую форму и особое содержание.

Что же касается главных заговорщиков — Воронцова, Лестока, Шварца и Грюнштейна, то судьбы их оказались хотя и разными, но в чем-то и схожими.

Каждый из них получил и чины и награды. Камер-юнкер Михаил Илларионович Воронцов стал генерал-майором, Шварц — полковником, Грюнштейн — бригадиром и лейб-

кампании адъютантом, Лесток — первым лейб-медиком и действительным тайным советником.

За арест Антона-Ульриха и Анны Леопольдовны Воронцов кроме звания генерал-майора был удостоен придворного звания действительного камергера и награжден богатыми поместьями с сотнями крепостных. 2 января 1742 года, менее чем через полтора месяца после переворота, он женился на племяннице Елизаветы — графине Анне Карловне Скавронской, а еще через два года и сам был удостоен графского титула.

Дополнительной наградой для Лестока стало назначение главным директором Медицинской канцелярии с окладом 7000 рублей в год. Ему бы следовало удовлетвориться достигнутым, но он возомнил себя первым царедворцем и стал вмешиваться даже в назначения министров и переговоры с иностранными послами. Лесток открыто поддерживал маркиза Шетарди и действовал в пользу Франции, а затем, за пенсии и взятки от берлинского двора, — в пользу Пруссии. Глава Коллегии иностранных дел Алексей Петрович Бестужев-Рюмин сумел убедить Елизавету в необходимости высылки Лестока из России, что и было сделано. Правда, пилюлю хорошо подсластили милостивой аудиенцией и богатыми подарками.

Однако Лесток скоро вернулся в Россию и вступил с М.И. Воронцовым и послами Франции и Пруссии в секретный антиправительственный заговор. Бестужев, перлюстрируя переписку Лестока и организовав полицейскую слежку, предоставил Елизавете Петровне неопровержимые улики против него.

В ноябре 1748 года лейб-медик был арестован, допрошен с применением пыток, и хотя он ни в чем не сознался, его наказали кнутом и приговорили к пожизненной ссылке в Охотск. Однако Елизавета приказала оставить Лестока и его жену в Петропавловской крепости, особо указав на то, чтобы их содержали в довольстве и сытости, никаких обид не чинили и приставили слугу и служанку. В 1750 году супругов Лесток перевезли в Углич, потом — в Устюг и только с воцарением в 1762 году Петра III, после четырнадцати лет заключения и ссылки, вернули в Петербург. Но пожить на свободе Лестоку пришлось недолго — через пять лет, 12 июня 1767 года, он умер.

Не лучше сложилась и судьба Грюнштейна. Сначала все шло хорошо. 8 ноября 1742 года он женился, причем его сватьей была сама Елизавета Петровна, пожаловавшая жениху и невесте богатые поместья. Императрица присвоила ему новый чин — генерал-майора. Благодеяния императрицы вскружили голову Грюнштейну не менее, чем Лестоку, и он

позволил себе ссору с генерал-прокурором Сената, князем и генерал-аншефом Никитой Юрьевичем Трубецким. Императрица помирила их, но ей не удалось образумить зарвавшегося лейб-кампанца на будущее.

В сентябре 1744 года Грюнштейн, оказавшись с группой лейб-кампанцев в Нежине, где жила мать А.Г.Разумовского Наталья Демьяновна, побил палками одного из ее зятьев, бунчужного товарища¹ Власа Климовича, за то, что тот не уступил дорогу его карете. Сгоряча он хулил семью Разумовских нечистыми словами и грозился побить и саму Наталью Демьяновну, которая как-никак приходилась императрице свекровью.

Не обращая внимания на просьбы и слезы Натальи Демьяновны, Грюнштейн неистовствовал до тех пор, пока прибежавшие казаки не побили его палками и не повязали. Его привезли в Тайную канцелярию и там припомнили многие другие вины и проделки. Не желая пытать лейб-кампанцев, участников и свидетелей Нежинской свары, императрица отправила Грюнштейна в ссылку в Устюг, куда вскоре прибыли и супруги Лестоки. Грюнштейн, как и Лесток, был возвращен в Петербург в 1762 году, но там не остался, а уехал в одно из подаренных ему имений.

А полковник Христофор-Якоб Шварц, получив воинское звание, тут же оставил службу и уехал в свое поместье. Он был холост, любил выпить и проявлял необузданное пристрастие к прекрасному полу. Однажды Шварц набросился на девушку-крестьянку и, как пишет Гельбиг, «силою хотел сделать ее своею наложницей».² Девушка не поддалась, а схватила вилы и заколола насильника.

Так закончилась жизнь четвертого активного участника дворцового переворота.

А теперь возвратимся к исходу 1741 года. Мы помним, что последний день декабря ознаменовался указом императрицы о создании лейб-кампании и о наградах лейб-кампанцев.

Вслед за тем последовали дальнейшие награды, приуроченные к неизбежным празднествам: присяге, коронации и прочим торжествам, связанным с воцарением новой государыни.

Уже на пятый день прихода Елизаветы к власти Разумовский стал действительным камергером и генерал-поручиком.

Императрица и Разумовский теперь не считали необходимым хотя бы из приличия скрывать свои интимные отношения. Фаворит поселился в апартаментах рядом со спальней императрицы и, не стесняясь дворцовых служителей, приходил к своей возлюбленной в ночных туфлях и халате.

После ареста и отстранения от должностей Бирона, Остермана, Миниха и Левенвольде и их немногочисленных сторонников, на важнейших государственных постах появились сановники с чисто русскими фамилиями. Современникам казалось, что с воцарением Елизаветы изменилось существо национальной политики России. Но это только казалось, ибо новые русские министры — Бестужев-Рюмин, Воронцов, Олсуфьев и Волков — получали от иностранных дворов не меньшие пенсии и подношения, чем их немецкие предшественники. Правда, сама императрица при каждом удобном случае любила говорить, что русский офицер или русский чиновник для нее всегда предпочтительнее иноземца.

Помня хорошее к себе отношение Бирона, Елизавета велела вернуть его из Пелыма, однако въезд в Петербург и Москву для него остался закрытым. Правда, место поселения было далеко не самым худшим — герцог и все его семейство переехали в Ярославль.

Елизавета приказала купить для него большой дом и велела вернуть опальному временщику полтора десятка слуг, мебель, кареты, серебряную посуду и библиотеку. На его содержание казна отпускала большие деньги, но сам герцог находился под стражей и даже на охоту ездил в сопровождении караульных. Так прожил Бирон все царствование Елизаветы, все двадцать лет, и вернулся в Петербург лишь после ее смерти, когда ему уже перевалило за семьдесят.

Другая судьба ожидала Остермана и Миниха. Их обоих приговорили к четвертованию.

На Васильевском острове, против здания Двенадцати коллегий, построили эшафот и приготовили все необходимое для мучительной смертной казни.

Первым подвели к эшафоту Миниха. Он шел с высоко поднятой головой, твердой походкой, чисто выбритый, в сверкающих ботфортах и красном фельдмаршальском плаще. Офицеры стражи, шедшие с ним, вспоминали, что старый фельдмаршал рассказывал им о сражениях, в которых довелось ему побывать, был спокоен и даже улыбался.

Миних быстро и твердо взошел на эшафот и без тени страха подошел к плахе с воткнутым в нее топором. Ему прочитали приговор о четвертовании, но потом, после недолгой паузы, сообщили, что смертная казнь заменяется вечной ссылкой. Фельдмаршал, не переменяясь в лице, выслушал это и спокойно сошел с эшафота, чтобы отправиться обратно в Петропавловскую крепость.

С Остерманом проделали ту же процедуру, и очевидцы утверждали, что он держался столь же достойно и мужественно.

Его повезли в Березов, где до него жили Меншиковы и Долго-руковы. Остермана поселили в доме Меншикова, в стенах которого он, проведя шесть лет, умер.

Миниха отвезли в Пелым, где опальный фельдмаршал оказался в доме Бирона: как мы знаем, план этого дома Миних нарисовал собственноручно, не ведая, что ему же и придется прожить там более двадцати лет. По иронии судьбы случилось так, что экипажи Бирона и Миниха встретились на столбовой дороге и бывшие великие сановники — герцог и фельдмаршал — посмотрели друг на друга и, даже не кивнув один другому, молча разъехались.

В Пелыме Миних писал мемуары, учил местных ребят математике, разводил скот, оставаясь спокойным и равнодушным к постигнутому его несчастью.

Его возвратили в Петербург одновременно с Бироном, и оба они, несмотря на то, что Миниху было уже 79 лет, а Бирону — 72, еще сыграли немаловажную роль в истории России. Но об этом будет рассказано в свое время.

НОВЕЛЛА СОРОК ТРЕТЬЯ

Заботы государственные и династические

Одним из значительных внутривластных мероприятий Елизаветы Петровны было уничтожение некогда всесильного Кабинета. Правда, название за ним сохранилось, но по функциям он был преобразован в канцелярию императрицы, выполняя чисто технические обязанности.

Большинство вопросов и важных дел, решаемых прежде Кабинетом министров, отошло к Сенату, состоявшему из дюжины сенаторов. Им предоставлялось право выносить решения по судебным, финансовым и административным делам внутренней политики.

Во главе Сената вновь оказался генерал-прокурор, который теперь был не только «оком и ухом государевым», но и сосредотачивал в своих руках значительную исполнительную власть по всем аспектам управления.

В этой должности во все царствование Елизаветы оставался князь Никита Юрьевич Трубецкой, происходивший из рода брянских и новгород-северских князей. Его дядя Иван Юрьевич был последним русским боярином, умершим в 1750 году в глубокой старости.³ Бабкой Трубецкого была княжна Черкасская, и, таким образом, он принадлежал к российской знати наивысшего разряда. В 1756 году он стал фельдмаршалом, а еще через четыре года «пожалован в сенаторы и в президенты Военной коллегии»⁴.

Человек обширного и просвещенного ума, Трубецкой в течение восьми царствований сумел ни разу не впасть в опалу и все время оставался среди видных государственных деятелей. По должности именно он на протяжении двадцати лет возглавлял Сенат, осуществляя законодательную, а отчасти и исполнительную власть. В значительной степени именно благодаря Трубецкому сущность внутренней политики более двадцати лет оставалась неизменной.

Ее главной тенденцией являлся постоянный рост привилегий дворянства и все большее утеснение податных сословий, особенно крестьян.

Уже на следующий год после прихода Елизаветы к власти помещичьим крестьянам было запрещено по собственному желанию поступать на службу в армию и флот. Затем дворянам-крепостникам разрешили продавать свою крещеную собственность в рекруты, не спрашивая на то согласия жертв.

И, наконец, помещики получили право по собственному произволу ссылать неугодных крестьян в Сибирь. Причем, каждый сосланный зачитывался за рекрута. Дворянам же сократили сроки службы, снизили налоги и подати, увеличили размеры льгот, пособий и пенсий.

Внешняя политика России в царствование Елизаветы Петровны отличалась миролюбием и сдержанностью. Доставшаяся ей в наследство война со Швецией была завершена летом 1743 года подписанием Абоского мирного договора, и до 1757 года Россия не воевала.

Что же касается Семилетней войны с Пруссией, то участие в ней России оказалось случайностью, роковым образом связанной с интригами международных политиков-авантюристов. Об этом речь будет впереди.

А теперь вернемся к акту коронации Елизаветы Петровны, который отличался тем, что при его совершении трудно было сказать, кто после нее станет наследником престола. Тридцатитрехлетняя императрица уже оставила надежду стать матерью и потому приказала привезти в Петербург своего ближайшего родственника — сына своей сестры Анны Петровны, вышедшей замуж за герцога Шлезвиг-Гольштейнского Карла-Фридриха, и названного Карлом-Петром-Ульрихом.

Как мы уже знаем, его мать умерла менее чем через месяц после рождения сына.

Итак, бездетная российская императрица Елизавета Петровна решила, что прежде, чем произойдет коронация, к ней в Петербург приедет ее племянник, внук Петра I.

«По странной игре случая в лице этого принца, — писал академик В.О.Ключевский, — совершилось загробное примирение двух величайших соперников начала XVIII века — Петр III был сын дочери Петра I и внук сестры Карла XII.»⁵

Будущий российский император в детстве был несчастен. Матери он не помнил, а отец его скончался, когда Петру исполнилось одиннадцать лет. Чтобы пристроить сироту хоть куда-нибудь, его отправили к родственнику в Любек, где тот занимал епископскую кафедру. Епископ дал в наставники мальчику двух учителей — фон Врюммера и Берггольца. Оба наставника были невежды, пьяницы и грубияны. Они часто били мальчика, держали его на хлебе и воде, а то и просто морили голодом, ставя на колени в угол столовой, откуда он наблюдал, как проходит обед.

Если же Петр крал из кухни кусок хлеба, то к экзекуции добавлялось и нечто новое: поставив принца на колени, в руки ему давали пучок розог, а на шею вешали рисунок, на коем был изображен осел.

Петр рос худым, болезненным, запуганным и начисто лишенным чувства собственного достоинства. Ко всему прочему он стал лжив и патологически хвастлив. Учителя, любившие попойки, приучили своего воспитанника к спиртному, и он стал предпочитать всем прочим общество кучеров, лакеев, слуг и служанок, где можно было выпить за их счет. Он не любил учиться, а все время посвящал забавам и потехам. Любимым его занятием были игры с оловянными солдатиками, а лучшим зрелищем — пожары. Впоследствии эта страсть стала почти маниакальной: став великим князем, Петр Федорович велел будить себя даже среди ночи, лишь бы не пропустить очередного пожара.

С воцарением Елизаветы Петровны его праздному и бездельному времяпрепровождению пришел конец. Петру было велено изучать русский язык и православные каноны, которые стали ему преподавать два приехавших из России наставника. Однако дело скоро заглохло, поскольку возникло предположение, что Петра ждет не российский, а шведский трон, так как по матери он был внуком Петра I, а по отцу — внуком сестры шведского короля Карла XII, о чем мы уже говорили.

Не успел несчастный принц взяться за шведский язык и протестантский катехизис, как фортуна вновь обернулась к нему русским лицом — в январе 1742 года он оказался в России по велению своей августейшей тетки.

Карла-Петра-Ульриха продолжили обучать русскому языку и догматам православного вероисповедания. Причем дело

было поручено высокообразованному священнику, хорошо знавшему немецкий язык. А пока принц с великим трудом и неохотой занимался науками, началась подготовка к коронации Елизаветы Петровны.

28 февраля 1742 года она торжественно въехала в Москву, а коронация состоялась через два месяца — 25 апреля. В этот же день Алексей Разумовский стал кавалером ордена Андрея Первозванного и обер-егермейстером.

Гендриковы, Ефимовские, Петр Михайлович Бестужев-Рюмин и два его сына — вице-канцлер Алексей Петрович и обер-гофмаршал Михаил Петрович — получили графские титулы, а секретарь Елизаветы Петровны Иван Антонович Черкасский стал бароном.

Вскоре после коронации Елизавета Петровна без всякой помпы обвенчалась с Разумовским в небольшой церковке подмосковного села Перово. Обряд венчания произвел ее духовник Федор Яковлевич Дубянский, образованный богослов, пользовавшийся уважением набожной императрицы. В память о венчании на куполе церкви, вокруг основания креста, была установлена декоративная царская корона.⁶

После венчания Елизавета Петровна зашла к местному священнику в дом, выпила с ним и попадьей чаю, а выходя из дома сказала своему теперь уже венчанному мужу, что хочет познакомиться со своей свекровью, и велела послать за ней карету.

Наталья Демьяновна, мать Алексея Григорьевича Разумовского, его сестры — Агафья, Анна и Вера и младший брат Кирилл жили в черниговской губернии, в Козелецком уезде, на хуторе Лемеша. Мать держала шинок (корчму), Кирилл пас скотину, а сестры повыходили замуж: Агафья — за ткача Будлянского, Анна — за закройщика Закревского, а Вера — за казака Дарагана.

Когда в Лемеша прибыл целый кортеж придворных карет, изумлению хуторян не было предела.

— Где живет здесь госпожа Разумовская? — спросили приехавшие.

— У нас никогда не было такой пани, а есть, ваша милость, вдова Розумиха, шинкарка... — отвечали хуторяне.

Приехавшие поднесли Наталье Демьяновне богатые подарки и среди прочего соболью шубу. Они просили ее вместе со всеми детьми поехать в Москву к сыну.

— Люди добрые, не насмехайтесь надо мною, шо я вам зробила? — отвечала Наталья Демьяновна, в глубине души уже веря случившемуся, потому что кое-какие слухи все же доходили до нее. И согласившись поехать в Москву, где все

еще продолжались коронационные торжества, она постелила соболью шубу у порога своей хаты, посадила на нее по очереди всех родных — и дочерей, и зятьев, и кумовьев, и сватов со свахами, выпила с ними горилки: «погладить дорожку, щоб ровна була», и, обрядившись во все самое лучшее, отправилась в Москву.

Почтительный сын выехал к ней навстречу и в нескольких верстах от Москвы увидел знакомые ему кареты. Он приказал остановить собственный экипаж и пошел навстречу матери, одетый в расшитый золотом камергерский мундир, в белом пудренном парике, в чулках и туфлях, при шпаге и орденской ленте. Когда возница, увидев Разумовского, остановил карету Натальи Демьяновны, она, выглянув в окно, не узнала в подошедшем вельможе своего некогда бородатого сына, носившего широкие казацкие шаровары да бедную свитку.

А когда испуг прошел, то от счастья заплакала.

Разумовский обнял маменьку и, пересадив в свою карету, повез в Москву. По дороге он наказал Наталье Демьяновне при встрече с невесткой не чиниться, но помнить, что она российская императрица.

Наталья Демьяновна была женщиной умной и дала слово, что проявит к Лизаньке всяческую почитительность.

В Москве императрица занимала Лефортовский дворец, имевший высокое парадное крыльцо в два марша.

Наталья Демьяновна обмерла, когда двое придворных, бережно взяв ее под руки, повели к огромной резной двери мимо великанов-лакеев, стоявших двумя рядами на лестнице и одетых в затканые серебром ливреи. Потом свекровь императрицы признавалась, что приняла их всех за генералов — так богат был их наряд и такими важными они ей показались.

Сопровождавшие Наталью Демьяновну придворные ввели ее в маленькую комнату и передали в руки женщин-служанок. А те попросили ее, самым вежливым образом, снять расшитую шелками кофту, новую юбку и дорогие модные черевички, сказав, что все это для встречи с государыней непригодно. Взамен ей почтительно предложили надеть обруч и каркас из китового уса, на который они тут же ловко натянули неимоверно широкую златотканую юбку, столь же прелестную кофту, на руки — высокие, до локтей, белые перчатки, на ноги — золотые туфельки и, в довершение всего, на голову водрузили высокий белый парик, усыпанный пудрой.

Ей нарумянили щеки, насурмили брови, покрасили губы и повели по еще одной — теперь уже внутренней — парадной лестнице во внутренние покои.

Нужно отметить, что в комнатке, где Наталью Демьянову обряжали, не было зеркала, и ловкие женщины сделали все это без его помощи.

На новой лестнице стояли такие же «генералы», что и перед входом во дворец, и Наталья Демьяновна, совсем уж оробев, подошла еще к одной огромной двери.

Ах, как не хватало ей сына, который, будь он рядом, и успокоил бы ее и все объяснил! Но Алешеньки не было. Оставив ее у ловких служанок, он сказал, что уходит к государыне и вместе с ней выйдет к маменьке.

Двое лакеев медленно и торжественно раскрыли перед Натальей Демьяновной двери, и деревенская шинкарька вошла в огромный зал сказочной красоты. Она увидела сверкающий паркет, огромные окна, расписанный летящими ангелами потолок и вдруг обнаружила, что впереди, прямо напротив нее, стоит императрица — в златотканом платье, золотых туфельках, в белых, до локтя, перчатках и высоком — волосок к волоску — парике. Издали Наталья Демьяновна не разобрала красива ли ее невестка — увидела только широкие черные брови и румяна во всю щеку.

Затаив дыхание, Наталья Демьяновна пошла к императрице навстречу и увидела, что и та двинулась к ней. И тут, вспомнив слова Алешеньки, что надобно быть с государыней почтительной, хоть и было то не по обычаю, смиренно опустилась на колени и опустила глаза долу.

Она простояла так несколько мгновений, но невестка почему-то не подходила, и тогда Наталья Демьяновна подняла голову и увидела, что и Лизанька стоит на коленях и тоже смотрит на нее.

Наталья Демьяновна испугалась, растерялась — видимое ли дело, чтоб царица стояла перед шинкарькой на коленях? — и, протянув к невестке руки, проговорила напевно, ласково, с материнской добротой и уважительностью:

— Лизанька, донюшка, царица-матушка! Встань с колен, то мне, простой мужичке, не по чести...

И с удивлением увидела, что и невестка протянула к ней руки и тоже стала что-то говорить, но Наталья Демьяновна, хоть и сохранила отменный слух, ничего не слышала, кроме собственного голоса. Она, в растерянности поглядев налево и направо, вдруг заметила, что возле небольшой двери, которую, войдя в зал, она и не разглядела, стоит ее Алешенька, а рядом с ним несказанной красы барыня. Они стояли, держась за руки, и тихо смеялись. А потом подошли к ней, и красавица подняла ее с колен, обняла и поцеловала. Алешенька, улыбаясь, сказал:

— То зеркало такое — от пола до потолка.

И Наталья Демьяновна все сразу поняла. Умная она была женщина, но никогда не думала, что зеркало может быть таким большим — во всю стену.

А с Лизанькой они поладили сразу и любили друг друга всю жизнь, потому что много общего оказалось в характерах и нравах деревенской шинкарки и императрицы всея Руси.

И все же венчание с Разумовским династических проблем не разрешало: он не мог быть наследником трона да и сам совершенно не хотел этого. И посему 7 ноября 1742 года Карл-Петр-Ульрих, принявший православие и ставший Петром Федоровичем, был объявлен «великим князем с титулом его императорского высочества и наследником престола».

А вслед за тем Елизавета Петровна решила женить племянника. Ее выбор остановился на четырнадцатилетней принцессе немецкой Софии-Августе-Фредерике Ангальт-Цербстской.

НОВЕЛЛА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

Принцесса Фике

Девочка была умна, хороша собой, получила неплохое образование и, что весьма немаловажно, провела несколько лет в Берлине при дворе прусского короля Фридриха II, вошедшего в историю под именем Великого.

Будущая императрица России родилась 21 апреля 1729 года в Штетине в семье князя Христиана-Августа Ангальт-Цербстского. Матерью девочки была семнадцатилетняя Иоганна-Елизавета, происходившая из княжеской фамилии Гольштейн-Готторпов.

Существовала версия, что подлинным отцом Софии был один из сотрудников русского посольства в Париже Иван Иванович Бецкой, по другой версии ее отцом называли самого прусского короля Фридриха II Великого. Это утверждали из-за весьма доверительных отношений прусского короля и Иоганны-Елизаветы, доводившейся ему двоюродной сестрой.

Такое переплетение генеалогических линий неудивительно: правящие дома Западной Европы находились в столь тесном и многолетнем общении, что каждый из членов этих домов непременно был родственником многих других. Кровосмесительные браки и связи не были в то время редкостью, однако солидные ученые-историки не воспринимают упомянутые версии всерьез. Девочку при крещении нарекли в честь трех ее теток, Софией-Августой-Фредерикой — а называли

уменьшительным словом от первого имени — Фике. Фике была хороша собой, стройна, обладала веселым нравом и добрым сердцем.

Однажды маленькая София вместе с матерью приехала в гости к герцогине Брауншвейгской, у которой в то время гостили принцесса Марианна Бевернская и несколько священников. Один из них, некто Менгден, славился как прорицатель. Взглянув на принцессу Бевернскую, он не только промолвил ни слова об ожидавшем ее будущем, зато, посмотрев на Фике, сказал ее матери: «На лбу вашей дочери вижу короны, по крайней мере, три».⁷

Фике учили французскому и немецкому языкам, танцам, истории и географии, музыке и чистописанию. Она училась легко и быстро схватывала все, чему ее обучали.

Когда девочке исполнилось десять лет, ее привезли в столицу Любекского княжества город Эйттин и там, при дворе местного епископа, она впервые встретилась с одиннадцатилетним голштинским принцем Карлом-Петром-Ульрихом.

А просватали ее за него в 1743 году, когда он уже жил в Петербурге и официально считался наследником российского престола. Немало способствовал этому сватовству давний доброхот княгини Иоганны-Елизаветы Фридрих Великий. 30 декабря 1743 года он писал ей: «Я не хочу дольше скрывать от Вас, что вследствие уважения, питаемого мною к Вам и к принцессе, Вашей дочери, я всегда желал доставить ей необычное счастье, и у меня явилась мысль, нельзя ли соединить ее с ее троюродным братом, русским великим князем. Я приказал хлопотать об этом в глубочайшем секрете». Далее Фридрих советовал княгине ехать в Россию без мужа, не говоря никому ни одного слова об истинной цели поездки... В Москве княгине Иоганне-Елизавете следовало говорить, что поездка предпринята единственно для того, чтобы поблагодарить Елизавету Петровну за ее милости к Голштинскому дому.⁸

10 января 1744 года мать и дочь выехали из Цербста и 3 февраля прибыли в Петербург, а 9 февраля достигли Москвы, где находились Елизавета Петровна, Петр Федорович и весь императорский двор. Был канун дня рождения Петра Федоровича, когда ему исполнялось шестнадцать лет.

За три версты до первопрестольной, на Тверской дороге, Софию и ее мать встретил Карл Сиверс, один из мимолетных любовников императрицы, вскоре ставший камер-юнкером двора Петра Федоровича, а через некоторое время и графом. Сиверс выразил большую радость по случаю приезда дорогих

гостей, которых, по его словам, с нетерпением ожидали в Кремле.

Встреча превзошла все ожидания: обе женщины были обласканы, осыпаны подарками и награждены орденом Святой Екатерины.

Елизавета Петровна была очарована невестой племянника и при всяком удобном случае ласкала и одаряла ее. Да и жених в первые дни оказался внимательным и предупредительным, но вскоре невеста поняла, что перед ней всего лишь неразвитый, хвастливый и физически слабый подросток.

Готовясь к свадьбе, Фике много сил и времени отдавала изучению русского языка и проникновению в премудрости православного богословия, чем крайне расположила к себе Елизавету Петровну и многих придворных.

28 июня произошло крещение Софии-Августы-Фредерики в православную веру под именем Екатерины Алексеевны.

Она без ошибок и почти без акцента произнесла символ веры, чем поразила всех присутствовавших в церкви. А на следующий день произошла помолвка и обручение Петра и Екатерины, официально объявленных женихом и невестой. Великой княгине, объявленной императорским высочеством, полагался придворный штат. Его возглавила приставленная к Екатерине графиня Мария Андреевна Румянцева, уже встречавшаяся нам прежде на страницах этой книги.

К сожалению, Петр Федорович в это время оставался без присмотра и опеки и в ожидании свадьбы пил водку и слушал от своих лакеев, камердинеров и слуг разные сальности на тему обращения с женщинами.

Наконец, 21 августа состоялось венчание и началась свадьба, продолжавшаяся десять дней. Петербург был украшен арками и гирляндами, из дворцового фонтана било вино, столы на площади перед дворцом ломились от яств, и каждый, кто хотел, имел возможность поесть и выпить за здоровье молодых и повеселиться.

Свадебный пир проходил под орудийные залпы при свете праздничных фейерверков. На верфях Адмиралтейства произвели спуск на воду шестидесятипушечного корабля, звонили во все колокола, а с Невы палили десятки корабельных пушек.

Но веселье кончилось, а молодожены, оставаясь наедине, вскоре почувствовали неодолимую неприязнь друг к другу. Доверяясь дневнику, Екатерина писала: «Мой возлюбленный муж мною вовсе не занимается, а проводит свое время с лакеями, то занимаясь с ними шагистикой и фрунтом в своей комнате, то играя с солдатиками, или же меняя на день по

двадцати разных мундиров. Я зеваю и на знаю куда деться со скуки».⁹

НОВЕЛЛА СОРОК ПЯТАЯ

Будни молодоженов

Отношения супругов перерастали в стойкое отчуждение, и императрица приставила к Екатерине свою двоюродную сестру графиню Марию Симоновну Гендрикову (в замужестве Чоглокову) для того, чтобы она помогла Екатерине выполнить свой главный долг — родить наследника престола. Мария Симоновна была единственной в истории российского императорского двора статс-дамой, возведенной в это звание до замужества. Правда, исправляя этот промах, через три месяца она вышла замуж за обер-церемониймейстера Николая Наумовича Чоглокова, став образцовой женой и матерью, что, по мысли императрицы, должно было воодушевить к тому же и Екатерину.

Однако время шло, а молодая жена наследника не беременела. И дело было не в ней, а в ее супруге. «Если бы великий князь желал быть любимым, то относительно меня это вовсе было не трудно, — писала Екатерина, — я от природы была склонна и привычна к исполнению своих обязанностей». А Петр Федорович, не обращая внимания на молодую жену, сразу после свадьбы стал волочиться за фрейлиной Корф, потом за девицей Шафировой и другими придворными дамами, которые проявляли к нему хотя бы малейший интерес.

В 1746 году Екатерина писала: «Я очень хорошо видела, что великий князь совсем меня не любит. Через две недели после свадьбы он мне сказал, что влюблен в девицу Карр, фрейлину императрицы... Он сказал графу де Виейере (Девьеру), своему камергеру, что не было и сравнения между этой девицей и мною».¹⁰

История сохранила, кроме уже названных имен, и многие другие, но ни одну из этих мимолетных любовниц нельзя было назвать фавориткой.

К этому разряду могла быть отнесена лишь главная страсть Петра Федоровича — Елизавета Романовна Воронцова, которую Екатерина называла фаворитсултаншей. Она была дочерью Романа Илларионовича Воронцова, ссужавшего через своего брата Михаила Елизавету Петровну в бытность цесаревной капиталами, которые он брал у собственной жены-купчихи.

Все современники согласны в том, что любовницы Петра отличались тем, что были некрасивы, невоспитанны и глупы.

Особенно уродливой была Воронцова — маленькая, толстая, с лицом, покрытым оспой, злая и весьма недалекая, со вспыльчивым и скандальным характером. И тем не менее именно она имела на Петра Федоровича наиболее сильное влияние. Под горячую руку Воронцова могла и побить наследника престола, особенно, если ее возлюбленный принц, с пьяных глаз, начинал приставать к какой-либо другой девице или даме. А это случалось почти всякий раз перед тем, как он допивался до бесчувствия, и лакеи выносили его из-за стола, взяв подмышки и за ноги и оставляя под столом его титулованных и нетитулованных собутыльников с городскими девками и танцовщицами. Иногда во хмелю Петр говорил, что заточит Екатерину в монастырь, разведется с ней и обвенчается с Воронцовой.

А тем временем красивая, цветущая, остроумная и веселая Екатерина, конечно же имела успех у окружающих мужчин. Она видела и чувствовала это: «Я получила от природы великую чувствительность и наружность, если не прекрасную, то во всяком случае привлекательную; я нравилась с первого разу и не употребляла для этого никакого искусства и прикрас. Душа моя от природы была до такой степени общительна, что всегда, стоило кому-нибудь пробыть со мною четверть часа, чтобы чувствовать себя совершенно свободным и вести со мною разговор, как будто мы с давних пор были знакомы. По природной снисходительности моей, я внушала к себе доверие тем, кто имел со мною дело, потому что всем было известно, что для меня нет ничего приятнее, как действовать с доброжелательством и самую строгою честностью. Смеею сказать, (если только позволительно так выразиться о самой себе), что я походила на рыцаря свободы и законности; я имела скорее мужскую, чем женскую душу, но в том ничего не было отталкивающего, потому что с умом и характером мужским соединялась во мне привлекательность весьма любезной женщины.

Да простят мне эти слова и выражения моего самолюбия: я употребляю их, считая их истинными и не желая прикрываться ложною скромностью. Впрочем, само сочинение это должно показать, правду ли я говорю о моем уме, сердце и характере. Я сказала о том, что я нравилась; стало быть половина искушения заключалась уже в том самом; вторая половина в подобных случаях естественно следует из самого существа человеческой природы, потому что идти на искушение и подвергнуться ему — очень близко одно от другого. Хотя в голове запечатлены самые лучшие правила нравственности, но, как скоро применяется и является чувствительность, то непременно очутишься неизмеримо дальше, нежели думаешь. Я, по

крайней мере, не знаю до сих пор, как можно предотвратить это. Может быть, скажут, что есть одно средство — избегать; но бывают случаи, положения, обстоятельства, где избегать невозможно: в самом деле, куда бежать, где найти убежище, как отворачиваться посреди двора, который перетолковывает малейший поступок. Итак, если не бежать, то по-моему нет ничего труднее, как уклониться от того, что вам существенно нравится. Поверьте, все, что вам будут говорить против этого, есть лицемерие и основано на незнании человеческого сердца. Человек не властен в своем сердце; он не может по произволу сжимать его в кулак и потом опять давать свободу». ¹¹

Искренне следуя тому, о чем она здесь написала, Екатерина не стала смирять чувства и сердечно привязалась к одному из камер-лакеев своего мужа — Андрею Гавриловичу Чернышову, сыну крепостного крестьянина, недавнему гренадеру Преображенского полка. Андрей Чернышов оказался в числе лейб-кампанцев и вместе с другими солдатами стал прапорщиком и дворянином. Во дворце служили и его братья — Алексей и Петр. Все они были любимцами Петра Федоровича, но особенно благоволил он к красавцу Андрею, ставшему одним из его ближайших и доверенных людей.

Он понравился и Екатерине, и она тоже подружилась с ним, шутливо называя его сынком, а Чернышов ее — матушкой.

В мае 1746 года Девиер застал Чернышова и Екатерину у ее спальни, донес об этом Елизавете, и та распорядилась арестовать Чернышова и его братьев. Два года просидел Чернышов в заключении, а потом был отправлен на службу в Оренбург, в армейский полк.

Историк В.А. Бильбасов утверждает, что эти подозрения основывались не более, чем на сплетнях. Допросы братьев Чернышовых, Петра, Екатерины, Чоглоковой и других придворных не дали никаких компрометирующих сведений, но несмотря на это императрица отставила Чоглокову, потому что попутно выяснилось, что Мария Симоновна оказалась отнюдь не на высоте — она даже за собственным мужем не смогла усмотреть, и он стал волочиться и за Екатериной Алексеевной, и за фрейлиной Кошелевой. В ходе «следствия» выяснилось, что и брат фаворита императрицы, Кирилл Разумовский, тоже бросал откровенно влюбленные взоры на жену Петра Федоровича.

В связи с этим и Чоглокова отставили от должности, назначив вместо него гофмаршалом двора Петра Федоровича князя Репнина — умного, честного, спокойного и доброго человека.

Именно тогда и произошел окончательный разрыв между Петром и Екатериной. Ее особенно удручало, что помимо других не лучших качеств в ее муже обнаружилась патологическая жестокость к животным.

Екатерина стала свидетельницей того, как во время игры в солдатики, которые были вылеплены из теста, выскочившая из-под пола крыса прыгнула на бруствер игрушечной крепости и съела одного из часовых. Кто-то из партнеров Петра по игре поймал крысу, и над ней был учинен военно-полевой суд, после чего преступницу повесили под барабанный бой.

Кроме того, Петр поселил в своих комнатах, расположенных рядом со спальней Екатерины, целую свору собак и под видом дрессировки постоянно истязал их. От собачьего воя Екатерина не знала покоя, но августейший дрессировщик был неумолим и ему даже доставляло удовольствие, что он таким образом докучает нелюбимой жене.

Молодая женщина сначала скучала в одиночестве, потом с головой погрузилась в книги, выезжала на охоту, на рыбалку, занималась и верховой ездой.

Как и следовало ожидать, таких невинных забав оказалось недостаточно для темпераментной молодой женщины. Тем более, что соблазнов вокруг было предостаточно да и сама императрица подавала не лучшие примеры, оставив «любезна друга Алешеньку» и влюбившись в молодого двадцатидвухлетнего красавца Ивана Ивановича Шувалова.

НОВЕЛЛА СОРОК ШЕСТАЯ

*Иван Шувалов, Никита Бекетов, Федор Волков
и другие*

Он был двоюродным братом ловкого царедворца и не менее ловкого негоцианта Петра Ивановича Шувалова — будущего графа и фельдмаршала, сделавшего карьеру на том, что его женой стала бывшая любовница Бирона — Мавра Егоровна Шепелева. Как мы уже знаем, она с юности была задушевной подругой Елизаветы Петровны.

Екатерина II в своих «Записках» утверждала, что Шуваловы, несмотря на близость Шепелевой к императрице, презирали Мавру Егоровну за «подлое» происхождение. Шепелевы были людьми невежественными и глупыми, выходцами из финских крестьян. Они, — писала Екатерина, — «взяты были ко двору во время завоевания Финляндии, чтобы стирать белье детям Петра Великого; потом они подметали комнаты и мало помалу достигли того, что стали горничными. Шепелев, в то время денщик Петра I, женился на одной из сестер, а Ко-

шелев, унтер-шталмейстер — на другой. Их мужа, благодаря продолжительной службе, сделали карьеру». ¹²

Мавра Егоровна Шепелева рассказывала императрице о всем, что знала и слышала от своих многочисленных осведомителей, включая деверя — начальника Тайной канцелярии Александра Ивановича Шувалова. Она была первой среди так называемых «чесальщиц» императрицы. Дело в том, что Елизавета Петровна любила, чтобы особо доверенные и приближенные к ней дамы перед сном чесали ей пятки. Этой милости добивались многие первые дамы, но далеко не каждая удостоивалась столь высокой чести.

Среди чесальщиц была и жена канцлера Воронцова, и сестра фаворита Шувалова Елизавета, и вдова адмирала Головина Мария Богдановна — злобная и корыстолюбивая сплетница.

Близость Шепелевой к Елизавете Петровне очень окрепла после дворцового переворота, когда Шуваловы открыто встали на ее сторону. Еще более упрочились их позиции при дворе после того, как супруги Шуваловы ввели в окружение Елизаветы Петровны двоюродного брата Петра Ивановича — Ивана Шувалова. Он появился в покоях Елизаветы еще мальчиком и был определен пажом, проводившим все время в прихожей императрицы. Чаще всего она заставляла этого очень красивого мальчика с книжкой в руках, а вскоре обратила внимание на его ум, доброту и славный характер. Регулярное чтение не пропало даром — все знавшие Ивана Ивановича Шувалова отмечали его исключительную образованность. (С десяти до шестнадцати лет он проучился в гимназии при Академии наук.)

Разумовский не мог удержать свою августейшую супругу от амурных увлечений и только пассивно созерцал, как развивались отношения Ивана Шувалова с его женой.

Тогда же она увлеклась и еще одним воздыхателем — двадцатилетним кадетом Никитой Бекетовым. Он воспитывался в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, участвовал в любительских спектаклях. С них-то все и началось.

Елизавета Петровна, с удовольствием читавшая любовные французские романы и обожавшая зрелища и маскарады, решила слить эти два пристрастия воедино и завести драматический театр. В результате в 1743 году к оперно-балетной франко-итальянской труппе добавилась и французская драматическая. И здесь не обошлось без политики, потому что и Анна Ивановна, и Бирон, и Миних, и Остерман предпочитали немецкий язык французскому. При Елизавете Петровне все стало наоборот, к тому же она знала французский намно-

го лучше немецкого. На петербургской придворной сцене появились герои трагедий Вольтера, Мольера, Реньяра и других французских драматургов. Уже через год репертуар пополнился дивертисментами, исполнявшимися по поводу различных политических событий: в 1744 году — в связи с заключением мира со Швецией, в 1745 — в связи со свадьбой Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны. И в то же самое время начал существовать и первый русский любительский драматический театр. Местом его создания стал Сухопутный шляхетный кадетский корпус. Одним из актеров оказался двадцатилетний красавец-кадет Никита Афанасьевич Бекетов, игравший героев-любовников.

Руководил любительской драматической труппой бывший воспитанник и выпускник Сухопутного шляхетного корпуса тридцатилетний бригадир Александр Петрович Сумароков. Еще кадетом он начал писать стихи и песни. Он и его товарищи-кадеты «составили между собой общество любителей русской словесности и в праздничные дни и свободные часы читали друг другу первые опыты сочинений своих и переводы». ¹³

В этом обществе собирались и три будущих фельдмаршала — князя Н. В. Репнин и А. А. Прозоровский, граф П. А. Румянцев и будущий генералиссимус — семнадцатилетний капитан Семеновского полка А. В. Суворов. Приходили и кадеты П. И. Панин, М. М. Херасков, И. П. Елагин, П. С. Свистунов, С. А. Прошин, прославившиеся потом на ниве культуры и политики.

От кружка литературного оставалось сделать всего лишь один шаг к созданию сначала театрального кружка, а затем и самостоятельного театра, что и произошло вскоре после того, как Сумароков окончил Корпус и стал служить в штабе фельдмаршала Миниха. Однако, служба службой, а служение музам — выше, чем служба — Служение. И Сумароков, будучи отличным офицером, оставался не менее хорошим стихотворцем и драматургом.

В 1747 году Сумароков написал стихотворную трагедию «Хорев», в которой рассказывалось о судьбе одного из трех легендарных основателей Киева — князя Хорева (по летописной традиции — Хорива, младшего брата князя Кия). Это событие было примечательно еще и тем, что на сцене впервые появились русские исторические персонажи, и актеры впервые заговорили на русском языке, — пусть хотя и архаичном, выпретенне патетическом, но все же родном, понятном всем, — и разыгрывались не церковные, а светские сюжеты, в которых

были и любовь, и верность, и благородство, и коварство, и рассуждения о праве и долге, вольности и тирании.

Совершенно неожиданно для автора кадеты в тайне разучили роли и пригласили драматурга на премьеру. «Автор ехал на зов, воображая увидеть детское игрище, простое чтение стихов; но как велико было его изумление! В какое пришел он восхищение, когда в кругу юношей-воспитанников нашел, воображаемый им храм Российской Мельпомены».¹⁴

Сумароков в тот же день рассказал об этом Разумовскому, у которого состоял в адъютантах, а Алексей Григорьевич сообщил о том же императрице.

Елизавета очень обрадовалась, что наконец-то сможет увидеть русскую трагедию и велела перенести постановку на императорскую сцену.

Первый спектакль прошел 8 января 1750 года. В нем были заняты кадеты: Н.А.Бекетов, П.И.Мелиссино, Н.С.Свистунов, Дитрих Остервальд и некоторые другие.

Мелиссино играл князя Кия, Бекетов — Хорева, Свистунов — возлюбленную Хорева — Оснельду. (Актрис еще не было и женские роли исполняли мужчины.)¹⁵

Успех был грандиозным. Светский Петербург в течение нескольких недель почти ни о чем другом не говорил кроме как о спектакле.

Тогда же рескриптом императрицы Сумароков назначался руководителем труппы из семнадцати кадетов, которая за два года существования театра сыграла тридцать два спектакля.

Из них наибольший успех выпал на долю трагедии Сумарокова «Синав и Трувор». Спектакль повторялся семь раз — больше, чем любая другая постановка театра. В трагедии был сильно и ярко проработан лирический любовный сюжет, что не оставило равнодушной Елизавету Петровну, которая с самого начала заявила себя заядлой театралкой, завсегдатайницей кулис, постоянно вникавшей в жизнь труппы.

Премьера «Синава и Трувора» состоялась в начале 1751 года. Роль несчастного влюбленного Трувора, пылкого любовника и бесстрашного героя, исполнял Никита Афанасьевич Бекетов. Перед началом спектакля Елизавета Петровна приняла участие в одевании актеров. Она сама помогла Бекетову облачиться в великолепный, богатый костюм. Бекетов был воодушевлен, он играл свою роль горячо и страстно, но потом вдруг стал засыпать и, наконец, не совладав с великой усталостью, заснул на сцене крепким сном.

Елизавета сидела с влажными от нежности глазами и, не отрываясь смотрела на спящего красавца.

На следующий день Бекетов был произведен в сержанты, а еще через несколько дней его отчислили из корпуса и перевели в гвардию в чине капитана, назначив адъютантом к Алексею Разумовскому. В мае того же года Бекетов стал полковником, поселившись во дворце вместе с Елизаветой Петровной. Теперь уже ни у кого не было сомнений, что рядом с императрицей появился новый фаворит.

Все шло бы так и дальше, но Бекетова приблизил к себе канцлер Бестужев, попытавшийся сделать из него своего сообщника в борьбе с кланом Шуваловых.

Петр Шувалов, враждуя с Бестужевым, решил отвлечь императрицу от ее нового любимца и задумал простой, но коварный ход. Он сам, хорошо понимая толк в химии, приготовил крем, который, якобы, выводил веснушки. Бекетов же более всего нравился Елизавете необычайной свежестью лица и очень печалился, что по весне лицо его покрыли веснушки. Одна из доверенных Шувалову дам, взяв снадобье, сваренное Шуваловым, поднесла его новому фавориту, выдав за парижский крем для ночных масок на лицо. Однако снадобье это было дьявольским варевом, от которого лицо Бекетова, не избавившись от веснушек, густо покрылось гнойными прыщами. Одновременно императрице нашептали, что ее любимец заболел какой-то дурной кожной болезнью. Участь Бекетова была решена: его отправили, не допуская к императрице, в отдаленный армейский полк с сохранением присвоенного полковничьего чина.

Дальнейшая судьба Бекетова сложилась так: через семь лет, участвуя в Семилетней войне, в ожесточеннейшем сражении при Цорндорфе 14 августа 1758 года он командовал 4-м Гренадерским полком. Полк отличился в этом бою, и Бекетов стал генерал-майором, а за новые подвиги — генерал-поручиком. Выйдя при Екатерине II из военной службы в статскую, он получил пост астраханского губернатора и сделал многое для процветания края. Он пользовался заслуженным авторитетом у всех, хорошо знавших его и удостоился самых лестных отзывов и высоких похвал Александра Васильевича Суворова в бытность его в Астрахани. В 1780 году Бекетов вышел в отставку, поселился в роскошном имении Отрада неподалеку от Царицына и занялся литературным и музыкальным сочинительством. Он так и не женился, но от свободных связей имел трех дочерей, которым и оставил капитал в сто тысяч рублей и большое богатое поместье.

Чтобы следующий сюжет не оказался малопонятным, вновь возвратимся к театру. Начнем с эпизода казалось бы не-

значительного, но весьма важного по своим историческим последствиям.

В 1746 году в Петербург приехал никому не известный семнадцатилетний купеческий сын Федор Волков. Перед тем он учился в Москве, в Заиконоспасской академии.

Там, кроме обязательных наук, обучился он музыке и живописи, игре на гуслях и скрипке, пению по нотам, прекрасно рисовал и писал акварели. Особенно нравились ему акварельные пейзажи. Он с удовольствием играл в духовных драмах, представляемых на Святках, и в пьесах Мольера, переведенных им самим.

В Петербурге Волкова определили в Немецкую контору для приобретения навыков в бухгалтерии и коммерции. Однажды хозяин взял Федора в придворный театр, где давали оперу. Это зрелище потрясло Волкова, и он начал готовить себя к театральной карьере. Узнав о существовании театра в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, Волков однажды проник за кулисы и с замиранием сердца следил за ходом спектакля. Впоследствии Волков так рассказывал об этом знаменитому актеру И.А.Дмитриевскому: «Увидя Никиту Афанасьевича Бекетова в роли Синава, я пришел в такое восхищение, что не знал, где был: на земле или на небесах? Тут родилась во мне мысль завести свой театр в Ярославле».¹⁶

Уехав из Петербурга в Ярославль, Волков создал там драматический театр. Весть о нем донеслась до Петербурга, и Елизавета Петровна повелела привезти ярославских лицедеев в Петербург. Это произошло в январе 1752 года. Императрица удостоила актеров аудиенции и изволила посетить первый спектакль. Ярославцы играли «Покаяние грешного человека» — духовную пьесу Дмитрия Ростовского.

Уже в этом спектакле выявились пробелы актеров в образовании и недостаток в знании и владении приемами политеса, из-за чего большую их часть зачислили в Сухопутный шляхетный кадетский корпус, «дабы сии недочеты исправить». Через два года в корпус зачислили Федора Волкова и его брата Григория, до того сопровождавших двор, выезжавший в Москву. Братья Волковы и их земляки занимались в корпусе сценическим искусством под руководством офицеров Мелиссино, Остервальде и Свистунова, ранее игравших в спектаклях на придворной сцене. Присутствие в корпусе полутора десятков актеров-ярославцев возродило кадетский театр и трансформировало его в профессиональный. 30 августа 1756 года он был официально учрежден указом императрицы, его руководителем был назначен А.П.Сумароков. Федор Волков

сразу же стал первым актером театра и ближайшим помощником Сумарокова.

После 30 августа 1756 года в императорском театре были поставлены пьесы Мольера: «Гарпагон», «Лекарь поневоле», «Скапиновы обманы», «Мещанин во дворянстве», «Тартюф» и другие.

В это же время зрительницей и любительницей театра становится великая княгиня Екатерина Алексеевна. В России было не так много людей науки, литературы и искусства. Поэтому каждый из них был любопытен августейшим особам и просвещенной великосветской знати. Особый интерес проявляла к таким людям Екатерина Алексеевна, она всей душой стремилась к прекрасному, пытаясь понять и постичь душу и культуру народа, среди которого в России, и особенно в Москве, оказалась. Это и привело Екатерину к знакомству с Сумароковым и братьями Волковыми. Вскоре Федор Волков стал одним из ее частых собеседников, а потом и одним из наиболее доверенных конфиденентов.

В дни романа с Бекетовым у Елизаветы продолжали оставаться фаворитами А.Г.Разумовский и И.И.Шувалов, появился также и еще один мимолетный любовник — некий певчий Каченовский. Такое разделение чувств тяготило и саму Елизавету Петровну, поскольку мешало целиком и полностью отдаться предмету страсти, да и определить сам предмет.

Как только Бекетов исчез из ее поля зрения, она вернулась к Ивану Шувалову. Правда, и после всего случившегося у нее то и дело появлялись новые “предметы”. Однако, она, наверное, и сама понимала, что Иван Шувалов ее самый любимый мужчина. Привязанность Елизаветы к нему с годами не ослабевала, а укреплялась. Возможно, это объяснялось тем, что Шувалов отличался добрым нравом, полным пренебрежением к богатствам и наградам. Он завоевал репутацию глубоко порядочного человека, подлинного патриота и убежденного сторонника отечественного просвещения. Этому способствовала его дружба с Михаилом Васильевичем Ломоносовым. Шувалов активно содействовал созданию Академии художеств, Московского университета. Примечательно, что Указ о создании университета был подписан Елизаветой Петровной 12 января 1755 года, в день именин матери Шувалова — Татьяны Семеновны. Вот почему Татьянин день до сих пор отмечается в Московском университете и стал национальным студенческим праздником.

Но мы немного забежали вперед. В 1753 году в Петербурге распространились слухи, что Елизавета Петровна родила дочь. Отцом девочки называли то Ивана Шувалова, то Алек-

сея Разумовского. Желая скрыть ее истинное происхождение, девочку объявили дочерью одной из фрейлин императрицы, итальянки по имени Талия.

Говорили, что когда девочка была совсем маленькой, Талия увезла ее на свою родину, где та превратилась в прелестную девушку. Странствуя по Европе эта девушка выдавала себя то за польку, то за турчанку, то за русскую, чему способствовало отличное знание ею многих языков. А еще через какое-то время вся Европа услышала имя княжны Таракановой... Продолжение этого сюжета еще ждет нас впереди.

НОВЕЛЛА СОРОК СЕДЬМАЯ

Рождение наследника

А теперь возвратимся к великой княгине Екатерине Алексеевне, которую, кажется, впервые посетила настоящая любовь...

Ее героем оказался Сергей Васильевич Салтыков — камергер Петра Федоровича. Во всяком случае, сама Екатерина настаивала на том, что после свадьбы ее с Петром Федоровичем у нее не было ни одного любовника, а с пострадавшим безвинно Андреем Черкасовым ее связывала чистая юношеская дружба.

Салтыков был двумя годами старше Екатерины. Он принадлежал к главной линии знаменитого рода Салтыковых, ведших свой род с XIII века. Его отец, граф и генерал-аншеф Василий Федорович Салтыков, был родным братом царицы Прасковьи Федоровны, жены царя Ивана V Алексеевича и, таким образом, приходился Елизавете Петровне троюродным братом. Немаловажно, что Василий Федорович женился на княжне Марии Алексеевне Голицыной, большинство многочисленных родственников которой оказалось на стороне Елизаветы Петровны.

В 1750 году С. В. Салтыков женился на фрейлине императрицы Матрене Павловне Балк, племяннице уже известных нам Балков и Монсов. Из-за всего этого, а также за необыкновенную красоту Салтыкова определили камергером к великому князю Петру Федоровичу, что позволяло ему часто находиться подле Екатерины Алексеевны.

«Сергей Салтыков, — писала Екатерина II, — дал мне понять, какая была причина его частых посещений... Я продолжала его слушать; он был прекрасен, как день, и, конечно, никто не мог с ним сравняться ни при большом дворе, ни, тем более, при нашем. У него не было недостатка ни в уме, ни в том складе познаний, манер и приемов, какие дают большой

свет и особенно двор. Ему было 25 лет: вообще и по рождению и по многим другим качествам это был кавалер выдающийся... Я не поддавалась всю весну и часть лета». ¹⁷

Как-то во время охоты на зайцев, оставшись наедине с Екатериной, Салтыков признался ей в страстной любви. Ответному чувству Екатерины способствовало то, что Петр Федорович тогда волочился за девицей Марфой Исаевной Шафировой — внучкой петровского сподвижника барона П. П. Шафирова.

Когда появились признаки беременности, Елизавета Петровна запретила Екатерине ездить верхом по-мужски и по тем же причинам присмотрела в Ораниенбауме хорошенькую молодую вдовушку и через придворных склоняла ее к любовной связи с Петром Федоровичем.

14 декабря 1752 года двор выехал из Петербурга в Москву и по дороге у Екатерины произошел выкидыш. Ожидавшиеся роды не состоялись.

Петр Федорович заподозрил Екатерину в неверности, поскольку ее беременность для него была неожиданностью. Последующие роды укрепили его в этом подозрении. Известный мемуарист и ученый Андрей Тимофеевич Болотов писал: «Петр Федорович стал обходиться с нею с величайшей холодностью и слюбился напротив того с дочерью графа Воронцова и племянницею тогдашнего великого канцлера, Елисаветою Романовною, прилепясь к ней так, что не скрывал даже ни пред кем непомерной к ней любви своей, которая даже до того его ослепила, что он не восхотел от всех скрыть ненависть свою к супруге и к сыну своему, и при самом еще вступлении своем на престол сделал ту непростительную погрешность и с благоразумием совсем несогласную неосторожность, что в изданном первом от себя манифесте, не только не назначил сына своего по себе наследником, но не упомянул об нем ни единым словом.

Не могу изобразить, как удивил и поразил тогда еще сей первый его шаг всех россиян, и сколь ко многим негодованиям и разным догадкам и суждениям подал он повод». ¹⁸

Когда Болотов впервые увидел Елизавету Романовну Воронцову, то, еще не зная, что за дама прошла перед ним, спросил дежурного полицейского офицера: «Кто б такова была толстая и такая дурная, с обрюзглою рожею, боярыня?» И был поражен, когда тот сказал, что это Воронцова. «Ах, Боже мой! Да как это может случиться? Уж этакую толстую, нескладную, ширококорую, дурную и обрюзглую совсем, любить и любить еще так сильно государю?.. В самом деле была она такова, что

всякому даже смотреть на нее было отвратительно и гнусно». ¹⁹

К этому времени Елизавета Петровна окончательно изверилась в способности своего племянника стать отцом наследника престола. Императрица очень хотела иметь внука, точнее внучатого племянника, во всяком случае цесаревича и продолжателя династии. Нетерпение ее стало столь велико, что она даже приказала найти для Екатерины надежного фаворита, который сумел бы сделать то, что не удавалось августейшему супругу.

И здесь уместно предоставить слово Александру Михайловичу Тургеневу, прекрасно осведомленному о тайнах двора. Он оставил прелюбопытнейшие «Записки», основывавшиеся на семейном архиве и других документах. Да и сам Тургенев много знал, видел и был наслышан об интимной жизни двора, так как с четырнадцати лет нес караульную службу в императорских дворцах, в том числе и в день смерти Екатерины II, с первых же дней царствования Павла состоял при нем ординарцем. Тургенев служил при штабах князя Волконского и графа Салтыкова, был в ближайшем окружении статс-секретаря Александра I — М. М. Сперанского, дружил с воспитателем царских детей В. А. Жуковским и многое услышал и от него.

В «Записках» Тургенева, которые публиковались в журнале «Русская старина», сохранилось много интересных подробностей, в том числе об отношениях Екатерины Алексеевны и графа С. В. Салтыкова.

Тургенев пишет, что канцлер А. Н. Бестужев-Рюмин узнал от великой княгини Екатерины Алексеевны пикантную комическую подробность ночного ее времяпрепровождения с Петром Федоровичем: «Бестужев... был ее министром, поверенным всех тайных ее помыслов. От нее непосредственно Бестужев сведал, что она с супругом своим всю ночь занимается экзерцициею ружьем, что они стоят попеременно на часах у дверей, что ей занятие это весьма наскучило, да и руки и плечи болят у нее от ружья. Она просила его (Бестужева) сделать ей благодеяние, уговорить великого князя, супруга ее, чтобы он оставил ее в покое, не заставлял бы по ночам обучаться ружейной экзерциции, что она не смеет доложить об этом императрице, страшась тем прогневить ее величество... Пораженная сей вестью, как громовым ударом, Елизавета казалась онемевшею, долго не могла вымолвить ни слова. Наконец, зарыдала и, обращаясь к Бестужеву, сказала ему:

— Алексей Петрович, спаси государство, спаси меня, спаси все, придумай, сделай, как знаешь!

Бестужев предложил для действия прекрасного собою, умного и отличного поведения перед прочими камергера Сергея Салтыкова...»²⁰

Поручив Бестужеву уладить это дело, императрица, по видимому, для надежности, дала такое же задание уже известной нам статс-даме Екатерины Алексеевны Марии Симеоновне Чоглоковой, и та, отозвав однажды Екатерину в сторону, сказала, что сама она — Чоглокова — абсолютно верна своему мужу, но бывают «положения высшего порядка, которые вынуждают делать исключения из правила». ²¹ Таким «положением высшего порядка» было продолжение династии. Причем, Чоглокова от имени Елизаветы Петровны предложила Екатерине одного из двух претендентов в фавориты — или Сергея Салтыкова или Льва Нарышкина.

Когда состоялся этот разговор, роман между Екатериной и Салтыковым был уже в полном разгаре и имел своим результатом беременность, закончившуюся, как мы уже знаем, выкидышем.

Однако Салтыков, хотя и любил Екатерину, но еще более любил себя и свою карьеру, за которую весьма опасался при сложившихся обстоятельствах. Поэтому в конце 1752 года он взял отпуск и уехал к родным. Вернулся он через три месяца, чтобы сопровождать петербургский двор в Москву.

Салтыков то появлялся возле Екатерины Алексеевны, то исчезал, объясняя такое поведение опасением скомпрометировать ее. Лето 1754 года двор снова провел в Москве и Подмосковье, а затем тысячи телег и экипажей двинулись из Первопрестольной в Петербург. На сей раз Елизавета Петровна решила не спешить и приказала проезжать каждые сутки только от одной станции до другой. Между столицами было тогда 29 станций и потому дорога заняла ровно месяц.

Екатерина, вновь беременная, успела благополучно добраться до Петербурга и в среду, 20 ноября 1754 года, около полудня, в Летнем дворце родила сына.

«Как только его спеленали, императрица ввела своего духовника, который дал ребенку имя Павла, после чего тотчас же императрица велела акушерке взять ребенка и следовать за ней... — писала потом Екатерина. — Как только удалилась императрица, великий князь тоже пошел к себе, и я никого не видела ровно до трех часов. Я много потела, я просила Владиславлову (одну из статс-дам Екатерины) сменить мне белье, уложить меня в кровать; она сказала, что не смеет. Она послала несколько раз за акушеркой, но та не приходила; я просила пить, но получила тот же ответ... Со следующего дня я начала чувствовать невыносимую ревматическую боль, и при

том схватила сильную лихорадку. Несмотря на это, на следующий день мне оказывали почти столько же внимания; я никого не видела и никто не справлялся о моем здоровье. Я то и дело плакала и стонала в своей постели». ²²

А в Петербурге начались пышные торжества. Во всех церквах служили благодарственные молебны, над городом плыл густой, непрерывающийся колокольный звон, сановники наперебой поздравляли императрицу и Петра Федоровича с рождением цесаревича, начисто забыв о Екатерине.

Вечером было объявлено, что крестным отцом и матерью новорожденного будут «оба римско-императорские величества», персоны которых при крестинах станет представлять посол Австрии граф Эстергази.

Во дворце и домах знати шли пиры и маскарады, на улицах появились длинные ряды столов с даровыми яствами и питьями. В ночном небе полыхал фейерверк — огненные краски изображали коленопреклоненную женщину, символизировавшую Россию. Она стояла пред алтарем, на коем красовалась надпись: «Единого еще желаю». Как только картина угасла, вспыхнула новая — на облаке возлежал на пурпурной подушке младенец, а под облаком сверкала надпись: «Тако исполнилось твое желание».

Был не только фейерверк — были также и стихи. Их написал первый пиит России Михаил Васильевич Ломоносов:

С великим прадедом сравнися,
С желаньем нашим восходи.
Велики суть дела Петровы,
Но многие еще готовы
Тебе остались напреди.

На шестой день после родов, в день крестин, Елизавета Петровна сама принесла Екатерине на золотом блюде указ о выдаче ей 100000 рублей. Кроме того, она вручила и небольшой ларчик, в котором, как вспоминала Екатерина, лежало «очень бедное маленькое ожерелье с серьгами и двумя жалкими перстнями, которые мне совестно было бы подарить моим камерфрау». ²³

После крестин, на которые не пригласили Екатерину, младенца отнесли к августейшей его бабке, не имевшей детей, и потому совершенно неопытной в уходе за новорожденным. Мальчика, завернув во фланелевые пеленки, положили в колыбель, обитую мехом чернобурых лисиц, закрыли двумя одеялами и оставили в жарко натопленной опочивальне под надзором кормилицы и нянек. Не случайно потом Павел всю жизнь боялся простуды и часто болел.

Праздник еще гудел, сверкал и разливался, а по Петербургу уже пополз слухок, что отцом новорожденного является никак не великий князь, а граф Сергей Салтыков — полюбownik Екатерины Алексеевны. Уже известный нам, А.М.Тургенев писал: «Секретнее еще всего сказанного говорили старики вполголоса, что великая княгиня разрешилась от бремени дочерью, одни утверждали — живую, другие спорили, что дитя было мертвое. Что наскоро было сыскано новорожденное дитя в селе Галичине и заступило место рожденного великою княгиней». ²⁴

Когда Екатерина родила Павла, Бестужев доложил императрице, что «начертанное по премудрому соображению вашего величества восприняло благое и желанное начало, — присутствие исполнителя высочайшей воли вашего величества теперь не только здесь не нужно, но даже к достижению всесовершенного исполнения и сокровению на вечные времена тайны было бы вредно. По уважению сих соображений, благоволите, всемилостивейшая государыня, повелеть камергеру Салтыкову быть послом вашего величества в Стокгольме, при короле Швеции». ²⁵

А.М.Тургенев не совсем точен: С.В.Салтыков не был назначен послом России в Швеции, а был послан в Стокгольм с миссией протокольного характера — известить о рождении наследника русского престола шведского короля Адольфа-Фредерика, который приходился родственником Петру Федоровичу по Гольштейн-Готторпскому дому.

После отъезда Салтыкова кривотолки еще более усилились, поскольку его удалили на необычайно долгий для его миссии срок — более чем на полгода. Потом из Стокгольма его отправили в Гамбург главой русской дипломатической миссии, куда он прибыл 2 июля 1755 года. Примечательно, что по дороге туда Салтыкова чествовали в Варшаве, тепло и радушно встречали на родине Екатерины в Цербсте. По этой причине слухи об его отцовстве окрепли и распространились по всей Европе. Наконец, 22 июля 1762 года, через две недели после прихода Екатерины к власти, она назначила Салтыкова русским послом в Париже, и это было воспринято как подтверждение его необычайной близости к ней.

После Парижа Салтыков побывал еще и посланником в Дрездене, заслужив от Екатерины нелестную характеристику «пятого колеса у кареты» и никогда более не появлялся при дворе, скончавшись в почти полной безвестности.

А теперь несколько слов еще об одной легенде, о рождении цесаревича Павла. Ее воскресил в 1970 году историк и писатель Н.Я.Эйдельман, опубликовавший в журнале «Новый

мир” исторический очерк «Обратное провидение». ²⁶ Рассматривая свидетельства и слухи об обстоятельствах появления на свет Павла Петровича, Эйдельман не исключает, что Екатерина родила мертвого ребенка, но это сохранили в тайне, заменив его другим новорожденным — чухонским, то есть финским мальчиком, родившимся тогда же в деревне Котлы возле Ораниенбаума. В ту же ночь родителей этого мальчика, семью местного пастора и всех жителей деревни — около двадцати человек — под строгим караулом отправили на Камчатку, а деревню Котлы снесли и запахали место, на котором она стояла.

А через семьдесят лет в Сибири объявился брат того чухонского мальчика, то есть Павла, под именем Афанасия Петровича Петрова. В народе его прозвали Павлом из-за разительного сходства с тогда уже давно покойным императором Павлом I. Афанасий Петрович был бродягой, но под старость осел в Красноярске и нашел приют у местного мещанина Старцова. 19 июля 1822 года Старцов написал, царствовавшему тогда сыну Павла I императору Александру I, что у него в доме живет родной дядя императора. Александр I распорядился найти Афанасия Петровича и доставить в Петербург. Тобольский губернатор Капцевич поручил это дело частному приставу Александру Гавриловичу Алексееву, и тот с двумя казаками отправился на поиски царского дяди.

После долгих мытарств бродяга был найден и, действительно, оказался как две капли воды похож на Павла Петровича. Бродяга заявил, что он родной дядя и императору Александру и всем его братьям и сестрам.

Афанасия Петровича вместе со Старцовым привезли в Петербург и, как водится, посадили в Петропавловскую крепость. Есть несколько свидетельств тому, что именно в это время, в 1824 году, к Александру из крепости несколько раз привозили какого-то старика.

Продержав Петрова и Старцова в крепости семь месяцев, их отправили обратно в Сибирь, настрого наказав никому не говорить ни слова обо всем с ними случившемся.

Косвенным подтверждением истинности рассказанной истории служит то, что пристав Алексей именно в это время наградили орденом Святой Анны 3-й степени, что для полицейского в столь малом чине было совершеннейшей редкостью (награждение таким орденом влекло за собой потомственное дворянство).

На сем история не закончилась. Вернувшись в Сибирь, Петров и Старцов вели себя по-прежнему: Старцов писал в Петербург, а Петров утверждал, что он дядя императора. Уз-

нав об этом, А.А.Аракчеев запретил Старцову посылать письма в столицу, а Петрова велел снова увезти из Сибири — на этот раз в Москву. Место выбрали не случайно — полицейским розыском было установлено, что Афанасий Петров является крепостным крестьянином из подмосковной деревни Исупово Богородской волости, принадлежащей князю Голицыну. Возвратив беглеца на прежнее место жительства, «вины его предали забвению».

А в Петербурге и тогда и потом упорно считали, что отцом Павла I был Сергей Салтыков. Так, известный журналист и писатель Н.И.Греч в своих мемуарах сообщал, что в 1826 году во время коронации Николая I внучка Сергея Салтыкова появилась в царских украшениях, которые уже семьдесят лет считались утерянными. Тут же вспомнили историю рождения Павла Петровича и отцовство Сергея Салтыкова...

Последним отзвуком этой истории был следующий эпизод: однажды император Александр III — ярый русофил, ненавидевший все немецкое, — доверительно спросил историка Якова Лазаревича Барскова:

— Скажите мне, чьим же все-таки сыном был Павел?

— Не могу скрыть, ваше величество, — ответил Барсков. — Не исключено, что от чухонских крестьян, но, скорее всего, прапрадедом вашего величества был граф Салтыков.

— Слава тебе, Господи! — радостно воскликнул Александр, истово перекрестившись, — значит, во мне есть хоть немножко русской кровию.²⁷

НОВЕЛЛА СОРОК ВОСЬМАЯ

Великая княгиня

А теперь вновь возвратимся в ноябрь 1754 года, когда младенец Павел лежал в колыбели, обитой мехом чернобурых лисиц, в жарко натопленных апартаментах своей двоюродной бабушки Елизаветы Петровны.

«Когда прошло сорок дней со времени моих родов, — писала Екатерина II, — императрица пришла вторично в мою комнату. Я встала с постели, чтобы ее принять, но она, видя меня такой слабой и такой исхудавшей, велела мне сидеть, пока ее духовник читал молитву. Сына моего принесли в мою комнату: это было в первый раз, что я его увидела после его рождения».²⁸

Дальнейшие события — с 1754 по 1760 год — весьма интересно и полно изложены в «Записках» Екатерины II, не случайно историк Н.И.Карамзин в письме к поэту И.И.Дмитриеву отмечал: «нынешней зимой читал я «Записки» Екатерины Ве-

ликой..., очень, очень любопытно! Двор Елизаветы как в зеркале...»

Давайте же взглянем в это зеркало и мы.

...После рождения Павла отношения между Екатериной и мужем еще более ухудшились. Дело дошло до того, что однажды Петр, придя в апартаменты жены, несколько раз сказал, что сумеет образумить ее. А когда Екатерина спросила: «Как же?». Петр до половины вытянул из ножен шпагу.

Между тем к этому времени Екатерина сумела приобрести среди многих придворных и у всех дворцовых слуг большой авторитет. Она была равна в обращении, ничуть не высокомерна, свободно и почти без акцента говорила по-русски, питая слабость к простонародным оборотам речи, русским поговоркам и поговоркам. Екатерина при каждом удобном случае подчеркивала свою приверженность православию и пылкую любовь к своему новому отечеству — России.

Первые два года русскому языку обучал ее по рекомендации Кирилла Григорьевича Разумовского один из лучших русских лингвистов Василий Евдокимович Адодуров. Писатель и переводчик, он был первым русским адъюнктом Академии наук по математике, избранный по представлению великого Эйлера. Выбор К. Г. Разумовского был не случаен — Адодуров свободно владел немецким и французским языками, которые знала его ученица, — а это позволяло форсировать и значительно облегчить обучение.

Английский посол Уильямс так отзывался об Адодурове: «Я не видел ни одного из туземцев столь совершенного, как он: он обладает умом, образованием, прекрасными манерами: словом, это русский, соизволивший поработать над собой».²⁹

Адодуров стал для Екатерины не только учителем русского языка, но и преданным другом, сохранив ей верность и после того, как его в 1759 году обвинили в соучастии в заговоре, якобы имевшем целью возвести Екатерину на престол.

Когда же его ученица стала императрицей, она не забыла своего учителя и друга — Адодуров стал сенатором, куратором Московского университета и президентом мануфактур-коллегии, а умер уже, будучи почетным членом Академии наук и действительным тайным советником, что по Табели о рангах соответствовало званию генерал-аншефа.

Тогда же, через два года занятий русским языком с Екатериной, происками недоброжелателей Адодуров был отстранен от занятий с ней и переведен на службу в Коллегию иностранных дел к А. П. Бестужеву-Рюмину.

После этого Екатерина упорно занималась самообразованием, вставая в шесть часов утра. Принято думать, что боль-

шую часть времени занимали у нее штудии иноземных авторов-немцев и французов, однако это не так — на первом месте стояли у нее книги по русской словесности, по истории и географии России. Именно это впоследствии позволило ей стать хорошо подготовленным историком и литератором. Екатерина оставила после себя тысячи писем, сказки, стихи, комедии, драмы, учебники, записки мемуарного характера, свидетельствующие об универсальности и энциклопедичности знаний.

Ее самообразование носило и чисто прагматический, утилитарный характер — она хотела знать страну, которой всерьез готовилась управлять.

А что касается ее научных и литературных интересов, связанных с Западом, то и они были весьма многообразны и широки. Екатерина переписывалась с французскими энциклопедистами Вольтером, Дидро, Монтескье, с великими естествоиспытателем Бюффоном, скульптором Фальконе — будущим автором «Медного всадника», украшенного лапидарной надписью: «Петру Первому от Екатерины Второй»; читала множество французских и немецких книг, заказывая, кроме того, переводы с английского, латыни, итальянского, если эти книги почему-либо интересовали ее.

Ее чтение не было искусством для искусства. Когда Дидро спросил Екатерину о населении России, о сословных отношениях и русском земледелии, то получил в ответ несколько статей, тщательно и серьезно написанных императрицей.

Вместе с тем Екатерина находила время заниматься верховой ездой, игрой в бильярд, любила гравировать по металлу, работать за токарным станком, рисовать карандашом.

К этому следует добавить страстную любовь Екатерины встречаться со всеми выдающимися людьми, приезжавшими в Петербург из разных стран, постоянное общение с русскими учеными, литераторами, издателями, актерами, музыкантами, живописцами. Причем, очень часто знаменитые иноземные визитеры оказывались в России по ее приглашению.

Все это впоследствии привело к тому, что Екатерину II по справедливости считали самой просвещенной государыней Европы.

Уже известный нам барон Гримм, дважды побывавший в Петербурге, основываясь на непосредственных впечатлениях от общения с Екатериной, отзывался о ней так: «Надо было видеть в такие минуты эту необычайную голову, эту смесь гения с грацией, чтобы понять увлекавшую ее жизненность: как она своеобразно схватывала, какие остроты, пронизательные замечания падали в изобилии одно за другим, как светлые

блестки природного водопада. Отчего не в силах моих воспроизвести на письме эти беседы! Свету досталась бы драгоценная, может быть единственная страница истории ума человеческого. Воображение и разум были одинаково поражаемы этим орлиным взглядом, обширность и быстрота коего, могли быть уподоблены молнии. Да и возможно ли было уловить на лету ту толпу светлых движений ума, движений гибких, мимолетных! Как перевести их на бумагу? Расставаясь с императрицей, я бывал обыкновенно до того взволнован, наэлектризован, что половину ночи большими шагами разгуливал по комнате». ³⁰

Однако все это будет потом, а пока Екатерина еще не императрица, а великая княгиня, только что родившая наследника престола, но почти опальная особа, отодвинутая до поры на второй план.

Отрешенная от сына, покинутая мужем, деятельная, умная и энергичная Екатерина не могла ограничиваться чтением, письмом, охотой и ремеслами. Она понимала, что ее удел — политика, и стала исподволь готовить себя к той роли, которую вскоре стала играть столь блистательно. Следует заметить, что Петр Федорович, будучи наследником российского престола, оставался и герцогом Голштинским.

Управление Голштинией было его прерогативой, требовало знания дел в герцогстве, проникновения во внешнеполитические коллизии, связанные с соседями этого государства. На все это у Петра Федоровича не было ни времени, ни желания, ни способностей.

И мало-помалу Екатерина прибрала голштинские дела в свои руки к вящему удовольствию Петра Федоровича, а в начале 1755 года он и официально передал ей управление герцогством.

Чуть раньше произошло сближение Екатерины с канцлером А.П.Бестужевым-Рюминым. Канцлер был рад потеплению отношений с Екатериной и стал одним из верных и преданных ее сотрудников, вводя свою подопечную в сферу наиболее важных государственных дел и внушая мысль, что российский трон после смерти Елизаветы должен перейти не к Петру Федоровичу, а к ней. Такого рода идеи пали на хорошо подготовленную почву — Екатерина и сама думала о том же.

Вопрос о том, кому будет принадлежать трон, приобретал жгучую актуальность из-за того, что Елизавета Петровна, подорвавшая свое здоровье непрерывными кутежами и безалаберной жизнью, стала все чаще болеть и месяцами не прикасалась к государственным бумагам. И русские вельможи, и резиденты иностранных дворов, и офицеры гвардии, задумыва-

ясь над всем происходящим и спрашивая себя о судьбе престолонаследия, отдавали предпочтение Екатерине.

Прусский резидент в Петербурге Мардефельд, слывший умным и проницательным человеком, сказал однажды Екатерине: «Вы будете царствовать, или я совсем глупец».³¹

Международная обстановка в Европе в это время накаливалась, на первый план выдвинулись англо-французские противоречия, и России надлежало либо сохранять нейтралитет, либо принять чью-либо сторону.

В 1754 году произошли вооруженные столкновения между англичанами и французами в Канаде, а с 1756 года военные действия были перенесены на территорию Европы.

К этому времени возникло две коалиции: англо-прусская, поддержанная рядом северо-германских государств, и франко-австрийская, на стороне которой были Саксония и Швеция. Россия сохраняла нейтралитет до конца 1756 года, ибо в правительстве Елизаветы Петровны не было единства, а канцлер Бестужев-Рюмин занимал проанглийскую позицию.

Энергично взявшись за дело, он быстро подготовил союзный русско-английский договор. Однако его подписанию воспротивилась Конференция — Совет по внешнеполитическим делам при высочайшем дворе. Конференция была детищем Бестужева и создана по его инициативе. В нее входили: канцлер Бестужев-Рюмин, его старший брат — и политический противник — Михаил, генерал-прокурор Сената Н.Ю.Трубецкой, вице-канцлер М.И.Воронцов, начальник Тайной канцелярии А.И.Шувалов, фельдмаршалы А.Б.Бутурлин и С.Ф.Апраксин, сенаторы П.И.Шувалов и М.М.Голицын, а также великий князь Петр Федорович. Секретарем Конференции был Д.В.Волков. Большинство членов Конференции противостояли канцлеру, а первую скрипку в ней играли братья Шуваловы и Воронцов.

Конференция решила отказаться от союзного договора с Англией и присоединиться к Австрии и Франции, подписавшими 1 мая 1756 года в Версале конвенцию о совместной борьбе с общими противниками — Англией и Пруссией. Английский посланник сэр Генбюри Уильямс оказался обманутым и терялся в догадках о причинах столь резкой и внезапной перемены. Однако дело объяснялось просто — так, во всяком случае представляет ситуацию Екатерина в своих «Записках». Она пишет, что неожиданную роль в перемене ориентации России сыграла любовница французского короля Людовика XV маркиза Помпадур. Фаворитке надоела мебель, украшавшая ее дворец, и она продала ее своему любовнику — королю. А Людовик XV подарил эти ненужные ему мебельные

гарнитуры вице-канцлеру М. И. Воронцову, — стойкому и небескорыстному прозелиту Франции, который только что отстроил себе новый дом и еще его не обставил. Подарок пришелся весьма кстати, и за него надо было отплатить признательностью, не без расчета на будущие благодеяния.

Что же касается братьев Шуваловых, то у них был свой резон: Петр Иванович, один из крупнейших предпринимателей России, не пропускавший ни одного случая нажиться за счет казны, в это время успешно добивался откупа на табачную монополию и рассчитывал, что именно Франция станет его потенциальным заграничным рынком сбыта.³²

Вступление России в австро-французскую коалицию состоялось, о чем канцлер уведомил послов Версаля и Вены, как ни горько ему было это сделать. Над самим же Бестужевым-Рюминым стали сгущаться тучи царской немилости, и он прибег к контрмерам.

НОВЕЛЛА СОРОК ДЕВЯТАЯ

«Амур» будущей императрицы с будущим королем...

В числе сторонников и друзей канцлера на первом месте стояла Екатерина с близкими ей людьми, далее шел генерал-фельдмаршал Степан Федорович Апраксин, потом — сохранявший с канцлером дружественные отношения английский посланник сэръ Уильямс.

Союзником канцлера, как и Екатерины, был польский дипломат Станислав-Август Понятовский. Он появился в Петербурге менее двух лет назад, но сумел за это время укрепить свой авторитет и влияние. Понятовский приехал в Петербург одновременно с английским посланником Уильямсом, в свите которого и находился. Это произошло весной 1755 года, и Екатерина впервые увидела Станислава-Августа в начале июня — на Троицын день. Она знала, что его отец — князь Станислав Понятовский — был адъютантом шведского короля Карла XII, находился рядом с ним в сражении под Полтавой, разделил со своим сюзереном изгнание, скитания и опасности и до кончины Карла XII оставался ярым врагом России. Затем Понятовский активно поддерживал то одного, то другого претендента на польский трон, не выдвигая собственной кандидатуры.

Станислав-Август был тремя годами младше Екатерины, слыл истинным великосветским бонвиваном, любившим пожить в свое удовольствие, покутить и поволочиться. В 1753 году, когда Станиславу-Августу шел двадцать первый год, его отослали в Париж, где он жил в лучших традициях француз-

ской аристократической «золотой молодежи». От английского посланника Екатерина узнала, что мать Понятовского — урожденная Чарторижская — является решительной сторонницей России, а ее родственники составляют основу русской партии в Польше. Уильямс сказал Екатерине, что родители Понятовского поручили Станислава-Августа именно ему, чтобы он воспитал у него чувства любви и преданности России. Это не было чем-то странным, ибо английский посланник хотел видеть Россию союзной своей стране и дружественная Польша хорошо бы дополнила такой альянс.

Тогда же Екатерине донесли, что Сергей Салтыков и в Швеции и в Саксонии не пропускал ни одной юбки, и ее чувства к нему, если они еще и оставались, скоро исчезли совсем.

На следующий год Станислава-Августа назначили посланником Польши в России, хотя канцлер Бестужев желал видеть на этом посту кого-нибудь из своих прозелитов. Новый посланник тем временем стал все более определенно проявлять симпатии к Екатерине, которая, в свою очередь, нуждалась в поддержке. Она заметила, что все ее фрейлины — либо любовницы, либо наперсницы ее мужа — не оказывают ей должного почтения, а рассчитывают на его благосклонность.

Весной 1756 года Петр Федорович всерьез рассорился с Елизаветой Воронцовой и тут же стал волочиться за племянницей Разумовского, женой Григория Николаевича Теплова. «Кроме этой дамы, — писала Екатерина в своих «Записках», — ему приводили еще по вечерам, чтобы ужинать с ним, немецкую певичку, которую он содержал и которую звали Леонорой». ³³ Петр Федорович, чтобы досадить жене, подробно рассказывал ей о своих интрижках и победах, а иногда спрашивал совета и даже искал сочувствия, если почему-либо не мог добиться успеха.

Все это еще больше сблизило Екатерину с Понятовским, который несколько раз совершенно недвусмысленно говорил о нежных чувствах, которые питает к ней.

Секретарь французского посланника в Петербурге барона Бретеяля — талантливый молодой писатель Рюльер — оставил интереснейшую рукопись «История и анекдоты революции в России в 1762 году», изданную его наследниками после смерти Екатерины II и самого Рюльера. В ней он описывал и историю романа Екатерины и Понятовского. Рюльер сообщал, что Уильямс свел их и «после тайного свидания, где великая княгиня была переодета, изъявила всю свою благосклонность». ³⁴

Рюльер знал о случившемся достаточно много, но все же не больше самого Понятовского, потому изложим события по

воспоминаниям его самого. Они были опубликованы в книге «Переворот 1762 года. Сочинения и переписка участников и современников», изданной в Москве в 1908 году.

В то лето Понятовский жил в Петергофе, а Екатерина — неподалеку от него в Ораниенбауме. 25 июня Понятовский сел в карету и поехал к Екатерине на свидание, предупредив ее заранее. Когда карета подъезжала к Ораниенбауму, Понятовский увидел в лесу пьяного Петра Федоровича со свитой и неизменной Елизаветой Воронцовой. Кучера спросили, кого он везет, и тот ответил, что везет портного.

Однако Елизавета Воронцова узнала Понятовского и, когда он уехал, стала, насмехаясь, намекать великому князю, кто был на самом деле в карете. Петр сначала не обратил внимания, но через несколько часов послал трех кавалеристов к павильону, где жила Екатерина.

Они схватили за шиворот Понятовского в нескольких шагах от павильона, из которого он вышел, и потащили к Петру Федоровичу.

Петр прямо спросил у Понятовского: был ли он у Екатерины, и чем они занимались. Понятовский категорически отказался отвечать, и Петр велел задержать его. Через два часа к задержанному вошел «великий государственный инквизитор» А.И.Шувалов, и Понятовский сказал ему, что для чести русского двора необходимо, чтобы вся эта история закончилась без шума. Шувалов согласился с ним и отвез его в Петергоф, а сам рассказал обо всем случившемся Екатерине.

Екатерина, как свидетельствует уже знакомый нам Рюльер, пошла к разгневанному мужу и честно призналась ему в любовной связи с польским посланником. Она сказала, что если кто-нибудь узнает о происшедшем, то Петр Федорович прослышет рогоносцем по всей Европе. Екатерина добавила, что ее связь с Понятовским возникла после того, как Петр Федорович приблизил к себе Воронцову, о чем известно всему Петербургу. Далее она обещала не только переменить свое отношение к Воронцовой на значительно более любезное, но и выплачивать ей из своих средств ежегодную пенсию, освободив от непосильных расходов Петра Федоровича.

Петр согласился и обещал молчать. «Случай, долженствовавший погубить великую княгиню, доставил ей большую безопасность и способ держать на своем жалованье и самую любовницу своего мужа; она сделалась отважнее на новые замыслы и начала обнаруживать всю нелепость своего мужа, столь же тщательно, сколь сперва старалась ее таить».³⁵

29 июня в Петергофе давали бал в честь именин Петра Великого и Петра Федоровича. Понятовский, сговорившись с

Елизаветой Воронцовой, ночью пришел в Монплеизир, в апартаменты великого князя и его жены.

К этому времени Понятовский уже знал о признании Екатерины Петру Федоровичу в измене. Поэтому он, в свою очередь, сделал аналогичное признание великому князю. Обманутый муж ответил, смеясь: «Ну, не большой ли ты дурак, что не открылся мне вовремя! Если бы ты это сделал, не произошло бы вся эта распря!»

После этого Петр пошел в спальню Екатерины, вытащил ее из кровати — был второй час ночи — и привел к Понятовскому и Воронцовой в одной рубашке. Они стали оживленно болтать и смеяться и разошлись только к четверем часам утра.

Описав все случившееся, Понятовский добавляет: «Я уверяю, что такое сумасшествие, каким все это могло казаться, была сушая правда. На другой день все заискивали у меня. Великий князь заставил меня повторить до четырех раз еще мои поездки в Ораниенбаум. Я приезжал вечером, поднимался по потайной лестнице в комнату великой княгини. Там я находил великого князя и Воронцову. Мы ужинали вместе, после чего он уводил ее, говоря нам: «Ну, итак, дети мои, я вам больше не нужен, я думаю».³⁶

НОВЕЛЛА ПЯТИДЕСЯТАЯ

Опала Бестужева-Рюмина

Роман Екатерины и Понятовского пришелся на то время, когда Россия начала активные военные действия против Пруссии. В мае 1757 года семидесятитысячная русская армия под командованием фельдмаршала Апраксина двинулась к границам Пруссии. Уже в августе была одержана первая крупная победа — при деревне Гросс-Егерсдорф русские войска разгромили корпус прусского фельдмаршала Левальда.

Однако вместо того, чтобы идти на Кенигсберг, Апраксин отдал приказ возвращаться в Прибалтику, объясняя это недостатком продовольствия, большими потерями и болезнями в войсках. Этот маневр породил в армии и Петербурге слухи о его измене и привел к тому, что на место Апраксина назначили нового главнокомандующего — обрусевшего англичанина Вилима Фермора, генерал-аншефа и графа, успешно командовавшего войсками в войнах с Швецией и Турцией.

Апраксину же предписали отправиться в Нарву и ждать дальнейших распоряжений. Однако их не последовало, а вместо этого в Нарву пожаловал «великий государственный инквизитор» — начальник Тайной канцелярии А.И.Шувалов. Нужно иметь в виду, что Апраксин был другом канцлера Бес-

тужева, а Шуваловы — яркими его врагами. «Великий инквизитор» незамедлительно учинил опальному фельдмаршалу строгий допрос, касающийся главным образом его переписки с Екатериной и Бестужевым.

Шувалову хотелось доказать, что Екатерина и Бестужев склоняли Апраксина к измене, чтобы всячески облегчить положение прусского короля. Допросив Апраксина, Шувалов арестовал его и перевез в урочище Четыре Руки, неподалеку от Петербурга.

Апраксин отрицал какой-либо злой умысел в своем отступлении за Неман и утверждал, что «молодому двору никаких обещаний не делал и от него никаких замечаний в пользу прусского короля не получал».³⁷

Тем не менее фельдмаршал был обвинен в государственной измене, а всех, заподозренных в преступной связи с ним, взяли на допросы в Тайную канцелярию.

14 февраля 1758 года был арестован канцлер Бестужев-Рюмин. Обвинить его в чем-либо было трудно, ибо он слыл честным человеком и патриотом, и тогда ему инкриминировали «преступление в оскорблении величества и за то, что он, Бестужев, старался посеять раздор между Ея Императорским Величеством и Их Императорскими Высочествами».³⁸

Бестужева выслали из Петербурга в одну из его деревень, но в ходе следствия подозрения пали на Екатерину, ювелира Барнарди, Понятовского, бывшего фаворита Елизаветы Петровны генерал-поручика Никиту Афанасьевича Бекетова, учителя Екатерины Ададурова. Все они были связаны с Екатериной, Бестужевым и английским посланником Уильямсом. Из них всех лишь Екатерина, как великая княгиня, да Понятовский, как иностранный посол, могли чувствовать себя относительно спокойно. Однако были известны их тайная интимная связь и особые секретные отношения с канцлером Бестужевым. Все это могло расцениваться, как антиправительственный заговор.

Дело в том, что Бестужев составил план, по которому, как только Елизавета Петровна скончается, Петр Федорович станет императором по праву, а Екатерина будет объявлена соправительницей. Себе же Бестужев предусмотрел особый статус, облакавший его властью, не меньшей, чем у Меншикова при Екатерине I. Бестужев претендовал на председательство в трех важнейших коллегиях — Иностранной, Военной и Адмиралтейской. Кроме того он желал иметь звание подполковника во всех четырех лейб-гвардейских полках — Преображенском, Семеновском, Измайловском и Конном. Свои соображения Бестужев изложил в виде манифеста на имя Екатери-

ны. К счастью он успел сжечь манифест и все черновики до ареста, а Екатерина своевременно узнала об этом от одного из своих преданнейших слуг — камердинера Василия Григорьевича Шкурина (запомните имя этого человека, мы вскоре вновь встретимся с ним в обстоятельствах более чем неординарных).

Таким образом прямых улик о заговоре не существовало, однако подозрение осталось. Стараниями братьев Шуваловых — Петра и Александра — Елизавета Петровна была уведомена об альянсе Бестужев — Екатерина. Импульсивная и неуравновешанная императрица решила выказать свое неудовольствие Екатериной и перестала принимать ее, что, в свою очередь, вызвало охлаждение к великой княгине значительной части «большого двора».

А Станислав-Август по-прежнему оставался любовником великой княгини, и есть основания полагать, что в марте 1758 года Екатерина именно от него забеременела вновь и 9 декабря родила дочь, которую нарекли Анной.

Сразу после рождения девочку унесли в покои Елизаветы Петровны, и дальше все происходило как и четыре года назад, когда на свет появился Павел: начались балы и фейерверки, а мать снова оставили одну. Правда, на этот раз у постели Екатерины оказались близкие ей придворные дамы — Мария Александровна Измайлова, Анна Никитична Нарышкина, Наталья Александровна Сенявина — и единственный мужчина — Станислав-Август Понятовский.

Анна Нарышкина, урожденная графиня Румянцева, была замужем за гофмаршалом Александром Нарышкиным, а Измайлова и Сенявина были родными сестрами гофмаршала и доверенными наперсницами Екатерины. В «Записках» Екатерина сообщает, что эта компания собралась тайно, что сестры Нарышкины и Понятовский прятались за ширмы, как только раздавался стук в дверь.³⁹ То, что Понятовский оказался единственным мужчиной у постели Екатерины, выглядит достаточно красноречивым свидетельством его отцовства.

Таким же свидетельством можно считать полупризнание самой Екатерины II в «Записках», когда она приводит эпизод, имевший место в сентябре 1758 года: «Так как я становилась тяжелой от своей беременности, то я больше не появлялась в обществе, считая, что я ближе к родам, нежели была на самом деле. Это было скучно для великого князя... А потому его императорское высочество сердился на мою беременность и вздумал сказать однажды у себя, в присутствии Льва Нарышкина и некоторых других: «Бог знает, откуда моя жена берет

свою беременность, я не слишком-то знаю, мой ли это ребенок, и должен ли я его принять на свой счет». ³⁹

Тем не менее, когда девочка родилась, Петр Федорович был тому рад. Во-первых, ребенка назвали именем его покойной матери — родной сестры императрицы — Анной, — а отчество совпадало. Во-вторых, Петр Федорович получил как отец новорожденной 60000 рублей, в которых очень нуждался.

Девочка прожила очень недолго и умерла 8 марта 1759 года. Ее похоронили не в Петропавловском соборе, который с 1725 года стал усыпальницей дома Романовых, а в церкви Благовещения Александро-Невской лавры. Это обстоятельство тоже не ускользнуло от современников, наводя их на мысль о том, что Анна Петровна не была законной дочерью.

НОВЕЛЛА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Братья Орловы

А события за стенами императорских дворцов шли своим чередом. 11 января 1758 года войска Вилима Фермора заняли столицу Восточной Пруссии — Кенигсберг.

Затем 14 августа, последовало кровопролитное и упорное сражение при Цорндорфе, в котором противники потеряли убитыми около 30000 человек. Екатерина писала, что в бою под Цорндорфом погибло более тысячи русских офицеров. Многие из них прежде квартировали или жили в Петербурге, и потому сообщение о цорндорфском побоище вызвало в городе скорбь и уныние. Вместе со всеми переживала и Екатерина, чего нельзя сказать о Петре Федоровиче.

С известием о Цорндорфском сражении в Петербург прибыл полковник Розен. Его денщик болтал, что русские под Цорндорфом потерпели поражение. За это денщика посадили на гауптвахту, а когда денщика освободили, Петр Федорович призвал его к себе. В зале, где произошла их встреча, стояла группа офицеров-голландцев, в их присутствии Петр сказал: «Ты поступил как честный малый. Расскажи мне все, хотя я и без того хорошо знаю, что русские никогда не могут побить пруссаков». И указывая на стоящих рядом голландцев добавил: «Смотри, это все пруссаки, — разве такие люди могут быть побиты русскими!» ⁴⁰

Этот эпизод вскоре стал известен многим.

Меж тем 6 августа 1758, так и не дождавшись суда, внезапно скончался С.Ф.Апраксин. Он умер от паралича сердца, но по Петербургу распространились слухи о насильственной смерти — ведь он умер в заточении. Еще более убедило сторонников этой версии то, что фельдмаршала похоронили без

всяких почестей, в тайне от всех, на кладбище Александроневской лавры.

Большинство считало, что фельдмаршала незаслуженно держали под арестом. Косвенным признанием невиновности Апраксина было то, что все привлеченные к следствию по делу Бестужева — а оно возникло после ареста Апраксина — были лишь понижены в должностях или высланы из Петербурга в свои деревни, но никто не понес уголовного наказания.

Екатерина еще некоторое время пребывала в немилости у императрицы, но после того, как попросила отпустить ее в Цербст к родителям, чтобы не испытывать унижений и оскорбительных для нее подозрений, Елизавета Петровна сменила гнев на милость и восстановила с невесткой прежние отношения.

Тем временем на театре военных действий сменили двух главнокомандующих: им в июне 1759 года стал фельдмаршал граф Петр Семенович Салтыков. В сентябре 1760 года появился еще один фельдмаршал — граф Александр Борисович Бутурлин. Любимец императрицы блеснул мимолетной удачей — без боя занял Берлин, малочисленный гарнизон которого ушел из города при приближении русского кавалерийского отряда.

Однако через трое суток русским войскам пришлось поспешно ретироваться, узнав о подходе к столице Пруссии превосходящих сил Фридриха II. «Диверсия» на Берлин ничего не изменила. Большее влияние на ход войны оказала смена правительства в Англии — оно отказало Пруссии в дальнейших денежных субсидиях, что и решило исход войны.

Поскольку следствие по делу Бестужева все же бросило тень на Понятовского, он вынужден был оставить свой пост и уехать в Польшу.

Екатерина недолго пребывала в одиночестве. На сей раз ее избранником оказался популярный в кругу гвардейских офицеров красавец, силач, буян и задира двадцатипятилетний Григорий Григорьевич Орлов, один из пяти братьев, четверо из которых служили в гвардейских полках.

Орловы происходили из тверских дворян и свое благородное происхождение могли подтвердить грамотой, относящейся к концу XVI века. Основателем рода они считали помещика Лукьяна Ивановича Орлова, владельца села Люткино Бежецкого уезда Тверской губернии.

Внук основателя рода Иван Иванович Орлов в конце XVII века служил подполковником одного из московских стрелецких полков, выступившего против Петра I. Поэтому, когда царь примчался из Вены «изводить крамолу», то среди тех, ко-

го приговорили к смерти, оказался и Иван Орлов. Когда смертников привели к эшафоту, приехал Петр, и стал рядом с палачом. Когда же на эшафот ступил Иван Орлов, под ноги ему подкатилась отрубленная стрелецкая голова. Орлов засмеялся и пнул голову так, что она упала с помоста на землю. А потом подошел к плахе и с улыбкой сказал Петру: «Отдвинься, государь, — здесь не твое место, — мое». И спокойно положил голову на плаху.

Петру понравились бесстрашие и удаль обреченного и он помиловал Орлова.

Таким был дед братьев Орловых. А их отец, Григорий Иванович, продолжил солдатскую стезю, проведя в походах и сражениях все царствование Петра I. К концу Северной войны его назначили командиром Ингерманландского полка — одного из лучших армейских пехотных полков, первым командиром которого был А.Д. Меншиков. Г.И. Орлов был лично известен Петру I и с гордостью носил на золотой цепи его портрет, подаренный самим императором.

Все было бы хорошо, но не везло Григорию Ивановичу в делах семейных: хотел он иметь потомство, да не дал ему Бог детей. Так и жил он с бесплодной женой пока та не умерла, оставив его бобылем. Было ему в ту пору пятьдесят два гола, но бурлила в нем кровь Орловых, и бесшабашная удаль не оставляла старика. Не оставляла его и надежда родить и взрастить детей. В 1733 году он женился на шестнадцатилетней красавице Лукерье Ивановне Зиновьевой, и она за восемь лет родила шестерых сыновей — Ивана, Григория, Алексея, Федора, Михаила и Владимира. Михаил умер в младенчестве, а остальные выросли красавцами и богатырями.

Женитьба заставила Орлова-отца выйти в отставку. Ему дали чин генерал-майора, но скоро призвали на статскую службу, предложив пост Новгородского губернатора. Он умер в этой должности в 1746 году на шестьдесят втором году жизни.⁴¹ В то время его старшему сыну было тринадцать лет, а младшему — три года. Оставшись одна, Лукерья Ивановна не смогла дать своим сыновьям хорошего воспитания, но вырастила их необычайно здоровыми, сильными и смелыми. Хорошо понимая, что будущее ее сыновей — в Петербурге, молодая вдова отправила четырех из них в столицу, а младшего оставила при себе. Старший — Иван — окончил Сухопутный шляхетский кадетский корпус и поступил в гвардию унтер-офицером. В 1749 году в корпус привезли и четырнадцатилетнего Григория, проявившего незаурядные способности к языкам и быстро овладевшего немецким и французским. Учился он всего год, а затем начал служить рядовым лейб-гвардии Се-

меновского полка, через семь лет был переведен в армию офицером и отправлен в действующую армию в Пруссию. 14 августа 1758 года в жестоком сражении под Цорндорфом Григорий Орлов был трижды ранен, проявив незаурядную храбрость и хладнокровие. Из-за отличного знания языков ему препоручили взятого в плен адъютанта Фридриха II графа Шверина, которого он отвез сначала на зимние квартиры в Кеннигсберг, а оттуда, по приказанию Елизаветы Петровны, — в Петербург.

Здесь Петр Иванович Шувалов, на беду себе, взял Григория Орлова в адъютанты. В двадцатипятилетнего красавца-адъютанта тут же влюбилась светская львица княгиня Елена Степановна Куракина, бывшая в ту пору любовницей Шувалова. Граф и генерал-фельдцейхмейстер не потерпел соперничества адъютанта и перевел его в гренадерский полк. Однако это не убавило популярности Григорию Орлову — он по-прежнему оставался в чести во всех гвардейских полках и при малом дворе, где ему особенно мироволил Петр Федорович. И, конечно же, не могла не обратить на Григория благосклонного внимания Екатерина Алексеевна, симпатизировавшая и его брату — Алексею, который четырнадцати лет поступил рядовым в лейб-гвардии Преображенский полк и вскоре стал там признанным коноводом молодежи, поскольку слыл самым сильным человеком в полку.

Алексей весил около 150 килограммов, сабельным ударом он отсекал голову быку. Ему не стоило труда раздавить яблоко между двумя пальцами или поднять карету вместе с пассажирами. Он был умен, хитер и необычайно храбр.

Четвертый из братьев — Федор — повторил путь Григория, поступив в Сухопутный шляхетский кадетский корпус, а затем — в Семеновский полк. Он участвовал в Семилетней войне, выделяясь неустрашимостью и отвагой. Скоро он, подобно своим старшим братьям, оказался в Петербурге, разделяя вместе с Григорием славу первого драчуна, повесы, кутилы и храбреца.

Особняком сложилась судьба младшего — Владимира. Он не служил ни в военной, ни в статской службе, а провел юность, отдавая предпочтение ботанике, агрономии и астрономии. В Петербурге он появился позже всех, и здесь прослыл среди братьев красной девицей.

Особой известностью выделились Алексей и Федор. Они постоянно соперничали с самым сильным человеком в Петербурге — Александром Мартыновичем Шванвичем — точнее Шванвицем, офицером-немцем.

Он был сыном преподавателя академической гимназии и переводчика с немецкого и латинского языков Мартина Шванвица, натурализовавшегося в России в последние годы царствования Петра I.

В 1727 году у Шванвица родился второй сын — Александр, крестной матерью которого стала восемнадцатилетняя Елизавета Петровна. Как и три его брата, Александр учился в академической гимназии, по окончании которой его зачислили в артиллерию, а через восемь лет — в ноябре 1748 года перевели гренадером в лейб-гвардию. Александр Шванвич был того же поля ягодой, что и братья Орловы: пьяницей, повесой и задирой.

Около 1752 года произошло событие, заставившее говорить о Шванвиче, Алексее и Федоре Орловых весь светский Петербург. Бесконечные выяснения, кто из них троих самый сильный, сопутствующие тому драки, заставили, наконец, соперников найти выход из положения. Было постановлено, что если Шванвич встретит где-либо одного из братьев, то встреченный беспрекословно ему подчиняется. А если Шванвич встретит двух Орловых вместе, то будет во всем повиноваться им. Однажды Шванвич зашел в трактир, где сидел Федор Орлов. Шванвич приказал Федору отойти от бильярдного стола и отдать ему кий. Затем он велел уступить место за трапезным столом и отдать вино и понравившуюся ему гулевую девицу. Федор, выполняя условия соглашения, повиновался, как вдруг в трактир вошел Алексей, и ситуация сразу же переменилась — теперь братья потребовали вернуть им бильярд, вино и девицу. Шванвич заартачился, но Орловы вытолкали его за дверь.

Шванвич затаился и стал поджидать братьев. Первым вышел Алексей, и Шванвич нанес ему палашом удар по лицу. Орлов упал, но рана оказалась не смертельной. (Впоследствии, когда Алексей Орлов вошел в историю как победитель турецкого флота в Чесменской бухте и стал графом Орловым-Чесменским, знаменитый скульптор Федот Иванович Шубин изваял из мрамора его бюст и запечатлел этот огромный шрам, идущий через всю щеку).

Братья Орловы не стали мстить Шванвичу за бесчестный поступок.

Чтобы распрощаться с А.М.Шванвичем, скажем только, что потом он служил на Украине, в Торжке, а в феврале 1765 года был пожалован чином секунд-майора и умер в 1782 году командиром батальона в Кронштадте. А его сын — подпоручик Михаил Александрович Шванвич — оказался одним из ближайших помощников Пугачева. Именно он стал для

А.С.Пушкина прототипом Швабрин в повести «Капитанская дочка» и действующим лицом в «Истории Пугачева» и «Замечаниях о бунте».

Героем дальнейшей повествования станет Григорий Орлов. Когда он с пленным графом Шверином появился в Петербурге, их поселили в доме придворного банкира Кнутцена рядом с Зимним дворцом. Это облегчало встречи Григория с Екатериной Алексеевной, которая влюбилась в красавца и силача, как утверждали, с первого взгляда. Екатерина тайно навещала своего нового любовника в доме Кнутцена и вскоре почувствовала, что беременна.

Положение осложнялось тем, что Петр Федорович давно уже пренебрегал своими супружескими обязанностями и делил ложе с кем угодно, только не с женой.

Скрывая от всех свою беременность, Екатерина, тем не менее, решила сохранить ребенка и родить его, чем бы ей это ни грозило. Первые пять месяцев — до конца 1761 года — хранить тайну было легко, из-за того что внимание большого и малого дворов было отвлечено ухудшавшимся состоянием здоровья Елизаветы Петровны и на Екатерину почти не обращали внимания.

НОВЕЛЛА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Последний год жизни императрицы

И вновь из-за непрекращающейся болезни Елизаветы Петровны в центре внимания двора стали вопросы престолонаследия. При дворе одни склонялись к тому, чтобы трон наследовал Петр III; другие, — чтобы императором объявить Павла Петровича, а соправителями при нем его родителей; третьи считали необходимым, регентшей назначить Екатерину Алексеевну, а Петра Федоровича отправить на родину — в Голштинию. Были и сторонники того, чтобы только Екатерина наследовала российский трон, ибо ее качества правительницы государства были очевидны по сравнению с Петром Федоровичем.

Здоровье Елизаветы Петровны тем временем продолжало ухудшаться, врачи давали ей лекарства, и она их принимала. Но когда те же врачи оделяли ее благими советами, требуя воздержания в пище и питье, она отмахивалась от целителей, как от надоедливых мух, и продолжала вести прежний образ жизни, отказавшись только от парадных обедов, балов и дворцовых выходов. Затем она вдруг впала в другую крайность, отказываясь от скромной пищи. В марте 1760 года ее врач Пуассонье приходил в отчаянье из-за того, что Елизавета Пет-

ровна, ссылаясь на Великий пост, отказывалась пить бульон, предпочитая греху, грозящую ей смерть от отека легких.

Тревожным сигналом, заставившим многих задуматься, долго ли осталось жить императрице, стал обморок 8 сентября 1758 года. В праздник Рождества Богородицы, в Царском селе, Елизавета Петровна во время службы в церкви почувствовала себя дурно, вышла на крыльцо и потеряла сознание. Рядом не было никого из ее свиты, а простые люди, оказавшиеся рядом, не смели подойти к царице. Когда, наконец, появились врачи, больная едва придя в себя, открыла глаза, но никого не узнала и невнятно спросила: «Где я?»

Несколько дней после этого Елизавета Петровна говорила с трудом и встала с постели лишь к концу месяца.⁴²

Нередко стали случаться у нее истерические припадки. Из-за невоздержанности в еде и всяческого отсутствия режима часто шла кровь носом, а потом открылись и незаживающие, кровоточащие раны на ногах. За зиму 1760-1761 годов она участвовала только в одном празднике, все время проводя в своей спальне, где принимала и портных и министров. Она и обеды устраивала в спальне, приглашая к столу лишь самых близких людей, так как шумные и многолюдные застолья уже давно утомляли больную императрицу, перешагнувшую пятидесятилетний рубеж. Пословица «Бабий век — сорок лет» в XVIII столетии понималась буквально, ибо тогда было иным восприятие возрастных реалий — двадцатилетняя девушка считалась старой девой, а сороколетняя женщина — старухой.

И хотя Елизавета Петровна всеми силами старалась казаться молодой, прибегая к услугам парикмахеров и гримеров, здоровья у нее от этого не прибавлялось. Внешне она казалась еще привлекательной, но на самом деле была серьезно больна и подобна развалине, искусно задекорированной умелым художником.

Елизавета Петровна почти весь последний год своей жизни пролежала в постели. В ноябре 1761 года болезнь резко усилилась, а с середины декабря медики уже не верили в ее выздоровление. Ее мучили приступы жестокого кашля и сильная, часто повторяющаяся рвота с кровью. Уже на смертном одре Елизавета Петровна, мостя собственной душе дорогу в царствие Небесное, амнистировала 13000 контрабандистов и 25000 должников, чьи долги были менее 500 рублей.

Соборовавшись и причастившись, но еще находясь в сознании, императрица передала безутешно плакавшему Ивану Ивановичу Шувалову, не покидавшему ее ни на минуту, ключ от шкатулки, где хранилось золото и драгоценности стоимостью в 300000 рублей.⁴³ Шувалов и прежде видел эту шкатулку

и знал о ее содержимом, но когда Елизавета Петровна умерла, он передал ценности в государственную казну.

Ненавидевший дом Романовых, генеалог и историк, князь Петр Владимирович Долгоруков, написал сто лет спустя, что 25 декабря 1761 года в четвертом часу дня «истомленная распутством и пьянством Елизавета скончалась на пятьдесят третьем году от рождения и дом Гольштейн-Готторпский вступил на престол всероссийский». ⁴⁴ И это было действительно так, ибо российский императорский дом с этих пор только назывался «Домом Романовых», но по крови он стал превращаться в чисто немецкий, ибо уже Анна Петровна русской была лишь наполовину. Петр Федорович — на одну четверть, а далее у императоров процент русской крови становился все меньше и меньше, ибо российскими императрицами были только немецкие принцессы.

Петр Федорович и Екатерина Алексеевна последние дни почти целиком проводили у постели умирающей. Как только Елизавета Петровна скончалась, из ее спальни в приемную, где собрались высшие чины империи, вышел старший сенатор, князь и фельдмаршал Никита Юрьевич Трубецкой и объявил, что ныне «государствует его величество император Петр III». ⁴⁵

Новый император тут же отправился в свои апартаменты, а у тела усопшей осталась Екатерина Алексеевна, которой Петр III поручил озаботиться устройством предстоящих похорон.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Товарищи бунчужного — помощники бунчужного, подчинявшиеся кроме него только гетману Украины и исполнявшие его поручения по военной, административной и дипломатической части. Бунчужный — одна из наиболее почетных должностей при гетмане Украины. В его обязанность входила защита бунчука — войсковой регалии, равнозначной войсковому знамени и гетманской булаве. Когда младший брат А. Г. Разумовского — Кирилл Григорьевич — стал гетманом Украины, то мужа его трех сестер (шурини) немедленно стали бунчуковыми товарищами.
- ² Гельбиг Г. Русские избранные. — С.231.
- ³ См.: Петров П.Н. История родов русского дворянства. — М., — 1991. — Т. I. — С.333—334.
- ⁴ См. Веретенников В.И. Очерки истории генерал-прокуратуры в России докаторининского времени. — Харьков, — 1915. — С.179.
- ⁵ Ключевский В.О. Сочинения. — М., — 1958. — Т. 4. — С.342.
- ⁶ Кондратьев И.К. Седая старина Москвы. — М., — 1893. — С.657.
- ⁷ См.: Андреев В.В. Представители власти в России после Петра I — Минск, — 1992. — С.147.
- ⁸ См. Бильбасов В.А. История Екатерины Второй. — Т. I. — С.20—21.

- 9 Записки Екатерины Второй. — СПб., — 1907. — С.236.
- 10 Там же. — С.240.
- 11 Там же. — С.444—445.
- 12 Там же. — С.135.
- 13 Глинка С. Очерки жизни и избранные сочинения Л. Сумарокова. — СПб., — 1841. — Ч. I. — С.10.
- 14 Карабанов А. Основание русского театра кадетами Первого кадетского корпуса. — СПб., — 1849. — С.13.
- 15 Там же. — С.15.
- 16 Там же. — С.12.
- 17 Записки Екатерины Второй. — С.328—329.
- 18 Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков (далее — Жизнь и приключения...). — СПб., — 1871. — Т. 2. — С.169.
- 19 Там же. — С.196.
- 20 Тургенев А. М. Записки. Былое. — Пг., 1919. — № 4. — С.80.
- 21 Записки Екатерины II. — С.338.
- 22 Там же. — С.363.
- 24 Былое. — Пг., 1919. — № 4. — С.79.
- 25 Там же. — С.85.
- 26 См.: Новый мир. — 1970. — № 5. — С.226—241.
- 27 Там же. — С.240—241.
- 28 Записки Екатерины II. — С.226.
- 29 Цит. по: Словарь русских писателей XVIII века. — Л., — 1988. — С.23.
- 30 Цит. по: Брикнер А. История Екатерины II. — М., — 1992. — Т. 2. — С.720.
- 31 Там же. — Т. I. — С.78.
- 32 См.: Записки Екатерины II. — С.392.
- 33 Там же. — С.383.
- 34 Переворот 1762 года. Сочинения и переписка участников и современников (Далее — Переворот 1762 г.). — М., — 1908. — С.3.
- 35 Там же. — С.19—20.
- 36 Там же. — С.159.
- 37 Русский биографический словарь (Далее — РБС.). — «Алексинский-Бестужев-Рюмин», — СПб., — 1900. — С.254.
- 38 Записки Екатерины II. — С.436.
- 39 Там же. — С.422.
- 40 Цит. по: Ковалевский П.И. Психиатрические эскизы из истории. — СПб., б.г. — Т. I. — С.21—22.
- 41 См.: Петров П.И. История родов русского дворянства. — М., — 1991. — Т. 2. — С.36—38.
- 42 См.: Записки Екатерины II. — С.421—422.
- 43 См.: Андреев В. В. Представители власти в России после Петра I. — С.122, 137.
- 44 Долгоруков П.В. Правда о России. — Париж, — 1861. — Ч. I. — С.234.
- 45 Осьмнадцатый век. Сб. — М., — 1863. — Кн. 4. — С.312.

Глава седьмая

ПЕТР III

НОВЕЛЛА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

Вольность и свобода дворянству

Вечером 25 декабря 1761 года Петр III, уже провозглашенный императором, учинил в куртажной галерее — традиционном месте проведения веселых придворных праздников — радостное пиршество, во время которого многие не скрывали ликования в связи со случившимся. И прежде всего сам Петр Федорович.

Первой важной переменной стала отставка генерал-прокурора князя Якова Петровича Шаховского и назначение на его место Александра Ивановича Глебова. По поводу этой перемены Екатерина заметила: «То есть слывающий честнейшим тогда человеком отставлен, а бездельником слывающий и от уголовного следствия спасенный Петром Шуваловым, сделан на его место генерал-прокурором».¹

Организацией похорон пришлось заниматься Екатерине Алексеевне, а Петр Федорович занимался другими делами: он переселил И.И.Шувалова из его покоев и разместился там сам, а Елизавете Воронцовой велел поселиться рядом. Все дни до погребения Елизаветы Петровны он ездил из дома в дом, праздную Святки и принимая поздравления с восшествием на престол, что не только изумляло, но и возмущало жителей Петербурга.

Екатерина, облаченная в черные одежды, делила свое время между церковными службами и устройством предстоящей церемонии погребения, она искренне опечалилась смертью императрицы. Это видели и окружающие.

Уже в самые первые дни царствования Петра III, Екатерина сумела тонко, ловко и умно выявить способности и качества души и характера, привлекая к ней сердца и умы лучших сановников и военных, ясно увидевших огромную разницу между новым императором и новой императрицей. Те же самые мысли и чувства вызвала Екатерина и у многочисленных дворцовых служителей, духовенства, солдат, сержантов и офицеров гвардии, наблюдавших за всем происходящим во

дворце, и, конечно же, делавших свои собственные заключения, не отличавшиеся, впрочем, от выводов, которые делали наиболее дальновидные и порядочные придворные.

25 января 1762 года, ровно через месяц после смерти, тело Елизаветы Петровны погребли в Петропавловском соборе.

На третий день после похорон, 28 января, Петр III ликвидировал Конференцию при высочайшем дворе, передав ее функции Сенату и Коллегии иностранных дел.

А еще через три недели, 18 февраля, обнарудовал самый значительный свой законодательный акт своего царствования — Манифест «О даровании вольности и свободы всему Российскому дворянству»², который историки потом сравнивали с Манифестом об освобождении крестьян, вышедший ровно через 99 лет 19 февраля 1861 года.

В манифесте отмечалось, что стараниями дворянства «истреблена грубость в нерадивых о пользе общей, переменилось невежество в здравый рассудок, полезное знание и прилежность к службе умножило в военном деле искусных и храбрых генералов, в гражданских и политических делах поставило сведущих и годных людей к делу..., а потому и не находим мы той необходимости в принуждении к службе, какая до сего времени потребна была». Манифест провозглашал: «отныне впредь на вечные времена и в потомственные роды жалуем всему Российскому благородному дворянству вольность и свободу»...³

Дворяне могли служить и в России, и в союзных ей европейских государствах, могли переходить из статской службы в военную и наоборот, свободно выезжать за границу и возвращаться обратно.

Особым пунктом дворянам вменялось в обязанность обучать своих детей, а те, у которых такой возможности не было, могли присылать их для воспитания за счет государства в Шляхетный кадетский корпус.

Этот манифест надолго пережил Петра III. Его основные положения вошли в «Грамоту на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства», изданную 21 апреля 1785 года Екатериной II.⁴ А затем его главные идеи просуществовали три четверти века.

Возникает вопрос: являлся ли Петр III автором или просто инициатором такого фундаментального законодательного акта? Историк, князь Михаил Михайлович Щербатов, в 1762 году служивший в гвардейском Семеновском полку в чине капитана и хорошо знавший придворные коллизии, сообщает в своем самом известном историко-публицистическом труде «О повреждении нравов в России», что автором манифеста

был секретарь Петра III Дмитрий Васильевич Волков, а история создания документа весьма курьезна.

Дело было в том, что Петр III незадолго перед тем увлекся одной из первых красавиц Петербурга княжной Еленой Степановной Куракиной, и ему нужно было улизнуть к ней хотя бы на одну ночь от опостылевшей ему Елизаветы Воронцовой, о которой Щербатов писал: «Имел государь любовницу — дурную (т.е. некрасивую) и глупую, графиню Воронцову, но ею, взошед на престол, доволен не был, а вскоре все хорошие женщины под вожделение его были подвергнуты. Утверждают, что Александр Иванович Глебов подвел падчерицу свою, Чоглокову, уже упомянутая выше княгиня Куракина была привожена к нему на ночь Львом Александровичем Нарышкиным, и я сам от него слышал, что бесстыдство ее было таково, что когда по ночевании ночи он ее отвозил домой поутру рано и хотел для сохранения чести ее, а более, чтобы не učinилось известно сие графине Елизавете Романовне, закрывши гардины ехать, она, напротив того, открывая гардины, хотела всем показать, что она с государем ночь переспала.

Примечательна для России сия ночь, как рассказывал мне Дмитрий Васильевич Волков, тогда бывший его секретарем. Петр III, дабы сокрыть от графини Елизаветы Романовны, что он в сию ночь будет веселиться с новопривозною, сказал при ней Волкову, что он имеет с ним сию ночь препроводить в исполнении известного им важного дела в рассуждении благоустройства государства. Ночь пришла, государь пошел веселиться с княгинею Куракиной, сказав Волкову, чтобы он к завтраму, какое знатное узаконение написал, и был заперт в пустую комнату с датскою собакою. Волков, не зная намерения государского, не знал о чем писать, а писать надобно. Но как он был человек догадливый, то вспомнил нередкие утверждения государю от Романа Ларионовича Воронцова о вольности дворянства. Седши, написал манифест о сем. Поутру его из заключения выпустили, и манифест был государем опробован и обнародован».⁵

Дворяне, встречаясь друг с другом не только в домах, но и на улицах, обнимались и плакали от радости. Популярность Петра III выросла невероятно. Почувствовав себя на гребне волны, ощущая поддержку первого сословия государства, император сделал следующий шаг, на который он едва ли бы решился до опубликования манифеста «О вольности дворянства».

21 февраля, через три дня, был опубликован еще один исключительно важный манифест «Об уничтожении Тайной розыскной канцелярии».⁶ Манифест объяснял, что Петр I, «мо-

нарх великодушный и человеколюбивый», учредил Тайную канцелярию из-за «тоглашних времен, обстоятельств и неисправленных еще в народе нравов». А, поскольку, на протяжении полувека «Тайная розыскных дел канцелярия всегда оставалась в своей силе, то злым, подлым и бездельным людям подавался способ, или ложными затеями протягивать вдаль (т.е. оттягивать, отсрочивать) заслуженные ими казни и наказания, или же злостнейшими клеветами обносить своих начальников или неприятелей». ⁷ Теперь же «если кто-либо, зная об оскорблении величества, или о государственной измене, хотел бы известить об этом власти, то надлежит ему явиться в суд, или к ближайшему воинскому начальнику, а если доноситель окажется прав, то отсылать его в Петербург, Москву или ближайший губернский город и там его отнюдь не пытатель, но действовать кротостью и увещанием». ⁸

Кроме этих манифестов вышло несколько законодательных актов, посвященных делам церкви: указ от 29 января разрешал всем, сбежавшим за границу раскольникам, возвращение в Россию и гарантировал свободное отправление их веры; указ от 1 февраля объявлял о прекращении следствий по делам раскольников-самосжигателей, причем местным властям предписывалось разъяснить всем староверам, что впредь никаких гонений их вере не будет и, в связи с этим, самосожжения теряют всякий смысл. Еще через шесть дней вышел указ «О защите раскольников от чинимых им обид и притеснений» и, наконец, 1 марта 1762 года — о секуляризации церковных и монастырских земель. По этому указу деревни и земли, ранее принадлежавшие церкви, переходили под управление государственных чиновников из отставных офицеров. Доходы с земель и деревень предписано было употреблять, как на содержание монахов, но строго по штату, так и на отставных солдат, а также на содержание инвалидных домов. Общее управление всеми новыми имениями осуществляла специально для того созданная Коллегия экономии, а вместо разных сборов был введен единый подушный налог — один рубль в год с души. Одновременно прекращались всякие дотации тем монастырям, которые не могли обеспечить сами себя, а во всех обителях повелено было «слуг и служебников оставить самое малое число, без которых по самой нужде быть не можно». ⁹ Не были забыты и монастырские крестьяне: устанавливалось, что, если монастырские служки взяли у крестьян лишнее, то надлежит «оное, с них взыскав, возвратить крестьянам немедленно». ¹⁰

Можно утверждать, что именно эти указы — о снисхождении к раскольникам и монастырским крестьянам — способст-

вовали потом популярности Пугачева, выдававшего себя за Петра III.

Тогда же эти указы больно били по монахам и белому духовенству, превращая их из собственников земли и крестьян в нахлебников государства, зависимых от произвола светской власти. К тому же новый император, в отличие от своей подчеркнуто благочестивой и преданной православию супруги, редко ходил в церковь, а если и оказывался в храме, то открыто глумился над обрядами православного богослужения. Он велел обрить попом бороды и остричь волосы, вынести из храмов все иконы кроме образов Христа и Богоматери. В Духов день, когда Екатерина вдохновенно и благоговейно молилась, Петр III расхаживал по церкви, громко разговаривая, будто он был не в храме, а в своих покоях, когда же все встали на колени, он вдруг захохотал и выбежал из церкви.

Все это, разумеется, сделало русское духовенство злейшим врагом Петра III. Прусский посланник барон Гольц писал Фридриху II, что духовенство направило императору коллективное послание, более похожее на декларацию, чем на прошение. В нем оно «жаловалось на насилие, причиненное ему этим указом (о секуляризации церковных имений), на странный относительно его (духовенства) образ действий, которого нельзя было бы ожидать даже от басурманского правительства». ¹¹

И еще один рескрипт нового императора привлек общественное внимание — о ликвидации лейб-кампании. Он назывался «О распределении корпуса Лейб-Кампании по другим местам» и предписывал почти всем лейб-кампанцам либо уйти в отставку, либо служить в отдаленных гарнизонах, либо перевестись в статскую службу. Из 412 человек 330 отправлялись в отставку, 36 — в статскую службу, остальные, как правило, с понижением в чине становились армейскими офицерами. И только 8 офицеров оставались в гвардии.

Место лейб-кампанцев в придворной и военной иерархии занимали верные Петру III голштинцы. Однако авторитета они не имели, и по-прежнему определяли погоду при императорском дворе офицеры лейб-гвардии — главная сила дворцовых переворотов. Распустить лейб-гвардию Петр III не решился.

НОВЕЛЛА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

«О, времена! О, нравы!..»

После вступления Петра III на трон распушенность нравов при дворе стала всеобщей. М.М.Щербатов писал: «Не токмо государь, угождая своему любострастию, тако благо-

родных женщин употреблял, но и весь двор пришел в такое состояние, что каждый почти имел незакрытую свою любовницу, а жены, не скрываясь ни от мужа, ни от родственников, любовников себе искали... И тако разврат в женских нравах, угождение государю, всякого рода роскошь и пьянство составляло отличительные черты и умоначертания двора, оттуда они уже разлились и на другие состояния людей...»¹²

Все это происходило на глазах сотен свидетелей и не только не прикрывалось, не пряталось от них, но и нагло выпячивалось, демонстрировалось с бравадой и дерзким вызовом.

Особенно гордился и хвастал своими многочисленными победами сам император, с удовольствием сообщая о них жене. Что же касается Екатерины, то она свою связь с Григорием Орловым хранила в глубочайшей тайне, и эта тайна становилась тем сокровеннее, чем ближе подходили роды. Таким образом, Екатерина предстала перед двором чистой и нравственной страдальницей, а Петр Федорович выглядел этаким козлоногим сатиром, сексуальным маньяком и беспробудным пьяницей.

Однако же, в доме банкира Кнутцена скрывалась не только эта тайна.

Григорий Орлов и два его брата — Алексей и Федор — все чаще стали поговаривать о том, что престол должен принадлежать Екатерине и надобно от слов переходить к делу — готовить гвардию к перевороту.

Настроения такого рода исходили не только от них. Еще в декабре 1761 года, когда дни Елизаветы Петровны уже были сочтены, с Екатериной Алексеевной имел доверительный разговор воспитатель Павла Петровича граф Никита Иванович Панин. Он сказал, что Петра Федоровича следует отрешить от наследования трона, короновав его малолетнего сына, и поручить регентство ей. А в день кончины Елизаветы Петровны к Екатерине приехал капитан гвардии князь Михаил Иванович Дашков, женатый на племяннице Н. И. Панина — Екатерине Романовне Воронцовой, родной сестре фаворитки Петра Елизаветы, — и сказал: «Повели, мы тебя взведем на престол».

Тогда Екатерина отказалась, понимая, что такого рода предприятие не совершается экспромтом и его следует тщательно и надежно готовить. Однако мысли об этом не оставляли ее ни на минуту: она понимала, что у нее нет выхода — Петр Федорович либо заточит ее в тюрьму, либо насильно пострижет в монастырь, чтобы затем немедленно жениться на Елизавете Воронцовой и вместе с ней короноваться на царство.

А тем временем роды приближались, и Екатерина не знала, что делать: при родах она станет кричать и дворцовые слуги или придворные тотчас же донесут о случившемся императору. Она поделилась своими страхами с одним из наиболее доверенных слуг — камердинером Василием Григорьевичем Шкуриным.

Когда Екатерина приехала в Петербург, он служил истопником в ее апартаментах в Зимнем дворце и с самого начала сумел завоевать ее симпатии и доверие. Шкурин свято хранил тайны своей госпожи и потворствовал ее роману с Григорием Орловым.

За несколько дней до родов Екатерина сказала Шкурину, что боится, как бы крики и стоны во время родов не услышал Петр Федорович. На что Шкурин сказал:

— Чего бояться, матушка? Ты уж дважды рожала. Родишь и в третий — дело бабье. А что касаясь до государя, то я так сделаю, что его в тот момент во дворце не будет.

— Не много ли на себя берешь, Вася? — усомнилась Екатерина. — Петр Федорович все же император, как ты его спроводишь?

— Не сомневайся, матушка. Как я сказал, так тому и статья, — ответил камердинер.

На следующее утро Шкурин пришел во дворец со своим двенадцатилетним сыном Сергеем и сказал Екатерине, что приехали они сюда о двуконь и кони их стоят рядом с дворцом, у коновязи возле кордегардии, на Миллионной улице.

— Сына, матушка, я оставлю здесь. А ты вели ему постелить где-нибудь в соседней комнате. И как тебе пристанет, как почувствуешь, что вот-вот начнется, скажи ему, что он тебе более тебе не надобен. И пусть скачет домой, поелику можно быстрее, а о том мне скажет. А я знаю, как свое дело делать...

Затем Шкурин сказал Екатерине, где его искать, и с тем уехал, а мальчик остался. Шкурин жил на самой окраине Петербурга в большой бревенчатой избе с женой, сыном и двумя дочерьми. Приехав, Василий Григорьевич вывез весь домашний скарб, отправил жену и дочерей на другую улицу, где жили его родственники, а сам, запершись в пустой избе, стал заниматься тем делом, которое и задумал. Сотворив все, что надобно, он лег на пол и заснул. Проснулся Шкурин от того, что услышал под окном конский топот и тут же увидел, как с седла слетел сын. Шкурин вышел к нему и спросил:

— Как государыня?

— Велели скакать во весь дух и сказать, что я более им не надобен, — выпалил мальчик.

— Садись на коня и поезжай к мамке и сестрам, — велел Шкурин, объяснив и то, где они находятся.

Мальчик уехал, а Василий Григорьевич быстро оседлал коня, затем вернулся в избу и вскоре снова показался во дворе. Перекрестившись, Шкурин вскочил в седло и рысью выехал за ворота. Оглянувшись через несколько минут назад, Шкурин увидел над своим домом струйки дыма...

Шкурин сам поджег свою избу, основательно все к тому подготовив. Она горела хорошо — медленно, но верно, выкидывая снопы искр и облака черного дыма. Недаром, видать, был Шкурин долгие годы истопником во дворце — знал толк в том, как надежно разжечь хороший огонь.

Расчет его был прост. Он знал, что Петр Федорович в городе и что по заведенному порядку, как только петербургский обер-полицмейстер получит сообщение о пожаре, то тут же помчится конный полицейский офицер известить государя, где и что горит. И государь прикажет немедленно ехать на пожар, ибо хотя и было Петру Федоровичу за тридцать — детская страсть к созерцанию пожаров засела в нем навечно.

Замысел Шкурина оправдался. В то время, как он скакал к центру города, навстречу ему попала карета государя, запряженная шестериком и несшаяся во весь опор по направлению к пожару.

Когда Шкурин вошел в опочивальню Екатерины, он услышал тонкий и неуверенный детский крик. Екатерина лежала на постели счастливая и обессиленная. Заметив Шкурина, она чуть-чуть улыбнулась и тихо проговорила: «Мальчик».

Было 11 апреля 1762 года. Бабка-повитуха, принимавшая роды, ловко запеленала младенца и вместе со Шкуриным, никем не замеченная, осторожно вышла из дворца. Ребенка они унесли с собой.

А Петр Федорович в это время сидел в карете и с замиранием сердца следил, как крючники растаскивают баграми горящие бревна, как в облаках дыма и пара дюжие мужики тянут от бочек с водой заливные трубы, усмиряя бушующий огонь.

Сына Екатерины Алексеевны и Григория Орлова назвали Алексеем. Екатерина купила для него в Епифанском уезде Тульской губернии село Бобрики, доходами с него предстояло обеспечить жизнь и воспитание мальчика, соответственно фамилию ему дали — Бобринский.

Первые двенадцать лет прожил он в доме у Василия Шкурина, воспитываясь вместе с его детьми — Сергеем, Марией и Натальей, благодаря чему они получили прекрасное домаш-

нее образование. В 1775 году вместе со своим названным братом они поехали за границу. Бобринский закончил Сухопутный кадетский корпус, получив при выпуске малую золотую медаль и чин поручика, а затем уехал в длительное путешествие по России и Европе. Путешествие продолжалось три года, в течение которых молодой человек побывал в Поволжье, на Урале, Украине, в Австрии, Италии, Швейцарии, Франции и Англии. По возвращении в Россию, повелением Екатерины его поселили в Ревеле. Екатерина редко позволяла своему сыну навещать ее, и он почти безвыездно жил в своем замке Обер-Пален. Судя по всему, Екатерина довольно прохладно относилась к сыну, впрочем, как и к другим своим детям, о которых речь впереди.

Когда Екатерина умерла, вступивший на престол Павел, доводившийся Бобринскому братом, возвел Алексея Григорьевича в графское достоинство, а в день коронации присвоил и чин генерал-майора конной гвардии. Последнее обстоятельство косвенно подтверждает, что Екатерина не любила сына, ибо Павел спешил облагодетельствовать тех, кого считал обиженными матерью.

Тридцати шести лет Алексей Бобринский вышел в отставку и поселился в одном из своих имений — Богородицке. С годами Бобринский превратился в тихого помещика-домоседа, занимавшегося чтением книг по астрономии, ботанике и минералогии и увлекавшегося астрономическими наблюдениями, чем сильно напоминал своего младшего дядю по отцу — Владимира Григорьевича Орлова.

Племянника и дядю сближало и родство по морганатической линии: Бобринский женился на остзейской баронессе Анне Владимировне Унгерн-Штернберг, а женою В.Г. Орлова стала ее близкая родственница баронесса Елизавета Ивановна Штакельберг.

Умер Бобринский в Богородицке 20 июня 1813 года, оставив трех сыновей — Алексея, Павла и Василия. Все они также оставили после себя многочисленных сыновей, подобно тому, как их дед и бабка по мужской линии подарили России пятерых богатырей — братьев Орловых. Среди потомков Алексея Бобринского были генералы и администраторы, ученые и юристы, крупные предприниматели и политические деятели.

Что же касается Шкурина, то Екатерина сумела по-царски отблагодарить его — две дочери Василия Григорьевича стали фрейлинами, а сам он в конце жизни — действительным камергером, тайным советником и гардеробмейстером императрицы.¹³

НОВЕЛЛА ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

Небезосновательные слухи

А тогда все случившееся удалось сохранить в совершеннейшей тайне, тем более что внимание двора было привлечено к другим событиям.

Весной в Петербурге объявились опальные вельможи — Бирон и Миних. Герцог Курляндский въехал в Петербург в роскошной карете, шестериком, в мундире обер-камергера, с Андреевской лентой через плечо. Миних — в фельдъегерской повозке, в мужицкой сермяге и старых сапогах. Направляясь в столицу, старый фельдмаршал не знал, что в Петербурге у него остался сын, и когда у въезда в город его встретили тридцать три родственника и стали обнимать и целовать его, Миних заплакал в первый и последний раз в своей жизни.

Миниха и Бирона не видели в Петербурге двадцать лет, но память и о том и о другом хорошо сохранилась. Потому их внезапный приезд вызвал опасения в усилении немецкой партии. Однако скоро стало ясно, что опасения напрасны, так как и Бирон и Миних продолжали непримиримо враждовать друг с другом.

Когда они впервые оказались в Зимнем дворце за одним столом, Петр III подошел к старикам и сказал:

— А вот, два старых, добрых друга — они должны чокнуться...

Петр сам налил им вина и протянул бокалы. Но вдруг к императору подошел его генерал-адъютант Андрей Васильевич Гудович и, что-то прошептав ему на ухо, увел Петра в соседнюю комнату.

Как только Петр и Гудович вышли из зала, Бирон и Миних поставили бокалы на стол и, обменявшись злобными взглядами, повернулись спинами друг к другу.

Как оказалось, Гудович предупредил императора о готовящемся дворцовом перевороте в пользу Екатерины, но Петр не придавал этому значения, хотя генерал-адъютант долго убеждал его в достоверности сообщения и крайней необходимости в энергичных мерах.

А слухи эти не были безосновательны. Роспуск Лейб-кампании гвардейцы восприняли, как сигнал опасности. Многие из них считали, что скоро наступит черед и лейб-гвардии, поскольку во дворец пришли и прочно там обосновались офицеры-голландцы — незаменимые сотрапезники и собутыльники Петра III. Они же были внедрены во все гвардейские полки и стали там преподавателями фрунта и экзерциций. Они

уже учили русских генералов и даже фельдмаршалов «тянуть носок» и «держатъ ножку».

Гвардию переодели в мундиры прусского образца и по много часов в день гоняли по плацу, на вахт-парадах и смотрах. Гвардейцы были раздражены, унижены, озлоблены. Особенно бурное негодование овладело ими, когда был заключен мир с Пруссией. 24 апреля 1762 года канцлер М.И.Воронцов, с русской стороны, и прусский посланник в Петербурге, адъютант Фридриха II, полковник и действительный камергер барон Бернгард-Вильгельм Гольц подписали «Трактат о вечном между обоими государствами мире». Трактат начинался с утверждения о пагубности войны и «печальном состоянии, в которое приведены толико народов и толико земель», раньше живших в мире и дружбе. Искренне желая мира, Петр III и Фридрих II заявляли, что «отныне будет вечно ненарушимым мир и совершенная дружба» между Россией и Пруссией. Россия брала на себя обязательство никогда не воевать с Пруссией и «принимать участие в войне его величества короля Прусского с неприятелями его», обязывалась в течение двух месяцев вернуть Фридриху II все захваченные у него «земли, города, места и крепости». ¹⁴

Еще один трактат был подписан Воронцовым и Гольцем через полтора месяца — 8 июня 1762 года. ¹⁵ В нем шла речь об оборонительном союзе России и Пруссии и впервые говорилось о защите православных и лютеран, проживающих в Литве и Польше, обоими государствами-гарантами, что в дальнейшем привело к трем разделам Речи Посполитой.

Разумеется, что подписание трактатов не обошлось без грандиозных пиров. Присутствовавший на них французский посланник писал в своем донесении в Париж: «Все видели русского монарха утопающим в вине, не могущего ни держаться, ни произнести ни слова и лишь бормочущего министру-посланнику Пруссии пьяным тоном: «Выпьем за здоровье нашего короля. Он сделал милость поручить мне полк для его службы. Я надеюсь, что он не даст мне отставки. Вы можете его заверить, что если он прикажет, я пойду воевать в ад». ¹⁶

А дело было в том, что по случаю подписания мира Фридрих II произвел русского императора в прусские генерал-майоры и дал ему под команду полк. Это событие стало главной темой застольных выступлений Петра III. Их нелепость была настолько очевидной, что Кирилл Разумовский, не выдержав заметил: «Ваше величество с лихвою может отплатить ему — произведите его в русские фельдмаршалы». ¹⁷

Во время пира Петр III предложил тост за августейшую фамилию. Все встали. Одна Екатерина продолжала сидеть.

Петр послал генерал-адъютанта Гудовича спросить ее, почему она позволяет себе такое поведение?

Екатерина ответила, что так как августейшая фамилия, это — император, она сама и их сын, то пить ей стоя не подобает. Петр, выслушав ответ, закричал через весь стол: «Дура!» Екатерина заплакала. Вечером Петр приказал арестовать ее. Свет на этот эпизод проливают заметки, сделанные Екатериной II на полях книги аббата Денина «Опыт о жизни и царствовании Фридриха II, короля прусского», вышедшей в Берлине в 1788 году. Аббат Денин — высокообразованный историк и литератор, впоследствии библиотекарь Наполеона Бонапарта, был осведомлен и о русских делах. Эту книгу прочла и Екатерина II и оставила на ее полях заметки, касающиеся некоторых эпизодов, там описанных.

Денин писал, что Петр III «заставил императрицу, свою супругу, украсить графиню Воронцову Екатерининскою лентою. Императрица, естественно, была задета этим за живое».

Екатерина II оставила против этого фрагмента следующую запись: «Никогда не заставлял он императрицу возлагать на графиню Воронцову Екатерининскую ленту, а потрудился возложить собственноручно. Он хотел на ней жениться и в тот самый вечер, как возложена была лента, приказал адъютанту своему князю Барятинскому арестовать императрицу в ее покоях. Испуганный Барятинский медлил исполнением и не знал как ему быть, когда в прихожей повстречался ему дядя императора, принц Георгий Голштинский. Барятинский передал ему, в чем дело. Принц побежал к императору, бросился перед ним на колени и насилу уговорил отменить приказание». ¹⁸

НОВЕЛЛА ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

Кружева заговора

И хотя на этот раз все кончилось благополучно, Екатерина понимала, что Петр Федорович не оставит мысли расправиться с ней, и решила принять контрмеры. Самой кардинальной мерой могло быть лишение Петра III престола.

А тучи нависали не только над Екатериной. Во-первых, Петр III отдал приказ корпусу З.Г.Чернышова, который совсем недавно брал Берлин, идти в Австрию и стать там под начало прусского главного командования для совместной борьбы с австрийцами — вчерашними союзниками русских. Во-вторых, была объявлена война Дании в защиту интересов Голштинии. Вторая война казалась не менее нелепой, чем первая, ибо речь шла о борьбе за кусок болота — так, во всяком случае

по российским масштабам, воспринимался спор по поводу крохотного клочка приграничной территории с Шлезвигом.

Мир с Пруссией, война с Австрией и Данией, твердое намерение Петра III отправить в Данию гвардейские полки, возмутили гвардейцев, большинство двора, и сделали вопрос о свержении ненавистного всем императора практической задачей.

Главным действующим лицом готовившегося заговора стала Екатерина. Она одна знала всех его участников, но позволяла каждому из них знать только то, что касалось непосредственно того круга лиц, в который тот входил сам. Екатерина никому не сообщала ни стратегии задуманного предприятия, ни тактических приемов и частностей, какими все это дело медленно, но неуклонно продвигалось вперед.

Гнездом заговорщиков стал дом банкира Кнутцена, где квартировал Григорий Орлов. К нему часто наведывались Алексей и Федор, служившие в Преображенском и Семеновском полках. Каждый из них исподволь пропагандировал солдат и офицеров своего полка в пользу Екатерины, распространял слухи, в свете которых она выглядела благодетельницей России, средоточием разума, доброты и правды, а ее муж — слабоумным монстром, врагом дворянства и ненавистником гвардии. Рассказы эти подкреплялись небольшими безвозвратными денежными субсидиями, которые Алексей и Федор давали гвардейцам от имени Екатерины.

О происхождении этих денег братья ничего не знали, Екатерина же получила их через своего агента Одара от купца — англичанина Фельтена. Предоставленный ей кредит составлял 100000 рублей.

Наиболее распропагандированным в пользу Екатерины оказался третий лейб-гвардейский полк — Измайловский, где служили пять офицеров, вовлеченных в заговор с первых дней его подготовки.

Активным участником заговора стал уже упоминавшийся капитан гвардии, князь М.И. Дашков. За ним стоял его дядя по матери — Никита Иванович Панин, воспитатель цесаревича Павла. Панин был сторонником аристократической олигархии, ограничивавшей абсолютное самодержавие, и планировал создать регентский совет во главе с Екатериной для управления государством после свержения Петра III.

Об этом Панин сугубо конфиденциально поделился с Екатериной, но разговор поначалу не получил никакого развития. И все же Панин не оставлял увлекавшей его идеи, беспокоясь за судьбу своего семилетнего воспитанника, которого он искренне любил. Панин понимал, что если Екатерина

попадет в крепостной каземат, то рядом с ней окажется и Павел, ибо Петр Федорович не считал его своим сыном.¹⁹

Заговор созрел, но Панин на первых порах не был вовлечен в него. Меж тем одну из первых ролей в подготовке рискованного и опасного предприятия стала играть жена князя М.И. Дашкова — Екатерина Романовна. Ее отцом был граф Роман Илларионович Воронцов, а великий канцлер Михаил Илларионович Воронцов — дядей.

А о старшей сестре Екатерины Романовны — любовнице Петра III Елизавете Романовне — мы уже знаем.

Близость родителей Екатерины Романовны к императорской фамилии послужила причиной того, что ее крестной матерью была Елизавета Петровна, а крестным отцом — Петр Федорович. Воспитывалась она в доме дяди М.И. Воронцова вместе с его дочерью, получила блестящее образование и на всю жизнь сохранила страстную привязанность к наукам и книгам.

Об ее любви к чтению узнал Иван Иванович Шувалов и стал присылать любознательной девочке книги из своей богатой библиотеки. Потом считалось, что в России среди женщин по начитанности и образованности не было равных Е.Р. Дашковой и самой Екатерине Алексеевне. Именно этот интерес сблизил двух женщин, когда Дашкова познакомилась в начале 1759 года с Великой княгиней Екатериной Алексеевной, захавшей поужинать к М.И. Воронцову. Вспоминая об этой первой встрече с Екатериной, Дашкова писала: «Мы почувствовали взаимное влечение друг к другу, а очарование, исходившее от нее, в особенности, когда она хотела привлечь к себе кого-нибудь, было слишком могущественно, чтобы подросток, которому не было и 15 лет мог противиться, и я навсегда отдала ей свое сердце... Великая княгиня осыпала меня своими милостями и пленила своим разговором. Возвышенность ее мыслей, знания, которыми она обладала, запечатлели ее образ в моем сердце и в моем уме, снабдившем ее всеми атрибутами, присущими богато одаренным натурам. Этот длинный вечер, в течение которого она говорила почти исключительно со мной одной, промелькнул для меня, как одна минута. Он и стал первоначальной причиной многих событий...»²⁰

Шестнадцати лет Екатерина Романовна вышла замуж за штабс-капитана Преображенского полка, красавца и великана, князя Михаила Ивановича Дашкова, матерью которого была Анастасия Михайловна Леонтьева — племянница матери Петра I Натальи Кирилловны Нарышкиной. Таким обра-

зом М.И.Дашков доводился Петру I двоюродным внучатым племянником.

За два года у Дашковых родились дочь и сын, но это не помешало Екатерине Романовне много читать и вести светскую жизнь. Летом 1760 года она еще более сблизилась с Екатериной Алексеевной. Дашкова установила тесные отношения и с родственниками мужа — Еверлаковыми, Леонтьевыми и Паниными.

Ночью, в канун смерти Елизаветы Петровны, Дашкова, больная, тайно проникла во дворец и сказала Екатерине, что она будет верна ей до конца, разделит с нею любые тяготы и пойдет ради нее на любые жертвы.

После того, как на обеде в честь подписания мира с Пруссией, произошел скандал, Екатерина Алексеевна начала расширять круг заговорщиков. Орловы и Дашковы втянули в комплот еще нескольких гвардейских офицеров: преображенцев, капитанов П.В.Пассека, М.Е.Баскакова, С.А.Бредихина, Е.А.Черткова, поручика князя Ф.С.Барятинского, конногвардейца, секунд-ротмистра Ф.А.Хитрово, братьев-измайловцев — премьер-майора Н.И.Рославлева и капитана А.И.Рославлева и других. В заговор был вовлечен и командир Измайловского полка К.Г.Рузмовский. Сама Дашкова открылась графу Н.И.Панину и его племяннику князю, генералу Н.В.Репнину. К заговору примкнул возвратившийся в Петербург с театра военных действий князь, генерал Михаил Никитич Волконский.

Многие заговорщики были связаны друг с другом родством и свойством, особенно Дашковы и Воронцовы. Кроме военных в заговор вовлекли директора Академии наук Григория Николаевича Теплова, авторитетного иерарха церкви — архиепископа Новгородского и Великолуцкого Димитрия (Сеченова).

В то время, как заговор набирал силу, Петр III вел себя по-прежнему. Дашкова писала о нем: «Поутру быть первым капитаном на вахтпараде, затем плотно пообедать, выпить хорошего бургундского вина, провести вечер со своими шутами и несколькими женщинами и исполнять приказания прусского короля — вот что составляло счастье Петра III, и все его семимесячное царствование представляло из себя подобное беспорядочное существование изо дня в день, которое не могло внушать уважение».²¹

Вместе с тем, атмосфера становилась все более напряженной. Пассек даже просил у Екатерины согласия на убийство Петра III. Он и М.Е.Баскаков подстерегали императора с кинжалами около домика Петра Великого в парке на правом бе-

регу Невы, на Петровской набережной, где император любил вечерами прогуливаться с Елизаветой Воронцовой. Часто Петр оставался там ночевать со своею возлюбленной. Заговорщики продумали и другой вариант покушения — ворваться в домик ночью и арестовать императора, а если будет сопротивляться, то заколоть. Причем, ни в коей мере не связывать убийство с императрицей, представив этот акт, как их собственную инициативу, согласную с волей народа.

Однажды ночью Дашкову разбудил ее троюродный брат князь, генерал Репнин и сказал, что он только что был у императора и при нем Петр III наградил Елизавету Воронцову орденом Святой Екатерины. До сих пор этим орденом награждались только особы императорской фамилии и иностранные принцессы, а так как Елизавета Воронцова иностранной принцессой не была, то не оставалось предполагать ничего иного кроме того, что она займет место в императорской фамилии.

Такой поворот событий показался Репнину угрожающим, и он не преминул уведомить о том свою кузину.

Вскоре после этого, 27 июня 1762 года, в Преображенском полку один из солдат, знавший о готовящемся заговоре, рассказал об этом капитану П.И.Измайлову, думая, что тот на стороне заговорщиков. Солдат не знал, что Измайлов — один из преданнейших Петру III офицеров, и потому предательство было совершено им по неведению.

Измайлов тут же доложил о том, что узнал, и первым из заговорщиков был арестован капитан Пассек. Об аресте тотчас же сообщил Дашковой Григорий Орлов.

В это время Екатерина Алексеевна находилась в Петергофе и Дашкова опасалась, что если Пассек на допросе расскажет об участии императрицы в заговоре, то ее тут же арестуют. Предупреждая такой оборот событий, Дашкова послала жене камердинера Шкурина записку, чтобы та отправила в Петергоф наемную карету и сообщила бы своему мужу, сопровождавшему императрицу, что эту карету надлежит держать наготове, не выпрягая лошадей, чтобы государыня в случае опасности могла немедленно воспользоваться ею.

Отправив записку, Дашкова накинула офицерскую шинель и поспешила к братьям Рославлевым, жившим неподалеку от ее дома.

По дороге ей встретился мчавшийся во весь опор Алексей Орлов. Он уже побывал у Рославлевых и ехал к ней, чтобы сообщить об аресте Пассека. Дашкова сказала, что она все знает, а теперь следует всем офицерам-измайловцам поспешить в свой полк и ждать там императрицу, ибо именно Измайлов-

ский полк стоит ближе всех к Петергофу и Екатерина, выехав оттуда, может рассчитывать прежде всего на поддержку и защиту измайловцев.

«За несколько часов до переворота, — писала потом Е. Р. Дашкова, — никто из нас не знал, когда и чем кончатся наши планы; в этот день был разрублен гордиев узел, завязанный невежеством, несогласием мнений насчет самых элементарных условий готовящегося великого события, и невидимая рука провидения привела в исполнение нестройный план, составленный людьми, неподходящими друг к другу, недостойными друг друга, не понимающими друг друга, и связанными только одной мечтой, служившей отголоском желания всего общества.»²²

НОВЕЛЛА ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

Изложение императора

В ночь на 27 июня Алексей Орлов примчался в Петергоф. Он знал, что Екатерина не живет во дворце, чтобы лишний раз не встречаться с Петром III, бывавшем там наездами. Императрица поселилась в отдаленном от дворца павильоне на берегу канала, впадающего в Финский залив. Под окном ее спальни стояла большая лодка, на которой в крайнем случае она могла уйти в Кронштадт или спрятаться на берегу, если будут перекрыты дороги.

Орлов вывел Екатерину из опочивальни и посадил в карету, присланную Шкуриным. Карета, запряженная восьмериком, понеслась в Петербург. Ворвавшись в расположение Измайловского полка, экипаж Екатерины остановился. Ей навстречу выскакивали полуодетые солдаты и офицеры. Вскоре появился священник и принял от измайловцев присягу на верность Екатерине. Она же, беспомощно протянув к ним руки, с дрожью в голосе говорила, что император приказал убить ее и сына и что убийцы уже гонятся за ней по пятам.

Измайловцы, негодуя, кричали, что все готовы погибнуть за нее и цесаревича Павла.

В это время появились в полку титулованные сторонники Екатерины: генерал-аншеф князь Н. Н. Волконский, П. И. Шувалов, двоюродный брат бывшего канцлера опального Бестужева-Рюмина адмирал И. Л. Талызин, бывший близким родственником и братьев Паниных, графы Строганов и Брюс, чьи красавицы-жены находились возле Петра III в Ораниенбауме и своим поведением там дали повод мужьям требовать развода. Так что у прозелитов Екатерины было много причин к глубокой личной неприязни к Петру III.

Вслед за измайловцами Екатерине присягнули семеновцы и преображенцы. В Преображенском полку под арестом находился Пассек, когда пришли его освобождать, он подумал, что это — хитрая инсценировка, и что на самом деле его выпускают только для того, чтобы проследить, к кому он пойдет, а затем выявить и других, связанных с ним участников заговора, и он отказался выходить с гауптвахты. Последними принесли присягу артиллеристы. К 9 часам утра Екатерина, окруженная десятитысячной толпой солдат и офицеров, подъехала к Казанскому собору, куда Н. И. Панин привез и цесаревича Павла.

У собора собрались многие жители Петербурга — ремесленники, мещане, купцы, чиновники, духовенство. Это стихийно возникшее собрание чем-то напоминало вече и представлялось общенародным форумом, единогласно приветствовавшим Екатерину.

На глазах у всех этих людей архиепископ Новгородский и Великолуцкий Димитрий провозгласил Екатерину самодержавной императрицей, а Павла — наследником престола.

После этого Екатерина возвратилась в Зимний дворец и начала диктовать манифесты. В первом из них, от 28 июня 1762 года, говорилось, что Петр III поставил под угрозу существование государства и православной церкви, унизил славу России, «возведенную на высокую ступень своим победоносным оружием».²³

Однако императрице пришлось прервать законотворчество, поскольку Петр III оставался в Ораниенбауме в окружении верных ему голштинцев, а рядом с ним находился верный и храбрый фельдмаршал Миних. Нужно было прежде всего ликвидировать это опасное гнездо, а затем уже заниматься государственными делами. Екатерина, оставив перо, чернила и бумагу, вышла навстречу духовенству, которое прибыло во дворец, чтобы совершить обряд миропомазания. Перед тем священники медленно и торжественно прошли по площади, на которой ровными шеренгами уже стояли тысячи солдат и офицеров при оружии и в полной амуниции.

После церемонии миропомазания Екатерина вышла на Дворцовую площадь в гвардейском мундире, с голубой лентой ордена Андрея Первозванного через плечо. Ей подвели коня, и она легко и грациозно взлетела в седло. Вот, когда пригодились ей многочасовые уроки верховой езды! На другого коня села княгиня Дашкова, тоже в гвардейском мундире и ее из-за стройности приняли за юного офицера.

Екатерина объехала выстроившиеся на площади полки и приказала им пройти мимо фасада дворца церемониальным

маршем, а сама вернулась в Зимний. Распахнув окно, она встала в проеме с высоко поднятым бокалом вина, показывая, что пьет за их успех и здоровье. Проходящие полки ревели «ура!» и, весело разворачиваясь и перестраиваясь в походные колонны, направлялись к Петергофу.

Площадь еще не опустела, когда Екатерина уже вновь была на коне и, обогнав двенадцатитысячную колонну, повела ее вперед. В нескольких верстах за городом к колонне примкнул трехтысячный казачий полк, а потом присоединялись все новые роты, эскадроны и батальоны.

На ночь войска разбили бивак, а Екатерина и Дашкова переночевали в пригородном трактире, заснув на единственной, имевшейся там, кровати.

Утром следующего дня двадцатитысячная армия Екатерины вошла в Петергоф. Город был пуст, так как голштинцы загодя отошли к Ораниенбауму.

Прежде, чем к Петергофу подошли главные силы Екатерины, туда в 5 часов утра примчался гусарский отряд под командованием Алексея Орлова. Голштинцев перед городом уже не было, а гусары Орлова увидели на окраинах Петергофа толпы крестьян, вооруженных вилами и косами, которых пригнали туда по приказу Петра III для борьбы с узурпаторшей Екатериной. Увидев скачущих на них гусар с обнаженными палашами, крестьяне разбежались, и отряд Орлова совершенно беспрепятственно вошел в Петергоф.

Вскоре на улицы города вступила армия Екатерины.

Большой Петергофский дворец превратился в военную ставку. Десятки сановников и придворных, еще большее число офицеров и генералов сновали по многочисленным комнатам и залам. У дверей в апартаменты Екатерины, у всех входов и выходов стояли часовые, по коридорам бегали посыльные и курьеры. И едва ли не больше всех носилась из конца в конец дворца Дашкова. Ее знали уже почти все и беспрепятственно пропускали в любые покои. Возвращаясь из комнат голштинской принцессы — родственницы Екатерины, Дашкова вошла в покои императрицы.

Каково же было ее удивление, когда она вдруг увидела Григория Орлова, лежавшего на канapé и вскрывавшего толстые пакеты. Такие она видела в кабинете своего дяди-канцлера, и знала, что они поступают из кабинета его императорского величества. Дашкова спросила Орлова, что он здесь делает.

— Императрица повелела мне открыть их, — ответил Орлов.

Дашкова удивилась увиденному и выразила сомнение в том, что Орлов что-нибудь поймет в этих бумагах.

Затем она побежала дальше, а возвратившись, увидела возле канапе, где лежал Орлов, стол, сервированный на три куверта. Вышедшая к ним Екатерина пригласила ее и Орлова к столу.

По поведению императрицы и Орлова во время обеда Дашкова поняла, что они — любовники. С этого момента стремление первенствовать сделало сотрапезников Екатерины непримиримыми соперниками, а победителем в этом противоборстве в конце-концов оказался Григорий Орлов.

НОВЕЛЛА ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

*Переполах в Петергофе, Ораниенбауме
и Кронштадте*

В Петербурге нашелся только один человек, решившийся уведомить Петра III о совершившемся здесь государственным перевороте. Это был парикмахер императора, подданный княжества Монако, француз Брессан. Он передел своего слугу в крестьянскую одежду, дал ему записку для Петра III, посадил на мужицкую телегу и велел ехать в Петергоф. Едва посланец переехал мост, как за его спиной встала цепь солдат, которым было велено не выпускать из города ни одного человека. Но было уже поздно — мнимый крестьянин оказался последним, кто проехал по дороге на Петергоф и Ораниенбаум.

Описанному эпизоду предшествовали следующие события.

...Утром 28 июня Петр III выехал из Ораниенбаума в Петергоф, намереваясь там отпраздновать свои именины, приходящиеся на этот самый день. Была прекрасная погода, и Петр ехал в открытой коляске, радуясь предстоящему празднику.

С ним вместе ехали прусский посланник фон дер Гольц и Елизавета Воронцова, а за ними тянулась вереница экипажей с прекрасными женщинами, придворными и слугами.

Тем временем в Петергофе обнаружили исчезновение Екатерины. Часовой видел, как две женщины рано утром вышли из парка, но ничего другого добавить не мог, и тогда двух слуг отправили в Ораниенбаум, чтобы сообщить императору о случившемся. Как только они вышли на дорогу, им навстречу попался ехавший верхом Гудович, и слуги обо всем ему рассказали. Гудович помчался обратно, навстречу императору, остановил его карету и рассказал об исчезновении Екатерины.

Петр тут же высадил из экипажей дам, приказал им идти в Ораниенбаум, а сам погнал карету в Петергоф. Приехав к павильону, где жила Екатерина, он бросился в ее спальню, открыл шкафы, заглянул под кровать и стал зачем-то тыкать шпагой в панели и потолок.

Через некоторое время прибежала Елизавета Воронцова, а с ней и другие дамы, послушавшиеся приказа императора. Скоро появился и посланец Брессана, передавший записку, в которой говорилось о совершившемся в Петербурге перевороте.

Петр послал к Екатерине канцлера Воронцова, надеясь, что тот убедит ее в безнадежности и преступности затеянного ею предприятия, а сам стал диктовать манифесты и приказы, коими надеялся поправить положение. Он приказал голштинцам выступить с артиллерией навстречу мятежникам, послал в Петербург за своим кавалерийским полком, разослал гусарские пикеты по окрестным дорогам, чтобы задержать и перевести на свою сторону идущие по этим дорогам войска, отправил в соседний Кронштадт полковника Неелова с поручением привести оттуда три тысячи солдат с боеприпасами и продовольствием на пять дней, а в крепость не допускать никого. Сам же переделался из прусского мундира в российскую форму, и сменил прусский орден Черного орла на ленту и знаки Андрея Первозванного.

Тем временем Миних убеждал Петра III не начинать военных действий, ибо силы неравны и сражение, если оно начнется, непременно будет проиграно. Он предложил отправиться в Кронштадт, и Петр согласился. В его распоряжении было достаточно денег, и в случае опасности он мог беспрепятственно уйти из Кронштадта в Германию вместе с Елизаветой Воронцовой, верными друзьями и слугами.

Петр тотчас же велел своему адъютанту Антону Девиеру — сыну того самого Эммануила Девиера, который прославился интригами и доносами в предыдущие царствования, — отправиться вместе с флигель-адъютантом князем И.С.Барятинским в Кронштадт и отменить приказ, данный час назад полковнику Неелову. Едва Девиер и Барятинский отошли от причала, как Петру сообщили, что в Петергоф с минуты на минуту войдут верные ему голштинцы. Воспылав новой надеждой, Петр тут же переменял решение и стал осматривать местность, задумав оборонять Петергоф и Ораниенбаум. Но вдруг, около 8 часов вечера, к Петру примчался один из его адъютантов и сказал, что к Петергофу подходит армия Екатерины. При этом известии Петр и бывшие при нем придворные бросились к стоящим наготове яхте и галере, которые тотчас же

пошли в близкий, хорошо видный невооруженным глазом, Кронштадт.

Список сопровождавших Петра III царедворцев приводит историк В.В. Бильбасов.²⁴ На галере вместе с Петром III находились: его дядя принц Гольштейн-Бек, фельдмаршал Миних, братья А.А. и Л.А. Нарышкины, генерал-аншеф Р.И. Воронцов, генерал-поручики И.И. Бецкой и А.П. Мельгунов, генерал-майор М.Л. Измайлов, генерал-адъютанты А.В. Гудович и И.Ф. Голицын, тайный советник и личный его секретарь Д.В. Волков, вице-канцлер А.М. Голицын и обер-егермейстер Бредаль. На галере было также 15 женщин: Елизавета Воронцова, ее тетка А.К. Воронцова с дочерью — графиней Р. Строгановой, княгиня Е.И. Трубецкая, жена гетмана К.Г. Разумовского — в девичестве Нарышкина, принцесса Гольштейн-Бек со своей гофмейстериной, княгиня Голицына, фрейлина Мирабель, принцесса Карлина — невеста принца Гольштейн-Бек, ее компаньонка Дервиц, две Нарышкиных, княгиня Гагарина с дочерью, графиня Брюс и жена А.И. Шувалова.

Всего, таким образом, на галере находилось 29 человек.

На яхте, следовавшей за галерой, в числе пассажиров были А.Г. Разумовский, прусский посланник Гольц, еще двое Нарышкиных, а также камергеры, камер-юнкеры и другие придворные. Всего 18 человек.

Петр надеялся, что посланные в Кронштадт Девиер и Барятинский удержат гарнизон и крепость на его стороне. Однако Петр не знал, что за последние несколько часов в Кронштадте произошли решительные перемены.

Комендант Кронштадта Нуммерс до появления там Неелова ничего не знал о случившемся в Петербурге, а сам Неелов ничего не смог объяснить толком, потому что имел обрывочные и противоречивые сведения.

Поэтому Нуммерс долго обдумывал приказ, привезенный Нееловым, и еще не распорядился грузиться на суда, когда Девиер и Барятинский привезли новое предписание — готовиться к приему императора.

Девиер и Барятинский, исполнив данное им поручение, уже собрались отправляться обратно в Петергоф, как вдруг, около 7 часов вечера, на пристани высадился прибывший из Петербурга Федор Кадников с запечатанным пакетом для коменданта Нуммерса.

Тот вскрыл пакет, в котором находился ордер, подписанный адмиралом Иваном Лукьяновичем Талызиным, коему Нуммерс подчинялся непосредственно. Коменданту предписывалось никого не впускать в Кронштадт и никого оттуда не выпускать.

Девьер и Барятинский стали расспрашивать Кадникова о событиях в Петербурге, но он отвечал, что ничего не знает. Тогда Девьер арестовал Кадникова и отправил с Барятинским в Петергоф, а сам остался в Кронштадте.

Между тем Нуммерс понял суть происходящего и решил до поры до времени не вмешиваться в события.

Скоро в Кронштадт пришла шлюпка и на берег высадился адмирал Талызин. Нуммерс стал расспрашивать его о новостях, но Талызин из осторожности отвечал, что он не из Петербурга, а со своей дачи, что он слышал о каких-то беспорядках и потому решил, что его место не там, а здесь — в Кронштадте. Вместе с Нуммерсом он ушел в его дом и там предъявил именной приказ Екатерины: «что адмирал Талызин прикажет, то исполнить».²⁵

Талызин приказал привести гарнизон крепости и экипажи кораблей к присяге на верность Екатерине, что и было сделано через час, под громкие крики «ура!». Адмирал приказал усилить посты и караулы, закрыть со стороны Петергофа гавань бонами. В крепости были объявлены повышенная боевая готовность и проведены одна за другой несколько учебных тревог.

Гарнизон оказался на высоте положения и четко выполнял все команды. В первом часу ночи дозорные заметили подходящие со стороны Петергофа галеру и яхту, которые из-за бон не смогли подойти к стенке и остановились неподалеку. Думая, что Нуммерс точно исполняет приказ, переданный Девьером, — никого не впускать в Кронштадт — Петр приказал спустить шлюпку и потребовать, чтобы боны были убраны.

Караульный на бастионе мичман Михаил Кожухов, отказался исполнять команду.

Петр все еще считал, что моряки точно выполняют его приказ, так как вернувшийся Барятинский сообщил, что в Кронштадте ждут императора и готовы защищать его. Петр вышел на палубу и закричал:

— Я сам тут, впустите меня!

Кожухов в ответ прокричал:

— Не приказано никого впускать!

Петр разъярился:

— Я император Петр III!

В ответ услышал:

— Нет теперь никакого Петра, есть Екатерина, а ежели галера и яхта не отойдут, то в них стрелять будут...

Как бы подтверждая слова мичмана Кожухова, в крепости забили очередную тревогу, и корабли спешно ретировались.

Не успели они еще отойти от Кронштадта, как до матросов и пассажиров донесся клич толпы на причале: «Галеры прочь! Да здравствует императрица Екатерина!»

Отйдя от Кронштадта, яхта направилась в Петергоф, а галера — в Ораниенбаум. Петр спустился в каюту и впал в полубморочное состояние. Миних и Гудович остались на палубе. Для них уже не было сомнения, что все кончено.

Адмирал Талызин, возвратившись в Петербург, подал рапорт Екатерине и попросил наградить Михаила Кожухова «двойным чином и годовым жалованьем». ²⁶ Екатерина согласилась с первым предложением Талызина и присвоила Кожухову чин капитан-лейтенанта, а вместо годового жалованья, дала двухгодовое.

Рано утром, придя в себя, Петр III позвал в свою каюту Миниха и испросил совета: что делать дальше?

Миних посоветовал идти не в Ораниенбаум, а в Ревель, взять там военный корабль и уйти на нем в Пруссию, где все еще находилась восьмидесятитысячная армия В. В. Фермора.

Миних сказал, что если он встанет во главе армии, то ему понадобится не более полутора месяцев, чтобы восстановить Петра III на престоле.

При разговоре присутствовали многие дамы, и они стали возражать фельдмаршалу:

— У гребцов не хватит сил дойти до Ревеля!

— Что ж, — ответил Миних, — мы все будем им помогать!

Дамы бурно запротестовали, и это решило исход дела — Петр приказал следовать в Ораниенбаум и высадить его там. Оказавшись на берегу, Петр хотел было, переодевшись, в одиночку пробираться в Польшу, но тут бурно запротестовала Елизавета Воронцова. В конце концов, она уговорила императора послать кого-нибудь к Екатерине и передать ей отречение от престола и просьбу отпустить их обоих в Голштинию.

Петр согласился и тут же приказал голштинцам сложить оружие. Те беспрекословно повиновались, свезли с высот пушки и ушли с позиции.

Разгневанный Миних сказал Петру, что если он не желает умереть с оружием в руках, как император, то пусть берет в руки, вместо шпаги, распятие и тогда враги не посмеют ударить его. «А я, — добавил Миних, — буду командовать в сражении». Петр пропустил эту филиппику мимо ушей, быстро написал все, что советовала его любовница, вручил пакет с отречением

генералу М. Л. Измайлову и приказал ему следовать в Петергоф к Екатерине Алексеевне.

Измайлов, передав бумаги, тут же принес присягу на верность Екатерине и был отправлен назад в Ораниенбаум с приказом о полной и безоговорочной сдаче войск. Он привез Петру Федоровичу на подпись и другой, еще более важный документ — новый текст отречения от престола, написанный в ставке Екатерины Тепловым. Этот новый текст Петру предлагалось подписать без малейших изменений.

НОВЕЛЛА ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

Отречение от престола и арест

В отречении говорилось: «Во время кратковременного и самовластного моего царствования, я узнал на опыте, что не имею достаточных сил для такого бремени, и управление таковым государством, не только самовластное, но и какую бы то ни было формою превышает мои понятия, и потому и приметил я колебание, за которым могло бы последовать и совершенное оногo разрушение к вечному моему бесславию. Итак, сообразив благовременно все сие, я добровольно и торжественно объявляю всей России и целому свету, что на всю жизнь свою отрекаюсь от правления помянутым государством, не желая там царствовать ни самовластно, ни под другою какою формою правления, даже не домогаться того никогда посредством какой-либо посторонней помощи.

В удостоверение чего клянусь перед Богом и всею вселенною и подписав сие отречение собственною своею рукою».²⁷

Петр переписал текст собственной рукой, а затем подписал его.

Измайлов прибыл в Ораниенбаум вместе с отрядом, которым командовал генерал-поручик Василий Иванович Суворов. Его солдаты собрали оружие, арестовали наиболее опасных офицеров, а сам Суворов возглавил работы в Ораниенбаумском дворце, где составлялась точная опись находившихся там денег и драгоценностей. Суворов разделил солдат и унтер-офицеров-голландцев на две части — уроженцев России и собственно голландцев. Первых он привел к присяге, а вторых под конвоем отправил в Кронштадт, где их и заключили в бастионы. Офицеров же и генералов отпустил на их квартиры под честное слово.²⁸

Петра Федоровича, Елизавету Воронцову и Гудовича Измайлов привез в Петергоф. Как только их карета появилась в городе и Петра увидели в ее окне, солдаты стали кричать: «Да здравствует Екатерина!» Когда они подъехали к главному

подъезду Большого дворца, Петр лишился чувств. С Елизаветы Воронцовой солдаты сорвали украшения, Гудовича — побили, а Петр в ярости сорвал сам с себя шпагу, ленту Андрея Первозванного, ботфорты и мундир и сел на траву босой, в рубашке и исподнем белье, окруженный хохочущими солдатами.²⁹

По распоряжению Панина Гудовича увели в один из флигелей, а Петра и Елизавету Воронцову привели во дворец. Панин рассказывал впоследствии датскому посланнику Ассенбургу, что он, увидев Петра, «нашел его утопающим в слезах». И пока Петр старался поймать руку Панина, чтобы поцеловать ее, любимица его, Елизавета Воронцова, бросилась на колени, испрашивая позволения остаться при бывшем императоре. Петр тоже просил об этом.³⁰

Кроме аудиенции с Паниным никаких других встреч у Петра не было. Воронцову увели, поместив в одном из павильонов, а Петра накормили обедом и велели ждать решения императрицы. Во встрече с Екатериной ее супругу было решительно отказано.

Воронцова продолжала умолять всех, кого видела, отпустить ее к Петру, хотя бы ее ожидал вместе с ним Шлиссельбург, но Екатерина велела выслать фаворитку в одну из принадлежавших Воронцовым подмосковных деревень, а Гудовича отправили в его черниговскую вотчину.

Привезенного чуть позже Миниха ожидал совершенно другой прием.

— Вы хотели против меня сражаться? — спросила Екатерина.

— Я хотел пожертвовать своей жизнью за государя, который возвратил мне свободу, но теперь я считаю своим долгом сражаться за вас, и вы найдете во мне вернейшего слугу, — с солдатской прямоотой ответил Миних. И в этом ответе не было ни заискивания, ни угодливости.³¹

Миних был оставлен в прежнем звании и назначен главнокомандующим над портами: Ревельским, Рогервикским, Нарвским и Кронштадтским, над Ладожским каналом и над Волховскими порогами.

Из окружения Петра III почти никто не был наказан. Кроме Гудовича некоторые неудобства испытали лишь двое близких Петру Федоровичу людей — его секретарь Д. В. Волков и генерал-поручик А. П. Мельгунов. Первого отправили вице-губернатором в Оренбург, второго — в южные «украины», однако же, ненадолго — в 1764 году Мельгунов был уже новороссийским губернатором.

Что же касается самого Петра III, то было решено, что временно, как ему на первых порах было обещано, поедет он в Ропшу, его собственную мызу, подаренную ему еще в бытность его великим князем Елизаветой Петровной.

В 8 часов вечера 29 июня Петра Федоровича в сопровождении сильного кавалерийского отряда привезли в Ропшу. Его поместили в спальне, а к дверям приставили часового. Сам же дворец охранялся солдатами со всех сторон. Окна в спальне были занавешены зелеными гардинами, чтобы из сада не было видно, что происходит внутри. Петра не пускали не только в сад, но даже в другую комнату.

Переспав ночь, Петр потребовал собственного врача Лидерса, но тот боялся, что если он приедет в Ропшу, то потом разделит с бывшим императором его судьбу: заключение в Шлиссельбург или ссылку.

Так, в одиночестве, со всех сторон окруженный стражей, Петр мучился бессонницей на неудобной кровати, слушая, как далеко за полночь, в соседнем зале кричат и хохочут пьяные офицеры. Лишь на рассвете он забылся в беспокойном сне...

НОВЕЛЛА ШЕСТИДЕСЯТАЯ

Тайное становится явным

Екатерина выехала из Петергофа, как только Петра Федоровича увезли в Ропшу. В одной с ней карете ехали Дашкова, К. Г. Разумовский и М. Н. Волконский. Остановившись на даче князя Куракина, обе женщины легли отдохнуть на единственную бывшую там кровать. Через несколько часов они проехали через Екатерингоф, заполненный огромной толпой, выражавшей желание сражаться за Екатерину, если голштинцы посмеют оказать сопротивление. А затем их ждала столица. «Въезд наш в Петербург невозможно описать, — сообщала Дашкова. — Улицы были запружены ликующим народом, благословлявшим нас; кто не мог выйти — смотрел из окон. Звон колоколов, священники в облачении на паперти каждой церкви, полковая музыка, производили неопишное впечатление».³²

Однако Екатерина не позволила ни себе, ни своему ближайшему окружению впасть в эйфорию и сразу же прочно взяла бразды правления в свои руки. Это стало видно из ее первых самостоятельных шагов, когда солдатская и офицерская стихия попробовала было выйти из берегов под предлогом великой радости по случаю одержанной победы.

30 июня армия и гвардия заполнила все кабаки. Очевидец и участник переворота солдат Преображенского полка, будущий знаменитый поэт Гаврила Романович Державин писал впоследствии: «Солдаты и солдатки, в неистовом восторге и радости, носили ушатами вино, водку, пиво, мед, шампанское и всякие другие дорогие вина и лили все вместе, без всякого разбору, в кадки и бочонки, что у кого случилось. В полночь, на другой день, с пьянства, Измайловский полк, обуяв от гордости и мечтательного своего превозношения, что императрица в него приехала и прежде других им препровождаема была в Зимний дворец, собравшись без сведения командующих, приступив к дворцу требовал, чтоб императрица к нему вышла и уверила его персонально, что она здорова».³³

Екатерина вынуждена была встать среди ночи, одеться в гвардейский мундир и даже пойти вместе с измайловцами в их казармы. Но зато уже на следующее утро был издан манифест, где говорилось, что воинская дисциплина должна быть незыблемой и впредь за всякое непослушание и дерзость ослушники будут наказаны по законам.

В то же утро на улицах Петербурга появились многочисленные патрули и пикеты. На всех площадях и перекрестках главных улиц была выставлена артиллерия и у орудий стояли канониры с зажженными фитилями. Особенно много войск стояло вокруг Зимнего дворца, и такое положение сохранялось в столице неделю.

Возвратившись в Петербург, активные участники переворота с немалым удивлением стали узнавать о том, чего они и не подозревали. Если только за сутки перед тем наперсница Екатерины Дашкова с изумлением узнала, что Григорий Орлов является любовником императрицы, то что говорить о других придворных?

Многие были поражены, когда в первый же день увидели на Григории Орлове генеральский мундир, украшенный красно-желтой лентой ордена Александра Невского, и усыпанную бриллиантами шпагу. Он назначался и главным распорядителем предстоящих коронационных торжеств.

Новые знаки отличия были и на других участниках революции, как окрестили переворот.

Алексей Орлов уже 29 июня был произведен в секунд-майоры Преображенского полка, главные награды ждали и других братьев Орловых, включая Владимира, не принимавшего никакого участия в перевороте.

Федор Орлов стал капитаном Семеновского полка, Иван, почти ничего не сделавший для триумфа Екатерины, получил

чин капитана, а вскоре, выйдя в отставку, — ежегодную пожизненную пенсию в 20000 рублей.

Главный вопрос, мучивший Екатерину, был вопрос о судьбе свергнутого императора. В дни подготовки переворота почти все соглашались с тем, что Петра надлежит заточить в крепость. Наиболее подходящей они считали Шлиссельбург. Наверно, срабатывала историческая аналогия — в Шлиссельбурге уже шесть лет сидел несчастный Иван Антонович Брауншвейтский, почему бы не поместить рядом с ним и Петра Федоровича Голштинского?

Уже 28 июня в Шлиссельбург был послан генерал-майор Савин с приказом устроить помещения для приема нового узника. На другой день Савин получил новый приказ, посланный ему вдогонку из Петергофа, в котором ему предписывалось вывезти из Шлиссельбурга в Кексгольм Ивана Антоновича, а в Шлиссельбурге подготовить лучшие покои. Для кого они предназначались в приказе не говорилось, но двух мнений на этот счет быть не могло.

Идея заточения Петра Федоровича в Шлиссельбург муссировалась, по крайней мере, до 2 июля — именно тогда поручик Плещеев повез туда некоторые вещи для будущего узника.

После 2 июля эта идея, по-видимому, уступила другой, но вслух о ней не говорили, хотя отлично понимали, что лучше всего было бы, если бы вдруг Петра не стало. Об убийстве никто не заикался, а вот мысль о желательности естественной, ненасильственной смерти, буквально, носилась в воздухе, и люди из ближайшего окружения Екатерины не могли не ощущать этого...

НОВЕЛЛА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Убийство в Ропше

В Ропше в первую ночь Петр заснул лишь под утро. Он долго и тихо плакал, по-детски жалея себя, досадуя, что лежит не в своей постели, а в чужой, — жесткой и неудобной, что нет с ним любимой собаки, нет арапа — карлы Нарцисса, — нет доктора, нет камердинера. Он ворочался без сна чуть ли не до утра, а проснувшись около полудня, попросил перо, чернил, бумаги и написал своей жене, чтобы все это прислали к нему. Кроме того, он просил еще любимую скрипку, от звуков которой Екатерина не находила места, когда Петр Федорович пытался играть в соседнем с ее спальней покое.

В тот же день, в воскресенье 30 июня, Екатерина написала В.И.Суворову, чтобы он отыскал среди пленных, взятых в

Ораниенбауме «лекаря Лидерса, да арапа Нарцыся, да обер-камердинера Тимлера; да велите им брать с собою скрипицу бывшего-государя, его мопсика-собаку; да на тамошние конюшни кареты и лошадей отправьте их сюда скорее...»³⁴

1 июля все было нормально: Алексей Орлов даже играл в карты с Петром и одолжил бывшему императору несколько червонцев, заверив, что распорядится дать ему любую сумму. Но карты картами, а все прочее выглядело очень уж непривлекательно. К вечеру Петр почувствовал недомогание, а ночью не на шутку заболел.

О тех днях повествуют три его записки, отправленные Петром к Екатерине. Письменных ответов на них нет, по-видимому, Екатерина довольствовалась устными через Алексея Орлова. А вот записки Петра Федоровича сохранились. Приводим их полностью:

«Сударыня, я прошу ваше величество быть уверенной во мне и не отказать снять караулы от второй комнаты, так как комната, в которой я нахожусь, так мала, что я едва могу в ней двигаться. И так как вам известно, что я всегда хожу по комнате, то от этого у меня распухнут ноги. Еще я вас прошу не приказывать, чтобы офицеры находились в той же комнате со мной, когда я имею естественные надобности — это для меня невозможно; в остальном я прошу ваше величество поступать со мной, по меньшей мере, как с большим злодеем, не думая никогда его этим оскорбить. Отдаваясь вашему великодушию, я прошу отпустить меня в скором времени с известными лицами в Германию. Бог вам заплатит непременно. Ваш нижайший слуга Петр.

P.S. Ваше величество может быть уверена во мне, что я не подумаю ничего, не сделаю ничего, что могло бы быть против ее особы или ее правления».

Достаточно задуматься лишь над единственным штрихом этой картины, и нам все станет ясно: Петра беспрерывно унижали, не давая ему даже справиться «естественные надобности» и глумясь над его застенчивостью. Ему, уже больному, не давали выйти в парк и лишили всяческого общения с близкими ему людьми. Тем не менее он, уже официально отрекшийся от престола, униженно заверяет Екатерину в рабской покорности ее воле.

Вторая записка: «Ваше величество, если вы совершенно не желаете смерти человеку, который уже достаточно несчастен, имейте ко мне жалость, и оставьте мне мое единственное утешение — Елизанету Романовну. Вы сделаете этим большое милосердие вашего царствования; если же ваше ве-

личество пожелало бы меня видеть, то я был бы совершенно счастлив. Ваш нижайший слуга Петр».

И, наконец, третья, написанная по-русски в отличие от предыдущих написанных на французском языке.

«Ваше величество, я еще прошу меня, который в вашей воле исполна во всем, отпустить меня в чужие края с теми, о которых я, Ваше Величество, прежде просил. И надеюсь на Ваше великодушие, что Вы меня не оставите без пропитания.

Преданный вам холоп Петр».³⁵

Так, менее чем за сутки, переменилась судьба человека, самодержавно повелевавшего самой большой и одной из самых могущественных стран мира. Австрийский посланник в России граф Мерси де Арканов писал: «Во всемирной истории не найдется примера, чтобы государь, лишаясь короны и скипетра, выказал так мало мужества и бодрости духа, как он, царь, который всегда старался говорить так высокомерно. При своем же низложении с престола поступил до того мягко и малодушно, что невозможно даже описать».³⁶

Графу Мерси вторил Фридрих II, сказавший французскому посланнику в Берлине графу Сегюру: «Он позволил свергнуть себя с престола, как ребенок, которого отсылают спать».³⁷

А возвратившийся в Петербург Бирон, прокомментировал причины падения Петра так: «Снисходительность была важнейшею ошибкою сего государя, ибо русскими должно повелевать не иначе, как кнутом или топором».

Петр серьезно и тяжело болел пять суток. Врач Лидерс появился только вечером 3 июля, когда истекал уже четвертый день болезни. Задержка с врачом объяснялась тем, что его не сразу отыскивали, а затем он долго не соглашался ехать в Ропшу, опасаясь за свою судьбу... Лидерс ограничился тем, что выслушав посланца, отправил больному лекарство, заверив, что болезнь не опасна и ему в Ропше делать нечего.

Однако болезнь развивалась, и 3 июля Лидерс вынужден был приехать к Петру Федоровичу. 4 июля больному стало еще хуже и к нему приехал еще один врач — штаб-лекарь Паульсен.

Сохранились три записки командира отряда и начальника ропшинской охраны Алексея Орлова, по которым можно проследить за ходом болезни Петра Федоровича и развитием событий в Ропше.

Первое сообщение: «Матушка, милостивая государыня, здравствовать Вам мы все желаем несчетные годы. Мы теперь по отпуске сего письма и со всею командою благополучны, только урод наш очень занемог и схватила его нечаянная ко-

лика, и я опасен, чтоб он сегодняшнюю ночь не умер, а больше опасуюсь, чтоб не ожил. Первая опасность — для того, что он все вздор говорит, и нам это несколько весело, а другая опасность, что он действительно для нас всех опасен, для того, что он иногда так отзывается, хотя в прежнем состоянии быть...» Далее Алексей Орлов сообщал, что он солдатам и офицерам из команды, охраняющим Петра III, выдал жалованье за полгода, «кроме одного Потемкина, вахмистра, для того, что служил без жалованья». (Это был тот самый Григорий Александрович Потемкин, который через двенадцать лет станет могущественнейшим из фаворитов Екатерины II, светлейшим князем и фельдмаршалом.)

«И многие солдаты — писал далее Орлов — сквозь слезы говорили, что они еще не заслужили такой милости». ³⁸

Впрочем, вскоре они эту милость отработали сполна, что и подтвердили события, произошедшие немного погодя.

Во втором сообщении Орлов писал: «Матушка наша, милостивая государыня! Не знаю, что теперь начать, боясь гнева от вашего величества, чтоб вы чего на нас неистового подумать не изволили и чтоб мы не были причиною смерти злодея вашего и всей России, также и закона нашего (православия). А теперь и тот, приставленный к нему для услуги лакей Маслов занемог, а он сам теперь так болен, что не думаю, чтоб он дожил до вечера и почти совсем уж в беспмятстве, о чем уже и вся команда здешняя знает и молит Бога, чтоб он скорее с наших рук убрался. А оный же Маслов, и посланный офицер могут вашему величеству донести, в каком он состоянии теперь. ежели вы особо мне усумниться изволите. Писал сие раб ваш верный...». ³⁹ Вторая записка осталась без подписи. Вернее, подпись была, но чья-то рука ее оборвала. А вот почерк — Алексея Орлова.

Вероятно, вторая записка была сочинена и отослана утром в субботу 6 июля, потому что именно тогда был схвачен Маслов, камердинер Петра Федоровича. Петр еще спал, когда Маслов вышел в сад, чтобы подышать свежим воздухом. По-видимому, к утру 6-го Маслову стало получше, и он, оставив постель, пошел прогуляться. Однако дежурный офицер, увидев в этом нарушение режима, приказал схватить Маслова, посадить его в приготовленный экипаж и вывезти из Ропши вон.

Вечером того же дня из Ропши в Петербург примчался нарочный и передал в собственные руки Екатерине еще одну записку от Алексея Орлова. Она написана на такой же бумаге, что и предыдущая, и тем же почерком. Эксперты полагают, что почерк был «пьяным».

«Матушка, милостивая государыня! — писал Орлов. — Как мне изъяснить, описать, что случилось: не поверишь верному своему рабу, но как перед Богом скажу истину. Матушка! Готов идти на смерть, но сам не знаю, как эта беда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка, его нет на свете. Но никто сего не думал, и как нам задумать поднять руки на государя! Но, государыня, свершилась беда. Он заспорил за столом с князь Федором (Барятинским). Не успели мы разнять, а его уж и не стало. Сами не помним, что делали, но все до единого виноваты, достойны казни. Помилуй меня хоть для брата. Повинную тебе принес и разыскивать нечего. Прости, или прикажи скорее окончить. Свет не мил. Прогневали тебя и погубили души навек».⁴⁰

Граф Ф.В.Ростопчин 11 ноября 1796 года, на пятый день после смерти Екатерины II, снял копию с этого письма, а подлинник передал Павлу I. Об этом эпизоде Ростопчин писал следующее: «Почерк известный мне — графа Орлова. Бумага — лист серый и нечистый, а слог означает положение души сего злодея и ясно доказывает, что убийцы опасались гнева государыни, и сим изобличает клевету, падшую на жизнь и память сей великой царицы. На другой день граф Безбородко сказал мне, что император Павел потребовал от него вторично письмо графа Орлова. Прочитав в присутствии его, бросил в камин и сам истребил памятник невинности Великой Екатерины о чем и сам чрезмерно после соболезовал».⁴¹

Историк В.А.Бильбасов, автор труда «История Екатерины Второй» писал: «Когда лица, окружавшие Екатерину, окончательно убедились, что устранение Петра признается ею вполне необходимым, они решились известить Петра без ее ведома и привести свой план в исполнение без ее согласия... Петр не помешал произвести переворот, но Петр может препятствовать, не Екатерине, а многим «избранникам» воспользоваться плодами своих трудов. Более же всего в этом заинтересованы братья Орловы... Их фавор, особенно же Григория, режет уже всем глаза, при дворе начались уже козни против них, идет интрига, стремящаяся свергнуть Григория Орлова. С Григорием же падут и его братья. Надо торопиться».⁴²

Такова точка зрения авторитетного и объективного биографа Екатерины II и, кажется, с ним нельзя не согласиться.

Получив известие о смерти Петра Федоровича, Екатерина приказала привезти его тело в Петербург и учинить вскрытие. Оно показало, что отравления не было.

Убедившись в этом, Екатерина выдвинула официальную версию, изложив ее в манифесте от 7 июля 1762 года. В нем сообщалось, что «бывший император Петр III обыкновенен-

ным, прежде часто случавшимся ему припадком геморроидическим, впал в прежесткую колику». Больному, говорилось в манифесте, было отправлено все необходимое для лечения и выздоровления, «но, к крайнему нашему прискорбию и смущению сердца, вчерашнего вечера получили мы другое, что он волею Всевышнего Бога скончался». ⁴³

Таким образом, даже формально не было проведено расследование, не опрошены многочисленные свидетели происшедшего на их глазах убийства, пусть даже непреднамеренного. А свидетелей тому, кроме Алексея Орлова и упомянутого в третьей записке князя Федора Барятинского, было около полтора десятка человек.

Современники знали, что в последнем застолье с Петром III кроме Алексея Орлова и князя Федора Барятинского принимали участие князь Иван Сергеевич Барятинский, родной брат предыдущего, лейб-медик Карл Федорович Крузе, камергер Григорий Николаевич Теплов, автор текста отречения Петра III от престола, вахмистр конной гвардии Григорий Александрович Потемкин, Григорий Никитич Орлов, — родственник братьев Орловых, — знаменитый актер Федор Григорьевич Волков, уже известный нам Александр Мартынович Шванвич, камергер Петра III бригадир Александр Иванович Брессан — еще неделю назад обыкновенный парикмахер, возвышенный Петром III за известие о перевороте, — и, наконец, гвардии сержант Николай Николаевич Энгельгардт.

Кроме того, в комнате, где Петра III настигла смерть, были еще и трое безымянных лиц — двое часовых и кабинет курьер, приехавший накануне из Петербурга. Современники утверждали, что Г. Н. Орлов, Г. Н. Теплов и Г. А. Потемкин были только свидетелями, а Федор Барятинский, Шванвич и особенно Энгельгардт — участники убийства. Брессан же — единственный, кто бросился на помощь Петру Федоровичу. ⁴⁴

Уже известный нам Георг фон Гельбиг называет убийцами Петра III Алексея Орлова, его двоюродного брата Григория Никитича Орлова, Федора Барятинского, Теплова, Волкова и Энгельгардта. Последний, как утверждает Гельбиг, и был именно тем человеком, который умертвил Петра III. Он писал, что все эти лица поехали в Ропшу, чтобы «собственно-ручно умертвить его в случае, если яд, который ему дадут, не скоро убьет его. Так как яд не действовал, потому что Петр пил теплое молоко, то убийцы решились задушить его... Они обвязали шею Петра платком, так как он стал кричать, то накрыли матрацем, после чего крепко затянули платок. Именно Энгельгардт сделал последнее усилие, которое лишило жизни злосчастливого монарха». ⁴⁵

НОВЕЛЛА ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Возвышение убийц и заговорщиков

Энгельгардт сделал потом быструю карьеру, став к концу жизни генерал-поручиком и Выборгским губернатором. И все же он не был принят при дворе, ибо его считали слишком одиозной фигурой.

Красноречива последующая судьба и других, причастных к смерти бывшего императора. Алексей Орлов уже в Ропшу приехал генерал-майором и секунд-майором Преображенского полка. Затем он вместе с остальными братьями был возведен в графское достоинство, награжден орденом Александра Невского и осыпан дарами — деньгами, поместьями, драгоценностями. До конца екатерининского царствования он оставался влиятельнейшим сановником империи. Когда Екатерина умерла, Алексей Орлов являлся кавалером всех российских орденов, генерал-адмиралом и генерал-аншефом. За победу над турецким флотом в Чесменской бухте ему был присвоен титул Чесменского, вручены орден Георгия I-го класса, осыпанная бриллиантами шпага, серебряный сервиз и 60000 рублей. В честь его побед выбили медаль, в Царском Селе поставили мраморный обелиск, а в Петербурге построили замок, названный Чесменским.

Князь Федор Сергеевич Барятинский в день коронации был пожалован чином камер-юнкера, получил 24000 рублей и всю жизнь находился при дворе, дослужившись в 1796 году до чина обер-гофмаршала, который по Табели о рангах соответствовал действительному тайному советнику или генерал-аншефу.

Петр Богданович Пассек, освобожденный из-под караула ранним утром 28 июня самой Екатериной, тотчас же стал капитаном гвардии, как и Барятинский, получил 24000 рублей, а в придворном звании даже обошел Барятинского, будучи пожалован действительным камергером. Он получил село под Москвой, мызу в Эстляндии и сотни крепостных крестьян. Через четыре года Пассек стал генерал-поручиком, а потом занимал посты генерал-губернатора в Могилевской и Полоцкой губерниях. В 1781 году Пассек достиг чина генерал-аншефа. Пользуясь покровительством императрицы, он запятнал себя мздоимством, незаконным отчуждением чужого имущества, присвоением ценностей, конфискованных в таможенных и другими злоупотреблениями, но пока была жива Екатерина II все это сходило ему с рук.

Не были обойдены благодарностью императрицы и другие участники переворота и ропшинской трагедии. В своем

указе Сенату от 3 августа 1762 года Екатерина II повелевала: «за отличную и всем нашим верноподданым известную службу, верность и усердие к нам и отечеству нашему, для незабвенной памяти с нашим к ним благоволением, все милостивейше пожаловали мы деревнями в вечное и потомственное наследное владение, а некоторых из Кабинетной нашей суммы денежного равномерного противу таковых деревень суммою...». ⁴⁶ И далее снова следовали знакомые фамилии — Орловых, Пассека, Барятинских, Баскакова, Потемкина, Рославлевых, Ласунских, Бибикова, Мусина-Пушкина, Волковых и других.

Указ был опубликован в «Санкт-Петербургских новостях» и сопровождался следующей сентенцией: «Ее императорское величество нимало не сомневалось об истинном верных своих подданных при всех бывших прежде обстоятельствах сокровенном к себе усердии, однако же к тем особливо, которые по ревности для поспешения благополучия народного побудили самым делом ее величества сердце милосердное к скорейшему приятию престола российского и к спасению таким образом нашего Отечества от угрожавших оному бедствий, на сих днях оказать особливые знаки своего благоволения и милости»... ⁴⁷ Весьма любопытно, что здесь же упоминались и четверо простолюдинов: «...Федора и Григория Волковых в дворяне и обоим 700 душ».

Этим же указом Шкуруину даровалось 1000 душ, а Алексею Евреинову — 300 (Алексей Евреинов был казначеем и часто выручал Екатерину деньгами).

Не забыты были и второстепенные участники революции. Среди них, к немалому изумлению, обнаруживаем Екатерину Дашкову, которая должна бы значиться среди главнейших «спасителей Отечества». Видимо, к этому моменту отношения двух Екатерин разладились, и хотя окончательно их пути не разошлись, но о прежней близости не могло быть и речи.

В дополнение к указу императрицы из Сената в Герольдмейстерскую контору направлялось «дело о пожаловании гардероб-мейстера Василия Шкурина в российские дворяне, да Федора и Григория Волковых и кассира Алексея Евреинова во дворяне и о пожаловании их деревнями, а Евреинова чином капитанским»... ⁴⁸

О заслугах Шкурина, приславшем карету в Петергоф и сжегшим ради Екатерины свою избу мы уже знаем. Стало быть, и заслуги братьев Волковых тоже были немалыми, коль в наградах они сравнялись со Шкуриным.

О неизвестных сторонах жизни Федора Волкова кое-что сообщает уже знакомый нам А.М. Тургенев. В своих «Запис-

ках» он писал: «При Екатерине первый секретный, немногим известный, деловой человек был актер Федор Волков, может быть первый основатель всего величия императрицы. Он, во время переворота при восшествии ее на трон, действовал умом; прочие, как-то: главные, Орловы, князь Барятинский, Теплов — действовали физической силою, в случае надобности, и горлом привлекая других в общий заговор.

Екатерина, воцарившись, предложила Ф.Г.Волкову быть кабинет-министром ее, возлагала на него орден Святого Андрея Первозванного. Волков от всего отказался и просил государыню обеспечить его жизнь в том, чтобы ему не нужно было заботиться об обеде, одежде, о найме квартиры, когда нужно, чтобы давали ему экипаж. Государыня повелела нанять Волкову дом, снабжать его бельем и платьем, как он прикажет, отпускать ему кушанье, вина и все прочие к тому принадлежности от двора, с ее кухни, и точно все такое, что подают на стол ее величеству; экипаж, какой ему заблагорассудится потребовать... Всегда имел он доступ в кабинет к государыне без доклада». ⁴⁹

По другим сведениям Волков отказался не только от поста кабинет-министра и высшего ордена империи, но и от поместья и крепостных. Сохранилось свидетельство такого рода: «Рассказывают с достоверностью, что государыня, при восшествии на престол, благоволили жаловать его дворянским достоинством и вотчиною, но он со слезами благодарности, просил императрицу, удостоить этою наградою женатого брата его, Гавриила, а ему позволить остаться в том же звании и состоянии, которому он обязан своею известностью и самыми монаршими милостями. И государыня... уважила просьбу первого русского актера и основателя отечественного театра». ⁵⁰

Был ли Федор Волков в столь высокой степени доверенности у Екатерины? Занимал ли он столь значительное место в организации заговора? Несомненно, что Волков и Екатерина представляли друг для друга взаимный интерес. В беседах о театре и литературе они не могли не касаться политических тем и, вероятно, могли обсуждать и конфиденциальные вопросы. Мнение Волкова в этих вопросах могло быть очень значимым, ибо его считали одним из умнейших людей России.

Выдающийся просветитель Н.И.Новиков называл его «мужем великого, обымчивого (объемлющего) и проницательного разума, основательного и здравого рассуждения, и редких дарований, украшенных многим учением и прилежным чтением наилучших книг». ⁵¹

Д. И. Фонвизин считал Волкова «мужем глубокого разума, наполненного достоинствами, который имел большие знания и мог бы быть человеком государственным». ⁵²

Как бы то ни было, но участие выдающегося актера в рошинской драме справедливо считается «наименее выясненным моментом в биографии Волкова». ⁵³ Таково авторитетное мнение прекрасного знатока его жизни В. А. Филиппова.

И все же даже то небольшое, что вошло в эту книгу, проливает новый свет на Федора Волкова, который был не только актером и основателем русского профессионального театра, но и незаурядным политическим деятелем, чью истинную роль еще предстоит выяснить историкам.

НОВЕЛЛА ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

Погребение Петра Федоровича

Вместе с манифестом от 7 июля 1762 года, где сообщалось о причинах смерти Петра III, был разослан во все города и веся еще один, названный «обстоятельным». В нем перечислялись все злокозненные деяния усопшего монарха и дословно приводилось подписанное им отречение от престола. Этот манифест составлялся при активном участии самой Екатерины. Сын Петра III — Павел I, — вступив на престол, тотчас же повелел уничтожить этот манифест, где бы он ни был. Поэтому его текста нет даже в «Полном собрании законов Российской империи», но он, по чудом сохранившимся в глубокой провинции нескольким экземплярам, опубликован в сборнике «Переворот 1762 года».

Екатерина понимала, что утихомирить пересуды, сплетни и разговоры о смерти Петра III может только ее скорейшая коронация. Поэтому специальным манифестом от 7 июля, церемония должна была состояться в Москве менее чем через два месяца. Главным распорядителем всех торжеств назначался Григорий Орлов. Но прежде предстояло еще похоронить Петра III.

Местом погребения был избран не Петропавловский собор, а Александро-Невская лавра, что у непредвзятых современников добавляло уверенности в насильственной смерти бывшего императора.

По предложению Н. И. Панина Сенат «рабски просил» Екатерину, не участвовать в похоронах, так как «сня процедура была бы для нее невыносима». Екатерина согласилась и в похоронах не участвовала.

Сохранилось немного свидетельств о траурной церемонии, связанной с похоронами бывшего императора. Одно из них оставил флигель-адъютант Петра III полковник Давид

Рейнгольд Сиверс, двоюродный брат близкого Елизавете Петровне Карла Сиверса, о котором уже говорилось в этой книге. Его перу принадлежат «Записки», опубликованные в сборнике «Русский архив». Сиверс находился в момент ареста Петра III в Ораниенбауме и сам был арестован В.И.Суворовым. Благодаря заступничеству своего кузена перед Екатериной II, он был освобожден и уехал в Петербург.

Сиверс сообщает: «Ночью с 7 на 8 июля, тело его было перевезено из места его заточения в Александро-Невский монастырь и стояло до 10-го в гробу, обитом в красный атлас с немногими золотыми украшениями. Он лежал в своем любимом голштинском мундире, но без всяких орденов, без шпаги и без караула. Стражею при нем были — малюго чина офицер и несколько человек солдат»⁵⁴

Петр III был одет в светло голубой с белыми отворотами мундир голштинских драгун. Руки покойного скрывали большие кожаные перчатки с крагами до локтей, какие носили шведские офицеры времен Карла XII.

Многие тысячи простых людей непрерывно шли к гробу императора. Они видели относительную бедность похоронного убранства, малочисленность караула, но более всего поражало их, что в гробу лежал человек с необычно темным лицом: от большой потери крови и удушения лицо покойного стало черным.

В Петербурге тотчас распространился слух, что Петр Федорович спасся, а в гроб положили убитого вместо него царского арапа.

В среду 10 июля в Александро-Невский монастырь прибыло множество военных и статских генералов и огромная толпа простолюдинов. После краткой заупокойной литургии в Благовещенской церкви тело покойного предали земле здесь же, в церкви, рядом с бывшей правительницей Анной Леопольдовной.

Гроб опустили в могилу без орудийного салюта и колокольного звона. Петру III довелось лежать в этой могиле только 33 года: 18 декабря 1796 года по распоряжению сына его, императора Павла I, Петра Федоровича хоронили вторично вместе со скончавшейся накануне Екатериной II и рядом с ней.

НОВЕЛЛА ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

Самозванцы отечественные и иноземные

Однако для многих Петр III оставался жив. Слухи о его чудесном спасении множились.

В разных местах России один за другим стали появляться самозванцы. В 1764 году возле Курска объявился первый из

них, оказавшийся разорившимся купцом Антоном Асланбековым. Затем в Нижегородском уезде явился второй — беглый рекрут Иван Евдокимов, а вслед за ним, в 1765 году, под Воронежем, — однодворец Гаврила Кремнев. Он появился перед народом уже не в одиночку, а для вящей убедительности представлял народу и двух генералов — Петра Румянцева и Алексея Пушкина, в действительности беглых крепостных.

Кремнев приводил поверивших ему крестьян к присяге, обещал освобождение от податей и прощение колодникам. И, наконец, на Северском Донце, в окрестностях Изюма объявился еще один самозванец — Петр Чернышев, беглый солдат из однодворцев.⁵⁵

Видимо, не случайно все эти «Петры Федоровичи» происходили из крепостных крестьян, беглых рекрутов, солдат. Угнетенный и обездоленный люд с охотой поддавался на обман в надежде на более лучшую долю и облегчение жизни.

Такое доверие к самозванцам объяснялось еще и тем, что кратковременное царствование Петра III оставило его малоизвестным народу России. К тому же он не хотел и не успел поехать по стране, традиционным его маршрутом была дорога Петербург-Москва и охотничьи забавы в окрестностях двух столиц. Вследствие этого авантюристы разного толка легко впадали в соблазн выдавать себя за чудесно спасшегося Петра III. И если это было справедливо по отношению к России, то тем более — для заграницы. И потому и там появились «подыменщики», как тогда называли самозванцев, выдававшие себя за Петра III.

В 1766 году, почти одновременно с отечественными подыменщиками, в Черногории, в деревне Маина, появился еще один Петр Федорович — на самом же деле — Степан Малый, нанявшийся батраком к богатому крестьянину Вуку Марковичу. Он оказался искусным целителем, не бравшим плату до выздоровления больных. Вскоре о нем стали говорить, что Степан не кто иной, как российский император Петр III.

Несколько черногорцев, побывавших в России и, по их словам, видевших Петра III, подтвердили, что Степан — истинный Петр Федорович.

Популярность Степана Малого объяснялась традиционными симпатиями черногорцев к России, и в октябре 1767 года черногорские старшины признали его Петром III, а скупщина объявила его правителем страны. Однако Венецианская республика и Оттоманская империя тут же потребовали выдачи самозванца и лишения его трона. Черногорцы категорически отказали им в этом и Петр III остался на престоле.

В 1773 году его заколол кинжалом наемный убийца, посланный турками. Однако со смертью Степана Малого, легенда о чудесно спасшемся Петре III не умерла. Еще до убийства черногорского самозванца, в конце 1772 года, новый Петр Федорович объявился на Яике, в шестидесяти верстах от Яицкого городка, на Таловом уме (заимке). Это был казак донской Зимовейской станицы Емельян Пугачев. К нему мы еще вернемся.

Что же касается зарубежья, то следует упомянуть и венгерского крестьянина Подивина Сабо, поднявшего восстание в Чехии в марте 1775 года, но разгромленного войсками императора Иосифа II.

И, наконец, целый клубок авантюристов появился в 70-х годах XVIII века.⁵⁶ Некто Сенович, также черногорец, после смерти Степана Малого объявил себя Петром III, но был разоблачен своими земляками и бежал в Польшу. Там он принял фамилию Варт, которую в России носила известная английская авантюристка, герцогиня Елизавета Кингстон, познакомившаяся с Сеновичем. Но тем их альянс не ограничился: в 1774 году Кингстон познакомился со знаменитой княжной Таракановой, выдававшей себя за дочь Елизаветы Петровны. С ней мы еще встретимся в следующей главе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Записки Екатерины II. — С.525.
- 2 ПСЗ. — СПб., 1830. — Т. 15. — № 11444. — С.912–915.
- 3 Там же. — С.912–913.
- 4 ПСЗ. — СПб. — Т. 22. — № 16187. — С.344–358.
- 5 Щербатов М.М. О повреждении нравов в России. — М., — 1993. — С.77–78.
- 6 ПСЗ. — Т. 15. — № 11445. — С.915–916.
- 7 Там же. — С.915.
- 8 Там же. — С.916–918.
- 9 ПСЗ. — Т. 15. — № 11481. — С.951.
- 10 Там же. — С. 953.
- 11 Фирсов Н.Н. Петр III и Екатерина II. Опыт характеристик. — Пг. — М., — 1915. — С.28.
- 12 Щербатов М.М. О повреждении нравов в России. — С.78.
- 13 См. Русская старина. — 1896, — № 11. — С.421–422.
- 14 ПСЗ. — Т. 15. — № 11516. — С.987–989.
- 15 Там же. — С.991.
- 16 Фирсов Н.Н. Петр III и Екатерина II. — С.30.
- 17 Там же.
- 18 Русский архив. — 1978. — № 7. — С.288.
- 19 См. Гаврюшкин А.В. Граф Никита Панин. — М., — 1989. — С.24.
- 20 Дашкова Е. Р. Литературные сочинения. Записки (далее — Записки). — М., — 1990. — С.36.
- 21 Там же. — С.72.

- 22 Там же. — С.73.
- 23 ПСЗ. — Т. 16. — № 11582. — С.3.
- 24 Переворот 1762 года. — С.123.
- 25 Там же. — С.118.
- 26 Там же. — С.119.
- 27 Там же. — С.63.
- 28 См.: Русский архив. — 1909. — № 7. С.524—531.
- 29 См.: Переворот 1762 г. — С.64.
- 30 См.: Брикнер А. История Екатерины Второй. — Т. I. — С.124.
- 31 См. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. — Т. 13.— С.111.
- 32 Дашкова Е.Р. Записки. — С.83.
- 33 Державин Г.Р. Записки. — М., — 1860. — С.22—23.
- 34 Цит. по: Переворот 1762 года. — С.128.
- 35 Там же. — С.139—140.
- 36 Сб. РИО: — СПб., — 1876. — Т. 18. — С.475.
- 37 Соловьев С.М. История России с древнейших времен. — Т. 15.— С.100.
- 38 Цит. по: Переворот 1762 года. — С.141.
- 39 Там же. — С.142.
- 40 Там же. — С.136.
- 41 Там же.
- 42 Там же. — С.133—134.
- 43 ПСЗ. — Т. 16. — № 11599 — С.15.
- 44 См. Переворот 1762 года. — С.136.
- 45 См. Гельбиг Г. Русские избранники. — С.349.
- 46 Цит. по сборнику: Ф.Г. Волков и русский театр его времени. — М.,— 1953. — С.150.
- 47 Санкт-петербургские ведомости. — 1762. 9 августа. — № 64.
- 48 Цит. по сборнику: Ф.Г. Волков и русский театр его времени. — С.152.
- 49 Русская старина. — 1887. — № 1. — С.83—84.
- 50 Энциклопедический словарь. — СПб., — 1838. — Т. 11. — С.355.
- 51 Новиков Н.Н. Опыт исторического словаря о российских писателях.— СПб., — 1772. — С.40.
- 52 Фонвизин Д.И. Первое полное собрание сочинений. — СПб., — 1887.— С.857.
- 53 Голос минувшего. — 1913. — № 6. — С.32.
- 54 Русский архив. — 1909. — № 7. — С.526.
- 55 См.: Буганов В.И. Емельян Пугачев. — М., — 1990. — С.18—19.
- 56 См.: А.С.Мильников. Испытание чудом: русский принц, его прототипы и двойники-самозванцы. — Л., — 1991.

Глава восьмая

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ

НОВЕЛЛА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

Коронация и «пять предметов»

В пятницу, 13 сентября, Екатерина Алексеевна торжественно въехала в Москву для совершения коронации. Первопрестольная встречала ее звоном колоколов и грохотом пушек. Она ехала в открытой коляске, окруженная эскортом конногвардейцев, вдоль стоявших шпалерами десяти полков, одетых в парадные мундиры и сверкавшие каски.

Церемония коронации началась 22 сентября в 10 часов утра, когда Екатерина из Успенского собора прошла в Архангельский и Благовещенский, где прикладывалась к святым мощам и почитаемым иконам. Во время ее шествия по Кремлю полки «отдавали честь с музыкою, барабанным боем и уклонением до земли знамен, народ кричал «ура», а шум и восклицания радостные, звон, пальба и салютация кажется воздухом подвигли, к тому ж по всему пути метаны были в народ золотые и серебряные монеты».¹

Коронационные торжества продолжались семь дней. В первый день в Кремле три часа фонтаны били белым и красным вином, бесплатно угощали жареным мясом, продолжали бросать монеты. То же самое происходило и на седьмой день торжеств, а затем перешло в празднество партикулярное в домах московской знати.

Хлебосольная и щедрая Москва превзошла самое себя — балы, парадные обеды, маскарады, фейерверки и прочие увеселения длились более полугода — с октября 1762 до июня 1763 года.

Апофеозом невиданных дотоле сценический действ был грандиозный уличный маскарад, поставленный Волковым по сценарию Хераскова и Сумарокова. Четыре тысячи человек приняли участие в этом действе, названном авторами «Торжествующая Минерва».

Свидетель этого зрелища А.Т.Болотов, писал: «Маскарад сей имел целию своею осмеяние всех обыкновеннейших между людьми пороков, а особливо мздоимных судей, игроков,

мотов, пьяниц и распутных и торжество над ними наук и добродетели: почему и назван был «Торжествующею Минервою». И процессия была превеликая и предлинная: везены были многие и разного рода колесницы и повозки, отчасти на огромных санях, отчасти на колесах, с сидящими на них многими и разным образом одетыми и что-нибудь представляющими людьми и поющими приличные и для каждого предмета сочиненные сатирические песни. Перед каждою такою раскрашенною, распещренною и раззолоченною повозкою, везомою множеством лошадей, шли особые хоры, — где разного рода музыкантов, где разнообразно наряженных людей, поющих громогласно другие веселые и забавные особого рода стихотворения, а инде шли огромные исполины, а инде — удивительные карлы.

И все сие распорядено было так хорошо, украшено так великолепно и богато, и все песни и стихотворения были петы такими приятными голосами, что не иначе, как с крайним удовольствием на все это смотреть было можно».²

К сожалению режиссер и организатор этого действия Федор Волков, разезжая верхом во время маскарада, простудился и 4 апреля 1763 года скончался. Основателя национального русского театра похоронили в мужском Спасо-Андрониковом монастыре, в котором за три века перед тем нашел приют и успокоение родоначальник русской живописи Андрей Рублев.

Когда гроб с телом Волкова опускали в могилу, почти никто не знал, что хоронят не только великого актера, сыгравшего десятки ролей на подмостках сцены, но и великого заговорщика, чья роль, тайно сыгранная им в истории России, надолго окажется скрытой от современников и потомков.

Екатерина начала царствование милостью к недругам и наградами друзей. Она сразу же встала над дворцовыми партиями и распрями и подобно тому, как была безусловным лидером в удачно проведенном заговоре, стала столь же безусловным руководителем государственной политики.

Восемнадцать предшествующих лет, проведенных ею в России, не прошли даром: она хорошо знала страну, ее историю, понимала, каковы ее подданные, и не строила наивных и беспочвенных иллюзий. С первых же дней царствования Екатерина проявила необычайную работоспособность — занималась делами до двенадцати часов в сутки, подбирала себе знающих и надежных помощников, способных быстро и основательно вникать в суть самых разных проблем.

На одном из первых заседаний Сената она заявила, что «принадлежит сама государству, она считает и все принадлежащее ей, собственностью государства, и на будущее время не

будет никакого различия между интересом государственным и ее собственным». При этом она исходила из принципа превосходства интереса государства над интересами отдельной личности, утверждая: «Где общество выигрывает, тут на партикулярный ущерб не смотрят».³

Позднее Екатерина сформулировала другие важнейшие принципы своей политики, названные ею «пятью предметами»:

«1. Нужно просвещать нацию, которой должен управлять.

2. Нужно ввести добрый порядок в государстве, поддерживать общество и заставить его соблюдать законы.

3. Нужно учредить в государстве хорошую и точную полицию.

4. Нужно способствовать расцвету государства и сделать его изобильным.

5. Нужно сделать государство грозным в самом себе и внушающим уважение соседям. Каждый гражданин должен быть воспитан в сознании долга своего перед Высшим Существом, перед собой, перед обществом, и нужно ему преподать некоторые искусства, без которых он почти не может обойтись в повседневной жизни».⁴

Исходя из предмета пятого, Екатерина видела смысл внешней политики в соблюдении собственных интересов России. «Резоны и выгоды, свой авантаж и профит», как тогда говорили, становились целью отношений с другими государствами, что позволило добиться выдающихся успехов в международной политике.

Однако проведению в жизнь этих принципов мешала извечная российская рутина, многочисленные политические противники и интриганы, угроза очередного заговора или дворцового переворота.

О канцелярской рутине весьма красноречиво говорит хотя бы такой факт. На заседании Сената Екатерина как-то спросила, есть ли в Сенате реестр городов? Его не оказалось, хотя Сенат назначал в города воевод. Не было даже карты России. Тогда Екатерина послала сенатского служителя в Академию наук, дав ему пять рублей, и велела купить географический атлас И. К. Кириллова, изданный еще тридцать лет назад, и подарила его Сенату.⁵

В одном из писем Понятовскому Екатерина признавалась: «Мое положение таково, что я должна принимать во внимание многие обстоятельства; последний солдат гвардии считает себя виновником моего воцарения, и при всем том заметно общее брожение».

В первые же месяцы царствования Екатерины II в среде гвардейских офицеров возник заговор в пользу шлиссельбургского узника Ивана Антоновича. Трое братьев Гурьевых — Петр, Иван и Семен — и Петр Хрушов намеревались освободить Ивана Антоновича и посадить его на российский трон. Заговорщики были сосланы в Якутск и на Камчатку.

Вслед за тем обнаружился заговор против Григория Орлова. Объектами недовольства, нападок и даже готовившихся покушений были две государственные персоны — императрица и ее фаворит. Опасность еще более сблизила их, и у любовников появилась мысль обвенчаться, тем более что еще до убийства Петра III Екатерина допускала возможность брака с Григорием Орловым.

Чтобы облегчить выполнение этого намерения, Екатерина решила обнародовать документы о венчании Елизаветы Петровны и Разумовского. Однако, когда посланцы императрицы приехали к Алексею Григорьевичу и попросили показать им соответствующий документ, Разумовский, человек умный и осторожный, открыл ларец с документами и на глазах у нежданных гостей бросил какие-то бумаги в огонь каминна. Не все тогда поняли этот поступок: ведь обнародование факта его супружества с Елизаветой Петровной повлекло бы к его уравниению в правах с членам императорской фамилии, и он получил бы титул императорского высочества. Но Разумовскому было чуждо честолюбие и, кроме того, он не хотел связываться в интригу с непредсказуемыми последствиями..

Тогда в игру включился поверенный в сердечных делах Екатерины, бывший канцлер граф Алексей Петрович Бестужев, первым из сановников удостоенный Екатериной II звания генерал-фельдмаршала.

Во время коронационных торжеств в Москве он составил челобитную на имя императрицы, «в которой ее всеподданейше, всепочтительнейше и всенижайше просили избрать себе супруга ввиду слабого здоровья великого князя».⁶

Несколько вельмож поставили свои подписи под этой челобитной, когда же дело дошло до М.И.Воронцова, он не только не подписал ее, но тотчас же поехал к императрице и обо всем рассказал ей, заявив, что «народ не пожелает видеть Орлова ее супругом».

Екатерина, как утверждает Е.Р.Дашкова, вняла голосу «народа» и сказала, что челобитная была плодом самодеятельности Бестужева, что она не имеет к ней никакого отношения и не собирается брать себе в мужа Григория Орлова.

Меж тем Григорий Орлов по просьбе Екатерины был пожалован германским императором Францем I Габсбургом ти-

тулом князя Священной Римской империи, что вызвало новые опасения того, что фаворит может оказаться на троне.

Главой недовольных Григорием Орловым стал камер-юнкер и секунд-ротмистр конной гвардии Федор Хитрово, которого Дашкова называла «одним из самых бескорыстных заговорщиков». Хитрово, по неосторожности, поделился своими соображениями о замышляемом заговоре с собственным двоюродным братом Ржевским. Он сообщил, что привлек еще двух офицеров — Михаила Ласунского и Александра Рославлева. Все они, говорил Хитрово, будут умолять государыню отказаться от брака с Григорием Орловым, а если она не согласится, то убьют всех братьев Орловых. Перепуганный Ржевский пересказал все это Алексею Орлову и Хитрово арестовали.

24 мая 1763 года Екатерина II, находившаяся на богомолье в Ростове Великом, направила В.И.Суворову секретнейшее письмо о производстве негласного следствия по делу секунд-ротмистра, камер-юнкера Федора Хитрово, рекомендуя «поступать весьма осторожно, не тревожа ни город, и сколь можно никого: однако ж таким образом, чтоб досконально узнать самую истину, и весьма различайте слова с предприятием... Впрочем по полкам имеете уши и глаза».⁸

Следствием было установлено, что Хитрово с небольшим числом сообщников видел главного виновника всего происходящего в Алексее Орлове, ибо «Григорий глуп, а больше все делает Алексей, и он великой плут и всему оному делу причиною».⁹ Было установлено, что на жизнь Екатерины заговорщики посягать не намеревались, а планировали лишь устранение братьев Орловых.

Поэтому Екатерина ограничилась тем, что сослала главного заговорщика Федора Хитрово в его имение, в село Троицкое Орловского уезда, где он и умер 23 июня 1774 года. Единомышленников Хитрово — Михаила Ласунского и Александра Рославлева — уволили с военной и дворцовой службы с чином генерал-поручика.

И все же Екатерина решилась передать вопрос о своем замужестве на усмотрение Сената. На его заседании встал сенатор граф Н.И.Панин, воспитатель цесаревича Павла Петровича, и сказал:

— Императрица может делать все, что ей угодно, но госпожа Орлова не будет нашей императрицей...

Панина тотчас же поддержал К.Г.Разумовский. Правда, потом поговаривали, что все происшедшее в Сенате было подстроено самой Екатериной по договоренности с Паниным, чтобы противостоять настоятельным просьбам Орлова

вступить с ним в брак. Екатерина уже понимала всю несостоятельность этой затеи, хотя всем сердцем продолжала любить Григория.

Когда братья Гурьевы и Хрушов только-только добрались до Камчатки, вновь объявился еще один сторонник замены новой императрицы Иваном Антоновичем. На сей раз им оказался подпоручик Смоленского пехотного полка Василий Яковлевич Мирович.

Бедный дворянин-украинец, родители которого потеряли свои поместья из-за приверженности делу Мазепы, долго обивал пороги своих знатных петербургских земляков, умоляя помочь ему вернуть конфискованное добро. Однажды попал он на прием к гетману К. Г. Разумовскому. Как показывал потом на допросе Мирович, гетман сказал ему: «Ты, молодой человек, сам себе прокладывай дорогу. Старайся подражать другим, старайся схватить фортуна за чуб и будешь таким же паном, как другие». ¹⁰

Отчаявшись добиться желаемого законным путем, Мирович стал подумывать об иных способах поправить дела: то мечтал о выгодной женитьбе, то надеялся на крупный выигрыш в карты, но фортуна ловко увертывалась от неудачливого подпоручика.

Осенью 1763 года Мирович случайно узнал, что в Шлиссельбурге томится несчастный экс-император Иван Антонович. Этого было довольно, чтобы толкнуть его мысли в новом направлении. Всю зиму он обдумывал, что можно предпринять, и, наконец, каким образом можно было бы осуществить эту «затейку» и решил, что как только наступит его очередь нести караульную службу в Шлиссельбургской крепости — а Смоленский полк, по частям, выполнял такую задачу, — он попытается освободить узника.

Он не знал, что даже в случае удачи его затея обречена на провал — Иван Антонович от строгого многолетнего заключения в одиночных казематах превратился в полусумасшедшего человека, невнятно говорившего и утратившего представление о реальной жизни.

В начале июля 1764 года Мировичу была поручена команда из сорока пяти солдат и унтер-офицеров. В крепости постоянно находилось три десятка солдат при коменданте Бередникове и двух офицерах — Власьеве и Чекине.

Мирович лишь в последние дни перед осуществлением задуманного им дела стал склонять солдат и капралов отряда на свою сторону. Подпоручик зачитывал им подложный манифест, сулил богатство и почести, подобные тем, какие об-

рели лейб-кампанцы Елизаветы Петровны. Он предложил участие в заговоре и капитану Власьеву, не зная, что тому, согласно секретной инструкции, вменялось в обязанность лишить жизни Ивана Антоновича при попытке его освобождения.

Власьев сделал вид, что согласился, а сам немедленно доложил обо всем Н.И.Панину. Мирович этого не знал, но почувствовав опасность, решил действовать немедленно. Ночью по его приказу солдаты арестовали коменданта и двинулись к каземату. Однако Власьев и Чекин, услышав выстрелы, немедленно исполнили предписания инструкции, и когда Мирович проник в каземат, Иван Антонович был уже мертв.

Мировича арестовали, долго допрашивали — сначала в Шлиссельбурге, потом в Петропавловской крепости. Следствием и допросами руководил Григорий Орлов, проявивший известную снисходительность к преступнику и не позволивший применять пытки. И все же Мировича приговорили к смерти и казнили 15 сентября 1764 года.

НОВЕЛЛА ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

Григорий Григорьевич Орлов

Что же касается личных взаимоотношений Екатерины и Григория Орлова, то они год от года крепили и отнюдь не ограничивались альковными утехами и любовными ласками.

Из множества характеристик, данных современниками и историками Григорию Орлову, приведем прежде всего принадлежащую его биографу А.А.Голомбиевскому: «Природа щедро одарила Орлова. «Это было, — по выражению императрицы, — изумительное существо, у которого все хорошо: наружность, ум, сердце и душа». Высокий и стройный, он, по отзыву Екатерины, «был самым красивейшим человеком своего времени». Превосходя красотой, смелостью и решительностью всех своих братьев, Григорий не уступал никому ни в атлетическом сложении, ни в геркулесовой силе. При этом Григорий был несомненно добрый человек с мягким и отзывчивым сердцем, готовый помочь и оказать покровительство, доверчивый до неосторожности, щедрый до расточительности, неспособный затаивать злобу, мстить; нередко он разбалтывал то, чего не следует, поэтому казался менее умным, чем был. Способный, но ленивый, Григорий обладал умом не самостоятельным и глубоким, но чутким к вопросам, которые его интересовали. Схватив налету мысль, понравившуюся ему, быстро усваивал суть дела и нередко доводил эту мысль до крайности. Часто вспыльчивый, всегда необузданный в

проявлении своих страстей. он обладал веселым и ветренным нравом, любил кулачные бои, состязания в беге и борьбе и охоту на медведя один на один». ¹¹

К этой характеристике можно присоединить еще одну, высказанную английским посланником лордом Каткартом: «Орлов — джентльмен, чистосердечный, правдивый, исполненный высоких чувств и обладающий замечательным природным умом». ¹²

Английскому посланнику вторил соотечественник Григория Орлова, суровый критик своего времени, желчный и брюзгливый князь М.М. Щербатов. Он отличал Григория Орлова от многих других современников, признавал за ним ряд прекрасных качеств. В записке «О повреждении нравов в России» Щербатов писал: «Во время случая Орлова дела шли довольно порядочно, и государыня, подражая простоте своего любимца, снисходила к своим подданным. Люди обходами не были обижаемы, и самолюбие государыни истинами любимца укрощаемо часто было... Орлов никогда не входил в управление не принадлежащего ему места, никогда не льстил своей государыне, к которой неложное усердие имел, и говорил ей с некоторою грубостью все истины, но всегда на милосердие подвигал ее сердце: старался и любил выискивать людей достойных... Ближних своих любимцев не любил иначе производить, как по мере их заслуг, и первый знак его благоволения был заставлять с усердием служить Отечеству и в опаснейшие места употреблять». ¹³

В дожде благоденствий, пролившихся на Григория Орлова, были две прекрасные богатые мызы, расположенные неподалеку от Петербурга — Гатчина и Ропша. А помимо этого Григорий Григорьевич получал от императрицы большие суммы денег, чаще всего выдаваемые ему на именины — 25 января — и на день рождения — 6 октября. Екатерина дарила Орлову всякий раз от 50 до 150000 рублей.

По ее же ходатайству он стал, как мы уже знаем, князем Римской империи, что было подтверждено дипломом от 21 июля 1763 года. Тогда же он возглавил Канцелярию опекунства иностранных (т.е. иностранцев, переселившихся в Россию). Они получали земли в Поволжье, освобождались на тридцать лет от податей, имели право продавать плоды своего труда беспошлинно за границу, заводить торги и ярмарки, строить фабрики и мануфактуры.

К 1769 году только вокруг Саратова в 104 колониях поселилось более 23000 выходцев из Швейцарии, Германии, Франции, Австрии и других стран. Карта Поволжья заперстри-

да новыми названиями — Берн, Люцерн, Унтервельден и другими.

В январе 1765 года Орлов был назначен шефом Кавалергардского корпуса, а 14 марта того же года — генерал-фельдцейхмейстером и генерал-директором над фортификациями, заняв сразу важнейшие должности — командующего артиллерией и командующего инженерными войсками.

Проводя год за годом рядом с Екатериной, Орлов стал много читать и увлекся естественными науками, отдавая предпочтение физике. Он вступил в переписку с Жан-Жаком Руссо, дружил с директором Академии наук Г.Н. Тепловым и с особой приязнью относился к Ломоносову.

Михаил Васильевич искренне дорожил дружбой Орлова. Символично, что свое предпоследнее стихотворение, написанное в июле 1764 года, он посвятил Орлову:

«Ты, верны Отечеству распростирая длани,
Екатеринин рок и общей отвратил,
Покой и век златой наукам обновил.
Ликуют Северны страны в премудрой воле
Что Правда с Кротостью сияет на Престоле.
О, коль прекрасны дни! О, коль любезна Власть!
Герой, мы должны в том Тебе велику часть!». ¹⁴

В трудные минуты Ломоносов всегда находил у Орлова поддержку, а когда великий ученый 4 апреля 1765 года умер, то все его бумаги Григорий Григорьевич выкупил у вдовы покойного, тщательно разобрал и бережно хранил. Из дневника Семена Андреевича Порошина, воспитателя цесаревича Павла, известно, что Орлов высказывал основательные познания в физических свойствах золота, ботанике, химии, анатомии, геометрии и астрономии¹⁵. В летнем дворце Орлов устроил обсерваторию и часто наблюдал за звездным небом.

Разносторонность интересов привела Орлова к тому, что в 1765 году он стал первым президентом Вольного экономического общества. Он предложил для общества собственный дом, купленный ему Екатериной за 40000 рублей, где 15 июня 1765 года и произошло первое заседание Общества.

По инициативе Екатерины II Орлов объявил конкурс на тему: «В чем состоит собственность земледельца (крестьянина) в земле ли его, которую он обрабатывает, или в движимости, и какое он право на то и другое для пользы общепародной иметь может?» В конкурсе приняло участие 160 авторов, не только русских, но и зарубежных. Тогда-то впервые гласно прозвучал вопрос об отмене крепостного права.

С 1766 года стали издаваться периодические «Труды Вольного экономического общества», а годом раньше вышло в свет первое статистико-географическое исследование России «Экономические вопросы, касающиеся до земледелия по разности провинций». ¹⁶ Издания общества не были мертвой академической схоластикой, в них содержались рекомендации по развитию сельского хозяйства, особенно животноводства, усовершенствованию сельскохозяйственных орудий, советы по пчеловодству, шелководству, производству сахара, полотна, внедрению наиболее рациональных способов хозяйствования. Григорий Орлов еще дважды — на второй и третий срок — избирался президентом общества и до конца своих дней оставался его членом.

31 октября 1765 года последовал высочайший рескрипт, в котором Екатерина писала: «Мы оное приемлем в особое наше покровительство..., жалуем обществу 6000 рублей на покупку пристойного дома как для собрания вашего, так и для учреждения в нем экономической библиотеки». ¹⁷ (В 1919 году, когда «Вольное Экономическое общество» было ликвидировано, его библиотека насчитывала 200000 томов).

Общество учредило и свои собственные награды. Первая золотая медаль стоимостью в 250 золотых рублей была присуждена привезшему наибольшее количество российской пшеницы для продажи за границу, вторая — за устройство запасных хлебных житниц на случай неурожая.

14 декабря 1766 года был опубликован манифест о выборах депутатов в Комиссию об уложении от всех свободных сословий России для выработки нового свода законов.

Комиссии об уложении, более известные под именем уложенных комиссий, существовали в России с начала XVIII века. С 1700 по 1754 год существовало шесть уложенных комиссий, работающих над созданием свода законов. Однако ни одна из них не преуспела. Поэтому Екатерина решила еще раз собрать Комиссию об уложении, чтобы довести дело до конца. Свод законов создавали депутаты от всех народов и сословий страны кроме крепостных крестьян, интересы которых представляли их владельцы — помещики и прочие светские и духовные обладатели. Всех пятерых братьев Орловых избрали депутатами от уездов, где у них были имения. Григорий Орлов представлял дворян Копорского уезда Петербургской губернии.

Пока шли выборы, Екатерина и ее фаворит путешествовали по Волге. 2 мая 1767 года их галеры вышли из Твери и поплыли вниз по реке через Ярославль, Кострому, Нижний

Новгород, Чебоксары, Казань и Симбирск, откуда знатные вояжеры пересели в экипажи и вернулись в Москву.

На остановках путешественники осматривали заводы и фабрики, монастыри и церкви, мастерские и соляные варницы. В Нижнем Новгороде Орлов познакомил императрицу с замечательным механиком-самоучкой И.И.Кулибиным.

В дороге Екатерина и Орлов размышляли над тем, какие законы могли бы улучшить положение дел в России. Именно в эти дни императрица начала интенсивно разрабатывать свой знаменитый «Наказ», представленный потом депутатам Уложенной комиссии. Орлов для «Наказа» переводил одну из глав романа Мармонтеля «Велизарий».

Екатерина в каждом из городов, монастырей и сел принимала челобитные, выслушивала жалобы, решала различные дела и тяжбы, беседовала с губернаторами, помещиками и крестьянами, попами и купцами, с русскими и инородцами.

Из Казани она писала Вольтеру: «Эти законы, о которых так много было речей, собственно говоря, еще не сочинены, и кто может отвечать за их доброкачественность? Конечно, не мы, а потомство будет в состоянии решить этот вопрос. Представьте, что они должны служить для Азии и для Европы, и какое различие в климате, людях, обычаях и самих понятиях!.. Можно легко найти общие правила, но подробности? И какие подробности? Это почти все равно, что создать целый мир, соединить части, оградить, и прочее».¹⁸

22 июня, находясь в Москве, Екатерина сообщила сенаторам, что за время путешествия она получила шестьсот челобитных и почти все они содержали жалобы крестьян на помещиков и споры между иноверными народами о землях.

30 июля 1767 года в Успенском соборе Кремля состоялось торжественное открытие заседаний Уложенной комиссии. В конце церемонии Екатерина II вручила генерал-прокурору князю Александру Алексеевичу Вяземскому заверченный ею накануне «Наказ», состоящий из 22 глав и 665 статей, большей частью построенных на трудах французских философов-просветителей.

На следующий день 420 депутатов собрались в Грановитой палате, чтобы тайным голосованием избрать маршала Уложенной комиссии. Им был избран Григорий Орлов, но он отказался от столь высокой чести «за множеством дел, возложенных на него ее императорским величеством», и тогда маршалом избрали костромского депутата генерала Александра Ильича Бибикова.

Потом фаворит оказался одним из трех чтецов, которые по очереди читали «Наказ». Депутаты с прилежанием, внима-

нием и восхищением слушали сочинение императрицы и на следующем заседании решили поднести ей новый титул. Поступило несколько предложений, но принята была редакция Григория Орлова — «Екатерина Великая, Премудрая, Мать Отечества».

12 августа одиннадцать депутатов и маршал Бибииков поднесли Екатерине новый титул, но она поручила от своего имени вице-канцлеру князю Александру Михайловичу Голицыну заявить от ее имени: «О званиях же, кои вы желаете, чтоб я от вас приняла: на сие ответственую: 1) на «Великая» — о моих делах оставляю времени и потомкам беспристрастно судить; 2) «Премудрая» — никак себя таковою назвать не могу, ибо один Бог премудр; 3) «Матери Отечества» — любить Богом врученных мне подданных я за долг звания моего почитаю, быть любимую от них есть мое желание».¹⁹

Сама же она сказала:

— Надобно господам депутатам обсуждать и составлять законы, а не заниматься моей анатомией».²⁰

После того, как верноподданническая инициатива Григория Орлова и прочих восторженных ее поклонников из сонма народных избранников получила достаточно вежливый, но решительный афронт, Григорий Григорьевич лишь однажды высказал свое мнение перед депутатами. Это случилось 20 августа, когда был зачитан Наказ от черносошных (государственных) крестьян Каргопольского уезда. Выслушав рассказ их депутата, поведавшего о бедах и нуждах крестьян, испрашивающих облегчения своей участи, Орлов, вопреки мнению большинства, выступил в поддержку каргопольцев.

14 декабря состоялось последнее заседание Уложенной комиссии в Москве, после чего были объявлены каникулы до следующего заседания, состоявшегося в Санкт-Петербурге 18 февраля 1768 года.

НОВЕЛЛА ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

Эпидемия оспы

Этот год запомнился России эпидемией оспы, косившей сотни тысяч людей или обезобразившей их глубокой рябью на коже лица. Карантины, даже самые строгие, не давали эффекта.

Примечательно, что именно в этом году двадцатилетний английский врач Эдуард Дженнер привил восьмилетнему мальчику коровью, а через полтора месяца человеческую оспу, и мальчик остался здоров.

Так появилось средство от ужасного недуга. Узнав о нем, Екатерина II немедленно позаботилась о его внедрении в России. В Англии удалось уговорить последователя доктора Дженнера военного врача Томаса Димсдаля, и он приехал в Петербург вместе со своим взрослым сыном Нафананлом — свидетелем врачебных успехов отца, привившего оспу себе и сыну.

12 октября 1768 года Томас Димсдаль привил оспу сначала Екатерине, а вслед за ней четырнадцатилетнему Павлу Петровичу и Григорию Орлову, не желавшему отставать от своей августейшей покровительницы.

Для всех троих операция прошла успешно, а Григорий Григорьевич, слегка бравидуя, уже на следующее утро отправился на заранее условленную медвежью охоту, несмотря на легкое недомогание.

В феврале следующего, 1769 года Димсдали получили титул российских баронов, а Томас был назначен также лейб-медиком, и удостоен чина действительного статского советника с пожизненной пенсией 500 фунтов стерлингов в год. Примеру Екатерины, Павла и Орлова последовали все придворные, и оспопрививание стало великосветской модой, а у новоявленных баронов не было отбоя от сотен знатных и богатых клиентов.

Когда депутаты Уложенной комиссии поздравили Екатерину II с благополучной прививкой, она сказала: «Мой предмет был спасти от смерти многочисленных моих верноподданных, кои, не зная пользы сего способа, оного страшая, оставались в опасности. Я сим исполнила часть долга звания моего... Вы можете уверены быть, что ныне и паче усугублять буду мои старания и попечения о благополучии всех моих верноподданных вообще и каждого особо».²¹

Эти красивые слова содержали немалую рисовку, и были скорее предназначены для внутреннего отечественного потребления. Правду же Екатерина II предпочла рассказать человеку не столь доверчивому, как депутаты Уложенной комиссии. В письме к Фридриху II она писала: «Меня приучали с детства питать ужас к оспе. Мне стоило больших трудов уменьшить эту боязнь в более зрелом возрасте: в малейшем нездоровьи, постигавшем меня, уже видела эту болезнь. В течение весны и прошедшего лета, когда оспа производила большие опустошения, я переезжала из дома в дом и удалась из города на целых пять месяцев, не желая подвергать опасности на сына, ни себя. Я была так поражена положением, исполненным такой трусости, что считала слабостью не суметь выйти из него. Мне посоветовали привить оспу моему

сыну. Но, сказала я, с каким лицом сделаю я это, если не начну с себя самой, и как ввести прививание оспы, если я не подам к тому примера. Я принялась за изучение этого предмета, твердо решившись взяться за средство менее опасное. Последующее размышление заставило меня решиться наконец. Всякий благоразумный человек, видя перед собой две опасные дороги, избирает ту из них, которая менее опасна. Было бы трусостью оставаться всю жизнь в действительной опасности со многими миллионами людей, или же предпочесть меньшую опасность, продолжающуюся короткое время, и тем спасти много народу. Я думала, что выбрала самое верное; миг прошел, и я в безопасности».²²

Сюжет об оспопрививании имеет и продолжение. Дело в том, что оспе императрице привили от больного пятилетнего мальчика, по документам значившегося как Александр Данилович Марков. Указом Екатерины II от 24 ноября 1768 года он был возведен в дворянство с фамилией Оспинный. 14 декабря того же года Екатерина писала графу Н.Г.Чернышеву: «Моя же ныне есть забава тот самый мальчик от которого мне привита оспа; непокойный купидон Галактион с товарищами не входят с ним в сравнение, и все признают, что не видали повесы подобной Александру Даниловичу сыну Оспину: резов до бешенства, умен и хитер не по летам, смел до неслыханной дерзости; никогда не кроток, ни в ответах, ни в выдумках, ему же шестой год, и мал как клоп. Брат ваш, граф Захар Григорьевич, граф Григорий Григорьевич (Орлов) и сам Кирилл Григорьевич (Разумовский) часа по три, так как и мы все, по земле с ним катаемся и смеемся до усталости... Если хотите знать, кому он принадлежит, то знайте, что по словам вашего брата, он со временем предназначен занять должности Бецкого; больше о том у меня не спрашивайте. Галактион Иванович велел спросить, скоро ли будет слоник, который вы ему обещались из Китая прислать».²³

Чтобы понять эту выдержку из письма Екатерины, пришлось заглянуть в Русский биографический словарь издания 1905 года. В нем утверждается, что у Г.Г.Орлова по его смерти осталось четверо детей: Софья Григорьевна Алексеева, вышедшая замуж за известного военачальника Федора Федоровича Букгевдена; сын Галактион, умерший в молодости; сын Александр Оспинный; дочь Елизавета, вышедшая замуж за Ф.И.Клингера.²⁴ Известный нам Георг Гельбиг добавляет, что Галактиона молодым офицером отправили в Англию, где он вскоре скончался от излишеств. Он же утверждает, что замужем за Букгевденом была не Софья Григорьевна, а Наталья Алексеевна Алексеева, и сообщает о двух других

случаях, когда внезапно обнаруживались внебрачные дочери Орлова. Хотя их не связывали с Екатериной, императрица щедро и охотно помогала им.²⁵

Историк А.Н.Корсаков поместил в «Историческом вестнике» статью «Из прошлого», в которой рассказал о дальнейшей судьбе Александра Оспинного.²⁶ Екатерина, возведя мальчика в дворянство, определила на его имя капитал в 3000 рублей «который до его совершеннолетия вносится в банк для приращения процентами».²⁷ Затем мальчика поместили в Пажеский корпус, из которого он был выпущен в офицеры, но заболел и, не достигнув тридцати лет, выведен в отставку секунд-майором с пенсией 300 рублей в год.

Что же касается Галактиона Ивановича, то и его, как и Оспинного, считали сыном Г.Г.Орлова и Екатерины II, утверждая, что оба они в детстве жили в доме В.Г.Шкурина. Об этом в письме к графу Суффолку — статс-секретарю Англии по иностранным делам — сообщал 28 июня 1772 года английский посланник в Петербурге сэр Роберт Гуннинг. Он писал: «Отношения (Г.Г.Орлова) к императрице серьезны, и плодом их служат трое живых детей; они находятся в доме и под надзором одного человека, бывшего ее камердинером в то время, как она была великой княгиней, но несколько времени тому назад возвышенного до звания камергера с приказанием, однако, не являться ко двору. Зовут его Шкуриным. Она иногда видится с детьми, хотя и не часто».²⁸

Не все историки согласны с вышеизложенными версиями. Бесспорно признается сыном Екатерины и ее фаворита Алексей Григорьевич Бобринский. Что же касается Оспинного и Галактиона Ивановича, то полагают, что они были воспитанниками Екатерины II, а не ее родными детьми. На практике же тех лет воспитанниками в семьях российской знати были либо внебрачные дети, либо дети бедных родственников. Автор не берет на себя смелость решать этот вопрос однозначно.

НОВЕЛЛА ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

Европейские дела

Теперь кратко познакомимся с наиболее важными моментами внешней политики, которую проводила Екатерина II. Первое, что она сделала по восшествии на престол, — послала письмо Фридриху II, уведомляя, что Россия останется верна миру с Пруссией, который незадолго перед этим подписал Петр III. Об этом письме не знал ни один из русских сановников. Нейтрализовав Пруссию, Екатерина тут же при-

брала к рукам Курляндию, которой управлял сын польского короля Августа III принц Карл. По приказу Екатерины в Митаву вошли русские войска, и в начале января 1763 года туда торжественно въехал семидесятидвухлетний герцог Эрнст Бирон со своим сорокалетним сыном Петром, что вынудило принца Карла покинуть Курляндию.

На следующий год, как бы подводя итог всему сделанному, в Митаву пожаловала и сама Екатерина и была принята с необычайной пышностью и торжественностью.

Бирон оставался правителем Курляндии до конца жизни. Он умер 17 декабря 1772 года, восьмидесяти двух лет, оставив трон старшему сыну Петру. Новый правитель Курляндии был жаден и корыстолюбив до патологии, разорял и крестьян, и мещан, и дворян. Более двадцати лет терпели его подданные, а летом 1795 года приехали в Петербург, где предложили Екатерине II установить в герцогстве новую власть. Герцог Петр Бирон отрекся от престола, получив за свои имения 2 миллиона рублей и пожизненную пенсию в 69 тысяч талеров ежегодно. 27 мая 1795 года на месте бывшего герцогства была образована курляндская губерния.

Остальные дети Эрнста-Иоганна Бирона — сын и четыре дочери, а также их потомство — породнились с самыми знатными домами Европы и России.

Не оставила без внимания Екатерина и Польшу, отправив туда осенью 1762 года большую денежную субсидию и присвокупив к ней орден Андрея Первозванного своему старому другу и бывшему любовнику Станиславу-Августу Понятовскому. Она рассчитывала на него, как на надежного союзника и беспрекословного проводника русских интересов в Речи Посполитой.

В январе 1763 года тяжело заболел польский король Август III, и в предвидении его кончины Екатерина II и Фридрих II обменялись письмами по поводу будущего Польши. То же самое делали австрийцы и французы, противопоставляя австро-французскую коалицию русско-прусской и намереваясь посадить на польский трон своего кандидата.

Август III умер 5 октября, а уже в начале 1764 года Россия и Пруссия заключили военный союз, русские войска вступили в Польшу, а сторонникам Станислава Понятовского были выделены огромные денежные субсидии.

7 сентября 1764 года Понятовского избрали королем. Впоследствии Екатерина так объясняла мотивы поддержки ею Понятовского: «Россия выбрала его в кандидаты на польский престол, потому что из всех искателей он имел наименее прав,

а следовательно наиболее должен был чувствовать благодарность к России». ²⁹

Однако в Польше нашлось множество патриотов, выступивших против Понятовского и русских войск. Среди них были аристократы братья Адам и Михаил Красиньские, Юзеф Пулавский, львовский архиепископ Сераковский и другие. 29 февраля 1768 года они создали конфедерацию, которая стала называться Барской по имени города Бар в Подолии (ныне Винницкая область Украины). Своими союзниками барские конфедераты считали любого врага России. Особое место в их планах занимала Турция как наиболее традиционный и последовательный противник России.

Весной началось восстание барских конфедератов и Понятовский обратился к Екатерине с просьбой о помощи. На подавление восстания двинулись крупные контингенты русских войск под командованием генералов П.Ф.Апраксина, М.Н.Кречетникова и А.А.Прозоровского.

В июне Кречетников занял Бердичев, а отряд Апраксина — Бар, Прозоровский тем временем двинулся на Львов и у местечка Броды нанес конфедератам сокрушительное поражение, после чего дивизии Апраксина и Прозоровского овладели Краковом.

На юге русские казаки заняли Балту и Дубоссары, где погибло много турок, татар и молдаван, поэтому турецкий султан сначала потребовал убрать российские войска оттуда, а затем — из всей Польши.

Эти условия для России были неприемлемы и отвергнуты. Тогда, как и рассчитывали барские конфедераты, 25 сентября 1768 года Турция объявила России войну.

На театр военных действий было двинуто 150000 войск. 1-я армия князя А.М.Голицына осадила турецкую крепость Хотин на южном берегу Днестра, а 2-я армия графа П.А.Румянцева встала в междуречье Днепра и Дона.

18 апреля 1768 года был образован Совет при Высочайшем дворе, собравшийся десять раз за девять месяцев (до 22 января 1769 года). Затем Совет стал собираться два раза каждую неделю — в 10 часов утра, в понедельник и четверг. Первоначально в него вошли: К.Г.Разумовский, А.М.Голицын, Н.И.Панин, М.Н.Волконский, З.Г.Чернышов, П.И.Панин, Г.Г.Орлов, А.А.Вяземский, затем состав менялся, но принцип оставался прежним — в нем присутствовало восемь важнейших сановников империи и руководила им сама Екатерина II. В Совете свободно обсуждались разные вопросы боевых действий и различные другие важные проблемы, связанные с войной и внешнеполитическими акциями. Среди них много-

кратно обсуждался вопрос о подъеме всех православных славян, греков и румын на борьбу с многовековым османским игом.

Григорий Орлов считал, что главной силой, способной помочь единоверцам-славянам и грекам, является российский флот. По его инициативе в июле 1769 года из Кронштадта в Средиземное море ушла эскадра адмирала Г.А.Спиридова, а следом за нею двинулась эскадра под командованием контр-адмирала Джона Элфинстона. Общее командование флотом осуществлял Алексей Григорьевич Орлов — «генералиссимус и генерал-адмирал всего Российского флота в Средиземном море». Под его началом находилось 97 кораблей: 20 линейных, 24 фрегата и более 50 десантных и других судов. Флот должен был отвлечь турецкие силы с Дунайского театра, помочь единоверцам, славянам и грекам, в борьбе с османским владычеством и нарушить морские коммуникации противника.

10 апреля 1770 года русский десант под командованием бригадира Ивана Абрамовича Ганнибала взял крепость Наварин, а 24-26 июня произошло знаменитое морское сражение в Чесменской бухте.

...23 июня в Хиосском проливе русские моряки обнаружили флот капудан-паши Хасан-бея, состоявший из 73 кораблей при 1430 орудиях. Несмотря на то, что у Алексея Орлова было всего 30 кораблей при 820 орудиях, его флот пошел в атаку и загнал неприятеля в Чесменскую бухту, заблокировав его там.

25 июня на военном совете приняли план уничтожения турецкого флота, предложенный адмиралом Г.А.Спиридовым, по коему авангард из четырех линейных кораблей, двух фрегатов, одного бомбардирского корабля и четырех брандеров (судов, наполненных зажигательными и горючими веществами), под командой контр-адмирала С.К.Грейга в ночь на 26 июня подошел к Чесменской бухте и открыл ураганный огонь по скучившимся возле берега кораблям противника. Пожар, вспыхнувший на одном из турецких кораблей, из-за сильного ветра перекинулся на другие суда, и в это время в атаку пошли брандеры. К трем часам ночи пожар стал всеобщим и от огня уцелели лишь пять галер и один линейный корабль. Турки потеряли весь флот и около 10000 матросов и офицеров. Потери же русских составили одиннадцать человек. В результате русский флот стал полным хозяином на море.

В честь победы Алексей Орлов получил титул «Чесменского», в Царском Селе была воздвигнута Чесменская колон-

на, в Петербурге построен Чесменский дворец и выбита медаль с портретом генерал-адмирала.

Почти в это же время П.А.Румянцев наголову разбил турецкую армию: сначала на реке Ларге (7 июля), а затем при Кагуле (21 июля). Летом следующего года князь В.М.Долгорукий, ворвавшись в Крым, занял Перекоп, Евпаторию и Керчь.

Победы над турками укрепили позиции России в Польше, где еще шли бои с конфедератами. Однако еще раньше пришла беда: в Закарпатье и Подолии вспыхнула эпидемия чумы, занесенная с Дунайского театра военных действий. В декабре 1770 года чума появилась в Москве.

НОВЕЛЛА ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

Черная смерть

В начале сентября 1771 года смертность в Москве достигла тысячи человек в день. Дворяне уехали в свои подмосковные, а 14 сентября оставил столицу и престарелый московский главнокомандующий фельдмаршал П.С.Салтыков. На следующий день в Москве начался бунт. Причиной было то, что в город из-за боязни чумы перестали подвозить продовольствие, были закрыты все мануфактуры и фабрики, так как скученность способствовала массовым заражениям, а это вело к голоду, так как не стало съестного и простым людям перестали платить деньги. Кроме того усиленно распространялись слухи о врачах-вредителях и душегубах, нарочно хоронивших вместе с мертвыми и еще живых, но впавших в беспамятство людей. А так как большинство врачей и аптекарей были немцами, да еще к тому же и лютеранами, то бунтовщики начали с того, что принялись беспощадно убивать их, сносить карантинные рогатки и поджигать дома и больницы.

Поводом к началу бунта стал архиепископский запрет собираться у чудотворной иконы Боголюбской богородицы у Варварских ворот, прикладываться к ней и собирать деньги в церковную кружку. Это вызвало негодование многих тысяч москвичей. В 8 часов вечера 15 сентября ударили в набат и толпы простолудинов с кольями, топорами, дубинами сбегались к Ильинским и Варварским воротам, а затем ворвалась в Кремль, отыскивая архиепископа Амвросия, который успел бежать в Донской монастырь. На следующий день толпы бунтарей ворвались и в Донской монастырь, где скрылся Амвросий, нашли его там и зверски убили. После этого мятежники снова пошли к Кремлю, но все его ворота успели запереть, а

когда толпа пошла на штурм, ее отбили пушечным огнем и кавалерийской атакой.

На помощь Москве из Петербурга форсированным маршем двинулись все четыре полка лейб-гвардии под общим командованием Григория Орлова. Он въехал в Москву 26 сентября и расположился с огромной свитой в бывшем Лефортовском дворце. Однако через несколько дней дворец был подожжен злоумышленниками, но это не ожесточило Орлова. Он приводил город в спокойствие не репрессиями, а умиротворением. Орлов увеличил число больниц, работавшим там крепостным крестьянам обещал вольную. Выздоровевших при выходе из больницы снабжали бесплатным питанием и одеждой. На Таганке открыли сиротский приют для детей, оставшихся без родителей. Было сожжено более трех тысяч ветхих домов, где прежде жили больные, а шесть тысяч домов подвергли дезинфекции.

Смертной казни предали лишь четверых убийц архиепископа Амвросия. 170 смутьянов высекли кнутом и розгами, а затем отправили либо на галеры, либо на казенные работы. Следует заметить, что судьи действовали небезоглядно, оправдав более ста, привлеченных к суду.

Пробыв в Москве около трех недель и решительно изменив ситуацию к лучшему, Орлов возвратился в Петербург как триумфатор.

Было известно, что он не просто был послан в Москву, но вызвался поехать добровольно. Об этом оповещала надпись, выбитая на мраморной доске и установленная на Триумфальных воротах у Царского Села, выстроенных в честь спасителя Москвы.

Однако, несмотря на оказанные милости, Орлов заметил, что за время его отсутствия в Петербурге многое переменялось. В Совете теперь уже гораздо больше говорили о мире, чем о войне, и было ясно, что верх одержала партия Н.И. Панина, сторонника скорейшего заключения мира с Турцией.

В начале 1772 года было решено открыть переговоры и во главе русской делегации был поставлен Григорий Орлов. Вторым лицом определен Алексей Михайлович Обрезков, опытный дипломат, долгие годы служивший русским послом в Константинополе.

Орлову перед отправлением на переговоры было подарено несколько парадных кафтанов, один из которых, усыпанный бриллиантами, стоил миллион рублей. Его свита напоминала царский двор и насчитывала со слугами и лакеями более трехсот человек.

25 апреля 1772 года огромный посольский поезд выехал из Петербурга и уже 14 мая был в Яссах, а затем в Фокшанах. Однако турецкие послы Осман-Эффенди и Язенджи-Заде все еще находились в Константинополе и прибыли в Фокшаны лишь 24 июля, сопровождаемые дружественными им послами Австрии и Пруссии. На переговорах Орлов не проявил дипломатических талантов и 18 августа прервал диалог и уехал в Яссы, где стоял штаб армии П. А. Румянцева.

3 сентября Орлов получил из Петербурга рескрипт императрицы с повелением поступить под команду генерал-фельдмаршала Румянцева, а переговоры продолжить, если они возобновятся.³⁰

Орлов стал ожидать дальнейшего развития событий, не подозревая, что неудача в Фокшанах — ничто по сравнению с катастрофой, постигшей его в Петербурге.

НОВЕЛЛА СЕМИДЕСЯТАЯ

Перемена в Петербурге. Васильчиков

Прусский посланник в Петербурге граф Сольмс 3 августа 1772 года писал своему королю Фридриху II, очень охочему до всяких интимных сообщений: «Не могу более воздержаться и не сообщить вашему величеству об интересном событии, которое только что случилось при этом дворе. Отсутствие графа Орлова обнаружило весьма естественное, но тем не менее неожиданное обстоятельство: ее величество нашла возможным обойтись без него, изменить свои чувства к нему и перенести свое расположение на другой предмет. Конногвардейский поручик Васильчиков, случайно отправленный с небольшим отрядом в Царское Село для несения караулов, привлек внимание своей государыни... При переезде двора из Царского Села в Петергоф Ее Величество в первый раз показала ему знак своего расположения, подарив золотую табакерку за исправное содержание караулов. Этому случаю не придали никакого значения, однако частые посещения Васильчиковым Петергофа, заботливость, с которою она спешила отличить его от других, более спокойное и веселое расположение ее духа со времени удаления Орлова, неудовольствие родных и друзей последнего, наконец, множество других мелких обстоятельств уже открыли глаза царедворцам. Хотя до сих пор все держится в тайне, но никто из приближенных не сомневается, что Васильчиков находится уже в полной милости у императрицы; в этом убедились особенно с того дня, когда он был пожалован камер-юнкером.

Некоторая холодность Орлова к императрице за последние годы, поспешность, с которою он в последний раз уехал от нее, оскорбившая ее лично, наконец, обнаружение многих измен, — все это вместе взятое привело императрицу к тому, чтобы смотреть на Орлова, как на недостойного ее милостей». ³¹

Орлов был изрядным повесой и сердцеедом еще до того, как сблизился с Екатериной. Статус фаворита мало что изменил в его отношениях с женщинами. Уже в 1765 году, за семь лет до разрыва с Екатериной, французский посланник в России Беранже писал из Петербурга о Григории Орлове: «Этот русский открыто нарушает законы любви по отношению к императрице; у него в городе есть любовницы, которые не только не навлекают на себя гнев императрицы за свою угодливость Орлову, но, по-видимому, пользуются ее расположением. Сенатор Муравьев, накрывший с ним свою жену, едва не сделал скандала, прося развода. Царица умиротворила его, подарив земли в Ливонии». ³²

Позднее Орлов был наречен отцом девицы Алексеевой, о которой говорили, что она его дочь от связи с императрицей. Но имелась и другая версия происхождения Алексеевой.

Эти и другие многочисленные похождения фаворита переполнили чашу терпения Екатерины, и она решила на разрыв.

Выбор ею Васильчикова случайным не был: его подставил скучающей сорокатрехлетней императрице умный и тонкий интриган граф Н.И.Панин, тяготившийся всесилием Орлова.

Александр Семенович Васильчиков был родовит, но небогат. Молодой офицер показался Панину подходящей кандидатурой, ибо был хорош собой, любезен, скромн и отменно воспитан.

Как пишет Гельбиг, Панин и братья Чернышovy, сговорившись друг с другом, представили Васильчикова Екатерине.

Молодого и робкого конногвардейца подвергли многократному испытанию на служебное соответствие в выполнении прямых обязанностей фаворита императрицы.

Вот что писал об этой процедуре хорошо осведомленный в дворцовых интригах уже известный нам А.М.Тургенев: «В царствование Великой посылали обыкновенно к Анне Степановне Протасовой на пробу избираемого в фавориты Ее Величества. По осмотре предназначенного в высокий сан наложника матушке-государыне лейб-медиком Роджерсоном и по удостоверению представленного годным на службу относи-

тельно здоровья, препровождали завербованного к Анне Степановне Протасовой на трехнощное испытание.

Когда нареченный удовлетворял вполне требования Протасовой, она доносила все милостивейшей государыне о благонадежности испытанного, и тогда первое свидание было назначено по заведенному этикету двора или по уставу высочайше для посвящения в сан наложника конфирмованному. Перекусихина Марья Саввишна и камергер Захар Константинович были обязаны в тот день обедать вместе с избранным. В 10 часов вечера, когда императрица была уже в постели, Перекусихина вводила новобранца в опочивальню благочестивейшей, одетого в китайский шлафрок, с книгою в руках и оставляла его для чтения в креслах подле ложа помазанницы. На другой день Перекусихина выводила из опочивальни посвященного и передавала его Захару Константиновичу, который вел новопоставленного наложника в приготовленные для него чертоги; здесь докладывал Захар уже раболепно фавориту, что все милостивейшая государыня высочайше соизволила назначить его при высочайшей особе своей флигель-адъютантом, подносил ему мундир флигель-адъютантский, шляпу с бриллиантовым аграфом и 100000 рублей карманных денег. До выхода еще государыни, зимою — в Эрмитаж, а летом — в Царском Селе, в сад, прогуляться с новым флигель-адъютантом, которому она давала руку вести ее, передняя зала у нового фаворита наполнялась первейшими государственными сановниками, вельможами, царедворцами для принесения ему усерднейшего поздравления с получением высочайшей милости. Высокопреосвященнейший пастырь митрополит приезжал обыкновенно к фавориту на другой день посвящения его и благословлял его святою иконою!»³³.

Впоследствии процедура усложнялась и после Потемкина фаворитов проверяла не только пробир-фрейлина Протасова, но и графиня Брюс, и Перекусихина, и Уточкина. В случае же с Васильчиковым обошлось, кажется, не столь сложным испытанием. Васильчиков с соизволения Екатерины занял апартаменты Григория Орлова и получил орден Александра Невского.

После этого его наставником по дворцовым делам стал князь Ф. С. Барятинский — один из убийц Петра III. Барятинский был посвящен в интригу с самого начала и успешно сыграл роль добровольного сводника.

Роман с Васильчиковым только начался, как в Яссы от одного из братьев Орловых пришло известие о случившейся в Петербурге перемене. Григорий Григорьевич немедленно бросил все и помчался в Зимний дворец. Он скакал день и

ночь, надеясь скорым появлением изменить положение в свою пользу. Но его надеждам не суждено было осуществиться: за много верст до Петербурга его встретил царский фельдъегерь и передал личное послание императрицы, которая категорически потребовала «избрать для временного пребывания ваш замок Гатчину». ³⁴ Орлов повиновался беспрекословно, поскольку в рескрипте указывалась и причина — карантин, а он ехал с территории, где все еще свирепствовала чума. И потому у него не было резона не подчиниться приказу царицы.

Гатчина, подаренная Григорию Орлову Екатериной в первые же недели ее правления, за восемь лет сказочно преобразилась. Выдающийся зодчий Антонио Ринальди построил новый огромный дворец и разбил вокруг великолепный английский парк, занимавший площадь более 600 десятин. Многочисленные острова на реке Ижоре соединялись ажурными мостами, на берегах и в парке размещались изящные павильоны и террасы, флигеля и гроты.

Здесь, в обстановке изысканной роскоши, Орлов время от времени принимал придворных, приезжавших к нему с одним и тем же — предложением императрицы об отставке с сохранением пожизненной пенсии в 150000 рублей в год при условии, что он не станет жить в Петербурге, а поселится вдали от двора. Его посредником в переговорах с Екатериной стал старший из братьев Орловых — Иван. В конце концов сошлись на том, что кроме пенсии Орлов получает единовременное пособие в 100000 рублей на покупку дома и разрешение жить в любом из подмосковных дворцов. Ему было подарено еще 10000 крестьян, огромный серебряный сервиз французской работы и еще недостроенный Мраморный дворец на Неве, у Троицкой пристани. Наконец, 4 октября 1772 года Екатерина подписала высочайший рескрипт об утверждении Г.Г.Орлова в княжеском достоинстве. (Еще 21 июля 1763 года австрийский император Франц возвел Г.Г.Орлова в княжеское достоинство Римской Империи, но Екатерина, получив грамоту, не вручила ее своему фавориту из политических соображений.)

Получив все, чего он добивался, Орлов продолжал тревожить Екатерину письмами, посылал к ней своих братьев и не собирался уезжать из Гатчины.

«Между тем, — писал граф Сольмс 23 октября 1772 года — Васильчиков продолжает пользоваться благосклонностью Ее Величества и не отходит от нее ни на минуту, так что пока он будет вести себя таким образом, трудно предполагать, чтобы старому любимцу были возвращены прежние его права». ³⁵

Он же, тремя неделями позже, сообщал, что «Императрица, до сих пор трудолюбивая, деятельная, становится ленивою и небрежною к делам. Насколько терпят от того дела, можно судить по тому, что императрица по три и по четыре раза отказывает министрам, являющимся к ней с докладами». ³⁶

Но так продолжалось недолго. Екатерина быстро взяла себя в руки и снова предстала перед всеми неусыпной труженицей, не упускающей из вида ни одного важного дела.

Все вернулось в прежнее русло, как вдруг накануне Рождества, вечером 23 декабря 1772 года, в Петербург неожиданно пожаловал князь Григорий Григорьевич Орлов. Он остановился у брата Ивана и уже на следующий день был принят Екатериной, после чего появлялся во дворце ежедневно, но все заметили, что хотя Орлов весел, непринужден, любезен и обходителен со всеми, включая и Васильчикова, — Екатерина на людях ни разу не беседовала с ним и даже не замечала его. Тем не менее многие были уверены, что звезда Орлова взойдет снова, во всяком случае иностранные послы поспешили нанести ему визиты, и он отвечал им тем же. Было замечено, что старые друзья Орлова снова вошли в фавор и получили именно в эти дни придворные назначения, чины и ордена.

В начале января 1773 года Орлов уехал в Ревель, где намеревался провести всю зиму, но появился в Петербурге через два месяца. В мае на его имя поступил Высочайший Указ, в коем говорилось: «Наше желание есть, чтоб вы ныне вступили паки в отправление дел наших, вам порученных». ³⁷

Орлов возвратился ко всем своим обязанностям кроме одной — обязанности любовника. И все же казалось, что фортуна снова повернулась к нему лицом.

НОВЕЛЛА СЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Сердечные дела цесаревича

В сентябре 1773 года праздновались совершеннолетие Павла Петровича — ему исполнилось девятнадцать лет — и его свадьба с восемнадцатилетней принцессой Гессен-Дармштадской Вильгельминой, ставшей в России великой княгиней Натальей Алексеевной. Она не была первой любовью Павла, хотя следует признать, что серьезных увлечений у него еще не было.

Некоторые сердечные тайны юного Павла стали достоянием исследователей благодаря воспоминаниям Семена Андреевича Порошина, воспитателя цесаревича. В отроческие годы Павел доверчиво рассказывал ему о своих увлечениях. Он

даже показал Порошину самолично сочиненные стихи в честь одной прелестницы-фрейлины:

«Я смысл и остроу всему предпочитаю,
На свете прелестей нет больше для меня,
Тебя, любезная, за то я обожаю,
Что блещешь, остроу с красой соединя».

Все способствовало пробуждению в Павле чувственности, и удивительно, что, несмотря на все это, в нем сохранились некоторые стыдливость и целомудрие. Впрочем, его воспитатель предсказывал прозорливо, что «он не будет со временем ленивым или непослушным в странах цитерских». (Цитера — легендарная страна богини любви Афродиты).

Однажды Григорий Орлов взял с собою двенадцатилетнего Павла к комнаты к фрейлинам. Мальчик восхищался увиденным и в этот вечер, как вспоминал Порошин, искал во французском энциклопедическом словаре статью «любовь». Потом он рассказал Порошину, что влюблен в Веру Николаевну Чоглокову, круглую сироту, фрейлину его бабушки.

Через несколько дней Порошин заметил, как, танцую с Чоглоковой на балу, Павел нежно пожал ей руку и сказал: «Если бы пристойно было, то я поцеловал бы вашу ручку». На что фрейлина ответила, потупив взор: «Это было бы уж слишком». С Верочкой Чоглоковой была связана и первая ревность, виной чему был мальчик-паж, граф Девиер, к которому Павел приревновал свою возлюбленную. Впрочем, кажется, безосновательно». ³⁸

С годами, не без влияния мироволивших к нему фаворитов матери, увлечения Павла стали не столь платоническими. А когда он из подростка превратился в юношу, его ухаживания за фрейлинами и смазливými дворцовыми служанками стали беспокоить Екатерину и заставили ее подумать о том, чтобы женить возмужавшего сына.

Екатерина стала подыскивать ему невесту еще в 1771 году. После долгих поисков решено было остановиться на Вильгельмине: она была хороша собой, умна и обходительна, а главное — наследник прусского престола Фридрих-Вильгельм был женат на ее сестре Фридерике. Вместе с тем Вильгельмина была холодна, честолюбива и настойчива в достижение цели.

В апреле 1773 года Екатерина пригласила дармштадтскую герцогиню Генриетту-Каролину — мать Вильгельмины — приехать в Петербург с тремя своими дочерьми, чтобы познакомиться с будущими родственниками. И мать, и дочери были бедны, и потому Екатерина выслала для предстоящего пу-

тешества 80000 гульденов и, кроме того, отправила в Любек три корабля. На одном из них — корвете «Быстром» — капитаном был один из ближайших друзей цесаревича девятнадцатилетний капитан-лейтенант граф Андрей Кириллович Разумовский — любимый сын гетмана К.Г.Разумовского.

Несмотря на свой возраст, он был искушен и уже многое успел сделать и пережить. Обладая блестящими способностями, Андрей в семнадцать лет окончил Страсбургский университет и тотчас поступил во флот. Он участвовал в Чесменском бою, после чего стал командиром фрегата «Екатерина». Возвратившись в Петербург, Разумовский стал камер-юнкером и попал в ближайшее окружение Павла. Он был красив, статен, вкрадчив и самоуверен, и потому без труда кружил головы многим светским барышням.

Еще до начала морского перехода Андрей Разумовский сумел покорить невесту своего друга цесаревича да и сам, кажется, искренне влюбился в нее. Поэтому мать и сестер разместили не на «Быстром», а на другом корабле.

В пути от Любека к Ревелю, где заканчивалось морское путешествие и откуда предстояло следовать в Петербург сухим путем, прибывших встретил камергер барон И.А.Черкасов. К несчастью для Андрея Разумовского его корабль не оправдал названия и на несколько суток отстал от двух других кораблей. Черкасов, узнав о подозрениях придворных относительно Вильгельмины и Разумовского, поспешил с отъездом, не дожидаясь прихода «Быстрого» в Ревель.

15 июня, неподалеку от Гатчины, герцогский поезд встретил Григорий Орлов и пригласил дорогих гостей к себе в поместье отдохнуть с дороги и пообедать, сказав, что у него в доме их ждут несколько дам.

В Гатчине их действительно ждали: это была сама Екатерина II и сестра фельдмаршала Румянцева графиня Прасковья Александровна Брюс. Из Гатчины все они поехали в Царское Село, встретив по дороге цесаревича и его воспитателя Н.И.Панина. Пересев в восьмиместный фаэтон, компания, наконец прибыла в отведенные для гостей апартаменты.

Павел влюбился в Вильгельмину с первого взгляда, и через три дня Екатерина официально попросила ее руки для своего сына у герцогини Генриетты.

15 августа произошло миропомазание принцессы Вильгельмины, принявшей православное имя Натальи Алексеевны, а на следующий день произошло и ее обручение с Павлом Петровичем. Через полтора месяца состоялась и свадьба, продолжавшаяся с необычайной пышностью две недели.

И все же, несмотря на блеск великого праздника, в первый же день свадьбы — 29 сентября 1773 года — многие стали предрекать новой семье несчастье, ибо именно в этот день в Петербург пришло известие о появлении в Оренбургских степях мятежных шаек Пугачева, назвавшего себя Петром III. Каково было слышать это цесаревичу Павлу Петровичу?!

НОВЕЛЛА СЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Пугачевщина. Шванвич

А теперь, оставив на время Петербург, перенесемся на бунташный Янк. Там в конце 1772 года, в одинокой хижине на Таловом Умете — глухом постоялом дворе, хозяином которого был наивный и простодушный пехотный солдат Степан Оболяев, носивший прозвище «Еремина курица», — некий странник объявил, что он — никто иной, как покойный император Петр Федорович.

Как только об этом стало известно в Петербурге, в Военной коллегии идентифицировали персону самозванца с беглым донским казаком Емельяном Ивановичем Пугачевым.

Он был уроженцем Зимовейской станицы на Дону, той самой, где полтора столетия назад родился и Степан Разин. В документах сохранилась точная дата его рождения, считали, что к моменту самозванства было ему около тридцати лет. С восемнадцати лет служил Пугачев в армии, принимал участие в Семилетней и русско-турецкой войнах. За проворность и храбрость в 1770 году его произвели в хорунжие, что по Табели о рангах соответствовало корнету в кавалерии и коллежскому регистратору в гражданской администрации. Однако скоро его из-за болезни отпустили домой. Пугачев в Зимовейской станице пробыл недолго и ушел странствовать. Он побывал в Таганроге, Черкасске, добрался до Терека. Оттуда, по поручению терских казаков, Пугачев отправился в Петербург, чтобы передать в Военную коллегию просьбу об улучшении их положения и увеличении хлебного и денежного жалования. В пути он был арестован в Моздоке, но на четвертый день из-под ареста бежал. Едва он добрался до Зимовейской станицы, как его арестовали вторично, но он снова бежал. На сей раз путь его пролегал в раскольничьи скиты на реке Сож, а оттуда — за Волгу, на реку Иргиз, где также обосновались раскольники. Но и там он не задержался, а двинулся на Янк, где и объявил себя чудесно спасшимся от смерти императором Петром III. Пугачев решил на это, встречая повсюду, где он побывал, горячее стремление солдат, казаков, раскольников,

крестьян к переменам, которые хотя бы немного улучшили их беспросветную жизнь.

17 сентября 1773 года на хуторе казака Михаила Толкачева первые восемьдесят казаков, татар и башкир принесли присягу на верность Петру Федоровичу, и Пугачев повел их к Яицкому городку. Крестьянская война началась.

По дороге в плен к восставшим попал сержант Дмитрий Кальминский, объезжавший форпосты с приказом арестовать самозванца. Казаки хотели повесить Кальминского, но Пугачев простил его и назначил писарем. Так на службе у самозванца оказался первый дворянин.

В последующем еще несколько дворян появились в лагере Пугачева, причем, как правило, они переходили к самозванцу не по доброй воле, и тем более не по убеждениям, а чтобы сохранить жизнь.

Так случилось и с подпоручиком Михаилом Шванвичем, об отце которого в этой книге уже шла речь в связи с его скандальным соперничеством с братьями Орловыми.

Михаил был вторым сыном лейб-кампанца Александра Шванвича, женатого на немке Софье Фохт. Он родился в 1755 году, и по просьбе отца его крестной матерью стала императрица Елизавета Петровна, приемница и самого Александра Шванвича.

Получив неплохое домашнее образование, Александр начал военную службу в Ингерманландском карабинерном полку и там дослужился до чина вахмистра. В 1770-1771 годах Шванвич принял участие во второй турецкой кампании, побывав однажды в жарком деле под Негоештами, после чего попал в ординарцы к генералу Григорию Александровичу Потемкину — будущему фавориту Екатерины II.

В сентябре 1773 года Шванвича с ротой grenадер отправили в Симбирск для приема и отвода рекрутов. Но в пути командир роты поручик Карташов получил приказ «с крайним поспешанием идти в Казань». Затем маршрут следования изменили еще раз, приказав двигаться к Оренбургу — центру пугачевского бунта.

К этому времени в Петербурге только узнали о происшествиях на Яике и посчитали, что начавшаяся замятня и гиль — обычное и не очень опасное казацкое воровство. Правительство приказало обезвредить мятежников собственными силами, пообещав за голову Пугачева 500 рублей. (Позже этот приз вырос до 28000.)

В сентябре пугачевцы взяли полдюжины небольших крепостей, а в начале октября блокировали Оренбург.

На помощь осажденным вышел карательный отряд генерала В.А.Кара численностью в 3500 человек при десяти пушках, но 7-9 ноября в трехдневном бою был разбит восставшими под деревней Юзеевой.

В этом же районе оказалась и рота поручика Карташова, в которой служил Шванвич. Рота сдалась без боя. Карташова и еще одного офицера пугачевцы казнили тут же, а сдавшихся на их милость поручика Волженского и подпоручика Шванвича доставили вместе со всеми солдатами в село Берду. Пугачев, узнав, что Волженский и Шванвич любимы солдатами, велел первому из них быть атаманом, а второму — есаулом, и велел «быть над гренадерами, так, как и прежде, командирами».³⁹

Гренадеры присягнули Пугачеву на верность и поочередно приложились к его руке. Вместе с ними сделали то же самое и их командиры — атаман Волженский и есаул Шванвич.

Пугачев побеседовал со Шванвичем и, узнав, что тот знает немецкий и французский языки, велел вновь испеченному есаулу заведовать в его канцелярии иностранной перепиской.

Шванвич участвовал в бунте почти до самого конца, и можно проследить ход пугачевского восстания на его судьбе. Он принимал участие в полугодовой осаде Оренбурга, под стенами которого сосредоточилось до 25000 мятежников при 86 пушках. А вокруг Оренбурга — в Казанской губернии, Западной Сибири, Западном Казахстане и Башкирии — действовали многочисленные отряды сторонников Пугачева.

В декабре 1773 года на подавление восстания был двинут отряд генерал-аншефа А.И.Бибикова численностью в 6500 солдат и офицеров при 20 орудиях. Бибилов разбил отряды повстанцев под Самарой, Кунгуром и Бузулуком и двинулся к Оренбургу.

В это трудное для Пугачева время Шванвич, в противоположность другим офицерам-дворянам, оказавшимся в рядах повстанцев, сохранял верность самозванцу.

В феврале 1774 года Шванвич из есаулов был произведен в атаманы и командиры солдатского полка вместо Волженского, казненного пугачевцами за подготовку «изменнического действия»: Волженский и еще один бывший офицер — Остренев — решили заклепать пушки бунтовщиков и тем самым вывести их из строя. Их разоблачили и повесили. После казни Волженского и Остренева атаман Шванвич командовал всеми солдатами, согласившимися служить Пугачеву, и, та-

ким образом, оказался в одном ряду с другими пугачевскими атаманами и полковниками.

Закончил свою карьеру Шванвич у Пугачева секретарем Военной коллегии — высшего органа руководства повстанческим войском. В марте 1774 года отряды Пугачева были разбиты под крепостью Татищевой, и Шванвич бежал в Оренбург, где сдался на милость губернатора Рейнсдорпа.

По иронии судьбы Рейнсдорп учился в Академической гимназии у деда Шванвича и был хорошо им аттестован. Рейнсдорп, не вдаваясь в подробности о службе Шванвича у Пугачева, снова привел его к присяге и отправил служить в отряд князя П.М.Голицына. Однако князь, разобравшись со Шванвичем, велел посадить его в тюрьму.

17 мая на допросе в Оренбурге Шванвич заявил, что служил Пугачеву «из страха, боясь смерти, а уйти не посмел, ибо, если бы поймали, то повесили».⁴⁰

Пугачевские войска были разгромлены летом 1774 года, когда против повстанцев было послано 20 пехотных и кавалерийских полков, казачьи части и отряды добровольцев-дворян. Общее руководство войсками осуществлял генерал-аншеф Петр Иванович Панин. А 2 сентября в Царицын в распоряжение П.И.Панина прибыл генерал-поручик А.В.Суворов.

Тем временем Пугачев с группой приближенных бежал в заволжские степи, где был ими предан, схвачен, пленен и в ночь на 16 сентября доставлен в Яицкий городок.

Оттуда Пугачева с женой Софьей и сыном Трофимом под конвоем двух рот пехоты, двух сотен казаков и при двух орудиях повезли для дальнейших допросов в Симбирск. Командовал конвоем А.В.Суворов.

Рано утром 4 ноября Пугачева в железной клетке привезли в Москву и допрашивали в течение трех месяцев. 31 декабря 1774 года суд приговорил его к четвертованию, а четырех его сподвижников — к повешению.

10 января 1775 года в Москве, на Болотной площади, он был обезглавлен — Екатерина заменила четвертование отсечением головы. Шванвича приговорили, «лишив чинов и дворянства, ошельмовать, переломя над ним шпагу»,⁴¹ что и было совершено на месте казни Пугачева.

После этого его сослали в Туруханск — гиблое место в низовьях Енисея. Там и прожил он двадцать семь лет, добывая средства к существованию тяжелой работой, охотой и рыбной ловлей. Умер он в Туруханске в ноябре 1802 года.

НОВЕЛЛА СЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

Григорий Александрович Потемкин

Пока на Урале и в Поволжье шла борьба с Пугачевым, в Петербурге в ноябре 1773 года праздновалось тезоименитство Екатерины II. Множество офицеров и генералов получили производство в очередные чины, были награждены поместьями, деньгами и орденами. Однако все награды затмил подарок, преподнесенный императрице Григорием Орловым. Он подарил ей алмаз в 194 карата, стоивший 400000 рублей и занимавший тогда третье место в иерархии крупнейших алмазов мира.

Сейчас этот алмаз хранится в Кремле, в Алмазном фонде России. В литературе он известен под именами «Амстердамский», «Лазаревский», «Русский», «Орлов» и «Большой императорский». Есть сведения, что этот алмаз, как и другой - «Кои-нур» («Гора света»), принадлежащий британской королевской семье, — прежде изображали глаза золотого льва, украшавшего подножие трона Великих моголов — династии, правившей Индией с 1626 по 1858 год. По другим сведениям алмаз «Орлов» заменял глаз индийскому божеству в храме Серенгама. Есть версия, что камень был глазом в статуе Браммы в одном из буддийских храмов Мадраса и был украден французским солдатом, продавшим его за бесценок капитану английского корабля, который перепродал алмаз в Лондоне за 12000 фунтов стерлингов. Там камень приобрел армянский купец Лазарян, перепродавший его Орлову через амстердамских банкиров за 400000 рублей, пожизненную пенсию в 2000 рублей в год и права потомственного российского дворянина.

Лазаряны, поселившись в России, стали Лазаревыми и владели шелковыми мануфактурами и бумажными фабриками, занимались ювелирным делом, построили в Москве Лазаревский институт восточных языков, а в Петербурге — храм Святой Екатерины.

Императрица милостиво приняла подарок и тем еще раз продемонстрировала свое благоволение к прежнему фавориту. Однако была и еще одна сторона в истории этой сделки.

Орлов подписал обязательство выплатить Лазаряну стоимость алмаза с учетом процентов в течение семи лет. Но не успел он выплатить первый взнос в 75000 рублей, отнесенный Лазаряном на 1774 год, как это тайно сделала Екатерина через своего статс-секретаря А. В. Олсуфьева. Орлов узнал об этом, когда пришел срок платежа и оказалось, что это уже сделала Екатерина. Он был удивлен щедростью и вниманием к нему императрицы, однако о возвращении к былым отношениям не могло быть и речи. Более того, на горизонте появился го-

раздо более сильный, серьезный и опасный соперник, чем Васильчиков, — тридцатипятилетний генерал-поручик Григорий Александрович Потемкин.

Г.А.Потемкин родился 13 сентября 1739 года в селе Чижове, близ Смоленска, в семье отставного шестидесятипятилетнего подполковника. Мать Григория — Дарья Васильевна — была моложе мужа на тридцать лет. Примечательна история ее замужества.

Как-то Александр Васильевич Потемкин оказался в сельце Маншино Алексинского уезда Тульской губернии, где познакомился с молодой красавицей-вдовой. Утаив, что он женат, Потемкин-старший, объявив себя вдовцом, повенчался с Дарьей Васильевной. Вскоре молодая жена забеременела и вдруг узнала, что ее муж — двоеженец. Дарья Васильевна добилась, чтобы Потемкин увез ее в свое смоленское имение и там познакомил с первой женой. Та, будучи женщиной доброй, милосердной и довольно старой, по собственной воле ушла в монастырь и тем самым утвердила новый брак.⁴³

И брак этот, несмотря на весьма зрелый возраст Александра Васильевича, оказался чрезвычайно плодотворным: у старого подполковника родились сын и еще пять дочерей — Мария, Пелагея, Марфа, Дарья и Надежда, у которых впоследствии оказалось более полудюжины красавиц-дочерей.

Григорий походил на мать, унаследовав ее ум и красоту, а вот страсть к прелестницам перешла к нему, наверно, от отца. Мать резко осуждала сына за разврат с собственными красавицами-племянницами, за что Григорий с годами невзлюбил ее. Дело дошло до того, что он перестал переписываться с матерью, а получая от нее письма, бросал их в огонь, не читая.

Но все это будет потом, а в детстве Григорий был добр, весел, красив и необычайно легко схватывал все, чему его учили. Отец умер в 1746 году, когда Грише исполнилось семь лет. Дарья Васильевна, овдовев, переехала в Москву, забрав с собою и пятерых дочерей, а Григорий уже два года жил в доме своего двоюродного дяди Г.М.Кисловского.

Сначала он учился в немецкой школе, а потом, когда открылась университетская гимназия, его перевели туда.

В 1757 году Потемкин в числе двенадцати лучших учеников, посланных в Петербург, был представлен императрице Елизавете Петровне. Двор, его роскошь, иные, чем в Москве, нравы, разбудили в душе молодого человека дремавшее честолюбие, стремление к богатству, почестям и славе.

Вернувшись в Москву, Потемкин стал другим: он начал говорить товарищам, что ему все равно, где и как служить.

лишь бы только стать первым, а будет ли он генералом, или архиереем значения не имеет.

Он захандрил, перестал ходить в гимназию и через три года был исключен «за леность и нехождение в классы».

Так как еще с мая 1755 года Григорий был записан в Конную гвардию и с этого времени считался в домашнем отпуске для пополнения знаний, то в 1758 году его произвели в капитанармусы. А когда он приехал в полк, оставив Москву, ему дали чин вице-вахмистра и назначили в ординарцы к дяде цесаревича Петра Федоровича — принцу Георгу Голштинскому. Не прошло и года как Потемкин стал вахмистром. Первые два года его жизни в Петербурге мало известны. Настоящая карьера Потемкина началась с его участия в дворцовом перевороте, о чем уже говорилось в этой книге.

Правда, среди тридцати шести наиболее активных участников переворота, награжденных Екатериной, Потемкин значился последним. Ему было дано 10000 рублей, 400 душ крестьян, чин поручика, серебряный сервиз и придворное звание камер-юнкера. Вспомним, что он был и в Ропше, сидя за одним столом с убийцами Петра III.

В связи с восшествием на престол Екатерины II был он послан в Стокгольм с поручением передать письмо о случившемся шведскому королю Густаву III. Отношения между Россией и Швецией были в то время довольно натянутыми, и последнее обстоятельство делало миссию Потемкина не очень простой.

Когда Потемкин прибыл в королевский Дроттигамский дворец в одном из залов, шведский вельможа обратил внимание Григория на русские знамена, развешанные по стенам. «Посмотрите, сколько знаков славы и чести наши предки отняли у ваших», — сказал швед. «А наши предки отняли у ваших, — ответил Потемкин, — еще больше городов, коими владеют и поныне.»

Этот ответ, ставший потом известным в Петербурге, сослужил ему добрую службу. Екатерина, остро нуждавшаяся в молодых, энергичных и образованных помощниках, направила несколько десятков офицеров в гражданскую администрацию, сохранив за ними их военные чины и оклады. В их числе оказался и Потемкин, направленный обер-секретарем Святейшего Синода. Казалось, что фортуна сама предложила выбор Григорию Александровичу: генерал или архиерей? — потому что пожелай он принять сан, едва ли бы отказали ему в этом, — ведь он служил в Священном Синоде.

И Потемкин, часто принимавший решения по настроению, капризу или прихоти, едва не стал монахом. Однажды, пребывая в сугубой меланхолии, не веря в удачу при дворе, он

решил постричься. К тому же произошла у него и немалая неприятность — заболел левый глаз, а лекарь оказался простым фельдшером и приложил больному такую примочку, что молодой красавец окривел.

Эта беда вконец сокрушила Потемкина, и он ушел в Александро-Невский монастырь, одел рясу, отпустил бороду и стал готовиться к пострижению в монахи.

О случившемся узнала Екатерина и пожаловала в монастырь. Говорили, что она, встретившись с Потемкиным, сказала: «Тебе, Григорий, не архиереем быть. Их у меня довольно, а ты у меня один таков, и ждет тебя иная стезя».

Потемкин сбрил бороду, снял рясу, надел офицерский мундир и, забыв о меланхолии, появился, как ни в чем не бывало, во дворце.

Хотя в 1768 году Потемкина пожаловали в камергеры, он с самого начала войны с Турцией ушел волонтером в армию Румянцева, где стал признанным кавалерийским военачальником, участвуя в сражениях при Хотине, Фокшанах, Браилове, Рябой Могиле, Ларге и Кагуле, в других походах и боях. Он получил ордена Анны и Георгия 3-го класса и в 33 года стал генерал-поручиком.

В январе 1774 года Екатерина вызвала его в Петербург, а в феврале он получил чин генерал-адъютанта. Последнее обстоятельство было более чем красноречивым: оно означало, что в новый «случай» приходит новый фаворит и что песенка и Орлова и Васильчикова спета. Во дворце появился сильный, дерзкий, могучий телом и душой, умный и волевой царедворец, генерал и администратор, который сразу же вник во все государственные дела.

Скоро он стал подполковником Преображенского полка, а следует заметить, что в этом звании оказывались, как правило, лишь генерал-фельдмаршалы, ибо традиционно полковником Преображенского полка были сам царь или царица. Что мог противопоставить «Великому циклопу» кроткий и застенчивый Васильчиков?

Говоря о качествах предшественника Потемкина, уже известный нам Гельбиг писал: «Воспитание и добрая воля лишь в слабой степени и на короткое время возмещают недостаток природных талантов. С трудом удержал Васильчиков милость императрицы не полные два года...»

Когда Васильчиков был в последний раз у императрицы, он вовсе не мог даже предчувствовать того, что ожидало его через несколько минут. Екатерина расточала ему самые льстивые доказательства милости, не давая решительно ничего заметить, едва только простодушный избранник возвра-

тился в свои комнаты, как получил высочайшее повеление отправиться в Москву. Он повиновался без малейшего противоречия...

Если бы Васильчиков при его красивой наружности, обладал большим умом и смелостью, то Потемкин не занял бы его место так легко. Между тем Васильчиков прославился именно тем, что ни один из любимцев Екатерины не мог у него оспорить — он был самый бескорыстный, самый любезный и самый скромный. Он многим помогал и никому не вредил, мало заботился о личной выгоде и в день отъезда в Москву был в том же чине, какой императрица пожаловала ему в первый день своей милости. Васильчиков получил за время менее двух лет, что он состоял в любимцах, деньгами и подарками 100000 рублей, 7000 крестьян, приносивших 35000 рублей ежегодного дохода, на 60000 рублей бриллиантов, серебряный сервиз ценою в 50000 рублей, пожизненную пенсию в 20000 рублей и великолепный, роскошно меблированный дом в Петербурге, который императрица потом купила у Васильчикова за 100000 рублей и подарила в 1778 году другому фавориту — Ивану Николаевичу Римскому-Корсакову. Вскоре по удалении от двора Васильчиков женился и был очень счастлив». ⁴⁴

Придворные недоумевали, почему столь быстро и столь внезапно произошла такая странная и неожиданная перемена?

А дело было не только в любовном влечении — Екатерина угадала в Потемкине человека, на которого можно положиться в любом трудном и опасном деле, когда потребуется твердая воля, неукротимая энергия и абсолютная преданность делу.

Отставка Васильчикова лишь неосведомленным в любовных и государственных делах Екатерины могла показаться внезапной. На самом же деле Екатерина почти с самого начала этой связи тяготилась ею, в чем чистосердечно призналась новому фавориту.

В письме к нему она откровенно исповедалась в своих прежних прегрешениях, открывшись, что мужа своего не любила, а Сергея Васильевича Салтыкова приняла по необходимости продолжить династию, на чем настояла Елизавета Петровна. Совсем по-иному обстояло дело с Понятовским. «Сей был любезен и любим», — писала Екатерина. Далее она признавалась, что любила Орлова и не ее вина в том, что между ними произошел разрыв. «Сей бы век остался, — писала Екатерина II, — если б сам не скучал, я сие узнала... и, узнав уже доверки иметь не могу, мысль, которая жестоко меня мучила

и заставила сделать из дешперации (отчаяния) выбор коя какой...»

Вот этот-то сделанный ею «выбор коя какой» — и не более того — и оказался Васильчиковым.

«...И даже до нынешнего месяца, — продолжала Екатерина, — я более грустила нежели сказать могу, и никогда более, как тогда, когда другие люди бывают довольные и всякие приласканья во мне слезы принуждали, так что я думаю, что от рождения своего я столько не плакала, как сии полтора года; сначала я думала, что привыкну, но что далее, то — хуже, ибо с другой стороны (т.е. со стороны Васильчикова) месяцы по три дуться стали и признаться надобно, что никогда довольнее не была как когда осердится и в покое оставит, а ласка его мне плакать принуждала».

И, наконец, пришло избавление от капризного, обидчивого и давно уже немилостивого Васильчикова. «Потом приехал некто Богатырь (т.е. Потемкин). — пишет Екатерина. — Сей Богатырь по заслугам своим и по всегдашней ласке прелестен был так, что услыша о его приезде, уже говорить стали, что ему тут поселиться, а того не знали, что мы письмецом сюда призвали неприметно его, однако же с таким внутренним намерением, чтоб не вовсе слепо по приезде его поступать, но разбирать, есть ли в нем склонность, о которой мне Брюсша (П.А. Брюс) сказывала, что давно многие подозревали, то есть та, которую я желаю, чтобы он имел».

Это чистосердечное признание Екатерина заканчивала словами: «Ну, Господин Богатырь, после сей исповеди могу ли я надеяться получить отпущение грехов своих; изволишь видеть, что не пятнадцать, но третья доля из них.

Первого — поневоле да четвертого из дешперации, я думала на счет легкомыслия поставить никак не можно, о трех прочих, если точно разберешь, Бог видит, что не от распутства, к которому никакой склонности не имею, и если бы я в участь получила смолоду мужа, которого бы любить могла, я бы вечно к нему не переменялась; беда та, что сердце мое не хочет быть ни на час охотно без любви. Сказывают, такие пороки людские покрыть стараются, будто сие происходит от добросердечия, но статья может, что подобная диспозиция сердца более есть порок, нежели добродетель, но напрасно я к тебе сие пишу, ибо после того возлюбишь или не захочешь в армию ехать, боясь, чтоб я тебя позабыла, но право не думаю, чтоб такую глупость сделала, а если хочешь на век меня к себе привязать, то покажи мне столько ж дружбы, как и любви, а наипаче люби и говори правду».⁴⁵

В другом письме Екатерина предостерегала Потемкина от недоброжелательства к братьям Орловым, которых она искренне почитала своими друзьями. «Только одно прошу не делать, — писала она, — не вредить и не стараться вредить князю Орлову в моих мыслях, ибо сие почту за неблагодарность с твоей стороны: нет человека, которого он более мне хвалил, и более любил, и в прежнее время, и ныне до самого приезда твоего, как тебя. А если он свои пороки имеет, то не тебе, не мне их расценить и расславить. Он тебя любит и мне они друзья, и я с ними не расстанусь. Вот тебе — нравоученье — умен будешь — примешь. Не умно же будет противоречить ему, для того что сущая правда».⁴⁶

Потемкин отлично все понял и в считанные месяцы сделал головокружительную карьеру.

10 июля 1774 года в связи с заключением очень выгодного для России Кючук-Кайнарджийского мира «за споспешествование к оному добрыми советами» он был возведен в графское достоинство, в октябре пожалован чином генерал-аншефа, а в ноябре стал кавалером ордена Андрея Первозванного. За эти же месяцы Потемкин получил «за храбрость и неутомимые труды» шпагу, усыпанную алмазами, а «в знак монаршего благоволения» еще и украшенный бриллиантами портрет Екатерины II для ношения на груди.

С мая 1774 года Потемкин был введен в члены Совета и оставался в его составе до смерти. Но не административные успехи и не придворная карьера определяли тогда его положение при дворе. В 1774 годах он был в глазах Екатерины «незакатым Солнцем», превратив ее в счастливую, любимую и любящую женщину, совершенно потерявшую из-за него голову.

Н.Я.Эйдельман, опубликовавший 419 записок и писем Екатерины к Потемкину⁴⁷ отметил, что она так называла своего фаворита: Миленка, Голубчик. Сердце мое, Красавец мой, Милуша, Гришенюк, Батя, Батинка, Душа милая, Милой дружок, Князюшка, Гришатка. Миленка милюшинка, Князинка батюшка. Душенюк мой, Друг милой и бесценный, Мой дорогой друг и супруг, Мамурка, Генерал, Шалун, Милуша милая Гришифишичка, Милая милуша, драгия сладкия губки, жизнь, радость, веселье, мой золотой фазан, Мой дорогой и горячо любимый друг, Душа моя милая, бесценная и беспримерная и еще более нежно и ласково.

Особняком стоят обращения, в которых Потемкин назван мужем и супругом.

Знаток того периода Я.Л.Барсков считал, что эти письма, а также рассказы осведомленных современников «дают повод решительно утверждать, что Потемкин был обвенчан с

Екатериной. Уже один слух о том, что они были обвенчаны, создавал для Потемкина исключительное положение, особенно в первое время его «случая», в нем действительно видели «владыку», как называет его в письмах сама Екатерина, и оказывали царские почести при его поездках в подчиненные ему области или на театр военных действий. Как ни велико расстояние от брачного венца до царской короны, но по тем временам также велико было расстояние, отделявшее случайного любовника царицы от ее мужа, которого она явно считала первым лицом в государстве после себя. Всем дальнейшим фаворитам она ставила в обязанность «поклоны» Потемкину в письмах и, по ее собственному примеру, почтительное с ним обращение при дворе. Это был царь, только без титула и короны». ⁴⁸

О браке Екатерины с Потемкиным существует по меньшей мере три рассказа. По словам издателя журнала «Русский Архив» П.А.Бартенева, племянница и любовница Г.А.Потемкина графиня Александра Васильевна Браницкая, урожденная Энгельгардт, говорила князю М.С.Воронцову, что запись об этом браке хранилась в особой шкатулке, которую затем вместе с документом бросил в море по пути из Одессы в Крым граф А.Г.Строганов, получивший строгий наказ сделать это от своей матери — урожденной графини Браницкой. ⁴⁹

По словам князя Г.Ф.Голицына Екатерина и Потемкин венчались у Самсония, что на Выборгской стороне. Ее духовник был уже там в готовности, а сопровождала императрицу одна лишь камер-фрау М.С.Перекусихина. Венцы держали А.Н.Самойлов, племянник Г.А.Потемкина, и Е.А.Чертков. ⁵⁰

Наконец, внук Екатерины и Г.Г.Орлова граф А.А.Бобринский говорил, что брачная запись была положена в гроб его деда графа А.Н.Самойлова, а вторая брачная запись, полученная М.С.Перекусихиной, должна была храниться у князя П.Д.Волконского и у Чертковых. По слухам, венчание происходило осенью 1774 или в середине января 1775 года перед отъездом двора в Москву. Лето 1775 года новобрачные проводили в Коломенском и Царицыно. Казалось, что их отношения безоблачны и прочны, как и их любовь, но вскоре оказалось, что это не совсем так.

НОВЕЛЛА СЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

Княжна Тараканова

Здесь мы прервем наше повествование о Екатерине и Потемкине и поведаем историю, которая развивалась вдали от Петербурга. Она началась в те дни, когда несколько десятков

пугачевцев уходили в Заволжские степи, а судьба их атамана была уже предрешена.

В сентябре 1774 года в итальянском порту Ливорно генерал-адмирал и генералиссимус Российского флота граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский, находившийся на борту флагманского линейного корабля «Три иерарха», получил пакет, в котором находилось адресованное лично ему письмо и странный документ, озаглавленный: «Манифест к русскому флоту Елизаветы Второй Всероссийской». Известная корреспондентка сообщала Орлову, что она — дочь покойной императрицы Елизаветы Петровны, обладающая подлинным завещанием матери, составленным в ее пользу и дающим ей право на обладание престолом. В письме самому Орлову задавался вопрос: на чьей стороне будет он и его флот, если Елизавета Вторая вступит в борьбу за российский трон?

Экстраординарность послания требовала адекватных ему немедленных и эффективных действий. К тому же даже сюда, в Ливорно, дошли вести о самозванце Петре Федоровиче, а теперь появилась новая, судя по всему, тоже самозванная, наследница престола.

Для сбора сведений о Елизавете Второй Орлов послал недавно взятого на русскую службу испанца Иосифа де Рибаса — будущего основателя Одессы, обессмертившего свое имя в названии знаменитой Дерibasовской улицы, одного из величайших хитрецов своего времени. (Однажды А.В.Суворов, желая похвалить проницательность М.И.Кутузова, сказал: «Его даже Рибас не проведет».)

Вскоре стало известно, что Елизавета Вторая уже давно кочует по Европе, выдавая себя за дочь Елизаветы Петровны и Алексея Разумовского — принцессу Володимерскую. Она рассказывала, что ее раннее детство прошло в Петербурге при дворе императрицы Елизаветы Петровны. Девочка запомнила некоторых своих учителей, рассказывала о Петербурге, о пригородных царских дворцах то, что мог рассказать любой человек, побывавший в этом городе и его окрестностях, или даже слышавший об этом со слов очевидцев. Как утверждала Елизавета, сначала ее препоручили заботам одной из любимых фрейлин Елизаветы Петровны Иоганне Шмидт и до десяти лет она жила при дворе, а потом ее отвез в Италию, а затем в Киль один из ее учителей — немец Дитцель.

Имена Елизавета называла верно, но необъяснимым было то, что она не знала ни одного русского слова, а ведь к десяти годам ребенок уже вполне владеет языком, тем более, родным. Из Киля, где она жила при дворе голштинских гер-

цогов, ее будто бы увезли в Россию, а затем из-за каких-то дворцовых интриг она оказалась в Сибири, где ее попытались отравить и откуда она сумела бежать. Затем Елизавета оказалась в Багдаде и там вышла замуж за персидского принца Али, осыпавшего ее золотом и бриллиантами. Она рассказывала о необычайном расположении к ней турецкого султана, называя себя иногда султаншей Селиной, и намекала на дружбу с нею многих европейских potentatov. Иногда она называла себя госпожой де Тремуль, Франк, Пиннеберг, Шелль, но утверждала, что настоящее ее родовое имя — княжна Тараканова. И так как в нашей отечественной истории она известна под этим именем, станем и мы называть ее так, хотя подлинное ее происхождение, имя и фамилия до сих пор никому не известны.

Относительно происхождения фамилии — Тараканова — имеются интересные соображения историка П.М.Майкова.

Он сообщает, что учитель, — немец, по фамилии Шлецер, состоящий при детях гетмана Кирилла Григорьевича Разумовского, однажды обедал вместе с пятью его племянниками. Шлецер полагал, что все они дети графа Алексея Григорьевича Разумовского и Елизаветы Петровны и потому являются двоюродными братьями сыновей гетмана.

Из-за того, что двое племянников — от одной из сестер гетмана — носили фамилию Дараган, Шлецер подумал, что и все другие носят эту же фамилию. Потом всех племянников Разумовского даже в придворных Камер-фурьерских журналах стали записывать Дарагановыми. А когда воспитатель Дарагановых, немец же, гувернер Дитцель, повез юношей за границу, он для пущей важности стал именовать их графами фон Тараканов. Так появилась эта фамилия, ничего общего не имеющая с довольно известным старинным русским дворянским родом Таракановых. Все дело было в том, что украинская фамилия Дараган и русская — Тараканов — оказались близкими по звучанию и на слух воспринимались одинаково.⁵¹

И, наконец, необходимо упомянуть еще об одной версии происхождения Таракановой. Сохранилось свидетельство о том, что будущую самозванку посетил в Италии находившийся там бывший фаворит Елизаветы Петровны И.И.Шувалов. В связи с этим Георг Гельбиг писал: «Шувалов признается отцом девочки, которую родила императрица Елизавета около 1753 года. Ее назвали Елизаветою и дали ей, если мы не ошибаемся, позже фамилию княжны Таракановой. Этот ребенок, матерью которого выставляли итальянскую камер-фрау императрицы, был отправлен в Италию и там воспитан. Пока

жила императрица Елизавета, ребенок ни в чем не нуждался, но по смерти этой государыни — решительно во всем. Путешествуя, Шувалов был в Италии, где видел свою дочь, не решившись, однако, открыться ей».⁵²

В Италии самозванка предпочитала всем своим многочисленным предыдущим именам единственное — Елизавета Всероссийская, подписываясь иногда и как Елизавета Вторая.

Когда известность Елизаветы Второй стала всевропейской, многие дворы стали разыскивать достоверную информацию о ее происхождении.

Английские дипломаты в Петербурге и Ливорно считали ее немкой, не то из Праги, не то из Нюрнберга, дочь трактирщика или булочника. Несомненным оставалось одно — самозванка говорила на немецком, французском, английском и итальянском языках, обладала хорошими манерами и была необычайно привлекательна: стройная, изящная, гибкая, с живыми и яркими темными глазами и огромной копной черных волос. Среди тех, кто пал жертвой ее красоты, называли маркиза де Мариньи, герцога де Лозена, владетельного немецкого князя Филиппа-Фердинанда Лимбурга, литовского гетмана Михаила Огинского и польского князя Карла Радзивилла.

Последний представлял центр антирусской эмиграции в Западной Европе и не прочь был использовать Елизавету в политических целях, надеясь усилить свои позиции в борьбе с Понятовским за польский трон.

Весной 1773 года эта международная авантюристка объявила, сначала в узком кругу, а потом во всеуслышание, что она является наследницей российского престола — дочь Елизаветы Петровны и Разумовского.

Путаясь в генеалогии Романовых, она называла объявившегося Петра Федоровича собственным братом и утверждала, что поднятое им восстание произошло по ее повелению. Хотя, если встать на ее точку зрения, то Петр III действительно должен был быть двоюродным братом дочери Елизаветы Петровны, так как его мать Анна Петровна доводилась русской императрице родной сестрой.

Не очень хорошая осведомленность в русских делах привела ее к тому, что она сначала по ошибке называла себя не дочерью Алексея Григорьевича, а дочерью гетмана Малороссии Кирилла Разумовского.

Отыскивая деньги и сторонников задуманного ею фантастического предприятия, Елизавета кочевала по Италии, пока, наконец, в Риме ее не нашел посланец Алексея Орлова лейтенант Иван Христинек. Он передал ей приглашение по-

жаловать в Пизу к Алексею Орлову. Елизавета приехала и стала любовницей графа, который пообещал выступить со всем своим флотом, а затем и петербургской гвардией на ее стороне. Орлов привез Елизавету вместе с ее слугами в Ливорно на адмиральский корабль, где по заранее разработанному сценарию, их всех арестовали, в том числе и самого Орлова, которого, якобы, заподозрил в государственной измене адмирал Грейг, на чьем корабле и разыгрывалась вся эта авантюрная комедия.

После того, как самозванка была заперта с ее камеристкой в каюте, Орлов сел в шлюпку и вернулся на берег, а русская эскадра тотчас же вышла в море. Обогнув Европу с запада, корабли прошли через Ла-Манш, Северное и Балтийское моря и после трех с половиной месяцев плавания достигли Кронштадта.

В ночь на 25 мая 1775 года с адмиральского линейного корабля «Три иерарха» самозванку отправили в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. Вместе с нею в равелине разместили и ее слуг.

Уже на следующий день в крепость приехал петербургский генерал-губернатор князь Александр Михайлович Голицын, назначенный Екатериной II председателем следственной комиссии. Князь допросил слуг Елизаветы, а затем и ее.

Елизавета пересказала Голицыну то, что прежде говорила другим, а он переслал ее показания Екатерине, находившейся тогда в Москве. Императрица потребовала доподлинно дознаться во-первых, кто надоумил авантюристку назваться Елизаветой Всероссийской; во-вторых, кем на самом деле были ее родители; в-третьих, от кого она получила тексты завещаний российских государей. На вопросы арестантка отвечала: многие люди уверяли ее, что она Елизавета Всероссийская, но сама она никогда себя так не называла; кто ее родители, она точно не знает, но ей говорили, что ее матерью была российская императрица Елизавета Петровна, а отцом — Разумовский; что же касается текстов царских завещаний, то она их получила по почте неизвестно от кого. На этих показаниях Елизавета стояла непоколебимо.

Екатерина проявляла большой интерес к этому делу и даже составила двадцать допросных статей, на которые самозванка должна была ответить.

Когда условия заключения в крепости были ужесточены, у нее открылось кровохарканье, болезнь ее прогрессировала, и врачи опасались, что она вскоре умрет. Екатерина поставила условие: если узница раскроет хотя бы свое подлинное проис-

хождение, то будет помилована. В противном случае ей грозило пожизненное заточение в крепости.

Елизавета продолжала упорствовать. Положение усугубилось тем, что в конце ноября 1775 года она родила сына. Его крестным отцом стал генерал-прокурор князь Вяземский, а крестной матерью — жена коменданта Петропавловской крепости графиня Чернышева. Мальчика нарекли Александром, а записали по фамилии Чесменский. Ребенка тотчас же увезли в Москву, в дом его отца графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского.

Из-за данного ли обстоятельства, или по совпадению, но именно в это время Алексей Орлов подал прошение об отставке, и оно было немедленно удовлетворено.

Как это часто случается с беременными женщинами, больными чахоткой, роды дали мощный толчок развитию болезни, и 5 декабря 1775 года несчастная мать умерла. Ее похоронили на территории Петропавловской крепости ночью, тайно, взяв с хоронивших солдат присягу о вечном молчании. Могила не была обозначена ни плитой, ни крестом, и ее тут же заровняли.

А всех слуг узницы отправили в Европу, дав каждому на проезд и расходы от 50 до 150 рублей.

История княжны Таракановой на этом не закончилась. Существует легенда, а быть может, и вовсе не легенда, о ее еще одной жизни.

...В феврале 1785 года в московском женском Ивановском монастыре появилась новая инокиня лет тридцати с лишним. Судя по всему, в молодости отличалась она необычайной красотой.

Особенно хороши были у нее глаза - черные, огромные, чуть раскосые. И если бы ни сильная худоба да обильная седина в густых, некогда цвета воронова крыла волосах, то и тогда могла бы она многих свести с ума.

Монахиню звали Досифеей, и по данному ею обету хранила она вечное молчание. Сестре Досифее отвели две комнаты в отдельном, построенном специально для нее помещении с крытой лестницей, которая вела прямо в надвратную церковь. Досифея жила незаметно, и никто не только не слышал ее голоса, но и почти никогда не видел — разве только на общежительных службах.

Так прожила она в монастыре ровно двадцать пять лет, пока не умерла 4 февраля 1810 года.

И тут, к вящему изумлению обитательниц монастыря, новопреставленную рабу Божью Досифею не стали хоронить в обители, а с великим торжеством понесли в Новоспасский

монастырь — родовую усыпальницу бояр Романовых и их родственников: князей из домов Рюрика и Гедимиана. И там, среди Куракиных и Трубецких, Оболенских и Ярославских, погребли инокиню Досифею, положив на ее могилу камень с такой надписью: «Под сим камнем положено тело усопшей о Господе монахини Досифеи обители Ивановского монастыря, подвизавшейся о Христе Иисусе в монашестве 25 лет и скончавшейся февраля 4 дня 1810 года. Всего ее жития было 64 года. Боже, всели ея в вечных твоих обителях».

А в 1868 году в Москве на одной из художественных выставок появился портрет Досифеи, до того находившийся в настоятельских покоях Новоспасского монастыря. Любопытен был портрет, но еще более любопытной оказалась надпись на оборотной стороне полотна: «Принцесса Августа Тараканова, в иноцех Досифея, постриженная в московском Ивановском монастыре, где по многих летах праведной жизни скончалась и погребена в Новоспасском монастыре».

В начале XX века над могилой Досифеи — у восточной стены монастыря, слева от ворот, — поставили часовню которая чудом уцелела до сегодняшнего дня...

НОВЕЛЛА СЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

Петр Васильевич Завадовский

А теперь снова возвратимся в лето 1775 года, когда недавно обвенчавшиеся Екатерина II и Григорий Потемкин жили в Москве. В их распоряжение был передан дом князей Голицыных, что у Пречистенских ворот. А в начале июля Москва жила ожиданием приезда победителя турок графа и фельдмаршала П.А.Румянцева. Однако полководец от триумфального въезда в город отказался и приехал к императрице вечером 8 июля в придворной карете, но без эскорта и сопровождения, имея возле себя одного лишь дежурного офицера тридцатисемилетнего полковника Петра Васильевича Завадовского, которого он взял для ведения записей.

Екатерина встретила Румянцева на крыльце Голицынского дома и, обняв, расцеловала. В эти же минуты она заметила и Завадовского, могучего, статного и исключительно красивого мужчину, который стоял, окаменев, ибо был поражен сердечностью встречи и простотой государыни, одетой в русский национальный костюм, очень шедший ей.

Заметив ласковый и заинтересованный взгляд императрицы, брошенный ею на Завадовского, фельдмаршал тут же представил красавца Екатерине, лестно о нем отозвавшись

как о человеке прекрасно образованном, трудолюбивом, честном и храбром.

Екатерина мгновенно пожаловала новому знакомцу бриллиантовый перстень с выгравированным по золоту собственным ее именем и назначила своим кабинет-секретарем.

10 июля начались необычайно пышные празднества по поводу заключения мира с Турцией, мало чем уступавшие коронационным торжествам: так же звенели колокола и гремели пушки, рекой лилось вино и ломились от яств столы.

В парадном шествии в Кремле Румянцев шел первым, за ним императрица и наследник Павел с женой Натальей Алексеевной. Полководцу к его фамилии было добавлено прозвище «Задунайский», поднесены осыпанные алмазами фельдмаршальский жезл и шпага, золотая медаль с его изображением и золотой лавровый веночек, крест и звезда ордена Андрея Первозванного. Были подарены 5000 душ, 100000 рублей, серебряный сервиз и картины для убранства дома. Царские почести были оказаны и матери фельдмаршала семидесятилетней графине Марии Андреевне Румянцевой, в девичестве — Матвеевой. Она была посажена за стол с Павлом и Натальей Алексеевной, а сам фельдмаршал сидел за столом Екатерины. Старые придворные помнили историю двадцатилетней Марии Матвеевой с Петром Великим, и в этом приеме находили подтверждение тому, что Петр Румянцев — сын первого российского императора.

Дождь наград пролился на многих сподвижников победителя. Не был обойден и Завадовский, получивший сразу два чина — генерал-майора и генерал-адъютанта.

Екатерина пробыла в Москве до 7 декабря 1775 года, часто встречаясь с Румянцевым и ежедневно общаясь со своим новым кабинет-секретарем, который ведал ее личной канцелярией, доходами и расходами. В силу этого он становился одним из самых приближенных к императрице людей, посвященных во многие ее дела и секреты.

По возвращении из Москвы в Петербург Завадовский стал не менее влиятельным царедворцем, чем Потемкин. Савонники стали искать у него протекции, набивались в друзья, демонстрируя Завадовскому нерасположение к их вчерашнему кумиру — Потемкину.

Потемкин же перед Екатериной стал играть роль обиженного и в апреле 1776 года попросился уехать в Новгородскую губернию для инспектирования войск — он был вице-президентом Военной коллегии, и такая просьба была небезосновательной. И все же он, вероятно, надеялся, что получит отказ.

но последовало немедленное согласие, и Потемкину не оставалось ничего другого, как незамедлительно уехать.

Не успел он скрыться с глаз, как Завадовский переехал во дворец, правда, еще не занимая потемкинских апартаментов.

НОВЕЛЛА СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

Смерть цесаревны и второй брак Павла Петровича

В это время в царской семье ожидали важного события: приближались роды у великой княгини Натальи Алексеевны. Роды окончились трагически — 15 апреля, после пятидневных непрерывных мучений двадцатилетняя женщина, здоровая и красивая, скончалась. Погиб и ребенок.

Екатерина почти все время была при невестке, хотя давно переменяла о ней мнение, считая ее неприятной, неблагоприятной, расточительной и безалаберной женщиной. Знала Екатерина и о любовной связи невестки с Андреем Разумовским, которому Павел — по доверчивости и душевной простоте — разрешил поселиться в одном дворце с ним и Натальей Алексеевной.

Екатерина уведомила об этом Павла, но Наталья Алексеевна сумела уверить мужа, что свекровь ненавидит ее и намеренно распускает ложные слухи, чтобы поссорить их.

Вот, что писал об этом любовном треугольнике уже знакомый нам А. М. Тургенев: «Кто знал, то есть видал хотя издалика блаженной и вечно незабвенной памяти императора Павла, для того весьма будет понятно и вероятно, что дармштадтская принцесса не могла без отвращения смотреть на укоризненное лицеобразие его императорского высочества, всеражайшего супруга своего! Ни писать, ни изобразить уродливости Павла невозможно! Каково же было положение великой княгини в минуты, когда он, пользуясь правом супруга, в восторге блаженства сладострастия обмирал!

Наталья Алексеевна была хитрая, тонкого, пронизательного ума, вспыльчивого, настойчивого нрава женщина. Великая княгиня умела обманывать супруга и царедворцев, которые в хитростях и кознях бесу не уступят; но Екатерина скоро проникла в ее хитрость и не ошиблась в догадках своих!».⁵³

В заграничных журналах появились сообщения, что Наталья Алексеевна была неправильно сложена и из-за этого не смогла благополучно разрешиться от бремени.

Однако против такого утверждения решительно выступил русский посланник при германском сейме барон Ассебург. Три года назад он вел переговоры о браке Павла и принцессы Вильгельмины и прежде, чем состоялась помолвка, собрал

подробные, хорошо проверенные сведения о состоянии здоровья невесты. Все врачи и придворные герцога Дармштадтского уверили барона в прекрасном ее здоровье. А то, что она была хорошо сложена не требовало никаких доказательств — довольно было только взглянуть на нее.

Злые языки говорили, что смерть Натальи Алексеевны была подстроена, чтобы избавиться от опасной претендентки на русский трон. Великая княгиня, как утверждали ее недоброхоты, не только вступила в любовную переписку и связь с графом А. К. Разумовским, но даже задумывала совершить вместе с ним государственный переворот. Князь Вальдек — канцлер Австрийской империи, хорошо осведомленный в династических немецких делах, говорил родственнику Екатерины принцу Ангальт-Бернбургскому: «Если эта (то есть Наталья Алексеевна) не устроила переворота, то никто его не сделает».

Английский посланник Джемс Гаррис писал о Наталье Алексеевне канцлеру Англии графу Суффолку, что, вступив в брак, принцесса Гессен-Дармштадтская легко нашла секрет управлять цесаревичем Павлом, а сама, в свою очередь, была под влиянием своего любовника Андрея Разумовского. «Эта молодая принцесса, — писал Гаррис, — была горда и решительна, и если бы смерть не остановила ее, в течение ее жизни наверное возникла бы борьба между свекровью и невесткой».⁵⁴

Утверждали, что Екатерина, как только Наталья Алексеевна скончалась, немедленно обыскала ее кабинет, нашла там письма Разумовского и забрала их к себе.

Павел очень любил Наталью Алексеевну и бесконечно страдал из-за ее смерти, едва не лишившись рассудка.

То ли для того, чтобы положить конец его переживаниям, то ли по иной причине, Екатерина велела прислать безутешному сыну связку писем, найденную в тайном ящике письменного стола Натальи Алексеевны. Прочитав письма, Павел совершенно ясно осознал, что между Разумовским и его покойной женой существовала прочная любовная связь и что отцом ребенка, из-за которого она умерла, вполне мог быть Разумовский.

Утверждают, что именно с этого момента Павел пришел в то состояние душевного расстройства, которое сопутствовало ему всю жизнь. Пережив невероятное душевное потрясение, Павел на второй день после смерти Натальи Алексеевны принял решение жениться на принцессе Вюртембергской Софии-Доротее, а еще через два дня фельдмаршалу Румянцеву был отправлен рескрипт императрицы, содержащий приказ немедленно приехать из Глухова в Петербург, так как ему над-

лежит стать участником в «верном, нужном и приятном деле, о коем инако не желает объявить ему, как при свидании с ним». ⁵⁵

К рескрипту П.В.Завадовский приложил записку, в которой, не раскрывая сути дела, писал: «Храни Бог от поездки отговариваться. Весьма неуютно будет государыне и Великому Князю». ⁵⁶

Больной Румянцев, кряхтя и стоная, собрался в дорогу и поехал в Петербург. Там он узнал, что ему вместе с Павлом предстоит поездка в Берлин, где их будет ждать невеста цесаревича.

За два месяца, прошедшие со дня смерти Натальи Алексеевны, Екатерина успела послать к родителям новой невесты курьера, договориться о сватовстве, получить портрет принцессы и собрать в дорогу молодого вдовца, уже влюбившегося в свою будущую шестнадцатилетнюю жену.

Место свидания — Берлин — было выбрано не случайно: там жил кумир Павла — Фридрих Великий, который к тому же мог стать его родственником, так как будущая теща Павла доводилась прусскому королю племянницей, а невеста — внучатой племянницей.

Павел и его свита проехали через Ригу и Кенигсберг и 10 июля торжественно въехали в Берлин. При встрече с Фридрихом Павел произнес торжественную речь, сказав, что он удостоился «видеть величайшего героя, удивление нашего века и удивление потомства». ⁵⁷

Встретившись в тот же день с невестой, Павел так описал свое первое впечатление о ней в письме к матери: «Я нашел невесту свою такую, какову только желать мысленно себе мог: недурна собою, велика, стройна, незастенчива, отвечает умно и расторопно, и уже известен я, что если она сделала действие в сердце моем, то не без чувства и она с своей стороны осталась... Дайте мне благословение свое и будьте уверены, что все поступки жизни моей обращены заслужить милость вашу ко мне». ⁵⁸

Вюртембергская принцесса София-Доротея-Августа-Луиза — таково было ее полное до крещения по православному обряду имя — получила поверхностное домашнее образование. Ее отец только под старость, когда она уже была российской императрицей, стал владетельным герцогом Вюртембергским, а прежде состоял в прусской службе и доходы его были не очень велики.

В одной из ученических тетрадей Софии-Доротеи сохранилось переписанное ею французское стихотворение «Философия женщин», являющееся своеобразным кредо будущей

российской императрицы: «Нехорошо, по многим причинам, чтобы женщина приобрела слишком обширные познания. Воспитывать в добрых нравах детей, вести хозяйства, иметь наблюдение за прислугой, блюсти в расходах бережливость — вот в чем должно состоять ее учение и философия». Этот принцип она исповедовала всю свою жизнь.

Екатерина была довольна итогом поездки сына в Берлин, в частности и потому, что он сумел, как она думала, расположить к себе Фридриха Великого. Однако, Старый Фриц, как звали короля его подданные, разглядел в молодом человеке то, чего не видел в нем никто. Отправив Екатерине восторженное письмо о новом родственнике, Фридрих для себя записал следующее: «Он показался гордым, высокомерным и резким, что заставило... опасаться, чтобы ему не было трудно удержаться на престоле, на котором будучи призван управлять народом грубым и диким, избалованным к тому же мягким управлением нескольких императриц, он может подвергнуться участи, одинаковой с участью его несчастного отца».⁵⁹

Павел уехал из Берлина, переполненный чувствами восхищения перед королем и его армией. До конца своих дней Павел хранил в уме и сердце преклонение перед прусской государственной и военной системами, пытаясь перенять все, что можно, для укоренения этих институтов в России.

Два последних дня перед отъездом в Россию Павел провел вместе со своей невестой в гостях у принца Генриха в его рейнсбергском замке. Там он вручил Софье-Доротее инструкцию из четырнадцати пунктов, где давалось подробное наставление как вести себя в России и особенно подчеркивалось, что «ей придется прежде всего вооружиться терпением и кротостью, чтобы сносить мою горячность и изменчивое расположение духа, а равно мою нетерпеливость».⁶⁰ Павел категорически запрещал своей будущей жене вмешиваться в какие-либо интриги при дворе, следовать чужим советам, чего бы они ни касались.

Павел вернулся в Царское Село 14 августа, а 31 августа туда уже приехала София-Доротея.

Екатерина была совершенно очарована своей новой невесткой. В письме к мадам Бельеке, давней подруге ее матери, она сообщала: «Признаюсь вам, что я пристрастилась к этой очаровательной принцессе: она именно такова, какую можно было желать: стройна, как нимфа, цвет лица — смесь лилии и розы, прелестнейшая кожа в свете, высокий рост с соразмерною полнотой и легкость поступи».⁶¹

К тому же шестнадцатилетняя девушка безоглядно влюбилась в своего суженного. За несколько дней до свадьбы она

писала Павлу: «Я не могу лечь, мой дорогой и обожаемый князь, не сказавши вам еще раз, что я до безумия люблю и обожаю вас... Богу известно, каким счастьем представляется для меня вскоре принадлежать вам; вся моя жизнь будет служить вам доказательством моих нежных чувств; да, дорогой, обожаемый, драгоценнейший князь, вся моя жизнь будет служить лишь для того, чтобы явить вам доказательства той нежной привязанности и любви, которые мое сердце будет постоянно питать к вам». ⁶²

А после того, как 15 сентября архиепископ Платон, перед тем преподавший Софии-Доротее православный закон, обручил ее с цесаревичем, назвав впервые новым православным именем и титулом «великая княжна Мария Федоровна», благодарная невеста прислала жениху такую записку: «Клянусь этой бумагой всю жизнь любить и обожать вас и постоянно быть нежно привязанной к вам; ничто в мире не заставит меня измениться по отношению к вам. Таковы чувства вашего на веки нежного и вернейшего друга и невесты». ⁶³ И впервые в жизни подписалась: «Мария Федоровна».

Еще до свадьбы она послала цесаревичу свое первое письмо на русском языке, написав его очень грамотно, хотя занималась этим языком всего два месяца. И опять она говорила о своей любви и о том, что Павел ей дороже всего на свете.

26 сентября 1776 года состоялось венчание и свадьба Павла и Марии Федоровны.

Цесаревич был счастлив не менее жены и в день свадьбы отправил ей такую записочку: «Всякое проявление твоей дружбы, мой милый друг, крайне драгоценно для меня, и клянусь тебе, что с каждым днем все более люблю тебя. Да благословит Бог наш союз, также, как Он создал его. П.» ⁶⁴

И Бог благословил этот союз: уже в апреле 1777 года Мария Федоровна сообщила мужу, что ждет ребенка, а за всю их совместную жизнь Мария Федоровна родила десять детей — четырех мальчиков, из которых двое — Александр и Николай — стали российскими императорами, и шестерых девочек, занявших в свое время престолы разных государств Европы.

НОВЕЛЛА СЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

Тихое пристанище Григория Орлова

А теперь, оставив Павла и Марию Федоровну, возвратимся к императрице и ее фаворитам.

В то время, как Потемкин инспектировал войска в Новгородской губернии, Григорий Орлов окончательно потерял надежду на возвращение в прежнее свое положение. Говорили,

что он ведет себя странно, обнаруживая явные признаки помешательства. Одним из доказательств этого считали неожиданную его женитьбу на двоюродной сестре девятнадцатилетней Екатерине Николаевне Зиновьевой.

Она была дочерью родного брата его матери генерал-майора Николая Ивановича Зиновьева, служившего Санкт-Петербургским обер-комендантом. Екатерина Зиновьева была необыкновенно красива, добра и нежна, отличалась, кроме того, высочайшей нравственностью. Она обвенчалась со своим кузеном в июне 1777 года, но так как брак столь близких родственников считался кровосмесительным, то недруги Орлова решили расторгнуть их супружеский союз и выступили в Совете с предложением признать брак недействительным, а супругов заточить в монастырь. Только К.Г.Разумовский не согласился с этим. «Лежачего не бьют, — сказал он. — Еще недавно все мы почитали бы за счастье побывать у Орлова на свадьбе, а теперь не стыдно ли нам нападать на него?»

И все же Совет не внял Разумовскому и постановил: «Брак расторгнуть, а виновных постричь в монастырь.»

Когда решение Совета было передано на подпись Екатерине, она сказала: «Рука моя отказывается подписать подобную бумагу против человека, которому я столь много обязана». ⁶⁵

Более того, Екатерина произвела жену Орлова в статс-дамы и прислала ей орден Святой Екатерины. Императрица осыпала княгиню Орлову подарками, среди которых был золотой туалетный столик необычайной работы и баснословной цены.

Видя благоволение Екатерины к молодым, козни царедворцев прекратились и на некоторое время супруги Орловы обрели полное счастье.

Вскоре после свадьбы они уехали в Швейцарию, где молодая, счастливая жена написала такие стихи:

Желанья наши совершились,
И все напасти уж прошли.
С тобой навек соединилась,
Счастливы дни теперь пришли,
Любимый мной,
И я — тобой!
Чего еще душа желает?
Чтоб ты всегда мне верен был,
Чтоб ты жену не разлюбил.
Мне всякий край
С тобою — рай! ⁶⁶

Возвратившись на следующий год в Петербург, молодые поселились в том самом доме, где почти двадцать лет назад начался роман великой княгини Екатерины с гвардейским капитаном Орловым. Теперь сорокачетырехлетний князь и генерал-аншеф, получивший за годы своего «случая» миллионы рублей и тысячи крепостных, стал жить совсем по-другому: стол его не отличался излишествами, на одежде не было ни золота, ни алмазов и даже выезд не бросался в глаза.

Григорий Орлов жил в тихой радости, оставив двор, немало времени уделяя чтению и заботам о своих многочисленных имениях.

Сохранилось несколько его писем в разные губернии, где были у него крепостные, в которых их господин просил губернаторов внимательно и доброжелательно относиться к просьбам его крестьян, если они обратятся в губернское присутствие.

Однако вскоре безоблачному счастью Орловых подошел конец — Екатерина Николаевна заболела чахоткой. Орловы объехали лучших врачей Германии, Голландии, Бельгии и в конце-концов остановились в Лозанне. 16 июня 1782 года Екатерина Николаевна умерла. Ее похоронили в соборе Лозанны, а муж от горя сошел с ума и умер 13 апреля 1783 года, прожив после смерти жены всего десять месяцев.

НОВЕЛЛА СЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

Семен Гаврилович Зорич

Потемкин был отодвинут в сторону Завадовским, но не сдался и стал искать способы и средства вернуть себе былое расположение Екатерины. Прежде всего он решил во что бы то ни стало убрать Завадовского из апартаментов императрицы, даже если в этих комнатах окажется не он сам, а другой, но тот, кого именно он, Потемкин, поставит на освободившееся место.

Таким человеком оказался георгиевский кавалер, герой-кавалерист, красавец-серб Семен Гаврилович Зорич. Потемкин взял его к себе в адъютанты и почти сразу же представил к назначению командиром лейб-гусарского эскадрона и лейб-казачей команды с одновременным производством в подполковники. Так как лейб-гусары и лейб-казаки были личной охраной императрицы, то назначению Зорича на должность предшествовало его представление Екатерине.

26 мая 1777 года Потемкин устроил аудиенцию императрицы с потенциальным фаворитом — смуглым, изящным, кареглазым, затянутым в голубой гусарский мундир красавцем.

Потемкин сразу понял, что его выбор сделан верно: Завадовскому вдруг был предоставлен шестимесячный отпуск. А тем временем Зорич, став полковником, флигель-адъютантом и шефом лейб-гусарского эскадрона, поселился в апартаментах фаворитов, пройдя предварительную апробацию у доктора Роджерсона, графини Брюс и двух других пробир-фрейлин. (Далее, по мере появления новых фаворитов мы не станем повторяться, ибо каждый из них проходил через те же самые ворота.)

О знакомстве Зорича с императрицей рассказывали, впрочем, и другое. Семен Гаврилович Зорич, рассорившись с командиром полка, в котором служил, поехал в Военную коллегию в Петербург проситься о переводе его в другой полк. В первый же день проигрался он в карты в пух и прах, так что не осталось у него денег даже на обед в трактире. По счастью, он встретил на улице знакомого, который ехал в Царское Село к приятелю своему, гоф-фурьеру. Он взял Зорича с собой и хорошо угостил его, а точнее — напоил.

Выпивший Зорич пошел погулять в дворцовый сад, сел на скамью под липой и заснул. Вот тут-то и увидала его проходившая мимо Екатерина. Зорич приглянулся ей своей статью и ростом, и она велела камердинеру Зотову сесть рядом с офицером на скамью, дожидаться, когда он проснется, и пригласить гусара к ней на ужин. С этого все будто бы и началось.⁶⁷

Как бы то ни было, в свои тридцать лет Зорич успел повидать многое. В пятнадцать лет он уже воевал с пруссаками в чине вахмистра в гусарском полку. Он храбро дрался, побывал в нескольких рукопашных схватках, получил три сабельных раны, попал в плен, но сумел бежать. В 1764 году он воевал в Польше, в 1769-1770 — с турками в Бессарабии, прославившись на всю армию бесшабашной удачью, дерзостью, воинской удачливостью и немалым командирским талантом.

3 июля 1770 года отряд ротмистра Зорича попал в окружение. Сам командир получил две раны копьем и одну саблей и был взят в плен. Четыре года просидел он в страшной султанской тюрьме — Семибашенном замке, потом еще год прожил в Константинополе, пока, наконец, после заключения Кючук-Кайнарджийского мира, вернулся в Россию. Здесь, получив орден Георгия 4-го класса, попал он на глаза Потемкину и тот решил использовать Зорича в своих целях.

Через четыре месяца, в сентябре 1777 года, Зорич был уже генерал-майором, кавалером четырех иностранных орденов: шведских — Меча и Святого Серафима — и польских — Белого Орла и Святого Станислава. Он стал обладателем нескольких богатых поместий и целого большого местечка Шклов в

Могилевской губернии, купленного ему Екатериной за 450-000 рублей у князя Чарторижского.

Эти поместья и Шклов перешли к России в результате первого раздела Речи Посполитой в 1772 году.

Зорич стал одним из богатейших вельмож и землевладельцев, однако ни земли, ни чины, ни ордена, ни богатства не прибавили Зоричу ума, которого ему не доставало. Еще не отметив годовщину своего «случая», Семен Гаврилович решил учинить афронт своему несокрушимому сопернику и благодетелю — Григорию Александровичу Потемкину.

Пребывая вместе с ним и Екатериной в Царском Селе он учинил ссору и даже вызвал Потемкина на дуэль, но вместо поединка отправился за границу, куда его мгновенно спроводила Екатерина. А по его возвращении осенью 1778 года ему велено было отправляться в Шклов.

Зорич поселился в старом замке польских графов Ходкевичей, отделав его с необычайной пышностью и устроив в своем доме непрерывный праздник. Балы сменялись маскарадами и спектаклями, пиры — охотой, над замком почти всякую ночь горели фейерверки, по три-четыре раза в неделю устраивались спектакли, а в парке и садах вертелись карусели, устраивались катания на тройках, народные гуляния и непрерывные приемы гостей.

Дважды Зорича навещала Екатерина и была встречена экс-фаворитом с необычайной торжественностью и роскошью.

Чтобы более к Зоричу не возвращаться, скажем, что его дальнейшая жизнь сложилась не лучшим образом. Он был азартным карточным игроком, причем имел нелестную репутацию шулера. К его грандиозным проигрышам вскоре примешалась и афера с изготовлением фальшивых ассигнаций, которые печатали гости Зорича — польские графы Аннибал и Марк Зановичи.

Расследование скандальной истории поручили Потемкину. Он приехал в Шклов, арестовал обоих сиятельных братьев-фальшивомонетчиков, а Зорича уволил в отставку. Лишь после смерти Екатерины, в январе 1797 года, Павел I вернул Зорича в армию, но уже в сентябре того же года за растрату казенных денег его снова уволили, на сей раз окончательно.

И все же и Зорич оставил по себе добрую память. 24 ноября 1778 года — в день именин Екатерины — он основал на собственные деньги Шкловское благородное училище для мальчиков-дворян, готовившихся стать офицерами. В училище занималось до трехсот кадетов. 29 мая 1799 года здание училища

сгорело, и это так сильно подействовало на Зорича, что он слег и 6 ноября того же года умер.

На следующий год занятия возобновились, но уже в Гродно, а затем после длительных скитаний по разным городам России в 1824 году училище обосновалось в Москве, в конце концов получив название: «Первый московский императрицы Екатерины Второй кадетский корпус». Так восторжествовала справедливость: учрежденное Зоричем в честь Екатерины II и в день ее тезоименитства училище все же получило ее имя.

А теперь снова вернемся назад, к тому времени, когда Зорич только задумывал свою интригу против Потемкина. Именно тогда произошло событие, вновь уводящее нас на стезю столь милого русскому сердцу самозванства. Невольным героем этого сюжета стал уже знакомый нам мнимый отец княжны Таракановой — Иван Иванович Шувалов.

НОВЕЛЛА СЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

Иван Иванович Шувалов и барон Аш

Мы расстались с ним 25 декабря 1761 года у смертного одра императрицы Елизаветы Петровны. В краткое полугодовое царствование Петра III Шувалов оставался куратором Московского университета и Академии художеств, а 14 марта 1762 года стал и главным директором Сухопутного шляхетского кадетского корпуса.

С восшествием на престол Екатерины II Шувалов впал в немилость и в 1763 году уехал из России.

Десять лет прожил он за границей, подолгу останавливаясь в Париже и наезжая оттуда в Лондон, Рим, Берлин, Вену, другие города Европы, покупая для Академии Художеств и Эрмитажа гипсовые слепки со знаменитых скульптур. Путешествуя по Италии, он, по свидетельству Гельбига, отыскал свою родную дочь, еще не объявлявшую себя Елизаветой Второй, но при свидании с ней не назвал своего имени.

После этого Шувалов выполнил весьма деликатное и тонкое поручение петербургского двора: он добился аудиенции у папы Римского Климента XIV и убедил его в том, чтобы из Польши отозвали папского нунция, весьма враждебно настроенного по отношению к России. За это Екатерина присвоила Ивану Ивановичу чин действительного тайного советника, и он, восприняв это, как очевидное расположение императрицы, решил вернуться на родину. Шувалов не только был принят при дворе, но и стал членом тесного элитарного

кружка Екатерины, проводя с нею вечера и сопровождая ее в путешествиях.

Все было безоблачно на небосклоне бывшего фаворита Елизаветы Петровны, никогда не вмешивавшегося в дворцовые интриги, а теперь, под старость лет, и того более возлюбившего тишину и покой, как вдруг, в октябре 1777 года, в его доме рано утром появился незнакомец, назвавшийся бригадиром и бароном Федором Федоровичем фон Ашем, сыном сподвижника Петра I барона Фридриха фон Аша.

С 1726 года отец его, сказал визитер, был почт-директором Санкт-Петербурга, а в конце жизни возглавлял службу перлюстрации писем. Однажды в руки Фридриха фон Аша попало письмо, в котором сообщалось, что Иван Иванович Шувалов — сын императрицы Анны Ивановны и герцога Бирона. Умирая, бывший почт-директор передал копию этого письма своему сыну, и вот он, дождавшись возвращения И. И. Шувалова в Петербург, принес ему это письмо.

В памяти у Шувалова были свежи эпизоды о разных самозванцах, Пугачеве и Таракановой, и потому он обо всем чистосердечно рассказал самой Екатерине II.

22 октября 1777 года Аша арестовали и доставили в Тайную канцелярию, где и завели дело «О предерзостях, противностях государственным правилам и неистовых словах отставного от воинской службы бригадира, барона Федора Федорова сына фон Аша».

Комиссия под председательством генерал-прокурора князя А. А. Вяземского признала Аша «впавшим в преступление по безумству» и присудила к заключению в Динамюндскую крепость (ныне в черте города Риги, на одном из островов в устье реки Даугавы) сроком на девятнадцать лет.

Так завершился еще один эпизод в истории русского самозванства, связанный с императорским домом Романовых.

НОВЕЛЛА ВОСЬМИДЕСЯТАЯ

Рождение внуков

Чуть раньше мы уже говорили, что Бог благословил союз Павла Петровича и Марии Федоровны и они ждали ребенка. Их первенец родился 12 декабря 1777 года и назвали его Александром. Имя новорожденному выбрала его бабка — Екатерина II.

В письме к барону Фридриху Гримму она сообщала, что мальчик назван так в честь святого Александра Невского и добавляла: «Хочу думать, что имя предмета имеет влияние на предмет, а наше имя знаменито». ⁶⁸

Выбор имени был не случайным. Екатерина придавала этому обстоятельству весьма важное значение. И хотя она писала Гримму, что родился не Александр Великий, то есть Македонский, а Александр маленький, все же дача, построенная для внука на берегу Невы, называлась Пеллой, как и город, где родился Александр Македонский.

В другом письме Гримму Екатерина писала: «Вы говорите, что ему предстоит на выбор, подражать либо герою, либо святому одного с ним имени; но вы, вероятно, не знаете, что этот святой был человеком с качествами героическими. Он отличался мужеством, настойчивостью и ловкостью, что возвышало его над современными ему удельными, как и он князьями. Татары уважали его, новгородская вольница подчинялась ему, цenia его доблести. Он отлично колотил шведов, и слава его была так велика, что его почтили саном великого князя. Итак, моему Александру не придется выбирать. Его собственные дарования направят его на стезю того или другого» (т.е. Александра Невского или Александра Македонского).⁶⁹

Для того чтобы все это не осталось лишь благими пожеланиями, Екатерина сразу же отобрала мальчика у родителей и начала воспитывать его по собственному разумению, опасаясь, что отец и мать Александра повторят ошибки в воспитании, допущенные Елизаветой Петровной по отношению к Павлу.

Новорожденного, забрав у врачей, тут же передали под опеку генеральше Софье Ивановне Бенкендорф, образцовой матери, прекрасно воспитывавшей своих четырех сыновей и этим хорошо известной императрице.

Александра стали с первых же дней жизни воспитывать в спартанской обстановке — он спал на кожаном матрасе на тонкой подстилке, покрытый легким английским покрывалом. Температура в его комнате не превышала 14-15 градусов. Когда он спал, кормилица и слуги говорили громко и даже на бастионах Адмиралтейства продолжали стрелять пушки.

Какой контраст представляло все это с первыми днями его отца, когда маленького Павла держали зимой и летом в колыбельке, обитой мехами чернобурых лисиц, а в спальне круглосуточно горел камин и слуги не смели даже шептаться!

Александр рос крепким, спокойным, веселым и здоровым ребенком.

Через полтора года, 27 апреля 1779 года, Мария Федоровна родила второго сына, которого назвали Константином. И это имя было выбрано не случайно: в нем таилась надежда в ближайшем будущем окончательно сокрушить империю Османов и покорить Константинополь.

С этого времени Александр и Константин воспитывались и жили вместе и почти никогда не разлучались. 7 сентября 1780 года Екатерина писала Гримму об Александре: «Тут есть уже воля и нрав и слышатся беспрестанно вопросы: «К чему?», «Почему?», «Зачем?» Мальчику хочется все узнавать основательно, и Бог весть, чего-чего он не знает». ⁷⁰

А еще через девять месяцев, 24 мая 1781 года, Екатерина писала ему же: «Надо сказать, что оба мальчишки растут и отменно развиваются... Один Бог знает, чего только старший из них не делает. Он складывает слова из букв, рисует, пишет, копает землю, фехтует, ездит верхом, из одной игрушки делает двадцать; у него чрезвычайное воображение, и нет конца его вопросам». ⁷¹

Екатерина знала, что плоть и дух человека нерасторжимы, и потому она делала все, чтобы ее внуки были крепки телом, добры нравом, умны и трудолюбивы. Летом 1783 года она сообщила Гримму: «Если бы вы видели, как Александр копает землю, сеет горох, сажает капусту, ходит за плугом, боронует, потом весь в поту идет мыться в ручье, после чего берет сеть и с помощью Константина принимается за ловлю рыбы...» ⁷²

Продолжая ту же тему, Екатерина писала Гримму 10 августа 1785 года: «В эту минуту господа Александр и Константин очень заняты: они белят снаружи дом в Царском Селе под руководством двух шотландцев-штукатуров». ⁷³ А в четырнадцать лет Александр получил даже диплом столяра.

Когда Александру не было еще и шести лет, С.И. Бенкендорф внезапно умерла и его передали в руки главного воспитателя генерал-аншефа Николая Ивановича Салтыкова, а кавалером-воспитателем при братьях стал генерал-поручик Александр Яковлевич Протасов.

Прежде Салтыков десять лет был в том же качестве при отце мальчиков цесаревиче Павле. Благодаря своему уму, честности, а также осторожности и хитрости, он добился расположения как у Павла, так и у Екатерины, всегда стараясь смягчать их отношения и примирять друг с другом. Новые его воспитанники по характеру были полной противоположностью друг другу: Александр походил на мать, унаследовал ее ум, выдержку, спокойствие; Константин был в отца — вспыльчив, упрям, жесток.

Однажды, будучи уже юношей, Константин на вечернем собрании у Екатерины, отличавшемся вежливостью и утонченностью, вздумал бороться со стариком графом Штакельбергом. И так как граф не мог противостоять крепкому недорослю, Константин, разгорячась, бросил его на пол и сломал ему руку.

Оказываясь в домах аристократов, Константин не оставлял ни мужчину, ни женщину без позорного ругательства и сквернословия. Он позволял себе это даже в доме Н.И.Салтыкова. В августе 1796 года уже женатого, семнадцатилетнего хулигана Екатерина приказала посадить под арест, и как только это произошло, Константин стал раскаиваться, просить прощения, и, наконец, сделал вид, что заболел.⁷⁴

НОВЕЛЛА ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Иван Николаевич Римский-Корсаков

Теперь вновь возвратимся к личной жизни Екатерины, рассказ о коей мы прервали в связи с рождением у нее внуков.

В декабре 1777 года Екатерине шёл сорок восьмой год, и по меркам того времени она была уже далеко немолодой женщиной. И как раз в это время при дворе начала созревать еще одна интрига — на месте отставленного Зорича появился двадцатичетырехлетний кирасирский капитан Иван Николаевич Римский-Корсаков. Он оказался первым в конкурсе претендентов на должность фаворита, победив еще двух офицеров — немца Бергмана и побочного сына графа Воронцова — Ронцова. (У русских аристократов существовал обычай давать своим внебрачным, но признаваемым ими сыновьям, так называемые «усеченные» фамилии, в которых отсутствовал первый слог родовой фамилии. Так, сын князя Трубецкого носил фамилию Бецкой. Сын князя Репнина назывался Пнин, Елагина — Агин, Голицына — Лицын, Румянцева — Умянцев, Воронцова — Ронцов.)

Гельбиг рассказывает, что Екатерина вышла в приемную, когда там находились назначенные к аудиенции Бергман, Ронцов и Корсаков. Каждый из них стоял с букетом цветов, и она милостиво беседовала сначала с Бергманом, потом с Ронцовым и, наконец, с Корсаковым. Необыкновенная красота и изящество последнего покорили ее.

Екатерина милостиво улыбнулась всем, но с букетом цветов к Потемкину отправила Римского-Корсакова. Потемкин все понял и утвердил ее выбор. Потрясенная красотой нового фаворита, Екатерина оправдывалась перед бароном Гриммом, считавшим этот новый альянс обычной прихотью: «Прихоть? Знаете ли вы, что это выражение совершенно не подходит в данном случае, когда говорят о Пирре, царе Эпирском (прозвище Корсакова), об этом предмете соблазна всех художников и отчаяния всех скульпторов. Восхищение, энтузиазм, а не прихоть возбуждают подобные образцовые творения природы! Произведения рук человеческих падают и раз-

бываются как идола перед этим перлом создания Творца... Никогда Пирр не делал ни одного неблагородного или неграциозного жеста или движения. Он ослепителен, как Солнце, и как оно разливает свой блеск вокруг себя. Но все это в общем не измененность, а, напротив, мужество, и он таков, каким бы вы хотели, чтобы он был. Одним словом, это — Пирр, царь Эпирский. Все в нем гармонично, нет ничего выделяющегося. Это — совокупность всего, что ни на есть драгоценного и прекрасного в природе: искусство — ничто в сравнении с ним; манерность от него за тысячу верст». ⁷⁵

Новый фаворит вел свое происхождение от старинного аристократического польско-литовско-чешского рода Корсак, старший в котором — Сигизмунд Корсак — выехал на службу в Московское княжество к великому князю Василию Дмитриевичу — сыну Дмитрия Донского — в конце XIV столетия. Поскольку род Корсакова часто путали с дворянским родом Корсаковых, потомки Сигизмунда в мае 1677 года добились от царя Федора Алексеевича признания за ними двойной фамилии Римских-Корсаковых, так как их родоначальник был подданным римского императора. (Впоследствии род Римских-Корсаковых дал России многих замечательных людей. Это Александр Михайлович Римский-Корсаков — командир корпуса в Альпийском походе Суворова, три адмирала и выдающийся композитор Николай Андреевич Римский-Корсаков.)

Через день после победы в конкурсе фаворитов, Иван Римский-Корсаков стал флигель-адъютантом, а затем прапорщиком кавалергардов, что соответствовало генерал-майору по армии. Еще некоторое время спустя он уже камергер и генерал-адъютант. Иван Николаевич имел прекрасный голос и великолепно играл на скрипке. Однако Екатерине очень хотелось обнаружить у нового фаворита признаки большого ума, а этого-то как раз у Римского-Корсакова не было. Както, разговаривая с одним из братьев Орловых, Екатерина сказала, что Иван Николаевич поет, как соловей. На что последовал ответ:

— Это правда, но ведь соловьи поют только до Петрова дня...

Тонкое замечание Орлова оказалось пророческим — век фаворита оказался равным двум годам: он был отставлен в октябре 1779 года.

Что же касается ума и образованности Корсакова, то лучше всего об этом свидетельствует такой эпизод: когда Екатерина подарила ему особняк на Дворцовой набережной, купленный ею у Васильчикова, то новый хозяин решил завести у

себя хорошую библиотеку, подражая просвещенным аристократам и императрице. Выбрав для библиотеки большой зал, Корсаков пригласил известного книготорговца и велел ему привезти книги.

— Извольте же дать мне список тех книг, кои вы желаете, чтобы я привез вам, — сказал книготорговец. На что фаворит ответил:

— Об этом я не забочусь — это ваше дело. Скажу только, что внизу должны стоять большие книги, а чем выше, тем они должны быть меньше, точно так, как у государыни.⁷⁶

При таком уме, Корсаков рискнул интриговать против Потемкина, но «циклоп» буквально в одночасье прихлопнул его, убив к тому же сразу двух зайцев.

Давним врагом и соперником Г.А.Потемкина был фельд-маршал Румянцев, чья сестра графиня Брюс была, как мы знаем, самой доверенной confidentкой Екатерины. Неосторожный и влюбчивый Римский-Корсаков начал волочиться за графиней, о чем тотчас же донесли Потемкину, а тот немедленно создал ситуацию, пагубную для обоих. Как только Екатерина узнала от Потемкина об этой связи, она тут же отправила неверную подругу в Москву, Корсаков же оставался в Петербурге, сославшись на мнимую болезнь.

Не прошло и месяца, как в Петербурге появились, только что приехавшие из Парижа сорокашестилетний граф А.С.Строганов и его юная жена Екатерина Петровна, урожденная княжна Трубецкая. Корсаков тут же увлекся молодой и красивой женщиной и вскоре уехал из Петербурга в Москву, понимая, что терпение императрицы не беспредельно.

Следом за ним, к удивлению многих, уехала в Москву и графиня Строганова, где у обманутого ею мужа был роскошный дом, который великодушный супруг подарил ей. Кроме того граф предоставил ей богатую подмосковную усадьбу Братцево (ныне в черте Москвы) и пожизненное денежное содержание. Когда же — через двадцать лет после описываемых событий — император Павел I сослал Римского-Корсакова в Саратов, графиня Екатерина Петровна поехала за ним и туда.

По свидетельству князя И.М.Долгорукова Екатерина Петровна была «женщина характера высокого и отменно любезная. Беседа ее имела что-то особо заманчивое, одарена прелестями природы, умна, мила, приятна. Любила театр, искусство, поэзию, художество... Была очень живого характера».

Так что двадцатипятилетнему Ивану Николаевичу было на что менять пятидесятилетнюю императрицу да и у супругов Строгановых разница в возрасте была столь же значительной.

Надо полагать, что ни Римский-Корсаков, ни Строганова не сожалели о содеянном, тем более что Екатерина оставила бывшему фавориту дом на Дворцовой набережной и множество драгоценностей, оцененных в 400000 рублей.

Гельбиг считал, полученные Корсаковым суммы еще большими, простирая их размер до 720 тысяч рублей.

Завершая этот сюжет, добавим, что невенчанная его жена умерла около 1815 года, оставив ему сына и двух дочерей. Сам же Иван Николаевич скончался 16 февраля 1831 года семидесяти семи лет.

НОВЕЛЛА ВОСЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Александр Дмитриевич Ланской

Двухкратную измену «царя Эпирского» Екатерина переживала намного легче, чем былые измены иных своих фаворитов. Не успел Римский-Корсаков уехать из Петербурга, как возле Екатерины уже появился новый претендент — двадцатидвухлетний конногвардеец Александр Дмитриевич Ланской, представленный обер-полицмейстером Петербурга графом Петром Ивановичем Толстым.

Ланской с первого взгляда понравился Екатерине, но она решила не спешить и на первый случай ограничиться лишь оказанием молодому офицеру очевидных знаков внимания и милости: Ланской стал флигель-адъютантом и получил на обозрение 10000 рублей.

Появление нового флигель-адъютанта, через некоторое время ставшего и действительным камергером, конечно же, не осталось незамеченным. Английский посланник лорд Мальмсбюри считал необходимым даже сообщить о нем своему правительству. «Ланской красив, молод и, кажется, уживчив.»⁷⁷ . — писал дипломат.

Придворные доброхоты, почуяв восхождение нового светила, наперебой советовали Ланскому обратиться за поддержкой к Потемкину. Молодой флигель-адъютант послушался — и обрел в Потемкине заступника и друга. Потемкин сделал Александра Дмитриевича одним из своих адъютантов и около полугода руководил его придворным образованием, одновременно изучая будущего фаворита.

Он открыл в своем воспитаннике массу прекрасных качеств и весной следующего года с легким сердцем рекомендовал императрице в качестве сердечного друга.

На Святой неделе 1780 года Ланской вновь предстал перед Екатериной, был обласкан ею, удостоен чина полковника и в

тот же вечер поселен в пустующих апартаментах бывших фаворитов.

Интерес при дворе к новому постояльцу заветных комнат сразу обострился и скоро все уже знали, что Александр Дмитриевич Ланской родился 6 марта 1758 года в не очень знатной и не богатой семье, имевшей поместья в Тульском уезде.

Стало известно, что отец фаворита — кирасирский поручик Дмитрий Артемьевич Ланской — смолоду отличался необузданным нравом и неукротимым характером. Эти качества привели к тому, что в 1748 году его разжаловали и исключили из армии за самоуправство по отношению к родственницам офицера и дворянина Степанова, с которым бравый кирасир судился и, не добившись решения суда в свою пользу, захватил нескольких близких тому женщин и стал истязать их у себя в имении. В годы Семилетней войны ему удалось вернуться в строй, и те же качества — неукротимость, смелость и безоглядная удаль — способствовали его карьере. В 1772 году он стал комендантом Полоцка, получив чин бригадира. (По Табели о рангах чин бригадира относился к пятому классу и шел выше полковника, но ниже генерал-майора, считаясь все же рангом генеральским.)

Дмитрий Артемьевич имел шестерых детей — двух сыновей и четырех дочерей: старшему сыну Александру и выпал жребий стать самым любимым фаворитом Екатерины. Благодаря его «случаю» брат его Яков и сестры — Варвара, Анна, Елизавета и Евдокия — породнились со знатнейшими фамилиями России. Однако сам Александр Дмитриевич почти ничего не делал для их преуспеяния — виной тому была императрица, полюбившая Ланского больше, чем кого-либо прежде, и проливавшая эту любовь на его родственников.

По отзывам современников Ланской не вступал ни в какие интриги, старался никому не вредить и с самого начала отрешился от государственных дел, справедливо полагая, что политика заставит его наживать себе врагов.

Даже когда ему доводилось встречаться с коронованными особами, приезжавшими в Петербург, — австрийским кронпринцем Иосифом, прусским кронпринцем Фридрихом-Вильгельмом, шведским королем Густавом III — Ланской вел себя очень сдержанно, не позволяя никому из них надеяться на его содействие или помощь, равно как и опасаться немотивированного противодействия.

Единственной всепоглощающей страстью Ланского была Екатерина. Он хотел царствовать в ее сердце единолично и делал все, чтобы добиться этого. Он не просто хотел нравиться

своей повелительнице, а завоевать ее, чтобы она не могла даже помыслить о его замене кем-либо другим.

У Ланского сложились добрые отношения со всеми членами императорской фамилии. Он был хорош и с Павлом, и с Марией Федоровной, и с их детьми. По молодости он был даже участником игр и забав с Александром и Константином. Так, например, 1 июля 1783 года Екатерина писала Гримму: «У Александра удивительная сила и гибкость. Однажды генерал Ланской принес ему кольчугу, которую я едва могу поднять рукою; он схватил ее и принялся с нею бегать так скоро и свободно, что насилу можно было его поймать».⁷⁸

Так и представляется идиллическая семейная сцена — смеющаяся, пятидесятичетырехлетняя бабушка, еще полная огня и сил, двадцатипятилетний красавец-генерал и шустрые мальчишки.

Ланскому же читала Екатерина и свой замечательный труд — «Бабушкину азбуку» — оригинальный и талантливый учебник для внуков с картинками, сказками и нравоучениями. «У меня только две цели, — говорила об «Азбуке» Екатерина, — одна — раскрыть ум для внешних впечатлений, другая — возвысить душу, образуя сердце».⁷⁹ (Впоследствии эта «Азбука», несколько видоизмененная, стала первым учебником в первых классах различных учебных заведений России.)

Чтобы еще более нравиться Екатерине, Ланской все четыре года своего фавора много читал, понимая, что будет интересен своей возлюбленной, если поднимется до ее интеллектуального уровня. И, надо сказать, это ему удалось.

Однако в июне 1784 года Ланской серьезно и опасно заболел — говорили, что он подорвал свое здоровье, злоупотребляя возбуждающими снадобьями. Екатерина ни на час не покидала страдальца, почти перестала есть, оставила все дела и ухаживала за ним, как мать, смертельно боящаяся потерять единственного, бесконечного любимого сына. Потом она писала: «Злокачественная горячка в соединении с жабой, свела его в могилу в пять суток».⁸⁰

Когда вечером 25 июня 1784 года Ланской умер, Екатерина совершенно потеряла самообладание, рыдала и причитала как деревенская баба и затем впала в пружестокую меланхолию. Она уединилась, никого не хотела видеть и даже отказалась от встреч с Александром и Константином. Единственным человеком, для кого она сделала исключение была сестра Ланского Елизавета, очень похожая на брата. Екатерина заболела и сама, не могла и часа провести без рыданий.

После похорон, пребывая в неутешной печали, она 3 июля села к столу и закончила начатое еще месяц назад письмо к

барону Фридриху Гримму. Она писала: «Когда я начинала это письмо, я была счастлива, и мне было весело, и дни мои проходили так быстро, что я не знала, куда они деваются. Теперь уже не то: я погружена в глубокую скорбь, моего счастья не стало. Я думала, что сама не переживу невознаградимой потери моего лучшего друга, постигшей меня неделю тому назад. Я надеялась, что он будет опорой моей старости: он усердно трудился над своим образованием, делал успехи, усвоил мои вкусы. Это был юноша, которого я воспитывала, признательный, с мягкой душой, честный, разделяющий мои огорчения, когда они случались, и радовавшийся моим радостям.

Словом, я имею несчастье писать вам, рыдая... Не знаю, что будет со мной; знаю только, что никогда в жизни я не была так несчастна, как с тех пор, как мой лучший и дорогой друг покинул меня...».⁸¹

Напуганный болезнью Екатерины канцлер А.А.Безбородко вызвал в Петербург Федора Орлова и Потемкина.⁸¹ Они утешала императрицу как могли.

В письме Гримму от 9 сентября Екатерина сообщала: «Через неделю после того, как я написала мое июльское письмо, ко мне приехали граф Федор Орлов и князь Потемкин. Оба они взялись за дело умеючи. Они начали с того, что принялись выть заодно со мною; тогда я почувствовала, что мне с ними по себе, но до конца еще было слишком далеко...».⁸²

Только 5 сентября Екатерина приехала из Царского Села в Петербург, а еще через четыре дня впервые вышла к обедне. Правда, после посещения ее Орловым и Потемкиным она взяла себя в руки и распорядилась делами должным образом и с полным пониманием. И все же первое появление на людях далось ей с большим трудом. Вернувшись с церковной службы в свои апартаменты, Екатерина почувствовала такой упадок сил, что оказалась близка к обмороку.

Со смертью Ланского связана и еще одна история, подобная тем, которые время от времени происходят и в наши дни, подтверждая, что люди не становятся лучше и что и раньше они были такими же.

Умирая, Ланской попросил похоронить его в одном из романтических уголков Царскосельского сада, чтобы и после смерти быть поближе к Екатерине, любившей гулять в парке. Его просьба была исполнена, а могила обозначена мраморной урной.

И вдруг потрясенные служители обнаружили могилу разрытой, а рядом увидели изуродованное и оскверненное тело

покойного. Негодяи оставили и позорные пасквили, оскорблявшие память Ланского.

После этого его похоронили в ближайшем храме Святой Софии, — гарнизонной церкви Преображенского полка, а потом построили и специальную небольшую капеллу-мавзолей.

Екатерина до конца жизни благоволила к брату и сестрам покойного, распространяя милости и на других его родственников. Особенно любила она Елизавету Дмитриевну, более прочих похожую на своего покойного брата и наиболее любимую им. Ланской завещал Елизавете Дмитриевне, в замужестве Кушелевой, дом и прекрасную картинную галерею. Единственный родной брат Ланского — Яков Дмитриевич — не на много пережил брата и умер в чине полковника гвардии, а все сестры удачно вышли замуж. Одна из них — Евдокия Дмитриевна — стала матерью светлейшего князя Александра Ивановича Чернышева, дипломата и военачальника, героя Отечественной войны 1812 года, военного министра Николая I.

Екатерина не забыла и семерых двоюродных братьев Ланского. Из них оставили свой след в истории России двое: Василий Сергеевич, который был первым наместником царства Польского, и Степан Сергеевич. Правда, последний вошел в историю благодаря своему сыну Сергею, который будучи министром внутренних дел с 1855 по 1861 год сделал многое для отмены в России крепостного права. 23 апреля 1861 года, через два месяца после опубликования манифеста об освобождении крестьян, Сергей Степанович Ланской — в молодости масон и член революционного «Союза Благоденствия» — был возведен императором Александром II в графское Российской империи достоинство.⁸³

«Случай» Ланского был одним из самых длительных в жизни Екатерины II, он продолжался более четырех лет.

НОВЕЛЛА ВОСЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

Присоединение Крыма

А тем временем происходили немаловажные события, не имеющие касательства к сердечным делам императрицы. Кратко остановимся на некоторых из них.

В 1780 году Россия объявила «вооруженный нейтралитет», направленный против Англии в защиту только что образовавшихся северо-американских Соединенных Штатов, что сильно обострило и ухудшило русско-английские отношения.

В эти же годы Екатерина энергично проводила в жизнь, так называемый Греческий проект, инициатором которого был Потемкин. Суть его состояла в изгнании турок из Европы

и создании в восточной части Балканского полуострова Греческой империи, главой которой предполагался внук Екатерины Константин. Дунайские княжества, находившиеся под властью османов. Молдавия и Валахия, должны были слиться в буферном христианском государстве Дакия, а западная часть Балкан переходила под власть союзной России Австрии.

В связи с этими планами главным противником России становилась Османская империя, решительно поддерживаемая Англией.

Первым шагом в осуществлении задуманного проекта была ликвидация Крымского ханства — последнего осколка канувшей в Лету Золотой Орды. Еще в ходе русско-турецкой войны 1768-1774 годов Россия в ноябре 1772 года заключила договор с крымским ханом Сахиб-Гиреем о переходе Крыма под протекторат России и его полной независимости от турецких султанов. Однако часть крымских вельмож по-прежнему тяготела к Стамбулу, надеясь на возврат старых порядков.

Не желая решать крымский вопрос силой, Потемкин в 1779 году организовал переселение из Крыма почти всех христиан — преимущественно армян и греков, — которые составляли основную массу ремесленников и торговцев, что сильно подорвало экономику ханства.

В Крым была послана дивизия генерал-поручика А.В. Суворова, а офицером, на которого возлагались поручения политического и дипломатического свойства оказался полковой командир полковник М.И. Кутузов. Именно он и возглавлял операцию по переселению христиан из Крыма на земли Новороссии. Он же принял активное участие в организации дворцового переворота в Бахчисарае, когда на смену турецкому ставленнику Давлет-Гирею был посажен угодный Екатерине Шагин-Гирей. Однако в 1782 году толпы религиозных фанатиков свергли Шагин-Гирея, и Потемкин поручил восстановить его на троне Кутузову и генерал-майору де Бальмену, что и было выполнено быстро и почти бескровно. И все же положение русского ставленника — Шагин-Гирея — оставалось весьма шатким, ибо против него начали мятеж его братья — Батыр и Арслан. Дело дошло до того, что Шагин-Гирей бежал на русском корабле в Керчь и в феврале 1783 года объявил, что не желает быть повелителем «такого беспокойного и коварного народа». Отказ Шагин-Гирея от престола явился следствием длительных переговоров хана с Потемкиным. Получив заверение Шагин-Гирея о нежелании занимать крымский трон, Потемкин тут же сообщил об этом Екатерине, и 8 апреля 1783 года императрица подписала манифест о присоединении

Крымского ханства к России. Крым — древняя Таврида — стал частью Российской империи.

В октябре русские войска вошли в Крым и заняли все важные пункты полуострова. Сбылось то, о чем Потемкин писал Екатерине в начале года: «Крым положением своим разрывает наши границы. Тут ясно видно, для чего хан нынешний туркам неприятен: для того, что он не допустит их через Крым входить к нам, так сказать, в сердце. Положите же теперь, что Крым наш и что нет уже сей бородавки на носу: вот вдруг положение границ прекрасное... Доверенность жителей Новороссийской губернии будет тогда несумнительным, мореплавание по Черному морю свободное».⁸⁴

28 июня 1783 года крымчаки приняли присягу на верность России, событие было приурочено к очередной годовщине восшествия Екатерины на престол. За это Потемкин был возведен в княжеское достоинство, с присовокуплением к титулу «Светлости», а через год стал и генерал-фельдмаршалом. Теперь он имел самый пышный в России титул: «Светлейший князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический, российский генерал-фельдмаршал, командующий всею конницею регулярною и нерегулярною, флотами Черноморскими и многими другими сухопутными и морскими силами, государственной Военной коллегии президент, ея императорского величества генерал-адъютант, Екатеринославской и Таврической генерал-губернатор, Кавалергардского корпуса и Екатериновского полка шеф, лейб-гвардии Преображенского полка подполковник, действительный камергер, войск генерал-инспектор, Мастеровой и Оружейной палат верховный начальник, разных иноверцев в России обитающих, по комиссии новосочиненного уложения опекун, Российского Святого Апостола Андрея, Святого Александра Невского, военного Великомученика Георгия и Святого Равноапостольного князя Владимира Больших крестов, Прусского Черного Орла, Датского Слона, Шведского Серафима, Польских Белого Орла и Святого Станислава орденов кавалер».

Другим важнейшим внешнеполитическим событием этого времени было подписание «Георгиевского трактата» — дружественного договора России с грузинским царством Картли-Кахети. — состоявшееся 24 июля 1783 года в селе Георгиевское (ныне — город Карачаевск) на Ставропольщине. Этим договором царь Картли-Кахети Ираклий II, происходивший из династии Багратионов, признавал покровительство России, отказывался от самостоятельной внешней политики и обязался служить своими войсками России. За это Екатерина гарантировала Ираклию II целостность и неприкосновен-

ность его владений, автономию во внутренних делах и равенство грузинского дворянства, духовенства и купечества с российскими сословиями.

НОВЕЛЛА ВОСЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

Александр Петрович Ермолов

Потрясенная до глубины души смертью Ланского, пораженная кощунственной историей, произошедшей с его прахом, Екатерина почти целый год пребывала в состоянии холодной апатии, отрешившись от радостей жизни, пребывая в несвойственной ей меланхолии и тоске. Но натура взяла свое, и благодаря стараниям друзей и подруг, а более всего незамеченного и неутомимого Потемкина, Екатерине был представлен блестящий молодой офицер Александр Петрович Ермолов.

Не будем вместе с некоторыми другими путать нового фаворита с знаменитым Алексеем Петровичем Ермоловым — героем войны 1812 года.

У Александра Петровича и его знаменитого родственника Алексея Петровича был общий предок — Леонтий Петрович Ермолов, доводившийся фавориту дедом, а генералу Алексею Петровичу Ермолову — прадедом. Этот общий предок на рубеже XVII и XVIII веков служил сначала стольником царицы Прасковьи Федоровны, а потом в гвардии и вышел в отставку капитаном. Он имел четырех сыновей, младший из которых — Петр Леонтьевич — стал отцом фаворита.

Как это бывало и прежде, Ермолов оказался не единственным претендентом на сердце императрицы. Прежде чем он попал в «случай», ему пришлось провести нелегкую борьбу с другими соперниками. Наиболее серьезным из них оказался князь Павел Михайлович Дашков, сын Екатерины Романовны Дашковой. Ему исполнилось тогда 22 года, он был хорош собой, получил прекрасное образование, окончив Эдинбургский университет в Шотландии со степенью магистра искусств.

Пока Дашков учился в Эдинбурге, ему шли чины по военной службе, и потому, возвратившись в Россию, он стал капитан-поручиком гвардии и в этом чине оказался адъютантом Потемкина. В 1783 году он стал полковником, через два года вернулся в свите Потемкина в Петербург и был представлен императрице на соискание чина флигель-адъютанта. Говорили, что молодой князь понравился Екатерине, но назначение Дашкова флигель-адъютантом не состоялось из-за его скандальной скоропалительной женитьбы на купеческой дочке.

девице Алферьевой, которую княгиня Дашкова не желала видеть до конца своих дней. Тогда-то и взошла звезда его соперника, тоже адъютанта Потемкина, Александра Петровича Ермолова.

Потемкин специально устроил праздник, чтобы познакомиться Ермолова с императрицей. Праздник удался на славу — Ермолов стал флигель-адъютантом императрицы и вскоре переехал в давно уже пустующие покои фаворитов.

Он оставил по себе хорошую память: помогал всем, кому мог, если был убежден, что перед ним — достойный человек. Императрица полагалась на его рекомендации, ибо Ермолов был умен, умел правильно оценивать людей и никогда не ходатайствовал за недостойных. Кроме того, он был необычайно правдив и искренен, что в конце-концов и погубило его.

Причиной тому был следующий эпизод.

После покорения Крыма хан Шагин-Гирей должен был получать от Потемкина крупные суммы, оговоренные государственным договором, но Светлейший задерживал эти выплаты и несколько лет ничего не платил хану. Тогда Гирей обратился за помощью к Ермолову, тот обо всем рассказал Екатерине, а императрица вскоре же высказала свое неудовольствие Потемкину. Светлейшему не составило труда вычислить виновника, и он поставил вопрос ребром: «Или я, или он». Екатерина, поколебавшись, склонилась, как и прежде, на сторону Потемкина и в июне 1786 года попросила передать Ермолову, что она разрешает ему уехать на три года за границу.

Александр Петрович с рекомендательными письмами А.А.Безбородко уехал в Германию и Италию. Везде он вел себя необычайно скромно, чем удивлял российских резидентов. Столь же скромно вел он себя и возвратившись в Россию. Ермолов переехал из Петербурга в Москву, где его ожидал теплый прием, ибо у бывшего фаворита в Москве не оказалось врагов или завистников.

За время фавора, продолжавшегося год и четыре месяца, Ермолов получил два поместья, стоившие 400000 рублей, а также 450000 наличными в виде единовременных выплат, пенсии и жалованья. Утратив благосклонность Екатерины II, Ермолов уехал в Австрию, где купил богатое и прибыльное поместье Фросдорф неподалеку от столицы империи и превратил его в одну из самых привлекательных загородных усадеб. (О богатстве и роскоши Фросдорфа свидетельствует хотя бы тот факт, что его следующим владельцем стал граф Генрих-Карл Шамбор, сын герцога Беррийского — последний принц из дома Бурбонов. Десятилетним мальчиком в 1830 году он был даже провозглашен королем Франции Генрихом V.

но реализовать это право не смог из-за политических обстоятельств.)

Возвратившись ненадолго из-за границы, Александр Петрович женился на княжне Елизавете Михайловне Голицыной и стал впоследствии отцом трех сыновей — Петра, Михаила и Федора, ничем, впрочем, не отличившихся. Да и сам он не желал привлекать к себе ничего внимания, так как решил навсегда оставить Россию и поселиться в Фросдорфе.

Там он и умер в 1836 году 82-х лет от роду.

НОВЕЛЛА ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов

Преемником Ермолова стал двадцативосьмилетний капитан гвардии Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов — дальний родственник Г.А.Потемкина и его адъютант.

Допустив промах с Ермоловым, Потемкин долго присматривался к Мамонову, прежде чем рекомендовать его флигель-адъютантом к Екатерине. В августе 1786 года Мамонов был представлен Екатерине и вскоре назначен флигель-адъютантом. Современники отмечали, что он был единственным из фаворитов, которого нельзя назвать красавцем. Он отличался высоким ростом и физической силой, имел скуластое лицо, чуть раскосые глаза, светившиеся умом и лукавством. Он был хорошо образован, и беседы с ним доставляли императрице немалое удовольствие. Через месяц он стал уже прапорщиком кавалергардов и генерал-майором по армии.

Первые почести не вскружили голову новому фавориту — он проявлял сдержанность, такт и завоевал репутацию умного и осторожного человека. Дмитриев-Мамонов хорошо говорил на немецком и английском языках, а французский знал в совершенстве. Кроме того, он проявил себя и как недурной стихотворец и драматург, что особенно импонировало Екатерине. Благодаря всем этим качествам, а также и тому, что Мамонов непрестанно учился, много читал и пытался серьезно вникать в государственные дела — особенно в дела внешнеполитические — он стал советчиком императрицы. Когда в начале 1787 года Екатерина собралась в путешествие на юг — в Крым и Новороссию — Мамонов в течение всего это вояжа ни на минуту не оставлял ее.

Подготовка к путешествию в Новороссию и Крым началась за два года до того, как Екатерина отправилась в путь.

Уже в октябре 1784 года Потемкин приказал собирать лошадей на станциях, строить путевые дворцы, готовить квартиры для свиты в разных городах. Десятки тысяч людей ремон-

тировали дороги, строили гавани и причалы, обустроивали Кременчуг, Екатеринослав, Херсон, Николаев и другие недавно заложенные города. На Днепре строилась флотилия речных судов, на которых императрица должна была плыть к Черному морю. Спешные строительные работы велись в Севастополе.

Еще в 1782 году Екатерина писала Потемкину, что нужно воспользоваться первым удобным случаем для захвата Ахтиарской гавани, названной потом русскими Севастопольской бухтой.

В 1784 году созданный здесь военно-морской порт был назван Севастополем, что в переводе с греческого означало Величественный город, или Город Славы.

В губерниях, расположенных ближе к столицам, тоже велись приготовления к встрече Екатерины, но Потемкин затмил всех.

Путешествие началось по санному пути и было прервано на три месяца остановкой в Киеве в ожидании, когда на Днепре сойдет лед и можно будет продолжать путь на галерах. Путешествие проходило в непринужденной атмосфере, казалось, что Екатерина и множество придворных отправились для развлечений, легкомысленных светских бесед, забав и веселья. Участники словно соревновались в знании истории, географии, земледелия, статистики, изящной словесности и философии. На стоянках писали шарады и буриме, вечерами устраивали любительские спектакли, именуемые тогда живыми картинами.

Особенно преуспевали в этих затеях французский посланник в Петербурге, поэт и историк, граф Луи-Филипп Сегюр и австрийский посланник граф Людовик Кобенцель. Вкупе с Екатериной и хорошо образованным Дмитриевым-Мамоновым они составляли ядро того утонченного и высокоинтеллектуального общества, которое медленно, с многодневными остановками, продвигалось на юго-запад.

И все же невозможно было отрешиться от большой политики и волей-неволей и Екатерина, и Мамонов, и другие ее ближайшие сотрудники должны были обсуждать и Восточный вопрос, и политику Пруссии, и плачевное, взрывоопасное положение Франции, стоявшей на пороге революции. Причем Мамонов очень часто оказывался на высоте положения и с каждым днем завоевывал все больший авторитет и у императрицы и у иностранных вояжеров, прочивших фавориту блестящую дипломатическую карьеру.

Переезжая из одной губернии в другую, встречаемые толпами восторженных россиян, триумфальными арками, фей-

ерверками, иллюминациями, артиллерийскими салютами, звоном колоколов, пышными процессиями духовенства, экзотически разнаряженными в национальные одежды депутациями коренных и малых народов, Императрица и ее спутники приходили в восторг от увиденного и услышанного, утверждались в свершении благодатных перемен за четверть века царствования Екатерины II.

Отпраздновав день рождения Екатерины, путешественники на флотилии из восьмидесяти судов 22 апреля отправились вниз по Днепру. Вот как об этом писал Сегюр: «Впереди шли семь нарядных галер огромной величины... Комнаты, устроенные на палубах, блистали золотом и шелками. Каждый из нас имел комнату и еще нарядный, роскошный кабинет с покойными диванами, с чудесною кроватью под штофною занавесью и с письменным столом красного дерева. На каждой из галер была своя музыка. Множество лодок и шлюпок носились впереди и вокруг этой эскадры, которая, казалось, создана была волшебством.

Мы подвигались медленно, часто останавливались и, пользуясь остановками, садились на легкие суда и катались вдоль берега вокруг зеленеющих островков, где собравшееся население кликами приветствовало императрицу. По берегам появлялись толпы любопытных, которые беспрестанно менялись и стекались со всех сторон, чтобы видеть торжественный поезд и поднести в дар императрице произведения различных местностей. Порою на береговых равнинах маневрировали легкие отряды казаков. Города, деревни, усадьбы, а иногда простые хижины так были изукрашены цветами, расписаны декорациями и триумфальными воротами, что вид их обманывал взор и они представлялись какими-то дивными городами, волшебными созданными замками, великолепными садами. Снег стаял, земля покрылась яркой зеленью, луга запестрели цветами, солнечные лучи оживляли и украшали все предметы. Гармонические звуки музыки с наших галер, различные наряды побережных зрителей разнообразили эту роскошную и живую картину. Когда мы подъезжали к большим городам, то перед нами на определенных местах выравнились строем превосходные полки, блиставшие красивым оружием и богатым нарядом. Противоположность их щегольского вида с наружностью румянцевских солдат доказывала нам, что мы оставляем области этого знаменитого мужа и вступаем в места, которые судьба подчинила власти Потемкина.

Стихии, весна, природа и искусство, казалось, соединились для торжества этого могучего любимца».⁸⁵

Через Канев, где состоялась встреча Екатерины II с польским королем Станиславом Августом Понятовским, с которым она не виделась уже тридцать лет, императрица проследовала в село Кайдаки, в коем ожидал ее австрийский император Иосиф II, скрывавшийся под именем графа Фалькенштейна. Он сначала приехал в Херсон, осмотрел там арсенал, казармы, верфи и склады и затем выехал навстречу Екатерине. После дружеской встречи в Кайдаках Иосиф II вместе со всеми доплыл до Херсона, где состоялось нечто вроде конгресса, в котором приняли участие австрийский император, русская императрица, а также посланники Франции и Англии.

Затем через Перекоп и Степной Крым путешественники проследовали в столицу Гиреев — Бахчисарай, а оттуда — в Севастополь. Здесь путников поразили многочисленные линейные корабли и фрегаты, стоявшие в бухте и готовые за двое суток дойти до Константинополя.

Проехав по другим городам Крыма, Екатерина возвратилась в Петербург, где на Мамонова, словно из рога изобилия, посыпались монаршие милости: он стал шефом Санкт-Петербургского полка, был пожалован в генерал-адъютанты.

25 мая 1788 года Иосиф II возвел фаворита в графское достоинство Римской империи. Затем Екатерина наградила его орденом Александра Невского, усыпанным бриллиантами, стоимостью в 30000 рублей. Доходы Мамонова с поместий, жалованье и содержание составляли не менее 300000 рублей в год. Одни только бриллиантовые аксельбанты генерал-адъютанта Мамонова стоили не менее 50000 рублей.

Казалось, в жизни Екатерины II наступил новый период любви и благоденствия. Но государственные заботы и хлопоты вновь потребовали ее энергии и внимания. Турецкий султан домогался возвращения Крыма и признания недействительным присоединения владений Ираклия II к России.

13 августа 1787 года Турция объявила войну, а 12 сентября манифест о войне с Турцией подписала Екатерина II.

Потемкин находился на юге, при армии, и Мамонов, как мог, поддерживал императрицу. Война началась тем, что 1 октября Суворов разбил под Кинбурном турецкий десант, но на том успехи русских войск закончились.

В январе 1788 года Турция объявила войну Австрии, посланная на помощь Потемкину экспедиционный корпус принца Кобургского. В июне Потемкин и австрийцы осадили Хотин, а в начале июля — Очаков, но военные действия шли вяло.

21 июня союзник Турции шведский король Густав III начал военные действия против России, двинув 38 тысяч своих солдат и офицеров на 19-тысячную армию В.П.Мусина-Пушкина.

А тут к делам и заботам государственным добавились любовные тревожения. Оценив по достоинству ум и способности своего избранника, Екатерина готовила Мамонова к должности вице-канцлера. Но тридцатилетний галант вдруг перестал пылать чувствами к шестидесятилетней императрице, променяв ее на юную прелестницу фрейлину княжну Дарью Федоровну Щербатову.

Екатерина не сразу узнала о случившемся, хотя ей показались подозрительными частые недомогания ее любимца, когда он неделями не показывался в алькове императрицы.

Наконец, весьма осторожно, но совершенно однозначно обманутой самодержице сообщили о коварном изменнике, поправшем и любовь ее и служебный долг, ибо пост фаворита уже давно почитался государственной должностью.

Мамонов почувствовал, что Екатерина все знает и, предвосхищая вызов для объяснения, однажды утром, нарядившись в красный бархатный кафтан, который особенно был ему к лицу, надев все ордена и бриллианты, явился к Екатерине. По его виду она поняла, что предстоит объяснение, и сама завела разговор о неожиданном для нее охлаждении. Мамонов сначала, как делал это и раньше, сослался на болезнь, а потом заявил, что он не достоин ее, но о своей любви к фрейлине ничего не сказал.

После этого рандеву уязвленная Екатерина села к столу и написала Мамонову: «Пусть совершается воля судьбы. Я могу предложить вам блестящий исход, золотой мостик для почетного отступления. Что вы скажете о женитьбе на дочери графа Брюса? Ей, правда, только 14-й год, но она совсем сформирована, я это знаю. Первейшая партия в империи: богата, родовита, хороша собой. Решайте немедленно. Жду ответа».

Через полчаса она получила ответ Мамонова, написанный им из соседней комнаты: «Дальше таиться нельзя. Должен признаться во всем. Судите и милуйте. На графине Брюсовой жениться не могу. Простите. Более году люблю без памяти княжну Щербатову. Вот будет полгода, как дал слово жениться. Надеюсь, поймете и выкажете милосердие и сострадание.

Несчастный, но вам преданный до смерти, А.»

Любовь к Щербатовой стоила Александру Матвеевичу утраты его положения фаворита, но не более того, ибо после состоявшегося объяснения Екатерина купила молодым не-

сколько деревень более чем с 2000 крестьян, подарила невесте драгоценности и сама обручила их.

Во время обручения Дарья Федоровна и Александр Матвеевич, держась за руки, встали на колени перед своей благодетельницей и искренне заплакали. Поднимая их с колен и обнимая обоих, плакала и Екатерина.

Потом императрица разрешила им обвенчаться в дворцовой церкви и сама присутствовала при венчании.

Когда Екатерина отставила Дмитриева-Мамонова, покинула двор императрицы и фрейлина Мария Васильевна Шкурина за то, что содействовала роману Мамонова со Щербатовой. Шкуруину исключили из списка фрейлин, выдали ей на приданое 12000 рублей, и она вместе с Мамоновыми уехала в Москву. Но приданое Шкуриной не пригодилось — она так и не вышла замуж, а постриглась под именем Павлии и жила по разным московским монастырям, пока не умерла в 1824 году инокиней Алексеевской женской обители. Погребли же ее в Новодевичьем монастыре.⁸⁶

Семейная жизнь Мамоновых не заладилась. Объяснялось это вздорным характером Александра Матвеевича, его несдержанностью и вспыльчивостью. Екатерина однажды сказала о нем: «Он не может быть счастлив: разница — ходить с ним в саду и видеться на четверть часа, или жить вместе». И Екатерина оказалась права. Супруги не были счастливы. Дарья Федоровна умерла в 1801 году. Мамонов пережил ее всего на два года, скончавшись тоже весьма рано — сорока пяти лет — и оставив пятнадцатилетнюю дочь.

НОВЕЛЛА ВОСЕМЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

Смольный институт и Катенька Нелидова

Ранее описанных событий придворных и челядь разных рангов волновало не только соперничество Потемкина и Зубова, но и разгоревшиеся страсти вокруг странного романа цесаревича Павла Петровича и фрейлины Нелидовой. Романа, надо сказать, совсем не похожего на все прочие.

Историк Е. С. Шумигорский писал, что «Павел Петрович в течение двадцати лет, в самое тяжелое время своей жизни, имел возле себя... преданного, бескорыстного друга, полагавшего свое личное счастье в счастье видеть его добрым, любимым и уважаемым и постоянно напоминавшем ему о вечных, христианских началах любви и правды. Другом этим была фрейлина его супруги, императрицы Марии Федоровны, — Екатерина Нелидова...»⁸⁷

Катенька Нелидова — дочь поручика Ивана Дмитриевича Нелидова и его жены Анны Александровны, урожденной Симоновой, появилась на свет 12 декабря 1758 года в селе Климятине Смоленской губернии. Ее родители имели 5000 душ крестьян и считались богатыми помещиками. Кроме Катеньки у них была еще одна дочь — Наталья — и шесть сыновей.

Родители Нелидовой хорошо понимали важность воспитания и образования, и потому шестилетнюю Катеньку в 1765 году мать отвезла в Петербург, в Смольный институт благородных девиц.

Курс в Смольном продолжался двенадцать лет. Пятьдесят воспитанниц первого набора были детьми от четырех до шести лет, учились прежде всего французскому и немецкому языкам и благородным манерам.

Во главе института стоял Иван Иванович Бецкой и вдова действительного статского советника француженка Софья Ивановна Делафон — умная и добрая женщина. Под ее влиянием девочки жили дружной, веселой семьей с удовольствием постигая языки, закон Божий, арифметику, историю, географию и даже физику, а также архитектуру и геральдику, музыку и танцы, рисование и лепку, рукоделие и токарное дело. Хорошо был подобран и круг чтения, воспитывавший у девочек нравственность, богобоязненность, любознательность.

В Смольном был у девочек свой театр, устраивались балы и ассамблеи, на которые приглашались по строгому выбору кавалеры, дамы и кадеты Сухопутного и Морского шляхетных корпусов.

Все это создавало в Смольном атмосферу башни из слоновой кости, превращая воспитанниц в наивных, совершенно не знавших жизни, простушек.

И потому И.И.Бецкой, родившийся в Швеции, а обучавшийся в Германии, по случаю первого выпуска своих воспитанниц удостоился таких стихов:

Иван Иваныч Бецкой,
Человек немецкий,
Носил мундир шведский,
Воспитатель детский,
В двенадцать лет
Выпустил в свет
Шестьдесят кур
Набитых дур⁸⁸.

Однако далеко не все из них были «набитыми дурами». И уж это никак не относилось к Катеньке Нелидовой.

Когда ей не было еще и двенадцати лет, Екатерине сообщили о феномене Нелидовой. Она прослыла вундеркиндом из-за чрезвычайной грации, прекрасного голоса, великолепных актерских и балетных способностей. К тому же она была умна, весела, имела прекрасный характер и крайне выразительное миловидное лицо.

Екатерина, познакомившись с девочкой, пленилась ею и подарила бриллиантовый перстень, а чуть позже попросила художника Д.Г.Левицкого написать портрет Нелидовой, на котором она изображена танцующей менуэт.

В 1775 году Нелидова была выпущена из Смольного и назначена фрейлиной великой княгини Натальи Алексеевны — первой жены Павла. После ее смерти Нелидова перешла в штат второй жены цесаревича — Марии Федоровны.

В 1781-1782 годах Павел и Мария Федоровна совершили путешествие в Германию, Италию, Швейцарию и Францию. Их сопровождала Нелидова, сблизившаяся за эти годы с великим князем. Сначала их отношения были дружескими, но в 1785 году все при дворе были уверены, что Павел и Нелидова стали любовниками.

Правда, сохранился в высшей степени убедительный документ, не позволяющий считать Нелидову любовницей Павла, а их отношения оценивать как чрезвычайно редкий и благородный платонический союз. Документ датирован началом 1790 года, когда Павел серьезно заболел и, ожидая смерти, направил Екатерине искреннее, откровенное письмо, желая оградить Нелидову от наветов и сплетен. «Относительно этой связи, — писал Павел, — клянусь тем судилищем, перед которым мы все должны явиться... Зачем я не могу засвидетельствовать этого ценою своей крови? Свидетельствую о том, прощаясь с жизнью. Клянусь еще раз всем, что есть священного. Клянусь торжественно и свидетельствую, что нас соединяла дружба священная и нежная, но невинная и чистая. Свидетель тому Бог.»⁸⁹

И тем не менее, отношения Павла и Нелидовой вносили разлад в жизнь великокняжеской четы, заставляли волноваться и переживать Марию Федоровну, ревновавшую мужа к своей фрейлине.

Чтобы не возвращаться к этому сюжету, скажем, что события развивались довольно мирно до начала 1792 года, когда Павел, всплыв, поссорился с матерью, разругался с женой, обвиняя Марию Федоровну в том, что она готовит ему участь Петра III. После этого он уехал в Гатчину, где жила тогда Нелидова. Ей-то и приписали все случившееся в Петербурге.

Тогда Нелидова подала Екатерине прошение об увольнении ее от двора и дозволении жить в Смольном, но ей было отказано. На следующий год она снова просилась в Смольный, добилась своего и получила вместе с отставкой 10000 рублей и небольшую ежегодную пенсию.

Осень 1793 года она все же провела по просьбе Павла вместе с ним в Гатчине, а потом периодически навещала его. Сначала это раздражало Марию Федоровну, но когда Екатерина решила передать престол не сыну, а внуку, то несчастье, обрушившееся на Павла, сблизило и примирило обеих женщин, ибо обе они любили Павла.

А между тем, спустя два с половиной года, ревновавший Павла к Нелидовой его сердечный друг Иван Кутайсов нашел еще один предмет рыцарского платонического поклонения для великого князя — Наталью Федоровну Веригину, фрейлину Марии Федоровны. Она в это время была уже просватаана за генерал-майора по флоту Сергея Ивановича Плещеева. Кутайсов убедил Павла, что Плещеев равнодушен к Марии Федоровне, и тому было предписано ехать в Москву. Привязанность Павла к Н.Ф.Веригиной не ускользнула от Нелидовой, и она снова ушла в Смольный.

НОВЕЛЛА ВОСЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

Последний фаворит

Когда место фаворита освободилось, сторонники и враги Потемкина тут же стали подыскивать матушке-государыне нового кандидата. Среди них были отставной секунд-майор Преображенского полка Казаринов, барон Менгден, будущий известный военачальник и выдающийся храбрец Михаил Андреевич Милорадович — все молодые красавцы, за каждым из которых стояли влиятельные придворные — Потемкин, Безбородко, Нарышкин, Воронцовы, Завадовский и другие.

Пока шла эта конкурентная борьба, в паузе, совершенно неожиданно взлетела, зажглась и тут же погасла звезда статс-секретаря императрицы Степана Федоровича Стрекалова. Он был на год старше Екатерины, с 1775 года служил в ее канцелярии и уже пять лет управлял Кабинетом.

«Стрекалов. — писал А.М.Тургенев. — привез Екатерине в Царское Село утвержденные ею доклады к подписанию и обратил на себя внимание государыни.

Потемкин был недоволен возвышением Стрекалова. Фавор Стрекалова пробежал, как гонимое ветром облако: ему

были пожалованы три тысячи душ и он был уволен от двора.»⁹⁰

В какой-то мере отставка Стрекалова была вызвана тем, что он, заведя придворным театром, допустил растрату более чем на 440000 рублей.⁹¹

Как бы то ни было, но после Стрекалова судьба улыбнулась двадцатидвухлетнему секунд-ротмистру конной гвардии Платону Александровичу Зубову — ставленнику фельдмаршала князя Н.И.Салтыкова, главного воспитателя внуков Екатерины. Зубов был отменно красив и молод (на тринадцать лет младше сына Екатерины Павла).

Все последние фавориты Екатерины оказывались возле нее с благословения и согласия Потемкина, а вот Зубов был введен в будуар государыни недоброжелателями Светлейшего, воспользовавшимися тем, что он находился на Дунае.

Хорошо осведомленный в придворных делах довереннейший друг Потемкина М.И.Гарновский писал: «Николай Иванович Салтыков был и есть Зубовым протектор, следовательно, и полковнику Зубову наставник, Зубов-отец — друг князя Александра Алексеевича Вяземского, а Анна Никитична Нарышкина предводительствует теперь Зубовым и посему играет первую и знатную роль. Вот новая перемена со своею лигою, которые однако же все до сих пор при воспоминании имени его светлости неведомо чего трусят и беспрестанно внушают Зубову иметь к его светлости достоодложное почтение, что и господину Зубову (отцу) твердили».⁹²

В тот вечер, когда Дмитриев-Мамонов получил отставку, к Анне Никитичне Нарышкиной явился Платон Александрович Зубов и там встретился, конечно же не случайно, с захавшей к ней, как будто ненароком, Екатериной. Здесь-то она и сделала окончательный выбор, отправив затем нового фаворита сначала к Роджерсону, а затем к пробир-фрейлине Протасовой. Вечером 20 июня 1789 года, после того как Екатерина получила заверения Роджерсона и Протасовой в отменном здоровье и мужской силе претендента, она, будто бы нечаянно и случайно, встретила с Зубовым в Царскосельском парке и отвела его в мавританскую баню, представлявшую собой точную копию бани турецкого султана, где и окончательно убедилась в справедливости данного ей заключения.

Придворные из партии Потемкина удивились появлению Зубова в роли фаворита, называя его мотыльком-поденкой и эфемеридой, но вскоре поняли, что ошиблись. В тот момент, когда Мамонов, нанеся прощальный визит Екатерине, спус-

кался вниз по парадной лестнице Зимнего дворца, навстречу ему шел Зубов.

— Что нового? — спросил Зубов, поклонившись.

— Да ничего, кроме того, что вы поднимаетесь, а я опускаюсь, — ответил бывший фаворит.

1 июля Мамонов оставил апартаменты Зимнего дворца и уехал в Москву.

На следующий день Зубов стал полковником гвардии и флигель-адъютантом, а еще через сутки обнаружил в ящике своего письменного стола 100000 рублей золотом и 25000 — ассигнациями.

Вечером он был приглашен Екатериной играть с нею в карты и, таким образом, представлен ею узкому кругу близких друзей. Когда игра закончилась, Екатерина, взяв под руку нового флигель-адъютанта, направилась к дверям своей спальни. Утром почти все первые лица империи собрались в приемной Зубова. Здесь были Салтыков и Морков, Нарышкин и Вяземский, старик Мелиссино и Архаров, Самойлов и Безбородко, — князья, графы, генералы. Зубов заставил их ждать более часа и, наконец, появился с надменной, но ласковой улыбкой.

Знающие люди, — а в приемной в таких недостатка не было — утверждали, что дворяне Зубовы делились на две ветви. Одна из них происходила от татарского баскака Амрагата, принявшего христианство в XIV веке, вторая — от одного из бояр Ивана III. В семье фаворита считали, что их предком является боярин и что отец Платона Зубова — десятое колено именно этой ветви. Его отец в 1762 году женился на Елизавете Алексеевне Вороновой, бывшей младше его на пятнадцать лет. В браке родилось четыре сына — Николай, Дмитрий, Платон и Валериан — и три дочери — Ольга, Екатерина и Анна.

До 1789 года, когда произошел «случай», Зубов-отец был управляющим одним из имений Н.И.Салтыкова, занимая к тому же пост вице-губернатора в одной из провинций. Как только Платон Зубов оказался в фаворе, отца тут же перевели в Петербург обер-прокурором первого департамента Сената, ведавшего важнейшими вопросами государственного управления. Здесь новый обер-прокурор проявил себя человеком умным, но злым, недобросовестным и охотником до взяток. Благодаря сыну ему с рук все его злоупотребления.

Когда Зубов-отец появился в Петербурге, здесь в Конной гвардии уже служили и все его сыновья, которым покровительствовал фельдмаршал Н.И.Салтыков.

Почти одновременно с Зубовым-отцом в Петербурге появились его жена и дочери. Все Зубовы были представлены императрице. Особое расположение и сердечность она оказала самому младшему из братьев — семнадцатилетнему Валериану, юноше не только красивому, но и обладающему многими иными достоинствами — смелостью, открытостью, веселостью, в котором детская непосредственность соседствовала с живым умом и настойчивым стремлением быть во всем первым и непременно добиваться успеха.

Платону Зубову не понравилось внимание императрицы к младшему брату, и опасаясь успеха Валериана, он добился отправки его в действующую армию к Потемкину.

Когда юный подполковник появился в Яссах, в ставке Светлейшего, тот уже доподлинно знал обо всем случившемся в Петербурге. Ситуация не волновала Потемкина, ибо он был уверен, что зажегшаяся звездочка нового любимца императрицы не сможет соперничать по своему свету и блеску с его немеркнущей звездой. Он уже привык к тому, что не является единственным фаворитом императрицы, но был уверен, что никто не сравнится с ним ни по силе влияния на Екатерину, ни по реальным плодам деятельности на благо России.

Где были ныне Завадовский, Зорич, Корсаков, Ермолов, Мамонов, пытавшиеся соперничать с Великим Циклопом?

Потому и не ждал никто, как и сам Потемкин, что юный флигель-адъютант, прошедший всего несколько ночей с престарелой императрицей, креатура враждебного ему Салтыкова, сможет вытеснить из ее сердца венчанного мужа и соправителя.

Приезд Валериана Зубова не заставил Потемкина изменить свое отношение к происшедшему, и он ничуть не опасался, что брат фаворита, находясь рядом, в его ставке, сможет повредить ему во мнении императрицы, оказываясь вольным или невольным свидетелем отнюдь не безобидных утех в покоех яесского дворца.

И хотя из Петербурга приходили все новые доказательства чрезмерного влияния Зубова на императрицу, Потемкин не торопился в столицу.

НОВЕЛЛА ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

Тысяча и одна ночь князя Тавриды

Во многом виной тому был новый роман светлейшего с женой двоюродного брата, двадцатишестилетней красавицей Прасковьей Андреевной Потемкиной, урожденной Закревской.

Сохранились письма Потемкина Прасковье Андреевне, написанные на цветных листах почтовой бумаги с золотым обрезом. Вот два из них:

«Жизнь моя, душа общая со мною! — писал Потемкин. — Как мне изъяснить словами мою к тебе любовь, когда меня влечет непонятная к тебе сила... Нет минуты, чтобы ты, моя небесная красота, выходила у меня из мысли; сердце мое чувствует, как ты в нем присутствуешь. Приезжай же, сударушка, пораньше, о, мой друг, утеха моя и сокровище бесценное ты; ты — дар Божий для меня. Целую от души ручки и ножки твои прекрасные, моя радость! Моя любовь не безумною пылкостью означается, как бы буйное пьянство, но исполнена непрерывным нежнейшим чувствованием. Из твоих прелестей неопианных состоит мой экстазис, в котором я вижу тебя живо перед собой.»⁹³

А вот другое письмо: «Ты смиренно обитала в моем сердце, а теперь наскуча теснотою, кажется, выпрыгнуть хочешь. Я это знаю потому, что во всю ночь билось сердце, и ежели ты в нем не качалась, как в качелях, то, конечно, хочешь улететь вон. Да нет! Я — за тобою и, держась крепко, не отстану, а еще к тому прикреплю тебя цепью твердой и ненарушимой моей привязанности...»⁹⁴

Прасковья Андреевна, конечно же, поверила князю. И как было не поверить, получая такие письма и иные подтверждения в любви, но тут же была обманута.

Весь 1789 год был переполнен амурными утехами и непрерывными победами князя Таврического над прелестнейшими дамами России, Польши, Молдавии, актрисами из разных европейских стран, приезжавшими в ставку Светлейшего в Яссы часто не без определенного умысла.

Потемкин занимал в Яссах самый большой и роскошный дворец князей Кантакузинов — знатнейшего рода в Молдавии и Валахии. Здесь, трижды в неделю, происходили роскошнейшие балы и празднества.

Весной 1789 года армия Румянцева была передана князю Н. В. Репнину, а затем слита с армией Потемкина. Разумеется, главнокомандующим был назначен Потемкин. Он поставил своей целью овладеть Бендерами и почти все войска, не торопясь, двинул к стенам этой крепости. Потемкин не форсировал военные действия, пока в сентябре Суворов не разбил 90-тысячную турецкую армию при Рымнике, за что и получил графский титул с приставкой «Рымникский». После этого Потемкин взял Бендеры.

Крепость сдалась, как только русские войска окружили ее. Однако, как бы то ни было, в Петербург Потемкиным был послан Валериан Зубов с радостным извещением о победе.

14 ноября 1789 года он примчался в столицу, и Екатерина пожаловала гонца чином полковника и званием флигель-адъютанта. Сверх того было дано ему 10000 рублей, золотая табакерка с вензелем и перстень с алмазом. Сумма в 10000 заставляет насторожиться — именно такой традиционный приз за первую ночь получал каждый любовник императрицы. И Платон Зубов в свое время получил ровно столько же. Хотя это могло оказаться и простым совпадением. Как бы то ни было, но молодой полковник, флигель-адъютант Валериан Зубов почти полгода провел в Петербурге, вызывая новый прилив ревности у своего старшего брата. 29 марта 1790 года Валериан, с еще одним рекомендательным письмом императрицы к главнокомандующему, уехал из Петербурга и в середине апреля попал в прежнюю обстановку.

И дворец был тот же, и люди те же, только предмет страсти Григория Александровича в очередной раз переменялся. Теперь это была двадцатитрехлетняя гречанка совершенно сказочной красоты, смотреть на которую собирались толпы народа и в Варшаве, и в Париже. Это была знаменитая София Витт, жена польского генерала Иосифа Витта, впоследствии графиня Потоцкая-Шенсны.

София, в девичестве Клявона, родилась в Константинополе, где была не то прачкой, не то невольницей. Ее купил польский посол в Турции Боскап Ляскоронский и перепродал Витту, бывшему тогда майором. Уже известный нам А.М.Тургенев писал о мадам Витт, что Потемкин «куртизанил с племянницами своими и урожденною гречанкою, бывшею прачкою в Константинополе, потом польской службы генерала Витта женою, потом купленную у Витта в жены себе графом Потоцким и, наконец, видевшую у ног своих обожателями своими: императора Иосифа, короля прусского, наследника Фредерика II, Вержена — первого министра во Франции в царствование короля-кузена Людовика XVI, шведского короля Густава; будучи в преклонных летах, графиня София Потоцкая была предметом даже Александра Павловича».⁹⁵

Историк профессор А.Г.Брикнер утверждал, что в начале 90-х годов у нее от Потемкина родилась дочь.⁹⁶

После мадам Витт настала очередь не менее очаровательной, но еще более молодой княжны Долгоруковой.

В день ее именин, Потемкин устроив праздник, посадил княжну рядом с собой и велел подать к десерту хрустальные чаши, наполненные бриллиантами. Из этих чаш, каждая дама

могла зачерпнуть для себя ложку бриллиантов. Когда именинница удивилась такой роскоши, Потемкин ответил ей: «Ведь я праздную ваши именины, чему же вы удивляетесь?»

Вдруг оказалось, что у княжны нет подходящих бальных туфель, которые она обычно выписывала из Парижа. Потемкин тотчас же послал нарочного во Францию, и тот, загоня лошадей, скакал дни и ночи и все-таки доставил башмачки в срок.⁹⁷ (А все дело было в том, что туфельки княжны уже вышли из моды, а ей нужны были наимоднейшие.)

Балы и праздники проходили у Потемкина два-три раза в неделю, а в те вечера, когда их не было, в интимных покоях Светлейшего появлялись все новые соискательницы его ласк и бриллиантов.

Пресытившись любовью, пирами, лестью и легкими победами, он сделался раздражительным сверх всякой меры, пребывал в бесперывной меланхолии и ни в чем не находил покоя.

И тем не менее Потемкин успевал следить и за ходом военных действий и за положением дел в Петербурге. Он знал и о том, что партия Зубова пытается похоронить его Греческий проект. Но он знал и другое — возле одиннадцатилетнего Константина (не без ведома Екатерины II) появилось особенно много греков. Они учили мальчика греческому языку и истории Греции. Для бежавших от турок греков в Петербурге открыли греческий кадетский корпус, в печати все сильнее звучала эллинская тема.

По всему было видно, что Екатерина II решила восстановить православную империю Палеологов и соединить Второй Рим с Римом Третьим.⁹⁸ Греческий проект Потемкина, несмотря на его кажущуюся фантастичность собирал вокруг себя все большее число православных патриотов не только в России, но и на Балканах, где миллионы православных славян вот уже триста лет жили под мусульманским гнетом.

В сентябре 1790 года молодой Черноморский флот под командованием Ф.Ф.Ушакова разбил неподалеку от острова Тендра большую турецкую эскадру.

В ноябре 1790 года русские войска осадили сильнейшую крепость Измаил, и Потемкин, поколебавшись, 25 ноября все же склонился к штурму. Суворов прибыл под Измаил 1 декабря. В пять часов утра 11 декабря начался штурм. В тот же день Измаил, имевший сорокатысячный гарнизон, 265 орудий, несокрушимые бастионы и первоклассные укрепления, был взят тридцатитысячной армией Суворова.

Командир одной из девяти колонн генерал-майор М.И.Кутузов писал жене 12 декабря: «Век не увижу такого де-

ла. Волосы дыбом становятся... Живых офицеров почти не осталось».

В штурме Измаила принимал участие и Валериан Зубов. Командуя отрядом, он атаковал турецкую батарею, пробился к Килийским воротам и штыковым ударом опрокинул противника.

И вновь Потемкин послал его в Петербург с извещением о победе, за что Зубов получил чин бригадира и орден Святого Георгия 4-го класса.

Тем временем в Петербург пришла весть о серьезной размолвке между Потемкиным и Суворовым, случившейся в конце декабря, когда победитель Измаила приехал в Яссы. Кажется, Потемкин на сей раз ревновал к чужому успеху, но не желал, чтобы это заметили другие. Он приказал выстроить для встречи победителя триумфальные ворота, украсить город и подготовить праздничный фейерверк и артиллерийский салют.

К городской заставе были высланы нарочные, а по дороге к дворцу — махальщики, чтобы дать знать Светлейшему о въезде Суворова в город.

Однако Суворов появился с другой стороны и не в экипаже, а в поповской телеге — долгуше, крытой рогожей. Упряжь на лошади была веревочной и на козлах сидел старик-кучер в овчином, до пят, тулупе и войлочной молдавской шляпе.

Потемкина известили, когда Суворов уже въезжал во двор. Переполошившийся Светлейший побежал встречать гостя. Крепко обняв его, он спросил:

— Чем же могу я, сердечно чтимый друг мой, Александр Васильевич, наградить вас за ваши великие заслуги?

На что Суворов ответил:

— Кроме Бога и государыни меня никто наградить не может...

Потемкин молча повернулся и пошел в зал. Там Суворов вручил ему рапорт о взятии Измаила и добавил:

— Мужайтесь, князь. Не придворные наветы — ваш гений. Надобно идти вперед, на Стамбул. И тогда история помянет вечным признанием ваши труды.

Потемкин молчал. Суворов, не прощаясь, повернулся и пошел во двор.

Больше он с Потемкиным никогда не виделся.

Из Ясс Суворов поехал в Петербург, а следом за ним отправился и Потемкин, опасаясь, что Екатерина узнает о делах под Измаилом от главного героя сражения. Правда, историк А.Г. Лопатин считает, что было как раз наоборот: Суворов по-

ехал в Петербург вслед за Потемкиным и прибыл в столицу 3 марта 1791 года, через три дня после Потемкина.⁹⁹

В Петербурге Потемкин был встречен с прежними почестями и поселился в Зимнем дворце. Екатерина II подарила ему фельдмаршальский мундир, украшенный алмазами и драгоценными камнями, стоимостью в 200000 рублей и Таврический дворец, ранее уже однажды принадлежавший ему, но проданный им в казну.

Мешая хандру и меланхолию с деятельным участием в отделке дворца, Потемкин задумал учинить праздник, который затмил бы все его собственные прежние пиры.

Десятки художников и декораторов работали в залах, готовя нечто дотоле невиданное. Множество молодых кавалеров и дам являлись во дворец на репетиции задуманных князем живых картин. На площади перед дворцом построили качели и карусели, рядами расположили лавки, забитые разными вещами — платками и шальями, юбками и кофтами, ботинками и сапогами, штанами и рубахами, шляпами и шапками. Их должны были безвозмездно раздавать простолюдинам. Здесь же соорудили столы с напитками и яствами для бесплатного угощения.

9 мая 1791 года 3000 приглашенных господ и дам явились в Таврический дворец, одетые в маскарадные костюмы. Сам Светлейший блистал в алом кафтане и епанче из черных кружев. Его шляпу украшало так много бриллиантов, что он, не вынеся их тяжести, отдал ее одному из адъютантов, и тот носил шляпу за Потемкиным весь праздник. На хорах большой залы разместилось 300 певцов и музыкантов.

Зал освещался шестьюдесятью огромными люстрами и пятью тысячами разноцветных лампад в виде лилий, роз, тюльпанов, гирляндами оплетающих колонны зала.

Стены покоев были обиты драгоценными тканями и обоями, всюду стояли мраморные статуи и вазы.

Особенной пышностью отличались комнаты, предназначенные для карточной игры Екатерины II и великой княгини Марии Федоровны. Их стены были обиты гобеленами, а на мраморных столах перед зеркалами рядами стояли диковинные вещи из золота, серебра и драгоценных камней.

Из большого зала гости могли пройти и в зимний сад, площадь которого была в шесть раз больше императорского. Посетителей встречали цветущие и благоухающие померанцевые деревья, обвитые розами и жасмином, редчайшие экзотические кустарники, море ярчайших цветов и нежнейшая зелень лужаек, на которых стояли сверкающие стеклянные шары-аквариумы с плавающими внутри разноцветными рыбками.

Меж мраморных статуй, беседок и фонтанов в центре сада размещался храм Екатерины, на жертвеннике которого перед ее статуей были выбиты слова: «Матери отечества и моей благодетельнице».

Невидимые глазу курильницы с благовониями издавали непередаваемые ароматы, перемешивающиеся с запахами цветов, а в ветвях деревьев неумолчно пели десятки соловьев, канареек, дроздов и множества прочих певчих птиц.

Таврический сад под открытым небом представлял собою как бы продолжение зимнего сада — он был изукрашен столь же искусно, на прудах стояли лодки и гондолы, а из беседок, построенных на насыпных холмах, открывались изумительной красоты виды дворца и парка.

Екатерина приехала в семь часов вечера со всей императорской фамилией. Как только она появилась, ее провели в большой зал, где начался балет, в котором участвовали двадцать четыре пары юных аристократов и аристократок самой очаровательной наружности. В их числе были Александр, Константин, принц Вюртембергский и их жены. Потом был еще один спектакль поставленный в боковой зале и умышленно продолжавшийся так долго, чтобы сам праздник начался в сумерках и поразил гостей световыми эффектами и иллюминацией.

Только во дворце одновременно зажглось 140000 лампад и 20000 свечей, а в саду вспыхнуло множество разноцветных гирлянд, фонариков и огней.

Когда во дворце начался бал, в парк были впущены все желающие. Простой люд веселился по соседству с господами, став участником праздника.

Описывать застолье не будем, по роскоши оно не уступало всему остальному. Во всяком случае достоверно известно, что устройство праздника обошлось Светлейшему в полмиллиона рублей.

Когда Екатерина, вопреки обычаю пробывшая на празднике до утра, первой из всех оставляла дворец, Потемкин упал перед нею на колени и заплакал.

Потом говорили, что Потемкин плакал от того, что чувствовал приближение смерти.

* * *

После грандиозного праздника в Таврическом дворце Потемкин пробыл в Петербурге еще два с лишним месяца.

23 июля 1791 года он отужинал в компании Платона Зубова и других гостей, которых новый фаворит позвал на прово-

ды Светлейшего. Ужин проходил в Царском Селе. Среди гостей был и банкир Екатерины барон Сутерланд, с которым мы еще встретимся.

24 июля, в шестом часу утра, простившись с Екатериной, Потемкин уехал из Царского Села в Галац, где оставленный им командующим армией князь Н. В. Репнин 31 июля подписал предварительные условия мира с Турцией. Репнин намеренно не стал ждать Потемкина, чтобы оставить для потомков под протоколом не его, а свое имя.

Потемкин узнал об этом в дороге и расстроился пуще прежнего. 1 августа он прибыл к армии, а через три дня произошло событие, еще более омрачившее его. Не успел Потемкин приехать в Галац, как скончался родной брат великой княгини Марии Федоровны герцог Карл Вюртембергский — один из любимых его генералов.

При отпевании покойного в церкви Потемкин стоял возле гроба до конца. По обыкновению все расступились перед ним, когда он первым вышел из церкви. Потемкин был столь сильно удручен и задумчив, что сойдя с паперти вместо кареты подошел к погребальному катафалку. Он тут же в страхе отступил, но твердо уверовал, что это не простая случайность, а предзнаменование.

В тот же вечер он почувствовал озноб и жар, слег в постель, но докторов к себе не допускал, пока не стало совсем худо. Только тогда он приказал везти себя в Яссы, где находились лучшие врачи его армии.

Там болезнь ненадолго отпустила его, потом снова усилилась. 27 сентября, за трое суток до дня своего рождения, Потемкин причастился, ожидая скорую смерть, но судьбе было угодно ниспослать больному еще несколько мучительных дней, в которые он категорически отказывался от каких-либо лекарств и только подолгу молился.

30 сентября ему исполнилось 52 года, а еще через пять дней велел он везти себя в Николаев, взяв с собой любимую племянницу графиню Браницкую. В дороге ему стало совсем плохо. В ночь на 6 октября 1791 года больного вынесли из кареты, постелили в степи возле дороги ковер и положили на него Потемкина, с иконой Богородицы в руках.

Он умер тихо, и когда конвойный казак положил на глаза покойному медные пятаки, никто из сопровождавших Потемкина не поверил, что тот мертв.

Браницкая, закричав, бросилась ему на грудь, и старалась дыханием согреть его похолодевшие губы...

Всеведущий А. М. Тургенев потом писал: «Банкир Зюдерланд (Сутерланд), обедавший с князем Потемкиным в день

отъезда, умер в Петербурге, в тот же день, тот же час, чувствуя такую же тоску, как князь Потемкин чувствовал, умирая среди степи, ехавши из Ясс в Николаев..., как все утверждают ему был дан Зубовым медленно умерщвляющий яд». ¹⁰⁰

Врачи, произведя вскрытие, обнаружили необычайно сильное разлитие желчи, которая обволокла многие органы, успев в некоторых местах даже затвердеть. Все это приписали тому, что князь отказался от лечения, не принимал лекарств и делал все, чтобы погубить себя: ел во время болезни жирную пищу, обливался холодной водой и вместо того, чтобы спокойно лежать в постели, переезжал из одного места в другое по тряским дорогам, при жаре и сквозняках.

Забальзамировав Потемкина, его похоронили 23 ноября 1791 года в Херсоне в подпольном склепе церкви Святой Екатерины, не предавая земле, а оставив гроб на пьедестале.

Так он и стоял под богато украшенной драгоценными камнями иконой Спасителя, которой Екатерина II благословила его в 1774 году на Новороссийское генерал-губернаторство. Правда, через два года племянник покойного, граф А. Н. Самойлов, ссылаясь на права наследника, отобрал икону, а после смерти Екатерины II, по приказу Павла I, гроб погребли в земле, в том же склепе, где он и стоял, а вход в склеп замуровали кирпичами.

Смерть Потемкина произвела на Екатерину II страшное впечатление. Императрица писала Гримму: «Мой ученик, мой друг, можно сказать, мой идол, князь Потемкин-Таврический умер в Молдавии... Вы не можете представить, как я огорчена. Это был человек высокого ума, редкого разума и превосходного сердца; цели его всегда были направлены к великому. Он был человеколюбив, очень сведущ и крайне любезен. В голове его непрерывно возникали новые мысли; какой он был мастер остричь, как умел сказать словцо кстати! В эту войну он выказал поразительные военные дарования: везде была ему удача — и на суше и на море. Им никто не управлял, но сам он удивительно умел управлять другими. Одним словом, он был государственный человек: умел дать хороший совет, умел его и выполнить. Его привязанность и усердие ко мне доходили до страсти: он всегда сердился и бранил меня, если по его мнению дело было сделано не так, как следовало. С летами, благодаря опытности, он исправился от многих своих недостатков. Когда он приезжал сюда три месяца тому назад, я говорила генералу Зубову, что меня пугает эта перемена и что в нем незаметно более прежних его недостатков, и вот, к несчастью, мои опасения оказались пророчеством. Но в нем были качества, встречающиеся крайне редко и отличаю-

щие его между всеми другими людьми: у него был смелый ум, смелая душа, смелое сердце. Благодаря этому мы всегда понимали друг друга и не обращали внимание на тех, кто меньше нас смыслил. По моему мнению, Потемкин был великий человек, который не выполнил и половины того, что был в состоянии сделать». ¹⁰¹

Историк Е.П.Карнович заметил не без оснований, что «как бы ни были велики заслуги Потемкина перед Россией, но все же приходится сказать, что никто из обыкновенных смертных не обошелся ей так дорого, как великолепный князь Тавриды». ¹⁰² Только за первые два года — с начала своего фавора до появления Завадовского — Потемкин получил от императрицы 9000000 рублей и 37000 душ.

Из наиболее крупных финансовых операций Светлейшего можно упомянуть следующие: 5000000 рублей удержано им из экстраординарных сумм на ведение войны с Турцией; 700000 рублей из казны пошло в счет его долга банкиру Сутерланду; 600000 стоил Таврический дворец в Петербурге, а Аничков дворец Потемкин сумел продать дважды и снова получил его обратно в подарок от императрицы.

Огромные доходы приносили Потемкину винные откупа в Ярославской губернии, стекольные заводы под Петербургом, сдача в аренду земли во многих губерниях России и Польши и многое другое. Под рукой у него всегда были бочонки с золотом, мешки с ассигнациями и ящики с бриллиантами. Его парадное платье, унизированное драгоценными камнями, оценивали в 200000 рублей, а когда он умер, то только принадлежавшую ему недвижимость, оценивали в 50000000 рублей.

При жизни Потемкин щедро одарял своих многочисленных родственников и любовниц. Только его племянница графиня Александра Васильевна Браницкая, урожденная Энгельгардт, получила от дядюшки около 3000000 рублей. ¹⁰³

Он один истратил денег больше, чем все другие фавориты Екатерины II вместе взятые. А ведь их было более двух десятков. Если мы примем во внимание только тех, кто входил в первую десятку, то и здесь Потемкин окажется неким Монбланом среди невысоких гор и холмов.

По подсчетам историка К.Валишевского реестр стоимости фаворитов Екатерины для Российского государства выглядит следующим образом:

1. Потемкин — 50000000 рублей;
2. Все братья Орловы — 17000000 рублей;
3. Ланской — 7260000 рублей;
4. Братья Зубовы — 3500000 рублей;

5. Зорич — 1420000 рублей;
6. Завадовский — 1380000 рублей;
7. Васильчиков — 1100000 рублей;
8. Корсаков — 920000 рублей;
9. Мамонов — 880000 рублей;
10. Ермолов — 550000 рублей.¹⁰⁴

Причем здесь не учтены другие доходы фаворитов — с имений, от коммерческой деятельности, их должностные оклады и пр. Это лишь траты императрицы на десять наиболее дорогих галантов, хотя, как мы знаем, их было больше.

НОВЕЛЛА ВОСЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

Воспитание внуков. Женидьба Александра

После смерти Потемкина влияние Зубова при дворе усилилось, как никогда ранее, и он стал, безусловно, первым вельможей империи.

Этому способствовало прежде всего то, что он начал претендовать на особую роль в семье Екатерины, разделяя ее недоброжелательство к Павлу и его жене и всячески подыгрывая в ее симпатиях к любимому внуку Александру.

Как раз в это время Александр из ребенка превращался в юношу и Екатерина уделяла массу времени и сил, чтобы сделать из старшего внука достойного наследника российского престола.

Екатерина сама написала для Александра и Константина несколько книг и подобрала прекрасный ансамбль учителей и педагогов, способных дать великим князьям разнообразные научные познания, а также воспитать в них нравственность и чувство гражданской ответственности.

Первую скрипку в этом превосходном ансамбле, несомненно, играл высокоталантливый и широко образованный республиканец и либерал, швейцарский гражданин Фредерик Сезар де Лагарп. Он оказал исключительно сильное влияние на Александра, воспитывая в нем чувства справедливости, вольнолюбия и любви к ближним, и сохранял это влияние на протяжении всей его жизни.

В 1814 году, в Париже, император Александр I сказал: «Никто более Лагарпа не имел влияния на мой образ мыслей. Не было бы Лагарпа, не было бы Александра».¹⁰⁵ Юный Александр отвечал Лагарпу искренностью и доверием. Вот как оценивал самого себя Александр в письме к Лагарпу, когда исполнилось ему тринадцать лет: «Вместо того, чтобы себя поощрять и удваивать старания воспользоваться остающимися мне годами учения, я день ото дня становлюсь все более не-

радив, я с каждым днем все более приближаюсь ко мне подобным, которые безумно считают себя совершенствами потому только, что они принцы. Полный самолюбия и лишенный соревнования, я чрезвычайно нечувствителен ко всему, что не задевает прямо самолюбия. Эгоист, лишь бы мне ни в чем не было недостатка, мне мало дела до других. Тщеславен, мне бы хотелось выказываться и блистать на счет ближнего... Тринадцати лет я такой же ребенок, как в восемь, и чем более я расту, тем более приближаюсь к нулю. Что из меня будет? Ничего...»¹⁰⁶

А ведь это писал тринадцатилетний мальчик, причем, на прекрасном французском языке.

А вот какое письмо сочинил в это же время двенадцатилетний Константин: «В двенадцать лет я ничего не знаю... Быть грубым, невежливым, дерзким — вот к чему я стремлюсь. Знание мое и прилежание достойны армейского барабанщика. Словом, из меня ничего не выйдет во всю мою жизнь».¹⁰⁷

Вторым человеком, весьма благотворно влиявшем на Александра и Константина, был их священноучитель и духовник Андрей Афанасьевич Самборский, выходец из бедного сельского украинского духовенства. Великих князей окружали и другие прекрасно образованные люди: И.М.Муравьев-Апостол, учивший английскому языку, М.Н.Муравьев, преподававший этику, психологию, русскую словесность и отечественную историю. Академики Л.Ю.Крафт и П.С.Паллас преподавали физику, математику, естествознание и географию. Начала военных наук мальчики узнавали от полковника Карла Массона, а отец Андрей Самборский кроме всего прочего знакомил их с практикой сельского хозяйства: возле Царского Села, на мызе Белозерка, у него было собственное имение, которое он вел по последнему слову агрономической науки. Гуляя там с детьми, он заводил их в избы крестьян, на огороды, пасеки, в сады, на нивы, на скотные дворы, на луга и пашни.

Впоследствии Самборский, вспоминая об этих прогулках, писал Александру I: «Ваше величество могли весьма ясно познать мою прямую систему религии евангельской и религии сельской, из которых происходят благоденствие и трудолюбие, которые суть твердое основание народного благоденствия».¹⁰⁸

К пятнадцати годам Александр превратился в крепкого, сильного, стройного и красивого юношу. Он был со всеми ласков, приветлив, очарователен в обращении с девицами и дамами, ровен в отношениях с мужчинами. В делах с людьми

была ему свойственна осторожность, скрытность и какая-то двойственность, выработавшаяся в нем из-за вечного антагонизма между отцом и бабушкой.

А теперь — о Павле, Марии Федоровне и их сыновьях.

Павел и Мария Федоровна имели два собственных двора: у цесаревича это была Гатчина, у великой княгини — Павловск. Кроме того Павел и его жена имели дворец на Каменном острове в Петербурге и отведенные им апартаменты в Зимнем и Царскосельском дворцах. Они не были обделены императрицей ни деньгами, ни подобающим их сану почетом.

В Павловске тихо шелестели шелка и бархат нарядов придворных дам и строго чернели сюртуки лейб-медиков Марии Федоровны, которая с 1777 года пребывала в состоянии перманентной беременности: она принесла за двадцать один год десять человек детей — четырех мальчиков и шесть девочек — и в связи с этим акушеры, гинекологи, педиатры, терапевты были в Павловске почти в таком же числе, что и камер-юнкеры и камергеры.

Гатчина же была маленьким военным лагерем. Еще ребенком Павел получил из рук матери звание генерал-адмирала Российского флота и тогда же в Гатчине был расквартирован морской батальон, а вслед за тем на глади гатчинских прудов забелели паруса кораблей и заплескались весла галер. Начались учебные плавания и особенно милые сердцу цесаревича морские парады. Прошло еще несколько лет, и Павел стал шефом Кирасирского полка — отборной тяжелой кавалерии. В Гатчине появился эскадрон кирасир, а со временем в резиденции цесаревича разместилась целая армия, состоявшая из шести батальонов пехоты, егерской роты, четырех полков кавалерии — драгунского, гусарского, казачьего и жандармского, а также из двух рот артиллерии — пешей и конной.

Правда, вся эта армия насчитывала 2000 солдат и матросов, 250 унтер-офицеров и 130 обер- и штаб-офицеров, что равнялось полному штату лишь одного полка.

Главным занятием гатчинского войска, одетого в темно-зеленые мундиры прусского образца и живущего по уставам армии Фридриха II, были строевые учения, смотры, разводы и парады. И попадая в Гатчину, сильно напомилавшую Берлин будками, шлагбаумами, кордегардиями и гауптвахтами, Александр и Константин из великих князей превращались во взводных командиров. С 1795 года братья приезжали в Гатчину четыре раза в неделю, к шести утра, и находились там до часа дня, занимаясь экзерцицией, учениями и маневрами. Проходя артиллерийскую практику, Александр оглох на левое ухо и поправить его глухоту не смогли уже до конца дней.

Следует признать, что Александр и Константин все же полюбили общий строй Гатчины, ее дух, ее камуфляж. До конца дней они пронесли неувядающую любовь к блеску парадов и показательных маневров, к четким механическим передвижениям многотысячных колонн, которые по единому мановению руки мгновенно перестраиваются в каре, меняют фронт, образуя причудливые квадраты и линии.

Так, меж Царским селом и Гатчиной завершилось детство Александра и Константина.

Когда Александру пошел пятнадцатый год, Екатерина решила, что пора подумать о его женитьбе. Поисками невесты занялся посланник при германских дворах граф Николай Петрович Румянцев, сын фельдмаршала П.А.Румянцева-Задунайского, будущий министр иностранных дел, основатель известного московского музея и библиотеки, носивших его имя.

Екатерина обратила внимание Румянцева на внушек маркграфа Баденского Карла-Фридриха — четырех дочерей наследного баденского принца Карла-Людвига и его высоко нравственной и добродетельной супруги Амалии. Их дочери славились хорошим воспитанием, добрым нравом, красотой и здоровьем.

Румянцеву следовало особенно внимательно присмотреться к двум старшим принцессам — одиннадцатилетней Луизе-Августе и девятилетней Фридерике-Доротее. В случае, если, по мнению Румянцева, девочки окажутся достойными Российского императорского дома, следовало, собрав все необходимые сведения, добиться согласия родителей на поездку сестер в Петербург.

Румянцев сразу же очаровался старшей — Луизой-Августой. Сопровождавший его в поездке в Карлсруэ граф Евграф Комаровский писал о ней так: «Я ничего не видывал прелестнее и воздушнее ее талии, ловкости и приятности в обращении». ¹⁰⁹

Юному Александру после того, как сестры 31 октября 1792 года прибыли в Петербург, оставалось лишь остановить выбор на одной из них. И его избранницей оказалась старшая — Луиза, а младшая, пробыв в Петербурге до августа 1793 года, уехала обратно в Карлсруэ.

Воспитатель Александра А.Я.Протасов записал в своем дневнике: «Александр Павлович обходился с принцессою старшею весьма стыдливо, но приметна была в нем большая тревога, и с того дня, полагаю я, начались первые его к ней чувства». ¹¹⁰ Следует иметь в виду, что Александру не было пятнадцати лет и его смущение было вполне естественным.

В том же дневнике Протасова, в записи от 15 ноября 1793 года, находим мы и описание невесты Александра: «Черты лица ее очень хороши и соразмерны ее летам... Физиономия пресчастливая, она имеет величественную приятность, рост большой, все ее движения и привычки имеют нечто особо привлекательное... В ней виден разум, скромность и пристойность во всем ее поведении, доброта души ее написана в глазах, равно — и честность. Все ее движения показывают великую осторожность и благонравие: она настолько умна, что нашлась со всеми, ибо всех женщин, которые ей представлялись, умела обласкать, или лучше сказать, всех, обоюго пола людей, ее видевших, к себе привлекла».¹¹¹

После того, как выбор был сделан, события пошли обычным порядком: невесту образовали в православии, крестили по греческому образцу, нарекли Елизаветой Алексеевной, обручили с Александром, а затем в конце октября 1793 года сыграли свадьбу.

Молодожены окунулись в жизнь, наполненную праздниками и нескончаемыми удовольствиями. У них появился свой двор, свой штат, а вместе с этим начались сплетни, интриги и борьба сразу же образовавшихся при молодом дворе враждебных друг другу партий.

Не обошлось и без скандалов, самым громким из которых стало настойчивое ухаживание за Елизаветой Алексеевной Платона Зубова.

Влюбившись в Елизавету и не встретив ответного чувства, Платон Александрович впал в меланхолию и по целым дням валялся на диване, заставляя играть для себя на флейте. Сладострастные и печальные звуки ввергали его в грусть и томление.

15 ноября 1795 года Александр писал В.П.Кочубею: «Вот уже год и несколько месяцев граф Зубов влюблен в мою жену. Посудите, в каком затруднительном положении находится моя жена, которая воистину ведет себя, как ангел».¹¹²

А она и действительно вела себя, как ангел, однажды написав своей матери об Александре: «Счастье моей жизни в его руках, если он перестанет меня любить, то я буду несчастной навсегда. Я перенесу все, все, но только не это».¹¹³

Однако, если Александр не сразу разобрался в происшедшем, то его бабушка мгновенно все оценила и решительно положила конец ухаживаниям Зубова за Елизаветой. Платон быстро пришел в себя, забыл о своих чувствах к пятнадцатилетней великой княгине и снова полюбил шестидесятичетырехлетнюю императрицу.

Свадьба многое переменяла в жизни Александра. Он перестал учиться, признавая из учителей лишь Лагарпа, который продолжал сохранять свое влияние на него. Из прежних привязанностей Александр сохранил лишь одну — к плацпарадам, разводам, фрунту.

Протасов писал о первых месяцах после женитьбы своего воспитанника: «Он прилепился к детским мелочам, а паче военным, подражая брату, шалил непрестанно с прислужниками в своем кабинете весьма непристойно. Причина сему — ранняя женитьба и что уверили его высочество, что можно уже располагать самому собою...»¹¹⁴

Очарованная своим старшим внуком, не замечая его недостатков, Екатерина твердо решила сделать Александра наследником престола. Причиной тому были не столько достоинства Александра, сколько ее нелюбовь к сыну Павлу.

Еще в 1780 году, после одной из бесед с сыном Екатерина заметила: «Вижу, в какие руки попадет империя после моей смерти. Из нас сделают провинцию, зависящую от Пруссии. Жаль, если бы моя смерть, подобно смерти императрицы Елизаветы, сопровождалась изменением всей системы русской политики».¹¹⁵

С тех пор мысль о лишении Павла права наследования престола не оставляла Екатерину, причем все чаще она стала задумываться над тем, чтобы еще при своей жизни объявить цесаревичем Александра.

14 августа 1792 года, Екатерина писала Гримму: «Сперва мы женим Александра, а там со временем и коронуем его».¹¹⁶

Активные действия Екатерина начала через три недели после свадьбы. 18 октября 1793 года она привлекла к делу Лагарпа, желая, чтобы он должным образом повлиял на Александра, но так как императрица говорила обиняками, швейцарец сделал вид, что не понял о чем идет речь. Он не желал быть орудием в руках императрицы и вместе с ней манипулировать судьбами ее сына и внука.

Последствия не заставили себя ждать: в январе 1795 года Лагарп был отставлен от службы и, получив чин полковника, 10000 рублей на дорогу и пожизненную ежегодную пенсию в 2000 рублей, весной уехал из России.

Перед отъездом он открыл секрет Александру и убеждал его отказаться от трона, во-первых, потому что это безнравственно и, во-вторых, потому что Павел мечтает о короне, а Александр желает одного — избавиться от власти и жить частным человеком.

21 февраля 1796 года Александр подтвердил свое намерение в письме к Лагарпу. Он писал, что не изменит решения

отказаться от своего звания, ибо «оно с каждым днем становится для меня все более невыносимым по всему тому, что делается вокруг меня. Неспостижимо, что происходит: все грабят, почти не встречаешь честного человека, это ужасно...» И заканчивал он это письмо так: «Я же, хотя и военный, жажду мира и спокойствия, и охотно уступлю свое звание за ферму подле вашей, или по крайней мере в окрестностях. Жена разделяет мои чувства и я в восхищении, что она держится моих правил». 117

Эти же намерения — отказаться от своего сана и уйти из дворца, сменив его на сельскую хижину, — девятнадцатилетний Александр поверял не только Лагарпу, но и своим друзьям — Виктору Павловичу Кочубею и князю Адаму Чарторижскому, с которым особенно сблизился после отъезда Лагарпа.

Встречаясь с князем Адамом, Александр утверждал, что наследственность престола — нелепость и несправедливость, ибо верховную власть народ должен вручать самому способному из своих сыновей, а не тому, кого поставил над обществом слепой случай рождения.

Когда же Александр узнал, что Екатерина не оставляет надежду предоставить престол ему, минуя его отца, он заявил, что сумеет уклониться от такой несправедливости, даже если для этого ему и Елизавете Алексеевне придется спасаться в Америке, где он надеялся стать свободным и счастливым.

Как видим, Александр в юности определенно не хотел наследовать престол и на протяжении всей дальнейшей жизни неоднократно предлагал корону то Константину, то Николаю, а Платон Зубов, всячески пытавшийся вредить Павлу во мнении Екатерины, более прочих поддерживал императрицу в намерении венчать на царство Александра в обход Павла.

Такая позиция Зубова объяснялась прежде всего тем, что он опасался прихода к власти Павла, ибо ничего хорошего для него лично это не сулило, и кандидатура Александра для Зубова была намного предпочтительней.

НОВЕЛЛА ДЕВЯНОСТАЯ

И вновь братья Зубовы

А звезда Платона Зубова разгоралась все ярче, и многие уже не без оснований сравнивали его и с Ланским и с Потемкиным по силе его влияния на Екатерину и ответных милостей императрицы к изнеженному, капризному, чванливому и корыстному галанту.

Статс-секретарь императрицы Григорий Васильевич Кошницкий почти ничего не предпринимал без ведома Зубова,

другой ее статс-секретарь, выдающийся поэт Гавриил Романович Державин, почитал за счастье побывать в спальне Платона Александровича только для того, чтобы спросить: «Какое почивать изволили, ваше превосходительство?»

Уже в первые годы своего фавора, став генералом и графом, Зубов добился титулов для своего отца и всех трех братьев — Дмитрия, Николая и Валериана, — получив денег, драгоценностей, недвижимости и крещеной собственности не менее чем на 3000000 рублей.

12 марта 1792 года в Петербург, вслед за первыми парижскими эмигрантами-аристократами, приехал граф Артуа, будущий король Франции Карл X. (Он был младшим братом короля Людовика XVIII, заняв трон Франции в 1824 году, после смерти старшего брата. В 1830 году бежал из Франции вследствие Июльской революции. Умер в Австрии в 1836 году.)

Граф Артуа был встречен с необычайным радушием и пышностью, праздники в его честь длились целый месяц. Из-за того что Екатерина часто болела, граф был поручен заботам Платона Зубова, что еще более придавало ему веса и значимости, как в собственных глазах, так и в глазах окружающих.

В 1793 году Зубов получил из рук австрийского императора Иосифа II титул Светлейшего князя Священной Римской империи, стал командующим артиллерией русской армии, генерал-губернатором Новороссии и кавалером множества иностранных и всех российских орденов, за исключением Святого Георгия, ибо этот орден давали только тем, кто проявил себя на поле боя, а генерал-аншеф Зубов в сражениях не бывал.

Укрепляя положение в администрации, Зубов пригласил к себе одного из ближайших помощников Потемкина Адриана Моисеевича Грибовского, который вскоре сосредоточил в своих руках многие нити государственного управления. Разумеется, не все попустительствовали Зубову. Его открытыми недоброжелателями были, например, Александр Васильевич Суворов и русский посол в Англии граф Семен Романович Воронцов. И даже, когда в 1795 году любимая дочь Суворова Наталья Александровна вышла замуж за Николая Зубова, брата фаворита, то отношения Суворова к нему почти не изменились.

Люди, не зависевшие от временщика, не искавшие его милостей, могли непредвзято оценивать и самого Платона Александровича и его окружение. В числе таких объективных свидетелей был один из воспитателей Александра и Константина, швейцарец Карл Массон, оставивший «Записки и воспоминания о России». Он писал о Зубове: «Каждое утро многочисленные толпы льстецов осаждали его двери, наполняли прихожие и приемные. Старые генералы и вельможи не стес-

нялись ласкать ничтожнейших его лакеев. Видали часто, как эти лакеи толчками разгоняли генералов и офицеров, коих толпа, теснясь у дверей, мешала их запереть. Развалиясь в креслах, в самом непристойном неглиже, засунув мизинец в нос, с глазами бесцельно устремленными в потолок, этот молодой человек, с лицом холодным и надутым, едва достаивал обращать внимание на окружающих его. Он забавлялся дурачествами своей обезьяны, которая скакала по головам подлых льстецов, или разговаривал со своим шутком; а в это время старцы, под начальством которых он служил в сержантах: Долгорукие, Голицыны, Салтыковы и все, что было великого и малодушного, ожидали, чтобы он низвел свои взоры, чтобы опять прикинуться к его стопам». ¹¹⁸

Единственное, чего фавориту не доставало и о чем он мечтал, это звание фельдмаршала, позволившее бы занять ему пост президента Военной коллегии, на котором пребывал его благодетель Н.И.Салтыков. То, что Салтыков в этом случае должен был свой пост потерять, нимало не смущало Платона Александровича.

Один из его биографов писал в 1876 году: «Зубов в последние семь лет царствования Екатерины был повсеместно признанною бездарностью. В течение семи лет он достиг той вершины могущества, на которую Потемкин, при всей своей удачливости, при всей благосклонности счастья восходил почти двадцать лет; ордена, чины, титулы и все прочие отличия, пожалованные Зубову Екатериною, были заслужены Суворовым сорокадвухлетнею службою, составившею славу России. Слепое счастье осыпало Зубова теми самыми наградами, за которыми истинные герои века Екатерины ходили в дальнейшие, чужие страны; ему же все отличия доставались тем легче и скорее, чем ближе ко двору, чем безотлучнее он пребывал в столице. Позолотив лиру Державина, Зубов был им воспет не менее восторженно, как незадолго перед тем Потемкин; портреты красавца в воинских доспехах, украсили стены дворцовых чертогов наряду с великими полководцами, и Платон Александрович Зубов, по удачному выражению Массона, «почитал себя великим потому только, что стоял во весь рост в то время, когда все ползало у его ног». ¹¹⁹

Платон Зубов царил при екатерининском дворе в атмосфере интриг, волокитства и сплетен. Александр ухаживал за Варенькой Голицыной, его брат Константин пытался очаровать молодую графиню Брюс, ту самую, которую Екатерина сватала за Мамонова.

А пока в павильонах Царского Села порхали купидоны, посылая стрелы в сердца прекрасных кавалеров и дам, брат

фаворита бригадир Валериан Зубов сражался под ядрами и пулями, которые летели ему навстречу из пушек и ружей то польских инсургентов, то французских якобинцев.

В 1792 году он отправился сначала в Польшу, а затем в армию союзников, воюющую против революционной Франции. На территории Германии Валериан встретил ехавшую в Петербург невесту Александра Луизу-Августу, был ей представлен, очаровался прелестной принцессой и написал об этом Платону.

Тот показал письмо брата Екатерине, отчего императрица еще больше расположилась к будущей невестке, так как Валериана она считала тонким знатоком и ценителем женской красоты, а, главное, его мнение полностью совпадало с ее собственным. Побывав в боях с якобинцами, Валериан вернулся в Петербург, где 27 января он вместе с братьями и отцом был возведен в графское достоинство, получил орден Александра Невского и вскоре снова уехал в Польшу.

Осенью 1794 года судьба впервые отвернулась от своего баловня — на берегу Буга артиллерийским ядром Валериану Зубову оторвало левую ногу.

Как только в Петербург пришло горестное известие о том, что Валериан тяжело ранен, Екатерина тут же послала своему любимцу удобную английскую коляску для скорого и удобного возвращения в Петербург, 100000 рублей на дорожные расходы, орден Андрея Первозванного и чин генерал-майора. Валериан ехал с таким обозом и столь многолюдным сопровождением, что на каждой станции ожидали его 110 лошадей, высланных по приказу императрицы. В пути ждали Зубова и ласковые, заботливые письма, которыми императрица хотела скрасить Валериану боль и горечь его несчастья.

Екатерина, увидев его без ноги, заплакала и, не имея возможности поправить увечье, вновь порадовала пострадавшего богатыми подарками. Она презентовала Валериану бывший дом Бирона, 20000 рублей золотом и назначила ему ежегодную пенсию в 13000 рублей. Кроме того, ему было пожаловано еще 300000 рублей на погашение всех долгов. Такие суммы Екатерина просто так не дарила: 100000 рублей были обычной традиционной премией новому фавориту, а здесь, вместе с дорожными расходами, Валериан получил 400000 рублей...

НОВЕЛЛА ДЕВЯНОСТО ПЕРВАЯ

Брак Константина

Меж тем произошло несколько событий, отсрочивших осуществление идеи, столь занимавшей шестидесятисемилетнюю Екатерину. Женив Александра, любвеобильная бабушка

решила осчастливить браком и недоросля Константина, проводившего досуги в нелепейших забавах: то он ловил крысу и, почти удавив ее, забивал полудохлую в ствол небольшой пушки, а потом стрелял ею в кого угодно; то ловил в окрестностях Царского Села молодых баб и приставал к ним, а если не получал желаемого, кусал или щипал их.

Екатерина решила покончить со всем этим, подобрав ему подходящую жену.

Одну из первых невест подыскал для Константина граф Андрей Кириллович Разумовский, русский посланник в Вене. Незадолго перед тем был он посланником в Неаполе и стал там одним из любовников крайне развратной и жестокой королевы Каролины-Марии. Желая отплатить за старую любовь, Разумовский стал сватать одну из дочерей Каролины за Константина, но этому решительно воспрепятствовала Екатерина. Ее политические симпатии были не на стороне Бурбонов, к дому которых принадлежал король Неаполя, а к родственным ей немецким владетельным домам.

Десять невест, одна за другой, приезжали в Петербург, но никто из них не удовлетворил вкусов и запросов Екатерины, хотя Константин двух-трех из них готов был облагодетельствовать. Несостоявшиеся невесты, получив богатые подарки, покидали Северную Пальмиру, пока не появилась одиннадцатая претендентка, на которой Константин и остановил свой выбор. Это была младшая из трех саксен-кобургских принцесс, пятнадцатилетняя Юлиана-Генриетта-Ульрика — маленькая брюнетка, находчивая и умная, с чувством достоинства и покладистым характером.

24 октября 1795 года Константин сделал предложение матери невесты, а на следующий день состоялась помолвка. 7 ноября герцогиня и две ее дочери уехали из Петербурга, буквально осыпанные дождем бриллиантов и получившие еще 160000 рублей.

По отъезде матери и сестер Юлиану передали под надзор Ш.К.Ливен. и она стала жить с сестрами Александра и Константина, обучаясь русскому языку и основам православия. 2 февраля принцесса приняла православие и стала называться Анной Федоровной. 3 февраля 1796 года состоялось обручение ее с Константином, а 15 февраля — венчание. Около 9000 солдат и офицеров выстроились на Дворцовой площади и на прилегающих к ней улицах, услаждая взор жениха и тестя невесты — Павла Петровича.

При венчании над головой жениха венец держал Иван Иванович Шувалов, а над невестой — Платон Зубов.

Молодым был отведен Мраморный дворец, вокруг которого две недели продолжалось народное гулянье, а по всему городу кипел и разливался праздник.

В штат нового молодого двора вошло шестнадцать придворных во главе с гофмаршалом князем Борисом Голицыным, появились новые люди, новые партии и новые интриги.

В это время Платон Зубов решил развить и в новых условиях довести до конца Греческий проект Потемкина: освободив от турок Балканы, восстановить Византийскую империю под властью Константина Павловича. Пигмей решил сравняться с великаном, используя для этого интеллектуальное наследие князя Таврического все еще остающееся не реализованным.

Только исполнение этого плана Платон Зубов полагал провести иным путем. По его проекту нужно было занять русскими войсками важнейшие пункты от Персии до Тибета, чтобы получить прямое сообщение с Индией. Затем, оставив там гарнизоны, пойти к Анатолии — азиатской части Турции — и, захватив Анапу, пресечь все сношения с Константинополем.

Во главе этого предприятия, по мысли Зубова, должен был стоять Суворов, а с моря Константинополь надлежало подвергнуть морской блокаде. При этом он не учел главного — время этого проекта ушло вместе с его подлинным создателем.

И все же проект начал осуществляться, ибо Екатерина и тут подпала под неотразимое, гипнотическое обаяние своего любимца. Поход начался после того, как весной 1795 года персидские войска Ага Мохаммед-хана вторглись в Карабах, Азербайджан и Грузию. Осенью они захватили и разграбили Тифлис, что давало право русским войскам, используя соответствующие положения Георгиевского трактата об ответственности России за целостность владений Ираклия II, начать боевые действия. В феврале 1796 года тринадцатитысячный русский экспедиционный корпус, возглавляемый Валерианом Зубовым, накануне получившим звание генерал-адъютанта, двинулся на Кавказ.

18 апреля сосредоточившиеся в Кизляре русские войска пошли через Дагестан в азербайджанские провинции Персии и 2 мая осадили Дербент. Осада продолжалась неделю, и 10 мая крепость была взята. По иронии судьбы ключи от города вручил Зубову двадцатилетний старик, который в 1722 году, когда ему было сорок шесть лет, вручал такие же ключи Петру I, впервые овладевшему крепостью. За взятие Дербента Зубов получил звание генерал-аншефа и орден Георгия 2-го класса. Екатерина стала всерьез считать его лучшим генералом в Европе, отодвигая на второй план и Бонапарта и Суворова.

15 июня войска Зубова без боя вошли в Баку и двинулись к слиянию Куры и Аракса, имея целью дальнейшее продвижение в глубь Персии. Фантастический проект Платона Зубова неожиданно начал осуществляться...

НОВЕЛЛА ДЕВЯНОСТО ВТОРАЯ

Кончина Екатерины Великой

А тем временем в Петербурге дела шли своим чередом. 25 июня 1796 года произошло важное событие в семье Павла — Мария Федоровна родила третьего сына. Это был будущий император Николай I.

Екатерина писала Гримму: «Мамаша родила огромнейшего мальчика. Голос у него — бас, и кричит он удивительно; длиною он аршин без двух вершков (62 см), а руки немного поменьше моих. В жизнь мою в первый раз вижу такого рыцаря». ¹²⁰

А 13 августа в Петербург прибыл регент шведского престола герцог Карл Зюндерманладский со своим семнадцатилетним племянником — королем Швеции Густавом IV Вазой. Оба визитера скрывались под другими титулами. Регент назывался графом Гагским, а король — графом Вазой. Они приехали для смотрин и возможного сватовства тринадцатилетней великой княжны Александры Павловны за короля Швеции.

Перед тем Екатерина немалыми подкупам, неприкрытыми угрозами и даже откровенной демонстрацией силы расстроила предыдущую помолвку Густава IV с герцогиней Макленбургской и буквально заставила юного короля стать соискателем руки очаровательной русской принцессы.

Жених и его дядя были приняты с превеликим почетом и пышностью. Не только императрица, но и первые вельможи государства — Безбородко, Остерман, Строганов — давали в их честь один бал за другим. Шведы были очарованы невестой и приемом и официально попросили руку Александры Павловны у ее родителей и бабушки.

На 10 сентября была назначена помолвка, и когда весь двор, все сановники и генералы первых четырех классов, все иностранные резиденты приехали во дворец и вошли в Тронный зал, к ним вышла Екатерина в короне, в мантии и села на трон, а рядом встала прелестная невеста, трепещущая и взволнованная.

Долго ждали они жениха, но тот почему-то не появлялся. Тогда в апартаменты Густава IV Екатерина послала Платона Зубова и графа Моркова. Но они вернулись через час без жениха. Оказалось, что Густав категорически потребовал перехода Александры Павловны в протестантство, в противном же

случае объявлял свое сватовство недействительным и от помолвки и свадьбы отказывался. При этом известии Екатерина потеряла сознание — с ней приключился апоплексический удар. Заболела и несчастная невеста, считая себя опозоренной.

Вскоре Екатерине стало лучше, но она понимала, что удар может повториться и тогда возможна и смерть, и потому она возвратилась к делу о передаче трона своему старшему внуку.

16 сентября императрица впервые прямо, откровенно и без обиняков высказала свое желание Александру, передав ему все документы, необходимые для объявления его наследником престола.

Как ни секретно происходило все это, но уже не только при дворе, но и в Петербурге стали говорить о готовящейся коронной перемене, называя даже дату официального объявления Высочайшего Манифеста: либо 24 ноября 1796 года, в день тезоименитства Екатерины, либо на Новый год 1 января 1797 года.

Получив пакет документов и внимательно прочитав их, Александр позвал своего верного дядьку Протасова и посоветовался, как надлежит поступить. Прямой и честный Протасов ответил:

— Надобно обо всем доложить его императорскому высокочеству батюшке вашему.

И Александр, согласившись, попросил Протасова помочь ему в этом деле.

17 сентября Александр и Константин присягнули на верность Павлу, дав ему слово сохранить сам факт присяги в тайне, а еще через неделю Александр письменно заверил Екатерину, что во всем согласен с ней, проявив, таким образом, совершеннейшее двуличие.

Следует добавить, что весной 1796 года уже упоминавшиеся Наталья Федоровна Веригина и генерал-майор по флоту Сергей Иванович Плещеев все же поженились и с тех пор вместе с Иваном Кутайсовым составили ближайшее окружение Павла. Однако их альянсу не доставало Екатерины Ивановны Нелидовой, упорно не желавшей оставлять Смольный. Молодые супруги Плещеевы были посвящены во все хитросплетения интриги с престолонаследием и давали советы Павлу, каким образом избежать опасности, как вести себя с Екатериной, что предпринимать и т.п. В октябре 1796 года Павел попросил Нелидову приехать в Гатчину, но получил категорический отказ. А перед тем 18 сентября с Екатериной случился еще один легкий удар, но она сумела скрыть его последствия, хотя до конца октября часто недомогала, ложась в постель среди дня, чего раньше с нею почти никогда не случалось.

В воскресенье, 2 ноября, состоялся большой парадный обед, на котором Екатерина показала всем нездоровой и утомленной. Следующие два дня она не выходила из своих покоев, а вечером 4 ноября собрала у себя маленькое изысканное общество. Екатерина была весела и попеняла своему шуту Льву Нарышкину на то, что он боится разговоров о смерти, сама же стала в шутовом тоне рассказывать о недавней кончине короля Сардинии.

Проводив гостей, императрица, тяжело ступая из-за того, что в последние дни ноги ее сильно распухли, ушла к себе в опочивальню. А утром 5 ноября 1796 года, встав с постели совершенно больной, она с трудом дошла до клозета и скрылась за дверью, за которой стоял, привезенный А.В.Суворовым из Варшавы трон польских королей. Национальная святыня Польши была обезображена: сиденье трона превратили по распоряжению Екатерины в стульчак, а под пропиленное в центре сиденья круглое отверстие поставили ведро... Там оставалась она необычайно долго. Когда камердинер решился позвать Зубова, чтобы тот вошел в клозет, — было уже поздно: императрица лежала на полу, потеряв сознание. Ее настиг еще один удар, третий, и — последний.

Екатерина была еще жива, когда Павлу в ночь на 5 ноября приснился чудной сон: ему казалось, что некая неведомая сила подымает его и возносит к небу, заставляя парить над облаками. Это повторилось несколько раз, и когда Павел в очередной раз проснулся, как бы вернувшись на землю, он увидел, что и Мария Федоровна тоже не спит. Павел спросил жену, почему она бодрствует, и Мария Федоровна ответила, что всю ночь ее не оставляет сильная тревога.¹²¹

За обедом Павел рассказал о своем сне ближайшим придворным, а вскоре в Гатчину один за другим примчались несколько курьеров из Петербурга с одной и той же вестью — государыня при смерти.

Первым прискакал Николай Зубов, посланный к Павлу Платоном. Фаворит очень боялся грядущего царствования и решил еще до кончины своей повелительницы навести мосты между Петербургом и Гатчиной, рассчитывая на милость нового императора и забвение былого неудовольствия.

Павел, увидев приехавшего Николая Зубова, решил, что тот прибыл, чтобы арестовать его, но, когда узнал об истинной причине появления того в Гатчине, оказался близким к обмороку.

Вторым прискакал Ф.В.Ростопчин, которого послал к Павлу Александр, а вслед за ними появилась целая кавалькада курьеров: не было ни одного сановника, который бы не по-

слал своего человека с известием о близкой смерти Екатерины. Среди нарочных были вестноши даже от дворцового поара и дворцового лакея.

Не медля ни минуты, Павел помчался в Петербург. За ним ехал длинный хвост возков, карет и открытых экипажей.

В девятом часу вечера 5 ноября Павел и Мария Федоровна прибыли в Зимний дворец, перед которым стояли тысячи петербуржцев.

Александр и Константин встретили отца в Гатчинских мундирах и вместе с ним и матерью прошли в опочивальню Екатерины. Они застали больную в беспамятстве и из беседы с врачами поняли, что часы императрицы сочтены.

В эти минуты во дворце появился прискакавший из Гатчины любимец Павла Алексей Андреевич Аракчеев. Он мчался в фельдъегерской тележке, без шинели, в одном мундире, и ехал столь быстро, что даже рубашка его оказалась забрызганной грязным снегом.

Александр, увидев это, отвел Аракчеева к себе в покои и там передел его в свою чистую рубашку. (Потом Аракчеев всю жизнь хранил эту рубашку и перед смертью завещал похоронить себя в ней.) Так символично началась дружба Аракчеева и Александра.

Отдав первые распоряжения, Павел направился в кабинет все еще живой Екатерины и сам стал собирать и запечатывать все находившиеся там бумаги, особенно усердно отыскивая те, какие касались престолонаследия. Пакет с этими бумагами вручил Павлу А.А.Безбородко и новый император, бегло просмотрев их, бросил документы в горящий камин. Эту заслугу Павел Безбородко не забыл, сохранив за ним должность канцлера, и дав ему титул Светлейшего князя.

Так, между опустевшим кабинетом императрицы и опочивальней, заполненной отчаявшимися врачами, провел Павел эту последнюю ночь жизни своей матери.

И сам Павел, и Мария Федоровна, и их старшие дети всю ночь не смыкали глаз. То же самое творилось и с сотнями придворных, дворцовых служителей, офицеров и генералов армии и гвардии, на глазах у которых нервный, возбужденный Павел то входил, то выходил из комнаты, где лежала умирающая Екатерина. Как только он вышел в последний раз, раздался ужасный стон, который разнесся по всему дворцу. — Екатерина умерла, не приходя в сознание. Это случилось утром 6 ноября, в три чет-верти десятого.

Тотчас же вышел доктор Роджерсон и сказал:

— Все кончено!

Павел повернулся на каблуках на пороге дверей, надел огромную шляпу и, держа по форме в правой руке трость, хрипло прокричал:

— Я ваш государь! Попа сюда!

Мгновенно явился священник, поставил аналой, положил на него Евангелие и крест и первой привел к присяге императрицу Марию Федоровну. После нее присягал цесаревич Александр. Когда текст присяги был произнесен полностью, Павел подошел к сыну и велел добавить к присяге слова: «И еще клянусь не посягать на жизнь государя и родителя моего».

Очевидец происходившего А. М. Тургенев, писал, что «прибавленные слова к присяге поразили всех присутствующих, как громовой удар».¹²³ Примечательно, что они стали как бы пророчеством, сбывшимся через четыре с половиной года.

* * *

Заканчивая главу о Екатерине Великой, я приведу эпитафию написанную самой Екатериной в один из часов досуга: «Здесь лежит Екатерина Вторая, родившаяся в Штеттине 21 апреля 1729 года. Она прибыла в Россию в 1744 году, чтобы выйти замуж за Петра III. Четырнадцати лет от роду она возымела тройное намерение — понравиться своему мужу, Елизавете и народу. Она ничего не забывала, чтобы успеть в этом. В течение 18 лет скуки и уединения она поневоле прочла много книг. Вступив на Российский престол, она желала добра и старалась доставить своим подданным счастье, свободу и собственность. Она легко прощала и не питала ни к кому ненависти. Пошадливая, обходительная, от природы веселонравная, с душой республиканскою и с добрым сердцем, она имела друзей. Работа ей легко давалась, она любила искусства и быть на людях».¹²⁴

Сколь бы противоречивой Екатерина не казалась, автор согласен с тем, что сказала о себе эта великая, в полном смысле слова, женщина и императрица.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бильбасов В.И. История Екатерины Второй. — СПб., — 1891. — Т. 2. — С.152.
- ² Жизнь и приключения Андрея Болотова. — Т. 2. — С.390.
- ³ Брикнер А.Г. История Екатерины Второй. — Т. 1. — С.142.
- ⁴ Цит. по: Пархоменко В. Русская государственность в портретах и мнениях. — Л., — 1990. — С.16.
- ⁵ См.: Сб. РИО. — Т. 27. — С.170.
- ⁶ Цит. по: Дашкова Е.Р. Записки. — С.98.
- ⁷ Сб. РИО. — Т. 12. — С.38.
- ⁸ Сб. РИО. — Т. 7. — С.289.

- 9 Там же. — С.291.
- 10 Русский архив. — 1863. — С.479.
- 11 Голомбьевский А.А. Биография князя Г. Г. Орлова. — М., — 1904. — С.4—5.
- 12 Русский архив. — 1871, — № 1. — С.38.
- 13 Щербатов М.М. О повреждении нравов в России. — С.120.
- 14 Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. — М.—Л., — 1959. — Т. 8. — С.805.
- 15 Русский архив. — 1871, — № 1. — С.43.
- 16 «Труды Вольного экономического общества» выходили непрерывно до 1915 года и составили свод в 280 томов. Их авторами были известные агрономы А.Т.Болотов, И.И.Комов, В.А.Левшин, ученый—металлург подполковник А.А.Нартов, крупнейший экономист, граф и адмирал Н.С.Мордвинов и другие.
- 17 Ходнев А.И. История императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 года. — СПб., — 1865. — С.V—VI.
- 18 Цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. — Т. 11.— С.52.
- 19 Сб. РИО. — Т. 4. — С.65.
- 20 Русский архив. — 1873, — № 1. — С.55.
- 21 Цит. по: Брикнер А. Г. История Екатерины Второй. — Т. 2. — С.652.
- 22 Сб. РИО. — Т. 20, — С.244—247.
- 23 Русский архив. — 1871, — № 9. — С.1321—1322.
- 24 См.: Русский биографический словарь. «Обезьянинов—Очкин». — СПб., — 1905. — С.352.
- 25 См.: Гельбиг Г. Русские избранники. — С.311—312.
- 26 См.: Исторический вестник. — 1885, — № 9. — С.467—473.
- 27 Русский архив. — 1884, — № 3. — С.211.
- 28 Сб. РИО. — Т. 19. — С.299—300.
- 29 Русский архив. — 1878, — № 2. — С.290.
- 30 См.: Российская дипломатия в портретах. — М., — 192. — С.88.
- 31 Русский архив. — 1873, — № 1. — С.84—85.
- 32 Цит. по: Валишевский К. Роман одной императрицы. — М., — 1908. — С.157.
- 33 Былое. — 1919, — № 14. — С.58—59.
- 34 Архив военно—походной канцелярии графа П. А. Румянцева—Задунайского. — Ч. 2. — С.188.
- 35 Русский архив. — 1873, — № 1. — С.101.
- 36 Там же. — С.104.
- 37 Там же. — С.112.
- 38 См.: Чулков Г.И. Императоры. Психологические портреты. — М.,— 1991. — С.14.
- 39 Звезда. — 1940, — № 10. — С.217.
- 40 Вопросы истории. — 1969. — № 12. — С.140.
- 41 Дубровин Н.Ф. Пугачев и его сообщники. — СПб., — 1884. — Т. 2.— С.135.
- 42 См.: Русский архив. — 1866. — С.644—645.
- 43 См.: Русская старина. — 1871, — № 3. — С.39—40.
- 44 См.: Гельбиг Г. Русские избранники. — С.412—414.
- 45 Екатерина II. Полн. собр. соч. — СПб., — 1907. — Т. 12. — Ч. 2.— С.697—698.
- 46 Цит. по: Лебедев П.С. Графы Никита и Петр Панины. — СПб., — 1863. — С.180.
- 47 См.: Вопросы истории. — 1989, — № 7, 8, 9, 10, 11, 12.

- 48 Вопросы истории. — 1989, — № 7. — С.121.
- 49 См.: Русский архив. — 1906, — № 11. — С.613–616.
- 50 См.: Вопросы истории. — 1989, — № 8. — С.121.
- 51 См.: Русский биографический словарь. — СПб., — 1910. — Т. 15. «Разумовский Алексей Григорьевич». — С.434–435.
- 52 Гельбиг Г. Русские избранники. — С.275.
- 53 Былое. — 1919, — № 13. — С.59–60.
- 54 Вопросы истории. — 1989, — № 9. — С.105.
- 55 Русский биографический словарь. — Пг., 1918. «Романов-Рясовский». — С.549.
- 56 Там же.
- 57 Цит. по: Шильдер Н.К. Император Павел Первый. — СПб., — 1901. — С.114.
- 58 Там же. — С.115.
- 59 Там же. — С.119–120.
- 60 Там же. — С.123.
- 61 Сб. РИО. — Т. 27. — С.117–118.
- 62 Цит. по: Шильдер Н.К. Император Павел Первый. — С.127.
- 63 Там же.
- 64 Там же. — С.128.
- 65 Осмнадцатый век. — СПб., — 1869. — Кн. 2. — С.478.
- 66 Заря. — 1872, — № 1. — С.128.
- 67 См.: Русская старина. — 1897, — № 1. — С.175–176.
- 68 Русский архив. — 1878, — № 3. — С.39.
- 69 Там же. — С.46.
- 70 Там же. — С.65.
- 71 Там же. — С.67.
- 72 Там же. — С.91.
- 73 Там же. — С.117.
- 74 См.: Русская старина. — 1877, — № 6. — С.240–241.
- 75 Цит. по: Валишевский К. Роман одной императрицы. — М., — 1908. — С.159.
- 76 Гельбиг Г. Русские избранники. — С.456.
- 77 Русский биографический словарь. — СПб., — 1914. «Лабзина-Ляшенко». — С.67.
- 78 Русский архив. — 1876, — № 3. — С.91.
- 79 Там же. — С.88.
- 80 Сб. РИО. — Т. 23. — С.317.
- 81 См.: Брикнер А.А. История Екатерины II. — Т. 2. — С.753.
- 82 Сб. РИО. — Т. 23. — С.318.
- 83 См.: Петров П.Н. История родов русского дворянства. — М., — 1991. — Т. 2. — С.110–111.
- 84 Русский биографический словарь. — СПб., — 1905. «Плавильщиков-Примо». — С.655.
- 85 Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины III (1785–1789). — СПб., — 1865. — С.185.
- 86 См.: Русская старина. — 1896, — № 11. — С.422.
- 87 Шумигорский Е. С. Екатерина Ивановна Нелцова. — СПб., — 1902. — С.6.
- 88 Там же. — С.12.
- 89 Цит. по: Осмнадцатый век. — СПб., — 1869. — Кн. 3. — С.445.
- 90 Русская старина. — 1896, — № 11. — С.267.
- 91 См.: Русский биографический словарь. — СПб., — 1909. «Смелевский-Суворина». — С.464.

- 92 Русская старина. — 1876, — № 7. — С.404.
 93 Русская старина. — 1875, — № 13. — С.164—165.
 94 Там же. — С.171.
 95 Русская старина. — 1886, — № 11. — С.260.
 96 См.: Брикнер А.Г. Потемкин. — СПб., — 1891. — С.255.
 97 См. Там же. — С.254.
 98 После падения Константинополя в 1453 году, когда турки-османы превратили его в свою столицу, в Москве возникла теория, что Константинополь — Второй Рим — передал свое вселенское государственное и религиозное значение Москве — Третьему Риму. Женильба великого московского князя Ивана III на наследнице византийских императоров Зое Палеолог, принесшей в приданое герб Византии — двуглавого орла, — стала еще одним доказательством преемственности прав Москвы на Византийский трон. Потемкин, сражавшийся с турками на Днестре, на Кубани, в Крыму, на Средиземном и Черном морях, видел своей конечной стратегической целью сокращение Османской империи и овладение Константинополем. На воротах, взятых у турок городов, Потемкин велел писать по-гречески «Путь на Византию», а к великому князю Константину некоторые греки слали письма: «Греческому императору Константину Третьему», так как Константин Второй — Палеолог — погиб при штурме Константинополя в мае 1453 года.
 99 См.: Лопатин А.Г. Потемкин и Суворов. — М., — 1992. — С.211.
 100 Русская старина. — 1886, — № 11. — С.201—202.
 101 Цит. по: Брикнер А. История Екатерины Второй. — Т. 2. — С.751—752.
 102 Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России. — СПб., — 1874. — С.311—312.
 103 См. там же. — С.313—316.
 104 См.: Валишевский К. Роман одной императрицы. — М., — 1908. — С.170.
 105 Русский биографический словарь. — СПб., — 1896. «Аарон-Александр II». — С.144.
 106 Цит. по: Божерянов И.Н. Детство, воспитание и лета юности русских императоров. — С.56—57.
 107 Русская старина. — 1877, — № 6. — С.244.
 108 Русский биографический словарь. — СПб., — 1904. «Сабанеев-Смыслов». — С.148.
 109 Николай Михайлович, великий князь. Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I. — СПб., — 1908. — Т. I. — С.17.
 110 Там же. — С.24.
 111 Там же. — С.26—27.
 112 Цит. по Чулков Г.И. Императоры. Психологические портреты. — С.66.
 113 Там же. — С.67.
 117 Русский биографический словарь. «Аарон-Александр II». — С.146.
 115 Там же. — С.151.
 116 Русский архив. — 1878, — № 3. — С.202.
 117 Шильдер Н.К. Император Александр I, его жизнь и царствование. — СПб., — 1904. — Т. I. — С.111—112.
 118 Русская старина. — 1876, — № 11. — С.453—454.
 119 Русская старина. — 1876, — № 8. — С.593.
 120 Шильдер Н.К. Император Александр I. — Т. I. — С.125.
 121 См.: Шильдер Н.К. Император Павел I. — СПб., — 1901. — С.277.
 123 Русская старина. — 1885, — № 9. — С.380.
 124 Сб. РИО. — Т. 23. — С.77.

Глава девятая

ПАВЕЛ I

НОВЕЛЛА ДЕВЯНОСТО ТРЕТЬЯ

Начало конца

В первые часы после смерти матери Павел предпринял экстренные меры по приданию законности своему восшествию на престол.

Уже в день смерти Екатерины к присяге были приведены все чиновники Петербурга, а также Сенат, генералитет и Святейший Синод. Объявляя в манифесте о кончине Екатерины, Павел извещал о своем вступлении на престол и приказывал «верным Нашим подданным учинить Нам в верности присягу».¹ Вслед за тем сразу же последовали приказы, содержание которых говорит само за себя: «О приеме Государем Императором на Себя звания Шефа и Полковника всех гвардии полков», «О запрещении генералам носить другие мундиры, кроме того корпуса, которому принадлежит, а офицерам другого одеяния, кроме мундиров», «О запрещении служащим, как генералитету, так и в штабах генеральских, носить мундиры разных цветов» и другие подобные этим, и касающиеся формы, субординации и новой регламентации уставов и наставлений.

Александр объявлялся наследником престола и военным губернатором Петербурга, назначался шефом Семеновского полка, а Константин — Конногвардейского. В ночь на 7 ноября в своих казармах была приведена к присяге вся гвардия. Утром начались вахт-парады, и как только Павел провел первый из них, он в сопровождении Александра, как военного губернатора, и Аракчеева, как коменданта Петербурга, совершил верховой выезд на улицы столицы.

7 ноября с утра две сотни полицейских начали срывать с голов петербуржцев круглые шляпы, а фракки рвать в клочья. Одновременно все парадные двери начали перекрашивать в черно-белую шахматную клетку.

«В продолжение восьми часов царствования вступившего на всероссийский самодержавный трон, весь устроенный в государстве порядок правления, судопроизводства, — одним

словом все пружины государственной машины были вывернуты, столкнуты из своих мест, все опрокинуто вверх дном и все оставлено и оставалось в сем исковерканном положении четыре года».² — вспоминал А. М. Тургенев, сопровождавший Павла в его поездке по Петербургу.

Приехав на Царицын луг, Павел трижды объехал вокруг оперного театра и, встав перед главным входом, обычным охриплым-сиповатым голосом прокричал флигель-адъютанту и второму военному губернатору Архарову:

— Николай Петрович! Чтобы театра, сударь, не было!

Вечером, когда Тургенев ехал мимо Царицына луга, пятьсот рабочих, при свете фонарей, ровняли место, где утром стоял оперный театр. «Это событие, — писал Тургенев, — дало мне полное понятие о силе власти и ее могуществе в России.»³

Город присмирел. Страх усилился еще более после того, как 10 ноября в город церемониальным маршем, под визг флейт и грохот барабанов, гусиным, прусским шагом вошли гатчинские войска. Они скорее напоминали иностранный оккупационный корпус, чем часть российских вооруженных сил. Гатчинцы немедленно были рассредоточены по гвардейским полкам, чтобы стать экзерцицмейстерами, сиречь профессорами шагистики и фрунта, а также ушами и очами нового государя.

Разумеется, тут же вспыхнул конфликт между гвардейцами и гатчинцами, разгоравшийся тем сильнее, чем глубже происходила ломка старых, екатерининских установлений. Дело дошло до того, что на смотре Екатеринославского гренадерского полка Аракчеев назвал георгиевские знамена этого полка «екатерининским юбками». А ведь Аракчеев, кроме того, что был комендантом Петербурга, сразу же стал генерал-майором и командиром Преображенского полка, шефом которого был сам Павел.

Все, что составляло основу и суть предыдущего царствования, с первых же дней правления Павла ломалось, уничтожалось и предавалось анафеме.

В несколько дней Петербург, Москва, а затем и губернские города России неузнаваемо преобразились. Всюду появились черно-желтые полосатые будки, шлагбаумы, пуританская строгость в партикулярной одежде: запрещалось носить фраки, круглые шляпы и яковинские сапоги с отворотами. Для всех офицеров стало обязательным ношение мундира по всей форме во всякое время суток, при всех обстоятельствах. Любой из партикулярных граждан — будь то мужчина, женщина или ребенок — при встрече с императором обязаны бы-

ли стать во фронт, а затем снять шляпу и кланяться. Равным образом это относилось и к тем, кто ехал в возках или каретах, — они обязаны были, выйдя из экипажа, кланяться императору. Нерасторопность и невнимательность наказывалась арестом и препровождением на гауптвахту.

Павел велел послать каждому командиру полка высочайшее именное повеление, в котором указывалось: «С получением сего, следовать со вверенным вам полком на назначенные непеременные квартиры». При этом, об этом перемещении не были уведомлены ни Военная коллегия, ни командовавшие войсками генералы. О местах новой дислокации знали лишь в собственной канцелярии Павла, но маршруты определялись произвольно командирами полков. Провианта и фуража по пути следования полков заготовлено не было, и потому «великое переселение» армии напоминало нашествие татар.

Известный историк Н. К. Шильдер констатировал: «Выказанное императором Павлом миролюбие не замедлило отразиться на двух мероприятиях нового царствования. Ко всеобщей радости назначенный Екатериной рекрутский набор был отменен и затем последовало мгновенное прекращение войны с Персией. Войска, действовавшие на восточном берегу Каспийского моря под предводительством графа Валериана Александровича Зубова, были немедленно отозваны в Россию, но неслыханным образом, помимо их непосредственного начальника, брошенного на произвол судьбы среди неприятельского края и оставленного без всякого уведомления. Все, достигнутое во время похода в Закавказье, было брошено — без разбора, без толка, жертвуя всеми, приобретенными уже выгодами и руководствуясь только соображением: уничтожить с корнем последнее, к сожалению, незаконченное предприятие Екатерины.»⁴

А. М. Тургенев писал: «Чтобы не быть зарезану толпою каких-либо бродяг, граф Зубов упросил бывшего при армии с казаками наказным атаманом бригадира Платова конвоировать его и весь штаб армии до крепости Баку, где приняли их на корабли русского флота и отвезли в Астрахань. По возвращении с войском бригадира Платова на Дон его схватили и отвезли в Петропавловскую крепость, где он и содержался в темном каземате более трех годов».⁵

А один из полков Зубова — Сибирский драгунский — получил приказ следовать из Дербента в Тобольск. Около двух лет шел туда полк, и драгуны пришли в Тобольск не на конях и в седлах, а под седлами, то есть амуницию и конскую сбрую принесли на себе.

Блестящая, веселая, часто праздничная столица великой империи преобразилась в прусское захолустье, где по словам адмирала А.С.Шишкова, человека тонкого и наблюдательно-го. «настал иной век. иная жизнь, иное бытие».

За малейшее нарушение предписанных правил следовала неотвратимая кара — высылка из Петербурга, лишение должности, понижение в чине, арест или опала. Из-за этого доминантой общественного состояния стал страх. Но, пожалуй, более прочих боялись Павла его сыновья. Полковник Конной гвардии Н.А.Саблуков писал: «Оба великих князя смертельно боялись своего отца, и когда он смотрел сколько-нибудь сердито, они бледнели и дрожали, как осиновый лист. При этом они всегда искали покровительства у других. Вот почему они внушала мало уважения и были непопулярны».⁶

Вместе с тем Павел неожиданно для всех растворил ворота крепостей, острогов и тюрем. Он даровал свободу А.Н.Радищеву, Н.И.Новикову, национальному герою Польши Тадеушу Костюшко, выпустив на свободу и 12000 его сотоварищей, разосланных Екатериной по медвежьим углам империи на каторгу, в ссылку и на поселение.

Последнее было воспринято как посмертное противостояние еще не похороненной Екатерине. Точно так же было оценено и еще одно распоряжение Павла, показавшееся даже кощунственным: 19 ноября, через две недели после смерти Екатерины, когда прах ее еще не был погребен, Павел приказал вынуть из-под пола Александро-Невской лавры останки Петра III и переложить их точно в такой же гроб, в каком покоилась и Екатерина. Именной указ об этом был дан 9 ноября, когда была учреждена Печальная комиссия во главе с князем Юсуповым, которой вменялось в обязанность перенести прах Петра III из Александро-Невского монастыря в Петропавловскую соборную церковь.

25 ноября произошла нелепейшая церемония: Павел торжественно возложил на гроб отца императорскую корону, произведя таким образом посмертную коронацию, которую Петр III не успел осуществить при жизни.

2 декабря гроб с прахом Петра III повезли в домовую церковь Зимнего дворца, где стоял гроб с телом Екатерины. От Александро-Невской лавры по Невскому проспекту при восемнадцатиградусном морозе шли с непокрытыми головами сотни сановников и генералов, а сразу же за гробом шествовали герои Ропши — главные из оставшихся в живых царевичей — Алексей Орлов и Федор Барятинский.

Павел I заставил Алексея Орлова и Федора Барятинского четверть часа идти за гробом Петра III и стоять в соборе все

время службы. Когда все кончилось и Орлов вернулся домой, его ждал подарок нового императора — золотая, усыпанная бриллиантами табакерка, на крышке которой вместо портрета царя была изображена виселица.

А еще через три дня оба гроба перевезли в Петропавловский собор, и лишь 18 декабря состоялась заключительная погребальная церемония, венчавшая похоронные торжества, затянувшиеся на полтора месяца и ставшие своеобразным символическим прологом нового царствования.

В день погребения родителей Павел объявил о коронации и произвел ее 5 апреля 1797 года, в день Пасхи, в Успенском соборе Московского Кремля. Пышность и торжественность коронационных торжеств не уступала такой же церемонии, состоявшейся здесь же тридцать пять лет тому назад.

В день коронации множество приближенных Павла получили чины, ордена, титулы, новые поместья и 82000 крепостных. Среди тех, кто не был забыт новым императором, оказался и один из братьев Нелидовой — Аркадий, сразу же после смерти Екатерины назначенный Павлом своим флигель-адъютантом с чином подполковника; по случаю коронации он стал полковником.

Что же касается Екатерины Ивановны Нелидовой, то еще 23 ноября Павел послал своей любимице богатый подарок, но она не приняла его, написав Павлу, что всегда ценила лишь его дружбу, а его дары всегда были ей скорее тягостны, чем приятны. Она отказалась от всех наград, согласившись принять лишь звание камер-фрейлины.

Двумя неделями раньше в Смольном побывала Мария Федоровна — теперь уже императрица — и после долгого и трогательного объяснения заключила с Нелидовой вечный дружественный союз. А вскоре в Смольный пожаловал и сам Павел с Марией Федоровной, великим князем Александром и его женой Натальей Алексеевной. После этого такие визиты стали весьма частыми, потому что Нелидова по-прежнему не хотела появляться в императорских дворцах, приезжая туда крайне редко.

Войдя в полную силу фавора, Нелидова оставалась доброй, бескорыстной, всегда готовой заступиться за опальных.

Коронация ознаменовалась не только благодеяниями приближенных. Следует отдать справедливость новому монарху: вступая на престол, он одновременно издал манифест, которым барщина ограничивалась тремя днями в неделю, а воскресенье объявлялось выходным днем для крестьян.

В день коронации Павел прочел в храме, с высоты трона, «Акт о престолонаследии», который он составил за девять лет до того, в январе 1788 года, вместе с Марией Федоровной.

По этому акту царская власть передавалась только по мужской линии и Александр вновь объявлялся наследником престола, «а по нем все его мужское поколение. По пресечении сего мужского поколения, наследство переходит в род второго моего сына, и так далее, если бы более у меня сыновей было».⁷

Следует иметь в виду, что это было написано в январе 1788 года, когда у Павла было только двое сыновей.

«Акт о престолонаследии» Павел положил в ковчег и оставил его в алтаре Успенского собора на вечное хранение.

Затем было оглашено, по-видимому, в сокращенном изложении «Учреждение об императорской фамилии», и «Уставление о Российских императорских орденах».⁸

Торжества коронации, как и в прежние времена, сопровождалась праздниками и балами, но из-за строжайшего соблюдения этикета, они оказались утомительны и скучны. Нервозными были и многочисленные парады и смотры войск, собранных в Москве и ее окрестностях, ибо переучиться на новый гатчинский манер, у солдат и офицеров не было времени, а император был придирчив и строг.

Павел пробыл в Москве чуть больше месяца и 3 мая вместе с императрицей, Александром и Константином, к величайшей радости московских сановников, отправился в путешествие по западным областям России, после чего 2 июня возвратился в Петербург.

* * *

А теперь познакомимся поближе с семьей нового императора. Мы уже знаем кое-что о его жене Марии Федоровне, сыновьях Александре, Константине и Николае, дочери Александре.

Но семья Павла была намного больше, так как Мария Федоровна оказалась чрезвычайно плодотворной и выполнила две королевские нормы, а таковой в европейских августейших домах той поры считалось рождение пятерых детей. В семье же Павла, пока была жива Екатерина, появились на свет три мальчика и шесть девочек, а еще через год и два месяца Мария Федоровна родила последнего сына — Михаила.

Хронологически Мария Федоровна укрепляла династию в такие сроки: 12 декабря 1777 года родился Александр, 27 апреля 1779 года — Константин, 29 июля 1783 года на свет появи-

лась старшая дочь — Александра, затем последовательно еще пять девочек: 13 декабря 1784 года — Елена, 4 февраля 1786 года — Мария, 10 мая 1788 года — Екатерина, 11 июля 1792 года — Ольга и 7 января 1795 года — Анна. После них родились мальчики: Николай — 25 июля 1796 года — и Михаил — 28 января 1798 года.

Из всех детей только Ольга скончалась на третьем году жизни, остальные достигли брачного возраста. Александра, вышедшая замуж за австрийского эрцгерцога Иосифа, умерла в семнадцать лет, а королева Нидерландов, жена Вильгельма II — Анна, — скончалась в семьдесят. Все дети Марии Федоровны и Павла сочетались браком с отпрысками прежде всего немецких владетельных домов.

О некоторых браках мы уже знаем, перечислим остальные. Елена Павловна в 1799 году была выдана за герцога Макленбург-Шверинского Фридриха-Людвига; Мария Павловна в 1804 году стала женой великого герцога Саксен-Веймарского Карла-Фридриха; в родство с королевской семьей Вюртемберга вступили в разное время Екатерина Павловна и Михаил Павлович. Впоследствии их вюртембергские родственники стали играть важные роли при дворе Александра I и Николая I. Добавим, что Екатерина Павловна в 1816 году стала королевой Вюртемберга вследствие своего второго брака. Она вышла замуж за короля Фридриха-Вильгельма, овдовев после первого брака, когда ее мужем был принц Гольштейн-Ольденбургский Георг-Петр. Все это доводится до сведения читателя потому, что в дальнейшем невозможно будет разобраться в семейных перепитиях дома Романовых, если не знать генеалогической основы их взаимоотношений с другими правившими в Европе династиями. Достаточно сказать, что впоследствии герцоги Ольденбургские были приравнены к Романовым и с 1845 года носили титул «императорских высочеств». Упомянем, что великий князь Николай Павлович был женат на дочери прусского короля Фридриха-Вильгельма III Фридерике-Луизе-Шарлотте-Вильгельмине, в православном крещении — Александре Федоровне.

Дальше мы еще не раз встретимся с детьми Павла, его зятями и невестками.

Нельзя писать о семье Павла и Марии Федоровны, а тем более о воспитании их детей, не рассказав о замечательной женщине, которая часто заменяла детям их родителей. Речь пойдет о несправедливо забытой Шарлотте Карловне Ливен, единственной в русской истории женщине, заслужившей своими собственными трудами графский и княжеский титулы. Она-то и возглавляла на протяжении чуть ли ни полувека

воспитание великих князей и княжен в доме Павла, а затем и Николая I.

В описываемое время и мальчики, и девочки до семи лет находились под присмотром женщин, которыми и руководила Шарлотта Карловна. Затем мальчики, становясь отроками, переходили в мужские руки и пребывали в «чину учимых» до пятнадцати лет, после чего считались уже юношами, которых готовили к военной и дворцовой карьере и грядущей женитьбе.

Девочки же поступали к Шарлотте Карловне с младенчества, и она выпускала их из своих рук только отправляя к венцу. А потом она же воспитывала их детей, бессменно служа на этом поприще до самой своей смерти и превратившись в доброго ангела дома Романовых.

Шарлотта Карловна в девичестве носила фамилию баронессы Гаугребен, а выйдя замуж за барона Ливена, сохраняла титул и в замужестве. Она относилась к числу небогатых остзейских дворянок и появилась при дворе не из-за богатства и связей, а потому что была прекрасной матерью, отличалась безукоризненной нравственностью, глубоким умом, врожденной добротой, прямотушием и обостренным чувством собственного достоинства. Оказавшись при дворе, баронесса вскоре стала любимицей Екатерины II, и та доверила ей воспитание своих внуков и внучек.

Успехи девочек были столь впечатляющи, а старание их старшей воспитательницы столь очевидно, что Шарлотта Карловна в 1794 году была пожалована в статс-дамы, а Павел, по восшествии на престол наградил ее орденом Екатерины I-го класса, подарил ей 1500 душ крепостных и возвел в графское достоинство.

Таким образом Шарлотта Карловна была одной из немногих, близких к покойной императрице придворных, сохранивших свое положение и при Павле. Кроме нее Павел оставил при дворе Платона Зубова, Остермана, Безбородко, почти немедленно отказав от двора Дашковой, Орловым, Бярятинскому и всем тем из заговорщиков 1762 года, кто был тогда еще жив. На смену же главным действующим лицам предыдущего царствования пришли друзья Павла, преимущественно из его гатчинского окружения: А.А.Аракчеев, Ф.В.Ростопчин, Л.А. фон дер Пален, С.И.Плещеев, П.Х.Обольянинов, И.П.Кутайсов, П.В.Лопухин, Г.Г.Кушелев, братья Куракины — Александр и Алексей Борисовичи и другие. О них-то и пойдет речь в этой главе.

НОВЕЛЛА ДЕВЯНОСТО ЧЕТВЕРТАЯ

Аракчеев и Пален

Павел осознанно противопоставил новых сановников вельможам екатерининского времени, особо выделив одного из своих гатчинских любимцев — Алексея Андреевича Аракчеева. В день коронации Павел пожаловал ему титул барона с девизом «Без лести предан». Так как Аракчеев займет важное место в истории России на протяжении трех десятилетий, имеет смысл познакомиться с ним поближе. В год вступления Павла на престол ему было двадцать семь лет. Он происходил из бедной дворянской семьи. Его отцом был отставной поручик гвардии, владевший двумя десятками душ в Бежецком уезде Тверской губернии. Грамоте молодого Аракчеева за 24 пуда зерна в год учил сельский дьячок. Мальчик был смышлен, упорен, педантичен, строг к себе и, обучившись чтению, письму и четырем правилам арифметики, серьезно занялся самообразованием и в тринадцать лет успешно сдал экзамены в Петербургский артиллерийский и инженерный кадетский корпус.

Еще более развив силу воли, серьезность и трудолюбие, Аракчеев уже в пятнадцать лет стал помогать преподавателям корпуса в обучении отстающих кадет.

В апреле 1787 года директор корпуса генерал-майор П.И.Мелиссино — соратник Потемкина и Суворова — издал уникальный приказ, которым семнадцатилетнему Аракчееву разрешалось посещать занятия, когда ему будет угодно. «Вы сами себе составите план наук и будете одной совести вашей отдавать в оном отчет», — значилось в приказе, подписанном не как обычно, а совсем по-домашнему: «Ваш верный друг Петр Мелиссино».

По окончании корпуса Аракчеев был оставлен преподавателем математики и артиллерии, а потом рекомендован в артиллерийскую роту в Гатчину и уже через месяц за служебное рвение, дисциплинированность, аккуратность и отличное знание дела стал ежедневно обедать за одним столом с Павлом. Вскоре он стал и гатчинским военным губернатором, превратив войско цесаревича в безукоризненно отлаженный механизм.

В июне 1796 года по особому ходатайству Павла Екатерина произвела Аракчеева в полковники.

К этому времени относится следующая характеристика Аракчеева, принадлежащая перу уже знакомого нам Н.А.Саблукова: «По наружности Аракчеев походил на большую обезьяну в мундире. Он был высокого роста, худощав и мускулист,

с виду сутуловат, с длинной тонкой шеей. Уши у него были мясистые, большие, толстая, безобразная голова всегда склонена на бок — цвет лица был у него земляной, щеки впалые, нос широкий и угловатый, ноздри раздутые, большой рот и нависший лоб. Глаза у него были впалые и серые, и вся физиономия его представляла страшную смесь ума и злости... Благодаря своему уму, строгости и неутомимой деятельности Аракчеев сделался самым необходимым человеком в гарнизоне, страшилищем всех живущих в Гатчине и приобрел неограниченное доверие великого князя. Он был искренно предан Павлу, чрезвычайно усерден к службе и заботился о личной безопасности императора. У него был большой организаторский талант, и во всякое дело он вносил строгий метод и порядок, которые он старался поддерживать строгостью, доходившей до тиранства».⁹

Особенно пышно расцвело тиранство Аракчеева, когда он был назначен заведующим квартирмейстерской частью, то есть Генеральным штабом. Он заставлял офицеров по десять часов в сутки заниматься бесполезной и бессмысленной работой по черчению никому не нужных планов, при малейшем, ничтожнейшем поводе осыпая их бранью, а то и отпуская пощечины.

Из-за этих недопустимых резкостей благополучная карьера Аракчеева неожиданно дала сбой. Случилось это из-за того, что во время смотра Преображенского полка Аракчеев за плохую выправку побил тростью нескольких преображенцев, а подполковника Лена обложил в присутствии его товарищей площадной бранью.

Гордый офицер не произнес в ответ ни слова, но, возвратившись домой, написал Аракчееву гневное, полное сдержанного достоинства письмо, после чего пустил себе пулю в висок.

Павел знал Лена, рекомендованного ему П.А.Румянцевым, и Аракчеев был 1 февраля 1798 года отправлен сначала в отпуск по болезни, а затем отставлен от службы. В мае того же года он был возвращен в строй, но в октябре 1799 года отставлен снова.

Обе отставки не стали для Аракчеева концом карьеры, а вот для Павла первая отставка сыграла роковую роль. Дело в том, что после этого пост Петербургского военного губернатора занял пятидесятилетний кавалерийский генерал Петр Алексеевич фон дер Пален, занимавший перед тем должность Курляндского генерал-губернатора. И именно Пален потом занял руководящее место в заговоре против Павла.

Остзейский барон фон дер Пален с пятнадцати лет служил в Конингвардейском полку, участвовал в двух русско-турецких войнах и во множестве боев проявил незаурядное мужество. Его смелость и невозмутимость, умение сохранять совершеннейшее спокойствие в критических ситуациях стали общепризнанными, а самого его считали одним из храбрейших генералов русской армии.

При его назначении на пост военного губернатора Петербурга немалую роль сыграл расклад дворцовых сил, тот своеобразный пасьянс интриг и протекций, без которого не обошлось ни одно из новых назначений на высокую должность. Первую скрипку, как утверждали, играла при этом Шарлотта Карловна Ливен, с давних пор опекавшая свою добрую знакомую и дальнюю родственницу баронессу Юлиану Шеппинг.

Юлиана появилась при дворе в ранге статс-дамы в свите жены Александра Елизаветы Алексеевны. А когда это случилось, барон фон дер Пален уже был ее мужем, и, таким образом, несокрушимый дамский альянс Шарлотты Карловны и Елизаветы Алексеевны проложил дорогу курляндскому губернатору в Петербург.

Всезнающий А.М.Тургенев, отлично разбиравшийся в матримониальных хитросплетениях высшего света, писал, что баронесса Шеппинг была второй женой Палена. Что же касается его первой жены, то Тургенев сообщил следующее: «Урожденная Энгельгард, племянница князя Потемкина и наложница его, была выдана замуж за полусгнившего графа Павла Скавронского, с которым, якобы, прижила двух дочерей. На самом же деле — так во всяком случае считали почти все современники — девочки эти были дочерьми Потемкина. Старшая из них, по повелению Павла, выдана была за князя Петра Ивановича Багратиона по возвращении его из Итальянского похода с Суворовым, а младшая — за графа Палена, с которым вскоре разошлась».¹⁰ То, что Пален разошелся с фактической дочерью Потемкина не могло не импонировать Павлу, ненавидевшему Светлейшего даже после его смерти. Вторая же жена Палена — Юлиана Шеппинг — была креатурой Ш.К.Ливен, воспитательницы дочерей императора и статс-дамы императрицы, что, напротив, должно было понравиться Павлу.

Современник Павла немецкий писатель Август Коцебу так характеризовал барона Палена: «При высоком росте, крепком телосложении, открытом, дружелюбном выражении лица, он от природы был одарен умом быстрым и легко объемлющем все предметы. Эти качества соединены были в нем с душою благородною, презирающею всякие мелочи. Его обхо-

ждение было сурово, но без жестокости. Всегда казалось, что он говорит то, что думает, выражений он не выбирал. Он самым верным образом представлял собою то, что немцы называют «рубака». Он охотно делал добро, охотно смягчал, когда мог, строгие повеления государя, но делал это исходя из собственных интересов, сохраняя вид будто исполнял их безжалостно, когда иначе не мог поступать, что случалось довольно часто.

Почести и звания, которыми государь его осыпал, доставили ему, весьма естественно, горьких завистников, которые следили за каждым его шагом и всегда готовы были его ниспровергнуть (Пален кроме поста петербургского военного губернатора занимал должность в Коллегии иностранных дел и весьма много значивший при дворе Павла пост канцлера Мальтийского ордена, великим магистром которого был сам Павел — Примеч.авт.) Часто приходилось ему отвращать бурю от своей головы и ничего не было необычайного в том, что в иные недели часовые по два раза то приставлялись к его дверям, то отнимались. Оттого он должен был всегда быть насто-роже...»¹¹

Настороже были и другие сановники и генералы, ибо Павел все чаще впадал в приступы гнева и изгонял из обеих столиц, с министерских и генеральских постов, лишая званий, наград, имущества и чести. Павел поднял руку и на личное достоинство офицеров-дворян: в мае 1800 года штабс-капитан Кирпичников его приказом был разжалован в рядовые и после этого прогнан сквозь солдатский строй, получив тысячу шпирцутенов. Это означало, что отныне ни один офицер не мог считать себя в безопасности. Не только его честь могла быть унижена, но в опасности оказалась и сама жизнь, ибо тысячу ударов палками мог вынести далеко не каждый.

Н.М.Карамзин писал, что «награда утратила свою прелесть, наказание — сопряженный с ним стыд», ибо достойные люди изгонялись из службы, а ничтожества столь же внезапно возвышались. Несправедливой раздачей чинов и наград, немотивированными разжалованиями и изгнаниями Павел озлобил против себя гвардию, генералитет и сановничество.

Павел покусился на права дворянского сословия в целом, торжественно дарованные в 1762 году его отцом в манифесте «О вольности дворянской» и подтвержденные в 1785 году Екатериной II «Грамотой на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства».

Павел презрел право, вольности и привилегии тех, кто должен был составлять его опору и силу. Он запретил губернские дворянские собрания, отменил право избрания дворян-

ских заседателей в уездные и губернские собрания и тем нанес оскорбление своим чиновникам и офицерам, уже полтора десятилетия почитавших себя вольными людьми, свободными от самодержавного произвола.

Павел унижал Сенат, никогда не бывал в нем, а его Общее собрание называл «овчим собранием», чем восставил против себя и многих сенаторов, гордившихся тем, что были они сленами Сената — Высокого и Правительствующего.

Не меньшим тираном и сумасбродом выглядел он и среди самых близких и родных ему людей. Александр и Константин боялись лишний раз попасть ему на глаза, а увидев отца, бледнели и трепетали. Даже тихая, добрая и ласковая невестка его, Елизавета Алексеевна, возненавидела своего тестя и мечтала о его свержении.

4 августа 1797 года она писала своей матери: «Я, как и многие, ручаюсь головой, что часть войск имеет что-то на уме или что они, по крайней мере, надеялись получить возможность, собравшись, что-либо устроить. О! Если бы кто-нибудь стоял во главе их! О, мама, в самом деле, он — тиран!»¹²

А за полтора месяца перед тем она же писала матери: «Правда, мама, этот человек мне противен, даже когда о нем только говорят... Представьте себе, мама, он велел однажды бить офицера, наблюдающего за припасами на императорской кухне, потому что вареная говядина за обедом была нехороша. Он приказал бить его у себя на глазах, и еще выбрал палку потолще... Вот образчик всяких мелких историй, происходящих ежедневно. Впрочем, ему безразлично, любят ли его, лишь бы его боялись. Он это сам сказал».¹³

Опасаясь революции, бунта, очередного дворцового переворота, Павел велел выстроить дворец-крепость, где он мог бы чувствовать себя в безопасности, и по недолгому размышлению поручил составить проект талантливому архитектору Василию Ивановичу Баженову, а строительство доверил другому известному зодчему — итальянцу Винченце Бренне.

НОВЕЛЛА ДЕВЯНОСТО ПЯТАЯ

Анна Петровна Лопухина

Замок, названный Михайловским, был заложен на месте старого Летнего дворца 26 февраля 1797 года перед отъездом Павла на коронацию. Уже само время начала строительства говорило о необычайной поспешности в осуществлении задуманного предприятия: в конце зимы на Руси никогда не начинали строительства, относя закладку фундамента на конец весны — начало лета. Замок строили без передышки три с по-

ловиной года, освятив в ноябре 1800 года. В общем плане он представлял собой квадрат, внутри которого находился восьмиугольный двор. С внешней стороны размещались караульные помещения, каменные брустверы, наполненные водой рвы и пять мостов, два из которых были подъемными. Сложенный из дикого камня и серого гранита замок более походил на крепость, чем на дворец.

Когда строительство только началось, Мария Федоровна почувствовала, что она вновь — в десятый раз — беременна. Поскольку Павел еще раньше решил назвать замок Михайловским, а беременность жены пришлось на разгар строительства, то и новорожденного сына он назвал Михаилом.

Роды были очень трудными, хотя специально для этого случая был приглашен берлинский профессор-акушер Мекель. «Этот господин, — писала графиня Головина, — подкупленный, вероятно, теми, кто желал подорвать кредит императрицы и Нелидовой — именно Кутайсовым, объявил государю, что он не отвечает за жизнь императрицы в случае еще одних родов. Это послужило источником всевозможных интриг, происходивших в течение года.»¹⁴

Не трудно догадаться, что Павел перестал делить супружеское ложе с Марией Федоровной, не желая ставить под угрозу ее жизнь новой беременностью, а в связи с этим в его окружении строились различные планы по подысканию ему фаворитки.

Однако, пока Кутайсов и Безбородко приглядывались то к одной, то к другой кандидатке, император не терял времени даром.

Князь Адам Чарторижский писал в своих мемуарах, что «однажды в Петергофе Павел, увлеченный тогда любовными ухаживаниями, встретил моего брата (Константина) в аллее петергофского сада, которая вела к одному из павильонов, занятому графиней Шуваловой, обер-гофмейстериной великой княгини Елизаветы. Император взял его за плечи, повернул и велел удалиться, прибавив: «этот попугай не для вас, возвращайтесь туда, откуда пришли». Оказалось, что у графини была очень красивая горничная».¹⁵

Были у императора и другие случайные связи, пока, наконец, 5 мая 1798 года он с сыновьями Александром и Константином ни поехал в Москву и Казань. В Москве их приняли очень радушно, и расчувствовавшийся Павел уверовал, что москвичи его истинные друзья и что именно в Москве ждет его счастье. Меж тем Кутайсов, Ростопчин и Безбородко решили отодвинуть императрицу и Нелидову, выступавших против их альянса, и представить Павлу свою креатуру.

Еще в дни коронационных торжеств Кутайсов и Безбородко обратили внимание Павла на девятнадцатилетнюю Анну Лопухину — дочь московского сенатора Петра Васильевича Лопухина. И вот состоялась новая встреча Павла и юной Лопухиной. Она произошла на балу, который давал император в Лефортовском дворце во время грандиозных маневров, в которых участвовало 100000 войск.

А.М. Тургенев, участвовавший в маневрах и присутствовавший на том балу, писал: «Иван Павлович Кутайсов, близкий человек, поверенный во всех тайных делах и советник, начавший служение брадобреем и кончивший поприще служения обер-штабмейстером — чин действительного тайного советника — с титулом графского достоинства, с орденом Андрея Первозванного, был послан негоциатором и полномочным министром трактовать инициативно с супругою Петра Васильевича, а мачехою Анны Петровны, о приглашении Лопухина с его фамилиею в Санкт-Петербург. Негоциация продолжалась во все время маневров и прелиминарные пункты были не прежде подписаны, как за несколько минут до отъезда его величества в Казань.

В минуты переговоров, до изъявления согласия, для Петра Васильевича Лопухина были приготовлены две участи: при согласии — возведение в княжеское достоинство, с титулом светлости, и миллионное богатство; при отказе — опала и путешествие в пределы Восточной Сибири ловить соболей.

В день отъезда Павла Петровича в Казань экипаж его и всей его свиты стоял у крыльца; государь ожидал негоциатора с ультиматумом — да или нет. Весь генералитет и все штаб- и обер-офицеры московского гарнизона толпились у подъезда. Я, пользуясь званием адъютанта фельдмаршала и качеством исправляющего должность бригад-майора при его величестве, стоял на высшей площадке крыльца; на этой же площадке ходил человек небольшого роста, портфель под мышкою, погруженный в глубокую задумчивость, глаза сверкали у него, как у волка в ночное время, — это был статс-секретарь его величества Петр Алексеевич Обресков; он сопутствовал государю и должен был сидеть в карете возле царя и докладывать его величеству дела, в производстве состоящие. Ответ Лопухиных тревожил состояние души Обрескова: ну, если негоциатор привезет не да, а нет! Тогда докладывать дела Павлу Петровичу, влюбленному страстно и прогневанному отказом, было идти по ножевому лезвию. Все знали, что с разгневанным Павлом Петровичем встречаться было страшно.

Минут через десять скачет карета во всю конскую прыть: остановился экипаж, вышел из кареты Иван Павлович Кутай-

сов, вбежал на лестницу и с восхищением, громко, сказал Обрескову: «Все уладил, наша взяла», и поспешил обрадовать приятною вестью. Через четверть часа Павел Петрович шествовал к экипажу в сопровождении фельдмаршала. Пред тем, как сесть в карету, обнял графа Салтыкова и сказал:

— Иван Петрович! Я, сударь, совершенно вами доволен; благодарю вас и никогда не забуду вашей службы и усердия. Благодарю генералов, штаб- и обер-офицеров за их старание: я считаю большою честью командовать столь превосходною армиею.

Сел в карету, за государем влез в экипаж Обресков и по-скакали...»¹⁶

Граф Ф. В. Ростопчин рассказывал в своих «Записках» о Лопухине, что тот, выйдя в отставку в чине полковника, был очень беден и женился где-то в провинции на довольно богатой наследнице.

В 1775 году, когда Екатерина приехала в Москву по случаю подписания Кючук-Кайнарджийского мира, обер-полицмейстер Архаров представил ей своего друга Лопухина, похвалив его трудолюбие, ум и расторопность. Екатерина снова вернула его в службу и назначила обер-полицмейстером в Петербург. Получив здесь чин генерал-майора, Лопухин был отправлен в Москву гражданским губернатором, а после того, как стал генерал-лейтенантом, получил место Ярославского и Вологодского генерал-губернатора, оставаясь на этом посту до восшествия на престол Павла.

Когда Павел устранил генерал-губернаторские должности, стараниями Безбородко, бывшего любовником жены Лопухина, Петр Васильевич стал московским сенатором и во время коронации получил орден Александра Невского. И вот новая милость стараниями тех же Безбородко и Кутайсова.

Семья Лопухиных жила в Москве, на Тверской улице. Как только был оглашен указ о переводе Лопухина в Санкт-Петербург, вся московская знать поспешила к нему с изъявлениями сердечнейшей дружбы и преданности. Не забыли и пристрастий Екатерины Николаевны Лопухиной — известной своей великой набожностью: в дом Лопухиных понесли многие знаменитые московские иконы — Иверскую, Всех скорбящих радости, Утоли моя печали, Взыскания погибших и иные. В доме с утра до вечера служили напутственные молебны, святили воду и окропляли императорскую избранницу — юную Анну Петровну. Песколько раз ее клали на пол и через нее переносили чудотворные иконы.

Наконец все было готово к отъезду, как вдруг Екатерина Николаевна заявила, что она поедет в Петербург только в том

случае, если с ее семьей поедет и друг их дома подполковник Екатеринославского кирасирского полка Федор Петрович Уваров.

Почти ни для кого, в том числе и для мужа Екатерины Николаевны, не было секретом, что бравый кирасир находится на содержании у жены сенатора и это обходилось ей в 2000 ассигнациями в год.

А.М.Тургенев, служивший вместе с Уваровым, хорошо знал и начало и продолжение семейной истории Лопухиных. Он писал: «Федор Петрович Уваров был довольно глупый человек. Счастлием его по службе обязан он не достоинствами своими, но широкоплечию своему, крепости мышц своих и крайней бедности своей. Супруга князя Петра Васильевича Лопухина искала себе ближнего человека; никто из нас на предложения ее не согласился. За товарищем моим Брокком и за мною Катерина Николаевна волочилась безо всяких околичностей. Уваров кинулся в этот омут и выплыл из него, укорашенный и возвышенный». ¹⁷

Однако Уварову пришлось все-таки остаться в Москве — без приказа он не посмел покинуть полк. Поэтому мачеха и падчерица отбыли в Петербург вдвоем. Их маршрут был продуман таким образом, что Лопухины приехали в Петербург за день до возвращения из Казани Павла.

А еще через два дня подполковник Уваров был произведен в полковники и назначен в лейб-гвардии Конный полк. Тут же Екатерина Николаевна перевела Уварову тысячу рублей ассигнациями, и он — впервые в жизни — поехал из одной столицы в другую не на перекладной телеге рядом с кучером, а в коляске.

Императрица и Нелидова встретили Павла в Тихвине и дальше поехали в одной карете, не замечая в нем никаких перемен. Но вскоре Павел посвятил их в свои планы относительно Лопухиной, как и своего старшего сына. Императрица не нашла ничего лучшего, как написать Лопухиной угрожающее письмо, которое, конечно же, вскрыли, прочли и передали Павлу. Он збеленился сильнее обычного и выгнал из-за обеденного стола императрицу, вместе с которой ушла и Нелидова.

Анна Петровна Лопухина буквально околдовала сентиментального, порывистого, чувствительного Павла. И чем сердечнее относился Павел к своей фаворитке, тем холоднее становились его чувства к Нелидовой и Марии Федоровне. Дело кончилось тем, что по приказу Павла из Петербурга была выслана подруга Нелидовой графиня Буксгевден. Тогда Нелидова, в знак солидарности с ней, протестуя таким обра-

зом против действий Павла, 5 сентября уехала в замок Буксгевденов Лоде, в Эстляндии. А буквально на следующий день Анна Петровна Лопухина была назначена камер-фрейлиной, а ее мачеха — статс-дамой. Тогда же и отец семейства П. В. Лопухин был произведен в действительные тайные советники, а месяцем раньше назначен генерал-прокурором Сената — высшим правительственным чиновником империи, наблюдавшим за законностью деятельности всего государственного аппарата. Он сместил князя А. Б. Куракина, одного из довереннейших людей Нелидовой, занимавшего этот пост с первого дня царствования Павла.

3 октября Анна Петровна была на первом придворном балу и осталась во дворце ужинать, после чего балы и ужины стали обычным для нее времяпрепровождением.

Следует заметить, что Павел испытал заметное облегчение после того, как Нелидова уехала из Петербурга. Она была далеко не столь «неземной», как старалась казаться окружающим. Порой между Павлом и Нелидовой происходили сцены, подобные тем, что случались у Петра III с Елизаветой Воронцовой.

Очевидцем одной из них оказался полковник Николай Александрович Саблуков, бывший дежурным офицером в Гатчинском дворце. «Около самой офицерской караульной комнаты, — писал Саблуков — была обширная прихожая, в которой стоял караул... Вдруг я услышал крик часового: «На караул!», выбежал из моей комнаты, и едва солдаты успели схватить ружья, а я — обнажить шпагу, как дверь коридора отворилась настежь, а император, в башмаках и шелковых чулках, при шляпе и шпаге, поспешно вышел в комнату, и в ту же минуту дамский башмак, с очень высоким каблуком, полетел через голову его величества, чуть-чуть ее не задевши. Император через мою комнату прошел в свой кабинет, а из коридора вышла Екатерина Ивановна Нелидова, спокойно подняла свой башмак, надела его и вернулась туда же, откуда пришла. На следующий день, когда я снимал караул, его величество подошел и шепнул мне: «Мой дорогой, у нас вчера была ссора».¹⁸

Даже если подобные сцены случались и не так часто, все равно у Павла имелись основания радоваться тому, что Нелидова хотя бы на время оставила его в покое.

А Нелидова прожила в замке Лоде почти полтора года и в январе 1800 года возвратилась в Петербург в экипаже, присланном Павлом. Она вновь поселилась в Смольном, куда к ней часто приезжала Мария Федоровна, но Павел не появлялся там ни разу.

За те полтора года, что Нелидова провела в Эстляндии, произошло множество событий. 19 января 1799 года отец Анны Лопухиной получил титул князя. Еще через месяц он стал светлейшим князем с девизом на пожалованном ему гербе: «Благодать». Девиз говорил о истинных причинах необычайно стремительного возвышения Петра Васильевича, ибо на древнееврейском языке слово «благодать» звучало, как «Анна».

С этого времени награждение орденом Святой Анны, занимавшим прежде невысокое место в иерархии орденов, стало почти столь же престижным, как и любимым орденом императора — Иоанна Иерусалимского. Придворные карьеристы мечтали стать кавалерами ордена Святой Анны, особенно же желали стать обладателями знака 1-го класса и полагавшейся к нему красной лентой с желтой каймой.

Одним из таких соискателей оказался и Ф.П.Уваров. Задумав получить орден, он решительно пристал с этим к светлейшей княгине Екатерине Николаевне Лопухиной. Однако в ту пору она была в ссоре с падчерицей и не смогла уважить своего любовника. Тогда Уваров, после грубого и неприличного скандала, порвал с ней. Екатерину Николаевну это повергло в уныние, и она решила покончить с собой и приняла мышьяк.

Павел, услышав, что мачеха его фаворитки при смерти, послал к ней своего лейб-медика, сказав, что если княгиня умрет, то тот будет повешен. Княгиню удалось спасти, а Анна Лопухина поведала Павлу причину попытки покушения мачехи на самоубийство.

И, как в старой доброй сказке, последовал счастливый финал: Федор Петрович Уваров получил вождеденный орден.

Роман Павла с Лопухиной вскоре приобрел новое развитие. Павел заподозрил, что его фаворитка испытывает нежные чувства к одному из его флигель-адъютантов, восемнадцатилетнему графу Александру Ивановичу Рибопьеру, и предложил ей выйти за него замуж. Однако Анна Петровна наотрез отказалась от замужества. Тогда Павел произвел молодого красавца в действительные камергеры и назначил сотрудником русской миссии в Вене сверх штата, что позволяло Рибопьеру вести светскую жизнь, наполненную утонченными удовольствиями и разнообразными развлечениями.

Тем не менее Павла не оставила мысль выдать Анну Петровну замуж, и вскоре произошел следующий случай: Павел всегда читал ей публиковавшиеся в газетах списки убитых и раненых русских офицеров в боевых действиях против французов в Италии. Среди раненых встретилась фамилия князя

Павла Гавриловича Гагарина. Как только Лопухина услышала это имя, она заволновалась и побледнела. Это не укрылось от Павла, и он поинтересовался: «В чем дело?» Лопухина сказала, что князь — ее друг детства и, более того, ее жених. Она скрыла, что, в действительности, накануне отъезда Павла Гагарина в Италию они тайно обвенчались.¹⁹

В тот же день А. В. Суворову в Италию было послано высочайшее повеление прислать Гагарина в Петербург, и 25 ноября он появился в столице с ключами от крепости Турин, за что немедленно был пожалован в генерал-адъютанты и оставлен в Петербурге для венчания с Анной Петровной.

Венчание состоялось 9 февраля 1800 года, и Павел приказал, чтобы свадебные торжества проходили в Зимнем дворце в его присутствии. На следующий день княгиня Гагарина была переименована из фрейлин в статс-даму, и ее влияние на Павла и положение при дворе осталось прежним.

Забегая вперед, скажем, что семейная жизнь княгини Гагариной оказалась не из счастливых. Она родила дочь, вскоре умершую, а сама прожила после свадьбы всего пять лет, скончавшись от чахотки 25 апреля 1805 года.

НОВЕЛЛА ДЕВЯНОСТО ШЕСТАЯ

Великий магистр Мальтийского ордена

Теперь остановимся на внешнеполитических акциях правительства Павла. От прошлого царствования он получил в наследство ненависть к революционной Франции и соперничество с могущественнейшей страной мира — Англией. Соответственно этому раскладу налицо оказалось противоборство двух партий — проанглийской, во главе которой стоял Семен Романович Воронцов, и профранцузской, возглавляемой канцлером графом Александром Андреевичем Безбородко. Первое время Павел не давал преимущества ни той, ни другой партии, ибо курс его был изменчив и непоследователен.

Относительное равновесие продолжалось до тех пор, пока Павел ни принял под свое покровительство рыцарский Мальтийский орден, приняв вместе с орденом и сан его Великого магистра и возложив на себя гроссмейстерские регалии. Павлу импонировала просьба мальтийских рыцарей, называвшихся также иоаннитами, возглавить их орден. Ему нравилось все, что касалось средних веков, рыцарственности и таинств обрядов замкнутых мистических обществ. Мальтийских рыцарей называли также госпитальерами, так как их орден возник в 1070 году при госпитале Святого Иоанна в целях покровительства паломникам, предпринимавшим путешествия в Святую землю.

В 1530 году иоанниты перебрались из Иерусалима на остров Мальта и вот уже два с половиной века располагались за неприступными стенами своего замка Ла-Валетта. Однако в 1798 году Наполеон Бонапарт по пути в Египет захватил Мальту, что и побудило рыцарей отдаться под покровительство русского императора. Как только члены орденового капитула доставили в Петербург корону и регалии Великого магистра и коленопреклоненно вручили их своему новому сюзерену, Павел приказал немедленно известить о том россиян и добавить новый титул ко всем прочим.

На новый, 1799 год Павел появился перед потрясенными придворными не в императорском облачении, а в железной короне Великого магистра Мальтийского ордена, в средневековом кафтане без рукавов, так называемом супервесте, в красной отороченной горностаем мантии с большим белым крестом, и с золотой орденовой цепью Святого Иоанна Иерусалимского. Тогда же в иерархию орденов Российской империи был введен и орден Иоанна Иерусалимского, просуществовавший до 1817 года.

Сколь бы бутафорской не казалась вся эта история, но она создавала еще один узел во внешней политике России, ибо, приняв покровительство над мальтийскими изгнанниками и став их защитником, Павел бросал вызов Франции. Теперь Россия присоединялась ко второй антифранцузской коалиции, куда входили Англия, Австрия, Неаполитанское королевство и Турция. А это повлекло за собою вступление России в войну против Франции.

По намеченному союзниками плану в Италию направился 33-х тысячный корпус Суворова, а в Швейцарию 27-тысячный корпус Римского-Корсакова. Эти войска шли на помощь 86-тысячной австрийской армии под командованием фельдмаршала Михаила Меласа, храброго и многоопытного военачальника.

В конце февраля 1799 года Суворов выехал из Петербурга в Италию и 4 апреля, находясь в Валеджо (Северная Италия), принял командование и выступил в знаменитый Итальянский поход, чтобы возглавить объединенную 146-тысячную русско-австрийскую армию.

Через две недели после отъезда Суворова из Петербурга вслед за ним отправился цесаревич Константин Павлович, вместе с ним уехал и пятнадцатилетний сын Суворова Аркадий. 12 марта, на следующий день после отъезда цесаревича, к своим родителям в Кобург уехала его жена Анна Федоровна.

Великий князь получил боевое крещение 27 апреля 1799 года при перестрелке, возникшей у городка Валенца. Он про-

явил себя в боях запальчивым и смелым офицером, но, злоупотребляя своим саном, пытался вмешиваться в распоряжения старших начальников, что нередко приводило к плачевным результатам. Так, однажды генерал Розенберг, обвиненный Константином в трусости, бросился в бессмысленную гибельную атаку, из-за чего русские проиграли сражение при Бассиньяно.

Розенберг скрыл это обстоятельство от Суворова, но фельдмаршал узнал о случившемся и призвал цесаревича для объяснений. После беседы наедине Константин вышел заплаканным. Затем Суворов вызвал свитских офицеров и генералов и пригрозил им военным судом и Сибирью. Урок пошел впрок — цесаревич и его приближенные более не допускали своеволия и в походе по Италии и Швейцарии проявили себя дисциплинированными и храбрыми солдатами.

Константин отличился в боях при Треббии и Нови. Самообладание и мужество проявил он и во время шестнадцатидневного перехода через Альпы, заслужив похвалу Суворова.

Когда «русский штык прорвался сквозь Альпы» и армия была уже в безопасности, Константин поехал в Кобург к своей жене. 27 ноября 1799 года супруги возвратились в Петербург, где Константина встретили как героя. Однако вскоре все переменилось: Константин неодобрительно отозвался о форме русских войск, затруднявшую походную и боевую жизнь солдат, и был отослан с глаз долой в Царское Село.

Пока Суворов покрывал себя неувядаемой славой в Италии и Швейцарии, другой 17-тысячный русский экспедиционный корпус бесславно пытался сокрушить Батавскую республику, образованную на территории Голландии после вступления туда французских войск в 1795 году.

18 декабря 1798 года Россия подписала с Англией союзный трактат о борьбе с революционной Францией, а затем к этому союзу примкнули шведы и союзники направили в Голландию экспедиционный корпус в 38000 человек.

Этот интернациональный поход был организован из рук вон плохо, и французские генералы стали бить союзников одного за другим.

8 сентября 1799 года в бою под Бергеном русские войска потерпели поражение, а командующий генерал-лейтенант И.И.Герман попал в числе многих других в плен.

29 октября Ростопчин писал Суворову, возвращавшемуся из Швейцарского похода в Россию: «Какое постыдное поведение войск наших в Голландии! В первом деле бросились грабить, оставили генералов, и оттого разбиты в другом. Не хотели идти; полк лег на землю. О, проклятые! Генерал-майор

Арбенов, штаб-офицер и еще три офицера бежали, и море их одно могло остановить за сорок верст. Арбенов исключен, а те ошельмованы». ²⁰

Остатки русских войск были вывезены в Англию, где их ждала холодная и голодная зима, так как союзники-англичане снабжали их гораздо хуже, чем взятых в плен противников-французов.

Последнее обстоятельство потом сыграло свою роль — эмоциональный и непредсказуемый Павел, желая отомстить неверным союзникам, столь недружелюбно отнесшимся к его армии, резко повернул руль своей внешней политики и из недавнего союзника Англии превратился в решительного и последовательного ее врага. Однако такой поворот событий ударил и по самому Павлу — его противники приняли контрмеры и форсировали организацию заговора против императора.

НОВЕЛЛА ДЕВЯНОСТО СЕДЬМАЯ

Семейные дела цесаревича

А теперь возвратимся к семейным перипетиям великого князя Александра Павловича и его молодой жены.

18 мая 1799 года Елизавета Алексеевна родила свою первую дочь — Марию. Однако девочка прожила всего год и два месяца, заболев воспалением мозга.

Историк Г.И.Чулков писал об отношениях Елизаветы Алексеевны и Александра в ту пору: «Но была одна красавица, которая осталась равнодушной к чарам Александра. Это была его собственная жена, прелестная Елизавета Алексеевна. Правда, будучи невестой, и она пленилась юным великим князем, но ее романтическая мечта быстро сменилась чувством хотя и нежным, но вовсе не страстным и, главное, лишенным того любовного преклонения, без которого нет счастливого брака. Александр чувствовал это. Сердце его было уязвлено навсегда. Он чувствовал, что какой-нибудь Платон Зубов, ухаживания которого, конечно, оскорбляли юную принцессу, все-таки в ее глазах был более мужчина, чем Александр. ее собственный семнадцатилетний муж, еще склонный к отороческим забавам и не сознающий своей ответственности, как глава дома...» ²¹

Однако не имевшими никаких последствий ухаживания Платона Зубова остались в прежнем царствовании, а в новом рядом с Елизаветой Алексеевной возник более опасный соперник, совершенно неожиданный для Александра, — Адам Чарторижский.

«Когда Александр заметил, что его друг Адам Чарторижский тоже влюблен в Елизавету, — писал Чулков, — он понял, что, сохранит или не сохранит свою супружескую верность его голубоглазая подруга, все равно этот изящный и страстный поляк в ее глазах будет рыцарем. Чарторижскому было тогда двадцать четыре года. У него было романтическое прошлое. Он был образован, писал стихи, успел пожить в Европе. Все это внушало юной великой княгине не только любопытство... Рассказывали, что, когда у Елизаветы родилась девочка и ее показали Павлу, последний сказал статс-даме Ливен: «Сударыня, возможно ли, чтобы у мужа блондина и жены блондинки родился черненький младенец?» На что статс-дама ответила весьма находчиво: «Государь! Бог всемогущ!»²²

Следует заметить, что Адам Чарторижский был брюнетом, а Александр и Елизавета и вся их немецкая родня — блондинами.

Как бы то ни было, но официальный историограф и биограф императоров Павла I, Александра I и Николая I, профессор Н.К.Шильдер, прекрасно знавший множество материалов, но не имевший возможности называть вещи своими именами, писал, что после того, как родилась великая княжна Мария Александровна, отношения императрицы Марии Федоровны к великой княгине Елизавете Алексеевне еще более обострились, а письма на имя великой княгини велено было перлюстрировать. Легко было недоброжелателям Елизаветы Алексеевны, пользуясь этими обстоятельствами, возбудить в уме Павла подозрение против невестки и поселить путем клеветы раздор в семье.

12 августа 1799 года граф Ростопчин в дневнике словесных приказаний пишет: «Гофмейстера князя Чарторижского послать министром к королю Сардинскому». 17 августа Ростопчин продолжает: «Отправить немедленно к его месту тайного советника Чарторижского».²³

23 августа 1799 года Чарторижский выехал из Петербурга в Италию отыскивать короля Сардинии, которого изгнали французы. Чарторижский не мог уехать не простившись с Александром. «Великий князь, — вспоминал Чарторижский, — выразил мне свое огорчение по поводу моего отъезда. Он ближе узнал уже действительную жизнь, и она начала производить на него свое действие. Великий князь не мог совершенно противиться окружающим его примерам и так же искал развлечения в ухаживаниях за дамами, пользовавшимися наибольшим успехом в данную минуту».²⁴

НОВЕЛЛА ДЕВЯНОСТО ВОСЬМАЯ

Заговорщики

В день архистратига Михаила 8 ноября 1800 года было совершено торжественное освящение Михайловского замка. В десятом часу утра от Зимнего дворца к Михайловскому замку под грохот пушек двинулось парадное шествие мимо расставленных шпалерами войск. После молебна, отслуженного в домово́й церкви замка, и осмотра внутренних покоев состоялся обед, на котором присутствовало всего восемь человек: Павел и Мария Федоровна, великая княжна Мария Павловна, генералы П.А.Пален и М.И.Кутузов и трое царедворцев — Кутайсов, Строганов и Нарышкин.

Они сидели в сыром и холодном зале, который не могло согреть пламя каминов, непрерывно горевшее уже несколько суток.

Когда по приказу Павла писатель Август Коцебу посетил в 1801 году Михайловский замок, чтобы описать его, он заметил, в частности, что «повсюду видны были следы разрушающей сырости, и в зале, в которой висели большие исторические картины, я видел своими глазами, несмотря на постоянный огонь, поддерживаемый в двух комнатах, полосы льда в дюйм толщиной и шириной в несколько ладоней, тянувшихся сверху до низу по углам. В комнатах императора и императрицы сырость до некоторой степени была устранена тем, что стены были обиты деревом; но все остальные терпели жестоко».²⁵

Описывая Михайловский замок, Коцебу упомянул и о надписи, шедшей по фризу и исполненной бронзовыми буквами: «Дому твоему подобает святыня Господня въ долготу дней». Букв в надписи было 47. «Долгота дней» хозяина замка — императора Павла — тоже равнялась 47 годам...

Михайловский замок напоминал огромный лабиринт, и нужно было прожить в нем не менее месяца, чтобы хоть немного привыкнуть к его очень сложной архитектонике. Множество темных переходов, потайных лестниц, замаскированных дверей было сделано в замке для того, чтобы ускользнуть от заговорщиков и убийц, если они неожиданно появятся во внутренних покоях.

В спальне императора тоже была потайная дверь, позволявшая выйти на скрытую от посторонних глаз лестницу, ведущую в комнаты под спальней, одна из которых принадлежала любимице Павла княгине Гагариной, как мы помним, в девичестве Лопухиной.

Став замужней дамой, Анна Петровна частенько оставалась ночевать в своей тайной опочивальне Михайловского замка, и чем чаще это случалось, тем ее муж становился надменнее, все полнее ощущая собственное величие и значимость.

А пока Павел тешился любовными утехами, изгонял и возвращал в полки и канцелярии сотни чиновников и офицеров, преподавал солдатам фрунт и экзерцицию, тратил время на множество мелочей — от дворцового этикета до составления программ и сценариев свадеб и приема послов, — окружавшие его придворные ловили себя на мысли, что так долго продолжаться не может. Многие вельможи и сановники, испытывавшие чувство ответственности за судьбу России, задавались вопросом: «Доколе коронованный безумец будет безнаказанно играть судьбами многомиллионного народа?! И что же следует предпринять, чтобы сей губительный порядок вещей переиначить и спасти Россию от тирана?»

Вывод был один — дворцовый переворот и насильственное устранение императора от власти.

Во главе заговора оказался вице-канцлер Российской империи, генерал-майор и камергер, граф Никита Петрович Панин, племянник графа Никиты Ивановича Панина — ближайшего сподвижника Екатерины II и главного воспитателя Павла Петровича в бытность его цесаревичем.

Никита Петрович в юности был другом цесаревича Павла и его камер-юнкером. Однако их дружба расстроилась из-за того, что он не одобрял роман Павла с Нелидовой. Он защищал интересы Марии Федоровны, с которой его тоже связывали добрые отношения. В конфликт вмешалась Екатерина, взяв Панина под свое покровительство, назначив камергером своего двора и присвоив звание генерал-майора.

Как только Екатерина II умерла, Павел уволил Панина из армии и отправил послом в Берлин.

В 1799 году его вернули в Петербург и назначили вице-канцлером Коллегии иностранных дел. Панин был убежденным сторонником ограниченной монархии, которая опиралась бы не на народное представительство, а на просвещенную родовую аристократию. Постоянно придерживаясь проанглийской ориентации, Панин видел будущее России в сохранении монархии, когда бы русская палата лордов играла главную роль, а палата общин, находилась в подчиненном по отношению к первой палате положении.

Наблюдая развитие событий, Панин опасался как за судьбу династии, так и за судьбу дворянства, которое для него ассоциировалось с судьбой России. Панин считал, что если Па-

вел останется у власти, то можно ожидать революции или народного бунта, подобного Пугачевскому, и тогда не только падет правящая династия, но погибнет и все российское дворянство.

Итак, перед холодным, рассудочным вице-канцлером встал вопрос: можно ли, рискуя судьбой Отечества, терпеть на троне умалишенного, или же следует отстранить его от власти? Но он не мог исповедовать другой религии, кроме легитимности и верности монархии.

Он хотел лишь перемен на троне, но вовсе не был против династии. Более того, переворот для него был крайней мерой именно для спасения династии, ибо законных путей выхода из кризиса он не видел. Поэтому вице-канцлер сразу же решил вовлечь в заговор Александра, чье согласие на отстранение Павла могло развязать руки заговорщикам. Зная мягкий характер Александра и его нелюбовь к крайним мерам, Панин отбросил возможность убийства Павла, а решил, что достаточно будет объявить императора умалишенным, требующим опеки, и назначить над ним регента — Александра. Однако на это потребовалось бы согласие Сената, получить которое было нереально.

Ближайшим сподвижником Панина по заговору стал уже упоминавшийся в книге адмирал Иосиф де Рибас, который, находясь в Новороссии, сошелся с местным генерал-губернатором Платоном Александровичем Зубовым. Адмирал и бывший фаворит Екатерины II стали искренними друзьями.

После смерти Екатерины, де Рибаса обвинили в служебных злоупотреблениях и ему грозила ссылка в Сибирь, но его спас честный и неподкупный адмирал Н.С.Мордвинов, посланный во главе комиссии по расследованию дела де Рибаса. Комиссия не нашла никаких злоупотреблений, и вместо Сибири де Рибас оказался в Петербурге в должности члена Адмиралтейств-коллегии. Там-то он и сошелся через посредство братьев Зубовых с Н.П.Паниным. Третьим организатором заговора стал П.А. фон дер Пален, о котором уже шла речь.

Князь Адам Чарторижский, лучше других знавший подоплеку заговора, писал в своих воспоминаниях, что летом 1800 года Н.П.Панин тайно встретился с Александром в купальне и нарисовал перед ним картину бедствий России и ее печальное будущее, если Павел и дальше будет править страной.

Панин сказал, что для Александра судьба России должна быть важнее судьбы его сумасшедшего отца. Он подчеркнул, что жизнь и свобода самого Александра, его матери и всей семьи находятся под угрозой. А избежать этой угрозы можно простым низложением Павла с престола, предоставив ему за-

тем возможность наслаждаться спокойной и безопасной жизнью в одном из загородных дворцов Петербурга.

«Эта первая беседа, — утверждал Чарторижский, — внесла смятение в душу Александра, но не привела его к какому-нибудь решению».²⁶

Заговор развивался, в его орбиту втягивались новые люди, но они, разумеется, не знали имен руководителей. Дело продвигалось, как вдруг в ноябре 1800 года де Рибас тяжело заболел, а в канун смерти несколько суток находился в полном беспамятстве. Боясь, что в бреду он скажет что-нибудь опасное для заговорщиков, Н.П.Панин несколько суток не отходил от кровати больного, пока тот 2 декабря ни скончался. Смерть Рибаса совпала с отстранением от службы и ссылкой опального вице-канцлера в его смоленское имение Дугино. Правда, Панин вскоре добился разрешения жить в Москве и оттуда продолжал плести нити заговора. А в Петербурге с Александром часто встречался Пален, настойчиво убеждая его в необходимости низложения отца.

К этому времени активными участниками заговора стали братья Зубовы — Платон и Николай, английский посол Уитворт, многие офицеры и генералы гвардии.

О Платоне Александровиче Зубове следует рассказать подробнее. Когда Екатерина II умерла, ему было двадцать девять лет. Светлейшим князем Платон Александрович стал за полгода до ее смерти, успев основательно испортить отношения с Павлом из-за своей позиции в вопросе о престолонаследии. Всегда и во всем соглашавшийся с императрицей и ни в чем ей не перечивший, он решительно поддержал ее в том, что престол следует передать Александру, минуя отца. Павел, конечно же, узнал об этом, но подавил в себе чувство неприязни, оставаясь великодушным и даже расположенным к Зубову. Последний же, напротив, затаил злобу и страх. Именно страх за свою и братьев судьбу заставил его послать в Гатчину Николая Зубова, как только его благодетельница потеряла сознание: тем самым Платон хотел показать Павлу свою к нему лояльность и приязнь.

Приехав в Зимний дворец, Павел, по-видимому, был расстроган горем князя Платона, рыдавшего над усопшей Екатериной. Желая успокоить и утешить фаворита, Павел сказал ему: «Надеюсь, что и мне будете так же верно служить, как и ей служили».

Павел оставил Зубова при всех его должностях и привилегиях, и даже купил для него за 100000 рублей особняк на Морской улице, который велел отделать как дворец. Кроме того он купил прекрасных лошадей и великолепные экипажи и все

это подарил Платону Александровичу в день его рождения. Навестив Зубова в тот же вечер в его новом доме. Павел поднял бокал шампанского и сказал: «Сколько здесь капель, столько желаю тебе всего доброго».

Когда ревизия, посланная в Новороссию, выявила множество финансовых злоупотреблений, то Павел освободил Зубова от должности генерал-губернатора Новороссии и Таврии, но не стал его наказывать, а отправил в отпуск на два года.

Зубов попросился за границу для лечения и Павел дал разрешение. В пути Зубов навестил свои огромные имения, дарованные ему Екатериной II в Литве, а оттуда поехал в Ригу, где тогда губернатором был Пален.

По случайному стечению обстоятельств Зубов приехал в Ригу в тот день, когда ожидали визита последнего польского короля Станислава-Августа Понятовского, которого по приказу Павла должны были встречать с королевскими почестями.

Из-за задержки в пути Понятовский в тот день не приехал, и на парадный обед в старом рыцарском замке, приготовленный в его честь, попал Зубов — создалось тем самым впечатление, будто все это было сделано по случаю его приезда.

Павлу немедленно донесли о случившемся, и Пален мгновенно был уволен в отставку, причем все происшедшее в Риге император назвал «подлостью».

Зубов уехал в Германию и там сблизился с российским послом в Берлине Никитой Петровичем Паниным. Эта дружба и стала надежной основой готовившегося ими заговора. По возвращении в Россию Зубова ждала уже настоящая опала: многие его имения были секвестированы, а сам он сослан в одну из своих владимирских усадеб, под гласный надзор полиции.

Казалось, что звезда счастливого Платона закатилась навсегда, но и здесь фортуна не оставила его — Панин и Пален добились возвращения его в Петербург.

Гневливый, но отходчивый Павел встретил Зубова в Михайловском замке с приветливостью и лаской и, обняв, сказал: «Платон Александрович! Забудем все прошедшее!»

23 ноября 1800 года, когда де Рибас находился при смерти, а Панин уже собирался в ссылку, Платон Зубов получил чин генерала от инфантерии и назначение директором Первого кадетского корпуса. А еще через десять дней ему возвратили все отнятые ранее имения.

Несмотря на все это дом Платона Зубова, подаренный ему Павлом, стал штаб-квартирой заговорщиков, где обсуждались планы свержения императора.

Постепенно Пален и Зубов вызвали для службы в Петербурге всех недовольных Павлом, опальных генералов и офицеров, на которых они могли положиться. По некоторым данным, их число превышало тысячу человек.

В начале 1801 года в Петербург приехал и Николай Зубов, до того проживавший в деревне. Он был отменно храбр и необычайно силен. Вместе с тем он был жесток, отличался самодурством и нравственной нечистоплотностью.

В его жизни особую роль сыграл великий Суворов. Николай Зубов долго служил под его знаменами, и именно его Суворов послал к Екатерине с известием о победе, одержанной под Рымником.

За это Зубов получил чин полковника. Суворов — графский титул с добавлением «Рымникский». В 1793 году Николай Зубов и сам стал графом, а еще через год женился на любимой дочери Суворова — Наталье, которую отец называл «Суворочкой». Родство с великим полководцем придало Николаю Зубову особый авторитет среди офицеров.

НОВЕЛЛА ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТАЯ

Последние шаги к пропасти

Заговор вступал в заключительную стадию. Общее положение дел хорошо выразил один из заграничных заговорщиков, опальный русский посол в Лондоне, граф С.Р.Воронцов.

В письме из Лондона от 5 февраля 1801 года, написанном симпатическими чернилами, он уподоблял Россию тонущему в бурю кораблю, капитан которого сошел с ума. Воронцов писал: «Я уверен, что корабль потонет, но вы говорите, что есть надежда быть спасенным, потому что помощник капитана — молодой человек, рассудительный и кроткий, к которому экипаж питает доверие. Я заклинаю вас вернуться на палубу и внушить молодому человеку и матросам, что они должны спасти корабль, который частью, равно и груз, принадлежит молодому человеку, что их тридцать против одного и что смешно бояться быть убитому этим безумцем-капитаном, когда через несколько времени все, и он сам, будем потоплены этим сумасшедшим».²⁷

Определенную роль в обострении создавшейся ситуации сыграло то, что в начале 1801 года Павел вызвал в Петербург тринадцатилетнего племянника своей жены принца Евгения Вюртембергского. Этот мальчик еще в 1798 году получил от Павла звание генерал-майора и стал шефом драгунского полка. Воспитателем при нем был генерал барон Дибич, в прошлом адъютант Фридриха Великого. 7 февраля принц Евге-

ний был представлен Павлу и так сильно ему понравился, что Павел сказал Дибичу о своем намерении усыновить Евгения, прибавив, что он владыка в своем доме и государстве и потому возведет принца на такую высокую ступень, которая приедет всех в изумление.²⁸

Это обстоятельство не ускользнуло от внимания Александра и его сторонников и стало еще одним козырем в руках заговорщиков, так как было ясно, о какой «высокой ступени» для усыновленного принца говорил император. Разумеется, что на этой «высокой ступени» двоим стоять было невозможно, и Александр понимал, чем это все может кончиться лично для него.

Что касается судьбы Марии Федоровны, то она стала помехой на пути к безоблачному счастью императора с княгиней Гагариной, которую он, по упорным слухам, хотел возвести на престол, отослав Марию Федоровну в ссылку.

Последней каплей в непрерывном потоке павловских безумств, той самой, которая переполнила чашу терпения общества, стал Индийский поход, в одночасье замысленный Павлом и столь же стремительно осуществленный.

Резкий поворот императора от Англии и Австрии к Франции, только что бывшей главным врагом России, объяснялся недовольством Павла коварством вчерашних союзников. Австрийцы оставили на произвол судьбы Суворова, выказав крайнюю скаредность и недружелюбие, а англичане повели себя точно также по отношению к русским солдатам в Голландии, а затем и в Англии, когда остатки русского экспедиционного корпуса оказались на Британских островах.

В ноябре 1799 года Бонапарт, произведя государственный переворот, стал искать сближения с Павлом. Одним из его первых шагов на этом пути был демонстративно дружеский поступок, когда 10000 русских солдат, оказавшихся в плену у французов после неудачной кампании в Голландии, Бонапарт велел обмундировать в новые мундиры лучшего тончайшего сукна, в точном соответствии с российской военной формой и без всякого выкупа отпустил в Россию. Этот благородный поступок ошеломил Павла, и он, отказавшись от союза с Англией, немедленно решил стать союзником Франции. В его памяти были еще свежи рапорты и рассказы очевидцев о том, как скверно обращались англичане со своими русскими союзниками на Британских островах, и в связи с этим Бонапарт предстал перед впечатлительным Павлом в особенно благоприятном свете.

Сближение России с Францией оказалось стремительным и произошло на основе общей антиангликанской политики,

за что Павел потребовал вознаграждения за счет Турции. Желая поставить Англию в затруднительное положение, Павел решил послать через Среднюю Азию, тогда еще не принадлежавшую России и очень плохо изученную, экспедиционный казачий корпус в Индию. Во главе корпуса он поставил 50-летнего донского атамана Матвея Ивановича Платова.

Когда эта мысль пришла ему в голову, Платов уже четвертый год сидел в Петропавловской крепости. Но мало ли генералов, мгновенно попадавших в опалу, столь же стремительно возносились на высоты почета и славы? В середине января 1801 года Платов совершенно неожиданно был вывезен из крепости и доставлен в Михайловский замок.

Традиционно его встреча с Павлом описывается в слащаво-пасторальных тонах: атамана якобы привезли в новом, с иголки, генеральском мундире, император расцеловался с несчастным узником, попросил прощения за три с лишним года заточения в тюрьме и, прощаясь, наградил орденом Иоанна Иерусалимского.

А вот что об этом рассказывал сам М.И.Платов графу П.А.Строганову в 1812 году на Соловьевой переправе: «Я с персидской войны, за то, что не допустил персиян отрезать голову графу Валерьяну Александровичу Зубову, брошен был в каземат Петропавловской крепости, вот там-то, в каземате, и вылезли мои кудри. Я каждый день, в зимнее время, угорал в проклятой хате, чад глаза ел, как от хрена, мышь, крыса бегала по мне, дали мне затрапезный халат и закрыли железную дверь, и с того времени дверь эта не отворялась. Я дням и счет забыл, свет проходил в каземат сквозь окошечко величиною с лазейку для кошек, какие прорубают в дверях житниц.

Вдруг услышал я в коридоре гам и говор и услышал скрип ключа в замке. Сотворил я крестное знамение и решил: «Видно, пришел мой час положить голову на плаху». Вижу — свет фонарей, вижу — коменданта крепости князя Сергея Николаевича Долгорукого, и слышу, как говорит он мне:

— Матвей Иванович! Государь император повелеть соизволил, чтобы вы, как можно скорее явились к его величеству во дворец!

Я сначала подумал, что это — дьявольское наваждение, и перекрестился еще трижды, а Долгорукий и еще четверо офицеров, что были с ним, стоят живые. И понял я, что все это — на самом деле.

— Да как же мне во дворец, — сказал я, — на мне вся свитка истлела.

Тут же отвели меня в покой к коменданту, побрили у цирюльника, помыли, дали чистое и вернули мою казацкую одежду. А минут через десять стоял я уже в царском чертоге.

На длинном столе был раскатан длинный плант, и государь, подозвав меня, изволил спросить:

— Видишь эту дорогу на планте? Это прямой путь от Оренбурга в Индию.

— Вижу, великий государь, — отвечал я.

— Ты знаешь эту дорогу? Она знакома тебе?

И вспомнил я каземат, и подумал: «Лучше в ад, чем обратно в крепость», и сказал:

— Знаю.

И государь велел мне ехать на Дон, а там посадить на коней всех, кого только можно, вести в Индию.

Вышел я от государя ночью и не знал, куда деться. Я спросил слугу, не знает ли тот квартиры, где можно было бы переночевать?

— Да, вот, за канавой трактир Демута, там и возьмите номер.

— А где твой Демут? — спросил я его.

— Как! Вы и Демута не знаете? Да ведь его в Петербурге всяк знает — и стар, и млад. Видно издалека вы приехали, — сказал слуга.

А я подумал: «Вот ведь и близко жил, а ничего не знаю». Слуге же сказал:

— Да, издалека. Видишь, я — казак. Проводи меня к твоему Демуту. И тогда слуга передал меня истопнику и тот проводил к Демуту, и там заснул я не раздеваясь, богатырским сном на матрасе». ²⁹

В конце января 1801 года 40000 донцов пустились в путь, имея запас провианта на полтора месяца и дорогу в три тысячи верст по пустынным, неизведанным землям. Скрыть такое предприятие было невозможно, оценивали безумный поход однозначно, и потому крайне низкий престиж и авторитет Павла рухнул окончательно.

В создавшейся ситуации единомышленником и единственным союзником всех недовольных Павлом должен был стать английский посланник. И взоры заговорщиков обратились к нему, но нужно было найти посредника, который, не вызывая подозрений тайной полиции, мог бы войти в контакт с высокопоставленным дипломатом. Идеальным кандидатом могла бы стать женщина.

Князь Лопухин, близкий родственник Зубовых, хорошо знавший всю их семью, но особенно близкий с Ольгой Александровной Зубовой, в замужестве Жеребцовой, писал, что

она и стала деятельнейшей участницей заговора и вовлекла в него английского посланника лорда Уитворда. Существует достаточно хорошо обоснованная точка зрения, что убийство Павла было осуществлено на английские деньги, а точнее — в случае удачи исполнителям акции гарантировалась оплата в два миллиона рублей. Сумма, конечно, громадная, но война с Россией, несомненно, обошлась бы в гораздо более крупную сумму.

Забегая чуть вперед, расскажем и о следующем. Лопухин писал: «За несколько дней до 11 марта Жеребцова нашла более безопасным для себя уехать за границу и в Берлине ожидала исхода событий. Как только известие о кончине императора Павла дошло до Берлина, Жеребцова отправилась дальше, в Лондон. Там она получила от английского правительства сумму, соответствовавшую двум миллионам рублей. Эти деньги должны были быть распределены между заговорщиками, в особенности между теми, которые принимали наиболее деятельное участие в убийстве. Но Жеребцова предпочла удержать всю сумму за собою, будучи уверена, что никто не отважится требовать заслуженного вознаграждения».³⁰

Так оно и случилось, ибо за спиной Жеребцовой стояли могущественные братья Зубовы, а кто посмел бы оспаривать у них хоть какую-нибудь долю?

Итак, заговорщики твердо решили убрать Павла, но дату переворота до начала марта 1801 года не назначали. Ускорить осуществление своих намерений их заставило непредвиденное обстоятельство.

7 марта в семь часов утра Пален, как обычно, вошел в кабинет Павла для доклада обо всем случившемся в столице за минувшую ночь. Не успел Пален приступить к докладу, как Павел спросил:

— Господин Пален, были ли вы здесь в 1762 году?

Пален мгновенно сообразил, что императора почему-то заинтересовал последний дворцовый переворот.

— Почему вы, ваше величество, задаете мне этот вопрос? — спросил насторожившийся Пален, выигрывая время на обдумывание и одновременно проясняя ситуацию.

— Да потому, что хотят повторить 1762 год. — сказал Павел.

Пален тотчас же овладел собой и спокойно ответил:

— Да, государь, этого хотят. Я это знаю и тоже состою в заговоре, чтобы выведать планы заговорщиков и сосредоточить нити заговора в своих руках.

Не зная, насколько Павел осведомлен о составе заговорщиков, Пален назвал и Александра и тут же попросил импера-

тора дать ему ордер на арест цесаревича. Павел одобрил его предусмотрительность и выдал ему такой документ, подписав его, но не поставив даты.

Пален взял ордер и с ним прошел в апартаменты Александра, решительно потребовав назначить как можно более близкую дату переворота, так как иначе и Александра и Константина ждет Петропавловская крепость.

Александр очень испугался, но он любил отца, не хотел его смерти и потому попросил ограничиться арестом Павла, обьявив о его душевной болезни и невозможности оставлять за ним трон.

Было решено обьявить регентом Александра, а Павла доставить под крепким караулом в один из загородных дворцов. Была установлена и точная дата переворота — 11 марта.

НОВЕЛЛА СОТАЯ

11 марта 1801 года

В этот день генерал от инфантерии граф Михаил Илларионович Кутузов вместе со своей старшей дочерью Прасковьей Толстой, фрейлиной императрицы Марии Федоровны, были приглашены в Михайловский замок к августейшему столу. Стол был накрыт на двадцать кувертов, причем впервые стоял сервиз, на котором красовались изящно и тонко нарисованные изображения Михайловского замка. Павел очень любил Михайловский замок и, по очереди поднимая тарелки, чашки и другие предметы из сервиза, нежно целовал их один за другим. Он восхищался вслух прелестью сервиза и хвалил художников-мастеров Императорского фарфорового завода. Все, сидевшие за столом, разделяли его восторги.

В начале застолья Павел был сумрачен, сразу же стал много пить и вскоре заметно опьянел. Это было непохоже на него, потому что Павел любил застолья с молодыми людьми, а их на этот раз было здесь немало: Александр, Константин и их жены Елизавета и Анна едва перешагнули порог двадцатилетия, а младшей из сидевших за столом, великой княжне Марии, недавно пошел шестнадцатый год. Присутствовали здесь же фрейлины Прасковья Толстая и графиня Пален, графы Строганов и Шереметев, шталмейстер Муханов, обер-гофмаршал Нарышкин и четыре статс-дамы.

Но не только Павел был мрачен, еще более бледным и печальным выглядел Александр.

— Не болен ли ты? — спросил его отец-император.

Александр ответил, что чувствует себя хорошо.

И вдруг Павел сказал:

— А я сегодня видел неприятный сон.

(Вспомните, какой сон приснился ему в день смерти матери и как он потом сбылся. После этого Павел уверовал в вещи сны окончательно и всегда пытался разгадать их скрытый смысл.)

Все затихли.

— Мне снилось, — продолжал император, — что на меня натягивают тесный парчовый кафтан и мне больно в нем.

Александр побледнел еще более.

Об этом вечере много лет спустя М.И. Кутузов рассказывал своему старому приятелю генералу Александру Федоровичу Ланжерону: «Мы ужинали с государем и нас было двадцать человек... После ужина он разговаривал со мной и, взглянув в зеркало, стекло которого давало неправильное отражение, сказал, смеясь: «Странное зеркало, я вижу в нем свою шею свернутой». Полтора часа спустя он был трупом».

Современники отмечали, что Кутузов был единственным кому довелось провести последний вечер и с Екатериной II и с Павлом I. Потом вспоминали, что за несколько дней до смерти Павел сказал камер-фрейлине Анне Степановне Протасовой о Михайловском замке и причинах его любви к нему: «На этом месте я родился, здесь хочу и умереть».³² Дело в том, что Михайловский замок был построен на месте деревянного Летнего дворца, в котором Павел родился.

Ужин кончился в половине десятого. После этого Павел ушел к себе в спальню и велел вызвать к нему полковника Н.А. Саблукова, конногвардейский эскадрон которого охранял замок. Явившемуся Саблукову Павел приказал забрать свой караул, ибо император не мог доверять конногвардейцам, чьим шефом был Константин Павлович. Им на смену в караул заступили гвардейцы Преображенского и Семеновского полков, что было не лучше, так как шефом Семеновского полка был Александр, а командиром Преображенского генерал-майор Талызин — один из активных заговорщиков.

Зная о существовании заговора, Павел вызвал в Петербург Аракчеева, и тот с минуты на минуту должен был примчаться в столицу. Ограничившись этим, Павел ушел спать.

А в это время в двух домах Петербурга — у Палена и у Платона Зубова — шли большие застолья, на которые были приглашены одни мужчины.

Пален собрал у себя несколько десятков гвардейских офицеров, большинство из которых еще не знали о готовящемся заговоре. Подготавливая их к предстоящему событию и настраивая на недовольство Павлом, он сказал:

— Господа! Государь приказал объявить вам, что он службой вашей чрезвычайно недоволен, ежедневно и на каждом шагу примечает ваше нерадение, леность и невнимание к его приказаниям, так что ежели он и впредь будет замечать подобное, то разошлет всех по таким местам, где и костей ваших не сыщут. Извольте ехать по домам и старайтесь вести себя лучше.

Сам же Пален отправился в дом Зубова, перед тем приказав раньше обычного закрыть заставы, чтобы не пропустить в город Аракчеева. И этот шаг оказался удачным: Аракчеев был остановлен у заставы и не пропущен в Петербург.

В это же время у Платона Зубова собралось на ужин сто двадцать офицеров и генералов, на которых можно было вполне положиться. Некоторые еще не знали о существовании заговора, но когда застольные разговоры, умело направленные хозяином дома в нужное русло, захлестнули всех его подвыпивших гостей, то все пришли к соглашению, что такой император, как Павел, не имеет права управлять Россией.

Особенно настойчиво Платон Зубов говорил о том, что цесаревич Александр в отчаянии от бедствий России и согласен спасти отечество, низвергнув отца-императора и заставив его подписать отречение от престола. Даже перед самым финалом заговора никто не говорил ни единого слова об убийстве Павла, подчеркивая, что речь идет лишь об его отречении от престола.

Оставив Зубова с гостями, Пален уехал во дворец, вскоре вернулся и сообщил, что все идет по плану. Он добавил, что Александр знаком с планом, совершенно спокоен и ждет их помощи.

Пален и братья Зубовы — Платон и Николай — пили мало, остальные же были сильно навеселе. В полночь заговорщики вышли из дома, разделившись на две группы по шестьдесят человек. Во главе первой шли Платон и Николай Зубовы и впервые оказавшийся среди заговорщиков генерал Л.Л.Беннигсен. Они шли прямо к Михайловскому замку. Вторая группа, возглавляемая Паленом, направлялась к Летнему саду, обходя замок с другой стороны.

Плац-адъютант Павла, шедший в первой группе, знал по своей должности все входы и выходы, все лестницы и переходы замка, и потому заговорщики бесшумно проникли внутрь и беспрепятственно прошли до передней императора, расположенной рядом с его спальней.

В передней спали два хорошо вооруженных камер-гусара. Заговорщики постучались в дверь.

— Что такое? — услышали они голос одного из гусар.

Шедший вместе с заговорщиками один из флигель-адъютантов ответил:

— Пожар!

Гусары хорошо знали его голос и знали также, что он обязан в подобных случаях извещать императора в любое время суток, так как пожар угрожает его жизни. Гусары тут же отворили дверь, но увидев толпу вооруженных людей, схватились за оружие. Одного из них тут же зарубил саблей князь Яшвиль, другой успел убежать в соседнюю комнату, где спали четыре фельдъегеря и закричал:

— Бунт!

Но помощи императору оттуда не последовало: фельдъегери, испугавшись, заперлись и затаились.

Когда же заговорщики подошли к двери туалетной комнаты, их увидел дежурный камер-лакей, который, почувствовав недоброе, стал кричать и звать на помощь.

Его тут же убили, оттащили в сторону и все же остановились перед дверьми спальни, напуганные его криками.

И тогда силач и храбрец Николай Зубов проговорил:

— Все кончено, господа, надобно бежать...

Но ему тут же возразил решительный и хладнокровный Беннигсен:

— Как! Вы довели нас до этого места и предлагаете теперь отступление? Мы слишком далеко зашли. Отступления для нас быть не может, иначе мы все погибнем. Бутылка раскупорена, господа, — надо из нее пить. Вперед!

Заговорщики воспряли духом и вломились в спальню. Но она была пуста. Обескураженные, они заметались по комнате и вдруг нашли Павла, спрятавшегося за портьерой у двери, ведущей в спальню Марии Федоровны.

Если бы он не приказал забить эту дверь гвоздями, опасаясь ночных соблазнов, то смог бы уйти от смертельной опасности. Выскользни он бесшумно в спальню жены, перед ним открылись бы десятки комнат, коридоров, лестниц и переходов замка, где его было бы совсем непросто. Но дверь была закрыта наглухо, и насмерть перепугавшийся Павел затаился за портьерой, забыв даже о потайной лестнице, ведущей в спальню его фаворитки.

Как бы то ни было, испуганного Павла вытащили из-за портьеры и силой усадили за стол.

Платон Зубов положил перед ним заранее написанный акт об отречении от престола в пользу Александра, но Павел хотя и был испуган, категорически отказался подписывать этот документ.

И вдруг, в эти самые мгновения за дверью раздался топот множества ног, звон оружия и шум десятков голосов. Заговорщики испугались, они не знали, что по коридору идут их сотоварищи из группы Палена, а подумали, что там — верные Павлу гвардейцы, и бросились бить и душить упрямого императора.

Есть версия, что Пален намеренно шел медленно, чтобы в случае, если отряд Зубовых и Беннигсена попадет в западню, то Пален изобразит себя и своих офицеров спасителями Павла, спешащими ему на выручку. Когда же Пален вошел в спальню, дело было кончено: тело мертвого императора пинали и топтали, таская по полу спальни.

Август Коцебу, на следующий день побывавший на месте убийства, оставил подробные записки, в основу которых были положены рассказы участников и очевидцев убийства. Его версия, вкратце, такова.

Когда Платон Зубов потребовал от Павла подписи под актом об отречении и Павел отказался, то стоявший рядом офицер Аргаматов ударил императора в висок рукояткой пистолета. Павел стал падать и пытался удержаться за декоративную решетку, выпиленную из слоновой кости Марией Федоровной. Он схватился за маленькие декоративные вазы, приделанные к решетке, но они отломились. Павел попытался встать на ноги, но Яшвиль бросился на него, повалил на пол, и в этом, вторичном падении, Павел ударился головой об камин и почти потерял сознание. Тогда двое заговорщиков — Яшвиль и Мансуров — накинули на шею Павлу офицерский шарф и стали душить.

Павел мгновенно засунул руку между шеей и шарфом и держал ее так крепко, что никто не смог вытащить руку из-под шарфа. «Тогда какой-то изверг, — пишет Коцебу, — взял его за самые чувствительные части тела и стиснул их. Боль заставила его отвести туда руку, и шарф был затянут. Вслед за сим вошел граф Пален. Многие утверждали, что он подслушивал у дверей».³²

Убедившись, что все уже кончено, Пален вышел из спальни и отдал распоряжение об аресте наиболее верных покойному императору людей — коменданта Михайловского замка П.О.Котлубицкого, обер-гофмаршила Нарышкина, генерал-прокурора П.Х.Обольянинова, инспектора кавалерии Литовской и Лифляндской инспекций генерал-лейтенанта А.С.Кологривова, командира Измайловского полка генерал-лейтенанта П.Ф.Малютина и жившего в Михайловском замке любимца Павла графа Г.Г.Кушелева.

Затем Пален обошел залы замка, где стояли солдаты, объявил о смерти Павла и прокричал: «ура!» новому императору. Однако солдаты молчали.

Опоздавший к началу событий Валериан Зубов появился в Михайловском замке, когда все уже было кончено. Он проходил через залы, где только что побывал Пален, и, не зная, как отнеслись ко всему случившемуся солдаты, тоже поздравил их, но в ответ получил лишь злые взгляды и недовольный ропот...

В это время Александр, находившийся в том же Михайловском замке, только в другом его крыле, лежал в постели, не раздеваясь. Около часа ночи к нему вошел Николай Зубов, всклоченный, красный от волнения, в помятом мундире, и хрипло произнес:

— Все исполнено.

— Что исполнено? — спросил Александр и, поняв, что его отец убит, безутешно зарыдал.

В этот момент возле него появился спокойный, подтянутый Пален и чуть поморщившись холодно произнес:

— Ступайте царствовать, государь.

* * *

После Павла I династия Романовых правила Россией еще более ста лет, а как семья, отстраненная от трона, она существует и поныне. И потому автору предстоит довести повествование о доме Романовых, их судьбах до сегодняшнего дня. Работа, разумеется, не легкая, но весьма увлекательная и интересная.

С этим намерением — написать еще несколько книг, охватывающих историю дома Романовых в XIX и XX веках, — автор и расстается с читателями, в надежде на скорую встречу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Сб. РИО. — Т. 23. — С. 77.

2 Русская старина. — 1885, — № 9. — С.380.

3 Там же. — С.388.

4 Шильдер Н.К. Император Павел Первый. — С.339.

5 Русская старина. — 1885, — № 9. — С.390.

6 Цит. по: Царевичество 11 марта 1801 года. — М., — 1990. — С.34.

7 ПСЗ. — Т. 24. — № 17910. — С.588.

8 Первое состояло из 208 параграфов, второе — из 310. Поэтому едва ли император мог полностью зачитать эти два документа.

9 Царевичество 11 марта 1801 года. — С.35.

10 Былое. — 1918, — № 13. — С.169.

11 Цит. по: Царевичество 11 марта 1801 года. — С.292.

- 12 Вопросы истории. — 1981, — № 1. — С.108.
- 13 Там же. — С.107.
- 14 Цит. по: Шумигорский Е.С. Екатерина Ивановна Нелидова. — СПб., — 1902. — С.124.
- 15 Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. — М., — 1912. — Т. I. — С.166–167.
- 16 Русская старина. — 1885, — № 10. — С.81–82.
- 17 Русская старина. — 1889, — № 2. — С.227.
- 18 Русский архив. — 1869. — С.1915–1916.
- 19 См.: Исторический вестник. — 1895, — № 1. — С.187.
- 20 Цит. по: Цареубийство 11 марта 1801 года. — С.362.
- 21 Чулков Г.И. Императоры. Психологические портреты. — С.99.
- 22 Там же.
- 23 Шильдер Н.К. Император Павел Первый. — С.410–411.
- 24 Чарторижский А. Мемуары. — М., — 1912. — Т. I. — С.170.
- 25 Шильдер Н.К. Император Павел Первый. — С.459.
- 26 Чарторижский А. Мемуары. — С.67.
- 27 Цит. по: Окунь С.Б. История СССР. — Л., — 1974. — Ч. I. — С.123.
- 28 См. Шильдер Н.К. Император Павел Первый. — С.479.
- 29 Русская старина. — 1886, — № 1. — С.49–53.
- 30 Русский биографический словарь. «Жабокрипский–Зяловский». — Пг., — 1916. — С.508.
- 31 Цит. по: Цареубийство 11 марта 1801 года. — С.318.
- 32 Там же. — С.336–337.

Глава десятая АЛЕКСАНДР I

НОВЕЛЛА СТО ПЕРВАЯ

Неизбывный грех и первые попытки его искупления

Первые минуты и часы царствования Александра оказались самыми тяжкими в его жизни. Пален провел нового императора по коридорам ночного Михайловского замка, заполненным пьяными, сильно возбужденными, громко говорящими офицерами. Некоторые из них держали в руках горящие факелы и кровавый отсвет огня должен был показаться двадцатитрехлетнему трепещущему, близкому к обмороку Александру зловещим.

Когда они вошли в спальню Павла, Александр увидел обезображенное ударами сапог лицо своего мертвого отца. Его потрясло то, что он увидел, но еще более, — коварство и безжалостность, с какою все это было проделано. Ведь он надеялся, что отца только арестуют, а вместо этого его убили, причем — жестоко, нисколько не думая о сыновних чувствах Александра, в глубине души все же любившего отца.

Еще раз взглядевшись в синее, распухшее лицо покойного, Александр вскрикнул и, потеряв сознание, упал на спину, во весь рост, сильно стукнувшись головой об пол.

* * *

Когда слух об убийстве Павла дошел до Марии Федоровны, она выбежала из своих покоев, не владея собой от гнева и отчаяния, и явилась перед заговорщиками. Ее крики разносились по всем коридорам. Заметив гренадер, она несколько раз повторила им: «Итак, нет больше императора, он пал жертвой изменников. Теперь я — ваша императрица, я одна ваша законная государыня, защищайте меня, идите за мной!» Беннигсен и Пален с большим трудом, силой, увели Марию Федоровну в ее комнаты, но она снова пыталась выбежать в коридор, решившись на то, чтобы захватить власть и отомстить за убийство мужа. Но императрица Мария ни наружностью, ни характером не была способна возбудить в окружающих эн-

тузиазм или безотчетную преданность. Ее многократные призывы к солдатам не произвели никакого впечатления. Может быть, этому способствовал и немецкий акцент, сохранившийся у нее в русской речи. Часовые скрестили оружие и императрица отошла от двери.

Адам Чарторижский писал: «Я никогда ничего не слышал о первом свидании матери и сына после совершенного преступления. Что говорили они друг другу? Какие могли они дать объяснения по поводу того, что произошло? Позже они поняли и оправдали друг друга, но в эти первые страшные минуты император Александр, уничтоженный угрызениями совести и отчаянием, казался был не в состоянии произнести ни одного слова или о чем бы то ни было думать. С другой стороны, императрица, его мать, была в исступлении от горя и злобы, лишавших ее всякого чувства меры и способности рассуждать.

Из членов императорской фамилии, среди ужасного беспорядка и смятения, царивших в эту ночь во дворце, только одна молодая императрица, по словам всех, сохранила присутствие духа. Император Александр часто говорил об этом. Она не оставляла его всю ночь и отходила от него лишь на минуту, чтобы успокоить свекровь, удержать ее в ее комнатах, уговорить ее прекратить свои вспышки, которые могли стать опасными, когда заговорщики, опьяненные успехом и знавшие, как они должны опасаться ее мести, являлись хозяевами во дворце. Одним словом, в эту ночь только императрица Елизавета сохранила самообладание и проявила моральную силу, которую все признали. Она явилась тогда посредницей между мужем, свекровью и заговорщиками и старалась примирить одних и утешить других».¹

* * *

Валериан Зубов появился во дворце после того, как Павла убили. Он вошел в зал, где стояла гвардейская пехота, и поздравил солдат с новым молодым императором, но солдаты плохо восприняли это и Зубов ретировался. Существует серьезное мнение, что если бы Павлу удалось ускользнуть от заговорщиков и спастись в казармах гвардии, то судьба заговора оказалась бы диаметрально противоположной — он остался бы на троне, его сыновья попали бы в крепость, а Пален, Панин и Бенингсен взошли бы на эшафот.

Симпатии солдат были на стороне Павла, потому что они не сочувствовали офицерам, которые у них на глазах подвергались гонениям и преследованиям со стороны императора и гатчинцев, что как бы уравнивало бремя службы командиров

с их собственными тяготами. Солдаты воспринимали все это, как олицетворенную высшую справедливость, и потому их сердца принадлежали Павлу. Но заговор был чисто офицерским — среди заговорщиков не было ни одного солдата и ни одного унтер-офицера, и потому они были застигнуты произошедшими событиями врасплох, да и защищать было уже некого и здравый житейский смысл подсказал солдатам, что сделать они уже ничего не могут.

Александр после того, как очнулся от обморока, оказался близок к помешательству. Он плакал, ломал руки, обвиняя заговорщиков в обмане и предательстве. Себя же считал жертвой кровавого плутовства, низкого коварства, обернувшегося смертью любимого отца, которого он хотел всего лишь взять под опеку, поселив в Михайловском замке, и предоставив ему для прогулок, расположенный по соседству, Летний сад.

Но его обманули. Отец был мертв. Содеянного поправить было нельзя, и рационализм в конце-концов взял верх над эмоциями — холодный рассудок Александра победил горячее сердце.

Во втором часу ночи Александр вышел к преображенцам и семеновцам, все еще стоявшим в карауле, и после короткой встречи сел в сани и уехал в Зимний дворец.

Первым, кто был им вызван, оказался бывший статс-секретарь Екатерины II, Дмитрий Прокофьевич Трошинский. Крепко обняв его, Александр сказал:

— Будь моим руководителем, — и тут же поручил написать Манифест о своем вступлении на престол. В Манифесте говорилось: «Судьбам Вышнего угодно было прекратить жизнь любезного родителя нашего, Павла Петровича, скончавшегося скоропостижно апоплексическим ударом в ночь с 11 на 12 марта». ² Далее в Манифесте обещалось управлять страной «по законам и по сердцу в Бозе почивающей Августейшей бабки нашей государыни императрицы Екатерины Великой». ³

Утром 12 марта в Зимнем дворце, а также во всех церквях, полках, присутственных местах, куда успел дойти Манифест, состоялись церемонии присяги новому императору.

Люди ликовали, но сам Александр был мрачен, говоря при случае, что царскую власть принимает как тяжкое бремя и будет нести, как крест, ибо такую судьбу уготовило ему провидение самим фактом его рождения. Между тем среди забот о присяге и предстоящих похоронах отца, Александр не забыл сразу же послать вслед корпусу Платова фельдъегеря, который должен был остановить и повернуть назад, изнемогающее от холодов и бездорожья войско.

Забегая чуть вперед, скажем, что через одиннадцать дней гонец настиг донцов на реке Ирғиз в селе Мечетном, Воль-

ского уезда Саратовской губернии. Услышав о возвращении на родину, казаки ликовали так, будто их забирали из преисподней в рай.

На четвертый день царствования Александр объявил амнистию для 536 человек. Лишенные дворянства и чинов были возведены в прежнее достоинство, всем им, в том числе и скрывавшимся в эмиграции, было разрешено жить где угодно, причем устранился и существовавший ранее полицейский надзор.

В первые же недели были возвращены на службу, либо вознаграждены пенсиями более 12 тысяч офицеров, генералов и чиновников, а 2 апреля была упразднена и Тайная экспедиция.

Произошли и перемены в высших эшелонах власти. Д. П. Трошинский был назначен «состоять при особе его величества у исправления дел, по особой доверенности государя на него возложенных». В должности статс-секретаря при нем был определен статский советник Михаил Михайлович Сперанский, вскоре начавший играть важную роль в истории страны.

Весь март и апрель были ознаменованы множеством новых законоположений, либерализовавших жизнь России, отменявших указы Павла и восстанавливавших различные привилегии, некогда дарованные Екатериной II.

23 марта в Петропавловском соборе было погребено тело Павла I, несколько дней перед тем выставленное для прощания с ним на таком высоком помосте, что нельзя было разглядеть лица покойного. К тому же придворные врачи и косметологи так поработали над обезображенным ударами лицом покойного, и наложили такой густой грим, что Павел, если бы даже и был виден проходившим мимо него, все равно едва ли бы был ими узнан.

* * *

А теперь еще один сюжет, хотя и немного выходящий за хронологические рамки царствования Павла, но по восприятию членов императорской фамилии психологически тесно связанный со смертью главы этого семейства.

Через три дня после убийства Павла было получено известие о том, что в Офене 4 марта умерла старшая дочь Павла и Марии Федоровны, жена палатина Венгрии, Австрийского эрцгерцога Иосифа.

Родители любили Александру, пожалуй, больше чем кого-либо из своих детей.

Девочка была необычайно способна — она говорила на четырех языках, хорошо рисовала, играла на клавесине, пела, танцевала и к тому же обладала прекрасным характером — услужливостью, кротостью, добротой.

После неудачного сватовства Густава IV, Александра была просватана за эрцгерцога Иосифа и 19 октября 1799 года в Гатчине была сыграна свадьба.

Через три недели молодые уехали в Вену, где вскоре были представлены императору Францу I. Франц I в это время был женат вторично на неаполитанской принцессе Терезии, отличавшейся злобным характером, завистливостью и жестокостью. Император, впервые увидев свою невестку был поражен ее абсолютным сходством со своей первой женой Елизаветой-Вильгельминой, принцессой Вюртембергской, приходившейся родной сестрой ее матери — Марии Федоровне. Как часто случается, Александра Павловна как две капли воды была похожа на свою покойную тетку и этого было довольно, чтобы у Терезии возникла сугубая ревность к своей невестке, через непродолжительное время перешедшая в неистребимую ненависть. Вскоре Александра Павловна забеременела и по приказанию Терезии была передана в руки грубого и невежественного врача, дававшего распоряжения, которые только ухудшали ее положение. Делалось это и потому, что если бы у Иосифа и Александры Павловны родился сын, то мог бы возникнуть вопрос об отложении Венгрии от Австрийской империи.

Хорошо осведомленный о делах в Венгрии, Август Коцебу писал, что в стране возникло целое движение сторонников отделения Венгрии от Австрийской империи под властью Александры Павловны, или ее сына, разумеется, если бы он вскоре родился. Коцебу писал, что среди сторонников независимости Венгрии раздавались карточки, по которым единомышленники узнавали друг друга. На этих карточках в середине была изображена колыбель, ожидаемого принца, над которой парил Гений Отечества — дух-покровитель Венгрии, а возле колыбели рос куст роз, окруженный терновником, символизирующий прекрасную палатину и преследующие ее на каждом шагу страдания. Две великолепные распутившиеся розы обозначали Александру Павловну и ожидаемого наследника.

Разумеется, что тайна эта оказалась вскоре раскрытой и за палатиной было установлено строгое и тщательное наблюдение. Александру Павловну подвергли столь мелочной регламентации и опеке, что сделали ее жизнь невыносимой. Во время беременности ее кормили самой непригодной для этого пищей, так что ее духовник, отец Самборский, должен был ходить на базар и приносить оттуда то, что было нужно беременной, пряча свои покупки под широкой рясой.

Императрица Терезия, кроме того, настоятельно требовала, чтобы палатина обязательно приехала рожать ребенка в Вену. Александра Павловна, опасаясь несчастья, и для себя, и

для ребенка, при помощи императора Павла, настояла на том, чтобы роды состоялись в Офене. К сожалению, и это ей не помогло. Современники знали, что в отношениях венского двора к палатине императрица Терезия играла все ту же зловещую роль. Она завидовала необычайной популярности невестки, любви, которой ее окружали, — особенно православные славяне, жившие в Будапеште и его окрестностях. Кроме того, Терезия была очень странной женщиной. Она любила все страшное и чудовищное и наполняла свои дворцы и сады безобразными статуями, химерами, изображениями казней и пыток. Она почти всегда молчала, глядела исподлобья и светским увеселениям предпочитала общество слуг и простолюдинов, устраивая для них пиры и спектакли, в которых и сама играла первые роли. 23 февраля 1801 года Александра Павловна родила девочку, которая прожила всего лишь несколько часов, а на десятый день 4 марта от молочной горячки умерла и ее семнадцатилетняя мать.

Забегая чуть вперед, скажем, что несчастный отец не успел получить извещения о случившемся, так как и сам был убит ровно через неделю после смерти своей старшей дочери.

Так что Мария Федоровна, еще не пришедшая в себя от неожиданной кончины мужа, через несколько дней была сражена новым горестным известием — о смерти старшей дочери.

И вместе с Марией Федоровной страшно горевала и Нелидова.

Узнав об убийстве Павла, она враз поседела, и, как уверяли видевшие ее в эти дни, ее лицо покрылось морщинами и превратилось из бело-розового в желтовато-свинцовое.

До самой кончины Марии Федоровны, последовавшей в 1828 году, Нелидова сохраняла со вдовствующей императрицей наилучшие отношения. После же ее смерти продолжала жить в Смольном до конца своих дней. Она скончалась 2 января 1839 года на восемьдесят третьем году жизни.

* * *

Случилось так, что в момент дворцового переворота из близких Александру людей рядом с ним был только один Павел Александрович Строганов, присутствовавший, кстати, вечером 11 марта на последнем ужине Павла в Михайловском замке. В.П.Кочубей был в Дрездене, Адам Чарторижский — в Неаполе, Н.Н.Новосильцев — в Англии. Узнав о событиях в Петербурге, все они поспешили к Александру и вскоре были на месте. Они ехали к Александру, влекомые не только ис-

кренним сочувствием, но и ясно осознанной необходимостью помочь ему, ибо он находился в обстановке весьма нелегкой.

Вот что писал Адам Чарторижский, приехавший в Петербург летом 1801 года: «В момент моего приезда Петербург был похож на море, еще волновавшееся после сильной бури и едва начинавшее медленно затихать... Среди смутений и волнений, царивших в первые дни после катастрофы, Пален намеревался захватить освободившиеся бразды правления. Он хотел к важным обязанностям петербургского генерал-губернатора прибавить еще и обязанности статс-секретаря по иностранным делам. Его подпись стоит на официальных заявлениях, изданных тогда, в первые минуты. Он притязал на то, чтобы ничто не делалось без его разрешения и помимо него. Он принял вид покровителя молодого императора и делал ему сцены, когда тот не сразу соглашался на то, чего он желал, или, вернее, к чему хотел принудить государя.

Уже поговаривали, что Пален стремится занять пост министра двора. Подавленный скорбью, полный отчаянья, замкнувшийся со всею своей семьей во внутренних покоях дворца, император Александр казался во власти заговорщиков. Он считал себя вынужденным шадить их и подчинять свою волю их желаниям».⁴

Однажды Александр пожаловался на свое тяжелое положение генерал-прокурору Сената генералу Балашову — человеку прямому, честному, бесхитростному и справедливому. Балашов пришел в недоумение и с солдатской прямоотой сказал: «Когда мухи жужжат вокруг моего носа, я их прогоняю».

Александр тут же подписал указ, предписывающий Палену покинуть Петербург в 24 часа и Балашов вручил его адресату. Пален повиновался немедленно и беспрекословно и уехал в свои остзейские поместья.

В августе, после шестилетней разлуки приехал из Швейцарии и Лагарп. Молодые друзья Александра по приезде в Петербург образовали тесный кружок единомышленников — «Негласный Комитет», занимавшийся реформой управления империей, но так и не доведший дело до конца.

Изменилась не только внутренняя, но и внешняя политика России. 5 июля 1801 года Александр приказал разослать главам российских дипломатических миссий при важнейших европейских дворах инструкцию, в которой говорилось: «Я не вмешиваюсь во внутренние несогласия, волнующие другие государства; мне нет нужды, какую бы форму правления ни установили у себя народы, пусть только руководствуются в отношении к моей империи тем же духом терпимости, каким руководствуюсь и я, и мы останемся в самых дружественных

отношениях».⁵ Руководствуясь провозглашенным принципом, Александр отказался от титула Великого магистра Мальтийского ордена, оставшись его протектором, что позволило уже в начале июня подписать в Петербурге Конвенцию о дружбе между Россией и Англией. Еще раньше, 10 мая, были восстановлены дипломатические отношения с Австрией и в Вене вновь стал послом А.К.Разумовский, а 26 сентября в Париже состоялось подписание мира с Францией.

Продлав за короткое время большую работу и в области политики внутренней, и в области политики внешней, Александр одновременно подготовился и к акту коронации. Огромный коронационный поезд прибыл в Москву 5 сентября 1801 года. Остановившись на трое суток в загородном Петровском дворце, Александр и Елизавета Алексеевна 8 сентября торжественно въехали в первопрестольную. 9 сентября Александр отправился верхом на коне на прогулку. Лишь только он появился на Тверской, москвичи кинулись к нему, осыпая поцелуями сапоги и стремяна его коня.

15 сентября, в воскресенье, в Успенском соборе, митрополит Платон, четыре года назад короновавший Павла, возложил императорскую корону на голову Александра.

Однако почти все, кто сопровождал нового императора в его поездке в Москву, единодушно отмечали, что ни разу не видели его радостным, а тем более смеющимся. Он был постоянно задумчив, почти всегда печален, и улыбаться заставлял себя чаще всего из-за обстоятельств дворцового этикета.

Мысли об убитом отце не оставляли Александра ни на минуту, ибо в Москве, где он был с ним совсем недавно, все напоминало ему о Павле. И уж, буквально, каждый момент коронационных торжеств, каждый шаг по Кремлю, точно по тому же маршруту, по какому за четыре года перед тем, шел он вместе с покойным отцом, вызывали в памяти предыдущую коронацию. Раскаяние и благочестивые добрые намерения выразились и в том, что именно в эти же дни был издан указ о пересмотре старых уголовных дел и отменены пытки.

НОВЕЛЛА СТО ВТОРАЯ

Цесаревич Константин — насильник и убийца.

Теперь же следует рассказать и об одном внутрисемейном деле императорской фамилии, получившем в то время довольно громкий общественный резонанс.

А.М.Тургенев писал: «Связавшись с непотребною княжною Четвергинской (имеется в виду княжна Жанетта Антоновна) Константин вознамерился прогнать от себя законную

супругу свою, великую княгиню Анну Федоровну, урожденную принцессу Саксен-Кобургскую. Великая княгиня была беременна, а Константин, предавшись пьянству и разврату, невероятно и невозможно выразить, какие причинял ей оскорбления! Великая княгиня не только не жаловалась, но терпела все с кротостию. Даже единственный друг ее, императрица Елизавета, не все ведала, что великая княгиня претерпевала. Глупая вдовствующая императрица Мария не терпела великой княгини по какой-то наследственной вражде дома Вюртембергского с домом Кобургским».

Далее Тургенев сообщает, что близкий друг и собутыльник Константина штаб-ротмистр Кавалергардского полка Иван Лонгинович Линеv согласился за деньги оклеветать жену Константина, «сознавшись» в любовной связи с ней, чего на самом деле не было.

«Глупая вдовствующая императрица Мария раскричалась, не хотела видеть великую княгиню. На третий день гнуснейшей клеветы развратнейшего чудовища Константина, прекрасная, кроткая, любезная великая княгиня Анна Федоровна навсегда оставила Россию! Презреннейший Линеv, получив отставку, поехал в чужие края, чтобы показать, что Анна Федоровна, будучи страстно влюблена в него, требовала, чтобы он находился при ней... В России все были уверены, что Линеv — любовник Анны Федоровны, но ничего нет несправедливее в мире этой клеветы».⁶

Дело кончилось тем, что великая княгиня Анна Федоровна уехала к своим родителям и только через девятнадцать лет, в 1820 году, дала развод Константину, но об этом будет рассказано в своем месте.

После отъезда жены, Константин пустился «во вся тяжкая», не брезгуя даже откровенной сексуальной уголовщиной.

А.И.Тургенев записал и то, что тщательно скрывалось от посторонних ушей и глаз, назвав этот фрагмент своих воспоминаний «Эпизод с госпожою Арауж».⁷ Развратный, и вечно пьяный Константин набрал себе в адъютанты развратнейших, бессовестнейших и бесчестнейших людей — Н.А.Чичерина, Олсуфьева, Нефедьева, А.С.Шульгина, К.Ф.Баура и Янковича-Демареева. Им на глаза попала молодая, красивая вдова банкира Араужа, мать двоих малолетних дочерей, женщина скромная и богобоязненная. Адъютант Константина Баур знал госпожу Арауж с детства и на правах близкого знакомого часто бывал в доме ее родителей. О красавице-вдове узнал Константин и стал домогаться близости с нею, но Арауж решительно отказала великому князю. Тогда Константин поклялся, что все равно добьется своего во что бы то ни стало.

Константин послал в дом Арауж карету и велел слуге сказать, что ее просит заехать в Зимний дворец живущий там друг ее Баур, к тому же заболевший. Арауж поверила и поехала во дворец. Однако ее привели не к Бауру, а к Константину, окруженному толпой пьяных офицеров. Баура среди них не было.

«Благопристойность, — пишет А. М. Тургенев, — не дозволяет пересказать, что изверги, начиная с великого князя, с ней делали! До того даже, что когда Арауж от насилия ей сделанного двадцатью или более людей, лишилась жизни, изверги, а именно Шульгин и Чичерин, еще продолжали действие! Бездыханное тело Арауж, с переломанными суставами в руках и ногах, было привезено в дом ее матери и брошено в прихожей комнате.»

Только из-за того, что Арауж, как и ее покойный муж, были прусскими подданными, по требованию прусского посланника было начато следствие. Во главе комиссии был поставлен сенатор Дмитрий Александрович Гурьев, и комиссия, проконстатировав, что Арауж умерла, объяснила это эпилептическим припадком, во время которого она и поломала себе руки и ноги. Такое заключение обошлось Константину в двадцать тысяч рублей.

К сказанному следует добавить, что в это время Константин, по словам А. М. Тургенева, болел плохо залеченным сифилисом, но это не останавливало светских дам, ищущих близости с ним.

Камергер П. Н. Нарышкин угодливо предлагал Константину и собственную жену и ее родную сестру, после чего ожидал, когда великий князь выпустит из спальни одну из них и тотчас же призовет другую.

В отличие от Александра, Константин, тоже активно участвовавший в заговоре, угрызений совести из-за смерти отца не испытывал, и от душевных переживаний был совершенно избавлен. Правда, после смерти госпожи Арауж безобразные оргии и кутежи несколько приутихли, но в основе своей Константин оставался прежним, — убежденным в безнаказанности, разнузданным развратником, кутилой и хамом.

Даже если А. М. Тургенев что-то и преувеличил, то все равно эта история делает Константина Павловича самым мерзким из всей династии Романовых.

НОВЕЛЛА СТО ТРЕТЬЯ

Император Александр и королева Луиза.

А его старший брат, руководя вместе со вдовствующей императрицей большой и пестрой императорской фамилией, главное внимание уделял все же делам государственным.

Важнейшими из внутренних дел в то время были отношения с Грузией и смена руководства в Коллегии Иностранных дел. Было совершено подписание Манифеста о присоединении Грузии к России, и состоялось назначение на пост канцлера Василия Павловича Кочубея, пришедшего на место уволенного Н. П. Панина.

Так еще один руководитель заговора ушел в политическое небытие, уступив место новому человеку из числа членов «Негласного Комитета».

Тридцатитрехлетний Кочубей был решительным сторонником нейтральной, независимой России, которая, по его мнению, не должна была связывать себя никакими военными союзами.

В записке, поданной Александру, Кочубей писал: «Россия достаточно велика и могущественна пространством, населением и положением, она безопасна со всех сторон, лишь бы сама оставляла других в покое. Она слишком часто и без малейшего повода вмешивалась в дела, прямо до нее не касавшиеся. Никакое событие не могло произойти в Европе без того, чтобы она не предъявила притязания на участие в нем. Она вела войны бесполезные и дорого ей стоившие. Благодаря счастливому своему положению император может пребывать в дружбе с целым миром и заняться исключительно внутренними преобразованиями, не опасаясь, чтобы кто-либо дерзнул потревожить его среди этих благородных и спасительных трудов.

Внутри самой себя предстоит России совершить громадные завоевания, установив порядок, бережливость, справедливость во всех концах обширной империи, содействуя процветанию земледелия, торговли и промышленности. Какое дело многочисленному населению России до дел Европы и до войн из нее проистекающих? Она не извлекла из них ни малейшей пользы».⁸

Однако концепция Кочубея не просуществовала и года: 20 мая 1802 года Александр отправился в свою первую зарубежную поездку, — в Пруссию. Эта поездка стала причиной того, что между русским императором и прусской королевской четой установилась прочная и нежная дружба, которая впоследствии явилась одним из побудительных мотивов вступления России в войну с Наполеоном.

Во время пребывания в Мемеле, — писал Адам Чарторижский, бывший с царем и царицей в этой поездке, — «Королеву всегда сопровождала ее любимая сестра, принцесса Сальмская, теперешняя герцогиня Кумберландская, о которой скандальная хроника могла бы порассказать многое. Присутствие принцессы уменьшало строгость этикета, оживляло

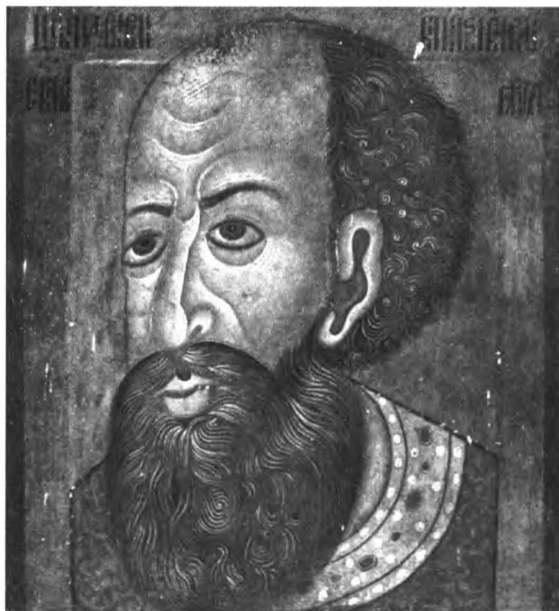

Иван III

Василий III

Иван IV

Царь Михаил Федорович

Патриарх Филарет

Царица Евдокия Лукьяновна,
вторая жена царя Михаила
Федоровича

Царь Алексей Михайлович

Царица Мария Ильинична,
первая жена царя Алексея
Михайловича

Царица Наталья Кирилловна,
вторая жена царя Алексея
Михайловича

Царь Федор Алексеевич

Патриарх Никон

Царица Марфа Матвеевна,
вторая жена Федора
Алексеевича

Царь Иван Алексеевич

Царица Прасковья Федоровна,
жена царя Иоанна V

Правительница Софья Алексеевна

Боярин В.В.Голицын

Царица Евдокия Федоровна,
первая жена царя Петра I

Император Петр I Алексеевич

Императрица Екатерина I Алексеевна

Царевич Алексей Петрович

Кронпринцесса Шарлотта-Христина-Софья

Император Петр II Алексеевич

Императрица Анна Иоанновна

Герцог Курляндский Эрнест Иоганн
Бирон

Граф Бурхард Миних

Граф А. И. Остерман

Правительница Анна
Леопольдовна

Император Иоанн VI Антонович
с матерью

Императрица Елизавета
Петровна

Император Петр III Федорович

Графиня Елизавета Романовна
Воронцова

Императрица Екатерина II Алексеевна

Граф Г. Г. Орлов

Князь Г. А. Потемкин-Таврический

С. В. Салтыков

С. А. Понятовский

А. Д. Ланской

П. В. Завадовский

Император Павел I Петрович

Великая княгиня Наталья
Алексеевна, первая жена
императора Павла I

Императрица Мария Федоровна,
вторая жена императора Павла I

Император Александр I Павлович

Императрица Елизавета
Алексеевна, жена императора
Александра I

Старец Федор Кузьмич

разговор и придавало более интимный характер их встречам: принцесса была прекрасной поверенной тайных помыслов своей сестры; она была бы готова и на более существенную помощь сестре в этих делах, если бы в этом встретилась надобность. После одного из свиданий с Прусским Двором, император, в то время сильно увлекавшийся кем-то другим, рассказывал, что серьезно встревожен расположением комнат, смежных с его опочивальней, и что на ночь он запирает дверь на два замка, из боязни, чтобы его не застали врасплох и не подвергли бы слишком опасному искушению, которого он желал избежать. Он даже высказал это обеим принцессам, причем был более откровенен, нежели учтив и любезен».⁹

Александр приехал в Мемель 10 июня, а уехал 16-го, но всего за одну неделю он, буквально, свел с ума синеокою двадцатилетнюю красавицу-королеву, в свою очередь пленившую царя восторженностью души и вспышками веселого кокетства, сочетавшимися с глубокой заинтересованностью сложными проблемами жизни и редкостной начитанностью. Несмотря на молодость (царь был на год моложе Луизы), Александр пустил в ход все: пламенную мечтательность, которая выходила у него такой естественной, хотя никогда не была искренней, желание послужить идеалам человечности, пылкое стремление к славе, намерение стать на защиту угнетенной Европы, готовность каждый момент спешить на помощь последним из последних, забыв о своем высоком сане, повинувшись только чувству гуманности. Это была тонкая игра со стороны «прельстителя». Она достигла цели. Один из эпизодов, произошедший на глазах Луизы, раскрывает то, как Александр доказывал свою гуманность и стремление спешить на помощь. «Был кончен один из танцев, — писала Луиза в своем «Дневнике», — император отдыхал, сидя рядом со мной, мы разговаривали. Вдруг все устремились к окнам, спрашивали: «В чем дело?» Говорят: «Кто-то утонул». Как ветер Александр бросился вниз, чтобы помочь. Это был маленький мальчик, которого уже успели вытащить из воды. Я вижу в окно, как император возвращается с мальчиком восьми или девяти лет на руках. Войдя, он сам дает ему чаю, который тот пьет с удовольствием. И приходит ко мне будто ничего не случилось. Я говорю ему о том, как он добр, как я растрогана. »Всякий сделал бы это на моем месте» — отвечал он».¹⁰

На другой день после отъезда Александра Луиза, воспользовавшись отъездом в Петербург курьера, отправила вслед императору письмо. «Я тщетно буду стараться изобразить вам горе, в которое поверг меня ваш отъезд. Он был ужасен. Толь-

ко надежда увидеть ваше императорское величество через два года несколько утешила меня». ¹¹

А через месяц Луиза получила письмо от своего брата, принца Георга, в котором он восхищался красотой Альп. Луиза отвечала ему письмом от 13 июля 1802 года: «Я не видела никаких Альп, но я видела людей, или лучше сказать человека в полном смысле этого слова, который воспитан альпийским жителем (по-видимому, имелся в виду Лагарп) и знакомство с которым дороже мне, чем все Альпы мира. Ибо Альпы не могут ничего делать, а он действует, распространяет вокруг себя счастье и благословение каждым своим решением. Каждый его взгляд создает кругом счастливых людей, осчастливленных его небесной добротой. Что я говорю об императоре, об единственном Александре, ты, конечно, понял с первых же слов». ¹² Что же касается Александра, то его видимое увлечение королевой Пруссии многие считали «платоническим кокетничаньем» и «политическим флиртом», ибо во взаимоотношениях с женщинами Александра более увлекало тщеславие, чем удовлетворение страсти. Хотя следует признать, что и удовлетворение страсти порой принимало у рано избалованного женскими ласками прекрасного и женственного принца извращенные формы. Писатель-эмигрант Лев Дмитриевич Любимов, анализируя отношения Александра с его сестрой Екатериной Павловной, заметил: «Всех женщин любил Александр Павлович и, похоже, тою же любовью, что и прочих, сестру свою, блистательную великую княгиню Екатерину Павловну». ¹³

И вместе с тем Александр далеко не всегда добивался физической близости с женщинами, которые нравились ему. «В числе тех женщин, с которыми проводил он целые вечера, к которым его тянуло, — имеются вовсе некрасивые, вовсе немолодые, на чью добродетель он посягать был отнюдь не намерен. В том-то и дело, что он любил всех женщин, паче всего любил женское общество — и, так как расточил он свой пыл, по-видимому, преждевременно, в бесчисленных похождениях, — очень часто сознание, что победа зависит от его доброй воли, вполне удовлетворяло его, почему и заходить слишком далеко казалось ему излишним.» ¹⁴

И потому не следует преувеличивать воздействие на Александра прусской королевы, хотя симпатия к ней и сыграла свою роль в сближении двух дворов — Петербургского и Берлинского. И все же Чарторижский, четыре года спустя, писал Александру: «Интимная дружба, которая связала Ваше императорское величество с королем после нескольких дней знакомства, привела к тому, что Вы перестали рассматривать Пруссию, как политическое государство, но видели в ней до-

рогую Вам особу, по отношению к которой признавали необходимым руководствоваться особыми обязательствами». ¹⁵ Но до войны из-за Пруссии, или, тем более, в пользу Пруссии, дело пока еще не дошло, Александр все еще оставался верен идее превращения России в правовое либеральное государство в духе тех идей, которые внушил ему Лагарп, хотя практика государственного управления часто показывала утопичность такого подхода к внутренним российским делам.

Поздней осенью 1803 года в Петербург из своего имения Грузино вернулся по вызову Александра Аракчеев, а 3 декабря того же года «Негласный комитет» собрался на свое последнее заседание.

В этих двух событиях современники увидели знамение того, что недолгая эпоха либерализма закончилась, не протянув и трех лет.

НОВЕЛЛА СТО ЧЕТВЕРТАЯ

Крещение огнем и причащение кровью.

2 августа 1802 года Наполеон Бонапарт был объявлен пожизненным консулом Франции, а 6 мая 1804 года бывший генерал Республики принял титул императора французов, тем самым дав понять, что ничья воля, кроме его собственной, не является для него законом. Человек, объединивший в себе способности великого полководца и практически неограниченную власть императора, становился реальной угрозой для всей монархической Европы и она приняла брошенный ей вызов.

В это же время русская внешняя политика принимает откровенно антифранцузский характер. Недолго занимавший пост канцлера, А.Р.Воронцов 16 января 1804 года уступил его А.Чарторижскому, который, возглавив российское внешнеполитическое ведомство, начал действовать, прежде всего, в интересах своей родины — Польши. Составной частью плана Чарторижского стало создание новой антифранцузской коалиции и к осени 1805 года в нее вошли Россия, Австрия, Швеция и Англия, а 9 сентября, впервые после Петра Великого, русский император выехал к армии, стоявшей на границе с Австрией. По дороге Александр заехал в имение Чарторижского Пулевы, где, каждодневно очаровывая польское общество, говорил о восстановлении независимости Польши и о своей неизменной любви к этой стране. Отсюда он поехал в Берлин на переговоры о присоединении к коалиции Пруссии, а затем на свидание с императором Австрии Францем — в Ольмюц. После этого Александр прибыл в объединенную со-

юзную русско-австрийскую армию, стоявшую под командованием М.И. Кутузова, на северном берегу Дуная.

16 ноября, под Вишау, Александр впервые оказался на поле боя, пока еще только наблюдая столкновение противоборствующих сторон. Сражение оказалось удачным для союзников — атака неприятеля была отбита, французы отступили, а в плен к союзникам попало пятьсот неприятельских солдат и офицеров.

Александр объехал поле боя верхом, разглядывая в лорнет, как мучаются раненые и недвижно застыли убитые. Он был потрясен и напуган увиденным, и распорядился помогать всем раненым, независимо были они своими или чужими.

Зрелище людских страданий оказалось для него настолько непереносимым, что он ничего не ел весь оставшийся день, а к ночи и вовсе заболел и слег в постель.

Тем не менее успех под Вишау воодушевил Александра, и, когда в его ставку прибыл посланец Наполеона с предложением провести переговоры о перемирии, эта просьба была отклонена.

В полночь на 20 октября в штабе Кутузова, в Крженовице, состоялся союзный военный совет, на котором, вопреки воле главнокомандующего, под давлением Александра и австрийского императора Франца, было принято решение утром следующего дня начать генеральное сражение.

На рассвете 20 ноября Наполеон, не дав союзникам выстроиться в боевые порядки, стремительно атаковал их у деревни Аустерлиц. Кутузов был при четвертой колонне русских войск, остановившейся на господствующих над местностью Праценских высотах. Солдаты этой колонны не только остановились, но и составили ружья в козлы.

Александр подъехал к Кутузову и спросил:

— Михайла Ларионыч, почему не идете вперед?

— Я поджидаю, чтобы все войска колонны подсобрались.

— Ведь мы не на Царицином лугу, где не начинают парада, пока не придут все полки! — возразил Александр.

— Государь, потому-то я и не начинаю, что мы не на Царицином лугу. Впрочем, если прикажете...

Император приказал, колонна сошла вниз, и тут-то Наполеон немедленно занял высоты, расположил на них множество орудий, начал наступление и к вечеру наголову разгромил союзников.

В этом сражении Александр увидел войну с другой стороны — рядом с ним убило двух лошадей — лейб-медика Виллие и его собственную запасную лошадь, — а его самого, разорвавшееся в двух шагах ядро, осыпало землей.

При отступлении, больше напоминавшем паническое бегство, конвой и офицеры свиты потеряли Александра и он

остался с Виллие, двумя казаками, конюшим и берейтером Ене. Император мчался, не разбирая дороги, как вдруг его конь остановился перед неширокой канавой, которую никак не мог перепрыгнуть. Александр был плохим наездником и, скакавший рядом Ене, несколько раз перепрыгивал на коне канаву туда и обратно, показывая, как надо это делать, но Александр никак не решался прищипорить коня. А когда он все же преодолел препятствие, то нервы вконец изменили ему, и Александр сошел с седла, сел под деревом и расплакался. Спутники императора в смущении стояли рядом, пока к ним ни подошел майор Толь и стал утешать Александра, который поднялся с земли, отер слезы и обнял майора.

Через два дня, 22 ноября, император Франц сумел заключить перемирие, распространявшееся и на русских, которое Александр подписал чуть позже, а 27 ноября, оставив армию, император уехал в Россию.

8 декабря печальный, обескураженный неудачей, смятенный духом двадцативосьмилетний Александр тихо, почти незаметно въехал на заснеженные улицы Петербурга и в тот же вечер впервые открыто навестил свою любимую фаворитку Марию Антоновну Нарышкину.

НОВЕЛЛА СТО ПЯТАЯ

Сердечные истории августейших братьев

Мария Антоновна, в девичестве княжна Святополк-Четвертинская, была безоговорочно признана первой красавицей России. Ее муж — обер-гофмейстер двора Дмитрий Львович Нарышкин — в петербургском свете носил прозвище «Великий мастер Масонской ложи Рогоносцев», он все прекрасно знал, но безропотно делил свое супружеское ложе с августейшим соперником. Злоязыкие придворные презрительно осуждали обер-гофмейстера, но не было ни одного мужчины, который осудил бы Александра, ибо Нарышкина была божественно хороша и оттого абсолютно неотразима. «Разинув рот, стоял я в театре перед ее ложей и преглупым образом дивился красоте ее до того совершенной, что она казалась неестественной, невозможной», — писал один из ее современников. А великий полководец, шестидесятилетний Кутузов, покоровший немало сердец светских прелестниц, говоря о Нарышкиной, заметил как-то в письме одной из своих дочерей: «Если я боготворю женщин, то потому только, что она (т.е. Нарышкина) — сего пола».

А теперь пристало время познакомиться и с семьей очаровательной Марии Антоновны. Ее отцом был польский князь

Антоний-Станислав Четвертинский, убитый варшавскими повстанцами в 1794 году за приверженность к России, а матерью — лифляндская баронесса Кампенгаузен. У Марии Антоновны были брат Борис и сестра Жанетта, о которой коротко упоминалось в связи с отъездом великой княгини Анны Федоровны, так как именно княгиня Жанетта Антоновна Святополк-Четвертинская была одной из причин разрыва Анны Федоровны с Константином.

Жанетта Антоновна была тоже красива, но не столь прекрасна и пленительна, как ее сестра, привлекая больше живостью характера и легкостью нрава.

Встретив Жанетту, Константин стал забывать свою тогдашнюю любовь — сильную, нежную, кажется, единственно светлую и настоящую, которая владела им вот уже несколько лет — любовь к польской княжне Елене Любомирской, девушке из старого, знатного магнатского рода. Это случилось после того, как в 1799 году Константин Павлович был отправлен в Ровно инспектировать пограничные войска и там познакомился с гостеприимным, вскоре ставшим милым его сердцу домом князей Любомирских, лучшим украшением которого оказалась юная и прекрасная княжна Елена. Внезапно вспыхнувшая любовь к ней была настолько сильна, что Константин решил развестись с Анной Федоровной и жениться на Елене Любомирской.

Уехав в Петербург он слал ей письмо за письмом. «Я теперь так живо воспринимаю, так глубоко чувствую, как раньше никогда», — писал Константин Павлович, — чего не писал никому и никогда.

А 26 ноября 1800 года, и на следующий день, в еще одном письме он совершенно неожиданно выступает натурой нежной и чувствительной: «Когда же я снова увижу милый Ровно и его дорогих и добрых обитателей! Как счастлив был я, если бы имел счастье снова увидеть вас и опять побывать в Ровно, где я провел наиболее счастливые моменты моей жизни. Когда я вспоминаю об этом счастливом времени, которое я провел у вас, я плачу и в то же время думаю, когда опять я буду среди вас?» В феврале 1801 года он пишет Елене: «Мне скучно. С начала года у нас были балы и маскарады, но я скучал и все спрашивали у меня, почему я не танцую? Тогда я отвечал самому себе: увы, я не в Ровно! Если я не увижу вас снова, я умру от тоски и печали, и если бы мне дано было императором позволение уехать к вам, только один Бог знает, как я был бы счастлив!». ¹⁵

Но чувство это угасло после того, как при дворе появились сестры Четвертинские и Александр увлекся Марией, а Константин — Жанеттой.

Константин даже собирался жениться на Жанетте Четвертинской, как вдруг переменял намерение, увлекшись, и очень серьезно, продавщицей из модного французского магазина Жозефиной Фридрихс.

Подробнее о Жозефине Фридрихс мы расскажем чуть позже, а сейчас закончим сюжет с Марией Антоновной Нарышкиной.

После того, как Адам Чарторижский вернулся из Италии, его прежние отношения с Елизаветой Алексеевной не возобновились, но и к мужу она чувств своих не переменяла, оставаясь по-прежнему апатичной.

Историк Г.И.Чулков писал:

«Сердечная рана, которую почувствовал Александр, заметив холодность своей жены, не исцелялась. По-видимому, молодой муж старался утешиться ухаживаниями за хорошенькими дамами, и это еще усилило взаимное охлаждение. В конце-концов молодые супруги дали друг другу свободу. Однако Елизавета была не совсем равнодушна к поведению своего мужа. В 1804 году в одном из писем к матери Елизавета Алексеевна горько жаловалась на соперницу — Марию Антоновну Нарышкину, которая на балу сообщила императрице о своей беременности. «Какую надо иметь голову, чтобы объявить мне об этом! Ведь она прекрасно знает, что я понимаю, каким образом она забеременела. Я не знаю, что от этого произойдет и чем все это кончится!».¹⁷

Связь с Четвертинской-Нарышкиной продолжалась у Александра четырнадцать лет. Утверждали, что результатом многолетней связи было трое детей (Мария, София и Эммануил), которые все носили фамилию Нарышкиных. Нарышкина, однако, обманывала и мужа, и Александра, то с князем Гагариным, высланным за это за границу, то с генерал-адъютантом графом Адамом Ожаровским, а потом и с множеством других ветреников и волокит. Однажды на даче Нарышкиных в Петергофе, внезапно приехавший Александр, вошел в спальню Марии Антоновны и, открыв дверь, увидел, как кто-то нырнул в платяной шкаф. Это был Ожаровский. Александр открыл шкаф и сказал своему любимцу: «Ты похитил у меня самое дорогое. Тем не менее с тобой я и дальше буду обращаться: как с другом. Твой стыд будет моей мезтью». Александр так и поступил.

Но напрасно было бы думать, что Мария Антоновна Нарышкина была единственной, всепоглощающей страстью Александра, даже в те годы, когда была верна ему. Любовные похождения Александра были чрезвычайно многочисленны, и в чувствах своих он был весьма непостоянен. В изданной в Лондоне в

1904 г. и запрещенной в России тогда же нелегальной брошюре «Александр I, его личность, правление и интимная жизнь», утверждалось, что «некоторое время серьезную конкуренцию Нарышкиной составила графиня Бобринская, и из этой связи Александра происходит польский род Варпаховских». ¹⁸

Графиня Мария Алексеевна Бобринская была единственной дочерью сына Екатерины II и Григория Орлова — Алексея Григорьевича, и приходилась, таким образом, Александру двоюродной сестрой. Известно, что графиня была выдана замуж за князя Сергея Николаевича Голицина, имела от него трех сыновей и славилась нравственностью и верностью своему мужу. Каким образом могла она стать родоначальницей польской фамилии Варпаховских остается невыясненным, да и вряд ли будет выяснено, ибо представляется неправдоподобным.

Гораздо более определенно можно проследить довольно своеобразный «роман» Александра с одной из загадочных женщин того времени — Анной де Пальме. Своеобразие этого «романа» заключалось в том, что он представлял собою крайне редкую любовную интрижку, закончившуюся для Александра ничем. Как правило, он своего добиваться умел.

Это объяснялось, по-видимому, тем, что предмет страсти императора был непохож ни на один другой, с каким приходилось ему иметь дело.

Анна де Пальме, побочная дочь статс-секретаря Екатерины II Ивана Перфильевича Елагина — секретная агентка Екатерины II, Павла I и Александра I, в 1806 году, будучи 34-х лет от роду, привлекла благосклонное внимание 29-ти летнего императора. Александр стал демонстративно проезжать мимо дома, где жила Анна де Пальме, и, завидев ее, кланялся особенно учтиво и улыбался особенно ласково. Так продолжалось целую неделю, в течение которой император появлялся один, верхом на коне, в одиннадцать часов утра и, отыскивая глазами предмет своей страсти, всякий раз кланялся, улыбаясь. Анна де Пальме, блюдя свое незапятнанное имя, ибо была девицей и, что еще более важно, принципиальной мужененавистницей, через неделю задернула шторы на своих окнах и перестала, таким образом, отвечать на поклоны Александра.

Еще через неделю Александр понял, что девица де Пальме не принимает его ухаживаний и перестал ездить мимо ее окон.

Однако в одном из соседних домов заприметил Александр молодую пригожую немку — купчиху Бахарахтову — «и лучше успел», как лапидарно заметила неприступная Анна де Пальме в оставленных ею «Мемуарах». ¹⁹

Конечно же, Пальме и Бахарахтова — лишь случайные бабочки-однодневки в жизни Александра, многие же другие ос-

тались в неизвестности. И свои интимные тайны сами они, и их августейший поклонник унесли с собою в могилы, а история оставила имена немногих, и среди тех, кто основательно кружил головы Александра и Константина, кроме сестер Святополк-Четвертинских, было не так уж много дам, оставивших в их жизни глубокий след.

Среди женщин, сопутствовавших Константину многие годы, была мать его единственного сына Жозефина Фридрихс, с которой цесаревич познакомился в 1805 году на одном из балов-маскарадов. Историю Жозефины и Константина описал сын адъютанта цесаревича К.П.Колзаков, узнавший ее от своего отца.

После того, как Наполеон стал императором и объявил амнистию эмигрантам, многие из них возвратились на родину. Тогда-то в одной из тихих улочек Парижа появилась мадам Террей, владелица модного магазина, проведшая годы эмиграции в Германии, где была гувернанткой в богатой дворянской семье. Среди ее работниц была очень миловидная четырнадцатилетняя девочка по имени Жозефина.

Однажды в магазин пришел богатый англичанин и совершенно очаровался девочкой. Кончилось тем, что он попросил родителей Жозефины разрешить их дочери поехать с ним в Англию. Он обещал отдать девочку в один из лучших пансионатов, а когда станет она совершеннолетней, сделать ей предложение, и если Жозефина согласится, жениться.

Родители, получив в подтверждение серьезности намерений будущего мужа Жозефины, большие деньги, доверили ему дочь и разрешили ей поехать в Англию.

А вскоре дела госпожи Террей пошли плохо и она, продав магазин, уехала в Петербург, где, по слухам, к эмигрантам-французам относились как нельзя лучше. Так и случилось: госпожа Террей открыла в Петербурге модный магазин и вновь стала процветать.

В конце 1805 года, прогуливаясь по Невскому проспекту, она встретила красивую молодую даму, которая, вскрикнув, бросилась ей на шею. Это оказалась Жозефина. Мадам Террей тотчас же пригласила ее к себе домой, и узнала ее историю.

Оказалось, что как только Жозефина окончила пансион, ее благодетель внезапно умер, не успев оставить ей завещания, и родственники покойного забрали все имущество и деньги себе.

Жозефина, предоставленная самой себе, сначала хотела вернуться к родителям, но тут подвернулся приехавший в Лондон русский полковник и флигель-адъютант императора Александра барон Фридрихс и сделал ей предложение. После

свадьбы полковник уехал в Россию, пообещав немедленно по приезде в Петербург выслать ей деньги на дорогу. Но прошло два месяца, а ни денег, ни писем от мужа не было. И тогда Жозефина продала все драгоценности и, сев на корабль, приплыла в Петербург.

Здесь вскоре же она узнала, что никакого барона, полковника и флигель-адъютанта Фридрихса нет, а есть, носящий такую же фамилию фельдъегерь, который и был недавно в Лондоне. Она отыскала штаб фельдъегерского корпуса, там ей назвали адрес Фридрихса, и когда она пришла, то оказалось, что это — простая солдатская казарма, а всего имущества у ее мужа — солдатская койка. К тому же Фридрихса в казарме не оказалось: он был в отъезде по службе, на сей раз на Кавказе.

Не успела Жозефина обосноваться у гостеприимной госпожи Террей, как вдруг объявился ее муж и умолил ее быть вместе с ним. Однако Фридрихс оказался грубым и невежественным человеком и Жозефина, прожив с ним в бедной и тесной квартирке, снятой по случаю, все же решила на окончательный разрыв.

Это произошло после того, как на одном из маскарадов она познакомилась с высоким незнакомцем, оказавшимся Константином Павловичем. Жозефина нашла в нем любовника и друга и в 1808 году родила сына — Павла Константиновича Александрова.

Его крестным отцом был Александр I. В 1812 году он был возведен в дворянское достоинство и тогда же, четырехлетним, был записан юнкером в лейб-гвардии Конный полк, а через несколько дней произведен в корнеты. Получив хорошее домашнее образование, Александров в 1823 году начал действительную военную службу в чине поручика. В 1837 году был он уже полковником, в 1846 — генерал-майором свиты императора Николая I — своего родного дяди.

Умер он в 1857 году генерал-лейтенантом и генерал-адъютантом, оставив дочь — Александру Павловну, в замужестве княгиню Львову.

НОВЕЛЛА СТО ШЕСТАЯ

Любовь и смерть кавалергарда Алексея Охотникова

А двумя годами раньше рождения внебрачного сына у Константина, у его старшего брата родилась дочь. И хотя рождена она была в законном браке, радости от ее появления на свет, августейший отец не испытал.

С рождением второй дочери Елизаветы Алексеевны связывали загадочную, как мы теперь сказали бы, детективную историю, героем, а точнее сказать, жертвой которой стал

близкий императрице человек — ротмистр Алексей Яковлевич Охотников.

Охотников был кавалергардом и потому его биография была помещена в «Сборнике биографий кавалергардов 1801-1826», составленным С.А.Панчулидзевым и вышедшим в свет в Санкт-Петербурге в 1906 году.

С.А.Панчулидзеv передает, что за два года до своей смерти 24-х летний штаб-ротмистр кавалергардского полка Алексей Яковлевич Охотников влюбился в Елизавету Алексеевну, зная, что Александр оставил ее из-за своей любви к Нарышкиной. И хотя он знал, что императрица совершенно неприступна из-за того, что, несмотря ни на что, любит своего мужа, Охотников не терял надежды и вскоре Елизавета Алексеевна откликнулась на его чувства. О их близости узнал Константин Павлович и вечером 4 октября 1806 года нанятый им убийца ударил Охотникова кинжалом в бок, когда штаб-ротмистр выходил из театра.

Раненого Охотникова привезли домой без чувств. Когда он пришел в себя, то прежде всего попросил все случившееся сохранить в тайне, объясняя свою рану дуэлью. Домашние знали, что за дуэли полагалось строгое наказание, и потому молчали. К нему немедленно приехал личный хирург Елизаветы Алексеевны, перевязал рану, и опасаясь роковых последствий, остался ночевать в соседней комнате. Ночью врач встал, подошел к постели Охотникова и увидел, что она пуста.

Врач кинулся в гостиную и увидел Охотникова лежащим без чувств на диване, а на столе обнаружил только что оконченное письмо к Елизавете Алексеевне, в котором раненый, успокаивая находившуюся в эти дни на последнем месяце беременности императрицу, умолял не верить городским слухам и заверял, что все в порядке.

Доктор уложил Охотникова в постель и обещал передать письмо в руки Елизаветы Алексеевны.

Несмотря на уход и заботы, рана не заживала и через три недели Алексей Яковлевич почувствовал, что умирает. Через доктора безутешно скорбевшая императрица, предупредила своего возлюбленного о том, что приедет к нему и послала в дом к умирающему свою родную сестру, принцессу Амалию Баденскую, которая жила тогда в Петербурге и стала посредницей между императрицей и Охотниковым. Амалия приехала к Охотникову и сказала, что Елизавета Алексеевна будет у него в девять часов вечера. Охотникова одели в мундир, убрали комнату, где он лежал, цветами, но значительные перемены в лице, болезненная худоба и сильный жар все же бросились в глаза Елизавете Алексеевне. Она с трудом сдерживала рыдания, ста-

раясь быть спокойной и даже веселой. Когда она, прощаясь, поцеловала больного в губы, Охотников сказал: «Я умираю счастливым, но дайте мне что-нибудь, что унесу с собою».

Елизавета Алексеевна отстригла локон, положила его в золотой медальон и сняла с пальца кольцо.

Утром он причастился, исповедался и, попросив кольцо и медальон положить в его гроб, тихо умер.

Узнав о смерти своего возлюбленного и сама Елизавета Алексеевна едва не умерла. Ее ничто не могло остановить — ни гнев Александра, ни боязнь скандала, ни то, что она была на последних днях беременности. Она бежала из дворца, и, приехав в дом Охотникова, долго стояла у его гроба на коленях, рыдая и молясь.

Охотников умер 30 октября, а 3 ноября, на четвертый день после его смерти, и почти сразу после похорон, Елизавета Алексеевна родила дочь, названную Елизаветой. С первого же дня мать безумно полюбила девочку, называя ее «котеночком». Это слово — «котеночек» — она писала по-русски в письмах своих к матери, хотя, разумеется, язык этих писем был французским. Свекровь императрицы Мария Федоровна говорила об этом ребенке одному близкому ей человеку: «Я никогда не могла понять отношения моего сына к нему и к его матери. Только после смерти девочки поверил он мне эту тайну, что его жена, признавшись ему в своей беременности, хотела уйти, уехать. Мой сын поступил с ней с величайшим великодушием». Елизавета Алексеевна, оказавшаяся несчастной любовницей и покинутой женой, оказалась и совершенно злосчастной матерью. Ее Лизанька прожила, как и дочь Чарторижского Мария, совсем немного и умерла через полтора года 30 апреля 1808 года. Девочку похоронили на одном с ее отцом кладбище — в Александро-Невской лавре, и когда осиротевшая мать приезжала к ней на могилу, она навещала и могилу Охотникова, над которой через полгода после его похорон был поставлен дорогой и большой памятник: на скале возле сломанного молнией дуба, стояла коленопреклоненная женщина, держащая в руках погребальную урну...

Небогатые родственники Охотникова не могли поставить такой памятник. Это сделала безутешная Елизавета Алексеевна.

НОВЕЛЛА СТО СЕДЬМАЯ

Вторая война с Наполеоном: от Пултуска до Тильзита

Близкий ко двору Л.Н.Энгельгардт, как и многие другие, отмечал, что после поражения под Аустерлицем Александр резко переменялся.

«Аустерлицкая баталия, — писал Энгельгардт, — сделала великое влияние над характером Александра, и ее можно назвать эпохою в его правлении. До того он был кроток, доверчив, ласков, а тогда сделался подозрителен, строг до безмерности, неприступен и не терпел уже, чтобы кто говорил ему правду; к одному графу Аракчееву имел полную доверенность, который по жестокому своему свойству приводил государя на гнев и тем отвлек от него людей, истинно любящих его и Россию.»²⁰

После Аустерлица наступила новая полоса и во внешней политике: 17 июня 1806 года Министром иностранных дел стал вместо Чарторижского барон А.Я.Будберг, а его товарищем (т.е. заместителем) граф А.Н.Салтыков. Им предстояло склонить Пруссию к участию в антифранцузской коалиции и в этом деле российским дипломатам более всего помог сам Наполеон: 24 сентября 1806 года он объявил войну Пруссии и королю Фридриху-Вильгельму III не оставалось ничего иного как кинуться за помощью к Александру, весьма расположенному помочь Пруссии и тем самым смыть позор аустерлицкого поражения. Наполеон же, не ожидая вступления России в войну, за восемь дней в двух сражениях — под Иеной и Ауэрштедом — наголову разгромил пруссаков, а 12 октября вступил в Берлин.

Русская армия, численностью в 130 тысяч солдат и офицеров при 500 орудиях двинулась к границам Пруссии тремя отдельными корпусами, самым крупным из которых командовал генерал Л.Л.Беннигсен. Единого командующего армия не имела и Беннигсен почитал себя главным. Но с этим совершенно не был согласен командир второго корпуса — Ф.Ф.Буксгевден, отказавшийся выполнять распоряжения Беннигсена.

Чтобы положить конец анархии, Александр назначил главнокомандующим 69-летнего фельдмаршала, графа Михаила Федотовича Каменского. Суворову, когда он совершал свой знаменитый Швейцарский поход было ровно столько же, но Каменский не был Суворовым. Он писал царю, что не может из-за старости и слабости держаться в седле, не может читать карту и не видит того, что подписывает. Однако Александр настоял на своем и Каменский выехал к армии.

Приехав к польскому городу Пултуск, где собрались все три корпуса, Каменский в три часа ночи вызвал к себе в спальню Беннигсена и вручил ему приказ об отходе армии в Россию. Ранним утром фельдмаршал, одетый в заячий тулупчик, и повязанный бабьим платком, с трудом, при помощи адъютантов, взобрался на лошадь и прокричал, глядя на выстроившихся перед ним гренадер: «Вас предали и продали! Все потеряно, и вам лучше бежать домой! Я убегаю первым!»

И историки, и современники сходятся на том, что с Каменским приключилось временное умопомешательство, после чего во главе армии немедленно встал Беннигсен, сумевший 14 декабря 1806 года остановить продвижение авангарда французской армии, и раздувший это событие до размеров решительной победы над самим Наполеоном, хотя командовал сражением маршал Ланн. 26 января 1807 года Наполеон взял реванш в жестоком и кровопролитном сражении при Прейсиш-Эйлау, в котором русские и французы потеряли более одной трети солдат и офицеров. Поле боя осталось за французами, но Беннигсен доложил Александру о своей победе и Александр наградил «победителя» орденом Георгия второго класса и пожизненной пенсией в 12 тысяч рублей.

16 марта 1807 года, отслужив в Казанском соборе торжественный молебен, Александр выехал к армии. С ним вместе отправились Будберг и три генерал-адъютанта — П.А.Толстой, граф Х.А.Ливен, сын Ш.Х.Ливен, и князь П.М.Волконский. За месяц перед тем в поход выступила гвардия.

Проезжая через Митаву, Александр посетил находившегося там в эмиграции, проживавшего в замке герцогов Курляндских брата казненного французского короля — графа Лильского.

Свидание было непродолжительным. Прощаясь с изгнанником, царь заверил его, что день, когда он взойдет на трон Франции под именем Людовика XVIII будет счастливейшим днем и в жизни Александра. Однако, едва успев сесть в карету, Александр тут же сказал своим спутникам, что этот ничтожный человек никогда не сможет царствовать.

20 марта в пограничном местечке Паланга Александра встретил прусский король Фридрих-Вильгельм III, бежавший после взятия французами Берлина в Мемель (ныне Клайпеда) — самый восточный город в его владениях. Здесь, рядом с русской границей, он и жил со своей семьей и небольшим двором, надеясь на скорую победу Александра над Наполеоном. В его распоряжении находился четырнадцатитысячный отряд — все, что осталось от Прусской армии — после Иены и Ауэрштедта.

23 марта союзные монархи провели смотр прибывшей из Петербурга гвардии, а затем Александр навестил лечившегося в Мемеле, тяжело раненного под Прейсиш-Эйлау, генерал-майора Михаила Богдановича Барклая де Толли.

Александр пришел к нему один, без какого-либо сопровождения и долго беседовал с раненым о сражении под Эйлау и о причинах отступления русской армии. Визит царя к своему генералу не был простым актом вежливости и милосердия:

царю нужны были верные, честные и способные помощники, а Барклай как раз и обладал всеми этими качествами. Михаил Богданович рассказал Александру, что его преследует мысль о том, что французские войска стоят в трех переходах от русской границы и потому он непрерывно размышляет о средствах борьбы с этой страшной опасностью. Барклай откровенно сказал царю, что не видит в русской армии полководца равного Наполеону и потому считает, что в случае большой войны на территории России следует применить скифскую тактику заманивания противника в глубь страны, сжигая города, отравляя колодцы, уничтожая запасы фуража и продовольствия, растягивая на сотни верст коммуникации, и перерезая их действиями легучих отрядов. Этот план Барклай осуществил в 1812 году, когда был уже военным министром и командующим 1-й Западной армией.

Александр расстался с Барклаем, наградив его двумя орденами и присвоив звание генерал-лейтенанта. Но самое главное было в том, что царь правильно оценил потенциальные возможности этого человека и стал энергично способствовать его карьере.

14 апреля в прусском городке Бартенштайн, в Главной квартире Беннигсена, русский и прусский министры иностранных дел подписали Конвенцию, провозглашавшую, что «их величества обязываются употребить для себя все свои силы, не отступать от общего дела и положить оружие не иначе, как с общего согласия».²¹

Далее шли статьи, приглашающие правительства Англии, Австрии и Швеции присоединиться к Бартенштайнской Конвенции.

Ратифицировав Конвенцию, монархи разъехались: Фридрих-Вильгельм поехал в Кенигсберг, а Александр — в пограничный с Россией Тильзит.

С наступлением лета Наполеон начал в Восточной Пруссии новую кампанию.

2 июня 55-тысячная армия Беннигсена была разбита Наполеоном под Фридландом.

4 июня Александр проводил смотр войскам в Олите, когда к нему доставили донесение об этом поражении, написанное Беннигсеном.

В конце донесения Беннигсен высказывал мнение о необходимости вступить с Наполеоном в мирные переговоры. После мучительных размышлений Александр разрешил «сие исполнить от Вашего имени», но ведение переговоров доверил не Беннигсену, а командиру 17-й дивизии, генерал-лейтенанту, князю Д. И. Лобанову-Ростовскому.

После Фридланда в штабе Беннигсена распространилось уныние и капитулянтские, пораженческие настроения. Прусский генерал фон Шладен, представитель Фридриха-Вильгельма в Главной квартире Беннигсена, писал премьер-министру, барону Гарденбергу: «Офицеры за столом генерала Беннигсена свободно говорили о необходимости скорейшего заключения мира, кажется, никто из них не представлял себе, что император может думать иначе, и, в общем, эти господа были уверены в том, что они сами в состоянии осуществить свой план, даже если император не будет согласен с ними».²²

В это самое время в Главную квартиру Беннигсена приехал Великий князь Константин. После объявления 16 ноября 1806 года второй войны с французами, Константин до конца февраля 1807 года пробыл в Петербурге и лишь тогда отправился в Пруссию. Там он был скорее свидетелем, чем участником, печальных событий под Хайльсбергом и это поражение произвело на Константина столь сильное впечатление, что цесаревич стал ревностным поборником скорейшего мира с Наполеоном.

А после того, как в Тильзит пришло известие о разгроме Беннигсена под Фридландом, Константин стал считать мир с Францией единственно возможным решением. И он выступил решительным сторонником «Мирной» или «Французской» партии. Среди его сторонников оказался даже любимец армии, храбрец и рубака, князь П.И.Багратион. Он написал Константину письмо, в котором решительно поддерживал его мирные усилия.

Константин настаивал на личной встрече Александра и Наполеона и только два генерала — А.И.Остерман-Толстой и М.Б.Барклай де Толли решительно противились этому. На их стороне были и русские патриоты, которые считали Наполеона антихристом, Беннигсена — изменником, а предание памяти десятков тысяч погибших в последней войне с французами — кощунством. Но все зависело от императора, который никак не мог решиться на что-либо определенное.

Барон Г.А.Розенкампф, хорошо осведомленный в делах двора, вспоминал впоследствии: «Неблагоприятный исход сражения при Фридланде произвел очень сильное впечатление на государя. Так как его армия была слишком слаба, то он решил еще раз умиловить грозу и, последовавшее затем свидание в Тильзите разом изменило всю его политику... Император за день перед тем, как решиться на полную перемену своей политики, сидел несколько часов один, запершись в комнате, то терзаемый мыслью отступить в пределы своего

государства для продолжения войны, то мыслью заключить сейчас же мирные условия с Наполеоном». ²³

Наконец Александр решился принять план «мирной» партии и 13 июня два императора встретились в плавучем павильоне, установленном на плоту посередине Немана неподалеку от Тильзита. Смысл ритуала встречи состоял в том, что ни один из императоров не был ни хозяином, ни гостем, ибо встречались они на середине порубежной реки между двумя Империями — Восточной и Западной.

После первой встречи оба императора решили беседовать друг с другом без свидетелей во время катания верхом, пеших прогулок по берегам Немана, свиданий один на один, то у Александра, то у Наполеона. Они обменивались сувенирами и клятвами во взаимном уважении, в вечной верности и совершеннейшей искренности, а в это время их дипломаты готовили договор, кардинально изменявший систему международных отношений.

Во время свидания Александра и Наполеона, в Тильзит приехала и прусская королева Луиза. Она ехала туда, как будто шла на Голгофу, так как была намерена смягчить условия мира, который больше, чем по какой-либо другой стране, бил по Пруссии. Луиза знала, что едва ли добьется этого и оттого страдала еще сильнее, предчувствуя свое поражение. Она несколько раз оказывалась за одним столом с Наполеоном и Александром, и видела, что ее чары бессильны, а надежда на твердую руку ее кумира и его помощь несчастной Пруссии умирает столь же быстро, как и ее бывшие чувства к Александру. «Она видела, — писал видный французский историк Альбер Сорель, — за этим столом пыток, в этом салоне унижения, друга, который вызывал такое преклонение и который теперь был неузнаваем, такого Александра, о каком она не подозревала: полную противоположность прежнего, карикатуру на него, с игривой улыбкой на довольном лице кукольного архангела». ²⁴

Луиза уже не видела в глазах Александра вдохновения, которое горело в них летом 1802 года в Мемеле, и не могла более сравнивать его с Альпами. Чувство, расцветшее пять лет назад, на почве сердечной симпатии, погибло под холодными ветрами политики, еще раз доказав, что любовь и политика не имеют ничего общего. Так оно и случилось, когда договор между Францией и Россией был подписан. Существо договора свелось к тому, что территориальные изменения были произведены прежде всего за счет Пруссии, потерявшей около половины своих земель и населения. Другие статьи касались положения в Средиземноморье, в Молдавии, вокруг Турции и даже во французских колониях, захваченных англичанами.

25 июня был подписан русско-французский договор о мире и дружбе, а через три дня — франко-прусский мирный договор, сразу же окрещенный «карательным трактатом», по которому Пруссия с головой выдавалась Наполеону с молчаливого согласия Александра.

Когда Александр вернулся в Петербург, он обнаружил оппозицию своей новой политике значительно большую, чем мог ожидать. Против этой политики была вдовствующая императрица Мария Федоровна, любимая сестра Александра Екатерина Павловна, большинство духовенства, дворянства и купечества.

Если Аустерлиц, Эйлау и Фридланд считали скорее несчастьями, чем поражениями, то к Тильзиту отнеслись как к национальному позору и неслыханному бесчестью. В высшем обществе разлилась волна ненависти ко всему французскому: французские оперы шли при пустом зале, послов Наполеона — сначала генерала Савари, а затем, сменившего его генерала, графа Коленкура — не принимали почти ни в одном аристократическом доме Петербурга.

Предчувствие смертельной схватки с Наполеоном охватило все русское общество. Адъютант П.И.Багратиона, Денис Давыдов, писал об этом времени: «1812 год стоял среди нас, русских, как поднятый окровавленный штык».²⁵

Но Александр продолжал начатое дело и сменил тех министров, которые недостаточно энергично проводили новую политику.

Новым министром Иностранных дел стал сын фельдмаршала Румянцева, граф Николай Петрович Румянцев, откровенный сторонник профранцузской ориентации, министром Внутренних дел был назначен Михаил Михайлович Сперанский, а в январе 1808 года появился и новый Военный министр — А.А.Аракчеев.

А меж тем назревали новые войны, на сей раз, с недавними союзниками — Англией и Швецией...

НОВЕЛЛА СТО ВОСЬМАЯ

Таинственная мадмуазель Жорж

Здесь уместно будет рассказать об одном, не до конца выясненном эпизоде, переплетающемся, как с большой политической, так и с интимной жизнью Александра, когда одной из его мимолетных любовниц стала парижская актриса мадмуазель Жорж, бывшая перед тем любовницей Наполеона.

Академик Фредерик Массон в книге «Наполеон и его женщины» так говорит о мадмуазель Жорж: «Жорж в 17 лет

была прекрасна, бесподобно прекрасна: голова, плечи, тело — все просилось на картину... Он (Наполеон) был большим поклонником ее красоты, но ему очень нравился и ее бойкий, живой ум». ²⁶ Однако не прошло и года, как Жорж тайком покинула Париж и уехала в Россию. Это случилось после того, как в Париж прибыл русский посол граф П.А.Толстой. Отправляя Толстого в Париж, Александр написал ему: «Мне вовсе не нужен дипломат, а храбрый и честный воин, и эти качества принадлежат вам». Александр не знал тогда, насколько точно определил он качества своего посла — Толстой оказался слишком храбрым воином, совершенно непригодным к дипломатии, хотя его взгляд на перспективу был абсолютно правильным — он не верил в миролюбие Наполеона и призывал Александра готовиться к большой войне с Францией, что и послужило причиной скорого отъезда его в Петербург.

Вместе с графом Толстым в Париж приехал один из внуков княгини Ливен — Бенкендорф. Он стал организатором большой дворцовой интриги, в центр которой попала несравненная красавица мадмуазель Жорж. Бенкендорф признался Жорж в любви и организовал ее побег в Петербург, пообещав жениться. 11 мая 1808 года Жорж, сопровождаемая танцором Дюпором, для конспирации переодетым женщиной, выехала в Петербург. Вскоре она прибыла туда и в письмах родным уже стала подписываться двойной фамилией — Жорж-Бенкендорф, хотя в Петербурге о замужестве речь уже не шла. Смысл интриги состоял в том, что Жорж была намечена Бенкендорфом и его соучастниками в любовницы Александру для того, чтобы царь отвернулся от Нарышкиной, а затем возвратился к Елизавете Алексеевне. Однако интрига, благополучно начавшись, не получила развития. Жорж приехала к царю в Петергоф, получила за свой визит алмазную пряжку, но повторного приглашения не получила, и перешла к Константину Павловичу, который так же не очаровался ею, заявив: «Ваша мадмуазель Жорж в своей области не стоит того, чего стоит в своей — моя парадная лошадь».

Не добившись успеха у августейших братьев, мадмуазель утешилась интрижками и связями с офицерами и придворными, а после 1812 года вернулась в Париж и заняла свое прежнее место в театре.

Любопытно, что по возвращении в Париж Наполеон приказал выплатить актрисе ее жалованье за те годы, какие она провела в Петербурге. Возникает вопрос: за какие услуги Франции получила она эти деньги?

НОВЕЛЛА СТО ДЕВЯТАЯ

Последнее свидание Александра с Наполеоном

А между тем, вернувшись к концу 1807 — середине 1808 года, следует рассказать о первых признаках охлаждения между Россией и Францией.

Сразу же после подписания мира в Тильзите очевидных признаков охлаждения не было. да и откуда им было взяться, если Россия последовательно шла в фарватере французской политики, а Наполеон немало делал для осуществления взаимных акций, выгодных России?

7 ноября 1807 года Россия объявила войну Англии, а четыре месяца спустя, в феврале 1808 года русские войска без объявления войны вторглись в Финляндию, принадлежавшую тогда союзной Англии Швеции. Они быстро продвигались на запад вдоль побережья Финского залива, пытаясь захватить как можно больше пространства. 22 апреля была взята мощная крепость Свеаборг, а затем и столица Финляндии Або (ныне — Турку). 7 ноября 1808 года в Алькиоки была подписана Конвенция, устанавливавшая границы между Россией и Швецией.

В это же время шла еще одна война — русско-турецкая, начавшаяся в декабре 1806 года, но 12 августа 1807 года, руководствуясь положениями, выработанными в Тильзите, турки под давлением французской дипломатии, подписали перемирие, однако его не утвердил Александр.

Вместе с тем между Россией и Францией возникло и накопилось немало нерешенных проблем. Для того, чтобы обсудить и разрешить их Наполеон пригласил Александра на новую встречу, местом которой был определен немецкий город Эрфурт.

2 сентября 1808 года Александр в сопровождении Константина, Н.П.Румянцева, П.А.Толстого, статс-секретарей, генерал-адъютантов, а также посла Франции Коленкура, выехал из Петербурга. Ненадолго остановился он в Кенигсберге, обещая сделать все, что в его силах, чтобы помочь несчастной Пруссии, а потом еще на два дня задержался в Веймаре у своей сестры Марии Павловны — Великой герцогини Саксен-Веймарской.

Еще не доезжая до Эрфурта, далеко от города Александра встретил Наполеон. Увидев карету царя, Наполеон оставил огромную и блестящую свиту и галопом помчался навстречу своему гостю и союзнику. Он сошел с коня и сердечно обнял вышедшего из кареты Александра. Затем два императора верхом поехали по дороге в Эрфурт и въехали в город под звон ко-

локолов и грохот артиллерийского салюта. В Эрфурте их уже ждали десятки немецких королей, герцогов и владетельных князей, съехавшихся по случаю этой встречи. Однако министру Иностранных дел Австрии князю Меттерниху во въезде в Эрфурт было отказано.

Начались встречи, балы, смотры и празднества. Наполеон всячески пытался обольстить Александра, расточал ему восторги и ласковые улыбки. Он пытался склонить царя к тому, чтобы продиктовать Австрии угодные Франции условия без войны и без победы над нею, но Александр не поддавался на увещевания Бонапарта и оставался тверд. Однажды, настаивая на своем, Наполеон так разволновался, что бросил на пол свою шляпу и стал топтать ее. Александр, молча улыбнулся и спокойно пошел к двери. Наполеон опомнился, взял себя в руки и закончил разговор в спокойном тоне.

Однако несдержанность, да и то весьма редко, Наполеон проявлял лишь при встрече наедине. На людях императоры демонстрировали нежную дружбу и предупредительность, но все же некоторые эпизоды обратили на себя внимание участников встречи в Эрфуре.

Однажды во время смотра своих войск Наполеон быстро помчался вдоль фронта, оставив Александра далеко позади, так что русский император оказался похожим на нерадивого адъютанта, плохо выученного кавалерийской езде, а не на царствующего монарха.

Затем Наполеон остановился и сошел с коня, а навстречу ему вышли офицеры и солдаты, образовав возле него широкий полукруг. В это время подъехал Александр и Бонапарт пригласил его встать с ним рядом. После этого свита Наполеона замкнула круг и оба императора оказались в центре пестрой оживленной толпы солдат, офицеров и генералов. Командир полка, участвовавшего в смотре, шагнув вперед, стал по очереди представлять императорам своих молодцов.

Полк отличился в сражении под Фридландом и церемония награждения началась с того, что первый из французских солдат громко перечислил, сколько русских он убил или взял в плен. Второй рассказал, как захватил полковое знамя, третий, — как захватил орудие, четвертый, — как загнал группу русских в болото. Так продолжалось чуть ли не полчаса, а Александр вынужден был, молча, выслушивать все это, не показывая, насколько неприятна ему придуманная французами церемония награждения.

Переговоры в Эрфурте завершились подписанием секретной Конвенции, которой Наполеон признавал присоедине-

ние к России Молдавии и Валахии, в обмен на совместные боевые действия против Австрии.

2 октября 1808 года Александр, все еще сопровождаемый Наполеоном, выехал на Веймарскую дорогу. Здесь императоры распрощались. На сей раз, навсегда. А еще через две недели царь возвратился в Петербург.

НОВЕЛЛА СТО ДЕСЯТАЯ

*Екатерина Павловна, князь Багратион
и герцог Ольденбургский*

Следующий, 1809, год начался продолжительными и пышными дворцовыми празднествами — накануне в Петербург прибыла прусская королевская фамилия и в ее честь начались трехнедельные парады, балы и приемы. Во время этих торжеств состоялось обручение великой княжны Екатерины Павловны с принцем Георгом Ольденбургским, что было воспринято Наполеоном, как событие, в определенном смысле, враждебное Франции.

Вместе с тем обручение Екатерины Павловны завершало одну из историй в доме Романовых, о которой мало кто знал в то время, когда она происходила, да и впоследствии немногие оказались осведомленными о личной жизни этой очень незаурядной женщины, которую при дворе не без скрытой аналогии называли «Екатериной III».

Любимая сестра Александра, четвертая дочь Павла — Екатерина Павловна, была умна, красива и грациозна, имела живой и энергичный характер и редкое обаяние. Но, кроме того, она была чрезмерно честолюбива и всегда стремилась играть первую роль. В перспективе видела она себя российской императрицей и соответственно этому и поступала. По словам австрийского посла при петербургском дворе Сен-Жюльена Екатерина Павловна готовилась к тому, чтобы последовать примеру своей тетки и бабушки и когда-нибудь занять российский трон.

Первый раз такая возможность предоставилась ей, когда Павел задумал сделать своим наследником Евгения Вюртембергского, женив его на Екатерине Павловне. И жениху и невесте было тогда по 13 лет, но Евгений отказался от сватовства, так как невеста показалась ему мрачной, скрытной и чопорной.

Когда ей исполнилось 18 лет, возникла идея выдать Екатерину Павловну за овдовевшего австрийского императора Франца, который был старше ее на двадцать лет, и к тому же, обладая весьма скверным характером, был очень некрасив, крайне неряшлив и неопрятен, что, впрочем, не останавлива-

ло потенциальную невесту. Однако, как оказалось, вопрос решали без хозяина, — Франц и не собирался родниться с Александром, и сватовства с его стороны не последовало.

Однако и этот пассаж не обескуражил честолюбивую Екатерину Павловну. Она увлеклась человеком еще более пожилым, чем император Франц, который был старше ее на двадцать три года, и к тому же не был разведен со своей соломенной вдовой, бросившей его, и уехавшей за границу.

Этого человека звали Петром Ивановичем Багратионом. Он был генералом, князем и внуком грузинского царя, что делало возможный брак вполне допустимым.

Жена Петра Ивановича — урожденная графиня Екатерина Павловна Скавронская — женщина красивая, богатая и легкомысленная, по отцу была в родстве с императрицей Екатериной I, а по матери, — с князем Потемкиным-Таврическим. По-видимому, она унаследовала многие качества и своей разгульной прабабки и не менее распушенного деда. Княгиня Багратион недолго прожила со своим вечно занятым службой и походами мужем, и, соскучившись по иной жизни, более ей подходящей, уехала в Вену, где и пришлось ко двору и в прямом и в переносном смысле. Не только русский посол Андрей Кириллович Разумовский не чаял в ней души, но еще более увлекся ею великий женолюб и сладострастник, канцлер Австрийской империи, князь Клеменс Меттерних, которому со временем княгиня Багратион подарила дочь. Оставшийся в России Петр Иванович, хотя и не был еще разведен, но уже почитался завидным женихом.

И. может быть, царственный альянс великой княгини с выдающимся полководцем, любимцем армии и состоялся бы, если бы не дворцовая интрига. Статс-секретарь М.М. Сперанский, в то время пользовавшийся у государя большим влиянием, как-то намекнул императору, что наметившийся союз небезопасен для него, ибо «Екатерина III», оперевшись на авторитет прославленного генерала вполне сможет повторить 11 марта 1801 года.

Для впечатлительного Александра этого оказалось довольно — Багратион был отправлен на театр военных действий в Финляндию, а несостоявшаяся невеста, поняв, что и эта ее брачная комбинация не удалась, увлеклась новым галантом — князем Долгоруковым. И здесь речь пошла о замужестве, но против Долгорукова выступила жена Александра, и очередной брачный альянс снова распался.

Наконец, 1 января 1809 года Екатерину Павловну помолвили с принцем Георгом Ольденбургским, генерал-майором русской службы, младшим сыном не очень крупного владе-

тельного немецкого князя. Георг был некрасив, во всем посредственен, но зато скромн, услужлив, уступчив, и тем самым, весьма удобен для властной и честолюбивой великой княгини.

Принца Ольденбургского, ставшего членом императорской фамилии, тут же сделали генерал-губернатором трех губерний — Тверской, Новгородской и Ярославской, образовав из них наместничество с центром в Твери, после чего Екатерина Павловна превратила свой дворец в этом городе в один из лучших литературно-художественных и политических салонов России, в котором непременно оказывались многие выдающиеся деятели русской культуры, проезжавшие через Тверь в Петербург и Москву. Считал своим приятным долгом заезжать к своей любимой сестре и Александр, сохранявший к Екатерине Павловне самые добрые и, как утверждали, совсем не братские чувства и после ее замужества.

НОВЕЛЛА СТО ОДИННАДЦАТАЯ

Канун

Между тем война России со Швецией продолжалась. В марте 1809 года войска Барклая перешли по замерзшему заливу Кваркен на шведский берег, совершенно внезапно захватили город Умео и заставили Швецию капитулировать. К этому времени Финляндия была уже занята русскими войсками, а 16 марта в городе Борго в присутствии Александра был открыт финляндский сейм, присягнувший на верность России.

В июне этого же года Александр назначил Главнокомандующим русской армией в Финляндии и одновременно генерал-губернатором новой российской территории героя минувшей кампании Барклая де Толли. В июле Александр еще раз приехал в Борго на закрытие сессии сейма, а затем вместе с Барклаем уехал в Свеаборг, где шесть часов осматривал казематы, подземные галереи, могучие бастионы, гигантские арсеналы, казармы и склады, высеченные в гранитных скалах, способные вместить и на многие месяцы обеспечить всем необходимым 12-тысячный гарнизон. Проведенный затем парад завершил поездку царя в Финляндию, а 5 сентября 1809 года в городе Фридрихсгаме (ныне город Хамина) Н.П.Румянцев и шведский генерал Стединг подписали мир, по которому Швеция официально признавала переход Финляндии с Аландскими островами под юрисдикцию России.

Почти в то же время, когда русские вели переговоры со шведами, австрийцы переговаривались с Наполеоном, успешным за весну и лето 1809 года разбить армию императора

Франца, вступить 30 апреля в столицу Австрии — Вену, а еще через два месяца нанести страшное поражение под Ваграмом. Так как русские были союзниками Наполеона, то в сентябре 1809 года, по мирному договору, подписанному в Альтенбурге, за чисто символическое участие в войне, Россия прирезала одну из областей Галиции — Тернопольскую.

Успешно завершив дипломатическое наступление подписанием договоров со Швецией и Австрией, Александр в конце ноября уехал в Россию и по дороге заехал в Тверь к Екатерине Павловне и ее мужу. Отсюда вместе с сестрой и шурином, Александр выехал в Москву и 6 декабря был уже там. Восторженно, как и в дни коронации, встреченный москвичами, царь провел здесь всего неделю, но она была наполнена важными делами: Александр в глубокой тайне, внимательно, по многу часов каждый день читал проект учреждения Государственного Совета, разработанный М.М.Сперанским в условиях сугубой секретности. Никто, кроме Александра, не знал о его работе. Государственный Совет должен был стать высшим законодательным учреждением Российской империи, призванным рассматривать все законопроекты и давать заключения по ним, перед тем как они поступят на подпись к царю.

В Петербург Александр возвратился с готовым документом и тут же отдал его для рассмотрения, поправок и одобрения Салтыкову, Лопухину, Кочубею и Румянцеву. Последнего Александр предлагал назначить председателем Госсовета, а всех других — его членами. Как видим, среди них не было Аракчеева и следует заметить, что Александр работал со Сперанским втайне от него. Более того, Аракчеев узнал о существовании проекта не от императора, а от других и, смертельно обидевшись, написал своему августейшему повелителю: «Не гневайтесь на человека, без лести прожившего, но увольте его из сего звания». В конце-концов Александр уговорил Аракчеева принять в Госсовете пост Председателя департамента военных дел, который стоял над Военным и Военным морским министерствами, сдав свой прежний пост генералу от инфантерии Барклаю де Толли.

Назначив нового Военного министра, Александр начал интенсивную подготовку к предстоящей войне с Наполеоном. Первым делом было решено реконструировать старые и построить новые инженерные сооружения на западных рубежах страны. Александр внимательно следил, как строилась Динабургская крепость в устье Двины возле Риги, как создавалось предместное укрепление на реке Березина против города Борисова, как укреплялись Бобруйск и Киев. Особенно

интересовал Александра укрепленный лагерь на реке Дрисса, создаваемый по инициативе его военного советника прусского генерала Карла Фуля. Хотя на его строительство ушли огромные средства, лагерь был настолько бездарно спланирован, что занявшие его без боя в 1812 году французы называли лагерь образцом невежества в науке укрепления мест, писал уже знакомый нам А. П. Ермолов, ставший к 1812 году генералом. «Мне не случилось слышать возражений против того», — добавлял он.²⁷

Александр не оставлял без внимания и создание целой сети арсеналов и складов, отводя главную роль Москве, а кроме того, свозя огромное количество оружия, обмундирования, боеприпасов, продовольствия и фуража во Псков, Смоленск и Кременчуг.

Первостепенное значение придавал царь и увеличению численности своих войск.

В начале 1810 года русская армия насчитывала 200 тысяч солдат и офицеров, чего было совершенно недостаточно для отражения возможной агрессии. Поэтому с 1810 по март 1812 года в России было проведено три рекрутских набора по 18 человек из тысячи душ мужского населения страны, в результате чего в армию и на флот пришло 350 тысяч новобранцев. Для их обучения было создано 40 рекрутских депо, 36 из которых располагались в западных областях. В результате к лету 1812 года численность регулярных войск достигла полумиллиона, не считая иррегулярных — гарнизонных, внутренней стражи и казаков. Артиллерия русской армии насчитывала 1600 орудий.

Кроме того, проводилась и напряженная работа по улучшению руководства вооруженными силами, получившими весной 1812 года в высшей степени современное «Учреждение для управления Большой действующей армией», составленное на основании обобщения боевого опыта русской армии и прогрессивных новшеств армии французской.

По инициативе генерал-адъютанта князя П. М. Волконского, был восстановлен Генеральный штаб, распущенный в 1796 году Павлом. Серией указов Александр придал всей армии единообразие в структуре воинских подразделений и частей от роты и эскадрона до дивизии. А 26 октября 1810 года были созданы и первые корпуса.²⁸

Однако одно из звеньев подготовительной работы было весьма слабым: русское командование долгое время не могло выработать единого стратегического плана и, когда война началась, то существовал лишь принцип стратегии, но плана, практически, не было. А в основе общей концепции ведения боевых действий лежали соображения Барклая, высказанные

им Александру во время их встречи в Мемеле в 1807 году. Разница состояла только в том, что эта концепция была дополнена подобными же соображениями, представленными царю несколькими русскими и иностранными генералами и офицерами, находившимися на службе в русской армии: Людвигом фон Вольцогеном, П.М.Волконским, Тейль фон Сераскеркеном, Карлом Толем, Фонтон де Вераноном и д'Алонвилем.

Подготовка к войне с Наполеоном осложнялась еще и тем, что Россия продолжала вести сразу несколько войн. Две из них происходили на юге: с 1804 года шла война с Ираном, а с 1806 — с Турцией. На русско-турецком театре Главнокомандующими были П.И.Багратион, затем Н.М.Каменский — сын старика Каменского, бросившего под Пултуском свою армию, и, наконец, с мая 1811 года — М.И.Кутузов.

Несмотря на то, что силы Дунайской армии, которой командовал Кутузов, были ослаблены из-за того, что оттуда было отправлено на западные границы 30 тысяч человек, Михаил Илларионович одержал ряд побед над противником и в мае 1812 года принудил турок подписать договор о мире.

И, наконец, тогда же шла большая морская война с Англией, развернувшаяся на морских коммуникациях от Лиссабона до Архангельска, который даже подвергся обстрелу британскими кораблями, но отбил атаку.

Существенной трудностью было и то, что Россия потеряла многих своих союзников.

Из-за брака Наполеона с дочерью австрийского императора Франца Марией-Луизой Австрия стала союзницей Франции и противником России.

Этот сюжет имеет смысл осветить поподробнее.

В конце 1809 года сорокалетний Наполеон посватался к младшей сестре Александра пятнадцатилетней Великой княжне Анне Павловне. И хотя царь в самых учтивых выражениях уверял Коленкура, что он сочтет за честь породниться с императором Франции, это были только слова, ибо на семейном совете было решено в сватовстве отказать, ссылаясь на несовершеннолетие невесты. Истинной же причиной была крайняя непопулярность такого брака во всех слоях русского общества.

Коленкур аккуратно извещал Наполеона о ходе брачных переговоров и в конце декабря жених ясно понял, что его сватовство едва ли завершится благополучно.

Поэтому 28 января 1810 года Наполеон собрал высших сановников Империи, поставив перед ними вопрос о разводе с Жозефиной Богарнэ, которую он искренне и сильно любил. но разводился с нею по политическим династийным соображениям, а также попросил решить и вопрос о новом браке.

Обсуждались две кандидатуры — великой княжны Анны Павловны и дочери Австрийского императора Марии-Луизы. Совещание во мнениях разделилось, хотя сам Наполеон дал понять, что его больше устраивает австрийская принцесса. Было решено подождать официального ответа из Петербурга, а уж потом, в зависимости от того, каким будет ответ, просить, или не просить руки австрийской эрцгерцогини. К этому времени и Коленкур был, наконец, уведомлен, что брак состояться не может из-за молодости невесты.

Наполеон тотчас же предложил свою руку дочери австрийского императора и со стороны Венского двора никаких проволочек не последовало, ибо инициатива Бонапарта отвечала стремлениям Австрии к союзу с Францией, что и достигалось столь быстрым и безболезненным актом. Однако это же превращало Россию во врага Франции, ибо сватовство воспринималось не столько матримониальным, сколько политическим действием, которое могло лучше прояснить истинные отношения монархов друг к другу, чем официальные дипломатические ноты и доверительные личные послания.

Разумеется, австро-французский союз был в значительной мере вынужденным, но все же он представлял собою неприятную реальность, с которой приходилось считаться.

Другим, еще более вынужденным, но тем не менее существовавшим союзом, был прусско-французский. Гарнизоны Наполеона стояли почти во всех прусских крепостях, король Фридрих-Вильгельм III находился на положении пленника и не мог отказаться от предложенного ему противоестественного антирусского альянса.

И хотя 12 февраля 1812 года прусский король подписал союзный договор с Наполеоном, в России к этому отнеслись совершенно спокойно и с должным пониманием: Александр даже известил Фридриха-Вильгельма III, что по-прежнему считает его своим союзником и обещал после победы над Наполеоном вознаградить Пруссию.

Меж тем от русских агентов за границей в Петербург шло множество сообщений о передислокации наполеоновских войск, о непрерывном движении огромных колонн и обозов к русской границе.

Россия была переполнена рассказами и слухами о деятельности наполеоновских агентов, проникавших под видом бродячих комедиантов, фокусников, гувернеров, врачей, музыкантов, землемеров, странствующих монахов, художников, учителей. Министр полиции А.Д. Балашов нацелил военных и

гражданских губернаторов на то, чтобы всеми способами пресекать шпионскую деятельность вражеских агентов.

Один из сановников, проезжая по казенной надобности, где-то во глубине России, вдруг увидел на почтовой станции рядом с портретом императора Александра небольшое литографированное изображение Наполеона. «Зачем это у тебя Наполеон?» — спросил сановник станционного смотрителя. «А чтобы, Ваше превосходительство, как он сам, хотя и в гриме и под чужим обличем здесь объявится, то я его, голубчика, — хватя! — и в полицию!»

Шпиономания была в самом разгаре, когда вдруг разнеслась весть об изменниках, свивших гнездо не где-нибудь, а прямо в Зимнем дворце, рядом с государем. И главой их был сам статс-секретарь Михаил Михайлович Сперанский...

Яков Иванович де Санглен, обрусевший француз, начальник «особенной», то есть секретной канцелярии министра полиции А.Д.Балашова оставил прелюбопытнейшие «Записки», из которых явствует, что «дело» Сперанского было политической провокацией, произведенной по прямому указанию самого Александра, для того чтобы накануне войны возбудить в народе ненависть к врагам Отечества и вызвать тем самым мощную волну патриотизма.

Осуществлял же эту операцию известнейший хитрец и интриган, шведский эмигрант, граф Густав Мориц Армфельдт — сенатор и председатель Комитета по финляндским делам. Он начал с того, что предложил Сперанскому создать триумвират для свержения Александра, в который вошли бы еще Балашов и он сам — Армфельдт.

Сперанский категорически отказался, но не сообщил об этом предложении ни Александру, ни Балашову, считая донос — низостью. Опасаясь разоблачения, Армфельдт начал интригу против Сперанского.

Я.И. де Санглен писал, что в декабре 1811 года его тайно привезли в Зимний дворец к Александру. Царь показал Санглену донесение Балашова, в котором сообщалось, что в беседе с ним Сперанский сказал: «Вы знаете мнительный характер императора. Все, что он ни делает, делается им вполонину. Он слишком слаб, чтобы управлять, и слишком силен, чтобы быть управляемым».²⁹

Сперанского и группу его ближайших сотрудников — М.Л.Магницкого, А.В.Воейкова и Н.З.Хитрово — взяли под наблюдение, а в середине марта 1812 года на квартире полковника Хитрово, кстати сказать, зятя М.И.Кутузова, произвели

обыск и обнаружили карту с обозначением маршрута движения гвардии в Вильно. На этом основании 17 марта трое «заговорщиков» были арестованы и высланы из Петербурга. А Воейкова перевели служить в Москву, дав ему пехотную бригаду. Санглен писал: «Сперанский назначен неминуемо быть жертвою, которая под предлогом измены и по питаемой к нему ненависти должна соединить все сословия и обратить в предстоящей войне всех к патриотизму». ³⁰

Александр незадолго перед тем вызвал к себе Сперанского и спросил — участвовать ли ему в предстоящей войне? На что Сперанский не посоветовал ему делать этого. В пересказе Санглена, сославшегося на Александра, это звучало так. «Он имел дерзость, — сказал Александр Санглену, — описав все воинственные таланты Наполеона, советовать мне собрать боярскую думу, предоставить ей вести войну, а себя отстранить. Что же я такое? Нуль? Из этого я вижу, что он подкапывается под самодержавие.» ³¹

Есть и другая версия отстранения Сперанского и его друзей, сохранившаяся в семье Воейковых.

По этой версии однажды к ним в дом приехал помощник Сперанского М.Л.Магницкий, и на правах старого друга и своего человека прошел в кабинет Воейкова. Там он нашел целую кучу операционных планов предстоящей кампании, о чем ни он, ни Сперанский ничего не знали. Магницкий забрал эти планы и увез их к Сперанскому, после чего бумаги были возвращены Воейкову.

Взволнованный тем, что узнал, Сперанский отправился к Александру и с жаром стал опровергать ставшие известными ему планы. Царь очень на него рассердился и именно из-за этого подверг опале статс-секретаря и его приближенных, замешанных в деле с документами. ³²

Любопытен в связи с этим рассказ А.Д.Балашова о его свидании с Наполеоном, состоявшемся через неделю после начала Отечественной войны.

Заканчивая аудиенцию, Наполеон спросил о причинах удаления Сперанского. Балашов ответил:

— Император им не был доволен.

— Однако же не за измену? — спросил Наполеон.

— Я не полагаю, Ваше Величество, потому что подобные преступления, вероятно были бы опубликованы. ³³

А расследовать и публиковать было нечего.

Чтобы избавиться от ставшего ненужным, но много знавшего Санглена, его 26 марта 1812 года отослали в 1-ю Западную армию директором военной полиции, а чуть раньше туда

же уехал и Военный министр Барклай, оставаясь Военным министром, чтобы занять и пост командующего этой армией.

31 марта Барклай приехал в Вильно.

НОВЕЛЛА СТО ДВЕНАДЦАТАЯ

Великое противостояние

9 апреля 1812 года в Казанском соборе, у фронтона которого стояли скульптуры Святого Владимира и Святого Георгия, — двух небесных покровителей России, установившей в их честь высшие военные ордена, и превращенного в годы Отечественной войны и Освободительного заграничного похода в триумфальный музей, куда свозились отбитые у неприятеля знамена и ключи от взятых иноземных крепостей и городов, — Александр и его огромная свита отстояли торжественный молебен, и, по запруженным толпами народа улицам, выехали из Петербурга.

Накануне царь поручил канцлеру Н.П.Румянцеву уведомить нового французского посла Ж.-А.Лористона, сменившего генерала Коленкура, о причине своего отъезда в армию.

Румянцев должен был сказать, что царь поехал, чтобы воспрепятствовать генералам предпринять, какие-нибудь нечаянные действия, которые могли бы вызвать вооруженный конфликт между Россией и Францией.

14 апреля, в Вербное воскресенье, в два часа пополудни орудийные залпы и звон колоколов возвестили о прибытии царя к армии.

За шесть верст от Вильно его ждали, выехавшие заранее флигель-адъютанты, а чуть в стороне и немного позади их стоял Барклай со всем генералитетом 1-й Западной армии.

За ними в сомкнутом строю выстроились несколько эскадронов кавалерии.

Всю первую неделю Александр объезжал и осматривал войска 1-й и 2-й армий, стоявшие в Литве и Белоруссии, сопровождаемый свитой и генералами Главной квартиры — его собственного штаба, который называли и Императорской Ставкой. В Главной квартире собрались разные люди. Здесь были талантливые генералы князь А.М.Волконский и принц Александр Вюртембергский, будущий выдающийся военный теоретик, полковник свиты по квартирмейстерской части Карл Клаузевиц, но было много и откровенных придворных интриганов, среди которых первое место занимал уже знакомый нам граф Армфельдт — главное действующее лицо в истории со Сперанским. Он-то и ему подобные, посеяли в армии бациллы подозрительности, сплетен, наущничества и

сильно вредили Барклаю, пытаясь дискредитировать его в глазах Александра, который вместе со своим штабом продолжал объезжать и инспектировать 1-ю и 2-ю армии.

В 1-й армии Барклая было 127 тысяч солдат и офицеров, во 2-й армии Багратиона — 39 тысяч. Южнее 2-й армии, на Волыни, стояла 3-я армия генерала от кавалерии А.П.Тормасова численностью в 48 тысяч.

На Дунае находилась 4-я армия, которой командовал М.И.Кутузов, но она в это время все еще была нацелена против турок, хотя мирные переговоры уже шли и их успешный исход ожидался со дня на день.

К этому времени Большая, или, как ее называли во Франции, «Великая» армия, насчитывавшая более 600 тысяч человек при 1372 орудиях развернулась вдоль западной границы России от Восточной Пруссии до Волыни, имея на главном направлении — в районе Литвы — трехкратный перевес сил.

В ночь на 12 июня Великая армия начала переправу через Неман около города Ковно (ныне Каунас).

Вспоминая последний мирный день — 11 июня — Я.И.Санглен записал:

«Вдруг позван я был к государю...

— Мои генералы и флигель-адъютанты просили у меня позволения дать мне бал на даче Беннигсена и для того выстроили там большую залу со сводами, украшенными зеленью.

С полчаса тому назад получил я от неизвестного записку, в которой меня предостерегают, что зала эта ненадежная и должна рушиться во время танцев. Поезжай, осмотри подробно».

Санглен приехал в загородное имение Беннигсена Закрете, и когда хозяин потчевал его чаем, беседка рухнула. Виновный в случившемся архитектор Шульц, оставил на берегу пруда свою одежду и Санглен полагал, что он, таким образом, имитировал самоубийство, но хорошо осведомленная об этом деле графиня Тизенгаузен, побывавшая на балу в доме Беннигсена и танцевавшая полонез в паре с Александром, писала, что злого умысла здесь не было, а Шульц просто-напросто оказался плохим архитектором и утопился от того, что ждал для себя смертной казни.

Санглен доложил об эпизоде, произошедшем на даче Беннигсена Александру и в ответ услышал:

— Мы будем танцевать под открытым небом.

От Александра Санглен поехал к себе на квартиру и нашел там депешу о том, что Наполеон начал переправу через Неман.

Схватив депешу, Санглен помчался обратно к Александру, который, прочитав ее, сказал:

— Я этого ожидал, но бал все-таки будет.

Во время бала Александру сообщили, что французы уже перешли через Неман, однако царь, как ни в чем не бывало продолжал танцевать, и лишь когда бал кончился, объявил о том, что война началась.

С бала Александр вместе с Барклаем поехал в Вильно и до утра писал письма и отдавал самые срочные распоряжения.

Рескрипт председателю Государственного Совета и председателю Комитета министров фельдмаршалу Н.И.Салтыкову заканчивался словами: «Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем».

Приказ по всем русским армиям заканчивался фразой: «На начинающего — Бог», фразой, запомнившейся Александру с детства, из «Бабушкиной Азбуки» Екатерины II.

И все же, сколь ни был преисполнен Александр решимости отразить вражеское нашествие, на следующий день, 13 июня в 10 часов вечера Александр приказал А.Д.Балашову выехать к Наполеону и передать его личное письмо. Устно же сделать предложение о переговорах — при одном неременном предварительном условии: армия вторжения должна оставить Ковно и отойти обратно на противоположный берег Немана. Той же ночью Балашов выехал, и, наконец, после кратковременных встреч с Мюратом и Даву, через четыре дня был отвезен обратно в Вильно, когда войска Наполеона уже вошли в город. Свидание с Наполеоном кончилось ничем, ибо он, разумеется, отказался уйти за Неман. Александр, пославший Балашова для демонстрации своего миролюбия, но нисколько не веривший в успех его миссии, не дождавшись даже сообщения о том, добрался ли его посланец до Наполеона, на заре 14 июня выехал из Вильно в Свенцяны, где стояла русская гвардия.

В тот же день, уже добравшись до Свенцян, Александр вызвал Аракчеева и попросил, чтобы он взял на себя управление военными делами.

«С онаго числа, — писал Аракчеев — вся французская война шла через мои руки и все тайные повеления, донесения и собственноручные повеления государя императора.»³⁴

У нас нет оснований не верить этим словам Аракчеева, тем более, что они подтверждаются и многими другими свидетельствами.

В ночь на 15 июня Барклай получил приказ Александра отвести 1-ю армию к Свенцянам, где находился император и

его Главная квартира, а 2-й армии Багратиона приказано было идти к Вилейке.

18 июня 1-я армия выступила из Свенцяи, и выполняя приказ Александра, двинулась к Дрисскому лагерю, куда должна была придти и 2-я армия Багратиона.

29 июня Александр собрал Военный совет, постановивший немедленно оставить неудачно построенный Дрисский лагерь, так как он мог превратиться в ловушку для армии, и отходить к Полоцку, куда должен был подойти со 2-й армией и Багратион.

2 июля 1-я армия вышла из лагеря и 6 июля остановилась в Полоцке.

К этому времени у Александра сложилось твердое убеждение покинуть армию. Анализируя положение, создавшееся в начале июля на театре военных действий, царь писал председателю Комитета министров фельдмаршалу Н.И.Салтыкову: «Решиться на генеральное сражение столь же щекотливо, как и от онаго отказаться. В том и другом случае можно легко открыть дорогу на Петербург, но потеряв сражение, трудно будет исправиться для продолжения кампании... Единственно продолжением войны можно уповать с помощью Божиею перебороть его (Наполеона)».34

Решив покинуть армию и препоручая ее Барклаю, царь исходил, в частности, и из того, что если Наполеон побьет Барклая, то это будет воспринято гораздо спокойнее, чем если то же самое произойдет с армией, когда во главе ее будет он сам.

Перед отъездом Александр заехал проститься с Барклаем. Он застал его на конюшне, где Военный министр чистил своего коня. Отдав Барклаю последние распоряжения, царь сел в коляску и сказал:

— Прощайте, генерал, еще раз прощайте; надеюсь, до свидания. Поручаю вам свою армию; не забудьте, что у меня второй нет, — эта мысль не должна покидать вас.³⁵

Поздним вечером 11 июля Александр прибыл в «первопрестольную» и остановился в Кремле. На следующее утро Кремль наполнили тысячные толпы москвичей.

В 9 часов утра царь вышел на Красное крыльцо и был встречен приветственными кликами народа и звоном всех московских колоколен и церквей.

Однако не только криками «Ура!» приветствовали Александра народные толпы. Он слышал рядом с собою: «Веди нас, отец наш!», «Умрем, или победим!», «Одолеем супостата!»

Александр, сойдя с Красного крыльца, с трудом пробился сквозь густые толпы народа к Успенскому собору, где сейчас же начался молебен на одоление супостата и дарование побе-

ды русской армии. Все последующие дни царь был занят десятками важнейших дел по консолидации усилий всей страны и всех ее институтов и сословий для отпора интервентам.

15 июля собрание московских дворян и купцов еще раз убедило Александра в том, что у него есть мощная поддержка и среди дворян, и среди купцов. А встреча с народом в Кремле, свидетельствовала о том, что ремесленники, мещане и крестьяне также решительно готовы встать на защиту Отечества, как и он сам. Дворяне обязались сдать в армию каждого десятого крепостного и сами почти все, кто был способен носить оружие, пошли на войну. Купцы, оказавшиеся 15 июля в Слободском дворце, собрали менее чем за полчаса по подписке 2400000 рублей. (А за всю войну 1812 года московское купечество пожертвовало более десяти миллионов рублей.)

Вечером, во время ужина в Слободском дворце, растроганный приемом москвичей Александр несколько раз повторил: «Этого дня я никогда не забуду».

Во время пребывания в Москве, Александр подписал мирный договор о завершении войны с Турцией.

В ночь на 19 июля Александр выехал в Петербург и после суточной остановки в Твери у Екатерины Павловны и ее мужа Георга Ольденбургского, 22 июля прибыл в столицу.

Он поселился во дворце на Каменном острове и ежедневно по многу часов занимался делами армии, по-прежнему отдавая распоряжения и Главной квартире, и части свиты, оставшейся при действующей армии. Придворные были свидетелями того многозначительного факта, что военные, находившиеся в свите императора постоянно носили шпоры, что означало: они все еще вместе со своим монархом находятся в походе. Поездка по России встряхнула Александра и дала ему новые силы и крепкую уверенность в том, что бороться с Наполеоном следует без всяких компромиссов и до конца.

Между тем события на театре военных действий разворачивались следующим образом: после отъезда Александра 1-я и 2-я армии 22 июля соединились в Смоленске, но не смогли удержать город и после упорного боя, продолжавшегося с 4 по 6 августа, оставили его и отошли на восток.

Смоленск был оставлен по приказу Барклая, но целесообразность этого приказа не разделялась командующим Гвардейским корпусом Константином, командующим 2-й армии П.И. Багратионом, да и самим Александром.

Отступление из-под Смоленска окончательно испортило взаимоотношения Барклая и Багратиона: с этого момента и до Бородинского сражения князь Петр Иванович считал тактику

Баркляя гибельной для России, а его самого — главным виновником всего происходящего.

В письмах к царю, к Аракчееву, ко всем сановникам и военачальникам Багратион требовал поставить над армиями другого полководца, который пользовался бы всеобщим доверием и, наконец, прекратил бы отступление.

Глас Багратиона был гласом подавляющего большинства солдат, офицеров и генералов всех русских армий. Александр не мог к нему не прислушаться.

Да и не только Багратион требовал этого. Многие другие сановники и генералы откровенно писали и говорили Александру о необходимости замены Баркляя на его посту.

5 августа Александр поручил решить вопрос о главнокомандующем специально созданному для этого Чрезвычайному Комитету. В него вошли шесть человек, самых близких к царю: фельдмаршал Н.И.Салтыков, А.А.Аракчеев, генерал-лейтенант С.К.Вязьмитинов, генерал-адъютант А.Д.Балашов, князь П.В.Лопухин и граф В.П.Кочубей.

Были обсуждены пять кандидатур — Беннигсена, Багратиона, Торماسова и Палена. Пятым был назван Кутузов, и его кандидатура была тотчас же признана единственно достойной этого назначения.

Чрезвычайный Комитет немедленно представил свою рекомендацию императору. Однако Александр принял окончательное решение лишь через три дня — 8 августа. В этот день Кутузов был принят императором и получил рескрипт о назначении Главнокомандующим.

11 августа, в воскресенье, Кутузов выехал из Петербурга к армии. Толпы народа стояли на пути его следования, провожая полководца цветами и сердечными пожеланиями успеха.

17 августа, в третьем часу дня он приехал в Царево-Займище, куда уже пришли обе армии.

Увидев солдат, Кутузов тут же похвалил их: «Ну как с этими молодцами и не побить француза?» — и тотчас получил ответ: «Едет Кутузов бить французов!»

Кутузов застал войска готовящимися к сражению — всю шло строительство укреплений, подходили резервы, полки занимали боевые позиции.

Главнокомандующий немедленно созвал Военный Совет, который единогласно высказался за генеральное сражение. Кутузов тоже проголосовал за это, но как только заседание кончилось, тут же отдал приказ генерал-квартирмейстеру К.Ф.Толю готовить армию к отходу, а офицерам квартирмей-

стерской части подыскивать новые позиции. Сделай то же самое Барклай. армия, вероятно, была бы близка к вооруженному мятежу.

За день до отъезда Кутузова к армии Александр уехал в Або для свидания с наследным шведским принцем Карлом-Юханом.

Наследник шведского престола был фигурой более, чем неординарной.

До сорока семи лет он служил во французской армии и получил маршальский жезл из рук Наполеона. Тогда его звали Жаном Батистом Бернадотом. В 1810 году он был уволен в отставку и в августе того же года приглашен шведским риксдагом на открытую вакансию наследника шведского трона, так как бездетный король Карл XIII был стар и болен.

Выбор риксдага пал на Бернадота потому, что он за несколько лет до отставки, воюя в Голландии, отпустил на свободу взятых в плен шведов — тогдашних союзников голландцев.

Во время переговоров Александр скрепил своей подписью союзный договор России со Швецией, подписанный полномочным представителем России еще 24 марта 1812 года.

Бернадот обратился к Александру с просьбой вернуть Швеции Аландские острова, однако, царь весьма вежливо, но твердо отказал ему в этом. Зато он согласился содействовать Бернадоту в присоединении к Швеции Норвегии, а тот, а свою очередь, обязался признать присоединение восточной части Польши, если таковое произойдет в ходе войны против Наполеона.

Вскоре после того, как произошло свидание в Або, 26 августа в половине шестого утра началось Бородинское сражение, продолжавшееся весь день. Около ста тысяч убитых осталось лежать на поле брани, но ни одна из сторон не достигла тех целей, к которым стремилась.

«Из всех моих сражений, — писал впоследствии Наполеон, — самое ужасное то, которое я дал под Москвой. Французы в нем показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми.»

С наступлением темноты Кутузов отдал распоряжение представить ему списки потерь и приказал готовиться к продолжению сражения на следующий день.

В донесении Александру, написанном в ночь на 27 августа, прямо на позиции при Бородино, когда еще не было из-

вестно о понесенных потерях, Кутузов сообщал: «Войска вашего императорского величества сражались с неимоверною храбростью. Батареи переходили из рук в руки и кончилось тем, что неприятель нигде не выиграл ни на шаг земли с превосходными своими силами».

Написав это, Кутузов получил сообщение, в котором указывалось, что его потери превосходят сорок тысяч человек.

Такой итог первого дня заставил Кутузова изменить решение о продолжении сражения и он отдал приказ об отходе армии с занимаемых позиций.

Курьер с донесением о сражении при Бородине еще не отправился в Петербург и Кутузов приписал, что из-за больших потерь он отступает за Можайск.

Победный тон реляции заставил Александра подумать, что в приписке речь идет о смене позиции для продолжения генерального сражения, в победном исходе которого, как он понял, не сомневался даже осторожный Кутузов и тотчас же велел служить благодарственные молебны во всех церквях, объявляя о победе, одержанной над Наполеоном.

Кутузов был произведен в фельдмаршалы и ему было пожаловано сто тысяч рублей. Его жена Екатерина Ильинична стала статс-дамой. Героя Бородина Баркляя де Толли, чей правый фланг нерушимо стоял весь день, царь наградил орденом Георгия 2-й степени. П.И.Багратион, смертельно раненый, был награжден пятьюдесятью тысячами рублей, а всем солдатам и унтер-офицерам, оставшимся в живых, было выдано по пяти рублей.

Последующая неделя прошла для Александра и всех жителей Петербурга в томительном ожидании известий из армии. День шел за днем, а никаких сообщений о ходе военных действий не было.

Только 7 сентября, через десять дней после отступления русских войск от Бородина, когда уже Москва не только была сдана Наполеону, но и почти вся сгорела дотла, а армия Кутузова уже уходила по Старой Калужской дороге к Тарутино, сообщение об этом пришло в Петербург.

И то оно было написано не Кутузовым, а московским Главнокомандующим Ростопчиным, уехавшим из Москвы в Ярославль.

Оттуда-то и послал он свое сообщение о сдаче и сожжении Москвы Александру.

Это известие произвело на императора сильнейшее впечатление — он посидел за одну ночь, но остался тверд в намерении бороться с Наполеоном до победы, чего бы она ни

стоила. А на следующий день, 8 сентября, наконец, пришло донесение и от Кутузова.

Прочитав его, Александр сказал доставившему депешу полковнику Мишо: «Возвратитесь в армию, скажите нашим храбрецам, скажите моим верноподданным, везде где вы проезжать будете, что если у меня не останется ни одного солдата, то я созову мое дорогое дворянство и добрых крестьян, что я буду предводительствовать ими и пожертвую всеми средствами моей Империи. Россия представляет мне более способов, чем неприятели думают. Но ежели назначено судьбою и промыслом Божиим династии моей более не царствовать на престоле моих предков, тогда, истощив все средства, которые в моей власти, я отращу себе бороду и лучше соглашусь питаться картофелем с последним из моих крестьян, нежели подпишу стыд моего отечества и дорогих моих подданных, коих жертвования умею ценить. Наполеон или я, я или он, но вместе мы не можем царствовать; я его узнал, он более не обманет меня!»³⁷

Еще более определенно выразил Александр свою решимость бороться с Наполеоном до конца в письме Бернадоту от 19 сентября: «Потеря Москвы, — писал Александр, — дает мне случай представить Европе величайшее доказательство моей настойчивости продолжать войну против ее угнетателя. После этой раны все прочие ничтожны. Ныне, более нежели когда-либо, я и народ, во главе которого имею честь находиться, решились стоять твердо и скорее погresti себя под развалинами Империи, нежели мириться с Аттилою новейших времен».³⁸

Следует заметить, что далеко не все сановники и даже люди из ближайшего окружения царя были настроены так решительно, как Александр. Главными из тех, кто робел и даже паниковал в эти дни, не веря в возможность России победить Наполеона, были цесаревич Константин Павлович, старый доброхот Наполеона, канцлер Н.П.Румянцев и известный своей робостью генерал от артиллерии Аракчеев, ни разу в жизни не побывавший в огне сражений. А сторонниками и горячими поборниками борьбы до победы были мать царя, его жена и любимая сестра Екатерина Павловна.

Лично для Александра сдача и сожжение «первопрестольной» стали высокой трагедией и заставили глубоко задуматься над тем, о чем раньше он размышлял лишь время от времени.

«Пожар Москвы, — говорил впоследствии Александр, — осветил мою душу.»³⁹

Именно в эти дни он почти впервые стал искать смысл жизни, обратившись прежде всего к Библии.

Человек, которому Александр доверился в этом новом для него состоянии, был один из товарищей его молодости князь Александр Николаевич Голицын — обер-прокурор Синода, которого его государственная должность превратила из легкомысленного и блестящего светского шеголя в истинно верующего человека. И когда Александр признался ему в своих горестях, Голицын посоветовал царю обратиться к Библии.

Александр стал систематически с карандашом в руках читать Библию и очень скоро превратился в глубоко и искренне верующего.

Меж тем оставление армией Москвы и ее сожжение, а также дальнейшее отступление вызвали всеобщий ропот и открытое возмущение императором, его двором и его военачальниками.

15 сентября 1812 года, в день очередной годовщины коронации Александра, атмосфера в Петербурге накалилась настолько, что высшие полицейские чины не исключали возможность покушения на царя, которого считали главным виновником всех бед.

Впервые в жизни Александр не поехал в собор на молебен верхом, а отправился вместе с матерью и женой в карете.

Когда царская карета подъезжала к Казанскому собору, его самого и свиту встретила хмурая и озлобленная толпа.

Графиня Эделинг, бывшая в это время в свите жены Александра, писала: «Никогда в жизни не забуду тех минут, когда мы вступали в церковь, следуя посреди толпы, ни единым возгласом не заявлявшей своего присутствия. Можно было слышать наши шаги, а я была убеждена, что достаточно было малейшей искры, чтобы все кругом воспламенилось. Я взглянула на государя, поняла, что происходит в его душе, и мне показалось, что колена подо мною подгибаются». ⁴⁰

Недовольство дворянства и других сословий распространялось и на Кутузова, которого обвиняли в лени и трусости.

Только после победы в Тарутинском сражении, произошедшем 6 октября, и к Александру, и к Кутузову стало возвращаться былое расположение общества.

15 октября с известием о победе под Тарутиным в Петербург во второй раз прибыл полковник Мишо.

Передав рапорт Кутузова, Мишо добавил на словах, что в армии ждут приезда Александра и хотят, чтобы он сам принял командование.

Александр ответил, что, хотя он, как и все люди честолюбив, и хорошо понимает, в сколь тяжелом положении находится неприятель, и уверен в несомненном успехе его армии, он все же не станет Главнокомандующим, потому что по срав-

нению с Наполеоном он малоопытен и может совершить дорогостоящие ошибки. «И я готов, — сказал Александр, — пожертвовать личной славой для блага армии. Пусть пожинают лавры те, которые более меня достойны их».

В день поражения французской армии под Тарутиным, главные ее силы начали уходить из Москвы, желая пробиться на Новую Калужскую дорогу. Однако 12 октября они были остановлены под Малоярославцем.

По остроумному замечанию бывшего французского посла в России генерала графа Сегюра: «здесь, под Малоярославцем, остановилось завоевание вселенной, исчезли плоды двадцатилетних побед и началось разрушение всего, что думал создать Наполеон».

16 октября Наполеон, не решаясь вступать в новое сражение, вышел на Смоленскую дорогу, которая до самого Днепра проходила по пустынным, разоренным войной, местностям.

Кутузов двинулся ему вслед, а армия Чичагова пошла наперерез, направляясь к Минску.

В этот же день, 16 октября, кончилась теплая погода, термометр показывал -4° , на лужах появился лед и резкий, холодный северо-восточный ветер принес первое дыхание надвигающейся долгой и морозной зимы.

Сражения под Вязьмой 22 октября и под Красным, длившееся три дня — с 3 по 6 ноября — не привели к окончательному разгрому «Великой» армии, благодаря ряду ошибок русского командования и стратегическому гению Наполеона.

По той же причине 14-16 ноября остаткам «Великой» армии удалось перейти Березину и ускользнуть от окончательного поражения. 28 ноября кавалерией В. В. Орлова-Денисова был взят Вильно.

Из ста тысяч русских войск, вышедших из Тарутина, до Вильно дошло сорок две тысячи.

От «Великой» же армии осталось не более двадцати тысяч почти безоружных пехотинцев.

Приближался момент отъезда Александра к армии, но прежде, чем он должен был наступить, следовало избрать один из двух вариантов продолжения войны: либо, изгнав Наполеона за Вислу, остановиться, либо идти дальше, освобождая завоеванную французами Европу. Александр был сторонником второго варианта, считая, что войну можно будет кончить в Париже. Вместе с тем Александр знал, что Кутузов, на-

против, является сторонником того, чтобы прекратить войну, изгнав Наполеона из пределов Российской империи.

Александр решил выехать из Петербурга немедленно, так как Кутузов, ссылаясь на то, что армия обескровлена и расстроена, не считал возможным ее переход через Неман.

6 декабря Александр пожаловал Кутузову титул «князя Смоленского» и теперь его титул полностью звучал так «Светлейший князь Голенищев-Кутузов-Смоленский».

В тот же вечер Александр отстоял молебен в Казанском соборе, прося удачи в задуманных предстоящих делах и благополучия в путешествии и на следующее утро, 7 декабря, в 9 часов, выехал из Петербурга в Вильно.

11 декабря он прибыл в Вильно, а 12 декабря в свой день рождения торжественно наградил Кутузова орденом Георгия 1-го класса — первым и единственным из русских военачальников в войне 1812 года. (Потом, в 1813-1814 годах, в Заграничном походе, после взятия Парижа, такую же награду получают Барклай и Беннигсен.)

В этот же день Александр сказал собравшимся во дворце генералам: «Вы спасли не одну Россию, вы спасли Европу». Присутствовавшие при этом и слышавшие эти слова, хорошо поняли о чем идет речь — их ждал впереди Освободительный поход.

Ближайшие же дни вполне подтвердили такую догадку — армия начала готовиться к переходу через Неман.

И тогда же был оглашен царский Манифест об амнистии всем полякам, служившим в войсках Наполеона, или оказывавшим его армии или администрации какие-либо услуги.

Люди, близко знавшие императора, без труда заметили, что в декабре 1812 года, в Вильно, Александр был совсем не тот, каким видели его здесь же всего полгода назад. Если в июне он не отменил бал в момент вторжения «Великой» армии в Россию, то теперь, когда французы были снова за Неманом, но уже совсем не в том состоянии, как минувшим летом, Александр посетил лишь один бал, данный в его честь Кутузовым, да и то лишь для того, чтобы не обидеть своего Главнокомандующего.

На другие приглашения он ответил решительным отказом, заявив, что не те ныне времена и обстоятельства, чтобы слушать музыку и танцевать. Вместо балов Александр прошел по монастырям и лазаретам, которые были забиты тысячами мертвых и раненых французов и их союзников.

Только в одном Базилианском монастыре семь с половиной тысяч смерзшихся трупов были навалены во дворе и вдоль стен.

Окна монастырских покоев были закрыты для тепла десятками покойников. Вместо выбитых стекол Александр уви-

дел ампутированные руки и ноги раненых, заткнувших оконные ниши, чтобы холодный воздух не проходил внутрь, где лежали вповалку еще живые.

Александр тут же распорядился оказать раненым возможную помощь и сам утешал своих несчастных врагов.

Вместе с тем Александр остался тверд в решении перейти Неман. В день Рождества, 25 декабря 1812 года, он подписал Манифест об окончании Отечественной войны, а 28 декабря главные силы русской армии вышли из Вильно и двинулись к Мерече на Немане.

1 января 1813 года, отслужив молебен, Александр и Кутузов вместе с армией перешли Неман.

НОВЕЛЛА СТО ТРИНАДЦАТАЯ

Освобождение Европы

Новый 1813 год начался с того, что вместе с русскими против Наполеона начала действовать и двадцатитысячная прусская армия, ставшая союзной России с 8 декабря 1812 года, когда прусский генерал Йорк фон Вартбург подписал в Таурогене соглашение о совместных действиях, а 18 января подписали перемирие австрийцы.

Остановившись в конце января в Плоцке, Александр превратил свою Главную квартиру в центр политического руководства, где решались все важнейшие вопросы военной стратегии и международных отношений.

Здесь он вел непрерывную работу, направленную против Наполеона, сколачивая союзы и коалиции, возбуждая народы Европы на борьбу с узурпатором их свободы, координируя действия всех своих, а затем и союзных армий.

Между тем общее наступление русских войск продолжалось почти безостановочно. В начале февраля они уже перешли Одер и Главная квартира вынуждена была переехать в немецкий город Калиш, поближе к действующим армиям.

16 февраля в Калише был подписан союзный русско-прусский договор, который положил начало новой, шестой антинаполеоновской коалиции, последней в истории борьбы с Наполеоном.

Фридрих-Вильгельм с согласия Александра назначил главнокомандующим всеми прусскими войсками Кутузова.

26 марта Главная армия вышла из Калиша. В первом же саксонском городе — Миличе — Кутузов был встречен с необычайным воодушевлением. «Виват великому старику! Виват дедушке Кутузову!» — кричали восторженные толпы немецких патриотов.

На долю Александра тоже досталось немало восторгов: когда Главная армия 3 апреля форсировала Одер, то у моста немцы поднесли Александру лавровый венок. Однако Александр велел переслать венок Кутузову, добавив, что лавры принадлежат ему.

А между тем Кутузов чувствовал себя все хуже и 6 апреля остановился в Бунцлау, не имея возможности следовать за армией.

Александр первые три дня оставался рядом с больным, но потом вынужден был покинуть Кутузова и вместе с Фридрихом-Вильгельмом отправился дальше, в Дрезден.

Оба монарха оставили Кутузову своих лейб-медиков — Виллие и Гуфеланда, — почитавшегося лучшим врачом Европы. Но их усилия оказались тщетными — 16 апреля в 9 часов 35 минут вечера Кутузов умер.

Александр велел выдать жене Кутузова 200 тысяч рублей единовременно и сохранить за нею пожизненно в виде пенсии полный фельдмаршальский оклад. Дочерям Кутузова было выдано 250 тысяч. В письме к жене Кутузова Александр писал: «Болезненная не для одних вас, но и для всего Отечества потеря, не вы одна проливаете о нем слезы: с вами плачу я, и плачет вся Россия».

А между тем, произошли серьезные изменения в положении на театре войны. 16 апреля — в день смерти Кутузова — Наполеон выехал из Веймара и двинулся к Лейпцигу. Туда же поехали и Александр с Фридрихом-Вильгельмом.

20 апреля войска Наполеона и русско-прусская армия, которой командовал новый Главнокомандующий А.Х.Витгенштейн, сошлись под Лютценом в упорном сражении, продолжавшемся весь день. В этом бою Александр часто оказывался в боевых порядках своих войск, сказав одному из адъютантов: «В этом сражении для меня нет пуль».

И все же союзники сражение проиграли.

Вечером русские и пруссаки начали отступление.

Александр и Фридрих-Вильгельм, проводившие весь день рядом, стали пробираться через обозы и раненых, при свете фонаря, который нес перед ними один из флигель-адъютантов.

Ночевали они в деревне Гроич, где Александр убеждал прусского короля отойти за Эльбу.

Расстроенный поражением Фридрих-Вильгельм ответил Александру с запальчивостью и обидой: «Это мне знакомо. Если только мы начнем отступать, то не остановимся на Эльбе, но перейдем также за Вислу. Действуя таким образом, я вижу себя снова в Мемеле».

Утром 21 апреля Александр послал штабс-капитана свиты по квартирмейстерской части А.И.Михайловского-Данилев-

ского к главнокомандующему Витгенштейну, для того чтобы узнать, какие распоряжения он отдал.

Михайловский-Данилевский долго искал Витгенштейна и, наконец, узнал от него, что он никаких распоряжений не отдавал, ожидая их от императора.

Когда же Михайловский-Данилевский возвратился к Александру, то получил приказ отправляться в городок Цейц, где в бездействии весь вчерашний день простоял Милорадович с 12 тысячами человек, оберегая левый фланг союзников от возможного обхода Наполеоном.

Милорадовичу было приказано возглавить арьергард и прикрывать союзную армию при ее отступлении на восток.

Из-за того, что у Наполеона почти не было кавалерии, он не мог достаточно энергично преследовать союзников и Александр имел право представить эту ретираду не как следствие понесенного поражения, но как маневр.

Поэтому он наградил Витгенштейна орденом Андрея Первозванного, а Милорадовичу дал титул графа.

8 мая силы союзников выстроились в боевой порядок у Бауцена.

Прежде чем они пришли туда, к ним на соединение подошла 3-я армия, которой с середины февраля 1813 года командовал М. Б. Барклай де Толли.

Вместе с армией Барклая силы союзников насчитывали 93 тысячи человек — 65 тысяч русских и 28 тысяч пруссаков при 610 орудиях. Наполеон привел под Бауцен около 150 тысяч солдат и офицеров при 300 орудиях.

Два дня — 8 и 9 мая — под Бауценом кипело кровопролитное и ожесточенное сражение. Весь первый день Александр стоял на высоте при деревне Кайне, а «9-го мая в пятом часу утра, — писал в «Журнале 1813 года» капитан квартирмейстерской части Главной императорской квартиры А. И. Михайловский-Данилевский, — государь находился уже на высоком кургане, откуда можно было удобно обозревать все поле сражения и куда изредка долетали ядра.

Государь не съезжал с кургана до отступления армий, и перед глазами его была гора, на которой стоял Наполеон, не трогаясь с нее весь день. Вообще я не видал сражения, в котором бы войска обеих противных сторон менее маневрировали и где главнокомандующие были бы менее деятельны, как в Бауценском.

Оба императора... не сходили с курганов. Граф Витгенштейн не оставлял ни на минуту государя и не подъезжал ни разу к войскам, а начальник штаба его несколько часов на том же кургане спал...

Вид сражения, происходившего на горах, был истинно картинный. Неприятели карабкались на крутые возвышения и были стремглав опрокидываемы. Однажды удалось им втащить на гору несколько орудий, ядра их начали доставать до государя. «Неужели вы потерпите, — сказал Милорадович солдатам, — чтобы ядра французские долетали до императора!» — и мгновенно батарея была прогнана.

«Государь на вас смотрит!» — закричал он одному полку, который при сих словах бросился в штыки и переколол французов».

В пятом часу дня русские и пруссаки начали отступление. «Государь ехал медленно, стараясь утешать короля прусского», — добавляет Михайловский-Данилевский.⁴²

Ближайшим следствием проигранного под Бауценом сражения было смещение Витгенштейна с поста Главнокомандующего и назначение на его место Барклая де Толли.

А 23 мая Наполеон неожиданно предложил заключить перемирие, продолжавшееся до 29 июля. За это время численность русской армии возросла до 350 тысяч солдат и офицеров. Главная квартира во время перемирия находилась в маленьком, уютном городке Рейхенбахе, а император со свитой разместился в его окрестностях, в замке Петерсвальде. Здесь-то и происходили важнейшие события лета 1813 года — подписание англо-прусского и англо-русского секретных соглашений, по которым Британия предоставляла союзникам 2 миллиона фунтов стерлингов на содержание 240 тысяч солдат и офицеров.

15 июня к англичанам, русским и пруссакам примкнули и австрийцы. В конце июля армии союзников двинулись вперед к Дрездену, и достигли его 14 августа.

Для прикрытия правого фланга союзники оставили на юго— востоке от Дрездена, у города Пирн, корпус А.И. Остермана-Толстого, на долю которого выпала редкая военная удача — послужить главной причиной выдающейся победы.

В этот день Александр и два союзных монарха сначала стояли на высотах Рекница, наблюдая за движением своих и вражеских войск, но не решаясь на какие-нибудь кардинальные действия. Наконец, было решено провести на виду у Наполеона «большую демонстрацию», развернув на город атаку пяти колонн фронтом в пятнадцать верст.

Колонны не успели еще развернуться, как союзные монархи переменили решение. Но было уже поздно — войска шли к Дрездену, а французы начали контрнаступление.

Всю вторую половину дня, с 6 часов пополудни, продолжалось сражение, к темноте закончившееся тем, что французы сумели отбросить союзников на исходные позиции.

До глубокой ночи Александр был на позиции, а затем уехал на ночлег в замок Нетниц. Сквозь сон он слышал, что за окнами началась гроза, перешедшая затем в бурю.

А между тем сотни тысяч людей стояли в грязи под дождем и ураганным ветром, дожидаясь восхода солнца. Положение усугублялось еще и тем, что у союзников почти не было продовольствия и они третьи сутки держались на сухарях и воде.

15 августа в шестом часу утра Александр выехал на позицию и поспел к самому началу артиллерийской канонады.

Дождь и ветер продолжались с прежней силой. Французы начали атаку на левый фланг, где стояли австрийцы, а затем нанесли удар по центру и почти одновременно — по правому флангу союзников. Ядра падали у самых ног коня Александра, но он не отодвигался ни на шаг, словно испытывая судьбу.

Положение императора показалось опасным только что принятому в службу бывшему генералу Наполеона Моро, и он подъехал к Александру, предлагая переехать на другую высоту — недостижимую для ядер противника.

Жан-Виктор Моро был одним из самых талантливых генералов Наполеона, но в 1804 году был выслан из Франции по обвинению в подготовке заговора против Бонапарта. В июле 1813 г. он приехал из Америки, где прожил девять лет в эмиграции, и предложил свои услуги Александру. Моро стал генералом русской службы и в битве под Дрезденом стоял стремя в стремя с императором. Он-то и предложил Александру переехать из-под обстрела на другое место.

Александр согласился, но не успел еще и тронуть коня, как ядро оторвало сидевшему в седле Моро, правую ногу, пробило круп лошади и, навывлете, раздробило левую ногу. (Потом говорили, что этот выстрел из пушки произвел сам Наполеон, узнавший в подзорную трубу своего давнего врага и недоброжелателя.)

Несмотря на оказанную тут же помощь, Моро, не издавший при ампутации обеих ног ни единого стога, через шесть дней скончался.

Вскоре после того, как унесли смертельно раненного Моро, пришла весть, что разбиты четыре полка австрийцев и захвачено шестнадцать орудий. К тому же Александру сообщили, что потери союзников за два дня сражения достигла 30 тысяч человек.

К ночи в темноте и слякоти голодная и изнуренная непогодой армия союзников начала отступление. Ночью дождь и ветер усилились, войска — на треть босые — шли по колено в грязи.

Вымокший под дождем и облепленный грязью Наполеон в это же время въезжал в украшенный иллюминацией Дрезден.

Переночевав в Дрездене, Наполеон дал своим войскам для отдыха одну ночь, и они, едва успев обсушиться и согреться, утром 16 августа начали преследование отступающей армии союзников. Французский генерал Вандамм, занимавший Пирнское плато, и ближе всех стоявший к путям отступления союзников, получил приказ Наполеона атаковать стоявший против него отряд Евгения Вюртембергского.

В этот же день Остерман-Толстой узнал из перехваченной переписки, что корпус Вандамма идет наперерез союзникам. Остерман принял решение отступить к Кульму и Теплицу и здесь дать бой французам.

Тогда же 14 тысяч солдат и офицеров Остермана-Толстого весь день сдерживали натиск превосходящих сил противника. На следующий день к Кульму подошли полки русской гвардии, которыми командовал Ермолов. Гвардейцы заняли позицию южнее Кульма и не сходили с нее до подхода главных сил. А между тем русские и пруссаки зашли в тыл корпусу Вандамма и ему не оставалось ничего иного кроме того, чтобы сбить гвардию с позиций.

Утром 18 августа подоспели главные силы союзников, в авангарде которого шли полки Баркляя де Толли.

Вандамм был окружен, но не сдавался. Лишь к середине третьего дня сражения он понял, что обречен и сдался лично Александру, наблюдавшему за окончанием битвы, где было пленено 12 тысяч солдат и офицеров, взято 84 орудия и весь обоз.

Описывая исход сражения при Кульме, Михайловский-Данилевский писал: «Между тем пленные проходили целыми колоннами мимо императора, имея офицеров во взводах, а впереди полковников и майоров.

Наконец показался издали и французский главнокомандующий Вандамм. Завидя государя, он сошел с лошади и поцеловал ее. Его величество сначала принял его с важностью, но когда Вандамм сделал масонский знак, император оказал ему: «Я облегчу сколько можно вашу участь...»

Государь объезжал все поле и оказывал раненым возможное пособие. Он благодарил полки за храбрость и приветствуем был громогласными восклицаниями. Радость изображалась на лице его, это было первое совершенное поражение врагов, при котором он лично присутствовал... Он до конца жизни своей говаривал об нем с особенным удовольствием, и хотя он впоследствии одерживал победы, несравненно значительнейшие, но Кульмское сражение было для него всегда любимым предметом воспоминаний». ⁴³

В то же время, когда Вандамм протянул свою шпагу Александру, пришло известие о победах при Касубахе и Гросс-Берне, одержанных союзными полководцами Блюхером и Бернадотом. Резонанс от этих трех побед был настолько велик, что австрийцы переменили ранее принятое решение отступить в Австрию и выходить из коалиции. Александр же, впервые увидевший разгром и пленение неприятельского корпуса, считал «Кульмские Фермопилы» одним из счастливейших дней своей жизни и всегда любил вспоминать об этом событии.

Следующее сражение, в котором участвовал Александр, оказалось самым крупным в истории войн. Оно произошло под Лейпцигом и длилось с 4 по 7 октября. В нем приняло участие с обеих сторон более полумиллиона человек при двух тысячах орудий.

4 октября рано утром Александр приехал на поле предстоящего сражения и еще до его начала вынужден был вступить в полемику с Главнокомандующим союзными армиями, австрийцем, князем Шварценбергом, который предполагал поставить русские полки в очень невыгодную позицию между реками Плейсой и Эльстером. Александр решительно возразил против этого намерения Шварценберга и сказал, что князь может ставить туда австрийцев, но ни одного русского там не будет.

Ближайшее будущее показало его правоту — австрийцы вскоре же были опрокинуты, а их командир, генерал Мерфельд, попал в плен.

К трем часам дня союзники были сбиты с занятых ими позиций, но Александр, находившийся при армии, взял инициативу на себя и приказал ввести в бой резервную артиллерию и гвардию.

Это решение, которое многие военные историки считали звездным часом Александра-военачальника, изменило ход сражения: атаки противника захлебнулись в огне 112 русских орудий.

В этот момент Александр проявил и личное мужество — он отказался уехать со своего пункта, хотя ядра прыгали вокруг него и неприятель был совсем близко. Это случилось, когда французы захватили деревню Госсу и, прорвав своей многочисленной кавалерией русский центр, вышли к императорской ставке.

Александр приказал бросить в бой даже свой казачий лейб— конвой, который во главе с графом В.В.Орловым-Де-

нисовым отчаянно кинулся на французских кирасир и повернул их вспять.

Находившийся рядом с Александром Михайловский-Данилевский потом писал: «Я смотрел нарочно в лицо государю: он не смешался ни на одно мгновение и, приказав сам находившимся в его конвое лейб-казакам ударить на французских кирасир, отъехал назад не более как шагов на пятнадцать. Положение императора было тем опаснее, что позади его находился длинный и глубокий овраг, через который не было моста».

Французы прекратили атаки и вступили в полутарочасовую артиллерийскую дуэль. Расстояние между батареями было не более версты и в течение полутора часов над полем у деревни Вахау гремела канонада, превосходившая по своей мощи даже сражение при Бородино.

5 октября Наполеон отправил к союзникам, взятого накануне в плен, австрийского генерала Мерфельда с предложением перемирия, но Александр наотрез отказался вести какие-либо переговоры.

Прождав ответа весь день 5 октября, и так и не дождавшись, Наполеон в ночь на 6 октября отступил еще ближе к Лейпцигу и встал в семи верстах от города, ожидая продолжения сражения с превосходящими силами противника.

Александр появился на позициях рано утром 6 октября, когда войска еще стояли на биваках. Вместе с центральными колоннами он весь день находился в зоне огня, под гранатами и ядрами, координируя действия всех союзных армий, которые наступали на Лейпциг с трех сторон — с юга, с востока и с севера.

Формально главнокомандующим был Шварценберг, но все, находившиеся в ставке и на так называемом, «Монаршем холме», где стояли два союзных императора и прусский король, единодушно считают, что 6 октября руководителем «Битвы народов» был Александр.

Руководство его не было безупречным. Главным недостатком считают бездействие примерно ста тысяч союзных войск, не участвовавших в боях и оказавшихся сторонними наблюдателями происходящего.

Вечером, когда сражение затихло, Александр предложил переправить ночью русскую гвардию и гренадер на левый берег реки Эльстер, для того, чтобы перерезать назавтра пути отступления Наполеона, которое Александр считал неизбежным.

Шварценберг ответил, что солдаты голодны и устали и поэтому не смогут выполнить предлагаемый маневр.

(Ближайшее будущее показало насколько прав был Александр, предвидя отступление Наполеона за Эльстер. Однако

он не настоял на этом, потому что не был поддержан союзными генералами и Фридрихом-Вильгельмом).

Было решено наутро идти со всех сторон к Лейпцигу и взять город.

С рассветом Александр объехал русские полки, и, обращаясь к солдатам, сказал: «Ребята! Вы вчера дрались, как храбрые воины, как непобедимые герои; будьте же сегодня великодушны к побежденным нами неприятелям и к несчастным жителям города. Ваш государь этого желает, и если вы преданы мне, в чем я уверен, то вы исполните мое приказание».

В 7 часов утра 7 октября армии союзников отовсюду устремились к Лейпцигу. Первыми на улицы города ворвались русские полки 26-й дивизии И.Ф.Паскевича из армии Беннигсена. Следом за ними вошли еще две русские дивизии, после чего с востока в город вошла Северная армия Бернадота. Оттуда же вступила в Лейпциг и Силезская армия Блюхера.

Александр стоял на южной стороне, дожидаясь сообщения о падении города, и, не получив его, решил ехать в Лейпциг, несмотря на то, что там еще шли уличные бои.

Через Гримаусские ворота он въехал в город, следуя за русским корпусом Витгенштейна и прусским корпусом Клейста.

В южной части Лейпцига бои уже затихли, в северной — все еще продолжались. Через час Александр остановился на главной площади Лейпцига и мимо него стали проводить десятки тысяч пленных французов. Среди них оказалось и немало генералов, в том числе и командиры корпусов — Ренье и Лористон, тот самый Лористон, кому довелось быть последним посланцем Наполеона в России.

Александр был великодушен, и приказал вновь назначенному губернатору Саксонии князю Н.В.Репнину, озаботиться участью Лористона.

Опасаясь окружения, Наполеон вышел за город со стотысячной армией. Он потерял до 60 тысяч убитыми и ранеными и 20 тысяч пленными, а также 325 орудий.

Потери союзников составили около 50 тысяч человек.

Через две недели, 21 октября 1813 года, французская армия перешла Рейн и оставила пределы Германии. Только на севере страны в нескольких крепостях все еще оставались французские гарнизоны.

Князь Шварценберг, получив известие об отступлении Наполеона за Рейн, таким образом составил маршрут движения союзных войск, что австрийский император Франц должен был первым въехать в древний имперский город Франк-

фурт. Однако русские узнали об этом и Александр 24 октября сам въехал в город с семью с половиной тысячами кавалеристов, а на следующий день встретил Франца во Франкфурте на правах гостеприимного хозяина.

Главная квартира союзников здесь и остановилась и более чем на месяц к Франкфурту были обращены взоры всех европейских дворов и десятки коронованных особ стали его завсегдатаями, ища покровительства и союза у Александра, более чем у Франца или Фридриха-Вильгельма.

Между тем в стане союзников начались опасные разногласия: все они, кроме Александра, склонялись к тому, чтобы заключить с Наполеоном мир, если он уйдет во Францию и выведет свои войска из всех покоренных им стран.

Наконец, 19 ноября на Военном совете союзников было решено начинать зимний поход и вторгаться во Францию.

29 ноября Главная квартира выступила из Франкфурта.

В начале декабря Александр остановился в Карлсруэ и несколько дней отдыхал там, находясь в обществе своей тещи — марк-графини Баденской, в чьи владения привела его война.

Затем он переехал в недалекий от Карлсруэ Фрейбург и здесь накануне нового, 1814 года, отдал приказ о переходе Рейна и вторжении во Францию.

Вот он, этот приказ: «Воины! Мужество и храбрость ваша привели вас от Оки на Рейн. Они ведут нас далее: мы переходим за оный, вступаем в пределы той земли, с которою ведем кровопролитную жестокую войну. Мы уже спасли, прославили Отечество свое, возвратили Европе свободу ее и независимость. Остается увенчать подвиг сей желаемым миром. Да водворится на всем шаре земном спокойствие и тишина! Да будет каждое царство под единой собственною правительством своего властью и законами благополучно! Да процветают в каждой земле, ко всеобщему благоденствию народов вера, язык, науки, художества и торговля! Сие есть намерение наше, а не продолжение брани и разорения. Неприятели, вступая в средину царства нашего, нанесли нам много зла, но и претерпели за оное страшную казнь. Гнев Божий поразил их. Не уподобимся им: человеколюбивому Богу не может быть угодно бесчеловечие и зверство. Забудем дела их, понесем к ним не месть и злобу, но дружелюбие и простертую для примирения руку».⁴⁴

1 января 1814 года, ровно через год после перехода через Неман, русские войска форсировали Рейн и вторглись во Францию. Александр стоял у моста под дождем и мокрым снегом, под холодным и резким ветром, вспоминая прошедший год, начавшийся для него в Литве и закончившийся на границе Франции...

Главная армия союзников медленно шла по южным департаментам Франции, построившись в восемь колонн и развернувшись по фронту на 350 верст.

Хотя погода была по-прежнему скверная, Александр большую часть времени ехал не в карете, а верхом. Приучив себя не бояться простуды и хорошо закалившись с детства, он ехал без шинели, в одном мундире, чаще всего парадном, и очевидцы утверждали, что, казалось, будто не на войне происходит все это, а едет русский император на какой-то веселый праздник.

Останавливаясь на ночлеги, Александр принимал представителей местных властей и, как правило, очаровывал своим совершенно свободным и даже изысканным французским языком, которым он владел лучше корсиканца Наполеона, пленяя слушателей еще более ласковым обращением и обещаниями своего покровительства.

Однако столь идиллические и мирные картины представлялись лишь тем, кто не знал положения дел в Главной квартире. А существо их состояло в том, что три монарха и Шварценберг находились в постоянных распрях и никак не могли договориться о согласованных действиях против Наполеона. Так как они двигались вместе с Главной квартирой, то и останавливались в одном и том же месте.

Нередко случалось, что Александру среди ночи доставляли срочные и важные донесения и он вставал с постели, быстро одевался и выходил под дождь и снег, чтобы посоветоваться с Францем, Фридрихом-Вильгельмом или Шварценбергом.

Он, не чинясь, входил в занятые ими дома и, сев на край постели, ждал пока кто-либо из них прочтет донесение и выскажет свое мнение.

10 января Главная квартира остановилась в Лангре — городе, лежащем в водоразделе рек Сена и Соны на юго-востоке Парижского бассейна. Здесь впервые Париж из далекого стратегического пункта стал превращаться в близкую осязательную реальность, находившуюся в шести переходах.

Сюда, в Лангр, по приглашению Александра приехал Лагарп и их встреча после двенадцатилетней разлуки была необычайно теплой.

Здесь же союзники вновь стали обсуждать вопрос: следует ли воевать дальше, или же вновь выставить перед Наполеоном требование возвратиться в границы 1792 года?

Споры в Лангре шли около недели. И в тот день, когда они завершились, — в ночь с 16 на 17 января, Александр получил известие, что Наполеон начал наступление на Силезскую армию Блюхера.

17 января армия Блюхера, выдержав тяжелый бой, отступила. Сражение происходило под Бриенном, где Наполеон с десяти до пятнадцати лет учился в военном училище. В этом бою и Блюхер и Наполеон едва не попали в плен, но и для того и для другого все обошлось благополучно.

Союзники отошли на шесть верст к деревне Ля-Ротьер, где Наполеон вновь потерпел поражение, но затем фортуна опять повернулась лицом к своему любимцу, и он в четырех сражениях разбил армию фельдмаршала Блюхера. Это послужило причиной того, что Шварценберг отдал приказ об отступлении союзников. Однако Александр решительно воспротивился и потребовал немедленно остановить гибельную и бессмысленную ретираду и перейти в наступление.

— Если мое требование не будет исполнено, — сказал Александр, — то я отделюсь от Главной армии со всеми, находящимися в ней русскими войсками, соединюсь с Блюхером и пойду на Париж.

Александр обратился к Фридриху-Вильгельму с вопросом: помогут ли пруссаки ему в этом намерении?

И прусский король согласился с Александром. Австрийцам не оставалось ничего другого, как поддержать русского императора.

12 марта Александр принял решение идти на Париж, но Шварценберг приказал своим войскам действовать по направлению к Витри, преследуя отступающего Наполеона, который намеренно уводил австрийцев и пруссаков от Парижа. Александр же считал главной задачей — занятие Парижа и пошел напрямую к французской столице.

Русский император со своим штабом догнал Шварценберга, вместе с которым ехал и прусский король, остановил их, и разложив перед ними карту сумел быстро убедить и того и другого в правильности своего плана.

Шварценберг тут же послал приказы всем корпусам Богемской армии менять направление движения и идти на Париж.

Для того чтобы Наполеон был введен в заблуждение, вслед его войскам, уходившим к Сен-Дизье, был послан крупный кавалерийский отряд, которым командовал генерал, барон Винценгероде. Ему было приказано высылать вперед квартирмейстерские команды для мнимого заготовления квартир союзным монархам, чтобы лазутчики и осведомители Наполеона сообщали ему о движении главных сил по его пятам.

13 марта союзники начали наступление на Париж. В этот же день их кавалерия при деревне Фер-Шампенуаз нанесла стремительный удар по корпусам Мармона и Мортье, шедшим на соединение с главными силами Наполеона. 23 тысячи

французских пехотинцев при 82 орудиях были атакованы 16 тысячами кавалеристов, которыми командовал Барклай де Толли. Французы, выдвинув вперед артиллерию, встали в огромное, ошетилившееся штыками, каре. Предложение сдать-ся они отвергли и были смяты и изрублены русскими кирасирами, драгунами и уланами.

Одновременно с этим, севернее Фер-Шампенуаза 2-й кавалерийский корпус под командованием генерал-лейтенанта барона Ф.К. Корфа атаковал пехотные дивизии генералов Пакто и Аме и тоже разбил их.

Александр лично руководил этим боем. Как и солдаты Мармона и Мортье, дивизии Аме и Пакто тоже встали в каре и тоже отказались сдаваться.

Русская кавалерия начала беспощадную рубку пехоты. Александр, видя это, и желая прекратить кровопролитие, отдал приказ прекратить бой, но в пылу борьбы офицеры не могли остановить своих подчиненных.

Тогда Александр, подвергая себя смертельной опасности, сам въехал в погибающее французское каре, окруженный лейб-казацким полком.

Наконец, резня прекратилась.

Остатки французских войск из-под Фер-Шампенуаза отошли к Парижу. По их следам армии союзников двинулись на столицу Франции.

Вечером 17 марта Александр и его свита остановились на ночлег в замке Бонди, в семи верстах от Парижа. 100 тысяч союзных войск (из них 63 тысячи русских) встали у стен города.

В полдень 18 марта 1814 года союзные войска ворвались в приготовившийся к сопротивлению Париж. Наполеон шел на помощь своей столице, но он был еще далеко и войск у него было гораздо меньше, чем у его противников.

В то время, когда происходили эти события, вся свита Александра уже была в седлах и только ожидала его выхода. Однако Александр во дворе замка Бонди не появлялся: он беседовал со взятым в плен саперным капитаном Пейром, которого привели к нему.

После получасового разговора с ним Александр попросил Пейра поехать к главнокомандующему и объявить ему, что русский император требует сдачи Парижа, и что он воюет не с Францией, а с Наполеоном.

Вместе с Пейром в Париж поехал флигель-адъютант Александра полковник М.Ф. Орлов.

«Если мы можем приобрести этот мир не сражаясь, тем лучше, — сказал Орлову Александр, — если же нет, то уступим необходимости — станем сражаться, потому что волей, или

неволей, с бою или парадным маршем, на развалинах или во дворцах, но Европа должна нынче же ночевать в Париже.»⁴⁵

Вечером в Париж прибыл адъютант Наполеона генерал-лейтенант де Жирарден. Он передал устный приказ Наполеона взорвать гренельский пороховой склад «и в одних общих развалинах погребсти и врагов и друзей, столицу со всеми ее сокровищами, памятниками и бесчисленным народонаселением».⁴⁶ Однако полковник Лескур, которому было приказано сделать это, отказался, потребовав письменного приказа императора.

В два часа ночи к М.Ф.Орлову с письмом за подписью Нессельроде приехал полковник Парр. Союзники соглашались выпустить из Парижа французскую армию, но сохраняли за собою право преследовать ее. Маршал Мармон согласился на это условие и за четверть часа Орлов составил договор о капитуляции Парижа.

В соответствии с ним, французские войска должны были оставить город к семи часам утра, а союзники могли войти в Париж не ранее девяти утра.

Все арсеналы и военные склады должны были в полной сохранности перейти в руки союзников. Национальная гвардия и жандармерия обезоруживались. Последняя статья договора гласила: «Город Париж передается на великодушие союзных государей».

В ночь с 18 на 19 марта префект департамента Сены Шаброль, префект полиции Пакье и некоторые мэры парижских районов прибыли в Бонди, в Главную квартиру Александра, сопровождаемые М.Ф.Орловым.

Утром 19 марта Александр сказал депутатам:

— Судьба войны привела меня сюда. Ваш император, бывший мой союзник, обманул меня трижды. Он пришел даже в недра моей державы, неся бедствия и опустошения, следы которых надолго останутся неизгладимыми. Защита справедливого дела привела меня сюда, но я далек от мысли воздать Франции злом за зло. Я справедлив. Я знаю, что французы в том невиновны. Я почитаю их своими друзьями и хочу доказать им, что напротив тому, плачу за зло добром. Один лишь Наполеон мне враг. Я обещаю свое покровительство Парижу и буду заботиться о сохранении всех его гражданских заведений. В столицу войдут лишь отборные войска. Ваша Национальная гвардия, состоящая из лучших граждан Парижа, останется неприкосновенной. А о будущем вашем счастье вы должны заботиться сами.

Вам необходимо правление, которое возвратило бы спокойствие и вам и Европе — исполните это, и вы найдете во мне того, кто всегда будет содействовать вашим усилиям.⁴⁷

Вскоре после того, как делегация покинула замок Бонди, туда приехал Коленкур, присланный Наполеоном. Коленкур передал просьбу Наполеона о немедленном заключении мира, на ранее предложенных ему союзниками условиях.

Александр решительно отказал, и добавил, что союзники намерены лишить Наполеона трона, а затем согласиться «с общим голосом почетнейших людей Франции».

Когда Коленкур вышел во двор замка, он увидел стоящую под седлом светло-серую лошадь, на которой Александр должен был въехать в Париж. Коленкур узнал ее. Эту лошадь по имени Эклипс Коленкур подарил по приказу Наполеона Александру после подписания Тильзитского мира.

В 10 часов утра Александр выехал из Бондийского замка в Париж.

Через версту он встретил прусского короля и Шварценберга, пропустил вперед русскую и прусскую гвардейскую кавалерию и во главе свиты более чем в тысячу офицеров и генералов многих национальностей, одетых в парадные мундиры, при всех орденах двинулся к столице Франции. Следом пошли русский гренадерский корпус, дивизия гвардейской пехоты, три дивизии кирасир с артиллерией и дивизия австрийских grenадер.

Чудесная погода усиливала торжественность и праздничность этого великолепного шествия.

Обратившись к ехавшему рядом с ним Ермолову, Александр сказал:

— Ну, что, Алексей Петрович, теперь скажут в Петербурге? Ведь, право, было время, когда у нас, величая Наполеона, меня считали за простачка.

Ермолов смутился.

— Не знаю, государь. Могу сказать только, что слова, которые я удостоился слышать от вашего величества, никогда еще не были сказаны монархом своему подданному.

Город встретил Александра криками тысячных толп: «Виват, Александр! Виват, русские!», сделав въезд победителей в Париж подлинным триумфом, не уступавшим по торжественности таким же въездам Наполеона после одержанных им побед.

Затем Александр четыре часа принимал парад союзных войск, после чего пешком отправился в дом Талейрана. Как только Александр туда прибыл, началось совещание, на котором, кроме него, были: Фридрих-Вильгельм, Шварценберг,

Нессельроде, Талейран, герцог Дальберг, князь Лихтенштейн и генерал Поццо ди Борго.

Целью совещания было наметить переход к новой власти, так как Александр был решительно настроен заставить Наполеона отречься от престола.

Александр открыл собрание краткой речью, в которой заявил, что его главной целью является установление прочного мира. Что же касается будущего устройства Франции, то союзники готовы на любой из вариантов: на регентство жены Наполеона императрицы Марии-Луизы при сохранении трона за трехлетним сыном ее и Наполеона Жозефом Бонапартом; на передачу власти Бернадоту; на восстановление республики и на возвращение Бурбонов, словом, на любое правительство, угодное Франции.

Все присутствующие высказались за Бурбонов. Выступавший последним Талейран, закончил свою речь словами:

— Возможны лишь две комбинации: Наполеон или Людовик XVIII. Республика невозможна. Регентство или Бернадот — интрига. Одни лишь Бурбоны — принцип.

Завершая заседание, Александр сказал:

— Нам, чужеземцам, не подобает провозглашать низложение Наполеона, еще менее того можем мы призывать Бурбонов на престол Франции. Кто же возьмет на себя инициативу в этих двух великих актах?

И Талейран указал на Сенат, который должен был немедленно назначить Временное правительство.

20 марта Сенат под руководством Талейрана, учредил Временное правительство, а на следующий день объявил Наполеона и всех членов его семьи лишенными права занимать французский престол.

21 марта Александр снова принял Коленкура и заявил ему, что Наполеон должен отречься от престола.

На вопрос Коленкура, какое владение будет оставлено Наполеону? — Александр однозначно и конкретно ответил:

— Остров Эльба.

25 марта Наполеон подписал безусловное отречение от престола и послал этот акт Александру.

Коленкур передал документ об отречении, после чего был оставлен Александром для свидания с глазу на глаз. Неожиданно для Коленкура Александр стал говорить о Наполеоне с теплотой и участием, а о Бурбонах и их приверженцах с нескрываемой досадой и раздражением.

Тем не менее в тот же день Сенат Франции призвал на трон брата казненного Людовика XVI — Станислава Ксаве-

рия, графа Прованского, вскоре вступившего на престол под именем Людовика XVIII.*

В эти же дни по приказу Александра была отслужена панихида, которую большинство парижан восприняли, как духовное торжество русских и знак к примирению.

29 марта Александр наградил орденом Андрея Первозванного Лагарпа, находившегося в Дижоне и послал князя Волконского к его жене в пригород Парижа, в ее загородный дом.

Волконский от имени Александра предложил мадам Лагарп денежную субсидию и охрану, но она отказалась и от того и от другого.

Тогда к ней поехал сам Александр.

Он поднялся на четвертый этаж, где жила мадам Лагарп, и как только Александр появился у нее в квартире, жена Лагарпа почтительно встала и, по-видимому, намеревалась стоять во все время аудиенции.

— Вы очень изменились, — сказал ей Александр.

— Я была со всеми прочими подвержена переменам обстоятельств, — ответила жена Лагарпа.

— Я хотел сказать только то, что прежде вы без чинов сидели рядом с воспитанником вашего супруга и дружески разговаривали с ним, а теперь перед ним же стоите, — ответил Александр и усадил ее рядом с собой.

И этот эпизод тут же стал достоянием парижан.

29 марта в Париж приехал Меттерних, чтобы обговорить условия отречения от престола низверженного Наполеона.

Он возражал против предоставления Наполеону Эльбы, утверждая, что из-за этого — не пройдет и двух лет — начнется новая война. Однако Александр сказал, что он дал слово, которое не может взять назад, и что нельзя сомневаться в обещании солдата и государя, тем самым не оскорбляя его. После этого Меттерних вынужден был согласиться, хотя будущее показало, что он оказался более чем прав: не прошло и года, как такая война началась.

* Следует иметь в виду, что после казни Людовика XVI находящиеся за границей французские роялисты провозгласили королем Франции сына казненного — восьмилетнего принца Луи-Шарля, дав ему имя Людовика XVII.

Когда мать и отца Луи-Шарля — Марию-Антуанетту и Людовика XVI казнили, мальчику было семь лет и его, выпустив из тюрьмы, отдали на воспитание сапожнику-якобинцу.

Луи-Шарль умер в 1795 году, когда ему было десять лет.

Таким образом, его дядя — Станислав Ксаверий — стал королем под именем Людовика XVIII.

30 марта условия отречения были подтверждены союзниками и 8 апреля Наполеон в сопровождении союзных комиссаров выехал из Фонтенбло.

3 мая он прибыл на остров Эльба.

Через четыре дня после отправки Наполеона из Фонтенбло Людовик XVIII отбыл из Дувра в Кале.

Перед тем, как покинуть Англию он сказал принцу-регенту, что возвращению на трон Франции он более всего обязан Англии. Тем самым Людовик недвусмысленно дал понять о своей будущей внешнеполитической ориентации.

Он подтвердил такой подход и при первой встрече в Компьенском замке, куда Александр приехал для личной встречи с королем. Людовик вел себя надменно и принял Александра, сидя в кресле, предложив своему гостю обычный стул, чем очень обидел его.

21 апреля Людовик XVIII въехал в Париж и поселился в Тюильри.

После этого его отношения с Александром еще более ухудшились. Король не упускал случая, чтобы показать, что в Париже первая персона, несомненно, он, и однажды на званом обеде у себя во дворце, грубо отчитал лакея за то, что блюдо сначала было подано Александру, а потом ему.

На что Александр после обеда сказал:

— Мы, северные варвары, у себя дома более вежливы.

И добавил: «Можно подумать, что он возвратил мне утраченный престол».

Все это привело к тому, что Александр начал проявлять открытые симпатии к Жозефине Богарнэ и членам семейства Бонапартов. Последнее обстоятельство вызвало новый прилив симпатий к российскому императору.

Для парижан — не только простых, но и тех, кто был приобщен к тайнам большой политики, — такой пассаж русского императора оказался изрядной неожиданностью. Не ждали этого и сами члены семейства Бонапартов, потому что, как только Париж пал, Жозефина Бонапарт уехала в пригородный замок — Наварру, не ожидая для себя ничего хорошего. Вместе с нею туда же уехала со своими двумя сыновьями и ее дочь от первого брака — Гортензия. Жозефина была экс-императрицей, а ее дочь — экс-королевой, потому что муж Гортензии, родной брат Наполеона, Луи Бонапарт, возведенный императором на престол Голландии, через четыре года был смещен Наполеоном за слишком самостоятельную политику. Жозефина после развода с Наполеоном, хотя и испытывала чувство

поражения, но крахом все с нею случившееся не считала. Точно так же не считала крахом лишение престола и Гортензия. А падение Империи обе женщины восприняли, как величайшую личную катастрофу. 7 апреля Жозефина писала одной из своих приятельниц: «Сердца наши разбиты всем происходящим». Ожидая самого худшего, даже ареста, обычно деятельная, энергичная и темпераментная Жозефина, на сей раз пассивно ждала развития событий. И вдруг она получает письмо от Александра, приглашающее ее и дочь вернуться в Мальмезон — роскошную дачу, подаренную ей Наполеоном в день их вынужденного развода. 15 апреля Жозефина поселяется в Мальмезоне, окруженном садами, оранжереями и прудами, утопающем в цветах и диковинных растениях. Здесь-то и навещает ее Александр, рассыпаясь в любезностях высшего тона и перед Жозефиной и перед Гортензией, и, равно очаровывая и мать, и дочь, не отдавая очевидного предпочтения ни той ни другой, заставляя их ревновать друг к другу. Жозефина, окрылившись, заказывает себе кучу новых туалетов и дарит Александру великолепную камею, подаренную ей папой, и севрскую вазу с собственным своим портретом, подаренную ей же Наполеоном. Александр не остается в долгу и по его приказу Мальмезон начинает охранять лейб-казачий конвой. А Гортензия получает от Людовика XVIII — по настоянию Александра — титул герцогини Сен-Ле.

В замке Сен-Ле, от названия которого был произведен титул новой герцогини, и во дворце Мальмезон начинаются непрерывные балы и пиршества, продолжающиеся до поздней ночи, а то и до утра следующего дня. И, вот, после одного из таких балов, Александр вывел разгоряченную, сильно декольтированную Жозефину, одетую в легкое весеннее платье, в сад на свежий воздух. Это произошло 14 мая, когда погода была не по-весеннему, не по-парижски, холодна. Жозефина и Александр долго гуляли по саду, после чего ей стало плохо. Но все еще сильная и привлекательная креолка не поддалась болезни и десять дней переносила ее на ногах. На 24 мая в Мальмезоне был назначен обед в честь Фридриха-Вильгельма III и Жозефина не отменила пиршество, хотя чувствовала себя совсем нездоровой. Обед состоялся, состоялся и бал, который хозяйка Мальмезона открыла в паре с Александром. Она снова сошла в сад с царем, но после этого заболела очень сильно и уже через пять дней врачи сошлись на том, что ее часы сочтены. В полдень 18 мая Жозефина умерла.

Ее хоронили при огромном стечении народа и при почетном эскорте русской гвардии и всего генералитета.

А после смерти экс-императрицы Александр не оставлял своим вниманием новоиспеченную герцогиню Сен-Ле. Он часто ездил к ней в дом, подолгу беседовал, и сделал все, чтобы вскружить ей голову. Однако Гортензия сама испортила дело — она начала политическую интригу, которые Александр никогда не путал с любовью, и все ограничилось, кажется, платонической дружбой.

Но любовь — любовью, а дело — делом. А именно дело ставил Александр на первое место и потому не хотел уезжать из Парижа и уводить свои войска прежде, чем Сенатом Франции ни будет принят основной закон государства, в котором четко и определенно будут даны гарантии гражданских свобод, а притязаниям возвратившихся эмигрантов-роялистов будут положены решительные препоны.

Только получив текст этой Конституции, известной под именем «Хартии», Александр 22 мая выехал из Парижа.

Мы уже убедились в великой любви русского императора к путешествиям. Одной из причин «охоты к перемене мест» была не столько страсть к новым впечатлениям, сколько стойкая нелюбовь к обстановке Зимнего дворца и Царского Села, где он был все время на виду, скован этикетом и церемониалом, а кроме того, окружен множеством людей, которых не просто не мог терпеть, но и презирал. Но на сей раз предстоящее большое путешествие носило и отчетливо выраженный политический характер. Он хотел, побывав в разных странах, укрепить свои внешнеполитические позиции, ибо, несмотря на победу над Наполеоном, Россия вновь могла оказаться перед сплоченным фронтом вооруженной оппозиции, в которую вошли бы почти все ее недавние союзники. И потому, уладив, как мог, дела во Франции, Александр поехал не в Петербург, а, прежде всего, в Англию, ибо ключи от мира хранились в банковских сейфах Лондона. Его сопровождали победоносные военачальники — Барклай и Платов, генерал-адъютанты и дипломаты.

26 мая Александр и Фридрих-Вильгельм высадились в Дувре.

Оказанная Александру встреча была такой же восторженной, как и в других европейских странах, сдержанные англичане на сей раз уподобились своим собратьям с континента — они выпрягли лошадей из приготовленных союзным монархам экипажей и сами впряглись в оглобли, с тем, чтобы привезти Александра и Фридриха-Вильгельма в Дувр.

27 мая августейшие путешественники направились в Лондон, где им была оказана не менее теплая и восторженная встреча.

Для резиденции Александру отвели один из лучших королевских дворцов — Сент-Джемский.

2 июня в Оксфорде состоялось торжественное заседание Оксфордского университета, на котором Александр первым из русских был удостоен почетного диплома доктора прав.

Когда Александру подносили диплом, он, несколько смутившись, сказал ректору:

— Как мне принять диплом? Ведь я не держал диспута.

На что ректор возразил:

— Государь! Вы выдержали такой диспут против угнетателя прав народов, какого не выдерживал ни один доктор прав на всем свете.

И все же поездка в Лондон не могла удовлетворить Александра из-за ее конечных результатов. Он не смог наладить отношений с лидерами партии тори, восприняв точку зрения своей сестры Екатерины Павловны, жившей в то время в Лондоне. Оказавшись в одном с нею городе, Александр в первые же дни навестил ее, и под ее влиянием занял ту же позицию по отношению к тори, какую занимала и его умная и властная сестра.

Александр и Екатерина Павловна расстались в 1812 году, и не виделись почти три года.

Весной 1812 года принц Георг Ольденбургский, как нам уже известно, муж Екатерины Павловны, выехал вместе с императором в армию и вместе с ним уехал и с театра военных действий. Георг не рвался в бой и без сожаления покинул армию. Возвратившись в Тверь, он занялся формированием народного ополчения и организацией лазаретов. Особенно нравились ему хлопоты по снабжению и обеспечению всем необходимым раненых, что отнимало у Георга массу времени и сил. В один из визитов в госпиталь, принц заразился тифом и в конце 1812 года умер. Это случилось в Ярославле, куда принц и его жена уехали, опасаясь захвата Твери французами. Похоронив мужа, Екатерина Павловна уехала за границу и там нашла выход своему темпераменту и способностям, с головой окунувшись в море дипломатических интриг и переговоров. Она успешно действовала в Вене, склоняя Австрию к союзу с Россией, но потерпела совершеннейшее поражение, оказавшись в 1814 году в Англии. Екатерина Павловна настолько враждебно и подчеркнуто высокомерно обращалась с лидерами партии тори, что русский посол в Лондоне князь Ливен должен был вмешаться и сделать великой княгине серьезные представления.

14 июня Александр отправился из Англии на континент — в Кале, а затем — в бельгийский порт Остенде, расположенный на берегу Северного моря в Западной Фландрии.

Побывав в соединенном с Остенде коротким каналом старинном городе Брюгге, Александр уехал в Голландию.

17 июня Александр прибыл в Антверпен и оттуда отправился на голландскую границу, где уже стояли триумфальные ворота с надписью: «Александр Благословенному. Он избавил человечество. Нам возвратил Отечество». Слова: «Нам возвратил Отечество» — не были пышной фразой. Дело в том, что русские войска, входящие в состав Северной армии, в 1813 году приняли активное участие в освобождении Голландии от владычества Наполеона. Решающую роль сыграла победа союзников в «битве народов» под Лейпцигом, которая привела к взрыву национально-освободительного движения в стране.

Все это способствовало тому, что осенью 1813 года в Голландию вернулся сын изгнанного короля Вильгельма V Оранского — Вильгельм, в декабре провозглашенный королем.

Теперь Вильгельму VI предстояло принять союзного монарха, благодаря которому он возвратил утраченный трон.

Голландцы встречали Александра в старинных костюмах и повезли его далее к домам, украшенным еловыми гирляндами.

В первой же деревне Александра встретила официальная делегация и один из ее членов, генерал-майор Плат, сказал: «Голландия освобождена вами от ига! С радостным сердцем, со всею известною честностью голландцев уверяем Ваше Величество, внука Великого Петра, в нашей благодарности, разделяемой всем народом, соорудившим в душе своей вечный памятник любви и признательности своему избавителю».

Александр скромно ответил, что благодарить следует не его, а Бога.

Отказавшись от почетного конвоя, Александр поехал к крепости Бреда, где был встречен пушечным салютом и колокольным звоном.

В Бредe Александра приветствовал еще один голландский генерал — фон дер Плат — родственник предыдущего — георгиевский кавалер, служивший в России и получивший золотую шпагу за отличие при штурме Измаила.

В Роттердаме царя встретил король Голландии Вильгельм VI и поехал с ним вместе по всей стране, показывая гостю Амстердам и Роттердам, Брук и Саардам.

Особенно тепло встречали Александра в Саардаме, где в 1697 году жил Петр Великий. Когда Александр вошел в домик Петра, то внезапно замолчал, пораженный бедностью и простотой его убранства, а затем тихо проговорил:

— Посмотрите, как немного нужно для человека!

(Впоследствии, когда Александру все чаще и чаще стала приходить мысль оставить трон и уйти в частную жизнь простого человека, он вспоминал Саардам и бедную тесную избушку плотника и это еще более укрепляло его в неотвязном намерении отказать от жребия венценосца, уготованного ему судьбой.)

Вечером саардамцы устроили праздничную морскую прогулку и сопровождали короля Вильгельма и Александра на более чем двухстах кораблях и яхтах.

Затем через Амстердам, где Александр осмотрел знаменитую картинную галерею «Рейкемюсеум», кабинет редкостей, монетный двор, ботанический сад и несколько старинных церквей, он через Утрехт и Зейст уехал в Германию.

Проезжая через Германию в Петербург, он встретился в Кельне с Аракчеевым, находившимся на лечении неподалеку оттуда, затем ненадолго заехал к своей теще в Брухзал, и оттуда поехал в Россию.

12 июля 1814 года в одиннадцатом часу вечера он приехал в Павловск, после полугодового отсутствия.

Подобно тому, как в декабре 1812 года, знавшие его перед тем, констатировали большую перемену, произошедшую с Александром после начала войны, теперь те же люди заметили в нем и другую перемену — он стал любить уединение, чтение и одинокие раздумья, забыв о балах и праздниках. Они связывали эту перемену с тем, что путешествуя по Европе, Александр часто беседовал с философами и религиозными деятелями разных направлений. Он встречался с «Богемскими братьями», исповедовавшими идею спасения души через нравственное самосовершенствование и поиски Бога каждым человеком. Во дворце герцога Баденского Александра познакомили с одним из авторитетнейших писателей-мистиков Иоганном-Генрихом Юнг-Штиллингом, другом Гете и Шиллера, который был убежден, что в нем воплотился Христос, избравший его для борьбы с французской революцией. В Лондоне Александр встречался со знаменитыми квакерами-филантропами Алленом и Греллэ, утверждавшими, что царство Христа — есть царство справедливости и всеобщего мира.

Находясь под сильным впечатлением от всего этого, он возвращался на родину далеко не таким человеком, каким уезжал весной 1812 года из петербурга в Вильно.

Мистические настроения, нахлынувшие на него в 1812 году, и не оставлявшие его все последующее время, отныне навсегда стали неотъемлемой чертой, а во многих случаях и до-

минантой в его характере и поведении, что сильно повлияло и на жизнь и на судьбу Александра.

В Петербурге Александр пробыл всего полтора месяца и 2 сентября отправился на конгресс в Вену.

По дороге он заехал в Пулавы и в доме Чарторижских вновь подтвердил решимость восстановить независимую Польшу. Взяв с собою князя Адама, он отправился в Австрию и через неделю въехал в Вену вместе с Фридрихом-Вильгельмом III. 15 сентября в Вену прибыла со своими фрейлинами Елизавета Алексеевна, цесаревич Константин и великие княгини Мария и Екатерина.

Александрю был отведен один из самых роскошных дворцов императора Франца — Хофбург.

Два императора, дюжина королей и больше сотни титулованных особ собрались на этот «Танцующий Конгресс», продолжавшийся необычайно долго — до июня 1815 года. Среди участников Конгресса был и Адам Чарторижский.

Князь Адам и Елизавета Алексеевна встретились в Вене осенью 1814 года, через 15 лет после разлуки. Вот какие отрывки из Дневника Чарторижского опубликовал через сто лет в 1916 году профессор Шимон Аскенази в журнале «Голос минувшего»: «Здесь я вижу ее, сильно изменившуюся, но для меня всегда ту же со стороны ее и моих чувств. Они утратили свой пыл, но в них сохранилось достаточно силы, чтобы не видеть ее было великой мукой». «Всем она нравится. В некоторых отношениях похорошела. Я несчастлив и печален, каким давно не был.»

«3 декабря. Попадаю к Нарышкину. Вторая встреча. Признаны новые обязанности. Она всегда истинный ангел.» «Моя тетка — (княгиня Елизавета Любомирская, урожденная Чарторижская) сплетничает; мой отец сказал ей о ней. Наука, что мало можно кому доверить настоящую и важную тайну. Третья встреча при посредстве Нарышкина. Визит императора к моей тетке. Ее визит и письмо. Жар и сны, и угрызения, укоряющие в виновности. Стан и лицо изменились, однако все та же очаровательность, а душа ангельская.»

«18 января 1815 года. К ней пишу...»

«До 28 января. Письмо отдано и сейчас на следующий день вижу. Разнообразность моих чувств. Она всегда первый и единственный предмет. Обмен кольцами. Ее доброта, ее чувства иного рода. Она не хочет остаться в Германии, она приносит себя в жертву... Мои сплины (хандра): я испорчен

доброжелательностью и любовью; душа не может подняться до ее превосходства.»

«Я желаю ей счастья и завидую ему; страстно люблю, а все-таки, я все посвятил бы, а святость чувства недостаточно сохраняю. Долгая неуверенность, противоречивость и неустанные обиды, и двадцатилетнее ожидание, и ее, уже в течение стольких лет скрытое чувство, разрушили правильный порядок сердца.

Несчастья одной неверности (Чарторижский здесь, по видимому, имеет в виду трагический роман Елизаветы Алексеевны, состоявшийся в 1806 году, через семь лет после того, как они расстались и героем которого был А.Я.Охотников, о чем здесь уже рассказывалось), потрясли некоторые самые деликатные принципы. Но это не оправдывает меня, так как я от сердца простил, и она не прощения, не любви, уважения и обожания достойна.»

«16 февраля. Великая печаль угнетает меня и (я испытываю) отвращение к свету. Она, быть может, недовольна.»

«До 3 марта. Боязнь за перемену в ней потрясает меня сильнее всего своею жалостью, печаль так сильна, что я чувствую себя больным. Пишу к ней; мой разговор с императором... Поднимаю материю о ней.»

«8 марта. Ее отъезд. В канун отъезда, утром, прощаюсь. Сила этого союза достойна внимания, между тем как время и отдаление и неизбежность должны были стереть чувство и потушить его одними препятствиями, оно собственной силой все преодолевает.

Ничто уже не говорит в его пользу, ни желание счастья и наслаждения, ни рассудительность, ни какая бы то ни было надежда, ничто мирское и человеческое; однако оно сильнее стольких различных побуждений. Я говорю и пишу о необходимости брака (Чарторижскому в это время было 45 лет, но он все еще был холост). Она радуется известию о появлении Наполеона (об этом читатель узнает вскоре), в надежде, что на более долгое время останется в Германии. Перемена во мне — чувства искренние, глубокие, которые захватывают всю душу и проникают насквозь, принадлежали и принадлежат только ей.»⁴⁸

Такого рода откровения, ни для кого из посторонних не предназначенные, убедительно свидетельствуют о глубине и продолжительности чувств, что позволяет говорить не о какой-то мимолетной любовной интрижке, а о серьезной и прочной душевной привязанности, которую и Чарторижский и Елизавета Алексеевна сохраняли и в дальнейшем.

В Вену, кроме Елизаветы Алексеевны, приехала и Нарышкина с мужем. Александр знал, что Конгресс будет долгим и побоялся оставить ветреную прелестницу в Петербурге, потому что в это время у неотразимой Марии Антоновны объявилось несметное множество поклонников и это, еще в Петербурге, стало крайне раздражать и даже мучить Александра.

И чтобы избавиться себя от этого, он решил отвечать ей тем же, и так как Александр ни в чем не терпел соперничества, то число его любовниц было не меньшим. Особенно ярко проявилось это в Вене, на Конгрессе. Одной из первых жертв Александра-любовника стала ослепительная красавица графиня Юлия Зичи. Но прошло несколько дней и он променял Зичи на княгиню Багратион, — вдову Петра Ивановича, погибшего за два года перед тем. Эта победа над «русской Андромедой», как звали княгиню в Вене, была тем более приятна Александру, что он покорила любовницу самого Меттерниха, с которым у него были давние нелады. А княгиня Багратион радовалась тому, что русский император предпочел ее всем прочим дамам, потому что тем самым уязвила свою счастливую соперницу герцогиню Саган, преуспевшую в борьбе с нею за любвеобильного австрийского канцлера. Ободренная успехом у Меттерниха, Саган забирается в карету к царю, но он, — так, во всяком случае, рассказывал потом Александр, — не воспользовался благоприятной ситуацией, якобы из-за того, что герцогиня показалась ему слишком глупой. Здесь уместно будет усомниться в правдивости и щепетильности Александра, потому что в бесконечном перечне его увлечений и побед далеко не все женщины были кладями премудрости. А еще более это сообщение вызывает сомнение и потому, что распространительницей его была княгиня Багратион, о чувствах которой к мадам Саган мы уже осведомлены.

Эти успехи Александра у дам высшего света, кружат головы многим хорошеньким венкам — и мелким дворянкам, и мешанкам, и даже откровенным смазливим потаскушкам, до которых царь тоже оказался большим охотником. Между увлечением княгиней Багратион и встречами с совершенно случайными кокетками, Александр соблазняет и еще одну великосветскую красавицу — графиню Эстергази. После нее настает звездный час герцогини Саган, что позволяет венским остроловам утверждать, что баварский король — пьет за всех, вюртембергский король — ест за всех, а русский царь — любит за всех. Добавляли, что русский царь и танцует, если не за всех, то, конечно же, больше всех и едва ли ни лучше всех.

Агенты венской полиции, ответственные за безопасность Александра, и повсюду незаметно сопровождавшие его и неот-

ступно следившие за всеми его похождениями, причисляли к сонму погубленных им красавиц еще и венгерскую графиню Сегеньи, и графиню Софию Зичи — сестру уже упоминавшейся нами, Юлии, — и княгиню Ауэршперг, и многих иных титулованных и нетитулованных прелестниц.

А кроме того, Александр созвал в Вену и своих прежних любовниц из разных стран Европы.

Вот что писал он во Франкфурт Луизе фон Бетман, с которой сошелся в этом городе в 1813 году: «Наконец, я имею известие от тебя, моя любимая. Глаза мои, так долго лишенные этого счастья, наконец, узрели дорогой почерк, глядя на который я понимаю, как ты мне дорога, как все в мире скрывается от моих глаз, когда я получаю что-нибудь от тебя». Луиза не могла приехать в Вену, и тогда он вызвал из Петербурга двух купчих-немок — Шмидт и Шварц, которые не замедлили явиться, чем вызвали бурное негодование местных претенденток на сердце русского царя.

И все же всех приключений царя не знала даже тайная австрийская полиция, которая только в ряде случаев могла утверждать что-либо навверное, а Александр был настолько искусен в этих играх, что попадался с поличным крайне редко.

И все же главным делом всех танцующих была политика. Уже к концу 1814 года главные европейские державы, кроме Пруссии, тайно образовали союз против России. Побудительным толчком к этому послужила проблема Саксонии.

Александр считал саксонского короля Фридриха-Августа III, перешедшего в 1806 году на сторону Наполеона, изменником, и в разговоре с Талейраном заявил, что его место не на Саксонском троне, а в России подобно тому, как это было и с последним польским королем.

Еще больший накал приняли из-за этого же вопроса отношения Александра с князем Меттернихом.

Александр, — прекрасно воспитанный и деликатный — до такой степени не терпел Меттерниха, что в разговорах с ним, которые он вынужден был вести, как с министром иностранных дел Австрии, часто позволял себе такой тон, какого никогда не допускал по отношению к лакеям.

Меттерних отвечал ему откровенной неприязнью и однажды сказал прусскому канцлеру князю Гарденбергу, что Александр на переговорах более заботится о Польше для себя, чем о Саксонии для прусского короля.

Гарденберг тут же передал услышанное Александру и тот считая себя лично оскорбленным, вызвал Меттерниха на дуэль.

Беспрецедентной дуэли не суждено было состояться: Меттерних объяснил случившееся недоразумением, произошедшим из-за глухоты Гарденберга, который его неправильно понял. И все же дело дошло до того, что князь Шварценберг составил план военных действий против России и Пруссии, наметив начало войны на март 1815 года.

Со всеми возможными предосторожностями копии договора были отправлены королям Англии и Франции. Сам факт подписания содержался в наистрожайшем секрете и Александр ничего не знал о существовании договора.

Неизвестно, как бы пошли дела дальше, но в ночь с 22 на 23 февраля Меттерних получил от австрийского генерального консула в Генуе экстренное сообщение, что Наполеон отплыл с Эльбы.

Меттерних, вскрывший депешу только утром, тут же поспешил к императору Францу, который приказал ему немедленно известить о случившемся и Александра и Фридриха-Вильгельма, добавив, что австрийская армия должна быть готова к выступлению.

К Александру Меттерних отправился первым и немедленно был им принят, хотя перед тем они оба не только не здоровались, но и при встрече делали вид, что не замечают друг друга. Александр же вообще не принимал приглашений на те балы и спектакли, на которые, как он знал, был приглашен или мог приехать Меттерних.

Но здесь все было забыто и дотоле непримиримые враги помирились. Более того, Александр обнял Меттерниха и попросил возвратить ему прежнюю дружбу.

Так в очередной раз в Александре государь и политик одержали верх над человеком и частным лицом.

Александр полностью поддержал решение императора Франца и после этого Меттерних отправился к прусскому королю.

В десять часов утра у Меттерниха уже состоялось совещание, на которое первым явился Талейран, и ознакомившись с донесением из Генуи, внешне остался совершенно спокойным.

Между тем Наполеон форсированным маршем шел к Парижу и все высланные Людовиком XVIII войска полк за полком переходили на его сторону.

8 марта, не сделав ни единого выстрела, Наполеон вошел в Париж.

Его движение было столь стремительным, а переход армии на его сторону столь неожиданным, что Людовик и весь его двор в панике бежали, когда Наполеон был уже у ворот Парижа.

В Тюильрийском дворце, в кабинете короля, Наполеон обнаружил прямо на письменном столе, брошенный в спешке, секретный договор от 22 декабря 1814 года.

Наполеон приказал привести к нему секретаря русской миссии в Париже Будягина, и вручив ему договор, отправил его в Вену к Александру, надеясь тем самым расстроить коалицию против Франции.

27 марта Будягин передал этот документ Александру. На следующее утро Александр пригласил к себе барона Штейна, дал прочитать ему договор, а затем сказал, что пригласил к себе и Меттерниха и хотел бы, чтобы Штейн был свидетелем их свидания.

Как только Меттерних вошел в кабинет, Александр протянул ему договор и спросил:

— Известен ли вам этот документ?

Меттерних молчал.

Тогда Александр, не давая ему возможности говорить, оправдываться и лгать, сказал:

— Меттерних, пока мы оба живы, об этом предмете никогда не должно быть разговора между нами. Нам предстоят теперь другие дела. Наполеон возвратился и поэтому наш союз должен быть крепче, нежели когда-либо.

Сказав это, Александр бросил договор в горевший камин и отпустил и Штейна, и Меттерниха.

Когда весть о случившемся распространилась среди дипломатов, то многие министры, подписавшие договор, попросили у Александра извинения, либо попытались объяснить и всем им он говорил одно и то же:

— Забудем старое, нас ждут серьезные испытания.

Это было тем более уместно, что еще за две недели до случившегося, союзники приняли совместную декларацию, объявлявшую Наполеона узурпатором, стоящим вне закона, а целью союзников провозглашалось: «Лишить Наполеона возможности возмущать спокойствие Европы».

Россия, Англия, Австрия и Пруссия обещались выставить против Наполеона по 150 тысяч солдат и офицеров. Кроме того все прочие союзные государства выставляли еще 200 тысяч и, таким образом, в рядах объединенных сил союзников должно было оказаться 800 тысяч солдат и офицеров.

Англия выделила субсидию в восемь с половиной миллионов фунтов стерлингов, направив пять миллионов Рос-

сии, Австрии и Пруссии, а три с половиной — тридцати германским государствам, выставившим свои воинские контингенты.

Русские войска, общей численностью в 225 тысяч человек, двинулись из России в начале апреля. Главнокомандующим всеми этими силами был назначен Барклай де Толли, бывший до того командующим 1-й армией.

Эта армия, дислоцировавшаяся в Белоруссии и частью в Литве и на Украине, имела в своих рядах 167 тысяч солдат и офицеров. Она вышла в поход в полном составе и являлась главной силой русских войск.

Кроме 1-й армии шли 7-й пехотный корпус из 2-й армии Беннигсена, корпуса Витгенштейна и принца Евгения Вюртембергского, а также гвардейский корпус под командованием Милорадовича.

Все эти силы выступили из разных регионов России в разное время и потому маршруты их движения были самостоятельными и не совпадающими с другими.

Главные силы союзников — немцев и англичан — собирались в Бельгии. Туда немедленно отправились из Вены английский фельдмаршал Артур Веллингтон — он принимал участие в Венском конгрессе — и из Берлина — фельдмаршал Блюхер.

У первого из них было под началом 100 тысяч войск, у второго — 120 тысяч.

13 мая Александр, не дождавшись окончания Венского конгресса, выехал к армии и через Мюнхен и Штутгарт проследовал к Гейльбронне, где остановилась его Главная квартира.

НОВЕЛЛА СТО ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Мадам Юлиана Крюденер

Все дни Александр проводил в напряженной работе, а по вечерам, оставаясь один, подолгу читал Библию, пытаюсь разгадать смысл многих темных мест, туманных иносказаний и скрытых намеков. Мистика овладевала им все более, «ищущими и взыскующими», и он часто вспоминал свои встречи с такими же как он, исповедовавшими разные учения о таинственном и загадочном, сокровенном и скрытом, доступном лишь посвященным и медиумам. Однажды вечером, незадолго перед сном, он вспомнил, как фрейлина Р.С. Струда рассказывала ему о баронессе Юлиане Крюденер, которая утверждала, что ее душе доступно единение с Богом, и она может в моменты озарения общаться с потусторонним миром.

Кроме этого баронесса верила, что на ее долю выпала великая миссия обращения неверующих.

Крюденер познакомилась с фрейлиной в 1814 году, а затем, используя близость Струдзы к императрице Елизавете Алексеевне — познакомилась и с нею самой.

Однако и этого Крюденер показалось мало и она поставила перед собою задачу проникнуть и к Александру, используя все ту же Струдзу, которая однажды и рассказала о баронессе Александру, и он сказал, что хотел бы видеть Крюденер.

И вот много месяцев спустя после этого разговора, находясь в Гейльбронне, Александр подумал о баронессе и ему очень захотелось, чтобы она посетила его. Как только он подумал об этом, раздался стук в дверь и князь Волконский сообщил, что некая баронесса Крюденер настоятельно просит, чтобы русский император немедленно ее принял.

Александр был поражен и тотчас же решил, что это отнюдь не простая случайность, а веление свыше.

Он тотчас принял знаменитую теософку и та сказала ему следующее:

— Ваша жизнь полна заблуждениями тщеславия и суетности. Минутное пробуждение совести, сознание своих слабостей и временное раскаяние, не являются полным искуплением грехов и не ведут к духовному возрождению. Нет, государь, — продолжала Крюденер, — вы еще не приблизились к Богочеловеку, как преступник, просящий о помиловании. Вы еще не получили помилования от того, кто один на земле имеет власть разрешать грехи. Вы еще остаетесь в своих грехах. Вы еще не смирились пред Иисусом, не сказали еще, как мытарь, из глубины сердца: «Боже, я великий грешник, помилуй меня!» И вот почему вы не находите душевного мира. Государь, я прошу вас простить мне тон, каким я говорила. Поверьте, что я со всею искренностью сердца и перед Богом сказала вам истины, которые еще не были вам сказаны. Я только исполнила священный долг относительно вас.

— Не бойтесь, — отвечал Александр, — все ваши слова оправдываются в моем сердце: вы помогли мне открыть в себе самом вещи, которых я никогда еще в себе не видел; я благодарю за это Бога.⁴⁹

(Встречи с Крюденер происходили и в Париже, после того, как Александр вторично появился там летом этого же 1815 года.)

НОВЕЛЛА СТО ПЯТНАДЦАТАЯ

Второе пришествие в Париж. «Священный Союз»

7 июня, когда Главные квартиры Александра, Франца и Фридриха-Вильгельма были в Гейдельберге, огромная, отлично снаряженная русская армия, приводившая в восторг

красотой и порядком всех ее видевших, начала проходить через город. Через три дня после того, как это произошло, здесь узнали о решительной победе Веллингтона и Блюхера при Ватерлоо и о пленении Наполеона.

После этого русские войска и Главная квартира Александра двинулись вперед.

18 июня Александру сообщили, что в Париже сформировано Временное правительство, а 21 июня в 9 часов утра армия Блюхера сразу через четверо ворот вошла в Париж.

Оставив свои главные силы, находившиеся в 220 верстах от Парижа, Александр помчался в столицу Франции.

Вместе с ним отправились император Франц и король Фридрих-Вильгельм со своими свитами.

Свита Александра разместилась всего в девяти экипажах.

Вперед на все станции были отправлены казачьи сотни, и на каждой из станций одна полусотня конвоя сменяла другую.

Рано утром 28 июня царская свита выехала на дорогу, ведущую в Париж.

Далее казачьих пикетов и патрулей уже не было и Александр поехал вперед, оставив возле себя всего полусотню казачьего лейб-конвоя.

Тем же вечером Александр въехал в Париж. Путь в 220 верст был пройден менее чем за двое суток и появление русского императора, оказавшегося в столице Франции намного раньше его войск, было полной неожиданностью для парижан.

Александр проехал через ворота Сен-Мартен и остановился в Елисейском дворце. Через полчаса к нему прибыл король Франции, и сам-то совсем недавно вернувшийся в Париж.

На следующий день приехали великие князья — Константин, Николай и Михаил, а следом за ними — генералы и офицеры подошедших к Парижу 2-й кирасирской и 3-й гренадерской дивизий. Вторично оказавшийся в столице Франции русский император, по-прежнему поражал жителей города тем, что отправлялся на пеший променад без какого-либо эскорта, а на прогулки верхом в сопровождении лишь одного берейтора.

Однако по отношению к солдатам и офицерам своей армии, Александр проявлял все бульшие и бульшие строгости.

Вошедшие в Париж 3-я гренадерская и 2-я кирасирская дивизии почти непрерывно занимались строевой подготовкой, офицеры не имели права ходить в партикулярном платье, разводы и смотры следовали один за другим.

Апофеозом всего должен был стать не имеющий равных в истории грандиозный военный парад, в котором предстояло участвовать 150 тысячам русских солдат и офицеров при 540 ору-

дях. Местом парада были выбраны окрестности города Вертю в Шампани, где находилась обширная равнина и гора Монт-Эме.

Чтобы не мешать уборке хлебов, парад был назначен на конец августа.

Подготовкой грандиозного действия была занята Главная квартира, где составлялись чертежи, планы и графики движения войск, отрабатывалась система визуальных и звуковых сигналов.

25 августа Александр, взяв с собою Волконского, выехал в Вертю.

26 августа, в день третьей годовщины Бородинского сражения, состоялась генеральная репетиция смотра.

Авангард составляли три пехотных корпуса. За ними стояли драгунские полки, а в третьей линии находились гренадеры, пехота и легкая кавалерия.

Корпусами командовали Дохтуров, Раевский, Остен-Сакен, Ермолов, Сабанеев, Винценгероде и Пален.

Сигналы для перестроения войск во время движения подавались пушечными выстрелами со склонов горы Монт-Эме.

Александр прибыл, когда войска уже стояли. Как только первый пушечный выстрел известил о прибытии императора, пехотинцы взяли на плечо, а кавалеристы и 4413 офицеров отсалютовали саблями.

По второму выстрелу враз грянула музыка шестидесяти полковых оркестров и над полем прокатилось могучее «Ура!»

С третьим выстрелом войска перестроились в колонны по-батальонно, а после четвертого — вся армия образовала одно гигантское каре.

Александр, спустившись с горы, объехал каре и встал посередине, после чего все войска в величайшем порядке прошли мимо него церемониальным маршем.

Не сдержав восторга, Александр сказал:

— Я вижу, что моя армия первая в свете; для нее нет ничего невозможного, и по самому наружному ее виду никакие войска не могут с нею сравниться.

За два следующих дня в Вертю прибыли тысячи людей, желавших полюбоваться необычайным зрелищем, ибо сам парад должен был состояться 29 августа.

И в этот день, так же как и накануне, перед союзными монархами и сотнями офицеров и генералов иностранных армий, прошел великолепный парад. В завершение парада во главе большого церемониального марша прошел сам Александр, салютуя собравшимся шпагой.

В заключение смотра был произведен ружейный и орудийный салют, затянувший все поле под Вертю облаками густого дыма.

Два брата Александра — девятнадцатилетний Николай и семнадцатилетний Михаил — впервые принимали участие в военном параде, что также подчеркивало его необычность и исключительность.

На следующий день, 30 августа, в семи походных церквях солдаты и офицеры семи корпусов, отслужив молебен, заслушали приказ о возвращении «в любезное Отечество».

Справедливости ради следует отметить, что в 1814-1815 годах из русской армии во Франции дезертировало несколько тысяч солдат и унтер-офицеров.

Всех их с радостью принимали крестьяне, так как наполеоновские войны унесли ранеными и убитыми более миллиона мужчин и в хозяйствах очень не хватало работников.

Из-за этого поход в Россию армия совершала под неусыпным надзором военной полиции и господ офицеров, а наиболее неблагоприятные части перевозились морем на русских, английских, французских и немецких кораблях.

После парада в Вертю у Александра возникла идея создать в Европе союз трех монархов — русского, австрийского и прусского — официально направленный на достижение торжества принципов христианского учения на всем материке.

Трактат о таком союзе, названном «Священным», был написан самим Александром и состоял из трех пунктов:

- 1) пребывать соединенными неразрывными узами братской дружбы, оказывать друг другу помощь и содействие для охраны веры, правды и мира;
- 2) почитать себя единым христианским семейством;
- 3) пригласить все державы к признанию этих правил и к вступлению в «Священный союз».

Основой своей политической деятельности три монарха признали Евангелие.

Однако первые же практические шаги союзников показали, что они весьма далеки от евангельских принципов.

По второму Парижскому мирному договору, подписанному 8 ноября 1815 года, на Францию налагалась контрибуция в 700 миллионов франков, на ее территории на пять лет оставалась 150-тысячная оккупационная армия (из них только 27 тысяч русских), а все сокровища искусства, награбленные французами во время революционных и наполеоновских войн и оставленные во Франции по первому Парижскому миру, теперь отводились их прежним владельцам.

Не дождавшись подписания Парижского мира, Александр 13 сентября выехал из Парижа в Петербург, проследо-

вав, как и почти всегда, кружным путем. Побывав в Брюсселе, он повернул на юг, и проехав всю Францию, оказался в Швейцарии.

Там посетил он города Базель, Цюрих и Констанц, и по свидетельству сопровождавшего его флигель-адъютанта А.И. Михайловского-Данилевского, побывал и в швейцарских деревнях.

Александр дорогою в Цюрих из Базеля много шел пешком, любовался богатством земли и неоднократно заходил в крестьянские дома. «Дай Бог, подумал я, чтобы вид изобилия, порядка и опрятности, которые он в них, без сомнения, находил, на него подействовали, в чем я и не сомневаюсь, зная, сколь он расположен к улучшению состояния его подданных, но душа его конечно страдала, когда он сравнивал состояние вольных швейцарских поселян с нашими крестьянами», — писал А.И. Михайловский-Данилевский.

Оставив Швейцарию, Александр повернул в Германию, и через Ульм и Нюрнберг проехал в одно из многочисленных имений князя Шварценберга — замок Ворлик, а затем через Прагу направился в Берлин. Далеко за городом его встретил Фридрих-Вильгельм и торжественно вступил вместе с Александром в свою столицу.

Эта встреча, даже по сравнению со всеми предыдущими, была необычайно сердечной, ибо старые друзья отныне становились ближайшими родственниками — Фридрих-Вильгельм выдавал свою семнадцатилетнюю дочь Шарлотту за великого князя Николая Павловича.

Однако из-за молодости жениха и невесты, дело пока что ограничилось знакомством, а все прочее решено было отложить до совершеннолетия Николая.

В начале 1816 года родители Николая и Шарлотты обменялись письмами о том, чтобы невеста начала заниматься изучением православного катехизиса и русского языка, для чего в Берлин был послан протоиерей Музовский. Однако прошло еще полтора года, прежде чем состоялось обручение и свадьба.

Произошло это летом 1817 года. Правда, перед тем, во время большого заграничного путешествия, совершенного в 1816 году, Николай три недели провел в Берлине, окончательно убедившись, что он любит свою невесту.

Потом Николай четыре месяца провел в Англии, после чего посетив своих замужних сестер. — Анну Павловну в Брюсселе, а Екатерину Павловну в Штуттгарте — снова поспешил в Берлин, к Шарлотте.

Николай вернулся в Петербург 27 апреля 1817 года, а уже в начале июня отправился к прусской границе встречать невесту, ехавшую на свадьбу.

18 июня выехавшие навстречу Шарлотте император Александр и вдовствующая императрица Мария Федоровна сердечно встретили свою новую родственницу. А 1 июля, в день рождения Шарлотты, была отпразднована и свадьба. За неделю перед тем, как это бывало и раньше, произошло миропомазание новой православной великой княгини, которая стала отныне носить имя Александры Федоровны.

НОВЕЛЛА СТО ШЕСТНАДЦАТАЯ

*Цесаревич Константин
между Жозефиной и Жаннеттой.*

А в то время, когда происходило знакомство Шарлотты и Николая, Александр помимо семейных матримониальных забот, гораздо более серьезно занят был проблемами политическими, и, прежде всего, вечным, непреодолимо трудным, польским вопросом.

В Берлине Александр пробыл две недели и оттуда последовал в Польшу, где должны были произойти наиболее важные события после того, как он оставил Париж.

Переправившись через Одер, Александр прибыл в польский город Калиш, где два с половиной года назад был подписан союзный договор России и Пруссии о борьбе с Наполеоном.

Здесь Александр впервые надел польский мундир, украсив его лишь одним орденом — золотой восьмиконечной звездой и синей лентой польского ордена Белого Орла. Все это должно было символизировать, что на землю Польши прибыл ее новый король — Российский император Александр I.

31 октября он въехал в Варшаву, окруженный сановниками Польского королевства, в сопровождении польских войск, с энтузиазмом встреченный варшавянами, кричавшими: «Да здравствует Александр, наш король!»

Оказавшись в Варшаве, Александр и здесь стал придерживаться той же линии поведения, что и в Париже, стараясь привлечь на свою сторону, как можно больше людей всех сословий, не гнушаясь и самых низших.

15 ноября 1815 года Александр подписал текст польской конституции, «основания» которой были утверждены им еще в Вене в конце мая.

Когда Александр приехал в Варшаву Главнокомандующим Польской армией был цесаревич Константин. Он прибыл сюда из Франции в конце 1814 года и возглавил военную админи-

страцию в Польше, в то время, как пост главы гражданской администрации оказался вакантным. Казалось, что более всего подошел бы для этой должности польский аристократ, придерживающийся прорусской ориентации и вместе с тем слышущий искренним польским патриотом. Едва ли не более всех отвечал этим требованиям старый друг и единомышленник императора, имевший к тому же немалый административный и дипломатический опыт, Адам Чарторижский. Однако в конце 1814 года, неожиданно для всех, Александр отдал предпочтение старому, одноногому ветерану наполеоновской армии, генералу Иосифу Зайончеку, служившему Бонапарту еще со времен Египетского похода, сражавшемуся под его знаменами и в Германии, и в Италии, и в России, и попавшему в плен к русским в ноябре 1812 года при Березине, где он командовал пятым корпусом Великой армии. В 1814 году Зайончек познакомился в Варшаве с цесаревичем Константином, сблизился с ним и уже в конце года по его просьбе был назначен Александром Наместником Царства Польского.

Каково было узнать об этом князю Адаму, когда, кроме всего прочего, Иосиф Зайончек был по происхождению мелким шляхтичем, не получившим к тому же никакого образования?⁵⁰

Понимая все это не хуже князя Адама, Александр вскоре укрепил положение Зайончека, добившись для Наместника титула князя, но и тут не оставил его без мощного противовеса, издав 29 июня 1819 года Высочайший указ Сенату следующего содержания: «Главкомандующему Литовским корпусом, его императорскому высочеству цесаревичу Константину Павловичу всемилостивейше предоставляю над губерниями: Виленской, Гродненской, Минской, Волынской, Подольской и Белостокскою областью власть Главкомандующего Действующею армиею, на основании Учреждения оной, генваря 27-го 1812 года изданного».⁵¹

Когда Александр находился в Варшаве, он часто встречался и с братом, и с его невенчанной женой Жозефиной Фридрихс, и с их сыном, своим крестником, Павлом Александровым. Жозефина сопровождала Константина в походе 1813-1814 годов, а когда война кончилась, приехала к нему вместе с сыном в Варшаву.

Знавшие Жозефину Фридрихс отмечали, что «обладая душою прекрасною, она пользовалась положением и влиянием только для того, чтобы делать добро другим... Сострадательная к несчастным, она нередко принимала участие в смягчении горькой участи политических преступников и многие из них обязаны ей своим помилованием... Она не была красавицей. Роста среднего, с темно-русскими, почти черными волоса-

ми, с маленькими кудрями на лбу, она имела лицо неправильное: маленький носик, несколько вздернутый, губы тонкие, всегда улыбающиеся, цвет лица чистый, слегка румяный; но главную ее прелесть составляли глаза — большие, карие, осененные длинными черными ресницами, с выражением необыкновенной доброты.

Как и большая часть ее соотечественниц, она говорила скороговоркою, слегка картавя, и в дружеской беседе была очень веселого нрава». ⁵²

Константин все время отдавал организации армии, вникая во все мелочи армейского быта и крайне редко появлялся на балах и в театрах.

И вдруг однажды на балу во дворце князя Иосифа Зайончека сорокалетний Константин увидел прелестную голубоглазую, курносую двадцатилетнюю блондинку, сразу же пленившую цесаревича. Это была графиня Жаннетта Грудзинская, одна из трех дочерей отставного прусского полковника, бросившего свою жену — мать Жаннетты — и жившего теперь в герцогстве Познанском.

Константин узнал, что мать графини живет в Варшаве и новым ее мужем является граф Бронниц, а три ее юных дочери недавно воспитывались в варшавском пансионе французской эмигрантки мадам Воше, и сразу после окончания войны уехали в Париж, где и завершили свое образование и воспитание.

В 1815 году Жаннетта Грудзинская возвратилась в Варшаву и стала признанной королевой аристократических салонов. В этом же году цесаревич встретил ее и влюбился на всю жизнь.

Отчим Жаннетты Грудзинской граф Бронниц был человеком веселого нрава и отличным собутыльником. Этого было довольно, чтобы Константин Павлович принял его к себе на службу и сделал гофмаршалом своего двора.

Познакомившись с Жаннеттой Грудзинской, Константин стал ездить в дом графа Бронница и просиживал там постоянно все вечера, всегда в парадном мундире и при всех орденах.

В этот приезд Александра в Варшаву Константин только рассказал брату о новом своем увлечении, но еще не представил графиню, отложив это до лучших времен.

18 ноября Александр выехал из Варшавы в Петербург. Только два дня пробыл он в Вильно и в ночь на 2 декабря прибыл в столицу.

В этом же, 1816 году, наконец, наладились и матримониальные отношения Екатерины Павловны, проживавшей во вдовстве более трех лет. В 1813-1816 годах она жила в разных европейских странах, и лишь после Венского конгресса вышла замуж за наследного принца Вюртембергского Фридри-

ха-Вильгельма, вскоре ставшего королем. Тогда-то и Екатерина Павловна все-таки добилась желаемого — она стала королевой. Но счастье было слишком мимолетно: в 1818 году, 28 декабря, она умерла от рожистого воспаления.

Александр тяжело перенес весть о смерти любимой сестры, и только то, что за последние годы его мировоззрение стало воистину христианским, не позволявшим роптать на судьбу, и смиряться со всем, что посылает Господь, позволило Александру, собравшись с силами, все свое внимание сосредоточить на трудных и сложных проблемах «внутреннего устройства».

НОВЕЛЛА СТО СЕМНАДЦАТАЯ

Русский Диоклетиан

Одним из таких внутренних дел было учреждение системы военных поселений, когда солдаты сами содержали себя, работая в поле, в лесу, на строительстве домов, arsenалов, мастерских — всего, что было необходимо для несения службы. Жизнь военных поселян была расписана по минутам и солдаты разрывались между ученьями, стрельбами, смотрами и изнурительной работой. Все это приводило к многочисленным бунтам даже вооруженным восстаниям, но Александр был тверд и через несколько лет на положение военных поселян перешло около половины армии.

После возвращения с Венского конгресса, Александр еще более увлекся путешествиями, чем прежде. Только теперь эти путешествия проходили не по территории зарубежных стран, а по его собственной державе.

Как и прежде, в одной с ним коляске почти всегда ехал князь Волконский. Однако была и разница: когда Александр въезжал в какой-нибудь большой город, он просил Волконского пересест в другой экипаж, а на освободившееся рядом с собою место приглашал Аракчеева и въезжал в город вместе с ним, показывая, кто на самом деле ему ближе всех.

10 августа 1816 года Александр выехал из Петербурга, намереваясь проследовать по маршруту: Тверь, Москва, Тула, Калуга, Рославль, Чернигов, Киев, Житомир, Варшава.

15 августа он приехал в Москву и пробыл здесь две недели. За время, проведенное в Москве, он отдал распоряжение, по которому Сперанский назначался пензенским гражданским губернатором, а Магницкий — вице-губернатором в Воронеже.

В этот же приезд Александр пригласил к себе московского купца Верещагина — отца убитого по наущению Ростопчина молодого человека, несправедливо обвиненного в связи с Наполеоном. Александр велел выдать отцу один из самых

больших своих бриллиантов и через московского главнокомандующего графа Тормасова передал Верещагину-отцу еще и 20 тысяч рублей.

Биографы Александра, описывавшие впоследствии эту поездку, обращали особое внимание и на эпизод, произошедший в Киеве. Находясь там, Александр посетил схимника Вассиана, славившегося своим аскетизмом и святостью жизни.

Когда Вассиан захотел встать перед царем на колени, Александр не допустил этого и сказал, что он такой же простой и смертный человек, такой же христианин, как и другие. «Я пришел в обитель искать путей спасения. Все дела мои и вся моя слава принадлежит не мне, а имени Божию, научившему меня познавать истинное величие», — сказал Александр. А когда из Киева поехал он в Варшаву, где Константин Павлович развернул перед ним серию разводов, смотров и парадов, то Александр отнесся ко всему этому гораздо сдержаннее, чем раньше.

13 октября 1816 года он возвратился в Царское Село, а на следующую осень отправился в новое путешествие. На сей раз его маршрут лежал через Витебск, Могилев, Бобруйск, Чернигов, Киев, Белую Церковь, Кременчуг, Полтаву, Харьков, Курск, Орел, Калугу, Тарутино и Москву. Целью этого путешествия, прежде всего, была инспекция армии.

Александр намеревался перезимовать в Москве и весной, в марте 1818 года, совершить еще одно путешествие: сначала на Дон, затем в Одессу, оттуда — в Варшаву и из Варшавы через Ригу возвратиться в июле в Петербург, а в августе отправиться на конгресс в Аахен.

Александр выехал из Царского Села 25 августа и 29 прибыл в Могилев на Днепре.

30 августа, в день своего тезоименитства, Александр был на смотре 11-й пехотной дивизии, а вечером — на балу в доме Главнокомандующего 1-й армией Барклая.

Взяв с собою Барклая, Александр поехал дальше. Они проследовали через Бобруйск, через село Дашково и прибыли в Полтаву, где бывший губернатор Парижа, генерал Фабиан Остен-Сакен устроил на поле под Полтавой потешный бой, воспроизведя знаменитое сражение русских со шведами.

Во время этой поездки, 8 сентября, в Киеве, за обедом возникла беседа, касавшаяся гражданских обязанностей людей, различных сословий, или, как тогда говорили, — «состояний».

Не обошли стороной и венценосцев. И когда речь зашла о монархах, Александр вдруг проговорил с несвойственной ему твердостью:

— Когда кто-нибудь имеет честь находиться во главе такого народа, как наш, он должен в минуту опасности первый идти ей навстречу. Он должен оставаться на своем посту только до тех пор, пока физические силы ему это позволяют. Но по прошествии этого срока он должен удалиться. Что касается меня, — я пока чувствую себя хорошо, но, через десять или пятнадцать лет, когда мне будет пятьдесят...

Здесь присутствующие за обедом прервали Александра, уверяя его, что и в шестьдесят лет он будет здоров и свеж.⁵³

Бывший свидетелем этого разговора Михайловский-Данилевский писал потом: «Неужели, подумал я, государь питает в душе своей мысль об отречении от престола, приведенную в исполнение Диоклетианом и Карлом V? Как бы то ни было, но сии слова Александра должны принадлежать истории».⁵⁴

Михайловский-Данилевский отметил, что в каждом новом городе Александр «редко входил в подробные разговоры о местностях края или нуждах жителей, а большею частью делал незначительные вопросы, преимущественно тем лицам, коих имена почему-либо были ему известны».⁵⁵

А в Курске спутники Александра были поражены тем, что когда императорский кортеж следовал через город, то вдоль всей главной улицы города на коленях стояли тысячи курян, держа над головами сотни прошений на высочайшее имя.

«Зрелище ужасное!» — замечал в своих воспоминаниях А. И. Михайловский-Данилевский.⁵⁶

Затем Александр поехал в Москву, посещая места сражений Отечественной войны, в которых ему не довелось побывать. Он заехал в деревню Леташевку и зашел в избу, где пять лет назад жил Кутузов, потом навестил Тарутино и снова наведалься в кутузовскую избу, в которой Михаил Илларионович принимал Лористона. 29 сентября две гренадерские дивизии воспроизвели для Александра в миниатюре Тарутинское сражение, бывшее 6 октября 1812 года.

Затем царь уехал в Москву и почти всю зиму провел там и лишь в конце зимы вернулся в Петербург.

В марте 1819 года Александр провел смотр 2-й бригады 1-й Гвардейской дивизии. Командиром бригады был его брат великий князь Николай Павлович. После смотра, который царь весьма высоко оценил, Александр остался обедать у Николая и его жены и после обеда, сев между ними, вдруг стал очень серьезным и сказал, что остался весьма доволен смотром и вдвойне рад тому, что Николай хорошо исполняет свои обязанности, ибо он видит в Николае своего преемника.

— И все это должно случиться гораздо скорее, — сказал Александр, — чем можно было ожидать, так как ты заступишь

мое место еще при моей жизни, потому что цесаревич Константин отказывается от своих прав на престол.

Николай Павлович и Александра Федоровна буквально онемели от изумления.

Между тем Александр продолжал:

— Вы удивлены, но знайте же, что мой брат Константин, который никогда не интересовался престолом, решил твердо, чем когда-либо отказаться от него официально и передать свои права Николаю и его потомству. Что же касается меня, то я решил сложить с себя мои обязанности и удалиться от мира.

Николай стал уверять старшего брата, что только он может править империей, что он еще молод и крепок, но Александр стоял на своем.

В том же году осенью, находясь в Варшаве, Александр имел беседу и с Константином и пытался еще раз убедить его не отказываться от престола, не сказав ему о своем разговоре с Николаем, произошедшем минувшей весной.

— Я должен сказать тебе, брат, — проговорил Александр, — что я хочу абдикировать. (Абдикировать — отречься от престола.) Я устал и не в силах сносить тягости правления. Я предупреждаю об этом тебя для того, чтобы ты подумал, что необходимо будет делать тебе в таком случае.

Константин ответил так:

— Тогда я буду просить у вас место второго камердинера вашего. Я буду вам служить и, ежели нужно, чистить вам сапоги. Когда бы я теперь это сделал, то почли бы подлостью, но когда вы будете не на престоле, я докажу преданность мою к вам, как благодетелю моему.

В ответ Александр обнял брата и поцеловал его так крепко, как никогда прежде.

Прощаясь, Александр еще раз повторил:

— Когда придет время абдикировать, то я тебе дам знать, и ты мысли свои напиши к матушке.⁵⁸

Возвращаясь теперь к матримональным делам Константина Павловича, и забегая чуть вперед, скажем, что 7 марта 1820 года, уступив настойчивым просьбам Константина, Жозефина Фридрихс вышла замуж за полковника Вейса. И сразу же после этого Константин получил официальный развод от великой княгини Анны Федоровны, которая не жила с ним уже девятнадцать лет, с 1801 года, когда оскорбленная, уехала за границу и более уже в Россию не возвращалась.

После того Константин иногда виделся с нею, последний раз побывав у нее в Париже в 1814 году, и даже предложил ей вернуться в Россию и возобновить прежние с ним отношения.

Однако Анна Федоровна отказалась, заявив, что это невозможно «в виду фактов». ⁵⁹ Что же это были за «факты»? О причинах размолвки и времени ее мы узнаем из письма Марии Федоровны Константину.

«Обратитесь к самому себе, — писала мать сыну, — и просите совесть свою, оправдает ли она ветренность, горячность, вспыльчивость при начале несогласия, между вами и великою княгиней существующею, оказанные вами вопреки моих сильнейших представлений при возвращении вашем из инспекции в последнюю осень царствования покойного вашего отца (то есть, осенью 1800 года), когда я в присутствии брата вашего, просила, умоляла вас жить в супружеском с женою дружелюбии, а вы против всех стараний матери вашей остались непреклонны. Спросите сами у себя: укоризны сердца вашего дозволяют ли вам помышлять о разводе?» ⁶⁰

Константин же, настаивая на разводе, заверял императрицу-мать, что, как только развод будет ему дан, он тут же вступит во второй брак и отстанет «от зловредных своих обычаев». А что это были за «зловредные обычаи» мы уже хорошо знаем.

Одним из «фактов», относящихся к числу «зловредных обычаев», была связь Константина с княжной Жаннеттой Антоновной Святополк-Четвертинской, младшей сестрой фаворитки Александра — Марии Антоновны. В 1803 году Константин настолько увлекся княжной Жаннеттой, что даже решился поднять вопрос о разводе и последующей женитьбе на ней, но как мы знаем, получил отказ в разводе, а также не добился и согласия на брак у Марии Федоровны.

Теперь ситуация в корне переменялась и 20 марта 1820 года был издан манифест «О расторжении брака великого князя цесаревича Константина Павловича с великою княгинею Анною Федоровною и о дополнительном Постановлении об императорской фамилии». ⁶¹

Манифест появился после того, как Константин согласился передать свои права на престол великому князю Николаю Павловичу. И решающим при этом было вовсе не то, что Александру понравилось серьезное отношение Николая к военному делу и отличное состояние его гвардейской бригады, а то, что у Николая 17 апреля 1818 года родился сын, названный Александром, которому предстояло стать императором Александром II.

И этот мальчик был единственным наследником по мужской линии, хотя у императора Павла и было десять человек детей.

Свадьба Николая Павловича и Александры Федоровны — дочери прусского короля Фридриха-Вильгельма III — состоялась, как уже говорилось, 1 июля 1817 года. А 17 апреля 1818 года, когда Александр совершал поездку по военным поселе-

ниям, а вся его семья находилась в Москве, здесь, в архиерейском доме монастыря, в Кремле, у Николая Павловича и Александры Федоровны в 11 часов утра родился мальчик.

Была Светлая Среда Пасхи и это обстоятельство сочли в высшей степени добрым предзнаменованием. Отметим также, что мальчик родился в Кремле, и что последний такой случай произошел здесь около полутора веков назад, когда 30 мая 1672 года здесь же, в Кремле, родился первый российский император Петр Великий. Конечно же, и место рождения сочли знаменем свыше.

Тут же распорядились известить москвичей о произошедшем событии, и над городом прогремел 201 пушечный залп. На следующий день в Успенском соборе архиепископ Московский Августин отслужил благодарственный молебен, и в этот же день придворный поэт Василий Андреевич Жуковский, уже сумевший снискать себе всероссийскую славу, поднес счастливым родителям торжественную оду, посвященную новорожденному. Жуковский, будто предвосхищая события, писал:

Да встретит он обильный чеством век,
Да славного участник славный будет,
И на чреде высокой не забудет
Святейшего из званий — «Человек».
Жить для веков в величии народном,
Для блага всех — свое позабывать!
Лишь в голосе отечества свободном
С смирением дела свои читать —
Вот правила царей великих внуку.

Жуковский, написав это, тогда еще не знал, что пройдет несколько лет и как раз он станет более прочих ответственен за то, чтобы Александр Николаевич выполнил наставления и пожелания, высказанные им в этом стихотворении: и не забывать «святейшего из званий — «Человек», и жить для блага и величия подданных, и исполнять многие иные великие правила, ибо судьбе будет угодно именно его, Жуковского, сделать Главным воспитателем будущего императора.

Известие о рождении племянника Александр получил вечером 27 апреля в местечке Бельцы, где он остановился на ночлег по пути из Варшавы в Одессу. Он тут же поздравил родителей с первенцем и сообщил, что назначает племянника шефом лейб-гвардии гусарского полка.

5 мая в Чудов монастырь пожаловала вдовствующая императрица-мать Мария Федоровна, царствующая императрица Елизавета Алексеевна, великие князь и княгиня Николай Павлович и Александра Федоровна, все прочие члены императорского дома

и высшие сановники двора и «первопрестольной». Новорожденного на бархатной подушке внесла в собор Шарлотта Карловна Ливен. Справа от нее шел главнокомандующий Москвы, генерал от кавалерии, граф Тормасов, слева — предводитель московского дворянства, князь Юсупов. Вел службу Августин, а обряд крещения производил протопресвитер Криницкий — духовник Императорского двора. Как только крещение кончилось над Москвой вновь прогремел 201 залп, на сей раз сопровождавшийся звоном колоколов всех кремлевских соборов и городских церквей.

Всю ночь Москва и Кремль были иллюминированы, а в городе вокруг накрытых столов с утра и до вечера шел народный праздник. И эти торжества — правда, потом уже без угощения народа, продолжались до конца июня. А в начале июня — 1-го и 3-го — в Москву приехали император Александр, а следом — прусский король с двумя своими сыновьями — кронпринцем Вильгельмом и принцем Карлом. (Потом каждый из них сыграет свою роль в жизни этого нового родственника.)

В конце июня младенца привезли в Петербург и поселили в Аничковом дворце, где каждую зиму жили и его родители. А летом его перевозили в Павловск — к бабушке Марии Федоровне. Она же — мать десяти детей — решила поднять на ноги и своего внука, к которому сразу сильно привязалась. Главной наставницей при ребенке стала графиня Ю.Ф.Баранова, дочь графини Адлерберг, ближайшей подруги вдовствующей императрицы, а уход за Сашенькой осуществляли четыре женщины — одна немка — Н.В.Тауберг и три англичанки — А.А.Кристи, Е.И.Кристи и М.В.Касовская. Они воспитывали мальчика до шести лет, а на седьмом году он поступил под начало капитана Карла Карловича Мердера, лично известного Николаю Павловичу высокой моралью, прямоотой и душевностью в сочетании с твердым характером и требовательностью. Мердер стал военным гувернером Александра 8 июля 1824 года и поначалу привел своего воспитанника в детский восторг внешней красотой и показной мужественностью военной службы, но после того, как мальчик перешел и в руки других воспитателей, и прежде всего, В.А.Жуковского, эта увлеченность смотрами и парадами хотя у Саши и осталась, но таким фанатиком строя, какими были его дед Павел, его отец и его дядья, он не стал.

НОВЕЛЛА СТО ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Светлейшая княгиня Иоанна Ловичская

А теперь возвратимся в год 1820-й, когда Александр решил сделать наследником престола помимо старшего своего брата Константина, следующего за ним — Николая, прежде

всего потому, что у того родился сын, а ни у него самого, ни у Константина законных детей не было и быть не могло, ибо, отказываясь от престола, Константин потребовал взамен разрешения женитьбы на Жаннетте Грудзинской. Но так как и предстоящий брак мог считаться только морганатическим, не дающим потомству от него прав на престол, то и он вопроса не решал. К тому же и манифест о престолонаследии был тайным и потому Жаннетта узнала обо всем не сразу. Она любила Константина, хотела быть его женой, но как только такая возможность стала реальностью, Грудзинская, будучи глубоко порядочной женщиной и аристократкой, поняла, какую несоразмерно высокую цену платит за брак с нею Константин. И все же она согласилась.

12 мая 1820 года счастливый Константин приехал к Замковой церкви в легком открытом кабриолете, запряженном всего лишь парой лошадей, которыми правил сам.

Молодая красавица-невеста уже ждала его в церкви, и после того, как, венчание состоялось, поехала вместе с Константином в Бельведер — его загородный дворец. Жители Варшавы заранее узнали о случившемся и на протяжении семи верст — от замка до Бельведера — Жанна и Константин ехали вдоль густых рядов бурно приветствовавших их варшавян. В связи с венчанием Константина 8 июля 1820 года в Петербурге был издан Высочайший Манифест, в котором указывалось, что великокняжеский титул не может быть передан ни супруге Константина, ни их детям. Затем сообщалось, что Константину даруется имение Лович и, — говорилось в Манифесте, — «положили мы удостоить и сим удостоиваем нынешнюю супругу возлюбленного брата Нашего великого князя Константина Павловича, Иоанну Грудзинскую к восприятию и ношению титула княгини Ловицкой». Полным титулом следовало именовать жену великого князя «Светлейшей княгиней».

Жанна в самое короткое время сумела очаровать всех членов царской семьи и во всех торжественных случаях являлась вместе с императорской фамилией.

В новом браке Константин сильно переменялся — он уверял всех, что теперь совершенно счастлив и особенно был благодарен жене за то, что она стала нежно опекать его сына — двенадцатилетнего Павла Александрова, оставшегося жить с отцом.

Один из воспитателей Павла Александрова — граф Мориль — писал, что после женитьбы на Жанне Грудзинской Константин полюбил тихую, уединенную семейную жизнь. Он не устраивал ни балов, ни вечеров, ни званых ужинов, а предпочитал всему этому чай в очень узком кругу, чтение

вслух, и обсуждение газетных новостей. Любимыми темами застольных бесед были мистика и метафизика. Константин много спал, принимал только нескольких генералов и чиновников, без которых не могла действовать администрация и совершенно отстранился от жизни варшавского общества.

Все перипетии с разводом и новой женитьбой происходили в глубокой тайне от Жозефины, выданной замуж за две недели до официального разрешения Константину жениться на графине Грудзинской. Когда же Жозефина узнала, что ее возлюбленный получил развод, а вслед затем и женился, то приняла все это как потрясающую жизненную неудачу, которой могло бы не случиться, если бы она, как думала Жозефина, подождала еще немного. Все случившееся так сильно удручило несчастную Жозефину, что она заболела и, так и не поправившись, 5 апреля 1824 года умерла.

НОВЕЛЛА СТО ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Время короны, становящееся невыносимым

Летом 1820 года Александр совершил еще одно заграничное путешествие, отправившись сначала на открытие Сейма в Варшаву, а затем на Конгресс Священного Союза в богемский город Троппау, где рассматривалось множество вопросов о борьбе с революцией в Венеции, Ломбардии, Неаполитанском королевстве, Пьемонте, Испании и Греции.

Проведя почти год за границей, Александр лишь 24 мая 1821 года возвратился в Царское Село.

И здесь его ждало неожиданное сообщение, что революционные организации существуют не только за рубежом, но и в России.

В первый же день по возвращении в свой дворец особо близкий царю командир Гвардейского корпуса генерал-адъютант И. В. Васильчиков доложил Александру, что во вверенном ему корпусе действуют тайные политические общества и представил списки главных деятелей этих обществ.

Записка и списки заговорщиков были составлены начальником штаба Гвардейского корпуса генерал-адъютантом А. Х. Бенкендорфом, мать которого была восприемницей младенца Александра и возглавляла мамок и нянек, пестовавших его, когда он был совсем еще маленьким.

Теперь ее сын выступил в роли спасителя царя. Однако, когда И. В. Васильчиков подал Александру список наиболее активных членов тайного общества, то царь сказал ему: «Дорогой Васильчиков, вы, который находитесь на моей службе с

начала моего царствования, вы знаете, что я разделял и поощрял эти иллюзии и заблуждения. И не мне их карать».

После этих слов Александр, не читая списка, бросил бумаги в горящий камин. А в списке значились руководители будущего движения декабристов...

И сделал это Александр, несмотря на то, что всего за полгода перед тем, в октябре 1820 года, в Петербурге произошли волнения в войсках, — да не где-нибудь, а в лейб-гвардии Семеновском полку, шефом которого был сам Александр. И зачинщиками бунта был не кто-нибудь, а солдаты «Государевой роты» — 1-й Гренадерской, где служили ветераны и кавалеры. Вся «Государева рота» оказалась в Петропавловке, а полк был расформирован. За попытку пожаловаться начальству и попросить об избавлении от тирании командира полка Шварца, девять человек зачинщиков прогнали сквозь строй и отправили на каторгу, а остальных разослали по гарнизонам Сибири, Урала и Кавказа.

А теперь новое недовольство зрело в армии, и, прежде всего, в Петербурге, в той же гвардии, а государь почему-то не желал знать об этом. Однако, ежели бы случился какой новый бунт, то тот же государь сумел бы найти виновных и строго спросил бы за нерадение. И потому А.Х.Бенкендорф, будучи начальником штаба Гвардейского корпуса, не мог оставить без внимания деятельность подчиненных ему офицеров. Не докладывая более царю о тайных сходках заговорщиков, он продолжал следить за тем, как возникали, распались и трансформировались различные тайные офицерские организации — сначала «Союз Спасения», затем «Союз благоденствия» и, наконец, в 1821 году в Петербурге Н.М.Муравьев, Н.И.Тургенев, М.С.Лунин, С.П.Трубецкой и Е.Н.Оболенский создали «Северное общество», а на Украине на базе Тульчинской управы было создано «Южное общество», во главе которого встали П.И.Пестель и А.П.Юшневский. Н.М.Муравьев был третьим членом правящей «директории», неся обязанности представителя «Северного общества», как координатор действий двух организаций.

Именно в это время заговорщики и были раскрыты агентами Бенкендорфа.

Следует заметить, что сведения были настолько точны и правдивы, что почти полностью совпадали с выводами Следственной комиссии, составившей аналогичный документ в 1826 году после разгрома декабрьского восстания 1825 года.

Однако Александр, получив еще раз записку и списки заговорщиков, положил их в свой письменный стол и они были обнаружены там только после его смерти.

При жизни своей он лишь не слишком ретиво наблюдал за деятельностью тайных обществ, но никаких репрессий по отношению к их членам не принимал.

Историки высказывают на этот счет разные догадки, однако существо дела от этого не меняется, — зная о заговоре, Александр почти ничего не сделал для того, чтобы раскрыть его и уничтожить до того, как государственные преступники выведут свои полки из казарм.

А царь решил дело без шума, но основательно. Он приказал гвардии выступить в Италию для подавления антигабсбургских восстаний, но когда полки были лишь на подступах к русской границе, им было приказано остановиться и встать на квартиры в Белоруссии и Литве.

12 сентября 1821 года царь поехал на инспекцию гвардии и 19 сентября начал смотреть.

Александр остался доволен увиденным, однако сообщения о заговоре, а также воспоминания о волнениях совсем недавно произошедших в Семеновском полку, заставили его еще на год оставить гвардию в Белоруссии и Литве, не возвращая ее в Петербург.

Лишь в мае 1822 года после еще одного смотра Гвардейского корпуса в окрестностях Вильно, Александр разрешил гвардии возвратиться в столицу, осторожно создав ей сильный противовес, и разместив в Петербурге 1-ю армию графа Остен-Сакена.

1 августа Александр отдал распоряжение министру внутренних дел В.П. Кочубею закрыть все тайные общества, включая масонские ложи, а с их членов взять обязательство, что впредь они состоять в них не будут.

Через два дня после этого Александр уехал в Вену на новый Конгресс Священного Союза.

Однако в Вене состоялись лишь предварительные совещания, а сам Конгресс было решено провести в северо-итальянском городе Вероне.

Это был четвертый и последний конгресс Священного Союза, решивший вопрос о борьбе с революцией в Европе.

Во время пребывания в Вероне, Александр стал еще более печален и замкнут. Он избегал балов и карнавалов, обедал почти всегда только или с императором Францем, или с прусским королем, а досуги посвящал одиноким прогулкам в окрестностях города.

Однажды в разговоре с императором Францем Александр признался, что его не покидает ощущение близкой кончины.

Александр вернулся в Царское Село 20 января 1823 года, проведя за границей более пяти месяцев.

Из государственных актов этого времени наибольшую важность представлял Манифест о назначении наследником престола, минуя Константина Павловича, третьего сына императора Павла — великого князя Николая Павловича. Однако после того как Манифест был написан, он не публиковался, не предавался огласке, а хранился в глубочайшей тайне. И сам его текст в одном-единственном экземпляре был спрятан в ризнице московского Успенского собора в Кремле.

25 августа 1823 года Александр сам привез Манифест в Москву и передал его митрополиту Филарету в запечатанном конверте.

На лицевой стороне конверта Александр собственноручно написал: «Хранить в Успенском соборе с государственными актами до востребования моего, а в случае моей кончины открыть Московскому епархиальному архиерею и московскому генерал-губернатору в Успенском соборе, прежде всякого другого действия».

29 августа Филарет при трех свидетелях положил Манифест в ризницу Успенского собора, взяв с них клятву о полном сохранении этой важнейшей государственной тайны.

Три копии с Манифеста снял министр духовных дел и народного просвещения князь А. Н. Голицын, запечатал их в три конверта и отправил в Петербург в три адреса — в Государственный Совет, Сенат и Синод. На всех трех конвертах Александр написал своею рукой: «В случае моей кончины раскрыть прежде всякого другого действия».

Из Москвы Александр поехал в Черновцы, а оттуда в пограничное с Австрией местечко Новоселицы, где его ждал император Франц.

Прежде чем приехать на это свидание Александр вновь проделал очень длительное путешествие. Из Москвы он проехал в Тулу, в Орел и Брянск, и, наконец, прибыл в Брест. Устроив в Бресте смотр Литовскому корпусу и Польской армии Александр повернул на юг и через Ковель, Луцк, Дубно, Могилев-на-Днестре и Хотин приехал в Черновцы.

С императором Францем он долго, но безуспешно обсуждал греческий вопрос и так ни до чего не договорившись, уехал в Тульчин на смотр 2-й армии. Затем Александр осмотрел военные поселения в Умани и через Брест, Сураж и Великие Луки проехал в Царское Село, куда и прибыл 3 ноября.

После почти каждого путешествия Александр некоторое время отдыхал в своем с детства любимом Царском Селе.

«Бог даровал мне это место для моего успокоения, — говорил он, — здесь я удален от шума столицы, неизбежного этикета фамильного, и здесь я успеваю сделать в один день столько, сколько мне не удается сделать в городе во всю неделю.»

12 января 1824 года, возвратившись с прогулки, Александр почувствовал, что заболел. Два его личных врача — Я. В. Виллие и Д. К. Тарасов — тут же рекомендовали ему уехать в Зимний дворец и лечь в постель.

Оба врача пришли к единому мнению, что Александр заболел горячкой с рожистым воспалением левой ноги.

Младший современник Виллие и Тарасова, тогда уже задумавший стать врачом, В. И. Даль — впоследствии автор знаменитого «Толкового словаря живого великорусского языка» — определял «горячку, как общее воспаление крови, жар, частое дыхание и бой сердца... Обычно горячкой зовут длительную и опасную лихорадку.»⁶² замечая, что народная медицина знает более сорока ее разновидностей.

Что же касается «рожистого воспаления», тот же Даль определяет болезнь, как «воспаление кожи».⁶³

Современная медицина, описывая общие симптомы этого заболевания, отмечает острые воспалительные изменения в коже, лимфатических сосудах и слизистых оболочках. Начало болезни характеризуется внезапным повышением температуры до 41,0, ознобом, слабостью, сильной головной болью и рвотой. Все это сопровождается жгучей болью в местах, пораженных воспалением и порой доводит больного до потери сознания.

Сличение описания болезни Александра с данными современной медицины свидетельствует о точном и правильном диагнозе, сделанном врачами императора.

Болезнь продолжалась три недели и к концу первой недели стала возбуждать столь серьезные опасения, что было признано целесообразным начать ежедневную публикацию бюллетеней о состоянии здоровья Александра.

Только 26 января болезнь пошла на убыль и лишь с 1 февраля Александр смог сидеть в кресле.

7 февраля из Варшавы в Петербург приехал весьма обеспокоенный болезнью брата цесаревич Константин. Доктор Д. К. Тарасов так описал свидание Александра и Константина, произошедшее у него на глазах:

«Цесаревич в полной форме своей, вбежав, поспешно упал на колени у дивана, и, залившись слезами, целовал государя в губы, глаза и грудь и, наконец, склонясь к ногам императора, лежавшим на диване, стал целовать больную ногу его величества. Эта сцена столь была трогательна, что и я не мог

удержаться от слез, и поспешил выдти из комнаты, оставив обоих августейших братьев во взаимных объятиях и слезах». ⁶⁴

Еще через две недели Александр впервые после болезни выехал в санях на прогулку, а уже на масляной неделе, за семь дней до Великого поста, начал выезжать верхом на развод, затем присутствовал на веселом придворном маскараде, который был во дворце таким же традиционным, как масличные гуляния у простонародья.

В эти дни Александр сказал Васильчикову, что дешево отделался от своей болезни. Васильчиков же ответил, что весь город принимает в нем участие. «Те, которые меня любят? — спросил император. Все, — отвечал Васильчиков. По крайней мере мне приятно верить этому, — сказал Александр, — но в сущности я не был бы недоволен сбросить с себя бремя короны, страшно тяготящей меня». ⁶⁵

Весной 1824 года под давлением Аракчеева и Синода, Александр вынужден был снять с поста Министра просвещения и духовных дел князя А.Н.Голицына, назначив на его место адмирала А.С.Шишкова. Голицын был близок Александру и по духу и по старой, еще юношеской, дружбе, и царь с трудом добился компромисса, оставив Голицына во главе Синода, но пожертвовав его министерским портфелем. И все-таки Александр расстался с А.Н.Голицыным с большим сожалением и испытывал от этого глубокое огорчение. Но вскоре пришло к нему и настоящее большое горе: 23 июля 1824 года умерла его дочь Софья Нарышкина, незадолго перед тем помолвленная с графом Шуваловым. Она умерла от чахотки в тот день, когда Александр должен был присутствовать при учениях гвардейской артиллерии.

Когда Александру сообщили о смерти дочери, «Император, не сказав на это ни слова, возвел глаза свои вверх и залился самыми горячими слезами, так что вся сорочка на груди его была ими смочена», — писал присутствовавший при этом Д.К.Тарасов. ⁶⁵

При этом, кроме Тарасова, присутствовали князь Волконский и Виллие, и все трое решили, что учения будут отменены. Каково же было их удивление, когда через пятнадцать минут из кабинета вышел Александр и никто не мог заметить на его лице ни малейших следов только что постигшего его горя. Когда учение кончилось, Александр вернулся во дворец, быстро переоделся, сел в коляску, запряженную четверней и во весь карьер поскакал на дачу к Нарышкиной. «В пятом часу, — писал Д.К.Тарасов, — государь возвратился только парюю в

коляске, а другая пара лошадей пала на дороге от неимоверно быстрой езды. В этот день его величество не требовал обеда.»⁶⁷

Смерть дочери он воспринял как наказание Господне за тяжкие свои грехи, и страшнейший из них — отцеубийство. Он считал, что Бог не дал ему продолжить его род за убийство отца, и ничто не могло избавить Александра от этих мыслей и переживаний.

Это была одна из последних встреч Александра с Марьей Антоновной. Вскоре после смерти дочери Нарышкина навсегда рассталась с Александром, и единственное, что их еще соединяло, были их оставшиеся в живых двое детей — Эммануил и Мария.

После смерти семнадцатилетней Софии и случившейся вскоре после этого смерти и самого Александра, Мария Антоновна уехала за границу, где и скончалась в маленьком городке Тагернзее под Мюнхеном, в 1854 году, 74 лет. Ее сын и сын Александра, Эммануил Нарышкин, умер в начале XX века обер-гофмаршалом двора Николая II. Дочь Мария вышла замуж за графа Н.Д. Гурьева.

Для того, чтобы закончить, связанный с Нарышкиной сюжет, скажем, что после смерти Софии Нарышкины уехали в Одессу, но жили там нечасто, проводя почти все время за границей.

А с женихом ее дочери графом Андреем Шуваловым вскоре произошла история, еще раз убеждающая в том, что мир тесен, а коллизии, которые он нам являет, воистину, удивительны и очень переплетены. Для того, чтобы подтвердить, это нам придется вспомнить давно уже канувшего в лету последнего фаворита Екатерины II Платона Зубова, с которым мы расстались после убийства Павла и вступления на престол Александра.

Это убийство было последним серьезным делом Платона Александровича, после чего он был отставлен от дел и жил то за границей, то в столицах, то в разных своих имениях. В 1814 году он окончательно поселился в окрестностях литовского города Шауляя, в роскошном дворце, в местечке Янишки. Постигшая его опала обернулась для Зубова подлинной жизненной катастрофой. Он стал паталогически жадным, нещадно эксплуатируя десятки тысяч принадлежавших ему крестьян, и, вопреки закону, даже обращая в крепостных живших в его владениях безземельных шляхтичей. Зубов не верил ни одному из своих управляющих и месяцами мотался по собственным владениям, беспрерывно проверяя ход дел, ведение документов и верность денежных расчетов.

Миллионы рублей — в золотой и серебряной монете — он хранил в подвалах своего дворца, часто оставаясь там, пересыпая груды сокровищ из одних сундуков в другие и перетаскивая их из каземата в каземат.

Разорив множество людей, Зубов сознавался, что не знает, для чего он это творит, зачем собирает сокровища и что будет с ними делать.

Так шло до осени 1821 года, когда на конской ярмарке в Вильно ни попала ему на глаза красавица-полька Текла Игнатьевна Валентинович. Пятидесятилетний князь, седой и сгорбленный, более похожий на восьмидесятилетнего, вдруг встал, как вкопанный, пораженный неземной красотой девушки, шедшей вместе с матерью в костел, и как мальчик пошел следом за нею. Затем он поручил узнать имя красавицы, и то, где она живет, а после того, как ему обо всем этом сообщили, послал сватов к ее матери. Только сватовство Зубова было не совсем корректным: он пообещал матери Теклы хорошее вознаграждение, если ее дочь станет его наложницей, но мать выгнала свата. Однако мысль о княжеском титуле и богатстве не оставляла мадам Валентинович и она однажды отправилась вместе с дочерью в Янишки, где стоял дворец Зубова и находился один из почитаемых костелов, в который, якобы, на богомолье и отправились благочестивые паломницы.

Зубов узнал о их приезде в Янишки и после службы велел пригласить и мать и дочь к обеду. Здесь старый князь вконец потерял голову, сделал официальное предложение и выдал невесте по брачной записи вексель на миллион рублей серебром.

Однако после свадьбы прожил князь Платон всего один год и умер 7 апреля 1822 года.

А молодая красавица-вдова вскоре из княгини Зубовой превратилась в графиню Шувалову, ибо безутешный жених Сонички Нарышкиной, похоронив ее в июне 1824 года, в ноябре уже женился на княгине Текле Игнатьевне Зубовой.

И совершенно невозможно не сказать и о судьбе младшего брата Платона Александровича — графа Валериана Зубова, чья жизнь оборвалась на восемнадцать лет раньше — в 1804 году, но после смерти в чем-то уподобила братьев друг другу, в их, если можно так сказать, посмертной доле.

Об этом следует рассказать хотя бы для того, чтобы поставить точку в истории братьев Зубовых, сыгравших немалую роль в событиях, произошедших на грани двух веков — XVIII-го и XIX-го.

Валериан Зубов сразу после убийства Павла был назначен членом Государственного Совета, но вскоре отстранен от всех дел и даже подвергнут надзору тайной полиции.

Ему не осталось ничего, как уйти в частную жизнь, почти уединившись с красавицей-женой Марией Федоровной, которую он увел у графа Потоцкого. Однако такая жизнь была не по нему, и вскоре Валериан Александрович заболел и умер. Недолго оставалась его вдова одинокой — вскоре же она вышла замуж за бывшего адъютанта Зубова — Федора Петровича Уварова, того самого, что совсем недавно состоял в галантиках при Светлейшей княгине Екатерине Николаевне Лопухиной — мачехе фаворитки покойного императора Павла. Кончилась фавор падчерицы, кончилась и любовь Уварова к ее мачехе, ибо некому стало теперь хлопотать об орденах и званиях. А Мария Федоровна Зубова, владевшая вопреки закону, огромными богатствами своего первого мужа — графа Потоцкого — могла дать Уварову все. И потому бравый генерал, как тогда говорили, «сделал ей счастье».

А годом позже умер и Николай Зубов, оставивший своей вдове — Наталье Александровне, в девичестве Суворовой, любимой дочери великого полководца, называвшего ее «Суворочкой», — шесть сыновей и дочерей, о чьих, судьбах можно написать еще одну книгу. А, может быть, и не одну...

А теперь возвратимся к Александру. Похоронив свою любимую дочь и желая забыться от всего произошедшего, несчастный отец отправился в еще одно путешествие, — на сей раз — на Восток, где ему еще не приходилось бывать — в Заволжье и на Урал.

Первым большим городом на пути Александра была Пенза, где 2-й пехотный корпус ждал его смотра. После окончания смотра пензенский губернатор Ф.Н.Лубяновский, заметив на лице Александра глубокую усталость, осмелился сказать ему:

— Империя должна сетовать на Вас, Ваше Величество.

— За что? — спросил Александр.

— Не изволите беречь себя.

И тогда Александр ответил:

— Хочешь сказать, что я устал? Нельзя смотреть на войска наши без удовольствия: люди добрые, верные и отлично образованы: не мало и славы мы им добыли. Славы для России довольно: больше не нужно; ошибется, кто больше пожелает. Но когда подумаю, как мало еще сделано внутри государства, то эта мысль ложится мне на сердце, как десятипудовая гиря.

Он много поездил по России, все видел собственными глазами, бывая и в казармах, и в острогах, и на фабриках, и на кораблях, в домах крестьян и во дворцах знати. Он перечитал тысячи документов из судов, из Сената, из десятков канцелярий и присутственных мест, из сотен городов, городков и сел огромного государства, отданного на поток и разграбление российским чиновникам-казнокрадам.

И, конечно же, его слова о десятипудовой гире, лежащей у него на сердце, не были сильным преувеличением.

Такого рода настроения могли только усилиться после того, как он уехал из Пензы и, проследовав через Симбирск, Самару, Оренбург и Уфу на Златоуст и Екатеринбург, отправился в Пермь. Бескрайние просторы, плохие дороги, унылая осенняя пора, бедные деревни, заштатные деревянные города и всего несколько больших улиц в губернских городах, застроенных двух— и редко трехэтажными кирпичными домами, не могли не произвести на впечатлительного путешественника сильного неблагоприятного воздействия, тем более, что он имел возможность мысленно сравнивать свои прежние западноевропейские вояжи с этим путешествием и навеянные ими впечатления оказывались никак не в пользу любезного Отечества. Екатеринбург был самой восточной точкой этой поездки. Оттуда Александр повернул обратно и по пути к Перми остановился и в уездном городе Красноуфимске, расположенном на берегу реки Уфа, в двухстах верстах от Екатеринбурга. (Запомните это, ибо Красноуфимск еще появится в этой книге в связи с обстоятельствами трагическими и загадочными.) Затем царь поехал дальше, и через Пермь, Вятку и Вологду 24 октября вернулся в Царское Село.

Переехав вскоре же в Петербург, он, как и другие жители города, стал свидетелем самого страшного наводнения в истории столицы, случившегося 7 ноября 1824 года.

В летописях петербургских наводнений ни до того, ни после не было подобного ему.

Современники сравнивали его со вселенским потопом. В тот раз ветер с залива остановил сток Невы и нагнал в ее русло столько воды, что подъем уровня выше ординара составил около двух сажений (3,75 метра).

Сорок рек и почти двадцать искусственных каналов общей длиной в сто пятьдесят верст вышли из берегов и превратили город в море.

Ветер, сорвавший даже железную кровлю царских дворцов, ливень и сильнейшая буря — дополнили апокалипсическую картину этого наводнения.

Александр, видя все случившееся, искренне поверил, что Бог карает Петербург не за прегрешения его жителей, а за грехи их императора. Тем более, что в год, когда он родился, тоже случилось грандиозное наводнение и почти сразу же откуда-то появилось поверие, что когда случится еще один потоп, то он умрет.

Как только вода спала настолько, что можно стало проехать по улицам в экипаже, Александр отправился на Галерную, и открывшаяся перед ним картина разрушений потрясла и поразила его.

Выйдя из экипажа, он несколько минут стоял молча, и собравшиеся вокруг него люди видели, что по щекам императора бегут слезы.

— За наши грехи покарал нас Господь! — кричали собравшиеся.

— Нет, за мои, — отвечал им Александр и начал распоряжаться о помощи пострадавшим.

8 ноября Аракчеев в письме Александру предложил один миллион рублей из Фонда военных поселений для помощи беднейшим из пострадавших, а также советовал создать для распределения этих денег Общественный комитет помощи.

Тотчас же такой комитет был учрежден. Александр побывал во всех наиболее пострадавших от наводнения районах и, увидев ужасные картины смерти и разрушения, сказал:

— Я бывал в кровопролитных сражениях, видал места после батальей, покрытые бездушными трупами, слышал стоны раненых, но это неизбежный жребий войны; а тут увидел людей вдруг, так, сказать, осиротевших, лишившихся в одну минуту всего, что для них было любезнее в жизни; это ни с чем не может сравниться.

В конце 1824 года умер командующий Гвардейским корпусом генерал-адъютант Ф.П.Уваров — стародавний друг Александра и почти тогда же сильно заболела императрица Елизавета Алексеевна.

Все это тяжело отразилось на самочувствии, настроении и характере Александра — он стал мрачен, как никогда ранее и более обычного замкнулся и начал избегать людей.

К тому же к нему продолжали поступать сведения о тайных революционных обществах. А он, хотя почти никаких мер не принимал, все же знал об этом и именно в 1824 году написал записку, найденную в письменном столе после его смерти:

«Есть слухи, что пагубный дух вольномыслия или либерализма разлит или, по крайней мере, сильно уже разливается и между войсками; что в обеих армиях, равно как и в отдельных корпусах, есть по разным местам тайные общества или клубы,

которые имеют притом секретных миссионеров для распространения своей партии. Ермолов, Раевский, Киселев, Михаил Орлов, Дмитрий Столыпин и многие другие из генералов, полковников, полковых командиров; сверх сего большая часть разных штаб— и обер-офицеров».⁶⁸

НОВЕЛЛА СТО ДВАДЦАТАЯ

Последние недели императора

Наступил 1825 год — последний год царствования Александра.

Было заметно, что стал он апатичен и с большим безразличием, несвойственным ему прежде, стал относиться к государственным делам.

Более всего занимало теперь Александра здоровье его больной жены и он подолгу просиживал в ее покоях, беседовал с нею, с врачами и строил разные планы насчет ее выздоровления. О старом было забыто.

Весной 1824 года в Петербург приехал король Нидерландов Вильгельм VI Оранский. За время, прошедшее после его свидания с Александром в 1814 году в Бельгии и Голландии, их отношения стали гораздо более близкими: в 1816 году самая младшая сестра Александра — Великая княжна Анна Павловна — вышла замуж за Вильгельма Оранского и он стал Александру шурином.

Испытывая к Оранскому и дружеские и родственные чувства, Александр признался, что давно уже хочет оставить престол и уйти в частную жизнь.

Гость стал всячески его отговаривать, но Александр остался тверд.

После того, как знатный гость покинул Петербург, Александр отправился в очередное путешествие — на сей раз в Варшаву, но вопреки обыкновению через два месяца возвратился в Петербург для того, чтобы совершить еще одно путешествие — в Таганрог, где, по мнению врачей, болезнь Елизаветы Алексеевны должна была пройти.

Из Таганрога, после выздоровления жены, Александр намеревался проехать в Крым, потом на Кавказ, и после всего этого — в Сибирь.

Он уже почти собрался в дорогу, как вдруг Аракчеев привез к нему унтер-офицера 3-го Украинского полка Шервуда, доложившего Аракчееву о существовании «Южного общества». Теперь уже о заговоре знал Аракчеев, и Александр не мог делать вид, что ничего не ведает.

Он приказал Аракчееву проследить за тем, чтобы Шервуду было оказано всяческое содействие к раскрытию заговора.

После этого 1 сентября 1825 года Александр отправился в Таганрог, а Елизавета Алексеевна должна была выехать двумя днями позже.

Заметим, что перед любимым отъездом из Петербурга Александр всегда служил молебен в Казанском соборе. Однако перед последней в его жизни поездкой порядок этот был нарушен. И вот почему. 30 августа 1825 года в Александро-Невской лавре служили литургию в честь перенесения мощей Александра Невского из Владимира в Санкт-Петербург. Отстояв литургию, Александр попросил митрополита отслужить послезавтра, 1 сентября, в 4 часа утра и молебен в связи с его отъездом из Петербурга. Однако попросил, чтобы эта его просьба осталась в тайне.

Накануне Александр прислал множество свечей, ладана и масла, а митрополит приказал приготовить для него облачение малинового бархата по золотой основе, сказав, что хотя посещение храма столь высокой особой и требует светлоторжественного облачения, но в этом случае он считает неподобающим одеться в светлые ризы, ибо после молебна всем предстоит разлука с государем.

Около четырех часов утра 1 сентября митрополит, архимандриты и лаврская братия вышли к воротам, чтобы встретить царя. Было темно и абсолютно тихо. В четверть пятого к воротам подкатила легкая коляска, запряженная тройкой, и из коляски вышел Александр, приехавший в лавру только с одним кучером. Он был одет в вицмундир, на голове его была фуражка, а сверху накинут серый плащ. На государе не было даже шпаги.

Он извинился за опоздание, приложился к кресту, приказал затворить за собой ворота и пошел в Троицкий собор.

Перед ракой Александра Невского царь остановился и начал слушать чин благословления в путешествие.

Когда началось чтение Евангелия, Александр встал на колени и попросил митрополита положить Евангелие ему на голову. Так и стоял он с книгой на голове, пока митрополит не кончил чтение. При этом присутствующие монахи пели тропарь: «Спаси, Господи, люди твоя».

Когда известный русский историк М.И. Богданович коснулся этого сюжета в последнем томе своей шеститомной «Истории царствования императора Александра I и России в его время», изданной в Петербурге в 1869-1871 годах, то утверждал, что в Александро-Невской лавре утром 1 сентября слу-

жили по просьбе Александра не молебен о благополучном путешествии, а панихиду.

Так как при этом в соборе были только православные монахи и священники, то они не могли спутать молебен с панихидой, а кроме них никто не мог сообщить М.И.Богдановичу такую подробность.

В пользу версии о том, что это была панихида говорит также и то, что уезжая из Петербурга, Александр никогда не служил молебна без свиты и сопровождавших его лиц.

Заметим также, что вместе с Александром выехал в дорогу не только его кучер Илья Байков, но и начальник Главного штаба барон Дибич, лейб-медики Виллие и Тарасов, ваген-мейстер — начальник обоза, осуществлявший руководство всей ходовой частью, экипажами, лошадьми, упряжью, фуражной частью и пр. — полковник Саломка, четыре офицера и немалое число прислуги.

Все эти люди ехали в других экипажах, но отъехали, кто раньше, а кто позже Александра, и собрались вместе только по дороге на Чугуев. А в Александро-Невской лавре во время службы в триицком соборе не было даже и царского кучера.

Теперь снова вернемся в Троицкий собор Лавры.

После того, как служба кончилась Александру дали поцеловать крест, окропили святой водой и благословили иконой.

Александр попросил одного из диаконов положить эту икону в его коляску.

Выйдя с царем из собора, митрополит спросил его, не хочет ли он пожаловать к нему в келью?

— Очень хорошо, — ответил Александр, — только ненадолго. Я уже и так полчаса по маршруту промешкал.

В гостиной, оставшись один на один с митрополитом, царь согласился принять одного из схимников, а потом прошел и в его келью.

Мрачная картина предстала перед Александром, как только дверь в келью распахнулась. Пол кельи и все стены, до половины, были обиты черным сукном. Слева, у стены, стояло высокое распятие с Богоматерью и евангелистом Иоанном по бокам.

У другой стены стояла длинная черная деревянная скамья. Тусклая лампада, висевшая в углу под иконами, скупо освещала келью.

— И это все имущество схимника? — спросил царь у митрополита. — Где же он спит?

— Он спит на полу, — ответил митрополит.

— Нет, — возразил схимник, — у меня есть постель, идем, государь, я покажу ее тебе.

И с этими словами шагнул за перегородку, которой Александр в полумраке не заметил. За перегородкой увидел царь стол, на котором стоял черный гроб, а в нем лежали схима, свечи и все, что надлежало иметь при погребении.

— Смотри, государь, — сказал монах, — вот постель моя, и не моя только, но всех нас. В нее все мы, государь, ляжем и будем спать долго!

Несколько минут простоял Александр в глубокой задумчивости, а потом вышел из кельи, прошел к коляске и, сев в нее, сказал, сопровождавшим его:

— Помолитесь обо мне и о жене моей.

...Выехав за город, Александр привстал в коляске и долго смотрел на исчезающий город...

В Таганрог приехал он 14 сентября, а еще через неделю встретил и Елизавету Алексеевну. Императрица, в Петербурге почти не покидавшая постели, вышла из кареты неожиданно довольно бодро и сама пошла в дом, который занял и приготовил к ее встрече Александр.

О поездке в Таганрог и о своих дорожных, а также и о таганрогских впечатлениях Александр рассказал в письме к Аракчееву на третий день по приезде, 16 сентября:

«Благодарю Бога, я достиг до моего назначения, любезный Алексей Андреевич, весьма благополучно и могу сказать даже приятно, ибо погода и дороги были весьма хороши. В Чугуеве я налюбовался успехами в построениях. Об фронтальной части не могу ничего сказать, ибо кроме развода и пешего смотра поселенных и пеших эскадронов и кантонистов, я ничего не видел.

Здесь мое помещение мне довольно нравится. Воздух прекрасный, вид на море, жильё довольно хорошее; впрочем, надеюсь, что сам увидишь».⁶⁹

Из последней фразы очевидно, что Александр ждал приезда к нему Аракчеева, однако этого не случилось из-за того, что за шесть дней перед тем, как Александр написал это письмо, дворовые люди Аракчеева убили домоправительницу графа Настасью Минкину, бывшую невенчанной женой Алексея Андреевича.

Убийство это произошло из-за того, что Минкина была необычайно жестокой и злопамятной изуверкой и по ее вине были забиты насмерть и замучены многие дворовые люди в резиденции Аракчеева селе Грузино.

На третий день после убийства едва пришедший в себя Аракчеев отправил своему благодетелю письмо, которое Александр получил в самый канун приезда Елизаветы Алексеевны.

В письме этом Аракчеев писал: «Случившееся со мною несчастье, потеряние верного друга, жившего у меня в доме 25 лет, здоровье и разумок мой так разстроило и ослабило, что я одной смерти себе желаю и ишу, а потому и делами никакими не имею сил и соображения заниматься. Прощай, Батюшка, вспомни бывшего тебе слугу; друга моего зарезали ночью дворовые люди, и я не знаю еще, куда осиротевшую свою голову преклоню; но отсюда уеду».⁷⁰

Не теряя ни минуты, Александр тут же ответил своему верному другу: «Твое положение, твоя печаль, крайне меня поразили. Даже мое собственное здоровье сильно оно почувствовало... Приезжай ко мне: у тебя нет друга, который бы тебя искреннее любил. Место здесь уединенное. Будешь ты жить, как ты сам расположишь. Беседа же с другом, разделяющим твою скорбь, несколько ее смягчит. Но заклинаю тебя всем, что есть свято, вспомни отечество, сколь служба твоя ему полезна, могу сказать необходима, а с отечеством и я неразлучен. Ты мне необходим... Вспомни, сколь многое тобою произведено, и сколь требует все оно довершения».⁷¹

Пробыв возле выздоравливающей жены три недели, Александр решил нанести короткий визит в сравнительно недалекую Землю Войска Донского.

За четыре дня он объехал Новочеркасск, станицу Аксайскую и Нахичевань (пригород Ростова-на-Дону) и снова приехал в Таганрог.

Здесь принял он генерала И.О.Витта, сообщившего о последних замыслах членов «Южного общества», а также о новом составе этой организации.

Витт был начальником южных военных поселений. Он привез Александру сообщение одного из заговорщиков — Бошняка и 18 октября 1825 года устно передал их царю.

Витт сообщил, что существует пять заговорщических «вент» (отраслей) тайного общества, что заговор зреет в тринадцати полках и пяти артиллерийских ротах.

Все это не могло не повлиять на настроение Александра и он, по-видимому, еще раз ощутил всю тяжесть короны и еще раз пожелал избавиться от нее. Однако вновь ограничился лишь тем, что попросил Витта продолжать следить за заговорщиками.

После этого Александр собрался ехать в Крым.

Перед поездкой в Крым, 19 октября, в четыре часа дня, сел он писать письмо матери, но вдруг нашла туча и стало темно. Александр велел подать свечи, но камердинер ответил:

— На Руси со свечами днем писать нехорошо: люди на улице увидят свечи в доме и скажут, что здесь покойник.

— Ну, хорошо, — согласился Александр, — переждем тучу, не станем зажигать свечи.

Александр решил придерживаться старого плана поездки, составленного еще в Петербурге, и поехать на Южный берег Крыма, в Бахчисарай и Севастополь.

В Таганроге помимо Витта оказался граф М.С.Воронцов — Новороссийский генерал-губернатор и наместник Бессарабской области, имевший прекрасные богатые имения на Южном берегу Крыма.

Он пригласил царя посетить свои владения и вместе с небольшой свитой Александра и с ним самим 20 октября выехал из Таганрога в Крым.

Подъезжая к Гурзуфу, Александр вышел из экипажа и проскакал последние 35 верст по Южному берегу Крыма верхом. Сопровождавшие царя экипажи остановились у Байдарских ворот и царские повара также остались при экипажах.

То, что царь в дороге ел, хотя и хорошо приготовленную пищу, но все же не совсем похожую на ту, что в Петербурге, и послужило по мнению лейб-медика Виллие, причиной его грядущей смертельной болезни. Виллие отметил также, что вопреки обыкновению царь ел в эти дни намного больше фруктов, чем обычно.

Для человека, проделавшего множество походов, и часто довольствовавшегося самым малым, едва ли все это могло стать причиной смертельной болезни.

25 октября царь приехал в Гурзуф. На следующий день поехал он в имение графа Воронцова — Алупку, где осмотрел дорогой Никитский сад. В тот же день побывал он у графа Кушелева-Безбородко в Орианде, которую совсем недавно купил у него.

Н.К.Шильдер писал: «Там, по-видимому, Александр нашел тот уголок в Европе, о котором некогда мечтал, и где желал бы навсегда поселиться...

— Я скоро переселюсь в Крым, — сказал Александр, — я буду жить частным человеком. Я отслужил 25 лет и солдату в этот срок дают отставку.

Князю Волконскому он говаривал:

— И ты выйдешь в отставку и будешь у меня библиотекарем». ⁷²

Затем, в одиночку, отправился он к княгине Голицыной, однако из-за того, что в имении ее была лихорадка, Александр

заночевал у жившего по соседству с нею богатого татарина и вернулся в Алупку на следующий день к вечеру. 27 октября пошел он из Алупки пешком, но потом сел верхом на коня и проехал более сорока верст. В середине этого дня он впервые пожаловался на усталость и пересел в коляску.

Осмотрев стоявший неподалеку от Байдар греческий батальон, Александр проехал к монастырю святого Георгия и уже при свете факелов прибыл в Севастополь, сделав все же поздно вечером смотр морским полкам.

28 октября царь осматривал порт и крепость, присутствовал при спуске корабля и совершал на катере морскую прогулку на Александровскую батарею, пройдя морем пять верст.

На следующее утро он осматривал Севастополь, в полдень отправился в Бахчисарай, а 30 октября посетил караимскую крепость Чуфут-кале и расположенный неподалеку скальный христианский монастырь.

Именно 30 октября Виллие впервые заметил недомогание Александра и предложил ему лекарство, но царь отказался.

Затем Александр снова возвратился в Бахчисарай, откуда проехал в Евпаторию.

Сопровождавшие царя отметили, что в Евпатории также был еще карантин и Александр, обходя церкви, мечети, синагоги и казармы, заходил также и на противохородачные карантинны. Они отметили также, что царь долго беседовал с одним турецким капитаном, еще не выдержавшим карантина, после чего, к концу дня, почувствовал себя заболевшим.

3 ноября на последней станции перед Ореховым — уездным городом Екатеринославской губернии — Александр встретил, ехавшего из Таганрога фельдъегеря Маскова. Александр велел ему ехать обратно. После этого ямщик, везший Маскова, погнав лошадей и на повороте, наехав на ухаб, выбросил фельдъегеря из коляски. Тот ударился головой и из-за перелома основания черепа умер на месте. Подоспевший Тарасов мог только констатировать наступившую смерть. Когда Тарасов приехал в Орехов, где остановился Александр, и доложил царю о смерти Маскова, царь заплакал и сказал: «Какое несчастье! Очень жаль этого человека!» «При этом, — писал Тарасов, — я не мог не заметить в государе необыкновенного выражения лица: оно представляло что-то тревожное и вместе болезненное, выражающее чувство лихорадочного озноба».⁷³

На следующий день, приехав в Мариуполь, Александр впервые признался Виллие, что заболел. Виллие увидел, что у царя посинели ногти, а тело содрогалось, то от озноба, то от жара.

Вскоре лихорадка вроде бы и оставила Александра, но слабость и отсутствие аппетита продолжались.

5 ноября Александр вернулся в Таганрог и в разговоре с Волконским сказал, что в дороге перенес он приступ лихорадки, но теперь все миновало.

Однако уже на следующий день болезнь повторилась с возросшею силой. Лицо царя пожелтело, его постоянно бросало в жар и это состояние не оставляло Александра еще несколько дней.

9 ноября он разрешил написать о болезни матери, а на следующий день случился с ним глубокий обморок, но потом больному снова стало лучше. В этот же день он приказал написать о его болезни и Константину.

10 ноября в записках Виллие, которые он начал вести со дня возвращения в Таганрог, появилась многозначительная запись: «Начиная с 8-го числа, я замечаю что-то такое другое его занимает больше, чем выздоровление и беспокоит его мысли». ⁷⁴ А на следующий день больной категорически отказался принимать лекарства и делать промывание желудка. Виллие записал, что Александр даже пришел в бешенство, услышав о лечении. ⁷⁵ И Виллие вынужден был записать 12 ноября: «Сегодня ночью я выписал лекарства для завтрашнего утра, если мы сможем посредством хитрости убедить его принимать их. Это жестоко. Нет человеческой власти, которая могла бы сделать этого человека благоразумным. Я — несчастный». ⁷⁶ А 13-го стало и совсем плохо — царь впал в сонливость, что было дурным знаком, дыхание его стало прерывистым, сопровождающимся спазмами, но от лекарств он по-прежнему отказался.

14 ноября улучшения не наступило, но Александр упорно отказывался от лечения. В 8 часов вечера он попытался встать с постели, но потерял сознание и упал. Все это произошло при Елизавете Алексеевне, и доктора, не находя иного выхода, решились на крайнее средство — психологически воздействовать на Александра, предложив ему совершить причастие, что заставило бы больного поверить, что дела его плохи и ему грозит смерть.

Пока готовили к причастию местного священника Алексея Федотова, Виллие попробовал обмануть больного, примешав лекарство в питье, но Александр отказался и от питья, сказав Виллие: «Уходите». Виллие заплакал, а Александр, увидев это, сказал: «Подойдите, мой дорогой друг. Я надеюсь, что вы не сердитесь на меня за это. У меня — мои причины». ⁷⁷

Из-за того, что положение больного стало тяжелым, причащение было решено отложить до следующего дня. Однако в 6 часов утра 15 ноября, когда Александр проснулся, он сам попросил священника, чтобы исповедоваться и причаститься.

Сидевший возле него всю ночь доктор Тарасов, записал, что «император, просыпаясь по временам, читал молитвы и псалмы, не открывая глаз», а когда священник вошел, то Александр «твердым голосом сказал: «Я хочу исповедаться и причаститься Святых Тайн. Прошу исповедать меня не как императора, но как простого мирянина»». ⁷⁸

После исповеди и причастия отец Алексей опустился на колени, и с крестом в руках стал просить больного послушать врачей и начать принимать лекарства. И Александр согласился. Тогда, после ухода священника, ему поставили пиявки, но он тут же посрывал их все. Потом Виллие писал, что Александр, по-видимому, искал смерти, ибо иначе его поступок объяснить нельзя.

Забегая чуть вперед, скажем, что больному оставалось жить всего три дня. И отметим, что за эти последние три дня записи всех, кто был рядом с императором, необычайно кратки и весьма противоречивы. Следует добавить, что после смерти Александра записи Елизаветы Алексеевны были увезены в Петербург и уничтожены по приказу Николая, а записи других очевидцев событий многие вопросы оставляют без ответа. К тому же беспристрастный анализ такого важного документа, как официальный журнал, который вел П.М. Волконский, показывает, что записи за последнюю неделю болезни Александра, переписаны заново. Отметим, что и дневник Марии Федоровны тоже был уничтожен. Наконец, многие документы сильно противоречат друг другу. Так, например, 17 ноября Тарасов записал, что «болезнь достигла высшей степени своего развития», а Елизавета Алексеевна в этот же день написала Марии Федоровне следующее: «Сегодня наступило очень решительное улучшение в состоянии здоровья императора... Сегодня сам Виллие говорит, что состояние здоровья нашего дорогого больного удовлетворительно». ⁷⁹

И именно в это время, в ночь с 17 на 19 ноября, произошло и еще нечто плохо объяснимое: «Князь Волконский, — пишет Виллие, — в первый раз завладел моей постелью, чтобы быть ближе к императору. Барон Дибич находится внизу». Возникает вопрос: если больному было совсем плохо, то почему рядом с ним не остался врач, а поселился генерал-адъютант? А если больному стало хорошо, то тем более логично предположить, что место врача, скорее других, могла бы занять Елизавета Алексеевна. Но этого не случилось, — рядом оказался самый доверенный из всех членов свиты, друг детства Александра и его ближайший соратник и спутник всех его походов и путешествий, которому царь верил также как Аракчееву. А если это так, то, значит, Волконский в эту ночь был

нужнее для Александра, чем кто бы то ни было другой, а никого другого в спальне у императора в эту ночь не было.

На следующее утро, 18 ноября, Волконский прислал к одному из таганрогских дворян — Шихматову — просьбу приготовить дом для императрицы, хотя именно утром 18-го, по свидетельству всех, царь чувствовал себя хорошо. Князь проявил такую предусмотрительность в ожидании близкой кончины Александра, хотя в это время о смертельном исходе болезни думать было вроде бы преждевременно.

Однако Волконский оказался провидцем. Вечером Александру стало совсем плохо и с тех пор он уже более не приходил в сознание. Он умер на следующее утро, в 10 часов 50 минут 19 ноября 1825 года.

По странному стечению обстоятельств в момент его смерти в комнате была только одна Елизавета Алексеевна. Она закрыла покойному глаза и подвязала платком челюсть. После чего — по одним свидетельствам — тотчас же потеряла сознание, а по другим — около получаса молилась, стоя на коленях, рядом с покойным.

Когда в комнату пришли Дибич и Волконский, не посвященные Александром в тайну престолонаследия, они решили, что император теперь — Константин, и Дибич тут же написал о смерти Александра Марии Федоровне в Петербург и Константину в Варшаву, именуя его «Императорским Величеством», а не «Императорским Высочеством».

В Варшаву письмо Дибича пришло 25 ноября. На следующий день Константин написал и отправил в Петербург два письма — одно матери, второе — брату Николаю, подтверждая свое отречение от престола, произошедшее еще 2 февраля 1822 года, и признавая Николая императором.

Письма Константина были еще в начале пути, когда в Петербург — 27 ноября — пришли письма Дибича.

Это случилось во время молебна за здравие Александра, умершего неделю назад, — о чем в Петербурге еще никто не знал.

Будучи уверенным, что по закону о престолонаследии российский трон перешел к старшему брату — Константину — Николай тут же принес ему присягу и подписал присяжной лист.

Начиная с этого дня, и до памятного 14 декабря, между братьями велась интенсивная переписка и ее главным предметом была не борьба за царский скипетр, а желание передать этот скипетр другому.

На создавшейся ситуации и сыграли члены «Северного» и «Южного» обществ, отказываясь приносить присягу «незаконному» императору Николаю.

В этой книге нет смысла подробно пересказывать хорошо известные сюжеты, касающиеся восстания на Сенатской площади, произошедшего 14 декабря 1825 года и вошедшего в историю под названием восстания декабристов. Правда, в следующей главе будут затронуты сюжеты, касающиеся участия Николая в подавлении восстания, а также и реакция на него членов царской семьи, ибо это — страница и их семейной истории.

НОВЕЛЛА СТО ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Посмертные загадки, оставленные Александром

А теперь вернемся в Таганрог, к тому дню, когда было объявлено, что Александр умер. Почти сразу же было произведено вскрытие на предмет установления причины смерти.

И девять присутствовавших при этом врачей, — от «Дмитриевского вотчинного гошпиталя младшего лекаря Яковлева» до «баронета Якова Виллие, тайного советника», согласились с тем, что смерть наступила вследствие «жестокой горячки с приливом крови в мозговые сосуды и последующими затем отделением и накоплением сукровичной влаги в полостях мозга». ⁸⁰

Когда же один из биографов Александра, князь В. В. Барятинский, попросил четырех лучших врачей России начала XX века дать свое заключение о причинах смерти на основании «Акта о вскрытии», то все они, независимо друг от друга, признали, что данные «Акта о вскрытии» создают впечатление, что речь идет не об Александре, а о другом покойном, ибо никаких данных о том, что покойный страдал именно тем, чем болел Александр, из документа не проистекает. ⁸¹

Кроме того, не все в порядке оказалось и с соблюдением формы «Акта о вскрытии»: доктор Тарасов его не подписывал, о чем впоследствии сообщил в своих «Воспоминаниях». ⁸²

А затем, забальзамировав тело, его перенесли в кабинет Александра, где оно находилось 22 дня до 11 декабря, после чего прах перевезли в собор таганрогского Александровского монастыря и оставили на катафалке под балдахин, увенчанным императорской короной.

В соборе ежедневно совершалась архиерейская служба, а по утрам и вечерам служились панихиды.

В одном из писем князя Волконского секретарю матери Александра Вилламову, сообщалось, что «от здешнего сырого воздуха лицо все почернело, и даже черты покойного совсем изменились..., почему и думаю, что в Санкт-Петербурге

вскрывать гроб не нужно, и в таком случае должно будет совсем отпеть...». ⁸³

С мнением Волконского согласились и было велено гроб закрыть и более не открывать.

Лишь 29 декабря 1825 года, на сороковой день после кончины Александра, через полмесяца после восстания на Сенатской площади, когда уже вовсю работала следственная комиссия, гроб с телом Александра повезли в Петербург. Погребальную процессию возглавлял генерал-адъютант, граф Орлов-Денисов, прошедший с покойным весь Заграничный поход начальником его личной охраны — императорского казачьего лейб-конвоя.

В тот же самый день, когда траурный кортеж двинулся в путь, восстал Черниговский полк, поднятый С.И. Муравьевым-Апостолом и его единомышленниками. И в то время, как мертвого императора везли в Петербург, в окрестностях Василькова и Белой Церкви, последним эхом Сенатской площади раскатывалась артиллерийская канонада карательных полков правительственных войск.

А здесь, в Екатеринославской губернии, откуда двинулся траурный кортеж, было тихо, и к дороге, по которой везли гроб, сходились со всех сторон люди всяческих состояний и званий, а на границы девяти губерний, через которые везли тело покойного — Екатеринославской, Слободско-Украинской, Курской, Орловской, Тульской, Московской, Тверской, Новгородской и Санкт-Петербургской — выходили гражданские, военные и духовные власти и делегации всех сословий.

3 февраля 1826 года гроб с телом Александра привезли в Москву и поставили в Кремле, в Архангельском соборе, среди гробниц русских царей. Кремлевские ворота были заперты и охранялись артиллерией, так как отголоски недавних событий в Петербурге и под Белой Церковью все еще вынуждали власти к сугубой осторожности.

По пути из Москвы в Петербург гроб несколько раз вскрывали, проверяя сохранность тела.

В Тосно, на последней остановке перед Царским Селом, траурный кортеж встретила Мария Федоровна и при ней гроб был вскрыт еще раз. Увидев Александра, она громко воскликнула: «Да, это мой сын!» То же самое она повторила, когда гроб был вскрыт в последний раз, 4 марта, уже в Царском Селе, при всех членах императорской фамилии. Эти возгласы, казалось, были предназначены для того, чтобы убедить присутствующих, что в гробу лежит именно Александр, а не кто-то другой.

6 марта гроб перевезли в Казанский собор и оставили его закрытым еще на неделю для прощания с народом.

И лишь 13 марта 1826 года, через два с половиной месяца после кончины, тело Александра было погребено в Петропавловском соборе.

Проболев в Таганроге после смерти Александра еще пять с половиной месяцев, Елизавета Алексеевна в конце апреля решила ехать в Петербург. Оттуда, навстречу ей выехала мать Александра — Мария Федоровна. Она доехала до Калуги и остановилась, ожидая там свою больную невестку.

А Елизавете Алексеевне в дороге становилось все хуже и хуже.

4 мая 1826 года, остановившись в Белеве, в девяноста верстах от Калуги, она умерла, пережив своего мужа менее чем на полгода...

Большинством русских людей весть о смерти Александра была воспринята с искренней скорбью. Русские газеты и журналы исторгали и в стихах и в прозе глубокую, верноподданническую скорбь об усопшем. Но и в Европе, включая и Францию, об Александре говорили и писали только как о достойном и благородном человеке, воине и государе.

Но, пожалуй, полнее и точнее многих других, будто обзревая всю его жизнь, отозвался об Александре поэт, князь П.А.Вяземский: «Либеральные помыслы его и молодые сочувствия болезненно были затронуты грубой действительностью. Заграничные революционные движения, домашний бунт, неурядицы, строптивые замашки Варшавского сейма, на которые еще так недавно он полагал лучшие свои упования, догадки и более чем догадки о том, что и в России замышлялось что-то недоброе, — все эти признаки, болезненные симптомы, совокупившиеся в одно целое, не могли не отразиться сильно на впечатлительном уме Александра... Он вынужден был сознаться, что добро не легко совершается, что в самих людях встречается какое-то необдуманное, тупое противодействие, парализующее лучшие помыслы, лучшие заботы о пользе и благоденствии их».⁸⁴

В русской истории, очень богатой нераскрытыми тайнами, есть одна из самых загадочных, о которой никак нельзя умолчать, когда речь заходит о смерти Александра I.

Это — многочисленные слухи и рассказы о том, что он не умер, а остался жив и через несколько лет появился в Пермской губернии под именем старца Федора Кузьмича.

Этот сюжет всегда связывали с тем, что Александр не умер в Таганроге, а выздоровел, приказав положить в гроб вместо себя другого человека, а сам отправился в неизвестные края, явившись потом в Пермской губернии под видом бродяги, не помнящего родства.

Однако, прежде чем перейти к пересказу того, что называли «легендой о старце Феодоре Козьмиче», — или проще — «Феодоре Кузьмиче», — необходимо еще раз обратиться к эпизодам уже нам знакомым, а также осветить обстоятельства болезни и смерти императора с той стороны, с какой освещают их сторонники точки зрения, что император Александр I и бродяга Федор Кузьмич — один и тот же человек.

Первое, на что обращают они внимание, это — на стойкое, проходящее через всю жизнь Александра, желание отказаться от престола.

Сторонники правдивости версии идентичности Александра и Федора Кузьмича выстраивают в один ряд его откровения Лагарпу, когда еще совсем молодым заявлял он о желании жить с ним рядом в Швейцарии; затем вспоминают о письме девятнадцатилетнего Александра к другу юности В.П.Кочубею, где он 10 мая 1796 года писал: «Я знаю, что не рожден для того высокого сана, который ношу теперь, и еще менее для предназначенного мне в будущем, от которого я дал себе клятву отказаться тем или другим способом... Я обсудил этот предмет со всех сторон. Мой план состоит в том, чтобы по отречении от этого трудного поприща (я не могу еще положительно назначить срок сего отречения), поселиться с женой на берегах Рейна, где буду жить спокойно частным человеком, полагая мое счастье в обществе друзей и изучении природы».⁸⁵

Кроме того, в одном ряду с письмом к Кочубею вспоминают и высказанное им как-то в молодости пожелание уехать от двора, хотя бы и в Америку.

Затем выстраивают целую цепь случаев, когда речь шла уже об отказе от наследования трона, когда августейшая бабка Екатерина хотела возвести внука на престол помимо собственного сына — Павла Петровича.

Вспоминают и о том, что Александр посвятил отца в это намерение Екатерины, доказав тем самым искренность своего отказа. Приводят эпизод в Саардаме, произошедший в 1814 году: его высказывание о невозможности править страной, если на это нет сил, произнесенное в Киеве 8 сентября 1817 года; намерение передать трон брату Николаю, выска-

занное после маневров в Красном Селе летом 1819 года: разговор с Константином Павловичем в Варшаве осенью того же года, когда Александр заявил, что твердо «намерен абдикировать»; и признание в том же самом Вильгельму Оранскому весной 1825 года.

Таким образом, вырисовывается довольно длинный ряд неоднократных и убедительных свидетельств разных лиц о намерении Александра еще при жизни оставить престол.

Одно из подтверждений такого намерения, выходящее за рамки 1825 года, не было приведено в этой книге.

Речь идет о дневниковой записи жены Николая I — императрицы Марии Федоровны.

15 августа 1826 года, когда Мария Федоровна и Николай находились в Москве по случаю их коронации и восшествия на престол, новопомазанная императрица записала в тот самый высокаторжественный день: «Наверно при виде народа я буду думать и о том, как покойный император, говоря нам однажды о своем отречении, сказал: «Как я буду радоваться, когда увижу вас, проезжающими мимо меня, и я, потерянный в толпе, буду кричать вам «Ура!»».⁸⁶

Последний эпизод подтверждает то, что у Александра было намерение, уйдя от власти при жизни, затем спрятаться среди пятидесяти миллионов своих прежних подданных и со стороны наблюдать за ходом событий.

Сторонники правдивости версии о идентичности Александра и Федора Кузьмича подвергают сомнению официальную версию о смерти императора в Таганроге, выдвигая соображение, что вместо Александра в гроб был положен другой человек. Они придерживаются трех вариантов: 1) это был фельдъегерь Масков, умерший не сразу — 3 ноября, а накануне 19-го, после чего и был положен в постель выздоровевшего Александра, и был выдан за якобы умершего императора; 2) это был, забитый шпицрутенами солдат, похожий на Александра (такой точки зрения придерживался Л. Н. Толстой в незавершенной повести «Посмертные записки старца Федора Кузьмича»), и 3) когда за усопшего царя был выдан скончавшийся от болезни солдат из Таганрогского гарнизона.

Самым надежным источником сторонники этой точки зрения считают тотчас же распространившиеся слухи, в которых фигурировали все эти версии, и воспоминания и рассказы доктора Тарасова, поведение и позиция которого давали немало оснований для подтверждения того, что Александр не умер 19 ноября 1825 года, а оставался жить дальше.

В отличие от первого лейб-медика Василия Яковлевича Виллие — опытного врача и не менее опытного царедворца,

Дмитрий Клементьевич Тарасов вторым достоинством не обладал. Он был сыном бедного священника и только случай сделал его царским лейб-хирургом.

Тарасов находился у постели Александра пять последних суток — с 14 по 19 ноября 1825 года.

В своих воспоминаниях Тарасов резко расходится со всеми другими очевидцами смерти Александра, утверждая, что еще за час до кончины он был в сознании и умирал спокойным и умиротворенным.

Когда же врачи, вскрывавшие тело Александра, подписали об этом соответствующий акт, то Тарасов его не подписал, а подпись его была подделана.

Дальше — больше: когда князь Волконский попросил Тарасова бальзамировать тело, он отказался, мотивируя свое несогласие тем, что всегда испытывал к государю «сыновнее чувство и благоговение». Затем Тарасов сопровождал гроб Александра из Таганрога в Петербург, после чего остался служить придворным врачом. А дальше мы расскажем о том, что произошло после официальных похорон императора.

В бытность Тарасова в Царском Селе, к нему иногда приезжал его племянник — воспитанник Петербургского Императорского училища Правоведения, ставший затем профессором Московского университета.

Профессор Иван Трофимович Тарасов оставил воспоминания о том, что его дядя, касаясь Александра I, всегда говорил: «Это был святой человек», или — «Это был человек святой жизни».

Доктор Тарасов охотно рассказывал об Александре, но никогда ни слова не произнес о его кончине, а как только распространилась весть о старце Федоре Кузьмиче, то он и здесь всячески избегал каких бы то ни было разговоров.

И.Т.Тарасов утверждал, что его дядя несмотря на то, что был глубоко религиозен, никогда не служил панихиды по Александру. И лишь в 1864 году, когда до Петербурга дошла весть о смерти Федора Кузьмича, доктор Тарасов стал служить панихиды, однако делал это тайно.

Его племянник узнал об этом не от дяди, а от его кучера. Кроме того, он узнал, что эти панихиды доктор Тарасов служил, где угодно — в Исаакиевском соборе, в Казанском соборе, в приходских церквях, но никогда — в Петропавловском соборе, где находилась официальная могила Александра.

Однажды мать профессора И.Т.Тарасова сказала в присутствии тогда уже пожилого Дмитрия Клементьевича:

— Отчего же император Александр Павлович не мог принять образа Федора Кузьмича? Всяко бывает, судьбы Божии неисповедимы.

Доктор Тарасов страшно взволновался, как будто эти слова задели его за больное место.

И еще на одно обстоятельство, касающееся доктора Д.К.Тарасова, обращают внимание сторонники этой версии: он был необычайно богат, имея и большой капитал, и собственные дома, которых не смог бы нажить самой блестящей медицинской практикой.

То, что вы прочли сейчас о докторе Тарасове, есть лишь один из многих аргументов в пользу того, что Александр не умер в Таганроге 19 ноября 1825 года, но если перечислять их все, то нужно было бы написать еще одну книгу не меньшую по объему, чем эта.

Десятки квалифицированных историков вот уже полтора века пытаются ответить на вопрос: умер ли Александр в 1825 году в Таганроге, или же 20 января 1864 года в Томске совсем под другим именем?⁸⁷

Я не стану убеждать вас, мой читатель, кто прав в этом полуторавековом споре, — те ли, кто считает, что Александр умер в Таганроге 19 ноября 1825 года, или их оппоненты, убежденные в том, что император, отказавшись от короны, ушел в мир под чужим именем и прожил потом еще почти сорок лет, умерев 20 января 1864 года.

Постараюсь беспристрастно изложить то, что известно о старце Федоре Кузьмиче, а вам предоставляю право выбора, — принять любую из двух точек зрения, хотя сам я все же склоняюсь к тому, что император Александр и Федор Кузьмич — один и тот же человек.

Ранней осенью 1836 года к одной из кузниц, расположенной на окраине города Красноуфимска Пермской губернии — вот он, снова Красноуфимск — подъехал высокий старик — крестьянин с длинной окладистой бородой. Кузнец обратил внимание, что лошадь под стариком была хорошей породы да и внешность, и манера речи крестьянскими отнюдь не были.

Кузнец начал расспрашивать старика, где купил он такую лошадь, откуда едет, но старик отвечал неохотно и неопределенно и кузнец задержал его и отвел в Красноуфимск, в полицию. Старик при этом ни малейшего сопротивления не оказал.

На допросе назвался он крестьянином Федором Кузьмичем и объявил, что он — бродяга, не помнящий родства.

Его посадили в тюрьму, затем высекли плетьюми и сослали в Сибирь.

26 марта 1837 года Федор Кузьмич был доставлен с 643-й партией каторжан в село Зерцалы и определен в работу на каторжный Краснореченский винокуренный завод.

Здесь отличался он от всех прочих незлобивостью, смиренным, хорошей грамотностью и слыл за человека праведной жизни и великого ума.

В 1842 году казак соседней с селом Краснореченским Белоярской станицы С.Н.Сидоров уговорил старца переселиться к нему во двор и для того построил Федору Кузьмичу избушку-келью.

Старец согласился и некоторое время спокойно жил в Белоярской.

Здесь случилось так, что в гостях у Сидорова оказался казак Березин, долго служивший в Петербурге, и он опознал в Федоре Кузьмиче императора Александра I. Вслед затем опознал его и отец Иоанн Александровский, служивший ранее в Петербурге полковым священником. Он сказал, что много раз видел императора Александра и ошибиться не может.

После этих встреч старец ушел в Зерцалы, а оттуда в енисейскую тайгу на золотые прииски и проработал там простым рабочим несколько лет.

Потом — с 1849 года — жил старец у богатого и набожного краснореченского крестьянина И.Г.Латышева, который построил для Федора Кузьмича возле своей пасеки маленькую избушку. В ней был топчан с деревянным брусом вместо подушки, маленький столик и три скамейки.

В переднем углу висели иконы Христа, Богородицы и маленький образок Александра Невского.

Уместно будет заметить и еще одну любопытную подробность: особенно торжественным для себя днем Федор Кузьмич почитал день святого Александра Невского и отмечал его так, как если бы это был день его именин.

В одной с ним каторжной партии пришли две крепостные крестьянки — Мария и Марфа. Они жили раньше около Печерского монастыря во Псковской губернии и за какие-то провинности были сосланы их помещиком в Сибирь.

Федор Кузьмич подружился с ними и в большие праздники приходил после обедни к ним в избушку. В день Александра Невского Мария и Марфа пекли для него пироги и угощали другими яствами.

Старец в этот день бывал весел, ел то, от чего обычно воздерживался, и часто вспоминал, как раньше проходил праздник Александра Невского в Петербурге. Он рассказывал, как

из Казанского собора в Александро-Невскую лавру шел крестный ход, как палили пушки, как весь вечер до полуночи была иллюминация, на балконах вывешивали ковры, а во дворцах и гвардейских полках гремели празднества.

Во время жизни Федора Кузьмича в Краснореченске однажды посетил его иркутский епископ Афанасий и на удивление многих долго говорил с ним по-французски, когда же уходил, то выразил Федору Кузьмичу знаки особого уважения.

Потом епископ рассказывает, что старец сообщил ему о благославлении на подвиг к такой жизни московского митрополита Филарета.

К этому же времени относится еще один случай, когда Федора Кузьмича объявили императором Александром. На сей раз это был один из дворцовых петербургских истопников. Он был сослан в одну из соседних деревень, заболел и попросил, чтобы его привели к старцу, излечивавшему многих недужных. Его товарищ по ссылке, тоже бывший придворный истопник, привел больного к старцу. Когда больной услышал знакомый голос императора, то упал без чувств. И хотя старец попросил не говорить о том, что он узнал его, молва об этом вскоре широко разнеслась по окрестностям.

Десятки людей потянулись за исцелением к Федору Кузьмичу со всех сторон. И он снова ушел на другое место, поселившись возле деревни Коробейниково.

Но и здесь его не оставляли в покое. Многие простые люди, приходившие к нему за советом и исцелением, не раз замечали возле избушки старца знатных господ, дам и офицеров.

Однажды приехал к нему томский золотопромышленник С. Ф. Хромов с дочерью, и пока ждал у избы, увидел, как вышли оттуда гусарский офицер и дама — оба молодые и красивые, а с ними — и старец. Когда Федор Кузьмич прощался с ними, офицер наклонился и поцеловал ему руку, чего старец не позволял никому.

Вернувшись к избе, старец с сияющими глазами, сказал:

— Деды-то меня каким знали! Отцы-то меня каким знали! Дети каким знали! А внуки и правнуки вот каким видят!

Он прожил возле деревни Коробейниково с 1851 по 1854 год и опять переехал в Краснореченское. Теперь Латышев построил ему еще одну избушку, в стороне от дороги, на самой горе, у обрыва.

В это время познакомился он с бедной крестьянской девушкой из Краснореченска — Александрой. Когда ей сравнялось двадцать лет, она захотела пойти на богомолье и Федор Кузьмич, отправляя ее в путь, составил подробный план путешествия, ибо знал все монастыри и святыни России.

Конечной целью паломничества была Почаевская лавра, где в это время находилась графиня Остен-Сакен. Оказавшись в Почаеве, крестьянка и графиня познакомились и Остен-Сакен пригласила девушку в недалекий от лавры Кременчуг, где она жила с мужем Д.Е.Остен-Сакеном.

В это время — а шла осень 1849 года — в Кременчуг приехал император Николай I и остановился в доме Остен-Сакена. Царь с интересом расспрашивал смышленную, бывалую сибирячку о делах у нее на родине, спрашивал и сколько поп за свадьбу берет, и как себя девушки ведут, и что люди едят, и о многом прочем.

Сашенька так понравилась Николаю, что он даже оставил ей записку, сказав, что если окажется в Петербурге, то пусть приходит к нему в гости.

В 1852 году она возвратилась к себе в Краснореченское и обо всем с ней случившемся рассказала Федору Кузьмичу.

Между прочим она сказала, что в доме Остен-Сакена видела портрет императора Александра I и удивилась их сходству, заметив, что на портрете Александр так же держал руку за пояс, как и Федор Кузьмич.

При этих словах старец изменился в лице и вышел во вторую комнатку, повернувшись к девушке спиной, но она все равно заметила, что он беззвучно заплакал и рукавом рубахи стал вытирать слезы.

В 1858 году С.Ф.Хромов уговорил Федора Кузьмича переехать к нему в Томск.

Перед отъездом старец перенес из своей избушки в часовню села Зерцалы икону Печерской Божьей Матери и Евангелие. В день отъезда — 31 октября 1858 года — он пригласил нескольких жителей села в часовню, и отслужив молебен, поставил нарисованный на бумаге разноцветный вензель, основой которого была буква «А» с короной над нею, а вместо палочки в букве был изображен летящий голубь.

Старец вложил бумагу с вензелем в икону, сказав при этом:

— Под этой литерой (буквой) хранится тайна — вся моя жизнь. Узнаете, кто был.

В доме Хромова Федор Кузьмич прожил шесть лет. Там произошло множество интересных случаев, из которых нельзя не упомянуть хотя бы о некоторых.

Чиновница Бердяева захотела снять квартиру в семейном доме и зашла к С.Ф.Хромову. Там она неожиданно столкнулась с Федором Кузьмичем и, увидев его, упала в обморок. Придя в себя она объяснила произошедшее тем, что в старце признала Александра I, которого довелось ей видеть.

В доме С.Ф.Хромова часто бывал советник губернского суда Л.И.Савостин. Он приводил туда своего приятеля И.В.Зайкова.

Когда Великий князь Николай Михайлович, внук Николая I, задумал писать свой двухтомный труд об Александре I, включив туда сюжет и о старце Феодоре Кузьмиче, он прислал в Томск своего доверенного Н.А.Лашкова. И хотя в этом труде — «Император Александр I. Опыт исторического исследования». Т.т. 1-2, СПб., 1912 — автор отверг идентичность Феодора Козьмича Александру I, он все же добросовестно отнесся и к сбору материала и к его проверке.

Лашков, приехав в Томск, встретился с Зайковым и узнал от него, что: «Старец был глуховат на одно ухо, потому говорил немного наклонившись. (Вспомним, что и Александр был с юности глуховат на одно ухо, получив травму при учебных артиллерийских стрельбах.) При нас во время разговора он или ходил по келье, заложив пальцы правой руки за пояс, или стоял прямо, повернувшись спиной к окошку... Во время разговоров обсуждались всевозможные вопросы: государственные, политические и общественные. Говорили иногда на иностранных языках и разбирали такие вопросы и реформы, как всеобщая воинская повинность, освобождение крестьян, война 1812 года, причем старец обнаруживал такое знание этих событий, что сразу было видно, что он был одним из главных действующих лиц».⁸⁸

Известный томский краевед И.Г.Чистяков, близко знавший Федора Кузьмича, писал, что он хорошо владел иностранными языками, хорошо знал современные политические события и высшее общество. Чистяков писал: «Рассказывая крестьянам или своим посетителям о военных походах, особенно о событиях 1812 года, он как бы перерождался: глаза его начинали гореть ярким блеском и он весь оживал... Например, рассказывал он о том, что когда Александр I в 1814 году въезжал в Париж, под ноги его лошади постилали шелковые платки и материи, а дамы бросали на дорогу цветы и букеты: что Александру это было очень приятно; во время этого въезда Меттерних ехал справа от Александра и имел под собой на седле подушку».⁸⁹

Имеется и немало других свидетельств, подобных вышеприведенным.

В конце 1863 года силы стали покидать старца, которому, по его словам, шел уже 87-й год. (Вспомним, что Александр родился в 1777 году — и здесь возраст и того и другого совпадает.)

19 января 1864 года С.Ф.Хромов зашел в избушку к Федору Кузьмичу и, помолвившись, сказал, встав перед больным на колени:

— Благослови меня, бабушка, спросить тебя об одном важном деле.

— Говори, Бог тебя благословит.

— Есть молва, что ты, бабушка, не кто иной, как Александр Благословенный. Правда ли это?

— Чудны дела твои, Господи. Нет тайны, которая бы не открылась. — ответил Федор Кузьмич и замолк.

На следующий день старец сказал Хромову:

— Панок, хотя ты знаешь, кто я, но, когда я умру, не величь меня, схорони просто.⁹⁰

Федор Кузьмич скончался в своей избушке, находившейся возле дома С.Ф.Хромова в 8 часов 45 минут вечера 20 января 1864 года.

Его похоронили на кладбище томского Алексеевского мужского монастыря.

На кресте была выбита надпись: «Здесь погребено тело Великого Благословенного старца Федора Кузьмича, скончавшегося 20 января 1864 года».

По-видимому, усмотрев намек на Александра I в словах: «Великого Благословенного», томский губернатор Мерцалов велел два этих слова замазать белой краской...

Свидетели жизни старца в Сибири добавляют, что Федор Кузьмич был необыкновенно чистоплотен, ежедневно менял чулки и имел всегда очень тонкие носовые платки. Иногда замечали, что, оставаясь один, и не подозревая, что за ним следят или же наблюдают, он ходил четким, военным шагом, отбивая такт, и отмахивая рукой...

Все это я представляю на суд читателей, в ожидании того, что, может быть, вскоре мы узнаем и еще что иное об Александре I и старце Федоре Кузьмиче...

А теперь нам предстоит возвратиться на четыре десятилетия назад, в конец 1825 года, когда закончилось короткое, но бурное междуцарствие Константина и Николая, когда в очередной раз качнулся, но тут же снова, твердо и прочно стал по-прежнему незыблемый государев престол и одиннадцатый российский император начал готовиться к очередной коронации и восхождению на прародительский московский трон.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Чарторижский А. Мемуары. — СПб., I, — Т.1. — С. 225-227.

2,3 ПСЗ. — СПб., — 1830. — Т.26. — № 19779. — С.583.

4 Чарторижский А. Мемуары. — СПб., I, — Т.1. — С.203-204.

5 Шильдер Н.К. Император Александр I. — СПб., — 1904. — Т.2, — С.59.

6 Былое. — 1918. — № 13, — С.164.

7 Там же, — С.165-168.

- 8 Шильдер Н.К. Император Александр I. — СПб., — 1904, — Т.2, — С.82.
- 9 Чарторижский А. Мемуары. — СПб., I, — Т.1, — С.260.
10. 11. 12: Голос минувшего. — 1913. — № 1. — С.85.
13. 14: Любимов Л.Д. Тайна императора Александра I. — Париж. — 1938. — С.65, 66.
- 15 РБС. «Аарон-Александр II». М., — СПб., — 1896. — С.188.
- 16 Голос минувшего. — 1913. — № 7. — С.238.
- 17 Чулков Г.И. Императоры. — М., — 1991. — С.99.
- 18 Александр I, его личность, правление и интимная жизнь. — Лондон. — 1908. — С.30.
- 19 Российский Архив. — М., — 1991. — Т.I. — С.19.
- 20 Энгельгардт Л.Н. Записки. — М., — 1867. — С.211.
- 21 Внешняя политика России XIX и начала XX века. — М., — 1963. — Т.3. — С.561.
- 22 Балязин В.Н. Фельдмаршал М.Б.Барклай де Толли. — М., — 1990. — С.75.
- 23 РС. — 1904. — № 10-11. — С.389-390.
- 24 Любимов Л.Д. Тайна императора Александра I. — С.65.
- 25 Сб. РИО. — Т.89. — С.XXXII.
- 26 Массон Ф. Наполеон и его женщины. — М., — 1993. — С.65-66.
- 27 Записки А.П.Ермолова. 1798-1826. — М., — 1991. — С.126.
- 28 ПСЗ. — СПб., — 1830. — Т.31. — № 24386. — С.395.
- 29.30.31.32: РС. — 1863. — № 1. — С.24; — № 2. — С.377; С.378; Там же. — 1902. — № 3. — С.503.
- 33 Исторический вестник. — 1883. — № 5. — С.334.
- 34.35 Шильдер Н.К. Император Александр I. — Т.3. — С.79; С.86.
- 36 Кутузов М.И. Сб. документов. — М., — 1954. — Т.IV. — ч.I. — С.154.
- 37.38.39.40 РБС. «Аарон-Александр II». М., — СПб., — 1896. — С.256-258.
- 41.42.43 1812 год. Военные дневники. — М., — 1990. — С.343-344. С.360.
- 44 Собрание высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, следовавших войскам в течение 1812-1816 годов. — С.151.
- 45.46 Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. — М., — 1963. — С.6-7. С.21.
- 47 Зотов Р.М. Александриада, или избрание достопримечательных изречений императора Александра I во время пребывания его в Париже. — СПб., — 1818. — С.31-33.
- 48 Голос минувшего. — 1916. — № 11. — С.219-220.
- 49 РБС. «Аарон-Александр II». М., — СПб., — 1896. — С.314.
- 50 РБС. «Жабокритский-Зяловский». — М.-СПб., — 1916. — С.190-193.
- 51 Р.С., — 1877. — № 9. — С.95. В «Учреждении о Большой действующей армии» сказано: «Главнокомандующий представляет лицо императора и облается властью его величества». См. ПСЗ. — СПб., — 1830. — Т.32. — № 24975. — С.43.
- 52 Р.С., — 1873. — № 4. — С.440.
- 53 Бяргинский В.В. Царственный мистик. — М., — 1990. — С.3.
- 54 Там же. — С.4.
- 55 Р.С., — 1897. — № 6. — С.472.
- 56 Там же.
- 57 Бяргинский В.В. Царственный мистик. — М., — 1990. — С.5.
- 58 Там же. — С.6.
- 59 Р.С., — 1877. — № 11. — С.368.
- 60 Там же. — С.370.
- 61 ПСЗ. — СПб., — 1830. — Т.37. — № 28208. — С.129-130.

- 72 Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., — 1978. — Т. I. — С.385.
- 63 Там же. — Т. 4. — С.101.
- 64 РБС. «Аарон-Александр II». — СПб., — 1896. — С.375.
- 65 Барятинский В.В. Царственный мистик. — М., — 1990. — С.7.
- 66 Шильдер Н.К. Император Александр I. — СПб., — 1898. — Т.4. — С.321-322.
- 67 Там же. С.С.322.
- 68 РБС. «Аарон-Александр II». — СПб., — 1896. — С.377.
- 69 Там же. — С.379.
- 70 Там же.
- 71 Там же.
- 72 Шильдер Н.К. Император Александр I. — СПб., — 1898. — Т.4. — С.376.
- 73 Барятинский В.В. Царственный мистик. — М., — 1990. — С.30.
- 74 Там же. — С.43.
- 75 Там же. — С.44.
- 76 Там же;
- 77 Там же. — С.47.
- 78 Там же. — С.49.
- 79 Там же. — С.51.
- 80 Там же. — С.78.
- 81 Там же. — С.82-85.
- 82 Р.С., — 1871. — № 4. — С. 1872. — № 5-6.
- 83 Барятинский В.В. Царственный мистик. — М., — 1990. — С.66.
- 84 Шильдер Н.К. Император Александр I. — СПб., — 1898. — Т.4. — С.202.
- 85 Легенды об императоре Александре I. — М., — 1991. — С.69-70.
- 86 Барятинский В.В. Царственный мистик. — М., — 1990. — С.11.
- 87 Более подробно см. об этом: Василич Г. Император Александр I и Старец Кузьмич. М., б/г; Тарасов Д.К. Воспоминания моей жизни. — Р. С., — 1871. — Т.4. — С.223-261; — 1872. — Т.5-6. — С.597-645. Бунин П. Легенда о смерти Александра I. — Л., — 1991; Барятинский В.В. Царственный мистик. (Император Александр I — Феодор Козьмич). — М., — 1990; Голомбиевский А. Легенда и история. Р. А., — 1908. — кн.3; Кудряшов К.В. Александр I и тайна Федора Кузьмича. — Пг., — 1923; Кутников И.Н., Денисьев В.И. Легенда и документы о смерти Александра I. — Советские Архивы. — № 3; Любимов Л. «Старец Федор» — миф или факт? Вековая загадка русской истории. — Неделя. — 1965. — № 46; Его же. Тайна старца Федора Кузьмича. В. И. — 1966. — № 1; Михайлов К.Н. Император Александр I. Старец Федор Кузьмич; — СПб., — 1914; Монахов Е.Я. Кто он? Сказание о загадочном Сибирском старце Федоре Кузьмиче. — М., — 1906; Николай Михайлович. Великий князь. Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Козьмича. — СПб., — 1907; К. Г-в. Сибирский замечательный и загадочный старец Федор Кузьмич... — СПб., — 1906; Сказание о жизни и подвигах великого... Федора Кузьмича. — М., — 1894; Существует ли «тайна Федора Кузьмича»? В. и., — 1967. — № 1. Таинственный старец Феодор Козьмич в Сибири и император Александр I. — Харьков. — 1912; Толстой Л.Н. По-смертные записки старца Федора Кузьмича. приложение к журналу «Русское богатство» за 1913 год.
- 88 Барятинский В.В. Царственный мистик. — М., — 1990. — С.126.
- 89 Там же. — С.126-127.
- 90 Легенды об императоре Александре I. — М., — 1991. — С.46.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.	3
Глава первая	
СВЯЗЬ ВРЕМЕН И СУДЕБ	
Новелла первая. Иван и Софья.	9
Новелла вторая. Василий, Соломония и Елена.	20
Новелла третья. Упырь на троне.	35
Новелла четвертая. Федор-Филарет Романов — патриарх всая Руси.	62
Глава вторая	
НАЧАЛО ДИНАСТИИ.	
Новелла пятая. Михаил Федорович и три его избранницы.	80
Новелла шестая. Алексей Михайлович, Милославские и Нарышкины.	90
Новелла седьмая. Софья Алексеевна, князь Василий Голицын и стрелецкий голова Федор Шакловитый.	98
Новелла восьмая. Мужанне орленка.	104
Глава третья	
ПЕТР ВЕЛИКИЙ	
Новелла девятая. Первые шаги в царстве Венеры и в царствах Европы.	111
Новелла десятая. Казни стрельцов и заточение Евдокии.	114
Новелла одиннадцатая. «Всешутейшие и всепьянейшие соборы».	116
Новелла двенадцатая. Девица Анна Монс.	123
Новелла тринадцатая. Марта Трубачева-Скавронская-Веселевская.	126
Новелла четырнадцатая. Служение Амуру и Марсу.	130
Новелла пятнадцатая. Странствия и страдания царевича Алексея.	135
Новелла шестнадцатая. Странствия и наслаждения царя Петра.	143
Новелла семнадцатая. Капкан.	146
Новелла восемнадцатая. Мученица Евдокия и великомученик Степан.	148
Новелла девятнадцатая. Сыноубийство.	154
Новелла двадцатая. Дело Марии Гампльтон.	156
Новелла двадцать первая. Ассамблеи.	158
Новелла двадцать вторая. От Стокгольма до Дербента.	160
Новелла двадцать третья. Виллим Монс.	162
Новелла двадцать четвертая. Последние дни первого императора.	167
Глава четвертая	
ЕКАТЕРИНА I И ПЕТР II	
Новелла двадцать пятая. Придворный калейдоскоп.	171
Новелла двадцать шестая. Спятельные графы Скавронские, Гендриковы и Ефимовские.	176
Новелла двадцать седьмая. Предсмертная конвульсия.	179
Новелла двадцать восьмая. Между похоронами и свадьбой.	180
Новелла двадцать девятая. Крупение полудержавного властелина.	182
Новелла тридцатая. Мотылек над огнем.	184
Новелла тридцать первая. Меж Петербургом и Митавой.	186
Новелла тридцать вторая. Герцогиня Курляндская.	188

Глава пятая

АННА ИВАНОВНА И БРАУНШВЕЙГСКАЯ ФАМИЛИЯ

Новелла тридцать третья. Опала Долгоруких.	192
Новелла тридцать четвертая. Эрнст-Иоганн Бирон.	196
Новелла тридцать пятая. Роскошь и удовольствия.	199
Новелла тридцать шестая. Остерман и Миних.	200
Новелла тридцать седьмая. Артемий Петрович Вольцский.	201
Новелла тридцать восьмая. Анна Леопольдовна и Антон-Ульрих.	206
Новелла тридцать девятая. Заговор.	211
Новелла сороковая. Дочь Петра Великого.	213
Новелла сорок первая. Дворцовый переворот.	220

Глава шестая

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА

Новелла сорок вторая. Награды и милости.	225
Новелла сорок третья. Заботы государственные и династические.	229
Новелла сорок четвертая. Принцесса Фике.	235
Новелла сорок пятая. Будни молодоженов.	238
Новелла сорок шестая. Иван Шувалов, Никита Бекетов, Федор Волков и другие.	241
Новелла сорок седьмая. Рождение наследника.	248
Новелла сорок восьмая. Великая княгиня.	255
Новелла сорок девятая. «Амур» будущей императрицы с будущим королем.	260
Новелла пятидесятая. Опала Бестужева-Рюмина.	263
Новелла пятьдесят первая. Братья Орловы.	266
Новелла пятьдесят вторая. Последний год жизни императрицы.	271

Глава седьмая

ПЕТР III

Новелла пятьдесят третья. Вольность и свобода дворянству.	275
Новелла пятьдесят четвертая. «О, времена! О, нравы!»	279
Новелла пятьдесят пятая. Небезосновательные слухи.	284
Новелла пятьдесят шестая. Кружева заговора.	286
Новелла пятьдесят седьмая. Низложение императора.	291
Новелла пятьдесят восьмая. Переполах в Петергофе, Ораниенбауме и Кронштадте.	294
Новелла пятьдесят девятая. Отречение от престола и арест.	299
Новелла шестьдесятая. Тайное становится явным.	301
Новелла шестьдесят первая. Убийство в Ропше.	303
Новелла шестьдесят вторая. Возвышение убийц и заговорщиков.	309
Новелла шестьдесят третья. Погребение Петра Федоровича.	312
Новелла шестьдесят четвертая. Самозванцы отечественные и иноземные.	313

Глава восьмая

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ

Новелла шестьдесят пятая. Коронация и «пять предметов».	317
Новелла шестьдесят шестая. Григорий Григорьевич Орлов.	323
Новелла шестьдесят седьмая. Эпидемия осы.	328
Новелла шестьдесят восьмая. Европейские дела.	331
Новелла шестьдесят девятая. Черная смерть.	335
Новелла семидесятая. Перемена в Петербурге. Васильчиков.	337
Новелла семьдесят первая. Сердечные дела цесаревича.	341
Новелла семьдесят вторая. Пугачевщина. Шванвич.	344

Новелла семьдесят третья. Григорий Александрович Потемкин.	348
Новелла семьдесят четвертая. Княжна Тараканова.	355
Новелла семьдесят пятая. Петр Васильевич Завадовский.	361
Новелла семьдесят шестая. Смерть цесаревны и второй брак Павла Петровича.	363
Новелла семьдесят седьмая. Тихое пристанище Григория Орлова.	367
Новелла семьдесят восьмая. Семен Гаврилович Зориги.	369
Новелла семьдесят девятая. Иван Иванович Шувалов и барон Апп.	372
Новелла восьмидесятая. Рождение внуков.	373
Новелла восемьдесят первая. Иван Николаевич Римский-Корсаков.	376
Новелла восемьдесят вторая. Александр Дмитриевич Ланской.	379
Новелла восемьдесят третья. Присоединение Крыма.	383
Новелла восемьдесят четвертая. Александр Петрович Ермолов.	386
Новелла восемьдесят пятая. Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов.	388
Новелла восемьдесят шестая. Смольный институт и Катенька Нелидова.	393
Новелла восемьдесят седьмая. Последний фаворит.	396
Новелла восемьдесят восьмая. Тысяча и одна ночь князя Тавриды.	399
Новелла восемьдесят девятая. Воспитание внуков. Женитьба Александра.	409
Новелла девяностая. И вновь братья Зубовы.	415
Новелла девяносто первая. Брак Константина.	418
Новелла девяносто вторая. Кончина Екатерины Великой.	421
Глава девятая	
ПАВЕЛ I	
Новелла девяносто третья. Начало конца.	429
Новелла девяносто четвертая. Аракчеев и Пален.	437
Новелла девяносто пятая. Анна Петровна Лопухина.	441
Новелла девяносто шестая. Великий магистр Мальтийского ордена.	448
Новелла девяносто седьмая. Семейные дела цесаревича.	451
Новелла девяносто восьмая. Заговорщики.	453
Новелла девяносто девятая. Последние шаги к пропасти.	458
Новелла сотая. 11 марта 1801 года.	463
Глава десятая	
АЛЕКСАНДР I	
Новелла сто первая. Неизбывный грех и первые попытки его искупления	470
Новелла сто вторая. Цесаревич Константин – насильник и убийца	477
Новелла сто третья. Император Александр и королева Луиза	479
Новелла сто четвертая. Крещение огнем и причащение кровью	483
Новелла сто пятая. Сердечные истории августейших братьев	485
Новелла сто шестая. Любовь и смерть кавалергарда Алексея Охотникова	490
Новелла сто седьмая. Вторая война с Наполеоном: от Пултуска до Тильзита	492
Новелла сто восьмая. Таинственная мадмуазель Жорж	498
Новелла сто девятая. Последнее свидание Александра с Наполеоном	500
Новелла сто десятая. Екатерина Павловна, князь Багратион и герцог Ольденбургский	502
Новелла сто одиннадцатая. Капун	504

Новелла сто двенадцатая. Великое противостояние	511
Новелла сто тринадцатая. Освобождение Европы	523
Новелла сто четырнадцатая. Мадам Юлиана Крюденер	552
Новелла сто пятнадцатая. Второе пришествие в Париж. “Священный союз”	553
Новелла сто шестнадцатая. Цесаревич Константин между Жозефиной и Жаншеттой	558
Новелла сто семнадцатая. Русский Диоклетиан	561
Новелла сто восемнадцатая. Светлейшая княгиня Иоанна Ловичская	567
Новелла сто девятнадцатая. Бремя короны, становящееся невыносимым	569
Новелла сто двадцатая. Последние недели императора	580
Новелла сто двадцать первая. Посмертные загадки, оставленные Александром	590

Вольдемар Николаевич Балязин

**САМОДЕРЖЦЫ.
ЛЮБОВНЫЕ ИСТОРИИ
ЦАРСКОГО ДОМА**

Книга первая

Редактор М. Жданова
Художественный редактор В. Горин
Технический редактор Л. Бирюкова
Корректор Е. Иванова

OCR - Давид Титиевский, апрель 2017 г., Хайфа

Лицензия ЛР 070099 от 03.09.96 г.
Сдано в набор 10.09.98. Подписано в печать 10.01.99. Формат 84 × 108¹/₃₂.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 31.92.
Тираж 11 000 экз. Изд. № 98-248-ДО. Заказ № 4002. С 973.

Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»
129075 Москва, Звездный бульвар, 23

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленных диапозитивов
в полиграфической фирме «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
103473 Москва, Краснопролетарская, 16

Пока семья Романовых оставалась правящей династией, всякая попытка приподнять завесу над ее тайнами и интимными секретами считалась разглашением государственной тайны или даже изменой Родине. И, таким образом, в отечественной истории возник некий вакуум, который начал заполняться лишь в самые последние годы.

Читатель этой книги окунется в половодье страстей, где царит любовь во всех ее проявлениях – от самых высоких до самых низменных...

5-99

48-00

ISBN 5-224-00173-0

9 785224 001736 >

